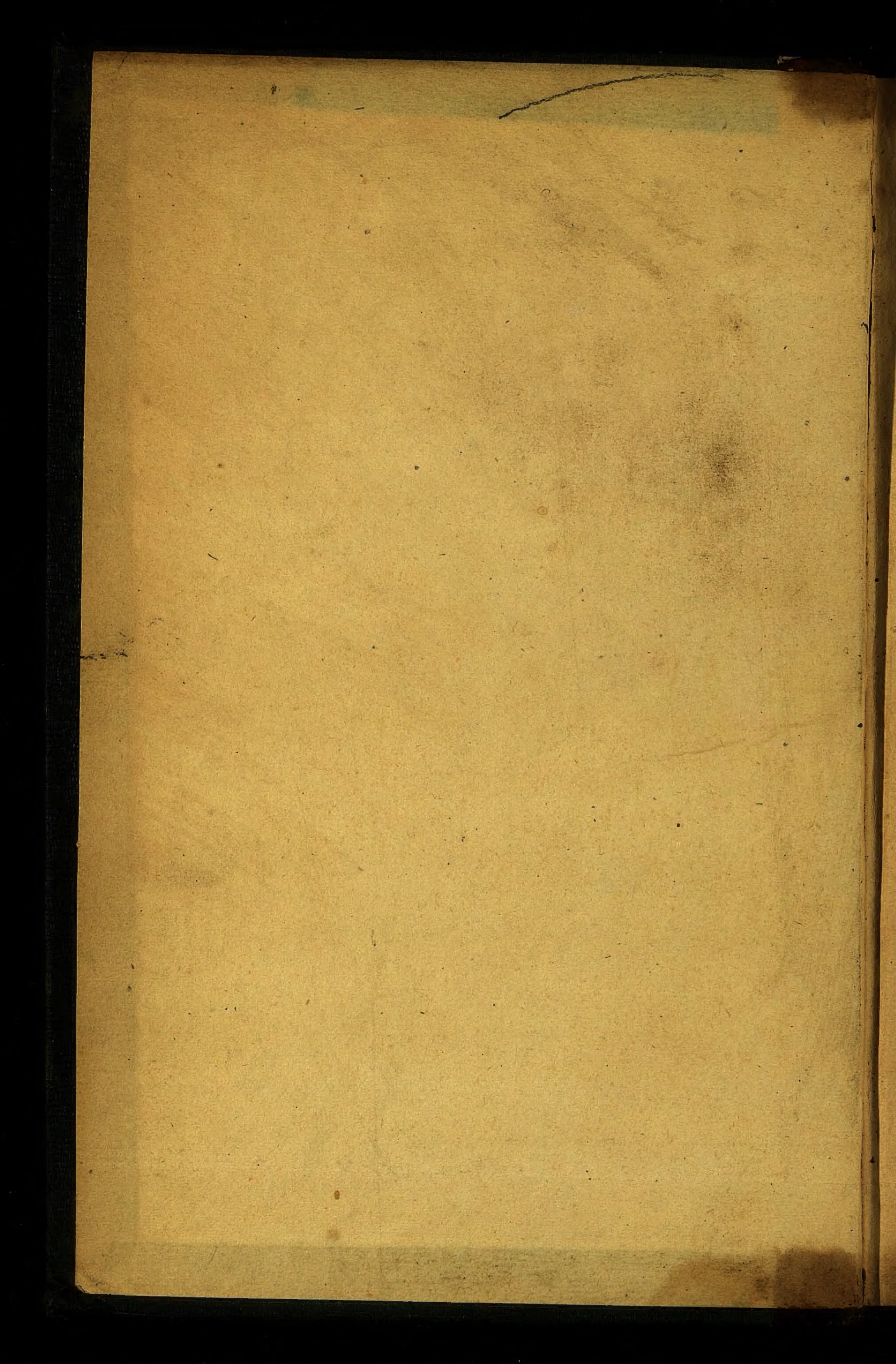

ПРИРОДА И ЛЮДИ

НА

КАВКАЗѢ И ЗА КАВКАЗОМЪ.

ПО РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ, ПОЭТИЧЕСКИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ А. ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА, Я. ПОЛОНСКАГО И УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

Учебное пособіе для учащихся.

СОСТАВИЛЪ

П. НАДЕЖДИНЪ.

Le seul moyen de voir un pays tel qu'il est, c'est de le voir avec ses traditions et ses souvenirs.

CHATEAUBRIAND.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи В. Демакова. Вас. Остр., 9 лин., № 22.
1869.

Содержатель типографіи, Василій Ѳедоровичъ Демаковъ, живетъ въ типографіи.

Издавая въ свѣтъ предлагаемую книгу, я имѣлъ въ виду оказать чрезъ нее помощь учащимся: туземцамъ—при изученіи ими родины, а вообще всѣмъ—при изученіи географіи и этнографіи Кавказа. Какъ ни интересенъ Кавказъ своею поверхностью, флорой, фауной, этнографіей, древними памятниками, развалинами своихъ храмовъ, за̀мковъ, обломками мраморныхъ статуй, колоннъ и другихъ остатковъ зодчества, но съ нимъ вообще знакомо самое незначительное число людей, для большинства же онъ—terra incognita. Причина понятная: свѣдѣнія о Кавказѣ главнымъ образомъ можно почерпнуть изъ источниковъ на иностранныхъ языкахъ; русскихъ переводовъ почти нѣтъ; свѣдѣнія же о Кавказѣ на русскомъ языкѣ отрывочныя; и тѣ разбросаны большей частью по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Собрать по-возможности тѣ и другія и охарактеризовать по нимъ страну—вотъ задача моего труда. Насколько мнѣ удалось выполнить ее—предоставляю судить людямъ, более меня опытнымъ въ этомъ дѣлѣ. Смѣю надѣяться, что заинтересованные въ дѣлѣ педагогіи отнесутся къ моему труду прямо и искренно, оцѣнятъ стремленіе принести посильную пользу учащимся, которые до сихъ поръ оставались въ полномъ почти невѣдѣніи относительно Кавказа.

Составитель книги съ своей стороны заботился сдѣлать все, что только въ состояніи сдѣлать провинціалъ. За полтора мѣсяца его пребыванія въ столицѣ, по дѣлу печатанія книги, кое-что удалось ему изъ своего труда провѣрить, кое-что пополнить, но не все.

Найдутся недостатки, пробѣлы въ моемъ трудѣ, я это и самъ сознаю, завсѣмъ тѣмъ съ величайшей и искренней моей благодарностью приму всѣ указанія на нихъ и постараюсь воспользоваться ими.

За сдѣланныя уже мнѣ нѣкоторыя указанія, за горячее сочувствіе моему труду я долгомъ считаю благодарить моихъ достоуважаемыхъ

сотоварищей по службѣ: Н. В. Горяева и Л. П. Загурскаго. Въ бесѣдахъ моихъ съ первымъ созрѣла мысль объ изданіи предлагаемаго мною труда, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ. Указанія Н. В., особенно ободреніе имъ меня, въ критическія минуты, на дальнѣйшій мой трудъ останутся для меня навсегда памятными.

П. Надеждинъ.

С.-Петербургъ.
1869 г. сентября 23 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Общій характеръ природы и человѣка на Кавказѣ. *А. Висковатова.* (Рус. Вѣст. за 1860 г.) 1

Сѣверный Кавказъ.

Плавни. *И. Попки.* (Черномор. Казаки) 11
Черноморскіе Казаки. *Его же* (Оттуда же) 12
Екатеринодаръ. *Его же* (Оттуда же). 18
Подвиги пластуновъ на Кавказѣ 20
Станица. *Н. Воронова* 23
Нефтяные источники въ Закубанскомъ краѣ. *Ак. Г. Абиха* . . —
Нефть на берегу р. Кудако. *Ф. Ланда* (Изъ Кавк. Медиц. Сборн. за 1866 г.) 24
Кубанскій каменный уголь (Зап. Кав. отд. Рус. Техн. Общ. 1869 г. 26
Утро въ Пятигорскѣ. *Лермонтова* . . . . —
Большой провалъ въ Пятигорскѣ. *Ѳ. Баталина* 28
Кисловодскъ и Нарзанъ. *Его же* 32
Гребенскіе казаки. *Л. Толстаго* (Изъ повѣсти «Казаки» . . . 34
Дядя Ерошка. *Его же* (Оттуда же) 37
Изъ «Валерика» *Лермонтова* 44
Казачья колыбельная пѣсня. *Лермонтова*. 46
Проказа. 47
Изъ кочевой жизни туркменцевъ, обитающихъ въ Ставропольской губерніи. *Н. Вучетича* 48

Кавказскія горы и горцы. Грузія съ древнею Колхидою.

Кавказъ. *Е. П. Ковалевскаго* («Очерки этнографіи Кавказа». Вѣстн. Евр. за 1867 г.) 55

Стран.

Легенда о происхожденіи Кавказскихъ горъ. (Изъ Путешествія по Кавказу *А Дюма*) 57
Кавказъ. *А. Пушкнна* 58
Дербентскій и Владикавказкій проходы. *К. Риттера* 59
Обвалъ. *А. Пушкина* 61
Казбекъ и его обвалъ. *А. Висковатова.* (Рус. Вѣст. за 1865 г.) —
Споръ. *Лермонтова* 66
Эльборусъ и восхожденіе на него: *Кильяра, Радде и Фрешвильда* 69
Восхожденіе Фрешвильда на Казбекъ 75
Кавказскій плѣнникъ. *А. Пушкина* 76
Черкесъ. *Его же.* 77
Бѣглецъ. *Лермонтова* 80
Вліяніе горнаго рельефа на развитіе человѣка. («Природа и люди» *А. Павловскаго*) 83
Народы Западнаго Кавказа: черкесы, абхазы и сванеты. *Е. П. Ковалевскаго* («Очерки Этнографіи Кавказа». Вѣст. Евр. за 1867 г.). . 85
Новороссійская бухта. *И. Кретовича.* (Изъ ст. «Донъ, Крымъ и Кавказъ». Вѣст. Евр. за 1868 г.). 100
Осетины. 101
Чеченцы *А. П. Берже.* (Изъ ст. «Чеченскія племена» Кавк. Кал. 1860 г.). 109
Абрекъ. (Изъ «Отечествовѣденія» *Семенова*) 114
Плѣнницы Шамиля. *Е. Вердеревскаго* 115
Дагестанская природа въ маѣ мѣсяцѣ. *А. Марлинскаго* . . . 125
Вліяніе шаріата на жителей Дагестана . . . . —
О правахъ и обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ. *Львова.* . . . 129
Скачка и джигитовка въ Дагестанѣ. *А. Марлинскаго* . . 138
Мусульманская школа. *Абдулла-Омаръ-Оглы* (Изъ Сбор. свѣд. о кавк. нар. 141
Переѣздъ чрезъ Кавказскія горы. *Лермонтова* 144
Терекъ и Грузія. *Лермонтова.* 151
Изъ путешествія въ Арзерумъ *А. Пушкина* 156
Отъ Коби до Тифлиса. Тифлисъ. *И. Кретовича* (Изъ ст. «Донъ, Крымъ и Кавказъ». Вѣст. Евр. 1868 г.) 164
Грузины. *Н. Дубровина.* «Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи». Вѣст. Евр. за 1868 г.). 171
Сатаръ. *Я. Полонскаго* 183
Уста-башъ 184
Кахетія 186
Орошеніе полей въ Грузіи. Маріинскій ирригаціонный каналъ въ Караязской степи 191
Тушины, пшавы и хевсуры 195

Стран.

Боржомское ущелье, Вардзіа и Уплисъ-цихе. (Кавк. 1852 г.) . 203
Абасъ-Туманъ. Д-ра *М. Скорова.* (Изъ Кавк. Медиц. Сборн. 1866 г.) 207
Переѣздъ чрезъ Сурамскія горы. Ріонская равнина. 209

Арменія и прикаспійскій край.

Географическое и топографическое обозрѣніе Арменіи (въ границахъ русскихъ). *Ив. Шопена* (Истор. памят. сост. Армянс. области...) . . 223
Араратъ. *Щуровскаго* («Геологич. очерки Кавказа». Рус. Вѣстн. за 1862 г.) 225
Гёг-чайское озеро. *Ив. Шопена.* (Истор. памят. сост. Арм. обл.. 230
Источникъ св. Іакова (въ горахъ Сурмалинскаго магала, по правую сторону Аракса). *Ив. Шопена.* (Оттуда же). 231
Кульпинская и Нахичеванская солеломни 232
Армяне. *По Гаксгаузену* 235
Армяно-Католики и Григоріане. *Г. Дюлоріе.* 240
Эчміадзинъ 244
Ани. *А. Н. Муравьева* (Грузія и Арменія). 249
Кегартъ или Айриванкъ. *Его же.* (Оттуда же). 252
Джульфа. *Изъ Дюбуа де-Монперё* 254
Курды 257
Муганская степь. Д-ра *Н. Торопова* (Кав. Кал. 1864 г.). . . 261
Отъ Дербента къ Кубѣ. *Его же.* (Опытъ мед. геогр. Кавказа). 269
Кавказская стѣна. *А. Марлинскаго* 272
Г. Баку и окресности его: Волчьи ворота и Бакинскіе огни. *А. Дюма.* (Изъ Путешествія его по Кавказу) 277
Бакинскіе огни и сальзы. *Гартвига.* (Чудеса подзем. міра) . . 280
О нефтяномъ промыслѣ на Кавказѣ. *И. Штеймана* 283
Шемахинское землетрясеніе 1869 г. *Ак. Г. В. Абиха* . . . 286
Божій промыслъ. *С. В. Максимова.* («Путев. Замѣт. за Кавказомъ». Отеч. Зап. за 1867 г.) 289
Шелководный промыселъ на востокѣ Закавказск. края. *Н. А. Райко* 298
Русскіе сектанты за Кавказомъ:
Духоборы и молоканы, общіе, прыгуны и пр. *С. В. Максимова.* (Изъ Путевыхъ замѣт. за Кавказомъ. «Отеч. Запис.» и «Дѣло» за 1867 г.) 305
Анненфельдъ 310
Годовикъ или персидская болѣзнь въ Елисаветополѣ Д-ра *М. Скорова* 314
Прощаніе съ Каспіемъ. *А. Марлинскаго* 317

Изъ исторіи Кавказа и Закавказья.

Возстаніе Гайка, сраженіе съ Бэломъ и смерть его. *Моисея Хоренскаго* 321

Стран.

Св. Григорій Просвѣтитель Арменіи. *По Муравьеву* 323

Св. равноапостольная Нина. *По Муравьеву* 326

Изобрѣтеніе армянскаго алфавита. Переводъ Библіи на армянскій языкъ. О словесности армянской вообще. *Ив. Шопена* 329

Мхитаръ. *А. Худабашева* 332

Тамара 334

Разореніе Тифлиса и его окрестностей Ага-Магометъ-ханомъ. («Георгій XII, послѣдній царь Грузіи») *Н. Дубровина*. 339

Начало русскаго владычества за Кавказомъ. Павелъ Димитріевичъ Цициановъ. *Е. Ѳеоктистова*. (Рус. Вѣст. за 1867 г.) 344

Нерсесъ V, верховный патріархъ и католикосъ всѣхъ армянъ . 359

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ 365

Мюридизмъ и его предводители. 377

Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ 391

Послѣдніе годы борьбы русскихъ съ горцами на Западномъ Кавказѣ. *А. Лилова*. 401

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВѢКА НА КАВКАЗѢ.

Половина Кавказа состоитъ изъ двухъ странъ совершенно противоположнаго характера—изъ непрерывной равнины и полосы непрерывныхъ горъ. Начиная съ границъ Саратовской губерніи и земли Войска Донскаго, до окрестностей главнаго Кавказскаго хребта, край представляетъ равнину, только изрѣдка пересѣкаемую невысокими горными цѣпями, не превышающими горъ средней Россіи. Равнина эта раздѣляется на двѣ полосы, различныя между собою по своей природѣ: первая полоса, начинающаяся съ сѣверныхъ границъ, доходитъ къ югу до рѣкъ Кубани, Лабы, Малки и Терека, простираясь по теченію ихъ до береговъ морей.

Все это огромное пространство представляетъ степь въ полномъ значеніи слова; ровная плоскость пересѣкается лишь рѣдкими возвышеніями или глубокими балками (оврагами). Лѣсу здѣсь нѣтъ; только небольшія рощи находятся въ окрестностяхъ Ставрополя и по берегамъ рѣки Кумы; бывшіе лѣса вырублены давно на постройку станицъ и для удаленія горцевъ. Вода тоже рѣдкость въ этой степи: пять или шесть небольшихъ рѣчекъ: Егорлыкъ, Ташла, Мамайка и пр., тихо пробѣгающія по равнинѣ, мѣстами пересыхаютъ лѣтомъ, и многіе изъ жителей довольствуются водой, сохраняемою въ запруженныхъ съ весны балкахъ. На сѣверной границѣ находятся озера, но вода въ нихъ соленая или дурная. Только одна значительная рѣка Кума протекаетъ по степи: по ней растутъ небольшіе лѣса, по ней населено много станицъ; но эта рѣчка, истощенная сухостью почвы и воздуха, не оживляемая притоками, умираетъ въ камышахъ и пескахъ, не дойдя до моря. Вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ и недостатка водъ, дожди здѣсь рѣдки, засуха—бичъ степи. Почва земли, состоящая изъ глинистаго легкаго чернозема, суха, тверда, но плодородна и при дождяхъ даетъ хлѣбъ и травы въ изобиліи*).

*) За исключеніемъ солончаковъ, встрѣчающихся въ сѣверной части, и каменистаго и несчанаго грунта въ окрестностяхъ горныхъ возвышеній.

Климатъ этой полосы близокъ къ климату Екатеринославской и Херсонской губерній, а мѣстами даже нѣсколько суровѣе; зимою здѣсь бываетъ больше 20° мороза съ вьюгами и мятелями, и санный путь держится съ декабря до начала марта; лѣто знойно, и постоянно воздухъ, не освѣжаемый присутствіемъ лѣсовъ и воды, нагрѣвается слишкомъ до 30° тепла, изсушая траву въ степи дотого, что она распадается пылью и, при поднявшемся вѣтрѣ, несется облакомъ на далекое пространство. Въ Кавказской области могутъ быть всѣ произрастенія южной Россіи: пирамидальная тополь, каштанъ, грецкій орѣхъ; въ оставшихся лѣсахъ и рощахъ находятся: дубъ, чинаръ, вязъ, боярышникъ (crategus), колючій кустарникъ и плодовыя деревья—груша, терпъ, черносливъ, яблоки, черешни и орѣшникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, къ югу, растетъ и вызрѣваетъ въ садахъ виноградъ, лозы котораго закрываются на зиму только соломою.

По ручьямъ и рѣчкамъ разсѣяно рѣдкое населеніе области. У сѣверныхъ границъ кочуютъ калмыки съ своими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами тощихъ лошадей; осѣдлые жители состоятъ изъ линейныхъ казаковъ, крестьянъ государственныхъ имуществъ и ногайцевъ; на юго-востокѣ, ближе къ берегамъ Каспійскаго моря, живутъ полукочевые кара-ногайцы.

Промышленность находится здѣсь только на первой ступени развитія; бѣдное хлѣбопашество и бѣдное скотоводство составляютъ единственный промыселъ жителей, какъ русскихъ, такъ и азіатцевъ. Ногайцы пашутъ землю и имѣютъ скотъ только для собственной потребности. Русскіе, по трудности сбыта хлѣба, тоже имѣютъ самую незначительную запашку. «Земля велика и обильна», но жители дремлютъ въ патріархальномъ довольствѣ и степь остается нетронутымъ матеріаломъ, глыбой мрамора, ожидающею руки мастера.

По мѣрѣ приближенія къ югу, край теряетъ характеръ степи. Съ окрестностей Георгіевска и Пятигорска мѣстность становится живѣе; отдѣльныя рощи и небольшіе лѣса разнообразятъ виды; невысокія горныя цѣпи, ручьи и рѣчки встрѣчаются чаще; климатъ умѣреннѣе. Почва земли становится разнообразна; въ окрестностяхъ горныхъ цѣпей преобладаетъ каменистый и песчаный грунтъ, мѣстами попадается иловатый грунтъ и мѣстами толстый слой превосходнаго чернозема, дожди перепадаютъ чаще, пшеница и всякій хлѣбъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полосъ по окрестностямъ горныхъ цѣпей, родится здѣсь превосходно; народонаселеніе становится гуще, жизни и движенія больше. По военно-грузинской дорогѣ находятся многолюдныя станицы, бывшія даже городами: Александровская, Георгіевская, Екатериноградская, и въ сорока верстахъ отъ дороги находится Пятигорскъ, съ неисчислимымъ богатствомъ своихъ минеральныхъ водъ. Отъ Георгіевска къ югу начинается Кабарда, гдѣ вмѣстѣ съ кабардинцами живетъ и племя абазинцевъ.

Вторая полоса кавказской равнины простирается по подножію главнаго хребта, начиная съ окрестностей Чернаго моря, до береговъ Каспійскаго и представляетъ обширную долину, защищаемую съ сѣвера множествомъ невысокихъ горныхъ отроговъ, идущихъ то параллельно съ главнымъ хребтомъ, то по теченію большихъ рѣкъ: Лабы, Малки, Терека, Сунжи, въ разныхъ

направленіяхъ. Долина эта, въ восемь сотъ верстъ длины, мѣстами очень узка, не шире тридцати и сорока верстъ. Природа щедро надѣлила ее своими дарами; плодородная почва роскошныя травы и теплый климатъ ея напоминаютъ преріи Миссиссиппи. Кавказская степь превращается здѣсь въ неизмѣримый паркъ, обнесенный вмѣсто ограды съ юга Кавказскимъ хребтомъ, съ сѣвера большими рѣками, съ востока и запада двумя морями. Съ горъ сбѣгаютъ въ эту долину большія рѣки и сотни малыхъ ручьевъ и рѣчекъ, освѣжающихъ теплый воздухъ; лѣса, рощи и отдѣльныя группы деревъ, между которыми встрѣчаются столѣтніе дубы и чинары, украшаютъ мѣстность; задній фонъ составляетъ линія горъ, съ вѣчно-снѣговыми вершинами, съ базальтовыми и гранитными громадами и безконечными лѣсами по своимъ отрогамъ.

Климатъ этой полосы близокъ къ климату южныхъ береговъ Крыма; но земля, вслѣдствіе близости снѣговыхъ горъ, нѣсколько суровѣе, на высокихъ плоскостяхъ и здѣсь бываетъ до 20 град. мороза. Лѣса наполнены фруктовыми деревьями, яблонями, черносливомъ, шелковицею, кизилемъ, виноградникомъ; мѣстами встрѣчается дикій хлопчатый кустарникъ; въ садахъ, на вольномъ воздухѣ, растутъ абрикосы, персики (закрываемые на зиму соломой), черешня, превосходныя груши-бергамоты. Почва земли состоитъ преимущественно изъ глинистаго или чистаго чернозема, съ примѣсью камня въ окрестностяхъ горъ, и пахана только въ немногихъ мѣстахъ; все остальное восьми-сотъ—верстное пространство новь, вѣроятно, не тронутая съ сотворенія міра. Отъ присутствія снѣговыхъ горъ, лѣсовъ и обильныхъ водъ дожди здѣсь часты, и всѣ роды хлѣба даютъ неслыханные у насъ урожаи; травы лучшихъ сортовъ вырастаютъ мѣстами въ человѣческій ростъ.

Народонаселеніе этой полосы нѣсколько гуще, чѣмъ въ первой; но сравнительно съ пространствомъ оно еще очень слабо. Линейные казаки ближайшихъ къ горамъ станицъ владѣютъ землею безъ счета десятинъ, и горцамъ, выселяющимся на наши границы, земля назначается тоже не десятинами, но пространствами отъ такого-то мѣста до другого; еслибы половина населенія горъ сошла вдругъ въ эту долину, то и тогда земли достало бы всѣмъ надолго.

Населеніе этой полосы (Кубанской и Терской областей) разнообразно: линейные казаки поселены большими станицами на Терекѣ, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани и Лабѣ; небольшое число армянъ и грузинъ живутъ по городамъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Владикавказѣ; находятся чеченцы; рядомъ съ ними племя назрановцевъ, потомъ кисты, ингуши, осетины, кабардинцы, абазинцы, ногайцы, натухайцы и пр.

Третья полоса — горная, занимаемая во всю ширину и длину Кавказскимъ хребтомъ. О ней нѣтъ возможности сказать что-нибудь общее; здѣсь безконечное разнообразіе природы, ея произведеній и жителей. Въ горахъ на каждомъ шагу другой климатъ, другая природа и населеніе. Низменныя долины и широкія ущелья, защищаемыя отъ ближайшихъ снѣговыхъ горъ гигантскими стѣнами утесовъ, наслаждаются теплымъ климатомъ Грузіи; въ пяти верстахъ на высокой плоскости—климатъ нашихъ сѣверныхъ губерній;

еще выше встрѣчаемъ природу Сибири, съ зимними стужами, мятелями и глубокими снѣгами. Также разнообразна и почва земли, съ своими произведеніями, то каменистая, болотистая и тощая, то песчаная или покрытая плодороднымъ слоемъ чернозема, то состоящая изъ валуновъ, нанесенныхъ горными потоками, или камней, набросанныхъ обвалами. На днѣ тѣсныхъ ущелій и по ребрамъ стремнинъ мѣстами нѣтъ никакой растительности, не растетъ даже трава; туда заглядываетъ солнце только на три, на четыре часа въ день. По выходѣ изъ этихъ ущелій, верстъ черезъ пять, шесть, встрѣчаются долины Швейцаріи съ роскошною травой и цвѣтами, украшенныя рощами пирамидальныхъ тополей, дубовъ и чинаръ, между которыми стремятся съ горъ сотни ручьевъ и шумятъ водопады.

Горный хребетъ простирается въ ширину отъ 50 до 120 верстъ и тянется въ длину на 1,200 верстъ пятью грядами, расположенными совершенно правильно и симметрично. Сѣверная крайняя гряда состоитъ вся изъ низшихъ горъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ; параллельно съ нею идетъ гряда горъ высшихъ, базальтовыхъ, гранитныхъ, шиферныхъ, крутыхъ и обрывистыхъ, съ тощею растительностью; въ срединѣ возвышаются вѣчно-снѣговыя горы; по другую сторону ихъ опять тянется гряда горъ гранитныхъ и шиферныхъ, и потомъ низшія, лѣсистыя, составляющія сѣверную границу Закавказскаго края. Только по концамъ горной цѣпи, въ Дагестанѣ и Абхазіи, правильность эта нарушается, и горы сплошными массами, въ безпорядкѣ, напираютъ на морскіе берега. Такимъ образомъ, Кавказская область отдѣляется отъ Закавказскаго края пятью исполинскими стѣнами. Между грядами, правильно идущими съ сѣверо-запада на юго-востокъ, встрѣчаются сотни отдѣльныхъ горъ, расположенныхъ по всѣмъ направленіямъ и образующихъ безчисленныя ущелья, долины и возвышенныя плоскости. Эти промежуточныя горы, дикія и скалистыя или покрытыя лѣсомъ, производятъ безконечное разнообразіе климата и природы горныхъ мѣстъ: онѣ то запираютъ выходъ холодному горному воздуху, то защищаютъ отъ него низменныя мѣста, то выставляютъ ихъ на полуденное солнце.

Раздвинувшаяся степь какъ будто потѣснила горы и сжала ихъ. Море, покрывавшее въ первобытное время Россію, удаляясь къ югу, сдвигало къ Кавказу землю, песокъ и камни, которые должны были остановиться на вулканическихъ возвышеніяхъ Кавказа. На югъ въ Закавказскомъ краѣ горы раскинулись шире, заняли всю западную его сторону и соединились съ отраслями Тавра.

На всемъ пространствѣ на 1,200 в., занимаемыхъ кавказскими горами, сколько извѣстно, нѣтъ ни одной большой долины, ни одного сколько-нибудь значительнаго озера, какъ напр. въ Швейцаріи, Шотландіи и другихъ горныхъ странахъ: такъ тѣсно сдвинуты кавказскія горы. А между тѣмъ Швейцарія—только уголокъ кавказской горной области, и высота главныхъ вершинъ ея достигаетъ высоты только второстепенныхъ кавказскихъ горъ.

Эту сжатость кавказскихъ горъ должно считать причиной того, что онѣ не даютъ начала ни одной значительной судоходной рѣкѣ, несмотря на свое большое

протяженіе и высоту снѣговыхъ вершинъ, тогда какъ изъ горъ Швейцаріи вытекаетъ Рона, Рейнъ и пр. Терекъ и Кубань, самыя большія рѣки Кавказской области, судоходны только въ немногихъ мѣстахъ, а лѣтомъ на нихъ образуется множество бродовъ; устья ихъ мелки и занесены пескомъ, валунами и мхомъ.

Въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ горы распространились шире, Ріонъ, Кура и Араксъ могутъ быть судоходны на большихъ разстояніяхъ.

Естественныя богатства горъ намъ далеко неизвѣстны. Можетъ быть современемъ тамъ найдутся и серебряные, и золотые рудники, и драгоцѣнные камни: признаки разныхъ рудъ и преданіе о нихъ существуютъ между горцами издавна, и во многихъ мѣстахъ присутствіе свинцовыхъ серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ уже доказано. Нѣкоторые изъ жителей льютъ пули изъ своей мѣди и своего свинца; а преданія о золотомъ рунѣ Колхиды, нынѣшней Мингреліи и Имеретіи, невольно возбуждаютъ большія надежды на ископаемыя богатства кавказскихъ горъ. Присутствіе сѣрнаго колчедана въ окрестностяхъ Эльбруса доказывается тѣмъ, что многіе горцы дѣлаютъ порохъ изъ своей сѣры. Глыбы, цѣлыя скалы гранита, превосходнаго зеленаго и краснаго порфира, разноцвѣтный мраморъ и горный хрусталь набросаны грудами на днѣ ущелій и долинъ. Множество источниковъ минеральной воды, разныхъ свойствъ, находится въ горахъ. Сколько извѣстно, въ цѣломъ мірѣ не встрѣчается такого богатства минеральныхъ водъ на такомъ маломъ пространствѣ, какъ въ Пятигорскѣ и его окрестностяхъ; но въ горахъ многіе ключи нарзана и другихъ водъ сильнѣе извѣстнаго кисловодскаго и пятигорскихъ источниковъ. Нефтяные колодцы неисчерпаемы въ Кубанской области и Бакинскомъ уѣздѣ; въ Чечнѣ, на Кубани и во многихъ другихъ мѣстахъ пріиски каменнаго угля тоже обѣщаютъ богатство.

Растительное царство горной полосы, можетъ быть, не такъ разнообразно, но не менѣе богато.

Въ горныхъ долинахъ можетъ хорошо расти пшеница, сарачинское пшено, но жители сѣютъ только просо и немного ячменя и кукурузы.

Къ этому должно прибавить богатство пушныхъ звѣрей, хотя богатство это самое непрочное и непродолжительное. Въ настоящее время, при маломъ населеніи горъ, куницы, чернобурыя лисицы, бѣлки, выдры, медвѣди черные и бурые, населяютъ лѣса и ущелья, а въ нѣкоторыхъ, особенно глухихъ мѣстахъ, водятся даже бобры. Барсы и гіены часто посѣщаютъ горы, и нерѣдко въ долинахъ является, съ береговъ Аракса, огромный царскій тигръ (tigre regal). Волки, шакалы, лисицы, олени, разныхъ породъ дикія козы, кабаны и зайцы водятся здѣсь въ страшномъ количествѣ; на вершинахъ каменистыхъ утесовъ живетъ туръ, кавказскій дикій козелъ; по сторонамъ Эльбруса попадаются животныя прежняго времени—зубры. Особенное богатство всякаго рода дичи находится въ камышахъ, по устьямъ Кубани, Кумы и Терека.

Но какъ богата эта природа, такъ бѣдны жители. Бѣдность, даже нищета цѣлыхъ горныхъ племенъ есть слѣдствіе ихъ первобытной дикости, крайней степени невѣжества и первой причины всего—не умолкавшей войны. Хотя

война съ русскими имѣла непосредственно вліяніе только на чеченцевъ и немногія другія племена, но она препятствовала сближенію всѣхъ остальныхъ горцевъ съ нами и заставляла ихъ упорно держаться въ неприступныхъ мѣстахъ, препятствовала развитію между ними всякаго промысла. Жители средины горъ живутъ ни мало не лучше чеченцевъ; ходятъ въ рубищахъ, тѣснятся въ полуразвалившихся сакляхъ, сложенныхъ изъ булыжника, или въ землянкахъ, похожихъ на логовище звѣрей; довольствуются полусырыми просяными лепешками и козьимъ молокомъ, и не имѣютъ даже понятія о другой жизни. По мѣрѣ приближенія ауловъ къ плоскости, жители ихъ становятся не такъ дики и нѣкоторыми ремеслами занимаются съ успѣхомъ. Между тѣмъ, средства природы изобильны; въ срединѣ горъ точно также можно имѣть стада овецъ, табунъ лошадей, клочокъ доброй пахатной земли, или выдѣлывать съ такимъ же искусствомъ сукно изъ козьяго пуха (лезгины примѣръ тому), или сафьянъ, галуны и пр. Жителямъ высокихъ мѣстъ, гдѣ не растетъ хлѣбъ, можно вымѣнивать его на лѣсъ, уголь, мѣха, рукодѣлья. Мѣста въ горахъ много, въ чемъ легко убѣдиться, проѣзжая по горнымъ дорогамъ и въ цѣлый день ѣзды встрѣтивъ два-три небольшіе аула и нѣсколько отдѣльныхъ саклей на вершинахъ обрывистыхъ горъ, тогда какъ многія плодоносныя долины и плоскости заняты единственно стадами оленей и дикихъ козъ. Только большіе и сильные аулы находятся въ долинахъ, не боясь нападеній хищныхъ сосѣдей и этимъ большимъ ауламъ дѣйствительно мало мѣста и для пашни, и для пастбищъ. Теперь когда въ горахъ наступилъ миръ и безопасность, большіе аулы будутъ разселяться, и земли будетъ много для всѣхъ.

Всѣ знающіе Кавказъ согласны, что вообще населеніе горъ и линіи, какъ русское, такъ и туземное, состоитъ изъ народа, замѣчательно способнаго и бодраго. Нельзя не любоваться, смотря на дѣятельность, трудолюбіе и проворство линейныхъ казаковъ; русская натура проявила въ нихъ многія свои хорошія стороны, почему-то скрывающіяся при другомъ положеніи и при другихъ обстоятельствахъ; и самое переселеніе, и жизнь вблизи непріятеля, и вся эта новая среда развили въ казакѣ-переселенцѣ энергію, пробудили отъ сна силы духа и много образовали его. Несмотря на недостатокъ времени и на то, что часто въ рабочую пору казакъ отрывается отъ пашни и скачетъ на сборное мѣсто для предупрежденія набѣга, хозяйство его не хуже, чѣмъ у крестьянина государственныхъ имуществъ. По малому числу городовъ на линіи и отсутствію мануфактурныхъ товаровъ, казакъ долженъ изготовить для себя все самъ: и соху, и борону, и телегу, и холстину, и кожу; даже оружіе—кинжалъ, шашку и ружье—онъ дѣлаетъ самъ или передѣлываетъ изъ стараго; на базарахъ всего этого мало; заниматься выдѣлкой этихъ предметовъ въ значительномъ количествѣ, на продажу, никому нѣтъ времени. И надобно прибавить, что все, сдѣланное казакомъ, очень хорошо, по крайней мѣрѣ прочно, чисто, исправно. Много нужно смѣтливости, проворства, даже энергіи, чтобы умѣть такъ извернуться, какъ иногда приходится линейнымъ казакамъ.

Въ нѣкоторыхъ племенахъ туземцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ мы давно знаемъ, особенно въ кабардинцахъ, нельзя не видѣть готовности и склонности принять всякое полезное нововведеніе. Просвѣщеніе проникало къ нимъ и укоренялось съ низшихъ ступеней и потому шло очень медленно. Они учились хозяйству у стоявшихъ на квартирахъ солдатъ и у линейныхъ казаковъ, и усвоили себѣ что могли. Кабардинцы и абазинцы стали сѣять разный хлѣбъ, вмѣсто одного своего проса; иные завели даже плуги; сакли и усадьбы ихъ улучшились и вообще все хозяйство многихъ кабардинцевъ стало приближаться къ русскому. Это—замѣчательная черта въ поклонникахъ исламизма, упорно отвергающихъ все, что происходитъ отъ невѣрныхъ, и всякое не мусульмальнское ученіе.

Кавказскія племена настолько умны, что не могутъ навсегда остаться слѣпыми фанатиками; ученіе Магомета, несмотря на проповѣдь имамовъ и ихъ миссіонеровъ, пустило не глубокіе корни въ горахъ, даже въ самой Чечнѣ и Дагестанѣ, гдѣ постоянно больше тридцати лѣтъ пребывали имамы. Природа не обдѣлила горцевъ душевными качествами; сквозь кору дикости и крайней степени невѣжества почти въ каждомъ горцѣ можно видѣть прямой и живой умъ; въ жизни хищнической можно замѣтить присутствіе чувства и даже гуманной души. Это хищничество только наростъ, пріобрѣтенный воспитаніемъ, обстоятельствами и всѣмъ образомъ жизни; въ натурѣ же горца много ума и чувства, много мужества и силы характера; при извѣстныхъ условіяхъ, качества эти должны были, конечно, образовать того хищнаго, смѣлаго и ловкаго горца, какимъ мы видимъ и знаемъ его давно. Но оторванный отъ своего міра и воспитанный въ мірѣ европейскомъ горецъ представляетъ намъ человѣка способнаго, энергическаго, съ умомъ и чувствомъ. Честолюбіе и славолюбіе, говоря о горцахъ вообще, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ ихъ характера и были едвали не главною причиной враждебныхъ отношеній ихъ къ Россіи, ихъ безразсчетныхъ набѣговъ и мужественнаго сопротивленія страшной силѣ. Не для одного грабежа, не изъ корысти только собиралась партія въ набѣгъ, или одинъ хищникъ подстрѣливалъ изъ-за куста путешественника,—нѣтъ, предводители партій, въ сильныхъ рѣчахъ, говорили объ отцахъ и дѣдахъ, со славой воевавшихъ съ гяурами, о подвигахъ ихъ братьевъ, оставившихъ головы на русской землѣ, о томъ, что разскажутъ о нихъ въ аулахъ сосѣднихъ племенъ старики и красавицы. Великій поэтъ, только заглянувъ на Кавказъ, подмѣтилъ эту черту характера горцевъ.

Почему такъ долго держались противъ насъ чеченцы, терпѣли и голодъ, и крайнюю нужду, умирали и посылали дѣтей на смерть? Намъ кажется, не изъ одной покорности Шамилю и его проповѣдникамъ, не изъ слѣпой ненависти къ гяурамъ, не изъ жажды грабежа, какъ думаютъ многіе,—нѣтъ, изъ желанія независимости, по естественному побужденію народа, отстаивающаго свою свободу, изъ чести и славы.

Мусульманской нетерпимости и ненависти къ гяурамъ, которую имъ старались внушить имамы, положительно нѣтъ между горцами. Мы для нихъ гяуры только потому, что, вынужденные ихъ безпокойнымъ сосѣдствомъ, по-

шли на нихъ войною. Между племенами средины горъ многія имѣютъ очень слабое понятіе объ ученіи Магомета; есть чистые идолопоклонники, и есть не имѣющія никакой религіи и готовыя принять ученіе Христово. Обращеніе осетинъ въ христіанскую вѣру не представляло никогда затрудненій, и шло бы очень успѣшно при большемъ усердіи нашихъ проповѣдниковъ.

Натура горца богата и полна; самое нѣжное и тонкое чувство пробивается иногда сквозь грубую оболочку, нароставшую на племенахъ горъ втеченіе десятковъ вѣковъ. Чувство изящнаго и поэзіи нетолько не чужно ему, но, напротивъ, составляетъ принадлежность его природы и, можно сказать, въ замѣчательной степени. Горецъ изященъ въ своей оборванной черкескѣ, въ косматой шапкѣ и буркѣ; онъ стоитъ и ходитъ ловко и живописно, говоритъ безъ жестовъ и интонацій европейскаго простолюдина; манеры его просты и часто безупречны. Многія издѣлія горцевъ отличаются изяществомъ вкуса; превосходная работа галуновъ, выдѣлка сафьяна и кожи, конская сбруя и разныя украшенія на оружіи, все совершенство этихъ издѣлій — не плоды образованія и развитія, но единственно слѣдствіе натуры горца. Все это дѣлается со вкусомъ и стараніемъ не изъ разсчета, не на продажу, но для удовлетворенія собственнаго чувства. Стоитъ сравнить работу горца съ работой нашихъ крестьянъ или даже нашихъ городскихъ мастеровыхъ, чтобъ убѣдиться въ дарованіяхъ горцевъ.

Послѣ перваго знакомства, мирные, обрусѣвшіе горцы покажутся людьми слишкомъ практическими и слишкомъ положительными, разсчетливыми, даже жадными къ прибыли; но такое заключеніе будетъ ошибочно: натура ихъ, какъ сказано, богата и полна. Горцы съ жадностью слушаютъ и легко перенимаютъ мотивы музыки, и русской народной, и европейской. Россини, Моцартъ, Беллини могутъ заставить горца простоять на мѣстѣ неподвижно цѣлый часъ. Они не турки и не китайцы, которымъ больше нравится настройка музыкальныхъ инструментовъ, нежели сама музыка. Поэзія ихъ пѣсенъ похоронныхъ, предсмертныхъ, воинственныхъ и страдныхъ, извѣстна намъ по нѣкоторымъ переводамъ; а увлеченіе, съ которымъ предаются они всякому чувству, дружбѣ, любви, мщенію, даже чувству къ своему коню, показываютъ вовсе не разсчетливую и исключительно положительную натуру. Нельзя не упомянуть и общей горцамъ черты: увлеченія и вниманія къ гостю, который считается у нихъ особой священною, требующею заботы и попеченія.

Все сказанное относится ко всѣмъ племенамъ горъ вообще, и хотя горы населены множествомъ племенъ, совершенно различныхъ между собою и по происхожденію, и по языку, но общихъ физическихъ и нравственныхъ чертъ между ними много. Это происходитъ отъ одинаковыхъ условій мѣстности, климата и вообще всей природы горъ такъ же, какъ и отъ однихъ и тѣхъ же условій ихъ быта и жизни. Кавказъ издавна былъ большою дорогой для народовъ, проходившихъ изъ Азіи въ Европу и обратно, и вѣроятно каждый изъ этихъ народовъ оставилъ часть своего кочевавшаго населенія; слѣды ихъ незамѣтны теперь никому, но можно быть увѣрену, что какое-нибудь племя горъ оставлено здѣсь скиѳами, другое — половцами, хозарами, болга-

рами, или гуннами, монголами. Можетъ быть, близкое знакомство укажетъ намъ разницу въ характерѣ и всей натурѣ чеченца, кабардинца и пр.; но теперь мы знаемъ только общія сходныя черты: иныя изъ этихъ племенъ болѣе способны принять гражданственность, другія менѣе, но отъ всѣхъ можно ожидать многаго на поприщѣ промышленности и торговли. Когда жители увѣрены будутъ въ безопасности лицъ и собственности и когда усядутся на своихъ мѣстахъ, тогда малѣйшая помощь быстро подвинетъ впередъ кавказкое населеніе.

— —

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ.

ПЛАВНИ.

Подаваясь внизъ по теченію р. Кубани, къ Ахданизовскому лиману, вы погружаетесь въ самую глубину плавней *) и находитесь въ участкѣ линіи, самомъ неудобномъ для обезпеченія отъ опасности. Напрасно взоръ вашъ, измученный мрачнымъ однообразіемъ узкой дорожной просѣки, ищетъ простора, или предмета, на которомъ могъ бы онъ отрадно остановиться и отдохнуть. Дремучій, безвыходный камышъ! При иномъ поворотѣ, лѣниво подползетъ къ дорогѣ узкій ерикъ, дремлющій въ своемъ заглохшемъ ложѣ, подъ одѣяломъ изъ широкихъ листьевъ водянаго лопушника, водяной лиліи и фіалки,—либо протянетъ къ вашему стремени свои усохшія, искривленныя вѣтви чахлая ветла, словно увѣчный, покинутый товарищами путникъ. Молитъ онъ проѣзжаго о помощи, а проѣзжій... какъ бы только самому скорѣе проѣхать. Гдѣ мелькнетъ дикая коза и перебѣжитъ фазанъ, гдѣ-гдѣ покажется высокая пика разъѣзднаго казака, молчаливаго, безстрастнаго и угрюмаго, какъ окружающая его мѣстность. Глушь и оцѣпенѣніе кругомъ. Только невнятный шопотъ камышей, слегка машущихъ своими султанами, только однозвучное жужжаніе кружащихся надъ вашею головою насѣкомыхъ, да при объѣздѣ какого-нибудь лимана кваканіе цѣлыхъ сонмовъ лягушекъ, базарная болтовня, вздорная, удручающая ухо и вниманіе. То вамъ слышится въ ней безконечный шумъ шибко работающаго мельничнаго жернова, то неровный трескъ раздираемой ветоши... Тамъ долетитъ до вашихъ ушей какой-то задушенный вой, быть можетъ волчій, а тамъ рѣзкій, тоскливый пискъ ждущихъ корму птенцовъ хищной птицы. И это вздрагиваніе и этотъ бредъ, погруженный въ горячечный сонъ природы, отдается въ вашемъ чувствѣ самосохраненія завѣтнымъ напоминаніемъ отшельника: «Memento mori!» Поки-

*) Камыши, тростниковыя топи, тростниковые лѣса.

нутое внѣшними впечатлѣніями воображеніе разыгрывается, наполняется мрачными представленіями опасности, близкой, готовой вспорхнуть изъ-подъ копытъ коня. Завидѣвъ прежде васъ обгорѣлый пень, чуткій конь подниматетъ голову, храпитъ и робко путаетъ свои шаги. И вотъ гдѣ-то близко затрещалъ тростникъ, можетъ быть подъ клыкомъ кабана, всадникъ вздрагиваетъ и торопливо заноситъ руку на прикладъ ружья. Чу — раздался выстрѣлъ и въ медленныхъ перекатахъ замеръ гдѣ-то въ бездонной глубинѣ, въ безконечной дали. Стая лебедей тяжело поднялась надъ лиманомъ, и стадо кабановъ шарахнуло въ камышахъ, съ трескомъ и гудѣньемъ. И всадникъ едва можетъ сдержать всполохнувшагося коня.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КАЗАКИ.

Черноморскіе казаки вышли изъ Запорожской Сѣчи и населили нынѣшній свой край въ 1792 г. Къ первобытному ихъ населенію, состоявшему изъ двадцати тысячъ «куренныхъ» или служилыхъ людей, присоединились по времени — горсть запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи, подъ именемъ Буджацкихъ казаковъ, и два поселка добровольныхъ выходцевъ изъ-за Кубани—черкесовъ и татаръ. Сверхъ этихъ маловажныхъ приселеній, сдѣланы три раза значительныя переселенія на землю черноморцевъ малороссійскихъ казаковъ, изъ губерній Полтавской и Черниговской.

Малороссійскіе казаки, изъ которыхъ набиралась Запорожская Сѣчь, во все время ея существованія—кровные родичи черноморцамъ; а потому переселенія ихъ, какъ ни были они значительны, не внесли никакой разноплеменности въ населеніе коренное, а въ настоящее время весь войсковой составъ черноморскаго народонаселенія носитъ одну физіономію, запечатлѣнъ одною народностью—малороссійскою. Самые инородцы (черкесы и татары), исчезая въ массѣ господствующаго населенія, уже достаточно оказачились. Черноморцы говорятъ малороссійскимъ языкомъ, хорошо сохранившимся. Настолько же сохранились, подъ ихъ военною кавказскою оболочкою, черты малороссійской народности въ правахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, въ быту домашнемъ и общественномъ. Напѣвъ на клиросѣ, веснянка на улицѣ, щедрованье подъ окномъ, женихапье на вечерницахъ и выбѣленный уголъ хаты, и гребля съ зелеными вербами, и волъ въ ярмѣ, и конь подъ сѣдломъ—все напоминаетъ вамъ, на этой далекой кавказской Украйнѣ, гетманскую Украйну Наливайка и Хмельницкаго.

За исключеніемъ небольшаго числа инородцевъ, всѣ черноморскіе жители, войсковаго состава, исповѣдуютъ греко-русскую вѣру *), за неприкосновен-

*) Между черноморцами есть старообрядцы.

ность которой ихъ прадѣды пролили потоки крови въ борьбѣ съ нетерпимостью польскаго католичества. Жертвующая преданность народа къ церкви безпредѣльна. Не бываетъ наслѣдства, самаго скромнаго, изъ котораго бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. Въ этомъ отношеніи черноморцы остаются вѣрны святому обычаю своихъ предковъ: отъ всѣхъ пріобрѣтеній меча и весла приносить лучшую часть храму божію.

Всѣ вообще жители Черноморья, какъ казачьяго, такъ и другихъ сословій, населяютъ три города, одну нѣмецкую колонію, шестьдесятъ три куреня, или станицы, пять поселковъ и до трехъ тысячъ хуторовъ *). Среди этого населенія находятся двѣ монашескія пустыни: мужеская и женская.

Относительно всей совокупности куреней можно высказать два общія замѣчанія: въ куреняхъ, прилегающихъ къ рыбопромышленнымъ водамъ, больше жизни, благоустройства и довольства, больше добрыхъ нравовъ,—и самые казаки, взятые въ смыслѣ военныхъ людей, бодрѣе, развязнѣе и смышленѣе; напротивъ, въ куреняхъ степныхъ, гдѣ преобладаетъ пастушескій бытъ, меньше предметовъ, на которыхъ глазамъ отрадно было бы остановиться, казаки менѣе развиты и болѣе склонны къ конокрадству и волокрадству, болѣе подвержены этой нравственной болѣзни бѣднѣйшаго класса войсковаго народонаселенія. Тѣ, наконецъ, изъ степныхъ куреней, на поляхъ которыхъ меньше хуторовъ, имѣютъ лучшій видъ и лучшую нравственность предъ тѣми, которые сжаты хуторами. Всѣ вообще курени населены простыми и мало-достаточными казаками. На пятьдесятъ домохозяевъ едва приходится одинъ, который имѣлъ бы свой плугъ, т. е. могъ бы пахать землю собственными средствами, не дѣлая складчины съ другими домохозяевами, не спрягаясь. Чиновные и сколько-нибудь самостоятельные жители разсѣяны въ-одиночку, по хуторамъ. Можетъ быть, при степномъ скотоводствѣ, хуторъ, поселенный у мѣста, столько же необходимъ, какъ кочевая кибитка; но нельзя не замѣтить, что казацкое общество тяготѣетъ больше къ своей окружности, чѣмъ къ средоточію, что раздробленіе, особничество или, какъ сами казаки говорятъ, «показанщина» (отъ слова казанъ, котелъ) составляютъ отличительную черту характера черноморцевъ. Имъ все какъ-то тѣсно, и въ самомъ куренномъ поселеніи они отодвигаются, сколько можно дальше, одинъ отъ другого. Они не сливаются въ обществѣ, какъ камни въ зданіи. У нихъ каждая отдѣльная личность очеркнута рѣзко, угловато—не скоро подберешь и приставишь одну къ другой,—и если у кого, такъ это у нихъ крайности соприкасаются. Умственныя способности и нравственныя свойства не подѣлены въ народѣ съ приблизительною уравнительностью. Можно сказать, что природа, засѣявъ поле умственно-нравственной жизни двухъ единокровныхъ народовъ—великорусскаго и малорусскаго, въ первомъ народѣ свой посѣвъ заборонила и поровняла, а въ послѣднемъ оставила такъ. Нѣтъ народа въ великомъ племени славянскомъ,

---

*) Въ настоящее время всѣхъ жителей Черноморья немного болѣе 200 тыс. челов. обоего пола.

болѣе способнаго и готоваго, какъ народъ малорусскій, открыть въ самомъ себѣ смѣшныя и слабыя стороны и осмѣять ихъ съ безпощаднымъ сарказмомъ. Всѣ живущія въ устахъ великорусскаго народа насмѣшки надъ простодушіемъ хохловъ, надъ упругостью ихъ практическаго смысла, надъ неповоротливостью ихъ соображенія и эксцентричными странностями характера суть ничто иное, какъ блѣдные переводы съ малороссійскаго. Что и показываетъ въ одномъ и томъ же народѣ и силу и немощь разумѣнія, избытокъ и нищету духа, на такихъ близкихъ между собою разстояніяхъ, что столкновенія и разноголосица между этими противорѣчіями неизбѣжны. Не печатанныхъ Гоголей между черноморцами много. Москаль, себѣ на-умѣ, подсмѣивается надъ хохломъ, надъ нѣмцемъ и татариномъ, а надъ собой нѣтъ. Черноморецъ, когда онъ созданъ съ головой свѣтлой и сердцемъ возвышеннымъ, осмѣетъ недостатки и слабости въ отцѣ родномъ, разругаетъ низкое свойство и гадкій поступокъ въ родномъ братѣ. Умственно-нравственныя симпатіи въ его природѣ берутъ верхъ надъ симпатіями плоти и крови, сосѣдства и товарищества. Нельзя ручаться, чтобъ онъ прикрылъ упившагося Ноя.

За особничествомъ слѣдуетъ, или ему предшествуетъ дробленіе семействъ и дѣлежъ хозяйствъ. Въ черноморской казацкой хатѣ,—не то, что великороссійской крестьянской избѣ, — вы не найдете трехъ и четырехъ поколѣній на однихъ палатяхъ. Здѣсь семьи вообще малолюдны; ихъ не связываютъ въ большіе снопы ни рекрутская сказка, ни подушный окладъ. Два-три сына стараго казака, вступая въ тотъ возрастъ, когда войско зоветъ ихъ на службу государеву, когда особенно должны бы они подать другъ другу руку, чтобы отсутствіе изъ дому одного вознаграждалось присутствіемъ при домохозяйствѣ другого, разрываются, роятся изъ отцовской хаты, слѣдуя пословицѣ: «не кайся рано вставши, а молодъ оженившись», — и каждый городитъ себѣ особый дворъ. Потомъ, покидая свою молодицу одинокою и безпомощною, самобытный казакъ выѣзжаетъ на службу, а въ новой его хатѣ, прежде чѣмъ паукъ успѣлъ раскинуть свой ткацкій приборъ, поселяются бѣдность и нужда.

Еще въ недавнія времена казакъ, внѣ военной послуги, былъ табунщикомъ, охотникомъ и рыболовомъ. Эти промыслы, пропитывая и снаряжая воинственнаго сына степей, вмѣстѣ съ тѣмъ служили ему пріуготовительными упражненіями для его казацкаго военнаго призванія. Около табуновъ, незнакомыхъ съ стойломъ, онъ дѣлался наѣздникомъ; около стадъ, угрожаемыхъ звѣремъ, — стрѣлкомъ, бойцомъ. Онъ свыкался съ невзгодами пастушескаго и охотническаго кочеванья, для перенесенія трудностей и лишеній бивака. Въ поискахъ, безъ дорогъ за похищенными или затерявшимися животными, онъ изощрялъ память мѣстъ и способность оріентироваться, въ ясный день и въ темную ночь, въ дождь и въ туманъ, — а отъ степнаго одиночества пріобрѣталъ онъ терпѣніе и чуткость, которыя такъ нужны были ему для военныхъ засадъ, для отводныхъ одиночныхъ карауловъ, разъѣздовъ, поисковъ. Въ рыбачьемъ дощаникѣ знакомился онъ съ бурной стихіей, чтобъ, на другомъ поприщѣ, смѣло и ловко владѣть весломъ канонирской лодки. Таковъ былъ, таковъ и теперь еще отчасти домашній бытъ казака на Черно-

морьи. Но это быть устарѣлый, опадающій листъ съ дерева,—его вытѣсняетъ новый земледѣльческій бытъ.

Впрочемъ хлѣбопашество Черноморскаго края составляетъ для народа предметъ насущнаго только труда, а не богатства и даже не довольства.

Значительная часть земледѣльческаго труда посвящается огородамъ и бакшамъ, гдѣ и подсолнечнику дано право гражданства. По части огородничества больше видно вниманія къ свеклѣ, чѣмъ къ капустѣ. Такъ, кунжутъ, сурепа, макъ, ленъ и конопля могли бы воздѣлываться съ особенной выгодой, еслибы для нихъ оставались руки отъ земледѣльческаго труда первой необходимости.

Земля, населенная казаками, есть земля войсковая или подвижная. Всѣ казаки ей крѣпки, но она никому изъ нихъ не крѣпка. На ней невозможно никакое частное потомственное владѣніе; на ней допускается только пожизненное пользованіе. Это одинъ изъ трехъ видовъ жалованія, производимаго государствомъ казакамъ за службу. Остальные два вида заключаются въ денежной дачѣ и льготѣ.

Взамѣнъ земледѣлія, занимающаго второстепенное мѣсто въ ряду предметовъ народнаго хозяйства, на первомъ планѣ находится худобоводство, т. е. скотоводство, овцеводство и коневодство. Худобоводство принадлежитъ преимущественно панскому сословію.

Равнинныя пространства Черноморья разстилаются однимъ необъятнымъ пастбищемъ, гдѣ, по всѣмъ направленіямъ, движутся худобы рогатаго скота, овецъ и лошадей.

Рогатый скотъ отличается крупнымъ ростомъ и дородствомъ, шерсть имѣетъ сивую и принадлежитъ къ извѣстной породѣ украинской, или черкасской; овцы, молдавской породы, замѣчательны своей длинной, но жестковатой шерстью; лошади составляютъ поколѣніе, конечно, уже переродившееся, степныхъ запорожскихъ заводовъ. Масти ихъ преимущественно темныя.

Рогатый скотъ и овцы выгоняются изъ Черноморья въ Воронежскую губернію, откуда большая ихъ часть, живьемъ или въ продуктахъ, идетъ въ обѣ столицы. Лошадей гоняютъ на ярмарки въ Ростовъ и достигаютъ Бердичевской ярмарки. За удовлетвореніемъ домашнихъ требованій, въ конные полки и войсковую артиллерію, черноморскіе табуны снабжаютъ лошадьми артиллерію, конно-подвижные парки и полковые обозы кавказской арміи.

Что касается до ухода за худобами на Черноморьи, ихъ не укрываютъ отъ ненастья, имъ не оказываютъ никакихъ пособій, когда губитъ ихъ зараза. Круглый годъ скитаются онѣ на подножномъ кормѣ и довольствуются сѣномъ только въ случаѣ сильныхъ морозовъ, глубокихъ снѣговъ и гололедицы.

Зимнія мятели въ открытыхъ степяхъ ужасны. Онѣ бурлятъ иногда по нѣсколько дней сряду. Среди теплаго, яснаго и тихаго дня воздухъ вдругъ начинаетъ холодѣть и мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сѣрымъ. Знакомые предметы кажутся незнакомыми. Былинка вдали представляется деревомъ, собака конемъ. Потомъ показываются и медленно кружатся въ воздухѣ легкія снѣговыя пушинки, и воздухъ какъ будто колышется. Затѣмъ, вдругъ

снѣгъ начинаетъ сыпать хлопьями. Наконецъ небо и земля исчезаютъ; все воздушное между ними пространство наполняется густою снѣжною пылью, которая забиваетъ человѣку зрѣніе и дыханіе. Теперь ужъ не до ѣзды, — поверните коня подъ вѣтеръ и стойте. И слышно ли вамъ, какъ ревутъ, гдѣ-то недалеко, стада..? Буря срываетъ ихъ съ становищъ, крутитъ и мечетъ на всѣ стороны. Надъ курганами, оказывающими сопротивленіе стремительному потоку воздуха, вздымаются смерчи. Въ эту недобрую годину волки рыщутъ стаями и безпощадно рѣжутъ отбившихся отъ кучи животныхъ. Рогатая скотина и овца стоятъ крѣпче противъ натисковъ непогоды; онѣ сколько-нибудь свычны съ базомъ, за ними могутъ слѣдовать пастухъ и собаки. Вѣрный песъ идетъ за стадомъ и тогда, какъ ужъ оно разбито бурею и покинуто пастухомъ. Но лошадей, гуляющихъ вольными табунами по широкому раздолью, буря, случается, заноситъ безъ вѣсти, иногда сбрасываетъ съ обрывистыхъ береговъ въ море и въ лиманы, гдѣ онѣ идутъ подъ ледъ, или гибнутъ отъ голода, въ снѣжныхъ сугробахъ, сбившись въ кучу и обгрызая одна другой гривы и хвосты.

Другое, гибельное для худобъ, явленіе зимы въ степи—гололедица.

Перейдемъ къ рыболовству.

«Въ морскихъ и рѣчныхъ угодьяхъ Черноморья ловятся: осетръ, севрюга, шипъ—помѣсь осетра и севрюги, бѣлуга, судакъ, лещъ, тарань, сазанъ, сомъ, сельдь, рѣдкій гость восточныхъ береговъ Азовскаго моря, шамая, рыбецъ, кефаль, камбула и дельфинъ.

«Въ устьяхъ мелкихъ степныхъ рѣчекъ, большими количествами, ловится, по веснѣ, тарань. Это скромная рыба, приготовленная въ прокъ, составляетъ для казака такую же насущную потребность въ быту домашнемъ, какъ добрый другъ русскаго воина сухарь въ быту походномъ. Вяленая и копченая тарань расходится, съ весны, сотнями тысячъ по всему Черноморью и составляетъ запасъ здоровой пищи для косарей на время лѣтнихъ постовъ.

«Всѣ рыбопромышленныя воды принадлежатъ войсковой казнѣ и отдаются на откупъ, отъ которой получается дохода въ годъ 82 тысячи руб.»

Хотя у Черноморскихъ казаковъ есть въ постоящее время гимназія, и достаточное количество народныхъ школъ, все-таки вообще образованность между ними стоитъ на низкой степени развитія. Поучившись грамотѣ на мѣдныя деньги, казакъ берется за книгу Бытія, читаетъ, читаетъ и начитывается, а иногда и «зачитывается». *) Совершивъ трудное путешествіе, съ указкою въ рукѣ, до послѣднихъ предѣловъ Псалтыри, гдѣ начертано: конецъ и Богу слава, казакъ вооружается перомъ, пишетъ, пишетъ и дописывается до чина, или же «записывается». Грамотность въ такомъ родѣ довольно обширна между Черноморскими казаками, и они извѣстны въ кавказской арміи какъ писаки и дѣльцы.

Просто грамотный человѣкъ зовется у казаковъ «письменнымъ», а пи-

---

*) Явленіе, извѣстное въ простомъ народѣ, какъ болѣзнь вродѣ горячки.

шущій съ крючками и безъ препинаній величается «бумажнымъ» человѣкомъ. Бумажныхъ людей въ войсковыхъ присутствіяхъ, канцеляріяхъ и коммиссіяхъ, и даже въ станичныхъ правленіяхъ—много.

Сказавши нѣсколько словъ о теперешнемъ образованіи черноморцевъ, считаемъ нелишнимъ перенестись мысленно за нѣсколько лѣтъ назадъ къ куренному ментору. Вотъ какъ его рисуетъ г. Попка:

«Путь къ просвѣщенію, что нынѣ мерцаетъ отчасти въ казацкихъ канцеляріяхъ и присутствіяхъ, лежалъ чрезъ школу приходскаго дьяка и чрезъ писарню земскаго повытья, гдѣ робкое дѣтское перо погружалось въ обломокъ бутылки, замѣнявшій чернильницу. Не былъ длиненъ этотъ путь. Отъ цвѣтущей долины первыхъ игръ дѣтства до чернильной вершины войсковаго Парнаса считалось три поприща: грамàтка, часловецъ и псалтырь. Послѣдній шагъ на каждомъ изъ этихъ трехъ поприщъ ознаменовывался тріумфомъ. Школяръ, дѣлавшій побѣдоносный переходный шагъ, являлся въ обитель науки въ праздничномъ кафтанѣ и съ такимъ большимъ, какъ самъ почти, горшкомъ каши, приготовленной съ роскошью не въ примѣръ обыкновеннымъ кашамъ. На поверхности горшка возлежали дары наставнику: кусокъ шелковой матеріи и мѣдный ключъ къ дверямъ дальнѣйшей грамотности — гривна мѣдныхъ денегъ.

«Это лакомое приношеніе, какъ для питомцевъ, такъ и для воспитателя, безъ сомнѣнія, осуществляло изрѣченіе, приводимое въ примѣръ періода уступительнаго: хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки. — Соблаговоливъ принять дары и совершивъ обрядъ поднятія дароноснаго отрока за уши, выше стола, съ пожеланіемъ: «вотъ какой рости», учитель повелѣвалъ ученикамъ закрыть книги (что исполнялось съ живѣйшимъ удовольствіемъ), ставилъ между невкусною умственною пищею вкусную кашу и погружалъ въ нѣдра символическаго яства ложку самъ и птенцы его. Яство сіе снѣдалось столь благоговѣйно, что каждая оброненная изъ ложки крупинка призывала на небрежно ядущаго ударъ грозной тройчатки, — каковая, для сей именно цѣли, возвышалась въ лѣвой рукѣ наставника надъ головами дѣтей, какъ мечъ Дамокла. Бѣдныя невинныя существа получали урокъ, который, конечно, не удерживался у нихъ въ памяти, пока наступало время приложить его къ дѣлу, урокъ, съ какой осторожностью и умѣренностью надлежитъ пользоваться благами жизни. По окончаніи трапезы, самъ наставникъ возглашалъ: «ѣдятъ убозіи и насытятся», и выходилъ изъ храма Минервы; за нимъ, въ шумномъ шествіи, ученики выносили пустой горшокъ и вѣшали его на самый высокій колъ плетня, охраняющаго вертоградъ просвѣщенія отъ нашествія невѣжественныхъ животныхъ. Потомъ, изъ того же плетня, запасались они палками и, съ разстоянія, указаннаго перстомъ наставника, разбивали сосудъ, еще такъ недавно услаждавшій ихъ вкусъ. По совершеніи такого, повидимому, неблагодарнаго поступка, будущіе казаки бросались подбирать черепки, и кто успѣлъ нахватать ихъ побольше, тотъ вящшаго удостоивался одобренія изъ устъ педагога. И черепки летѣли въ воздухъ, одинъ выше другаго: испытывались упругость и метательная сила дѣтской руки.»

Съ переселеніемъ черноморскаго войска на Кубань, перешло съ нимъ старинное сѣчевое устройство — кошъ и курени. Кошъ, съ его кошевымъ атаманомъ и большимъ знаменемъ, представлялъ феодальнаго воеводу, а курени, съ ихъ куренными атаманами и малыми хоругвями, стояли на ногѣ вассальныхъ дружинъ. Такой урядъ продолжался около десяти лѣтъ, и это время обозначается въ воспоминаніяхъ казаковъ лаконизмомъ: до полковъ. Про это время можно высказать одно замѣчаніе: могли быть тогда у казаковъ предводители, не могло быть командировъ; могли быть повиновеніе и увлеченіе, не могло быть дисциплины.

Съ воцареніемъ Александра Благословеннаго войско получило новое устройство, главнѣйшія основанія котораго остаются донынѣ.

Сообразно съ двойственнымъ состояніемъ казака, поселянина и воина, войско имѣетъ двоякое учрежденіе — гражданско-военное. По гражданской и по военной частямъ въ совокупности управляетъ войскомъ наказный атаманъ. Онъ состоитъ въ правахъ и обязанностяхъ гражданскаго губернатора и начальника дивизіи. Такъ какъ черноморское войско входитъ въ составъ кавказской арміи, то наказный войсковой атаманъ подчиняется Главнокомандующему кавказскою арміею и намѣстнику кавказскому.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Екатеринодаръ—главный городъ въ землѣ Черноморскихъ казаковъ, при рѣкѣ Кубани. У горцевъ Екатеринодаръ называется «Бжедугскяль», т. е. бжедугскій городъ, по ближайшему его сосѣдству съ бжедугскимъ народомъ.

Мѣстоположеніе города, болотистое и нездоровое, представляетъ мало удобствъ для обитанія, нетолько городскаго, цивилизованнаго, но даже самаго простаго и близкаго къ природѣ. Осенью и весною, нерѣдко даже и среди зимы, улицы города бываютъ наполнены топями, почти непроходимыми. Тогда возъ съ тяжестью проѣхать по нимъ не можетъ. Вслѣдствіе чего, базары, на которые привозятся съѣстные припасы для пропитанія городскаго населенія, учреждаются внѣ города, и кому съ какого угла надобно въѣхать въ городъ, тотъ туда и направляется съ поля, хоть бы для этого приходилось околесить верстъ десять. Въ то печальное время, на главнѣйшихъ площадяхъ образуются озера, и люди, не любящіе шутить, утверждаютъ, что видятъ на нихъ дикихъ утокъ. Одна только привычка казаковъ ѣздить смѣло верхомъ по самымъ опаснымъ, закрытымъ неровностямъ дѣлаетъ такое затруднительное положеніе городскихъ сообщеній выносимымъ. Но горе страннику, заброшенному судьбою или службою въ войсковой городъ, во время растворенія въ немъ пятой стихіи! Извощиковъ—и заведенія нѣтъ, да хоть бы и были, все равно оставались бы безъ практики.

Общая всему краю климатическая болѣзнь,—лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнѣздится и развивается въ главномъ городѣ,

при основаніи котораго, на виду хищнаго непріятеля, вниманіе казаковъ было поглощено одними тактическими соображеніями.

Въ Екатеринодарѣ насчитывается до 2,000 домовъ, т. е. хатъ, изваянныхъ изъ глины и покрытыхъ камышомъ и соломою. Частныхъ каменныхъ зданій ни одного, деревянныхъ, подъ желѣзною крышею, нѣсколько. Хаты стоятъ въ такихъ положеніяхъ, какъ будто имъ скомандовано «вольно, ребята»: онѣ стоятъ, и лицомъ, и спиной, и бокомъ на улицу, какая въ какомъ расположеніи духа, или какъ какой выпало по примѣтамъ домостроительной ворожбы; предшествовавшей ея постановкѣ. Однѣ изъ нихъ выглядываютъ изъ-за плетня, другія изъ-за частоколу, третьи, и не многія, изъ-за досчатаго забора; но ни одна не выставится открыто въ линію улицы. Напротивъ, большая ихъ часть прячется въ глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанію своей некрасивой и бѣдной наружности. Въ хатахъ и дворахъ соблюдается чистота; на улицы выбрасывается соръ, гдѣ и лежитъ онъ, пока поглотятъ его лужи. Эти улицы, кромѣ дароваго свѣта луны, когда онъ есть, не знаютъ другого освѣщенія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онѣ были очень широки и по бокамъ ровны. Теперь ширина ихъ нѣсколько съузилась и бока сдѣлались зубчаты, словно рѣчные берега, испытавшіе частые обвалы. И дѣйствительно, ихъ непрочные заборы не далеко ушли отъ рыхлыхъ береговъ какой-нибудь степной рѣчки. Эти частокольные и плетневые заборы, подгнивая въ своемъ основаніи, часто требуютъ перестановки, и каждая перестановка, неизвѣстно для какого именно общаго блага, выдвигаетъ ихъ впередъ, все ближе и ближе къ фарватеру улицы.

Чтобъ сократить дальнѣйшее описаніе Екатеринодара,—чрезъ что онъ ничего не потеряетъ,—довольно сказать, что этотъ городъ имѣетъ видъ большаго села, главная особенность котораго состоитъ въ томъ, что оно служитъ вывѣскою всѣхъ остальныхъ селъ въ краѣ. Кто видѣлъ Екатеринодаръ, тому не для чего смотрѣть Черноморье.

Войсковой городъ Екатеринодаръ не подходитъ подъ общее учрежденіе городовъ въ губерніяхъ. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди собственно городовыхъ сословій могутъ имѣть въ немъ временное пребываніе, могутъ быть только гостями; но правъ осѣдлости и гражданства въ немъ не получаютъ. Осѣдлое же его населеніе состоитъ исключительно изъ однихъ казаковъ, общество которыхъ и составляетъ курень екатеринодарскій, нисколько не отличающійся въ своемъ учрежденіи и бытѣ отъ другихъ куреней. Именуется этотъ курень городомъ потому, что въ немъ находятся власти, присутственныя мѣста и заведенія, приличныя городамъ, и потому, что имѣетъ онъ гербъ, котораго символы знаменуютъ сторожевое поселеніе у воротъ государства.

Въ Екатеринодарѣ имѣетъ пребываніе войсковой наказный атаманъ, съ главнымъ войсковымъ управленіемъ, военнымъ и гражданскимъ.

ПОДВИГИ ПЛАСТУНОВЪ НА КАВКАЗѢ.

Въ рядахъ православнаго казачества на Кавказѣ пользуются извѣстностью пластуны Черноморскаго Казачьяго войска.

Названіе пластуновъ весьма древнее. Было время, въ Запорожьи, по обычаямъ войска, на службу «порубежную» въ «опасныхъ» и «закрытыхъ» мѣстахъ вызывали охотниковъ, или же наряжали міромъ отъ всей «рады» или общества войсковаго людей опытныхъ и способныхъ. Самыя опасныя мѣста тогда были на устьяхъ Днѣпра, Буга и пр. (т. е. на польскомъ рубежѣ), гдѣ казаки по цѣлымъ днямъ должны были наблюдать за врагами въ камышахъ, лежа ничкомъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Это называлось лежать пластомъ или плазомъ, отъ слова пластъ земли, или камня, или же отъ плаза, польскаго названія гадины (plazy), которая обыкновенно ползетъ по землѣ.

Съ переселеніемъ большей части войска въ Черноморье, нѣкоторые изъ казаковъ, вѣрные своему обѣту безбрачія, посвящали всю жизнь службѣ военной, особенно же пограничной. Они внесли съ собой въ новое поселеніе древній обычай оберегать границы и, между прочимъ, если нужно, хорошенько «полежать пластомъ», съ рушницею въ рукахъ и патрономъ въ зубахъ... или самимъ проникнуть заграницу, извиваясь словно змѣи въ густой травѣ и камышахъ, чтобы удобнѣе прослѣдить намѣреніе врага. Такъ между черноморцами появились пластуны, сохранившіе за собой это имя неизмѣнно до сихъ поръ. Съ окончаніемъ нашей войны съ черкесами, пластуны конечно лишились своего прежняго значенія, завсѣмъ тѣмъ ихъ подвиги въ прошлыя войны съ горцами и англо-французами подъ Севастополемъ останется навсегда незабвенными.

Пластунъ на первый взглядъ не обѣщаетъ многаго. Это обыкновенно рослый съ медленною и разсчитанною походкою, казакъ первообразнаго малороссійскаго складу и закалу: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержу послѣ подъема. Сквозь сильный загаръ его лица, окуреннаго порохомъ и превращеннаго въ бронзу непогодами, пробиваются добродушіе, сила воли. Угрюмый взглядъ и навощенный, кверху вздернутый, усъ придаютъ лицу его выраженіе мужества и рѣшимости.

Пластуны одѣваются, какъ черкесы, и притомъ какъ самые бѣдные черкесы: черкеска отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже кожаными заплатками; папаха вытертая и, въ удостовѣреніе отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу. Эта бѣдность въ будничной одеждѣ пластуна оттого, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ причиняетъ сильный ущербъ наряду. Въ походной одеждѣ пластуны носятъ сухарную сумку за плечами, штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерной кинжалъ, съ деревяннымъ набойникомъ, спереди, за поясомъ, и привѣшенныя къ поясу же такъ-называемыя причандалья: пороховницу, пулечницу, отвертку, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку, или даже скрипку.

Пластуны пускались, во время войны съ горцами, въ свои трудные поиски

мелкими партіями, отъ 3 до 10 человѣкъ. Они разсѣяны были по всѣмъ постамъ небольшими товариществами, но преимущественно располагались на самыхъ передовыхъ, удаленныхъ отъ главной черты батарейкахъ. Здѣсь пластуны по-истинѣ въ своей сферѣ; кочуя въ глуши пограничныхъ плавней, они, презирая опасность, голодъ, стужу и непогоды, бодро и терпѣливо проводили въ своихъ скрытныхъ убѣжищахъ цѣлыя сутки сряду; чутко стерегли приближеніе непріятеля и первые встрѣчали его своими мѣткими выстрѣлами, первые приносили на посты вѣсти о тревогѣ. Здѣсь пластунъ дѣйствительно пластомъ, неподвижно, лежалъ въ пустынныхъ камышахъ, подвергаясь жгучимъ угрызеніямъ мошекъ и комаровъ, наполняющихъ болотный воздухъ. Въ такомъ трудномъ положеніи для него существовало одно на свѣтѣ—это тайный врагъ—горецъ, исподтишка ночью кравшійся на воровство и разбой къ границѣ.

При засадахъ и встрѣчахъ съ врагомъ, равно какъ при отважныхъ поискахъ руководили пластунами собственная предпріимчивость и изобрѣтательность. Перебираясь черезъ топи и камыши, они клали свои примѣты на всѣхъ проходахъ и закрывали слѣды. Замѣтивъ превосходящаго въ силахъ непріятеля, они просиживали въ камышѣ, въ травѣ нѣсколько часовъ, не изобличая собственнаго присутствія ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ, затаивъ дыханіе; а въ трудныхъ обстоятельствахъ пластунъ даже оставался долгое время и подъ водою, дыша посредствомъ тростника. Замѣченные въ свою очередь, они умѣли пользоваться мѣстностью и, засѣвъ въ первой попавшейся чащѣ камыша, осоки или кустарника, они смѣло обращали огонь на противниковъ. Выстрѣлъ безъ промаха замѣнялъ для нихъ численность. Но въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ слишкомъ уже не подъ силу пластунъ умѣлъ вывернуться изъ бѣды, — непремѣнно схитритъ и ускользнетъ куда-нибудь въ болото или трущобу, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ засѣлъ, свой башлыкъ и шапку, надѣтые на сломленный камышъ или сукъ кустарника, и отводя, такимъ образомъ, вниманіе противника, всегда успѣвалъ возвратиться цѣлымъ и невредимымъ. Получивъ рану, онъ иногда проползалъ значительное разстояніе, перенося голодъ и жажду, лишь бы только добраться къ своимъ, предпочитая скорѣе лишиться жизни, чѣмъ потерять свободу.

Главнѣйшую въ многотрудной службѣ пластуна роль играли слѣдъ—сакма и засада—залога. Онъ искусно умѣлъ скрыть за собою свой собственный слѣдъ, а въ слѣдахъ противника угадать его намѣренія. Когда по росистой травѣ или свѣжему снѣгу слѣдъ неотвязно тянулся за нимъ, хитрый пластунъ старался запутать его, дать ему превратное направленіе и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отвлекалъ врага отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ, и преимущественно такъ-называемые характерики *), пробирались ползкомъ, рядомъ мученическихъ засадъ, въ непріятельскіе аулы, для осмотра мѣстности или чтобы вывѣдать намѣренія врага (См. періодич. изд. «Кавказцы» 1859).

---

*) Это казаки вродѣ волшебниковъ, которыхъ ни пуля, ни пушка уничтожить не въ состояніи.

«Когда по линіи смирно,—разсказываетъ г. Попка *) (а это бывало обыкновенно во время полевыхъ работъ),—пластуны обращали свои поиски въ охоту за дикимъ кабаномъ, козою, оленемъ и такимъ образомъ непрерывно держали себя въ опытахъ своего труднаго назначенія.

Охота за кабаномъ требуетъ не меньше осмотрительности, чѣмъ поискъ за непріятелемъ, и учитъ правилу:

Хочь утека, не все женися.

Два пластуна, отецъ и сынъ, залегли ночью на кабаньемъ слѣду, въ плавнѣ. Только разсвѣло, послышались имъ пыхтѣнье и хрускъ: огромный черный кабанъ ведетъ свою семью къ водопою. Пластуны произвели легкій шорохъ, кабанъ насторожилъ уши и сталъ какъ вкопанный. Отецъ предоставилъ себѣ честь перваго выстрѣла,—выстрѣлилъ и поранилъ, но не повалилъ кабана—не угодилъ старику ни въ лобъ, ни подъ лопатку. Свинья съ поросятами шарахнулась назадъ, а кабанъ сдѣлалъ-было яростный прыжокъ впередъ, на первый запахъ пороховаго дыма, но, ощутивъ рану, тоже повернулъ назадъ и покатилъ вслѣдъ за своимъ стадомъ. Отецъ продулъ ружье и сталъ ворча заряжать его. А сынъ со всѣхъ ногъ махнулъ за раненымъ звѣремъ, по горячему слѣду. Видитъ онъ кровавую струйку и слышитъ звучный трескъ очерета (камыша) впереди себя, да никакъ не уловитъ глазомъ утекающаго звѣря, — слишкомъ густъ былъ очеретъ. Пробѣжалъ онъ этакъ шаговъ сотню; кровавый слѣдъ и торопливый трескъ все впереди его. Вдругъ что-то сзади толкнуло его въ ноги и больно, будто косой хватило по обѣимъ икрамъ. Повалился пластунъ навзничь и очутился на спинѣ кабана. Тряхнулъ кабанъ спиной, махнулъ клыкомъ и располосовалъ пластуну черкеску съ полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одно мгновеніе, одинъ взмахъ клыка и свирѣпое животное выпустило бы своей жертвѣ всѣ внутренности; но въ это бѣдовое мгновеніе раздался выстрѣлъ, пуля угодила въ кабанье рыло, пониже лѣваго глаза, и кабанъ, съ разинутой пастью, растянулся на мѣстѣ, во всю свою трех-аршинную длину.

То былъ выстрѣлъ отца молодаго пластуна, такъ удивительно попавшаго на кабаній клыкъ, лезвее котораго чуть ли не острѣе черкесской шашки. А удивительнаго, впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ. Раненный кабанъ, чуя за собою близкую погоню и прикрывая бѣгство своей самки съ дѣтенышами, бѣжалъ-бѣжалъ, да вдругъ вернулся назадъ, по своему слѣду, прыгнулъ въ сторону и сдѣлалъ засаду на своего преслѣдователя, котораго и подкузьмилъ сзади, какъ скоро тотъ миновалъ его. Обѣ икры бѣдняка были прохвачены до кости. «А що, хлопче, будешь теперь знати, якъ гнатись, да не оглядатись», проговорилъ старый пластунъ, перевязывая сыну раны и журя его за неосмотрительность.

---

*) См. «Черном. Казакъ».

СТАНИЦА.

Занимая по большей части четырехстороннее пространство земли, обнесенное канавою и плетнемъ изъ терновника, станица напоминаетъ древніе русскіе города или крѣпостцы, которые строились для удержанія непріятельскихъ набѣговъ. По угламъ станицы обыкновенно полагается по орудію; огорожа изъ колючаго терновника мѣстами прорѣзывается, представляя такимъ образомъ маленькія амбразуры для ружейной пальбы; для въѣзда въ станицу устраиваются деревянные ворота, при которыхъ содержится караулъ. Съ такимъ устройствомъ станица вполнѣ удовлетворяетъ мѣстнымъ военнымъ предосторожностямъ.

На четырехстороннемъ пространствѣ станицы помѣщается сотня, другая дворовъ, образующихъ небольшіе кварталы, съ прямыми улицами и переулками. Въ центрѣ обыкновенно находится небольшая площадь, и на ней деревянная церковь. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить даже и плохую лавчонку; торговыя сдѣлки ограничиваются базарами, да по-временамъ заглядываютъ сюда ходебщики, продавая станичнымъ жителямъ втридорога различныя бездѣлушки. Весною, осенью и зимою улицы и переулки покрываются неимовѣрною грязью: лѣтомъ она засыхаетъ, оставляя послѣ себя нечистоту, ухабы. Хорошо еще, если турлучныя избы съ соломенными крышами закрываются зеленью садовъ и палисадниковъ, не то—наружность ихъ навѣетъ грусть на любаго проѣзжаго.

НЕФТЯНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВЪ ЗАКУБАНСКОМЪ КРАѢ.

Изслѣдованіями горнаго инженера капитана фон-Кошкуля, произведенными въ 1865 г., было доказано, что въ Закубанскомъ краѣ имѣется зона, которая длиною 169 верстъ и на которой исключительно встрѣчаются нефтяные источники; она сложилась изъ той части третичныхъ образованій, которыя въ видѣ ряда холмовъ, раздѣленныхъ поперечными долинами, представляютъ передовую сѣверную цѣпь Кавказскихъ горъ; южная граница ея опредѣляется гребневою линіею этой передовой цѣпи; нефтяные источники вездѣ по ней расположены съ различными промежутками на сѣверномъ склонѣ и близъ подошвы послѣдней. Ширина нефтяной зоны довольно измѣнчива и среднимъ числомъ можетъ быть принята равною 6—7 верстамъ.

На основаніи распредѣленія нефтяныхъ источниковъ по этой зонѣ, обнаруживающихся иногда въ видѣ весьма незначительныхъ проявленій темной горной смолы, они могутъ быть раздѣлены на продольныя группы или системы, которыя считая отъ сѣверо-запада къ юго-востоку будутъ слѣдующія:

Первая группа начинается источниками нефти въ долинѣ рѣки Чукупсъ, на сѣверо-западъ отъ грязнаго вулкана Шуго, находящагося въ 8 верстахъ отъ станицы Варениковой, и кончается въ разстояніи 22 верстъ долиною рѣки Кудако; въ ширину она въ этомъ мѣстѣ расположилась на 7 верстъ.

Вторая група начинается въ разстояніи около 53 верстъ отъ р. Кудако долиною рѣки Азипсъ; трудно сказать, какое она занимаетъ протяженіе въ ширину, потому что всѣ источники находятся въ одномъ прямомъ направленіи.

Третья группа начинается въ 68 верстномъ разстояніи отъ Кудако небольшою долиною рѣчки Супсъ и расположилась въ длину на 10 верстъ; она также идетъ по одному прямому направленію и можетъ быть принята за продолженіе предыдущей.

Четвертая группа является послѣ промежутка въ 38 верстъ и въ разстояніи 132-хъ верстъ отъ Кудако; она начинается въ 4-хъ верстахъ на сѣверъ отъ станицы Куринской, на лѣвой сторонѣ долины рѣки Пшишъ, и идетъ на 25 верстъ до лѣваго берега рѣки Пшехи.

Изъ всѣхъ четырехъ группъ первая самая важная, потому что на площади 50-ти квадратныхъ верстъ, между рѣками Непитель, Пшишъ и Кудако находится наибольшее число самыхъ замѣчательныхъ источниковъ нефти и потому что въ предѣлы этой группы входитъ долина, которая по причинѣ обилія источниковъ горной смолы еще у горцевъ получила названіе долины нефти (куда—нефть, ко—долина).

Замѣчательный фактъ открытія нефтяной струи, въ видѣ фонтана, впервые достигнутый буровыми работами, имѣетъ для Кавказа то же самое значеніе, какъ открытіе полковника Дракс въ 1859 г. близъ Титусвиля, для Сѣверной Америки.

НЕФТЬ НА БЕРЕГУ Р. ХУДАКО.

Г. Новосильцовъ, взявшій на откупъ всѣ нефтяные колодцы Таманскаго полуострова и Натухайскаго края на девять лѣтъ, бурилъ сначала безъ всякаго успѣха въ 8 мѣстахъ. Работы производились американцами, вбивавшими въ землю широкія чугунныя трубы.

Наконецъ уполномоченный его г. Петерсъ *) наудачу заложилъ буровую скважину въ 26 шагахъ отъ стараго черкесскаго источника, на берегу рѣчки Худако, въ неглубокомъ ущельи, въ 14 верстахъ отъ станицы Крымской. Газовыми трубами ($2^1/_2$ верш. въ поперечникѣ) дошли 3 февраля 1866 г. чрезъ синеватую глину и три каменныхъ слоя до глубины 120 фут. Когда затѣмъ пробили четвертый слой камня, толщиною въ 5 фут., изъ буровой скважины

*) Нужно замѣтить, что до г. Петерса въ тѣхъ мѣстахъ многое было сдѣлано инженеромъ Кошкулемъ относительно развѣдыванія нефти.

хлеснула чистая, соленая вода, бившая 20 минутъ, потомъ вмѣстѣ съ пѣною и газами полетѣли, на высоту 30 фут. отъ земли, каменные обломки и глыбы, что продолжалось 25 минутъ. Наконецъ показалась нефть, бившая на такую же высоту впродолженіе 16 дней (19 февраля) и дававшая отъ 1,500 до 2,000 ведеръ въ сутки. Какъ труба стала засариваться, а нефть, взбитая въ пѣну, постепенно уменьшалась, то принялись бурить еще глубже. На глубинѣ 187 фут., когда пробили еще одинъ каменный слой въ 5 фут. 4 дюйма, нефть показалась при сильномъ взрывѣ; струя ея была выше вышки, которой высота простирается до 30 фут., и давала отъ 4 до 5,000 ведеръ. Такъ шло дѣло до 12 марта. Въ этотъ день труба опять засорилась, работалъ одинъ газъ. Съ 12 по 17 марта прошли еще 60 фут. На глубинѣ 242 фут. вырвало три штанги (желѣзные прутья, толщиною въ 1 дюймъ, длиною въ 15 фут., привинчиваемые одинъ къ другому); вслѣдъ за ними выкипуло множество мелкихъ морскихъ раковинъ и брызнула нефть на 12 фут. выше вышки (48). Такимъ величественнымъ фонтаномъ струя била девять дней сряду и давала отъ 24 до 27,000 ведеръ въ сутки. Не ожидая подобнаго богатства, къ этому времени не успѣли заготовить достаточно посуды и потому принуждены были отвесть р. Худако въ сторону и направить въ порожнее русло струю, которая скоро наполнила его нефтянымъ слоемъ въ два аршина толщины, на протяженіи четверти версты. Съ этой поры количество нефти постепенно уменьшалось до 17,000, а въ августѣ до 1,500 вед., но послѣ очистки трубъ опять дошло до 4—10,000 вед. Въ октябрѣ прошли еще 7 фут., нефти выходило 2,000 вед. Черезъ нѣсколько дней струя остановилась, но когда скважину углубили на 9 фут., то опять показась нефть, которая въ концѣ 1866 г. давала 1000, а въ январѣ 1867 г. по 200—300 ведеръ въ сутки.

Худакинская нефть жидка, зеленоватаго оттѣнка и издаетъ очень замѣтный запахъ, зависящій отъ избытка въ ней сѣры; простоявъ недѣли три на воздухѣ, она превращается въ черную, дегтярную жидкость: смоченный ею фитиль горитъ не долго, и сильно коптитъ; при перегонкѣ даетъ 14% легкаго свѣтильнаго масла, 24% тяжелаго свѣт. м., 810—825 удѣльнаго вѣса, и оставляетъ въ кубѣ 40% трудно-летучихъ дистиллятовъ, которые не могутъ болѣе служить для освѣщенія (смазочнаго масла и др.); но зато изъ нея выходитъ сравнительно много, 22 процента, петролеваго эфира и спирта съ удѣльнымъ вѣсомъ отъ 0,650 до 0,740.

Видъ долины Худако очень оригиналенъ, особенно осенью. Почернѣвшая отъ нефти высокая вышка надъ источникомъ; рабочіе люди въ замазанныхъ черныхъ рубашкахъ и съ испитыми отъ лихорадки лицами; рѣзкій запахъ по всей долинѣ; изгибы рѣчки, наполненной горючей, черной, густой жидкостью, дающей ей видъ одной изъ рѣкъ древняго тартара; величественный фонтанъ, брызжущій раскидистымъ кверху, гигантскимъ, чернымъ снопомъ, все это както странно вяжется съ блескомъ золота, въ которое человѣкъ превращаетъ мрачную жидкость, извлекаемую имъ изъ таинственныхъ нѣдръ земли.

КУБАНСКІЙ КАМЕННЫЙ УГОЛЬ.

Въ верхнемъ теченіи р. Кубани, между устьемъ рѣчки Теберда и станціей Верхне-Николаевской, по обоимъ берегамъ рѣки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаются обнаженія каменнаго угля, залегающаго въ мощныхъ пластахъ песчаника.

Добываніе Кубанскаго угля началось въ 1846 г.

Общее количество угля, добытаго со времени начала разработки копей до настоящаго времени, опредѣляютъ почти въ 26,000,000 пудовъ.

Кубанскій уголь черпаго цвѣта, довольно блестящъ и твердъ, раковистаго излома; въ массѣ его часто встрѣчаются: сѣрный колчеданъ, хотя и не въ значительномъ количествѣ, и прослойки гипса; кубическая сажень угля вѣситъ отъ 480 до 500 пуд. Профессоръ Гепперть полагаетъ, что главнымъ матеріаломъ для образованія Кубанскаго угля служили слои листьевъ Pterophillum.

Кубанскій уголь горитъ яркимъ пламенемъ и даетъ коксъ спекающійся. Уголь лѣваго берега Кубани, гдѣ онъ добывается въ настоящее время по обѣимъ сторонамъ рѣчки Каракентъ *), не былъ испытанъ въ отношеніи его состава и теплотворной способности; но, судя по наружному его виду, надо полагать, что оба угля мало отличаются по достоинству другъ отъ друга.

УТРО ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли.

Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чув-

---

*) Отсюда-то доставляется каменный уголь для казенныхъ зданій городовъ: Ставрополя, Пятигорска и Георгіевска.

ство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцалуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія? Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно поднимающихся въ гору: то были большею частью семейства степныхъ помѣщиковъ; объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся водяная молодежь была уже на перечетѣ, потому что на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ-сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерной пуговицей пылкое сердце и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Поднимаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ — однако не воду, гуляютъ мало; они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодезь. На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красною кровлею надъ ванной, а подальше галерея, гдѣ гуляютъ во время дождя *). Нѣсколько раненныхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли, — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходили взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лечиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись на краю горы, и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность.

---

*) Теперь уже нѣтъ этихъ построекъ, онѣ замѣнены прекрасными новыми. Колодезь находится въ галерсѣ.

БОЛЬШОЙ ПРОВАЛЪ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Одну изъ достопримѣчательностей Пятигорска составляетъ Большой провалъ. «Были вы у провала? Видѣли его?» вотъ вопросы, которые новопріѣзжій, на первыхъ порахъ, слышитъ отовсюду. Подстрекаемый ими, онъ, улучивъ первую удобную минуту, отправляется къ провалу. До него не болѣе полуторы версты отъ центра города. Дорога идетъ къ южному скату Машука, вдоль бульваровъ и Елисаветинскаго цвѣтника, чрезъ Елисаветинскую галерею и Еммануельскій паркъ. Едва вы перешагнули чрезъ ограду парка, сложенную, какъ и большая часть заборовъ въ Пятигорскѣ, изъ камней безъ всякаго цемента, шоссе прекращается и мѣстность дѣлается пустынною. Здѣсь дорога пролегаетъ по возвышенной продольной долинѣ, склоняющейся постепенно къ востоку: слѣва возвышается Машукъ въ видѣ шатра съ закругленною вершиною, справа невысокій хребетъ туфенныхъ скалъ, составляющій продолженіе Горячей горы. Дорога эта постоянно и все болѣе и болѣе склоняется влѣво, къ крутому скату Машука, и вьется змѣйкой между рѣдкимъ кустарникомъ. Чѣмъ дальше въ сторону отъ дороги, тѣмъ кустарникъ становится гуще. Это смѣсь самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ: дуба, ясени, вяза, клёна, осины, тополя, осокори, боярышника, бересклета, свидины, калины, кизиля, гордины, терна, граба, бирючины, бузины, винограда и др.; но нѣтъ ни нашихъ березъ, ни нашихъ обыкновенныхъ хвойныхъ породъ (сосны, ели и пр.). Вся эта чаща зелени, съ нѣкоторой высоты, представляется въ видѣ одной сплошной зеленой массы, на которой пятнами бѣлѣются букеты бузины и шиповника. Именно вслѣдствіе этой густоты, всѣ кустарники снизу, у корней, представляются какъ-бы вовсе лишенными жизни: они голы и безлиственны, даже и трава скудно пробивается между ихъ корнями; вся же растительная сила кажется сосредоточенною на верхнихъ оконечностяхъ. Внизу, у корня, подъ защитою густыхъ вѣтвей, и темно, и сыро, и прохладно; вверху свѣтло, сухо, жарко. Нерѣдко въ тѣни, при землѣ, термометръ показываетъ 12° Р., и въ тоже время, на нѣкоторой высотѣ, особенно вблизи голыхъ скалъ, поднимающихся изъ зелени, температура доходитъ до 37° Р. Совершенно другой видъ представляетъ эта кустарниковая чаща зимою. Густые туманы, столь обыкновенные на такой возвышенной мѣстности, покрываютъ сверху кустарникъ густымъ слоемъ инея, который, намерзая болѣе и болѣе, сростаясь, образуетъ наконецъ одну сплошную массу, прикрывающую сверху весь лѣсъ. Говорятъ, что иногда эта ледяная пелена достигаетъ такой плотности, что по ней можно ходить; но если неосторожному охотнику случится провалиться сквозь нее, то ему придется долго пробираться подъ этимъ хрустальнымъ сводомъ, прежде нежели онъ достигнетъ выхода.

Дорожка, ведущая къ провалу, наконецъ съуживается въ тропинку; приходится оставить экипажъ и идти пѣшкомъ; но отсюда уже недалеко до провала: уже виднѣется изъ-за кустарника верхній край осыпи и явственно ощутителенъ запахъ сѣроводорода. Неожиданно выходишь на площадку въ нѣ-

сколько саженъ длины и ширины. Вправо она круто обрывается въ оврагъ, влѣво виднѣется верхнее устье провала, а за нимъ высокая осыпь, распростирающаяся вверхъ по скату горы. Невольно путешественникъ замедляетъ свой шагъ и осторожно приближается къ краю бездны. У немногихъ хватитъ отваги стать на самую окраину, чтобъ оттуда заглянуть въ глубь провала. Нужно имѣть очень крѣпкіе нервы, привычку матроса или столичнаго красильщика домовъ, чтобъ безъ содроганія, не страшась головокруженія, очень опаснаго въ такомъ положеніи, заглянуть въ зіяющую пасть провала, опускающуюся внизъ почти вертикально. Всего лучше, слѣдуя примѣру знаменитаго Палласа, лечь на землю и ползкомъ приближаться къ окраинѣ; но и тутъ шумъ отъ осыпающихся изъ-подъ рукъ камней, глухо падающихъ на дно, заставляетъ спѣшить окончаніемъ опаснаго изслѣдованія. Немногіе рѣшались взойти и на мостикъ, который устроенъ былъ на краю бездны со стороны площадки, но котораго уже болѣе нѣтъ, по причинѣ проведенія къ провалу тоннеля, какъ увидимъ ниже. Отсюда провалъ представляется во всемъ своемъ ужасающемъ величіи. Внутри онъ имѣетъ видъ цилиндра, до осьми саженъ въ діаметрѣ и до двѣнадцати саженъ глубиною. Болѣе половины видимаго дна провала занято островомъ. Этотъ послѣдній съ трехъ сторонъ окруженъ водою, образующею какъ-бы два бассейна: меньшій вправо, большій влѣво. Бассейны соединяются между собою узкимъ проливомъ. На днѣ провала все кажется тихимъ, лишь слышится оттуда воркованье голубей, да изрѣдка доносится легкое, едва ощутительное шипѣніе газа, отдѣляющагося изъ воды. Тѣмъ поразительнѣе кажется шумъ, которымъ смѣняется эта тишина, когда камень случайно упадетъ сверху. Раздается глухой плескъ воды; голуби, которые колоніями живутъ въ расщелинахъ скалъ, въ испугѣ подпимаются съ своихъ мѣстъ, начинаютъ тревожно летать взадъ и впередъ и, не смѣя подняться вверхъ, бьются о скалы. Тяжкое хлопанье ихъ крыльевъ, отражаясь отъ скалъ, доносится въ видѣ глухаго подземнаго гула. Но обыкновенно эта тревога продолжается недолго: пернатые обитатели провала вскорѣ успокоиваются, разсаживаются по своимъ мѣстамъ и грозная тишина наступаетъ снова.

Впрочемъ голуби не единственные живые обитатели провала; летучія мыши, въ невѣроятномъ множествѣ, живутъ на днѣ его. Первые занимаютъ сѣверо-западную и сѣверо-восточную стѣны провала, т. е. свѣтлую половину; послѣднія же сплошными рядами, гирляндами, унизываютъ стѣны юго-западной пещеры и ближайшія къ ней стѣны провала, прикрытыя сверху отъ свѣта скалистымъ сводомъ. Противоположность въ мѣстообитаніи выражается такою же противоположностью въ образѣ жизни. Рано утромъ летучія мыши стаями возвращаются назадъ въ провалъ, убѣгая солнечнаго свѣта; навстрѣчу имъ вылетаютъ голуби, отправляющіеся за кормомъ. Вечеромъ, когда голуби садятся по мѣстамъ на покой, ихъ невзрачные сосѣди только-что начинаютъ просыпаться и готовятся къ отправленію на добычу. Впрочемъ, тѣ и другіе, повидимому, живутъ между собою мирно, ибо никогда не переходятъ за предѣлы своихъ владѣній.

Для простолюдина Большой провалъ — нѣчто вродѣ проклятаго мѣста. Около него непремѣнно приключаются всѣ несчастія. Пропадетъ ли безъ-вѣсти человѣкъ — онъ свалился въ провалъ, говорятъ всѣ. Случится пропажа,— похищенныя вещи брошены въ провалъ. «Гдѣ убитъ Лермонтовъ?» — «Тамъ, у провала», отвѣчаютъ вамъ. Многое въ народныхъ разсказахъ о провалѣ не лишено и исторической основы.

«Въ старину (разсказываютъ пятигорскіе старожилы), когда русскіе впервые поселились въ этомъ краѣ, отъ начальства былъ данъ казакамъ строжайшій наказъ не затѣвать ссоръ съ татарами, жить съ ними дружелюбно и ни подъ какимъ видомъ не употреблять въ дѣло оружія противъ нихъ. Татары знали это и, по давней непріязни, старались всячески обижать русскихъ поселенцевъ. Казаки, исполняя приказъ начальства, по-возможности сносили обиды, остававшіяся, по большей части, ненаказанными, ибо виновники находили средства уклоняться отъ законнаго суда; но иногда имъ приходилось не въ терпежъ и, при случаѣ, они заразъ и жестоко отплачивали татарамъ за постоянныя обиды. Несчастныя жертвы кровавыхъ схватокъ кидались въ провалъ, и, такимъ образомъ, концы дѣла прятались въ воду. Съ тѣхъ-то поръ и пошла дурная слава о провалѣ.» Спускъ въ провалъ и труденъ, и опасенъ; въ прежнее время онъ даже считался дѣломъ невозможнымъ. Въ пятидесятыхъ годахъ находились смѣльчаки, которые спускались въ провалъ.

Видъ, который открывается внизу, вполнѣ вознаграждаетъ за всѣ непріятности тяжелаго спуска. Нижняя часть провала, только въ половину видная сверху, образуетъ естественный гротъ, равно изумляющій наблюдателя и громадностью своихъ размѣровъ, и причудливостью своихъ очертаній. Подземное озеро, окружающее со всѣхъ сторонъ островъ и глубоко вдающееся подъ своды юго-западной стѣны, своимъ темнымъ, мрачнымъ цвѣтомъ увеличиваетъ еще болѣе оригинальность картины. Основаніе грота овальное. Наибольшая ось овала имѣетъ тринадцать саженъ длины.

Вообще провалъ имѣетъ видъ цилиндра (около 8 саж. въ діаметрѣ и $12^1/_2$ выш.), съ небольшимъ перехватомъ на срединѣ высоты и съ широкимъ неправильнымъ расширеніемъ у юго-западной стороны его основанія. Снизу глубина провала кажется гораздо значительнѣе, чѣмъ сверху: человѣкъ, спускающійся сверху, представляется сказочнымъ карликомъ, гномомъ, который, раскачиваясь—то приближаясь къ стѣнѣ, то удаляясь отъ нея—какъ паукъ медленно спускается, по длинной нити, въ свое подземное жилище.

Въ юго-западномъ углу провала, какъ разъ на продолженіи большой оси дна провала, находится пещера, образующая нѣчто вродѣ темной ниши, наполненной водою, она при входѣ имѣетъ около $1^1/_2$ саж. шир. и около $1^3/_4$ саж. выш. Углубляясь внутрь, пещера съуживается, понижается и въ концѣ какъ-бы склеивается, переходя въ двѣ трещины. Изслѣдовать эти трещины оказалось невозможнымъ, по причинѣ узкости ихъ и неровности стѣнъ. Длина пещеры около двухъ саж. Глубина воды въ пещерѣ весьма значительна: при входѣ 28 фут., при концѣ 38.5 фут. Вода столь прозрачна, что на глубинѣ полуторы сажени ясно видны камни. Подводное дно

съуживается и переходитъ въ щель. На концѣ пещеры близъ трещинъ замѣчается весьма сильное отдѣленіе газовъ.

Островъ или, точнѣе, полуостровъ, на которомъ должны были пріютиться путешественники, имѣетъ видъ весьма остраго конуса, съ овальнымъ основаніемъ, въ $1^1/_2$ саж. выш. Нѣсколько значительный камень, падающій сверху, обыкновенно приводитъ всю массу острова въ движеніе. Камни, получивъ толчокъ, начинаютъ медленно ворочаться, скользятъ по крутому скату, увлекая другъ друга, какъ змѣи ползутъ полосою въ воду и скрываются одинъ за другимъ въ глубинѣ ея съ глухимъ, продолжительнымъ шумомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, вода большаго бассейна начинаетъ волноваться: сначала на ней показываются, съ шипѣніемъ, отдѣльные большіе пузыри, но вскорѣ вся масса воды какъ будто закипаетъ и весь бассейнъ покрывается густою, бѣлою пѣной. Явленіе закипанія на первый разъ по-истинѣ весьма поразительно. Объясняется оно очень просто. Камни, скатываясь внизъ, приводятъ въ движеніе минеральную воду, наполняющую бассейнъ, отчего со дна бассейна мгновенно поднимается масса газовъ, дотолѣ остававшихся въ растворенномъ состояніи (вслѣдствіе значительной глубины воды, а слѣдовательно и большаго давленія на дно), или въ видѣ пузырьковъ, прилипавшихъ къ подводнымъ камнямъ. Послѣ нѣсколькихъ повторительныхъ опытовъ этого рода вода уже едва вскипаетъ и нужно довольно долгое время, чтобы явленіе могло возобновиться съ прежней силой.

Спускъ и всходъ на островъ очень трудны, а къ сторонѣ большаго бассейна при недосмотрѣ и опасны. Камни постоянно осыпаются подъ ногами и увлекаютъ за собою въ глубь воды.

Озеро занимаетъ около трехъ четвертей поверхности дна провала и образуетъ два неравныхъ бассейна: большій находится въ юго-западной части къ сторонѣ пещеры, которую и наполняетъ; меньшій къ сѣверо-восточной части.

Въ провалѣ очень ощутителенъ запахъ сѣроводорода. Всѣ серебряныя вещи, равно какъ и измѣрительные шнуры, окрашенные бѣлою краскою (бѣлилами), почернѣли весьма быстро.

Впрочемъ дышать можно свободно, и только послѣ продолжительнаго пребыванія на днѣ провала ощущается тяжесть въ головѣ и даже головокруженіе. Всего сильнѣе страдали этими припадками, похожими на легкій угаръ, тѣ, которые занимались промѣромъ глубины, что, впрочемъ, и понятно, ибо надъ водою постоянно держится довольно густой слой углекислоты.

Вода въ провалѣ совершенно чиста, безцвѣтна и только послѣ долгаго стоянія получаетъ слабый бѣлесоватый оттѣнокъ и даетъ небольшой отсѣдъ. Она издаетъ сильный запахъ сѣроводорода и, почерпнутая въ стаканъ, отдѣляетъ изъ себя въ большомъ количествѣ пузырьки газа, особенно при взбалтываніи. Глубина провала отъ верхней его окраины до поверхности воды — 88.5 футовъ или 12.65 саж.

Въ 1858 г. къ провалу проведенъ почетнымъ гражданиномъ П. А. Лазарикомъ тоннель въ $20^1/_2$ саж. длины и по одной сажени въ ширину и вышину.

На днѣ провала тоннель выходитъ у юго-западнаго угла полуострова, вершка на четыре выше поверхности воды въ провалѣ. Такъ какъ галерея получаетъ свѣтъ только съ концовъ, то въ срединѣ ея темно, какъ въ сумерки. Передъ наружнымъ входомъ въ тоннель сдѣлана небольшая площадка. Изъ города къ ней проложена экипажная дорога.

На днѣ провала устроена деревянная, большая пловучая купальня, а на полуостровѣ въ одномъ мѣстѣ выкопанъ бассейнъ для питья воды.

Вода провала очень полезна въ ревматизмахъ, золотухѣ и особенно глазныхъ болѣзняхъ.

КИСЛОВОДСКЪ И НАРЗАНЪ.

Восхитительный Кисловодскъ! Кисловодскъ это кавказскій рай! Подобные восторженные возгласы, конечно, не разъ доводилось слышать и встрѣчать въ печати нашимъ читателямъ. И дѣйствительно, почти у каждаго больнаго, возвратившагося съ водъ, въ ряду свѣтлыхъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ длиннаго и разнообразнаго путешествія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ воспоминаніе о Кисловодскѣ и Нарзанѣ.

Но чѣмъ же такъ плѣняетъ Кисловодскъ? Вопервыхъ, здѣшній климатъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ и здоровыхъ на Кавказѣ, воздухъ чисто горный, легкій, сыроватый; имъ дышется какъ-то особенно легко и пріятно.

Въ іюлѣ и августѣ, т. е. въ самый развалъ курса леченія углекисложелѣзными водами, здѣсь стоитъ по большей части погода ясная, но вовсе не сухая; въ то же время въ мѣстностяхъ, болѣе низкихъ и лежащихъ сѣвернѣе, напр., по сосѣдству съ Пятигорскомъ, нерѣдко идутъ дожди, предвѣстники осени.

Вовторыхъ мѣстность кисловодская много поэтичнѣе мѣстности Пятигорска, не говоря уже объ Есентукахъ (съ желѣзисто-щелочными водами). Въ Пятигорскѣ и даже въ Желѣзноводскѣ, несмотря на множество отдѣльныхъ возвышенностей, круто и высоко воздымающихся, преобладающій характеръ мѣстности степной, въ Кисловодскѣ же исключительно горный. Здѣшнія горы вообще имѣютъ видъ террасъ, или пирамидъ, громадныхъ по своимъ горизонтальнымъ размѣрамъ и плоскоусѣченныхъ на сравнительно небольшой вышинѣ. Склоны этихъ пирамидъ мѣстами совершенно отвѣсны и голы; мѣстами же — и это чаще — имѣютъ видъ ступенчатый и покрыты не густою, но превосходною травяною зеленью, напоминающею своимъ видомъ, даже среди лѣта, о первыхъ весеннихъ дняхъ. Взбираясь довольно легко по этимъ ступенямъ, путешественникъ постоянно находится въ убѣжденіи, что онѣ выведутъ его на широкую, луговую равнину, болѣе или менѣе покатую, или всхолмленную. Поляна эта — отдѣльная частица одной огромной плоскости, которая, начинаясь почти у Эльборуса, неопредѣленно растягивается въ направленіи къ сѣверу.

Съ такихъ возвышенныхъ полянъ открывается восхитительный видъ на Эльборусъ: всѣ наиболѣе замѣчательныя особенности горы видны, даже для невооруженнаго глаза, очень ясно.

Дабы вполнѣ насладиться видомъ Эльборуса, необходимо быть на террасѣ рано утромъ, предъ самымъ восходомъ солнца, или вскорѣ послѣ восхожденія. Мѣстъ для прогулокъ пѣшкомъ и кавалькадами въ Кисловодскѣ много; да и самая кисловодская долина, суровыя ущелья Березовки и Ольховки, водопадъ на р. Березовкѣ, причудливая Кольцо-гора, долины Подкумка, Бургустанъ съ Римъ-горой и пр.

Мѣстность, сосѣдственная съ Кисловодскомъ, совершенно безлѣсна: на скатахъ возвышеній, на вершинныхъ полянахъ не видно ни дерева, ни кустика; у путешественника передъ глазами однѣ сѣробѣлыя мѣловыя скалы, да свѣтлая зелень травъ, испещренная желтыми, синими цвѣтами. Но зато какъ хорошъ кисловодскій паркъ, разстилающійся по обоимъ берегамъ р. Ольховки; съ своими высокими, густолиственными акаціями, липами, пирамидальными тополями, невольно напоминающими о югѣ, о пальмахъ. И потомъ знаменитый минеральный источникъ.

Представьте осмиугольный колодезь или исполинскій чанъ, вродѣ употребляемыхъ на пивоваренныхъ заводахъ, около сажени въ длину и ширину и до 5 арш. глубиною, представьте, что вода этого чана кипитъ, какъ говорятъ, бѣлымъ ключемъ, и вы составите приблизительное понятіе о Нарзанѣ. Поверхность воды постоянно въ самомъ сильномъ волненіи; струи воды бѣлыми клубьями безпрерывно поднимаются со дна, вскидываются вверхъ и разсыпаются камнями. Волненіе снизу вверхъ такъ сильно, что даже тяжелыя тѣла, брошенныя въ воду, выбрасываются наружу. Шумъ, клокотаніе воды дотого громки, что, вблизи источника, едва слышенъ ближайшій говоръ. Но отъ кипящаго колодца вѣетъ не жаромъ, не паромъ, а прохладой, и въ воздухѣ очень явственно слышится пріятный кисловатый запахъ углекислоты.

Бассейнъ нашли нужнымъ обнести рѣшеткою, ибо бывали случаи, что посѣтители, отъ шума воды и отъ дѣйствія углекислоты, отдѣляющейся изъ воды, получали головокруженіе и падали въ воду. Что же сказать о самой водѣ, прохладной (10—11° Р.), прозрачной какъ кристаллъ, шипучей какъ шампанское, пріятнаго, кисловатаго вкуса, слегка щиплющей языкъ и ударяющей въ носъ, дѣйствующей на человѣка заразъ и возбуждающимъ, и укрѣпляющимъ образомъ, прохлаждающей и вмѣстѣ разливающей по всему тѣлу ощущеніе пріятной, здоровой теплоты!

Не даромъ же черкесы прозвали источникъ нарзаномъ, т. е. богатырскимъ напиткомъ.

ГРЕБЕНСКІЕ КАЗАКИ.

«Вся часть Терской линіи, по которой расположены гребенскія станицы, около 80 верстъ длины, носитъ на себѣ одинаковый характеръ, и по мѣстности, и по населенію. Терекъ, отдѣляющій казаковъ отъ горцевъ, течетъ мутно и быстро, но уже широко и спокойно, постоянно нанося сѣроватый песокъ на низкій, заросшій камышомъ, правый берегъ и подмывая обрывистый, хотя и не высокій, лѣвый берегъ съ его корнями столѣтнихъ дубовъ, гніющихъ чинаръ и молодаго подроста. Вдоль по лѣвому берегу, въ полуверстѣ отъ воды, на разстояніи семи и осьми верстъ одна отъ другой, расположены станицы. Въ старину большая часть этихъ станицъ были на самомъ берегу; но Терекъ, каждый годъ отклоняясь къ сѣверу отъ горъ, подмылъ ихъ, и теперь видны только густо-заросшія старыя городища, сады, груши, лычи и раины, переплетенныя ежевичникомъ и одичавшимъ виноградникомъ. Никто уже не живетъ тамъ, и только видны по песку слѣды оленей, бирюковъ, зайцевъ и фазановъ, полюбившихъ эти мѣста. Отъ станицы до станицы идетъ дорога, порубленная въ лѣсу на пушечный выстрѣлъ. По дорогѣ расположены кордоны, въ которыхъ стоятъ казаки; между кордонами, на вышкахъ, находятся часовые. Только узкая, саженей въ триста, полоса лѣсистой плодородной земли составляетъ владѣнія казаковъ. На сѣверъ отъ нихъ начинаются песчаные буруны ногайской или моздокской степи, идущей далеко на сѣверъ и сливающейся, Богъ знаетъ гдѣ, съ трухменскими, астраханскими и киргизъ-кайсацкими степями. На югъ за Терекомъ — Большая Чечня, Кочкалосовскій хребетъ, дальше снѣжныя Черныя горы, еще какой-то хребетъ и наконецъ снѣжныя горы, которыя только видны, но въ которыхъ никто, никогда, еще не былъ. На этой-то плодородной, лѣсистой и богатой растительностью полосѣ живетъ съ незапамятныхъ временъ воинственное, красивое и богатое, староверческое, русское населеніе, называемое гребенскими казаками.

«Очень, очень давно предки ихъ, старовѣры, бѣжали изъ Россіи и поселились за Терекомъ, между чеченцами на Гребнѣ, первомъ хребтѣ лѣсистыхъ горъ Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились съ ними и усвоили себѣ обычаи, образъ жизни и нравы горцевъ; но удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскій языкъ и старую вѣру. Преданіе, еще до сихъ поръ свѣжее между казаками, говоритъ, что царь Иванъ Грозный пріѣзжалъ на Терекъ, вызывалъ съ Гребня къ своему лицу стариковъ, дарилъ имъ землю по сю сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ ни къ подданству, ни къ перемѣнѣ вѣры. Еще до сихъ поръ казацкіе роды считаются родствомъ съ чеченскими, и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляютъ главныя черты ихъ характера. Казакъ, по влеченію, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы защищать его станицу, но который закуритъ табакомъ его хату. Онъ уважаетъ врага-горца, но презираетъ чужаго для него и угнетателя солдата. Собственно русскій мужикъ для казака

есть какое-то чуждое, дикое и презрѣнное существо, котораго образчикъ онъ видалъ въ заходящихъ торгашахъ и переселенцахъ—малороссіянахъ, которыхъ казаки презрительно называютъ шаповалами. Щегольство въ одеждѣ состоитъ въ подражаніи черкесу. Лучшее оружіе добывается отъ горцевъ, лучшія лошади покупаются и крадутся у нихъ же. Молодецъ-казакъ щеголяетъ знаніемъ татарскаго языка и, разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говоритъ по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, закинутый въ уголокъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высокой степени развитія и признаетъ человѣкомъ только одного казака; на все же остальное смотритъ съ презрѣніемъ. Казакъ большую часть времени проводитъ на кордонахъ, въ походахъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ почти никогда не работаетъ дома. Пребываніе его въ станицѣ — исключеніе изъ правила, и тогда онъ гуляетъ. Вино у казаковъ у всѣхъ свое, и пьянство есть не столько общая всѣмъ склонность, сколько обрядъ, неисполненіе котораго сочлось бы за отступничество. На женщину казакъ смотритъ какъ на орудіе своего благосостоянія; дѣвкѣ только позволяетъ гулять; бабу же заставляетъ съ молодости и до глубокой старости работать для себя, и смотритъ на женщину съ восточнымъ требованіемъ покорности и труда. Вслѣдствіе такого взгляда, женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получаетъ, какъ вообще на Востокѣ, безъ сравненія большее чѣмъ на Западѣ вліяніе и вѣсъ въ домашнемъ быту. Удаленіе ея отъ общественной жизни и привычка къ мужской тяжкой работѣ даютъ ей тѣмъ большій вѣсъ и силу въ домашнемъ быту. Казакъ, который при постороннихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своею бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство, оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство пріобрѣтено ею и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣжденъ, что трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику ногайцу и женщинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ, есть произведеніе этого труда, и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холопкой, лишить его всего, чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того, постоянный, мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ и поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частію и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешметъ и чувяки; но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хатъ составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ женщины, и особенно дѣвки, пользуются совершенною свободой. Станица Новомлинская считалась корнемъ гребенскаго казачества. Въ ней, болѣе чѣмъ въ другихъ, сохранились нравы старыхъ гребенцевъ, и женщины этой

станицы изстари славились своей красотой по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые сады, бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса, и военная добыча.»

(Замѣтка о происхожденіи гребенскихъ казаковъ.)

О происхожденіи гребенскихъ казаковъ существуютъ два мнѣнія: по одному —они въ половинѣ XVII в. самовольно перешли съ Дона на Терекъ. Участвуя въ донскомъ бунтѣ, произведенномъ происками Марины, жены Лжедимитрія и Заруцкаго, они бѣжали за р. Сунжу, а потомъ прибѣгнули къ милосердію императора Петра Великаго и по Высочайшей волѣ переселены были на лѣвый берегъ Терека, въ 1711 г. По другому мнѣнію — это была часть шайки, разбойничавшей по Волгѣ въ XVI столѣтіи. Подъ предводительствомъ атамана Андрея, товарища знаменитаго Ермака, она ушла на Каспійское море, поднялась по Тереку и заняла по сосѣдству съ кумыками опустѣлый городокъ, названный, въ честь атамана, Андреевымъ. Но есть основаніе предполагать, что гребенскіе казаки образовались еще раньше, чѣмъ Ермакъ бѣжалъ съ Волги. По преданіямъ гребенцевъ, царь Иванъ Грозный пріѣзжалъ на Терекъ, вызывалъ къ своему лицу съ Гребня стариковъ, дарилъ имъ землю по лѣвую сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ къ подданству. Въ народной пѣснѣ Грозный царь на вопросъ казаковъ, чѣмъ онъ ихъ подаритъ, отвѣчалъ:

Подарю васъ, казаченки,
Рѣкою вольною,
Что ни быстрымъ
Терекомъ Горыневичемъ,
Что отъ самаго Гребня
До синяго моря.

Но такъ какъ вопросъ о времени происхожденія гребенцевъ требуетъ еще значительной разработки, то въ настоящее время не безосновательно можно принять къ свѣдѣнію только слѣдующіе факты: 1) гребенцы первые изъ русскихъ переселились на Кавказъ и заняли мысъ, образуемый теченіемъ Терека и Сунжи; 2) къ нимъ присоединились новые выходцы изъ Россіи, въ томъ числѣ могла приселиться и часть Ермаковой шайки; 3) приселенія значительно усилились къ концу XVII в., когда начались преслѣдованія раскольниковъ и когда послѣдніе цѣлыми массами бѣжали съ Дона на Куму и Терекъ.

ДЯДЯ ЕРОШКА.

— Такъ-то, отецъ ты мой,- -говорилъ Ерошка,- -не засталъ ты *) меня въ мое золотое времечко, я бы тебѣ все показалъ. Ныньче Ерошка кувшинъ облизалъ, а то Ерошка по всему полку гремѣлъ. У кого первый конь, у кого шашка гурда **), къ кому выпить пойдти, съ кѣмъ погулять?

Кого въ горы послать, Ахметъ-хана убить? все Ерошка. Потому что я настоящій джигитъ былъ. Пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ. Ныньче ужъ и казаковъ такихъ нѣту.

Глядѣть скверно. Отъ земли вотъ (Ерошка указалъ на аршинъ отъ земли); сапоги дурацкіе надѣнетъ, все на нихъ смотритъ; только и радостей. Или пьянъ надуется; да и напьется не какъ человѣкъ, а такъ что-то. А я кто былъ? Я былъ Ерошка воръ; меня, мало по станицамъ, въ горахъ-то знали. Кунаки—князья пріѣзжали. Я бывало со всѣми кунакъ. Татаринъ—татаринъ; армяшка — армяшка; солдатъ — солдатъ; офицеръ — офицеръ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говоритъ, очиститься долженъ отъ міра сообщенія: съ солдатомъ не пей, а съ татариномъ не ѣшь.

— Кто это говоритъ?- -спросилъ Оленинъ.

— А уставщики наши. А муллу или кадія татарскаго послушай. Онъ говоритъ: «вы невѣрные гяуры, зачѣмъ свинью ѣдите?» Значитъ, всякій свой законъ держитъ. А по-моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хотя съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ; что Богъ далъ, то и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь, - - прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Что фальшь?- -спросилъ Оленинъ.

— Да что̀ уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Червленой, войсковой старшина кунакъ мнѣ былъ. Молодецъ былъ, какъ и я, такой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что это все уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говоритъ, трава выростетъ на могилкѣ, вотъ и все. (Старикъ засмѣялся.) Отчаянный былъ!

— А сколько тебѣ лѣтъ?- -спросилъ Оленинъ.

— А Богъ-е знаетъ! Годовъ семьдесятъ есть. Какъ у васъ царица была, я уже махонькій былъ. Вотъ ты и считай, много ли будетъ. Годовъ семьдесятъ будетъ?

— Будетъ. А ты еще молодецъ.

— Что же, благодарю Бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба вѣдьма испортила...

— Какъ?

— Да такъ и испортила...

---

*) Армейскій офицеръ Оленинъ.

**) Шашки и кинжалы, дороже всего цѣнимые на Кавказѣ, называются по мастеру Гурда.

— Такъ, какъ умрешь, трава выростетъ?--повторилъ Оленинъ. Ерошка видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помолчалъ немного.

— А ты какъ думалъ? Пей!--закричалъ онъ улыбаясь и подпося вино.

— Такъ о чемъ бишь я говорилъ?--продолжалъ онъ, припоминая.--Такъ вотъ я какой человѣкъ! Я охотникъ. Противъ меня другого охотника по полку нѣту. Я тебѣ всякаго звѣря, всякую птицу найду и укажу; и что и гдѣ, все знаю. У меня и собаки есть, и два ружья есть, и сѣти, и кобылка, и ястребъ, все есть, благодарю Бога. Коли ты настоящій охотникъ, не хвастаешь, я тебѣ все покажу. Я какой человѣкъ? Слѣдъ найду; ужъ я его знаю, звѣря, и знаю, гдѣ ему лечь, и куда пить или валяться придетъ. Лопазикъ *) сдѣлаю и сижу ночь, караулю. Что дома-то сидѣть! Только нагрѣшишь, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придутъ, тары да бары; мальчишки кричатъ; угоришь еще. То ли дѣло на зорькѣ выйдешь, мѣстечко выберешь, камышъ прижмешь, сядешь и сидишь, добрый молодецъ, дожидаешься. Все-то знаешь, что въ лѣсу дѣлается. На небо взглянешь? Звѣздочки ходятъ, разсматриваешь по нимъ, гляди, времени много ли. Кругомъ поглядишь? Лѣсъ шелыхается, все ждешь вотъ-вотъ затрещитъ, придетъ кабанъ мазаться. Слушаешь, какъ тамъ орлы молодые запищатъ, пѣтухи ли въ станицѣ откликнутся или гуси. Гуси—такъ до полночи, значитъ. И все это я знаю. А то какъ ружье гдѣ далече ударитъ, мысли придутъ. Подумаешь: кто это стрѣлилъ? Казакъ, также какъ я, звѣря выждалъ, и попалъ ли онъ его, или такъ только испортилъ, и пойдетъ сердечный по камышу кровь мазать, такъ даромъ. Не люблю, охъ! не люблю! Зачѣмъ звѣря испортилъ? Дуракъ! Дуракъ! Или думаешь себѣ: «Можетъ абрекъ какого казаченка глупаго убилъ». Все это въ головѣ у тебя ходитъ. А то разъ, сидѣлъ я на водѣ, смотрю зыбка (люлька) сверху плыветъ. Вовсе цѣлая, только край отломанъ. То-то мысли пришли. Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулъ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убилъ какой чортъ: взялъ за ножки, да объ уголъ. Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ души нѣтъ въ людяхъ! И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взялъ ружье, на нашу сторону пошелъ грабить. Все сидишь, думаешь. Да какъ заслышишь, по чащѣ табунокъ ломится, такъ и застучитъ въ тебѣ что. Матушки, подойдите. Обнюхаютъ, думаешь себѣ; сидишь не дрогнешься, а сердце: дунъ! дунъ! дунъ! Такъ тебя и подкидываетъ. Нынче весной такъ-то подошелъ табунъ важный, зачернѣлся. «Отцу и Сыну...» ужъ хотѣлъ стрѣлить. Какъ она фыркнетъ на своихъ на поросятъ. «Бѣда молъ дѣтки: человѣкъ сидитъ», и затрещали всѣ прочь по кустамъ. Такъ-такъ-бы, кажется, зубомъ съѣлъ ее.

— Какъ же это свинья поросятамъ сказала, что человѣкъ сидитъ?--спросилъ Оленинъ.

— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка, даромъ что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ

*) «Лопазикъ» называется мѣсто для сидѣнья на столбахъ или деревьяхъ.

примѣръ возьми; человѣкъ по слѣду пройдетъ—не замѣтитъ, а свинья, какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдуетъ и прочь; значитъ, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь божія. Эхъ-ма! Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!- -повторилъ нѣсколько разъ старикъ и, опустивъ голову, задумался.

Дядя Ерошка былъ заштатный и одинокій казакъ; жена его, лѣтъ двадцать тому назадъ, окрестившись въ православныя, сбѣжала отъ него и вышла замужъ за русскаго фельдфебеля; дѣтей у него не было. Онъ не хвасталъ, разсказывая про себя, что былъ въ старину первый молодецъ въ станицѣ. Его всѣ знали по полку за его старинное молодечество. Не одно убійство и чеченцевъ, и русскихъ было у него на душѣ. Онъ и въ горы ходилъ и у русскихъ воровалъ, и въ острогѣ два раза сидѣлъ. Большая часть его жизни проходила на охотѣ въ лѣсу, гдѣ онъ питался по суткамъ однимъ кускомъ хлѣба и ничего не пилъ кромѣ воды. Зато въ станицахъ онъ гулялъ съ утра до вечера. Вернувшись отъ Оленина, онъ заснулъ часа на два, и, еще до свѣта проснувшись, лежалъ на своей кровати и обсуживалъ человѣка, котораго вчера узналъ. Простота Оленина очень понравилась ему (простота въ томъ смыслѣ, что ему не жалѣли вина). И самъ Оленинъ понравился ему. Онъ удивлялся, почему русскіе всѣ просты и богаты, и отчего они ничего не знаютъ, а всѣ ученые. Онъ обдумывалъ самъ съ собою и эти вопросы, и то, чего бы выпросить себѣ у Оленина. Хата дяди Ерошки была довольно большая и не старая, но замѣтно было въ ней отсутствіе женщины. Вопреки обычной у казаковъ заботливости о чистотѣ, горница вся была загажена и въ величайшемъ безпорядкѣ. На столѣ были брошены: окровавленный зипунъ, половина сдобной лепешки и рядомъ съ ней ощипанная и разорванная галка для прикармливанія ястреба. На лавкахъ, разбросанные, лежали поршни, ружье, кинжалъ, мѣшечекъ, мокрое платье и тряпки. Въ углу, въ кадушкѣ съ грязною вонючею водой, размокали другіе поршни; тутъ же стояла винтовка и кобылка. На полу была брошена сѣть, нѣсколько убитыхъ фазановъ, а около стола гуляла, постукивая по грязному полу, привязанная за ногу курочка. Въ нетопленной печкѣ стоялъ черепочекъ, наполненный какою-то молочною жидкостью. На печкѣ визжалъ копчикъ, старавшійся сорваться съ веревки; и линялый ястребъ смирно сидѣлъ на краю, искоса поглядывая на курочку и изрѣдка справа налѣво перегибая голову. Самъ дядя Ерошка лежалъ навзничь на коротенькой кровати, устроенной между стѣной и печкой, въ одной рубашкѣ, и задравъ сильныя ноги на печку, колупалъ толстымъ пальцемъ струпы на рукахъ, исцарапанныхъ ястребомъ, котораго онъ вынашивалъ безъ перчатки. Во всей комнатѣ, и особенно около самаго старика, воздухъ былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ, но непріятнымъ, смѣшаннымъ запахомъ, который сопутствовалъ старику.

— Уйде-ма, дядя? (т. е. дома, дядя?) послышался ему изъ окна рѣзкій голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ сосѣда Лукашки.

— Уйде, уйде, уйде! Дома, заходи!--закричалъ старикъ.

— Тебѣ чихарю принесъ, дядя, что на кордонѣ обѣщалъ,--сказалъ Лукашка.

— Спаси тебя Христосъ,--проговорилъ старикъ; поднялъ валявшіяся на полу чамбары и бешметъ, надѣлъ ихъ, затянулъ ремнемъ, полилъ воды изъ черепка на руки, отеръ ихъ о старыя чамбары, кусочкомъ гребешка расправилъ бороду, и сталъ предъ Лукашкой.—Готовъ!--сказалъ онъ.

Лукашка досталъ чапуру, отеръ, налилъ вина и, сѣвъ на скамейку, поднесъ дядѣ.

— Будь здоровъ! Отцу и Сыну!--сказалъ старикъ, съ торжественностью принимая вино.--Чтобы тебѣ получить что желаешь, чтобы тебѣ молодцомъ быть, крестъ выслужить!

Лукашка тоже съ молитвою отпилъ вина, и поставилъ его на столъ.

Лукашка разсказалъ, какъ урядникъ отнялъ у него ружье, видимо желая знать мнѣніе старика.

— За ружьемъ не стой,--сказалъ старикъ:--ружья не дашь, награды не будетъ.

— Да что, дядя! какая награда, говорятъ, малолѣтку? *) А ружье важное, крымское, восемьдесятъ монетовъ стоитъ.

— Э, брось! Такъ-то я заспорилъ съ сотникомъ: коня у меня просилъ. Дай, говоритъ, коня, въ хорунжіи представлю. Я не далъ, такъ и не вышло.

— Да что, дядя! Вотъ коня купить надо, а баютъ, за рѣкой меньше пятидесяти монетовъ не возьмешь. Матушка вина еще не продала.

— Эхъ! мы не тужили,--сказалъ старикъ:--когда дядя Ерошка въ твои года былъ, онъ ужъ табуны у ногайцевъ воровалъ, да за Терекъ перегонялъ.

— Бывало важнаго коня за штофъ водки али за бурку отдашь.

— Что же, дешево отдавали?--сказалъ Лукашка.

— Дуракъ, дуракъ, Марка!--презрительно сказалъ старикъ.--Нельзя, на то воруешь, чтобы не скупымъ быть. А вы, я чай, и не видали какъ конейто гоняютъ. Что молчишь?

— Да что говорить, дядя?--сказалъ Лукашка.

— Не тотъ я былъ казакъ въ твои годы.

— Да что же?--спросилъ Лукашка.

Старикъ презрительно покачалъ головой.

— Дядя Ерошка простъ былъ, ничего не жалѣлъ. Зато у меня вся Чечня кунаки были. Пріѣдетъ ко мнѣ какой кунакъ, водкой пьянаго напою, ублажу, съ собой спать положу, къ нему поѣду, подарокъ, пешкешъ, свезу. Такъ-то люди дѣлаютъ, а не то что какъ теперь: только и забавы у ребятъ что сѣмя грызутъ, да шелуху плюютъ,--презрительно заключилъ старикъ, представляя въ лицахъ, какъ грызутъ сѣмя и плюютъ шелуху нынѣшніе казаки.

— Это я знаю,--сказалъ Лукашка.--Это такъ!

*) Малолѣтками называются казаки, не начавшіе еще дѣйствительной конной службы.

— Хочешь быть молодцомъ, такъ будь джигитъ, а не мужикъ. А то и мужикъ лошадь купитъ, денежки отвалитъ и лошадь возьметъ.

Они помолчали.

— А что, дядя? Сказывали, у тебя разрывъ трава есть,- -молвилъ Лукашка, помолчавъ.

— Разрыва нѣтъ, а тебя научу, такъ и быть: малый хорошъ, старика не забываешь. Научить что-ль?

— Научи, дядя.

— Черепаху знаешь? Вѣдь она чортъ, черепаха-то.

— Какъ не знать!

— Найди ты ея гнѣздо и оплети плетешокъ кругомъ, чтобъ ей пройдти нельзя. Вотъ она придетъ, покружитъ и сейчасъ назадъ; найдетъ разрывъ траву, принесетъ, плетень разоритъ. Вотъ ты и поспѣвай на другое утро, и смотри: гдѣ разломано, тутъ и разрывъ трава лежитъ. Бери и неси куда хочешь. Не будетъ тебѣ ни замка, ни закладки.

— Да ты пыталъ что-ль, дядя?

— Пытать не пыталъ, сказывали хорошіе люди. У меня только и заговора было, что прочту «здравствуитя», какъ на коня садиться. Никто не убилъ.

— Какая такая «здравствуитя», дядя?

— А ты не знаешь? Эхъ народъ! То-то дядю спроси. Ну слухай, говори за мной:

Здравствуитя живучи въ Сіони.
Се царь твой.
Мы сядемъ на кони.
Софоніе вопіе,
Захаріе глаголе,
Отче Мандрыче
Человѣко-вѣко-любче.

— Вѣко-вѣко-любче,- -повторилъ старикъ.- -Знаешь? Ну скажи!

Лукашка засмѣялся.

— Да что, дядя, развѣ отъ этого не убили? Може такъ?

— Умны стали вы. Ты все выучи, да скажи. Оттого худа не будетъ. Ну пропѣлъ «Мандрыче», да и правъ,- -и старикъ самъ засмѣялся.- -А ты въ Ногаи, Лука, не ѣзди, вотъ что!

— А что?

— Не то время, не тотъ вы народъ, дермо казаки вы стали. Да и русскихъ вонъ что пагнали! Засудятъ. Право, брось. Куда вамъ! Вотъ мы съ Гирчикомъ бывало...

И старикъ началъ-было разсказывать свои безконечныя исторіи. Но Лукашка глянулъ въ окно.

— Вовсе свѣтло, дядя,- -перебилъ онъ его.- -Пора, заходи когда.

— Спаси Христосъ, а я къ армейскому пойду, пообѣщалъ на охоту свести; человѣкъ хорошъ, кажись.

Оленинъ еще спалъ, и даже Ванюша, слуга Оленина, проснувшись, но еще не вставая, поглядывалъ вокругъ себя и соображалъ, пора или не пора, когда дядя Ерошка, съ ружьемъ за плечами и во всемъ охотничьемъ уборѣ, отворилъ дверь.

— Палокъ!- -закричалъ онъ своимъ густымъ голосомъ.- -Тревога! Чеченцы пришли! Иванъ! Самоваръ барину ставь. А ты вставай! Живо!- -кричалъ старикъ.

Оленинъ проснулся, и вскочилъ. И такъ свѣжо, весело ему стало при видѣ старика и звукѣ его голоса!

— Живо! Живо, Ванюша!- -закричалъ онъ.

— Такъ-то ты на охоту ходишь! люди завтракать, а ты спишь. Лямъ, куда?- -крикнулъ онъ на собаку.- -Ружье-то готово что-ль?- -кричалъ старикъ, точно цѣлая толпа народа была въ избѣ.

— Ну провинился, нечего дѣлать. Порохъ, Ванюша! Пыжи!- -говорилъ Оленинъ.

— Штрафъ!- -кричалъ старикъ.

— Для перваго раза прощается,- -шутилъ Оленинъ, натягивая большіе сапоги.

— Прощается для перваго раза,- -отвѣчалъ Ерошка,- -а другой разъ проспишь, ведро чихиря штрафу. Какъ обогрѣется, не застанешь оленя-то.

— Да хоть и застанешь, такъ онъ умнѣй насъ,- -сказалъ Оленинъ, повторя слова старика, сказанныя вечеромъ:- -его не обманешь.

— Да ты смѣйся! Вотъ убей, тогда и поговори. Ну живо! Смотри, вонъ и хозяинъ къ тебѣ идетъ,- -сказалъ Ерошка, глядѣвшій въ окно.- -Вишь убрался, новый зипунъ надѣлъ, чтобы ты видѣлъ, что онъ офицеръ есть. Эхъ! народъ, народъ!

Дѣйствительно, Ванюша объявилъ, что хозяинъ желаетъ видѣть барина. Ларжанъ,- -сказалъ онъ глубокомысленно, предупреждая барина о значеніи визита хорунжаго. Вслѣдъ за тѣмъ, самъ хорунжій въ новой черкескѣ, съ офицерскими погонами на плечахъ, въ чищенныхъ сапогахъ,—рѣдкость у казаковъ,—съ улыбкой на лицѣ, раскачиваясь вошелъ въ комнату и поздравилъ съ пріѣздомъ.

Хорунжій, Илья Васильевичъ, былъ казакъ образованный, побывавшій въ Россіи, школьный учитель и, главное, благородный. Онъ хотѣлъ казаться благороднымъ; но невольно, подъ напущеннымъ на себя, уродливымъ лоскомъ вертлявости, самоувѣренности и безобразной рѣчи, чувствовался тотъ же дядя Ерошка. Это видно было и по его загорѣлому лицу, и по рукамъ, и по красноватому носу.

Оленинъ попросилъ его садиться.

- Здравствуй, батюшка Илья Васильевичъ!- -сказалъ Ерошка, вставая и, какъ показалось Оленину, иронически низко кланяясь.

— Здорово, дядя! Ужъ ты тутъ?- -отвѣчалъ хорунжій, небрежно кивая ему головой.

Хорунжій былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ сѣдою, клинообразною бородкой, сухой, тонкій и красивый, и еще очень свѣжій для своихъ сорока лѣтъ. Придя

къ Оленину, онъ видимо боялся, чтобы его не приняли за обыкновеннаго казака, и желалъ дать ему сразу почувствовать свое значеніе.

— Это нашъ Нимвродъ египетскій,- -сказалъ онъ съ самодовольною улыбкой, обращаясь къ Оленину и указывая на старика.- -Ловецъ предъ господиномъ. Первый у насъ на всякія руки. Изволили ужъ узнать?

Дядя Ерошка, глядя на свои ноги, обутыя въ мокрые поршни, раздумчиво покачивалъ головой, какъ-бы удивляясь ловкости и учености хорунжаго, и повторялъ про себя «Нимродъ гицкій! Чего не выдумаетъ?»

— Да вотъ на охоту хотимъ идти,- -сказалъ Оленинъ.

— Такъ-съ точно,- -замѣтилъ хорунжій:- -а у меня дѣльце есть къ вамъ.

— Что прикажете?

— Какъ вы есть благородный человѣкъ,- -началъ хорунжій,- -и какъ я себя могу понимать, что мы тоже имѣемъ званіе офицера, и потому постепенно можемъ всегда страктоваться, какъ и всѣ благородные люди. (Онъ пріостановился и съ улыбкой взглянулъ на старика и офицера.) Но ежели бы вы имѣли желаніе, по согласію моему, такъ какъ моя жена есть женщина глупая въ нашемъ сословіи, не могла въ настоящее время вполнѣ вразумить ваши слова вчерашняго числа. Потому квартира моя для полковаго адъютанта могла ходить безъ конюшни за шесть монетовъ, а задаромъ я всегда, какъ благородный человѣкъ, могу удалить отъ себя. А такъ какъ вамъ желается, то я, какъ самъ офицерскаго званія, могу во всемъ согласиться лично съ вами, и какъ житель здѣшняго края не то какъ бы по нашему обычаю, а во всемъ могу соблюсти условія...

— Чисто говоритъ,- -пробормоталъ старикъ.

Хорунжій говорилъ еще долго въ томъ же родѣ. Изо всего этого Оленинъ не безъ нѣкотораго труда могъ понять желаніе хорунжаго брать по шести рублей серебромъ за квартиру въ мѣсяцъ. Онъ съ охотою согласился, и предложилъ своему гостю стаканъ чаю. Хорунжій отказался.

— По нашему глупому обряду,- -сказалъ онъ,- -мы считаемъ какъ-бы за грѣхъ употреблять изъ мірскаго стакана. Оно хотя, по образованію моему, я бы могъ понимать, но жена моя по слабости человѣческія...

— Что-жъ, прикажете чаю?

— Ежели позволите, я свой стаканъ принесу, особливый,- -отвѣчалъ хорунжій, и вышелъ на крыльцо. Стаканъ подай!- -крикнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и загорѣлая молодая рука, въ розовомъ рукавѣ, высунулась съ стаканомъ изъ двери. Хорунжій подошелъ, взялъ стаканъ и пошепталъ что-то съ дочерью. Оленинъ налилъ чаю хорунжему въ особливый, Ерошкѣ — въ мірской стаканъ.

— Однако, не желаю васъ задерживать,- -сказалъ хорунжій, обжигаясь и допивая стаканъ.- -Я, какъ есть, тоже имѣю сильную охоту до рыбной ловли, и здѣсь только на побывкѣ, какъ-бы на рекріаціи отъ должности. Тоже имѣю желаніе испытать счастіе, не попадутся ли и на мою долю дары Терека. Надѣюсь, вы и меня посѣтите когда-нибудь испить родительскаго, по нашему станичному обычаю,- -прибавилъ онъ.

Хорунжій откланялся, пожалъ руку Оленину и вышелъ. Покуда собирался Оленинъ, онъ слышалъ повелительный и толковый голосъ хорунжаго, отдававшаго приказанія домашнимъ. А черезъ нѣсколько минутъ Оленинъ видѣлъ, какъ хорунжій, въ засученныхъ до колѣнъ штанахъ и въ оборванномъ бешметѣ, съ сѣтью на плечѣ, прошелъ мимо его окна.

— Плутъ же, - - сказалъ дядя Ерошка, допивавшій свой чай изъ мірскаго стакана. - - Что же, неужели ты ему такъ и будешь платить шесть монетовъ? Слыхано ли дѣло! Лучшую хату въ станицѣ за два монета отдадутъ. Эка бестія! Да я тебѣ свою за три монета отдамъ.

— Нѣтъ, ужъ я здѣсь останусь, - - сказалъ Оленинъ.

ИЗЪ «ВАЛЕРИКА» ЛЕРМОНТОВА.

Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили,
Попарно цѣпь стоитъ вдали,
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ — разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
И какъ дрались, и какъ ихъ били...
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ.
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу! — дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ!..
Вотъ крикъ... Но жара ужъ спала,
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;

Вотъ проскакалъ одинъ, другой:
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что, вьючитъ что-ли капитанъ?»
«Повозки!.. выдвигайте живо!»
«Савельичъ!..» — ой - ли? — «дай огниво!»
Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудитъ музыка полковая,
Между колоннами, въѣзжая,
Звенятъ орудія; генералъ
Впередъ со свитой проскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ — два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣдетъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?
Сейчасъ... смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!..»
«Что, раненъ? — Ничего, бездѣлка!»
И завязалась перестрѣлка.
Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья
Какъ на трагическій балетъ;
Зато видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь,—будетъ время,—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться.
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
  Образокъ святой
Ты его, моляся Богу,
  Ставь передъ собой,
Да, готовясь въ бой опасный,
  Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
  Баюшки-баю.

ПРОКАЗА.

Болѣзнь эта въ народѣ извѣстна подъ названіемъ **крымки**, а также скорби. Она состоитъ въ пораженіи кожи буграми и пятнами темно-синяго мѣднаго цвѣта, преимущественно конечностей и лица. Послѣднее до такой степени обезображивается, что получаетъ звѣрипое выраженіе—иногда напоминающее обезьяну. Бугры переходятъ въ отвратительнѣйшія, гніющія язвы, которыя истощаютъ больнаго, занимаютъ также зѣвъ и полость носа, разрушаютъ въ нихъ кости и хрящи.

Язвы обусловливаютъ отвратительный запахъ при дыханіи, а рубцы—съуженіе дыхательнаго горла. Наконецъ, ломота конечностей, тяжесть при дыханіи, тоска и страшное уродство дѣлаютъ самую жизнь бременемъ,—тѣмъ болѣе, что болѣзнь эта длится иногда лѣтъ двадцать и неизлечима. На Кавказъ проказа проникла лѣтъ сто тому назадъ и извѣстна по преимуществу въ станицахъ, заселенныхъ выходцами съ Дона и Волги. Еще живы старики, помнящіе время близкое къ заселенію линіи и указывающіе больныхъ проказою, прибывшихъ съ Дона. Изъ надъ-терскихъ станицъ проказа переносится въ станицы надъ-сунженскія. Мѣстное начальство обратило вниманіе на эту болѣзнь только съ 1843 г., вслѣдствіе чего и явились (съ 1850 г.) двѣ лечебницы для прокаженныхъ: въ ст. Горячеводской, близъ гор. Пятигорска, и въ ст. Наурской.

Въ народѣ утвердилось мнѣніе, что проказою прежде заболѣвало больше людей и что проказа заразительна. Поэтому общество исключало изъ среды своей прокаженныхъ. Для нихъ существовали отдѣльные домики въ садахъ, а такъ какъ населеніе станицъ, гдѣ проявлялась проказа, состоитъ изъ старообрядцевъ, то больные еще чаще удалялись въ скиты, гдѣ они каялись, считая болѣзнь свою наказаніемъ Господнимъ; сюда благочестивые и родные приносили подаяніе и пищу, ибо прокаженные не смѣли показываться въ станицу. «Отвращеніе и боязнь заразы—говоритъ д-ръ Козловскій—были такъ велики, что полковой командиръ П. отдалъ-было приказаніе, въ случаѣ прихода больныхъ въ станицу, гнать ихъ шпицрутенами. Теперь этихъ домиковъ нѣтъ, но нѣкоторые больные еще спасаются, въ скиту; сама болѣзнь меньше воз-

буждаетъ отвращенія и опасенія заразы, чаще напротивъ — состраданіе, и мы видѣли не одинъ примѣръ семейной заботливости и супружеской любви, не взирая на наводящее ужасъ уродство кого-либо изъ членовъ семейства или одного изъ супруговъ.» Такъ напримѣръ въ ст. Галюгаевской д-ръ Козловскій видѣлъ казачку, больную проказою уже 18 лѣтъ. Несмотря на ужасное безобразіе, мужъ страстно къ ней привязанъ, живетъ супружескою жизнью и наслаждается прекраснымъ здоровьемъ. Гнѣздомъ проказы считаются станицы: Наурская, Ищерская и Стодеревская. Въ ст. Ищерской по преимуществу проказа считается заразительною; нѣкоторыя семейства здѣсь совершенно уничтожены этою болѣзнью, а потому и теперь здѣсь всѣ увѣрены, что зараза передается прикосновеніемъ, даже дыханіемъ больнаго, и что сами зараженные стараются передать проказу. Но хотя народъ усвоилъ себѣ мысль о заразительности проказы, однако д-ръ Козловскій приходитъ къ противоположному убѣжденію. Вотъ его выводы: «Единственная причина, поддерживающая эту болѣзнь на линіи, есть наслѣдственность; проказа чаще всего передается матерью; она равно сообщается мужескому и женскому колѣну; проказу усвоиваетъ одно, много двое дѣтей и у нихъ эта болѣзнь можетъ проявиться въ различныхъ возрастахъ и не въ одинаковой степени; болѣзнь эта весьма часто пропускаетъ одно, много два поколѣнія и появляется въ третьемъ, иногда съ большею жестокостью, чѣмъ у предковъ; если мужъ и жена больны проказою, то дѣти или вовсе не родятся, или умираютъ вскорѣ послѣ родовъ.»

ИЗЪ КОЧЕВОЙ ЖИЗНИ ТУРКМЕНЦЕВЪ, ОБИТАЮЩИХЪ ВЪ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Туркменскій народъ раздѣляется на три рода: Чавдуръ, Икдыръ и Соинъ-Аджи или Суинъ-Аджи. Между ними есть еще небольшой родъ Киргизъ.

Большое овцеводство туркменцевъ, ихъ огромные табуны лошадей и верблюдовъ требуютъ простора и частыхъ перемѣнъ пастбищныхъ мѣстъ,—вотъ главнѣйшая причина ихъ кочевой жизни.

Народъ избираетъ удобное для пастбищъ и водопоя мѣсто и располагается на немъ со всѣмъ своимъ имуществомъ и стадами. Что за картина! Бѣлыя, войлочныя кибитки въ безпорядкѣ раскинуты по зеленой степи. Огромныя стада овецъ разбрелись по полю; лошади разбились на семейные косяки; верблюды же врозь другъ отъ друга отыскиваютъ себѣ бурьянъ и колючку, кормъ, не употребляемый никакими другими животными.

Посмотрите, съ какимъ апетитомъ уничтожаетъ верблюдъ этотъ колючій кормъ, поднявъ голову кверху и съ самодовольствомъ и какою-то надменною гордостью озираясь вокругъ себя. Насытившись, онъ отыскиваетъ кучи золы, оставшіяся отъ стараго кочевья, и валяется въ нихъ съ особеннымъ наслаж-

деніемъ. Нельзя не сказать также нѣсколько словъ о правахъ лошадей и объ ихъ образѣ жизни. Каждый жеребецъ имѣетъ свой косякъ кобылицъ, за которыми онъ строго наблюдаетъ и за которыхъ ведетъ драку съ жеребцами другихъ косяковъ. Мнѣ разсказывали очень солидные туркменскіе старики, что жеребята-кобылицы остаются въ косякѣ до совершеннаго развитія, и какъ только они перестанутъ нуждаться въ матери, жеребецъ этого косяка изгоняетъ ихъ изъ своего сообщества, не нарушая съ ними отцовскихъ отношеній. Это впрочемъ бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда жеребецъ имѣетъ свой собственный косякъ.

Туркменцы кочуютъ круглый годъ. Сборы для перекочевокъ обыкновенно бываютъ весьма непродолжительны.

Вотъ Чавдуровъ родъ собрался въ кочевку: кибитки разобраны, имущество тоже, все навьючено на верблюдовъ. Стада и табуны отправляются прежде всего, за ними слѣдуетъ и самое кочевье. Тарантасъ народнаго пристава несутъ, во весь духъ, пять степныхъ аргамаковъ. Кучеръ туркменецъ отчаянно сидитъ на козлахъ, онъ и не думаетъ сдерживать лошадей, вполнѣ сознавая всю безполезность подобныхъ попытокъ; напротивъ, онъ безпрестанно понукаетъ выносного, и тарантасъ, сопровождаемый десяткомъ запасныхъ лошадей, несется черезъ кочки и канавы по безконечной равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ. Ѣздить иначе по калмыцкимъ степямъ *) на необъѣзженныхъ и совершенно дикихъ лошадяхъ невозможно. Если заложить въ тарантасъ тройку такихъ дикихъ неучей, они начинаютъ бросаться изъ стороны въ сторону, или кружиться на одномъ мѣстѣ. Только выносные, управляемые форейторомъ, кое-какъ помогаютъ дѣлу. Чему только не подвергается несчастный тарантасъ при такой ѣздѣ! Какой крѣпости должны быть его оси и весь онъ, чтобы вынести всѣ эти ужасные толчки и прыжки. Но такіе скачки и прыжки ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ удовольствіемъ, какое испытываете вы во время грязи: при каждомъ, самомъ небольшомъ, подъемѣ, при каждомъ курганѣ лошади прехладнокровно останавливаются, и никакія понуканія, часто впродолженіе цѣлаго часа, не въ состояніи сдвинуть ихъ съ мѣста. Только помощью припряжекъ, изъ запасныхъ лошадей, всѣми возможными способами—спереди, сзади, за колеса, цѣпляя лошадей даже за хвостъ,—вамъ удастся кое-какъ продолжать путешествіе.

Вотъ тарантасъ нагоняетъ караванъ... Болѣе тысячи навьюченныхъ верблюдовъ, покрытыхъ коврами, украшенныхъ кистями изъ цвѣтной шерсти и большими колокольцами, съ важно возсѣдающими на нихъ разряженными туркменками, мѣрно колыхаясь, медленно выступали другъ за другомъ. Множество звонковъ, самыхъ разнообразныхъ тоновъ, дико, монотонно дребезжало по степи. Молодежь, сопровождавшая караванъ, гарцовала, горячила коней, скакала, стрѣляла изъ ружей, пѣла пѣсни и всѣми способами старалась заинтересовать прекрасный полъ. Туркменки, кокетливо изгибая свой станъ и гра-

*) Туркменцы кочуютъ на калмыцкихъ степяхъ.

ціозно колыхаясь на верблюдахъ бросали украдкой на джигитовъ взгляды изъ-подъ своихъ покрывалъ. Пронзитъ такой взглядъ молодое сердце джигита, пришпоритъ онъ коня, взовьется и, какъ стрѣла, понесется по степи. Одобрительныя улыбки шлются ему вслѣдъ. Онъ возвращается обратно: фигуры женщинъ кажутся невозмутимо-скромными, ни одного лица не видно. Джигитъ молодцовато проносится мимо каравана... Вотъ взглядъ его остановился на одной фигурѣ, — покрывало приподнялось, сверкнули изъ-подъ него черные глаза, показалась улыбка, фигура кивнула привѣтливо головой... и опять вся закуталась, какъ ни въ чемъ не бывало. Такимъ образомъ перекочевка очень часто бываетъ причиною свадебъ.

Вотъ тарантасъ нашъ миновалъ караванъ и пустился къ мѣсту предстоящаго кочевья. Проѣхавъ довольно большое разстояніе и затѣмъ долину, онъ взобрался на крутую не каменистую гору, въ видѣ громаднаго кургана, на которомъ уже ожидала пристава раскинутая бѣлая кибитка. Что за видъ съ горы! У самой подошвы ея разстилалась, какъ чудный коверъ, зеленая долина, покрытая превосходною растительностью. Дальше мѣстность понижалась уступами, растительности уже не было и слѣда, — вся она успѣла выгорѣть отъ сильныхъ жаровъ; песчанниково-глинистый характеръ преобладалъ на всемъ этомъ пространствѣ и рѣзко отграничивалъ прекрасную долину. Караванъ тянулся длинною вереницею, оставляя за собою на большомъ разстояніи облако пыли; звукъ звонковъ едва доносился по-временамъ до насъ, замирая въ воздухѣ; изрѣдка между всадниками мгновенно явится бѣловатый дымокъ, разсѣется въ воздухѣ и тогда только донесется до насъ выстрѣлъ. Степь волнообразно разстилалась на необозримое пространство; желтая даль, раскаленная на солнцѣ, переходила въ какую-то неопредѣленную мглу и сливалась на горизонтѣ съ такимъ же неопредѣленнымъ небомъ;—ширь, безпредѣльная ширь была передъ нами...

Караванъ подошелъ къ долинѣ, разбрелся по ней и остановился. Женщины сейчасъ же принялись развьючивать верблюдовъ и устанавливать кибитки *). Шумъ, брань, суета сопровождали труды туркменокъ. Мужчинъ почти не было между ними: всѣ они отправились размѣщать табуны свои; цѣлыя группы дѣтей, то пестро разодѣтыхъ, то совершенно нагихъ, сновали въ этой суматохѣ и дорисовывали картину дикой, кочевой жизни.

Разбросанныя по зеленому лугу кибитки различныхъ оттѣнковъ, отъ бѣлаго цвѣта до темно-коричневаго, скоро задымились, — туркменки начали варить «калмыцкій чай» и другую незатѣйливую пищу. Пыль, поднятая караваномъ, улеглась—ландшафтъ прояснился...

Но вотъ дымъ изъ кибитокъ прекратился, и чавдуровцы принялись за чай, ужинъ, питье кумыса. «Не вспомнить ли и намъ о своихъ желудкахъ», сказалъ мнѣ начальникъ народа и потребовалъ къ себѣ своего повара-самоучку,

*) Женщина у всѣхъ магометанъ въ рабскомъ состояніи; женщина вѣчно трудится; всѣ работы по дому лежатъ на ней.

туркменца Аллибая. Искусство его въ гастрономіи простиралось до умѣнія варить супъ и щи, приготовлять пирожки, пловъ, жаркое и даже сальникъ изъ потроховъ съ сарачинскимъ пшеномъ.

Въ настоящее время походный столъ былъ быстро разложенъ Аллибаемъ и обѣдъ поданъ, но обѣдъ оказался на этотъ разъ не очень вкусенъ: хлопоты, новое мѣсто, поспѣшность, короткій срокъ—все это совершенно оправдывало Аллибая.

Послѣ обѣда мы съ начальникомъ вышли за кибитку и усѣлись на походныхъ стульяхъ. Къ намъ начали сходиться, отъ нечего дѣлать, туркменцы. Они раскланивались съ начальникомъ и, по предложенію его, усаживались на корточкахъ, по обыкновенію мусульманъ. Скоро возлѣ насъ образовался кружокъ человѣкъ въ пятнадцать. Между ними оказался и пѣвецъ-импровизаторъ съ постояннымъ своимъ инструментомъ таари *). Онъ пропѣлъ намъ нѣсколько пѣсенъ о жизни знаменитаго грабителя Кюръ-оглу (сына слѣпца). Кюръ-оглу пріобрѣлъ замѣчательную популярность между мусульманами: его прославляютъ персіяне и различныя племена закавказцевъ и кавказцевъ. Подвиги его пріобрѣли громкую славу; безчисленное множество пѣсенъ о немъ передается изъ рода въ родъ; импровизаціи постоянно слагаются; онъ считается предметомъ лучшихъ пѣсенъ; пѣсни эти съ наслажденіемъ слушаются всѣми мусульманами; они восхищаются подвигами героя, и Кюръ-оглу вѣчно живетъ въ памяти народа.

Наступили сумерки; народъ разошелся. Кое-гдѣ показались огоньки, это пастухи ужинали. Скоро совершенно стемнѣло, огни потухли; настала тишина въ кочевьи: изрѣдка только рѣзко, монотонно прореветъ верблюдъ вдалекѣ,—дико пронесется ревъ этотъ по окрестности, замретъ въ охладѣвшемъ воздухѣ—и опять все тихо, только сверчки да кузнечики трещатъ въ травѣ. Темносинее небо усѣяно звѣздами; блеснетъ вдругъ въ вышинѣ метеоръ, прокатится по небу, освѣтивъ мгновенно степь; едва замѣтно мелькнетъ ближняя кибитка и снова вокругъ васъ непроглядная, южная ночь...

А какъ хорошо утро въ этихъ чудныхъ степяхъ. Въ бѣлой кибиткѣ, убранной коврами, сквозь сладкій сонъ на зарѣ, слышите вы тихое. лѣнивое чириканье только-что проснувшагося жаворонка, вы слышите, какъ это чириканье, по мѣрѣ удаленія жаворонка отъ земли, становится громче и разнообразнѣе и наконецъ переходитъ въ переливающуюся, неумолкаемую трель. Вслѣдъ за этимъ утреннимъ пѣвцомъ поднимается другой, третій жаворонокъ— отовсюду льется ихъ чудное пѣніе. Нѣсколько времени вы не можете уснуть: васъ манитъ это пѣніе, вы думаете встать... легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, вы жметесь къ теплой постелѣ,—опять вамъ хорошо, но вы рѣшаетесь сейчасъ же подняться; проходитъ мгновеніе, а сонъ уже совсѣмъ овладѣлъ вами. Вы уснули не больше какъ на полчаса, а васъ уже вновь будятъ самые разнообразные голоса различныхъ четвероногихъ, выгоняемыхъ въ степь. Открывъ глаза, вы видите ясное утро, освѣтившее внутренность

*) Таари—родъ балалайки.

вашего войлочнаго жилища. Накинувъ на себя что-нибудь, выходите вы изъ кибитки. Яркіе лучи только-что взошедшаго солнца останавливаютъ васъ; миріады капель утренней росы брильянтами блестятъ на былинкахъ зеленой травы; множество самыхъ разнообразныхъ бабочекъ носится по цвѣткамъ; ласточки съ быстротою молніи рѣжутъ воздухъ своими острыми крыльями; вотъ одна пронеслась надъ самымъ вашимъ ухомъ, вильнула въ сторону за бабочкой, промахнулась, взмыла кверху и зачирикала свою коротенькую пѣсенку; ястреба плавно парятъ въ высотѣ, зорко посматривая по сторонамъ. Что за ароматъ отъ цвѣтовъ и травъ; что за прозрачность и чистота воздуха! Ни рѣзкой сухости, ни сырости не чувствуете вы, вамъ такъ привольно, отрадно дышать. Взгляните въ даль степи, и вамъ представится картина съ измѣнившеюся противъ вчерашняго обстановкою: лошади, оставаясь все время на полѣ и вполнѣ насытившись хорошей травой, лежатъ семейными же кружками; овцы подняли неумолкаемое блеяніе и передвигаются стадами съ ночлега на болѣе свѣжія мѣста; верблюды слѣдуютъ за ними, издавая по-временамъ монотонно-грустный ревъ на одну и ту же ноту, не прерывающуюся по четверти часа. Вотъ въ той же дали скачутъ всадники, между табунами лошадей, повѣряя цѣлость ихъ. Какая всюду вокругъ васъ жизнь!..

Нельзя не удивляться навыку туркменцевъ быстро повѣрять громадныя стада свои и притомъ съ удивительною точностью: не говоримъ уже о взрослыхъ коняхъ, но если даже жеребенка не окажется въ стадѣ, то табунщикъ нетолько не пропуститъ этого, но еще и разскажетъ подробно примѣты и возрастъ лошенка. Это, говорю, не можетъ не удивлять потому еще, что есть хозяева-туркменцы, у которыхъ въ стадѣ тысячи головъ. Два, три всего какихъ-нибудь пастуха повѣрятъ весь этотъ громадный табунъ въ какихъ-нибудь полчаса времени. Разъ я обратился съ вопросомъ къ переводчику начальника туркменскаго народа, не постигая, какимъ образомъ табунщики въ состояніи помнить безъ всякихъ описей примѣты каждой лошади? «Вы же знаете,—отвѣтилъ мнѣ переводчикъ,—гдѣ у васъ какая бумага лежитъ на столѣ; точно также табунщикъ знаетъ, какія у него лошади, удивительнаго тутъ нѣтъ ничего.» Затѣмъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ туркменецъ-старикъ, завѣдывающій въ видѣ главнаго повѣреннаго аулами и пастухами ихъ, называемый по-татарски «серкеръ», въ темную ночь, лежа въ кибиткѣ и услышавъ блеяніе одной овцы, приказалъ вынести ей ягненка, опредѣливъ тутъ же положительно примѣты овцы и ея дѣтища. Вотъ слухъ, вотъ наблюдательность!..

Религія туркменцевъ магометанская.

Администрація туркменцевъ вовсе несложна: народный приставъ есть ближайшій начальникъ; на немъ лежитъ вся забота управленія народомъ. При судопроизводствѣ всѣ дѣла по искамъ свыше 30 рублей рѣшаются по общимъ государственнымъ законамъ; мелкія же до 30 руб. разбираются и рѣшаются по обычаямъ (адатъ или по-туркменски эдетъ), черезъ посредство выборныхъ для того лицъ. Но туркменцы никогда не говорятъ, что такія дѣла рѣшаются адатомъ, а маслагамтомъ, т. е. всѣмъ совѣтомъ выборныхъ лицъ.

Туркменцы не обложены подушною податью, а вмѣсто нея на цѣломъ народѣ лежитъ обязанность содержать на свой счетъ пять съ половиною почтовыхъ станцій по тракту отъ гор. Кизляра къ Астрахани.

Все богатство туркменскаго народа, все его матеріальное благосостояніе, какъ сказано выше, составляетъ скотоводство. Хлѣбопашествомъ туркенцы никогда не занимаются, какъ кочевой народъ. Продажа овецъ и лошадей составляетъ единственную отрасль ихъ торговли.

Одинъ изъ главныхъ предметовъ насущной необходимости туркменца составляетъ такъ-называемый калмыцкій чай. Калмыцкій чай есть почти общеразорительное питье для туркменцевъ и разорительное потому именно, что питательность его, при легкомъ и скоромъ приготовленіи, вытѣснила изъ туркменской кухни всякую другую, болѣе дешовую пищу. Нѣтъ чая— туркменка голодна, голодно и все семейство; у ней болитъ голова; она лежитъ даже и, со стономъ, увѣряетъ мужа, что голова ея трещитъ отъ боли именно потому, что она сегодня не пила чаю. Понуждаемый такимъ, или почти такимъ путемъ къ пріобрѣтенію чая, туркменецъ скачетъ къ армянину-торговцу и, во что бы то ни стало, беретъ у него въ долгъ цибикъ или полъ-цибика чая, за огромную цѣну, сознавая, что и самъ онъ не можетъ обойтись безъ него болѣе дня и то утоляя жажду постояннымъ куреніемъ крѣпкаго табаку. Неимовѣрно огромные барыши берутъ на этомъ чаѣ торговцы-армяне съ туркменцевъ. Напившись чаю, туркменка дѣлается веселою, забываетъ о болѣзни и какъ-бы перерождается, не думая нисколько о томъ, чѣмъ заплочецъ будетъ долгъ. Но вотъ срокъ платежа наступаетъ и, при неуплатѣ долга, наростаютъ новые проценты, перемѣняется вексель, долгъ увеличивается, а взятый чай ужъ на исходѣ—и новаго не получить туркменцу нигдѣ въ долгъ иначе, какъ уже за тройные барыши. Такое безвыходное положеніе заставляетъ туркменца сбывать за безцѣнокъ своихъ овецъ, или другое движимое имущество тѣмъ же самымъ торговцамъ.

Между тѣмъ покупка муки и другіе домашніе расходы увеличиваютъ долгъ, или уносятъ у кочевика штуку за штукою рогатаго скота и прочую движимую живность и уносятъ такъ, что туркменцу и кочевать уже не на чемъ; у него нѣтъ ни верблюда, ни лошади; онъ покупаетъ кое-какъ, на занятыя у своихъ собратовъ деньги, два-три верблюда, и покупаетъ какъ вы думаете у кого—чаще всего у тѣхъ же самыхъ торговцевъ, въ добавокъ бывшихъ собственныхъ верблюдовъ, но не по такой уже цѣнѣ, по какой они перешли въ армянскія руки, а по такой, которая не можетъ не удивлять каждаго. Наступившій новый платежъ долговъ опять уноситъ верблюдовъ за безцѣнокъ. Дѣло доходитъ наконецъ до того, что туркменецъ впадаетъ въ совершенную нищету, а ему все-же не хочется отдѣлиться отъ своего народа, и онъ передвигается съ нимъ уже при помощи одноаульныхъ жителей. Вотъ туркменецъ и кибитки уже не имѣетъ: она износилась вся, и онъ помѣщается теперь съ семействомъ въ оставшейся отъ нея войлочной верхушкѣ, называемой «джулумъ» и поставленной на землѣ въ видѣ маленькой остроконечной копны. Но и въ этомъ горькомъ положеніи торговцы-

армяне на даютъ ему покоя и душатъ его требованіями долговъ, оправдываясь тѣмъ, что должникъ имѣетъ состояніе, но прикинулся только бѣднякомъ, не желая платить. Туркменецъ, для доказательства своей честности и надѣясь какъ-нибудь поправить свое положеніе, кидается въ другую крайность, но такую крайность, которая почти закабаляетъ его въ руки армянъ-торговцевъ. Эта кабала, или почти кабала устраивается слѣдующимъ образомъ: туркменцу, желающему поправить свое безвыходное положеніе, торговецъ-армянинъ, въ видѣ благодѣянія, предлагаетъ принять отъ него на пастьбу нѣсколько сотъ овецъ, нѣсколько штукъ рогатаго скота, лошадей и хотя одного верблюда, заключая вмѣстѣ съ тѣмъ условіе, на основаніи котораго довѣряется туркменцу пастьба овецъ и прочаго.

Итакъ казалось бы, что туркменецъ, взявъ по оцѣнкѣ на свое попеченіе положимъ 307 барановъ, 5 коровъ, 3 лошади и верблюда и заплативъ всѣ деньги, сдѣлается человѣкомъ со средствами, даже состоятельнымъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Ухаживая нѣсколько лѣтъ за скотомъ и умноживъ заботою своею стадо, послѣ взноса денегъ за него, бѣдный туркменецъ получаетъ только третью часть, ничтожную часть сравнительно съ количествомъ трудовыхъ лѣтъ и лишеній, испытываемыхъ пастухами-туркменцами въ зимнее и ненастное время. Но это хорошо еще. Для туркменца бываетъ и гораздо худшій исходъ. Если случится, что изъ стада пропадаетъ хотя одна овца, армянинъ заподозрѣваетъ туркменца въ воровствѣ и, на основаніи одного изъ пунктовъ своего условія, немедленно заводитъ кляузу; онъ всѣми силами старается обвинить туркменца, ссылаясь на то, что отъ похищеній овецъ приплодъ оказался малъ, тогда какъ онъ долженъ бы быть несравненно больше, а потому, чтобы сколько-нибудь будто-бы вознаградить себя, онъ отбираетъ отъ туркменца почти уже оплоченныхъ барановъ, безъ малѣйшаго снисхожденія къ его страдальческому положенію и безъ вознагражденія за затраченные попусту труды нѣсколькихъ лѣтъ. Послѣ этого всѣ надежды туркменца лопаются; онъ опять становится нищимъ и опять поневолѣ дѣлается данникомъ другого какого-нибудь афериста. Часто такимъ путемъ туркменцы бѣдняки остаются почти закабаленными, переходя изъ рукъ въ руки торгашей,—и рѣдкій, весьма рѣдкій изъ нихъ добьется снова какого-нибудь овцеводства и самостоятельности по хозяйству.

КАВКАЗСКІЯ ГОРЫ И ГОРЦЫ. ГРУЗІЯ СЪ ДРЕВНЕЮ КОЛХИДОЮ.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ, стоящій каменною стѣною между Азіей и Европой, по своему географическому положенію, по геологическому образованію его горъ и по разнообразію его жителей, привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе наблюдателя. Горы, наполняющія Кавказскій перешеекъ, не простираются правильными грядами, но образуютъ цли горные узлы, между собою перепутанные, или громадныя плоскогорія, изрѣзанныя ущельями. Между ними то возникаютъ гигантскія плутоническія сопки (пики), достигающія необыкновенной высоты, въ ребрахъ которыхъ хранится неистощимый запасъ ледниковъ, то являются живописные пригорки, покрытые богатою растительностью. Низменности, образовавшіяся между этими своеобразными группами, представляютъ то дикія разсѣлины и котловины, изъ которыхъ вырываются бурныя рѣки, то плодоносныя долины, питающія огромныя стада домашнихъ животныхъ. Вездѣ слѣды какого-то хаоса. «Пространство между Каспіемъ и Чернымъ моремъ—говоритъ сочинитель очерковъ геологіи Кавказа *)—взволновано разнообразными горами; точнѣе сказать, это цѣлый океанъ горъ, бурный, клокочущій, то воздымающійся до облаковъ, то упадающій въ бездны: тутъ видимо происходила нѣкогда ужасная борьба между земной корой и внутренними плутоническими силами, стремившимися поднять и разорвать ее.»

Дѣйствительно, если бросить взглядъ на кавказскія горы въ общемъ ихъ объемѣ, то представляется невольно сравненіе ихъ съ морскими волнами во время сильной бури, которыя въ такомъ видѣ внезапно окаменѣли. Но усиліе науки восторжествовало надъ затрудненіями, полагаемыми природою и на-

---

*) Г. Щуровскій.

селеніемъ Кавказа. Направленіе главнаго кряжа отыскано среди кажущагося хаоса; побочные отроги и соединеніе ихъ съ главнымъ хребтомъ опредѣлены; возвышенные пункты и другія замѣчательныя мѣстности, въ значительной части, измѣрены барометрически и тригонометрически; географическое положеніе, въ той же мѣрѣ, опредѣлено астрономически. Всѣмъ этимъ мы обязаны трудамъ офицеровъ генеральнаго штаба Кавказской арміи, въ числѣ которыхъ занимаетъ видное мѣсто генералъ Ходьзко. Но усилія науки не остановились на такихъ успѣхахъ. Геологическія и геогностическія изслѣдованія Кавказскихъ горъ не только открыли намъ внутренній составъ ихъ и формаціи, къ которымъ онѣ принадлежатъ, но указали главныя направленія ихъ поднятій, перевороты, притомъ происшедшіе, и геологическія эпохи такихъ поднятій. Послѣдними научными пріобрѣтеніями мы обязаны преимущественно академику Абиху, посвятившему этому дѣлу лучшіе годы своей жизни и связавшему свое имя съ геологіею Кавказа.

Не такая участь выпала на долю этнографіи Кавказа. Прошло слишкомъ 60 лѣтъ, какъ, съ владычествомъ русскихъ на Кавказѣ, началось ихъ знакомство съ его жителями, но этнографическія о немъ свѣдѣнія недалеко подвинулись впередъ. Конечно, этому препятствовала непріязнь большей части народовъ Кавказа къ русскимъ; но, независимо отъ этого обстоятельства, существовала и другая, не менѣе важная причина. При знакомствѣ съ жителями Кавказа не обращалось особеннаго вниманія на существенный признакъ, отличающій народы между собою, именно на языки, которыми они говорятъ. Попытки, въ этомъ родѣ, нашихъ академиковъ Гильденштедта и Палласа и иностранныхъ путешественниковъ—Клапрота, Каленатано, Боденштедта и др. не могли привести къ прочнымъ результатамъ, потому что эти ученые ограничивались записываніемъ нѣмецкими буквами, со слуха, нѣкоторыхъ словъ; тогда какъ только элементарныя формы и грамматическій строй представляютъ существенное основаніе каждаго языка и различіе его отъ другихъ. Для избѣжанія этого недостатка и для разъясненія запутанной этнографіи Кавказа, путемъ филологическимъ, составлена была отъ нашей Академіи наукъ особая программа (въ 1853 г.). Но она, какъ и всѣ программы, осталась бы надолго безъ исполненія, еслибы не явился надежный дѣятель на этомъ поприщѣ, въ лицѣ генерала Услара. Знакомый съ Кавказомъ и обладая способностью изучать языки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и духомъ настойчивости, предъ которою преклоняются всѣ препятствія, онъ, въ короткое время, успѣлъ уже сдѣлать довольно для лингвистики; но предпринятые имъ труды, въ послѣднее время, обѣщаютъ въ будущемъ еще болѣе. Прежде всего, Усларъ обратилъ вниманіе на недостатки употреблявшихся алфавитовъ, для изображенія звуковъ изучаемыхъ языковъ. Разбирая съ сею цѣлью разные алфавиты, онъ пришелъ къ убѣжденію, что система звуковъ грузинскаго алфавита есть самая приложимая къ кавказскимъ языкамъ. Но какъ знаки его употребляются только для языка грузинскаго, мало извѣстнаго внѣ Грузіи, въ самомъ Кавказѣ, то изображеніе буквъ принялъ Усларъ самаго общеизвѣстнаго здѣсь алфавита, который, безъ сомнѣнія, есть русская азбука. Буквы ея, съ необходимыми

дополненіями, прилагаются къ грузинской азбукѣ, и такимъ образомъ составился новый алфавитъ для языковъ и нарѣчій Кавказа. При этомъ пособіи разработаны имъ языки: абхазскій, чеченскій и аварскій; результаты трудовъ его помѣщены, съ лингвистическими дополненіями, академикомъ Шифнеромъ, въ «Мемуарахъ» нашей Академіи наукъ 1862, 1863 и 1864 годовъ (на нѣмецкомъ языкѣ). Въ настоящее время, Усларъ посвящаетъ труды свои на изученіе языковъ и діалектовъ Дагестана. Но, кромѣ Услара, въ послѣднее время были и другіе дѣятели въ разработкѣ кавказскихъ языковъ. Самое видное мѣсто, между этими дѣятелями, занимаетъ академикъ Шифнеръ, издавшій лингвистическія разработки Услара, съ своими дополненіями, и изслѣдовавшій подробно діалекты языковъ тушинъ и удовъ *) въ своихъ академическихъ студіяхъ, помѣщенныхъ въ трудахъ Академіи наукъ 1856 и 1863 годовъ. Ему же, вмѣстѣ съ покойнымъ академикомъ Шегреномъ, мы обязаны окончательною разработкою осетинскаго языка до такой степени, что можно было вывести безошибочно родственную связь его съ извѣстными уже языками, и указать осетинскому народу мѣсто въ общей классификаціи народовъ. Большею же частью свѣдѣнія о языкахъ Кавказа въ настоящее время представляютъ только матеріалы, требующіе дальнѣйшей обработки, и недостаточны для выводовъ сравнительной филологіи и для прочнаго основанія этнографіи Кавказа.

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНІИ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЪ.

Ужасное разрушеніе, неслыханное опустошеніе представляетъ цѣпь Кавказа. Ни одна страна въ мірѣ не была такъ изувѣчена вулканическими изверженіями, какъ Дагестанъ. Горы, подобно несчастнымъ, кажутся истерзанными отъ безпрерывной и отчаянной борьбы.

Древняя легенда повѣствуетъ, что дьяволъ постоянно приходилъ мучить одного любимаго Богомъ отшельника, жившаго на самой высокой горѣ Кавказа, въ ту эпоху, когда еще Кавказъ представлялъ рядъ горъ плодоносныхъ, покрытыхъ зеленью и доступныхъ. Отшельникъ испросилъ у Бога позволеніе заставить сатану, одинъ разъ навсегда, раскаяться за причиняемые имъ соблазны. Богъ разрѣшилъ ему, не спрашивая даже о средствахъ, какія будутъ имъ приняты для достиженія этой цѣли. Отшельникъ раскалилъ щипцы и когда дьяволъ, по своему обыкновенію, просунулъ голову въ дверь, святой человѣкъ призвалъ имя Божіе и схватилъ сатану за носъ раскаленными щипцами. Сатана почувствовалъ такую боль, что совершенно растерял-

---

*) Остатки удовъ, по словамъ Яповскаго, сохраняются въ Закавказьи, въ двухъ деревняхъ Варташенѣ и Неджѣ между Шемахой и Нухой, среди тюркскаго населенія.

ся и началъ плясать на горѣ, ударяя своимъ хвостомъ по Кавказу отъ Анапы до Баку. Отъ ударовъ хвоста сатаны образовались эти долины, ущелья, овраги, которые перекрещиваются такимъ многосложнымъ и безалаберпымъ образомъ.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отсель я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады:
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

ДЕРБЕНТСКІЙ И ВЛАДИКАВКАЗСКІЙ ПРОХОДЫ.

Два главныхъ прохода *) пересѣкаютъ весь Кавказскій хребетъ, цѣпь котораго можно разсматривать какъ непрерывную горную стѣну: проходъ Дербентскій или Албанскія врата древнихъ, на восточной оконечности Кавказа вдоль Каспійскаго моря,—дорога въ Персію,—и проходъ Владикавказскій или Кавказскія врата, по срединѣ горной цѣпи,—дорога въ Грузію, дорога въ Тифлисъ. Проходъ этотъ не имѣетъ древняго названія, ибо мѣстность эта неизвѣстна была древнимъ. Ни одинъ историческій извѣстный народъ не перешелъ чрезъ средину Кавказа, до самаго XIII в., когда по ней проходили монголы.

Дербентскій проходъ, длиною 70 миль, получилъ названіе свое отъ г. Дербента, находящагося по срединѣ его. Это, собственно говоря, не горный проходъ, а прибрежное ущелье на сѣверной персидской границѣ. Этотъ прибрежный путь (подобно дорогѣ, ведущей изъ Ниццы въ Марсель, вдоль нижней отлогости приморскихъ Альповъ) простирается отъ сѣвера къ югу, у восточной отлогости Кавказа, вдоль Каспійскаго моря и представляетъ единственное сообщеніе между нижней долиной Куры и сѣверной степной долиной Терека, между дельтами, образуемыми Курой и Терекомъ (между 39° и 44° сѣв. шир.). На концахъ его находятся низменныя болотистыя мѣста. Сотни самыхъ быстрыхъ горныхъ потоковъ, стремящихся на востокъ, осенью и весною, во время таянія снѣговъ и въ дождливое время, дѣлаютъ проходъ этотъ совершенно непроходимымъ. Наименьшая ширина его лежитъ подъ 41° 52′ сѣв. шир., у прибрежнаго города Дербента, этого древняго сѣвернаго персидскаго укрѣпленія. Въ этомъ мѣстѣ древніе персидскіе цари воздвигли огромную пограничную стѣну, простирающуюся съ вершины скалистыхъ отлогостей до самаго моря. Эта знаменитая кавказская стѣна ограничивала Персію къ сѣверу и преграждала собою дорогу вдоль морскаго берега. Стѣна эта окончена была въ царствованіе Сассанидовъ, въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ. Она напоминаетъ собою китайскую стѣну и играетъ на востокѣ ту же самую роль, какъ высокая цѣпь Кавказа на западѣ. Этимъ думали защитить Персію отъ нападенія сѣверныхъ народовъ и это дѣйствительно удавалось до VII или VIII вѣка. Стѣна оставалась неприступной во время переселенія народовъ и поэтому огромныя народныя волны разлились по Европѣ. Походъ Петра Великаго въ Дербентъ и сѣверную Персію (1721—1723) вновь открылъ эти врата европейцамъ и съ того времени Дербентъ находится подъ владычествомъ Россіи и есть главный городъ Дагестана. И теперь еще виднѣются остатки двойной кавказской стѣны, спускающейся съ горы, подобно двумъ рукавамъ, между которыми и построенъ Дербентъ. Обѣ стѣны примыкали къ берегу и

---

*) Въ послѣднее время предположено провести чрезъ кавказскую цѣпь еще двѣ дороги: одна пойдетъ въ Дагестанъ чрезъ долину р. Самура, а другая отъ Терека въ долину Ріона.

въ видѣ гаваней продолжались на нѣкоторое пространство въ самое море; между ними построена гавань для кораблей. Отъ желѣзныхъ воротъ, запиравшихъ древнія стѣны; городъ получилъ названіе Дуръ или Деръ, по-турецки—ворота, желѣзныя врата; у аравитянъ, во времена Калифовъ, назывались они Бабъ аль Абави — врата вратъ, porta portarum. Городъ этотъ въ то время составлялъ границу владѣній аравитянъ на сѣверѣ, имѣлъ религіозное значеніе, какъ граница между вѣрующими и невѣрными, и поэтому назывался Магометъ-Дербентъ—великія врата вѣрующихъ. Со стороны этихъ вратъ, какъ гласитъ восточное преданіе, придетъ гибель для азіатскихъ магометанъ.

Кавказскія врата—Владикавказъ, служащія дорогою въ Тифлисъ, получили названіе свое отъ горнаго укрѣпленія у сѣвернаго входа въ ущелье, построеннаго въ 1785 г.

Этотъ горный проходъ, удобный для ѣзды въ экипажахъ, проложенъ былъ въ пять лѣтъ въ царствованіе Александра I и напоминаетъ собою дорогу, ведущую чрезъ Симплонъ. Многіе утесы должно было взрывать порохомъ, множество скалъ и холмовъ были выравнены и много построено было мостовъ. Теперь тамъ воздвигнуты укрѣпленія, села и посты, составляющіе непрерывную укрѣпленную линію, ведущую чрезъ Кавказъ.

Отъ Владикавказа чрезъ галерею, взорванную внутри утеса, до крѣпости Дарьяла четыре дня пути (это въ прежнее время, а не теперь, когда тамъ устроена прекрасная шоссейная дорога). Крѣпость эта находится на крутой вершинѣ; узкое ущелье здѣсь не имѣетъ даже ста фут. въ ширину; квадратная башня огромнаго размѣра, относящаяся повидимому ко временамъ римскаго владычества, вѣроятно къ царствованію Льва I или Юстиніана, служила защитою древнимъ иберійскимъ вратамъ и представляетъ единственный слѣдъ горнаго укрѣпленія средняго высокаго гребня этой горной цѣпи. Крѣпость Дарьялъ (Dar—ворота) въ прежнее время служила самымъ сѣвернымъ пограничнымъ укрѣпленіемъ Грузіи и имѣла тогда большее значеніе, чѣмъ теперь, что доказываютъ намъ нѣсколько развалинъ, водопроводовъ и т. п. Горный проходъ, чрезъ глубокую долину Терека, вдоль дикихъ скалистыхъ стѣнъ ведетъ все выше и выше въ гору, къ подошвѣ Казбека, до Змииды. Эта кавказская горная деревня лежитъ на 4,955 фут. надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ повсюду проявляется самая дикая альпійская природа (См. Европа К. Риттера, пер. Вейнберга, стр. 83—86).

ОВВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

КАЗБЕКЪ И ЕГО ОВВАЛЪ.

Удобнѣйшій, самою природой указанный путь черезъ Кавказскій хребетъ составляютъ ущелья Терека и Арагвы. Рѣки эти, текущія—первая по сѣверному, а вторая—по южному склону Кавказскаго хребта, подходятъ такъ близко къ перевалу, что только на весьма небольшомъ протяженіи его приходится употребить особенныя усилія для проложенія искусственнаго пути. На всемъ

остальномъ пространствѣ хребта полотно военно-грузинской дороги проложено по ущельямъ помянутыхъ рѣкъ, составляющихъ естественный путь сообщенія между сѣвернымъ Кавказомъ и Закавказскимъ краемъ. Рѣзкую противоположность представляютъ собою обѣ вѣтви военно-грузинской дороги — южная и сѣверная. Въ долинѣ рѣки Арагвы горы, составляющія бока ущелья, имѣютъ большею частью пологіе скаты; вездѣ слѣды растительности и населенія; пейзажи величественны, но неугрюмы; для проложенія дороги всюду довольно простора. Совершенно иной видъ представляетъ дикое ущелье Терека. Здѣсь мѣстами нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ растительности; взоръ останавливается на однихъ голыхъ, исполинскихъ утесахъ; ни деревца, ни былинки на обнаженныхъ скалахъ. Только громадныя осыпи свидѣтельствуютъ о сокрушающей силѣ времени, которая успѣла оторвать отъ этихъ каменныхъ гигантовъ чудовищные обломки и въ ужасающемъ безпорядкѣ разбросать ихъ по скатамъ и дну ущелья. Нельзя себѣ представить ничего мрачнѣе и суровѣе этой мѣстности: всюду унылие запустѣнія и ужасъ разрушенія. Но угрюмое величіе Дарьяльскаго ущелья слишкомъ часто было описано путешественниками и воспѣто поэтами для того, чтобы долго останавливаться на немъ. Довольно, если мы прибавимъ, для полноты топографическаго очерка, что и безъ того узкое Дарьяльское ущелье на полупути между станціями Ларсъ и Казбекъ дотого съуживается, что клокочущія волны Терека (который именно въ этомъ мѣстѣ имѣетъ наибольшее паденіе) едва находятъ себѣ мѣсто между отвѣсныхъ скалъ, образующихъ его ложе. Можно сказать, что здѣсь, на протяженіи почти двухъ верстъ, внѣ дороги, высѣченной въ скалѣ, нѣтъ мѣста, куда бы могла ступить человѣческая нога. Въ прежнее время, еще долго послѣ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ, въ этомъ мѣстѣ не было проѣзда. Существовала обходная, горная тропа, подходившая почти подъ самые льды Казбека, по которой, въ началѣ текущаго столѣтія, проходили нетолько одиночные путешественники, но и войска. Только впослѣдствіи, когда произведенъ былъ гигантскій трудъ проложенія дороги въ отвѣсныхъ почти утесахъ праваго бока Дарьяльскаго ущелья, представилась возможность покинуть этотъ трудный, обходный путь. Въ этой-то, самой узкой, части ущелья, съ лѣвой стороны, впадаетъ въ Терекъ боковой притокъ Девдораки, берущій начало въ ледникахъ Казбека и низвергающійся внизъ по дикому и суровому ущелью того же имени.

По этому ущелью въ прежнія времена, черезъ различное число лѣтъ, ниспадалъ въ Терекъ огромный ледяной завалъ. Громада льда, снѣга и каменьевъ была такъ велика, что она сплошной массой отъ 40 до 60 саж. высоты ложилась въ ущелье Терека на протяженіи почти двухъ верстъ. Легко можно себѣ представить, какою помѣхой для правильнаго сообщенія между Грузіей и Россіей являлись подобные неожиданные посѣтители, въ особенности если принять въ разсчетъ топографическія условія мѣстности, которыя не даютъ возможности миновать этотъ узкій проходъ. Поневолѣ нужно было устраивать чрезъ завалъ временныя тропы, и это неудобство приходилось иногда испытывать по два года.

Тщательныя изслѣдованія въ архивахъ и на мѣстности обнаружили, что втеченіе послѣдняго двадцатилѣтія минувшаго и перваго тридцатилѣтія текущаго столѣтія съ горы Казбека упало шесть заваловъ. О послѣднихъ трехъ существуютъ офиціальныя донесенія. Они ниспадали въ 1808, 1817 и 1832 годахъ. Завалы минувшаго столѣтія сохранились только въ мѣстныхъ преданіяхъ и годы ихъ паденія въ точности не извѣстны. Мы представимъ здѣсь нашимъ читателямъ только краткое описаніе этого явленія въ 1832 г., составленное на основаніи офиціальныхъ донесеній. Завалъ обрушился 13 августа въ 5 часу утра. Онъ покрылъ ущелье Терека, на протяженіи около 2-хъ верстъ, и на нѣсколько часовъ запрудилъ рѣку, такъ что, по свидѣтельству старожиловъ, во Владикавказѣ втеченіе нѣсколькихъ часовъ можно было перебраться съ одного берега на другой по дну Терека. Въ высоту завалъ имѣлъ около 50 саженъ, а объемъ опредѣленъ офицерами корпуса путей сообщенія въ 1,600,000 кубическихъ саженъ. Но эта цифра выражаетъ только массу той части, которая упала въ ущелье Терека. По увѣренію жителей, завалъ, спустившись внизъ, не весь распространился по военно-грузинской дорогѣ: значительная часть его осталась въ Девдоракскомъ ущельи. Само собою разумѣется, что нельзя было разсчитывать на скорое таяніе этой громады, и потому пришлось приступить къ разработкѣ временной тропы сверхъ завала. Только въ августѣ 1834 г., слѣдов. ровно черезъ два года, массы льда стаяли настолько, что представилась возможность возобновить дорогу на твердомъ грунтѣ.

Съ 1832 г. явленіе это не повторялось. Нѣсколько разъ возобновлялись зловѣщіе признаки скораго паденія завала, — по крайней мѣрѣ мѣстные жители тревожили начальство извѣстіями о предстоящемъ паденіи его, — но дѣло обходилось благополучно. Грозный завалъ не трогался съ мѣста. Событіе его низверженія обратилось въ преданіе, которое, переходя изъ устъ въ уста и разукрашенное вымысломъ, сдѣлалось похожимъ на сказку. Разсказывали, что въ прежніе годы съ Казбека ниспадалъ громадный ледяной обвалъ регулярно черезъ каждыя семь лѣтъ, но что нынѣ массы снѣга, задержанныя обломкомъ скалы, случайно оторвавшимся вскорѣ послѣ завала 1832 г., нашли себѣ исходъ въ другую сторону, такъ что военно-грузинская дорога ограждена на будущее время отъ этой страшной катастрофы. Надобно удивляться, что это интересное явленіе, съ сущностью котораго не трудно было познакомиться, задавъ себѣ трудъ подняться на нѣсколько часовъ пути вверхъ по Девдоракскому ущелью, такъ долго оставалось неизслѣдованнымъ. Первый, кто въ недавнее время задалъ себѣ задачу всмотрѣться въ это явленіе поближе, былъ академикъ Абихъ. Побывавъ въ 1861 г. на мѣстѣ, онъ сообщилъ въ засѣданіи Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества свои замѣчанія объ этомъ предметѣ. Оказалось, что обвалъ происходитъ вслѣдствіе извѣстнаго явленія низверженія ледника. Говоря, что укоренившееся убѣжденіе относительно безопасности военно-грузинской дороги отъ паденія на него обвала далеко не такъ основательно, какъ вообще думаютъ, г. Абихъ указывалъ на необходимость обстоятельно изслѣдовать казбекскій ледникъ.

Для этой цѣли наряжены были въ 1862, 1863 и 1864 гг. особыя коммисіи. Я подоспѣлъ къ концу занятій коммисіи 1863 г. и былъ дѣятельнымъ участникомъ коммисіи 1864 г. Съ конуса горы Казбекъ или, какъ ее называютъ мѣстные жители, Бешламъ Кортъ, спускаются по разнымъ направленіямъ восемь отдѣльныхъ ледниковъ. Самый опасный изъ нихъ—ледникъ Девдоракскій, спускающійся внизъ съ крутыхъ утесовъ, нѣсколькими рукавами, наподобіе ледяныхъ каскадовъ. Безъ пояснительнаго плана было бы довольно трудно представить ясную картину расположенія различныхъ рукавовъ ледника. Скажемъ только, что нѣкоторые составляютъ самостоятельные ледники и не сообщаются между собою, другіе, напротивъ того, сливаются въ одинъ общій рукавъ, шириной въ 170 саж., который, на протяженіи почти двухъ верстъ, какъ-бы ледяною рѣкой спускается до высоты 7500 фут. надъ морской поверхностью. Лѣвый бокъ ледниковаго ущелья, къ которому ледникъ плотно примыкаетъ, представляетъ изъ себя почти на двѣ версты сплошную осыпь, а правый изрѣзанъ глубокими оврагами, наполненными снѣгомъ, который смѣшивается съ ледяными глыбами ледника. Крутость этой доступной части ледника весьма различна на всемъ его протяженіи, но вообще идетъ въ убывающемъ порядкѣ сверху внизъ. На всемъ протяженіи ледникъ представляетъ неровную, изрытую трещинами поверхность, около середины своей выдавшуюся горбомъ и понижающуюся къ обоимъ берегамъ. Различной величины камни и обломки скалъ покрываютъ всю поверхность, оставляя бѣлую, снѣговую полосу только по срединѣ, гдѣ они скатываются съ продольной выпуклости ледника, которая и остается чистою и бѣлою.

Лѣвая стѣна ледниковаго ущелья дотого съуживаетъ ущелье при оконечности ледника, что онъ кажется какъ-бы заключеннымъ въ котловинѣ. Лучше всего можно охарактеризовать эту замѣчательную по своему строенію мѣстность, если назвать часть ущелья, заключающую ледникъ, ледниковою котловиной, а узкое мѣсто при истокахъ Девдораки горломъ ледниковой котловины. Обвалы происходятъ вслѣдствіе отторженія отъ ледника его оконечности. Мѣсто, гдѣ происходитъ этотъ обломъ, жители точно указать не могутъ. Горло ледниковой котловины находится въ разстояніи $4^1/_2$ верстъ отъ Терека. Рѣчка Девдораки сначала шумнымъ потокомъ низвергается по камнямъ, а потомъ, принявъ въ себя съ лѣвой стороны, въ двухъ верстахъ отъ своего истока, притокъ Цахтанъ, течетъ съ меньшею быстротой по нижней, болѣе широкой и пологой части Девдоракскаго ущелья до впаденія въ Терекъ.

Трудно представить себѣ картину суровѣе и угрюмѣе Девдоракскаго ущелья. Массы обломковъ скалъ всевозможныхъ породъ и размѣровъ, разбросанныя въ страшномъ безпорядкѣ по дну и скатамъ ущелья, всюду каменные обвалы и слѣды снѣжныхъ заваловъ, оглушительный ревъ потока, все это способно навести на васъ ужасъ.

Говоря о Казбекѣ, было бы непростительно не сказать также нѣсколько словъ о его обитателяхъ, по крайней мѣрѣ о жителяхъ деревни Гвелети, которые были моими постоянными проводниками. Гвелетцы (или, какъ ихъ

просто называютъ, гулетцы) суть выходцы изъ кистинскаго ущелья и принадлежатъ къ чеченскому племени. Живя почти на самой военно-грузинской дорогѣ, они значительно утратили патріархальность горныхъ жителей, но между ними сохранились еще нѣкоторые типы, любопытные для изученія. Это охотники за турами (горными баранами).

Охота за этими звѣрями считается столь трудной и сопряженной съ такими опасностями, что въ Гвелетахъ, гдѣ до 50-ти дворовъ, считается только пять-шесть охотниковъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ этого дѣла ремесло. Надо удивляться необыкновенной ловкости, неутомимости и силѣ этихъ людей. Они переносятъ васъ на своихъ плечахъ черезъ быстрые потоки и буквально втаскиваютъ наверхъ въ трудно проходимыхъ мѣстахъ. При необыкновенной воздержности въ пищѣ, гвелетцы способны переносить неимовѣрныя трудности и приэтомъ всегда веселы и услужливы. Охота за турами — промыселъ почетный, но не выгодный. Всѣ охотники—бѣдняки, между тѣмъ какъ односельцы ихъ, занимаясь извозомъ, торговлей или работая на военно-грузинской дорогѣ, пользуются, сравнительно, гораздо большимъ благосостояніемъ. Но какъ бросить промыселъ, который приводитъ бѣднаго горца во всегдашнее соприкосновеніе съ столь дорогими его сердцу горами и который наполняетъ его жизнь сильными ощущеніями? Вотъ мѣсто, гдѣ горный духъ, раздосадованный на охотника за постоянное похищеніе туровъ въ его владѣніяхъ, сбросилъ на него груду камней и снѣга, отъ которой онъ спасся какимъ-то чудомъ; здѣсь, опрометчиво гонясь за раненымъ туромъ, онъ оборвался въ кручу и едва не лишился жизни. А вотъ тамъ возвышается изъ-подъ массы льда черная, неприступная скала. Нашъ охотникъ первый изъ смертныхъ взобрался на нее и въ доказательство своего подвига сложилъ на ней кучу изъ камней. Сколько энергіи и силы потрачено на эти подвиги и сколько приэтомъ переиспытано! Какъ же не приковаться всей душой къ этимъ суровымъ, горнымъ трущобамъ, къ этимъ скаламъ, которыя такъ безмолвно, но краснорѣчиво говорятъ о прошедшемъ, къ этимъ ледникамъ, которые представляютъ собой малый волшебный міръ, не лишенный поэзіи!

Между гвелетцами существуетъ повѣрье, что на Бешламъ-Кортѣ живетъ какая-то Мягкиненъ (горный духъ), не допускающая смертныхъ къ священной горѣ. Ея никто не видѣлъ, но многіе слышали ея пѣтушиный крикъ, которымъ она пугаетъ людей, дерзающихъ приближаться къ волшебному кругу, начертанному ею вокругъ Бешлама и за который никому не позволяется перешагнуть.

По мнѣнію гвелетцевъ, низверженіе массъ льда въ ледникѣ есть дѣло злой Мягкиненъ. Поэтому, для умилостивленія ея устроенъ въ Девдоракскомъ ущельи жертвенникъ даба. Жертвоприношеніями служатъ туры и другіе рога. Масса ихъ, набросанная на большое каменное возвышеніе, служащее жертвенникомъ, доказываетъ и усердіе туземцевъ, и умѣнье ихъ выбирать предметы для жертвоприношеній. Дрянные рога—вещь, конечно, столь же безполезная для самихъ жителей, какъ и для Мягкиненъ. Слѣдовательно, принося ихъ въ дань грозному духу, гвелетцы ничего не проигрываютъ, а

рискуютъ только выиграть расположеніе владычицы Бешлама. Отличный способъ показать свое усердіе самымъ дешевымъ образомъ! Какъ бы то ни было, но Мягкпнепъ, кажется, вдалась съ обманъ и простодушно повѣрила благочестивому усердію жителей; по крайней мѣрѣ со времени сооруженія этого незатѣйливаго жертвенника она перестала низвергать внизъ массы льда, которыми прежде такъ часто засыпала Дарьяльское ущелье. Въ какой-то день лѣтомъ устраивается въ честь Мягкпненъ празднество. Всѣ жители аула Гвелети собираются къ дабѣ и проводятъ время въ пляскахъ и пѣніи.

Вокругъ Казбека множество развалинъ церквей. Но самый замѣчательный памятникъ когда-то сильнаго здѣсь христіанства есть монастырь почти на рубежѣ вѣчнаго снѣга. Я разумѣю не ту каменную церковь съ оградой на высокой зеленой горѣ лѣваго берега Терека, которая видна съ казбекской станціи. Гораздо выше ея есть другой монастырь или, лучше сказать, нѣсколько келій въ скалѣ. Вблизи ихъ находится высѣченный изъ камня крестъ аршина въ два высоты. Когда вы проѣзжаете на почтовыхъ около этой мѣстности и разговоритесь съ ямщикомъ, онъ не пропуститъ случая разсказать, что гдѣ-то высоко на Казбекѣ есть монастырь, до котораго добраться нѣтъ никакой возможности. Человѣкомъ, отваживающимся на подобный подвигъ, овладѣваетъ сонъ, во время котораго онъ, незамѣтно для себя, скатывается внизъ.

Монастырь дѣйствительно существуетъ, но хотя и далеко, однако легко доступенъ. Значительную часть пути можно сдѣлать верхомъ. Въ половодье Терека были снесены на немъ туземные мосты, такъ что мнѣ нельзя было въ августѣ предпринять путешествіе къ этому любопытному мѣсту иначе, какъ дѣлая значительный обходъ, а когда я кончилъ свои занатія въ Девдоракскомъ ущельи, то дѣло подходило уже къ половинѣ сентября, когда предпринимать подобное восхожденіе уже слишкомъ поздно. По словамъ лицъ, посѣщавшихъ этотъ монастырь, нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ когда-то обитаемъ: жернова, остатки ручныхъ мельницъ, сохранившіеся въ кельяхъ, достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

СПОРЪ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою *)
Былъ великій споръ.

---

*) Эльборусъ.

«Берегись! — сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ: —
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ —
Берегитесь! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
«Не боюся я Востока! —
Отвѣчалъ Казбекъ: —
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима,
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ считая звѣзды
Про дѣла отцовъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ, не дряхлому Востоку
Покорить меня!»
«Не хвались еще заранѣ! —
Молвилъ старый Шатъ: —
Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньи
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамёны,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ,
И испытанный трудами
Бури боевой
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.

Густымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И на вѣкъ затихъ.

ЭЛЬБОРУСЪ И ВОСХОЖДЕНІЕ НА НЕГО: КИЛЬЯРА, РАДДЕ И ФРЕШВИЛЬДА.

Эльборусъ извѣстенъ подъ различными названіями. Персы называютъ его Кафъ-Дагъ, русскіе—Шатеръ-гора, грузины—Ялбузъ, а горцы — Джинъ-Падишахъ, т. е. царь духовъ. Послѣднее названіе Эльборусъ получилъ, вѣроятно, на основаніи того вѣрованія, что его ущелья служатъ входомъ въ джинистанъ—страну духовъ, гдѣ обитаютъ воздушныя пери, вѣчно блистая молодостью и красотою. Объ Эльборусѣ много сохранилось сказаній. Такъ, между прочимъ, греки вѣрили, что къ вершинѣ Эльборуса Зевесъ приковалъ Прометея за похищеніе небеснаго огня. До сихъ поръ у кавказскихъ и закавказскихъ народовъ сохранилось преданіе, напоминающее греческій миѳъ о Прометеѣ. На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь Амиранъ, заключенный туда, по слову Божію, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ привязанъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный пёсъ безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, еслибы грузинскіе кузнецы ежегодно въ утро страстнаго четверга не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ въ день втораго пришествія. Горцы, между прочимъ, вѣрятъ, что въ глубинѣ Эльборуса живетъ какой-то великанъ, прикованный къ цѣпи и охраняемый стражею. Иногда онъ выходитъ изъ оцѣпенѣнія и спрашиваетъ стражу: «растётъ ли еще на землѣ камышъ и родятся ли еще ягнята?» Стража утверждаетъ это, и великанъ рвется и потрясаетъ цѣпью *).

Кромѣ этого разсказываютъ, что на вершинѣ Эльборуса обитаетъ Симургъ, сѣдовласый царь птицъ, однимъ окомъ озирающій прошедшее, а другимъ проникающій въ будущее. Когда летитъ этотъ старикъ, то отъ ударовъ его крыльевъ потрясается земля; поднимается буря, море бушуетъ и страшнымъ шумомъ своихъ волнъ будитъ духовъ, дремлющихъ въ неизмѣримой глубинѣ. По-временамъ съ вершины горы раздаются плачъ и стоны. Тогда умолкаетъ пѣніе птицъ въ лѣсахъ, цвѣты блекнутъ, горные потоки съ шумомъ и ревомъ несутъ свои волны, а вершины горъ одѣваются облаками, будто трауромъ. Иногда же, вмѣсто стона и плача, отъ трона грознаго старика прино-

*) См. «Руков. къ познанію Кавказа» Селезнева Т. II, стр. 260.

сятся гармоническіе звуки пѣнія блаженныхъ духовъ. Тогда небо сіяетъ прозрачною синевою, ледяныя вершины горъ блестятъ на солнцѣ, какъ алмазы, ручьи текутъ спокойно, цвѣты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ,—повсюду миръ, счастіе, блаженство.

Одинъ разъ въ году, по преданію грузинъ, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы отовсюду собираются на гору Ялбузъ на шабашъ. Путешествіе свое туда они совершаютъ на кошкахъ, которыхъ хватаютъ ночью у грузинъ. Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесятилѣтняго старца до пятилѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ, не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и съ заклинаніемъ, состоящимъ въ повтореніи словъ: ари—урули—урули—урули кудіанеби (фраза непереводимая, но выражающая однако проклятіе надъ кудіанебами). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ вѣтками шиповника окна, двери и отверстія трубы въ саклѣ.

Между прочими преданіями о главной вершинѣ Кавказа особенно важно одно, имѣющее политическое значеніе.

Въ одномъ мѣстѣ корана Магометъ говоритъ: «По ту сторону Кавказскихъ горъ живутъ Гогъ и Магогъ. Наступитъ время—они перейдутъ черезъ эту стѣну и уничтожатъ царство правовѣрныхъ». Для кавказскихъ мусульманъ это предсказаніе пророка почти уже сбылось.

Въ 60 лѣтъ русскаго владычества на Кавказѣ дѣлаемы были различными путешественниками многочисленныя попытки взбираться на Эльборусъ и Казбекъ. Что во время достопамятной (1829 г.) экспедиціи генерала Эммануеля одинъ туземецъ Кильяръ взошелъ на вершину Эльборуса, это достовѣрнои звѣстно. Покойные члены Императорской академіи Купферъ, Ленцъ, Мейеръ, Менстріэ знали объ этомъ восхожденіи и этому Кильяру была выдана въ лагерѣ генерала Эммануеля значительная денежная награда; въ Пятигорскѣ, какъ извѣстно, есть даже желѣзная плита съ надписью въ память этого человѣка.

Въ 1865 г. нашъ извѣстный ученый Радде, когда находился въ деревнѣ Хурзукѣ въ Карачаѣ и выбиралъ себѣ проводниковъ для восхожденія на Эльборусъ, встрѣтилъ старика, участвовавшаго въ восхожденіи 1829 г., и узналъ отъ него много подробностей. Восхожденіе свое на вершину Эльборуса г. Радде вотъ какъ описываетъ: «Я прибылъ—говоритъ онъ—въ деревню Учкуланъ вечеромъ 7 августа и гостепріимные карачаевцы помѣстили меня въ особомъ, назначенномъ для пріѣзжихъ гостей, домѣ, построенномъ возлѣ дома Божія. Утромъ слѣдующаго дня представился глазамъ нашимъ на востокѣ, по направленію Хурзукской долины, во всемъ величіи своемъ Эльборусъ. Отсюда онъ кажется тупымъ, бѣлымъ конусомъ, съ двумя, слегка закругленными верхушками, раздѣленными небольшою сѣдловиною. Черная обрывистая часть горы, свободная отъ льда и снѣга, представляющаяся передъ сѣдловиною, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, ясно свидѣтельствуетъ о бывшемъ здѣсь когда-то кратерномъ провалѣ. Къ сѣверо-западу отъ передней вершины, на контурѣ конуса, около половины его высоты, видѣнъ

уступъ. Обнаженныя горы, съ большими разсѣлинами замыкаютъ въ Хурзукской долинѣ ландшафтъ высокогорья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются оба истока Минитау-су, образующіе рѣчку Хурзукъ. Къ сѣверо-востоку отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, на горѣ, должны были находиться развалины древняго замка, по имени Калабаше. Противъ нихъ, южнѣе, лежитъ Улухурзукскій хребетъ, съ ручьемъ того же имени. Я воспользовался свѣтлымъ солнечнымъ утромъ и заготовилъ здѣсь первый абрисъ подробнаго рисунка Эльборуса. Потомъ у меня собрались старшины деревни,—красивые, крѣпкіе люди, съ загорѣлыми лицами, въ нарядныхъ черкесскихъ костюмахъ, и общимъ совѣтомъ было рѣшено, какимъ путемъ слѣдовало идти къ Эльборусу. На слѣдующій же день было назначено отправиться въ дорогу. 9 августа сѣли мы на лошадей. Эльборусъ былъ совершенно окутанъ облаками. Мы слѣдовали по лѣвому высокому берегу Уликама; онъ представляетъ собою безплодную каменистую почву, которую только кое-гдѣ успѣли сдѣлать доступною культурѣ. Здѣсь мы встрѣтили безчисленное множество альпійскихъ воронъ (Fregilus graculus), которыя подняли страшный шумъ при нашемъ появленіи. Вблизи деревни Хурзукъ мы перешли чрезъ Уликамъ по хорошему мосту; въ деревнѣ мы провели еще часа два, поджидая одного изъ проводниковъ. Это было время жатвы ячменя; колосъ его, хотя и короткій, содержалъ прекрасныя зерна.

«Послѣ обѣда, мы отправились далѣе. Оставивъ позади себя деревню, мы продолжали путь по отвѣснымъ обрывамъ праваго берега Хурзука. Сопровождавшіе меня карачаевцы называли уже здѣсь рѣку—Минитау-су, т. е. вода Эльборуса. На отвѣсныхъ берегахъ Минитау-су, на высотѣ около 6,500 фут. надъ моремъ, на сухихъ и безлѣсныхъ мѣстахъ, живутъ въ огромномъ количествѣ маленькіе альпійскіе суслики. Узкая долина Минитау-су, идущая отъ западной стороны Эльборуса, въ нижней своей части густо поросла уродливыми кустами сосны; почвы годной для обработки вовсе нѣтъ, и только кое-гдѣ виднѣются прекрасныя, огороженныя покосныя мѣста. Вечеромъ мы прибыли къ мѣсту соединенія обоихъ истоковъ Минитау-су (носящихъ одно и то же названіе), и нашли тамъ двѣ пастушьи хижины. Мѣсто, гдѣ онѣ построены, также называется Улухурзукомъ. Оно лежитъ на высотѣ въ 7,058 фут. надъ поверхностью моря. Въ его окрестностяхъ сосновые кустарники становятся уже очень скудны и уродливы.

«Съ разсвѣтомъ 10-го августа мы отправились далѣе. Сильная простуда не помѣшала мнѣ совершить переѣздъ, предстоявшій на этотъ день. Съ того времени, какъ мы вошли въ узкую Хурзукскую долину, Эльборусъ былъ постоянно скрытъ отъ нашихъ глазъ ближнимъ его предгоріемъ, поэтому мы хотѣли прежде достигнуть истока Минитау-су, откуда открывается полный видъ на западную его сторону, и потомъ уже рѣшить, что дѣлать дальше. Мы шли большей частью пѣшкомъ, и такимъ способомъ достигли наконецъ въ 8 ч. утра послѣдняго жилья у истока Минитау-су. Для достиженія назначеннаго пункта, намъ пришлось еще карабкаться чрезъ нѣсколько обрывовъ праваго берега ручья, послѣ чего мы очутились на великолѣпномъ альпійскомъ лугу, не далѣе 3-хъ верстъ отъ западной подошвы самого Эльборуса,

и не болѣе какъ въ 5-ти верстахъ отъ его обѣихъ вершинъ. Колоссъ стоялъ уже совсѣмъ передъ нами; хотя съ Хурзукской долины восхожденіе на тупой его конусъ съ этой стороны казалось возможнымъ, но теперь вблизи горы мы увидѣли, что обманулись въ своемъ предположеніи. Нигдѣ не было здѣсь замѣтно, скатившагося глубоко въ долину, ледника. Западная сторона представила намъ здѣсь только крутыя ледяныя поля, покрытыя свѣжимъ фирномъ; изъ нихъ перпендикулярно поднимались черные, во многихъ мѣстахъ разорванные края кратеровъ. Съ особенной отчетливостью они рисовались на сѣверной сторонѣ Эльборуса, образуя множество тонкихъ зубцовъ и иголъ. Мы находились еще въ области кавказской альпійской розы, которая растетъ отдѣльными густыми группами на восточныхъ обрывахъ одного изъ истоковъ Минитау-су. Здѣсь жило въ это время много кольчатыхъ дроздовъ *), которые лѣтомъ обитаютъ только въ поясѣ высокогорья между 7,500—9,000 фут. высоты, свивая свои гнѣзда въ низкихъ зарosляхъ рододендрона; дѣтеныши ихъ въ это время совсѣмъ уже оперились. Недалеко отъ послѣдней пастушьей хижины, въ долинѣ Минитау-су, съ высокаго лѣваго берега этой рѣчки, срисовалъ я западную сторону Эльборуса; по окончаніи этой работы, я послѣдовалъ совѣту проводниковъ, рѣшившихъ сперва пробраться на сѣверную сторону Эльборуса, чтобъ оттуда взобраться на высокій гранитный хребетъ, который начинается отъ сѣверной вершины Эльборуса и теряется на сѣверъ, представляя собою высокій и узкій водораздѣлъ между Балыкомъ (течетъ на сѣверо-востокъ въ Малку, слѣдовательно принадлежитъ къ системѣ Терека), Худесомъ и Минитау-су (на сѣверо-западъ—къ системѣ Кубани).

«Погода до сихъ поръ намъ благопріятствовала. Небо было совершенно безоблачно; постоянно дулъ сильный западный вѣтеръ Находясь еще въ области высоко-альпійской флоры и придерживаясь сѣвернаго направленія, мы поднялись сначала на высоту, отдѣляющую истокъ Худеса отъ Минитау-су. Прибывъ въ долину истока Худеса, мы увидали передъ собой отвѣсную западную сторону вѣтви Эльборуса съ узкимъ гребнемъ, о которой было сказано выше; мы взобрались на этотъ гребень. На верху его слѣды снѣга были въ это время ничтожны; отъ его южнаго конца начиналась бѣлая сѣверная, прекрасно округленная вершина Эльборуса, южная половина которой, какъ казалось, провалилась, потому что и здѣсь обрывы вѣнчались острозубыми черными краями. Медленно подвигались мы впередъ по крутымъ извилинамъ. Дернъ вскорѣ пересталъ быть сплошнымъ. Оставляя истокъ Худеса, мы были уже выше 9,500 футовъ. Группы малорослыхъ высоко-альпійскихъ растеній виднѣлись все рѣже и рѣже. Сколько позволяла трудная дорога, мы собирали ихъ. Вскорѣ исчезли и прелестныя формы низкихъ—мытника (Pedicularis) и генціанъ. Хромистожелтыя пятна на почвѣ, производимыя цвѣтами камнеломки — Saxifraga flagellaris, лежали глубоко у нашихъ ногъ. Мокричникъ

*) Turdus torquatus.

(Alsine) и роговикъ (Cerastium) съ своими огромными бѣлыми цвѣтами представляли ихъ разсѣянныя, уединенныя группы. Былникъ (Draba scarba) былъ въ цвѣту и яснотка (Lamium) высовывалась во многихъ мѣстахъ изъ-подъ камней своими бѣлыми хрупкими стебельками. Къ полудню мы взобрались на самый верхъ гребня, высота котораго, по вычисленію, оказалась въ 12,345 англійскихъ футовъ надъ поверхностью моря. На высотѣ 12,000 фут. встрѣчались послѣдніе экземпляры великолѣпнаго вида роговика вмѣстѣ съ очень разбросанными и слабыми экземплярами яснотки.

«Поднявшись на верхъ узкаго гребня, мы увидали передъ собою, по направленію къ востоку, узкія, поперечныя долины Балыка, и ихъ высоты представляли два великолѣпнѣйшихъ подвижныхъ ледника, спустившіеся глубоко въ долину. Они обладали огромными боковыми моренами, а къ югу поднималась передъ нами во всей ослѣпительной бѣлизнѣ своей передняя вершина Эльборуса. Сильный западный вѣтеръ дулъ безъ остановки. Мы отдыхали довольно долго; къ утомленію и у меня и у двухъ моихъ проводниковъ присоединились головокруженіе и какая-то особенная слабость въ колѣняхъ, которыя, увеличиваясь съ каждою минутою, дѣлали почти невозможнымъ всякое движеніе. Скромный завтракъ изъ козьяго сыра, хлѣба и рому не много подкрѣпилъ насъ. Высоты Эльборуса лежали предъ нами, облитыя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ и только надъ южной вершиной его висѣло маленькое облачко. Хотя оно повидимому совершенно не измѣняло своего положенія, но опытные карачаевцы утверждали, что это не къ добру и что быть большому туману. Тѣмъ неменѣе, я хотѣлъ сдѣлать все, что отъ меня зависѣло, хотя я и убѣдился, что съ этой стороны можно взойти развѣ только на переднюю вершину Эльборуса. Для достиженія же болѣе высокой южной вершины, восхожденіе слѣдовало предпринять съ восточной стороны. Тамъ очень постепенно поднимаются глубоко спустившіеся въ долину ледники Балыка, и всходить по нимъ гораздо легче. Достигнувъ южнаго конца упомянутаго гребня, мы вскорѣ ступили на твердый фирнъ и взбирались по нему впередъ весьма медленно. Мы принуждены были часто останавливаться для отдыха. Головокруженіе и слабость въ колѣняхъ увеличивались, невыносимая усталость овладѣла мною. Между тѣмъ, пророчество проводниковъ сбывалось. Въ 1-мъ часу ледяныя вершины Эльборуса покрылись туманомъ. Составленъ былъ совѣтъ. Проводники настаивали на возвращеніи, и именно къ восточной сторонѣ горы. Къ 2-мъ часамъ уже и мы были въ туманѣ. Наблюденіе барометра сдѣлано было здѣсь въ послѣдній разъ. Вычисленіе дало высоту въ 14,259 фут. надъ поверхностью моря. Поспѣшно стали мы спускаться назадъ къ гребню. Положеніе наше было дѣйствительно опасно. Только двое карачаевцевъ чувствовали себя еще хорошо: одинъ изъ нихъ былъ старикъ, испытанный охотникъ на туровъ, человѣкъ безцѣнный веселостью нрава. Остальные, вмѣстѣ со мною, были совсѣмъ истощены, и мы едва добрались до восточной подошвы нѣсколько уже разъ упомянутаго водораздѣла между Минитау-су и Балыкомъ. Въ 4 часа мы остановились на правомъ берегу истока Балыка, чтобы не много отдохнуть, и всѣ уснули. Вскорѣ затѣмъ мы пошли бодрѣе.

Намъ нужно было непремѣнно въ этотъ же день, хотя бы и поздно, достигнуть настушьихъ хижинъ, лежащихъ у сліянія истоковъ Минитау-су. Мы повозможности спѣшили, чтобы перейти во второй разъ черезъ главный гребень, послѣ того, какъ будутъ пройдены поперечные хребты, раздѣляющіе истоки Балыка. Мѣсто этого перехода лежало значительно сѣвернѣе, нежели то, до котораго мы достигли въ полдень. Туманъ между тѣмъ спустился очень низко. Мы двигались постоянно въ густыхъ облакахъ, къ вечеру мы наткнулись на стадо кавказскихъ туровъ, которые пустились отъ насъ, противъ своего обыкновенія, по вѣтру *) (отъ запада къ востоку), карабкаясь съ поразительною скоростью и ловкостью по тѣмъ самымъ обрывистымъ горамъ, которыя насъ такъ утомили. До сумерекъ мы постоянно подвигались къ западу. Затѣмъ слѣдовали по глубокой узкой долинѣ, открывающейся къ югу, которая привела насъ къ Минитау-су. Здѣсь мы устроили себѣ ночлегъ въ одной изъ пастушьихъ хижинъ.

«Такимъ образомъ 10-го августа, мы обошли два раза сѣверную сторону Эльборуса, и возвратились къ западной сторонѣ его. При благопріятной погодѣ восхожденіе на эту гору возможно единственно съ сѣверо-восточной стороны, но для этого нужно приготовиться такимъ образомъ, чтобы можно было провести одну ночь на ледниковыхъ высотахъ Балыка. Для достиженія высшей вершины Эльборуса въ 18,000 фут., при благопріятной погодѣ, необходимо имѣть съ собой запасъ угольевъ, теплыя одѣяла, достаточное количество провизіи, нѣсколько тонкихъ досокъ и веревокъ на всякій случай, для устройства переправъ чрезъ трещины; для переноски всего этого достаточно взять отъ 10 до 12-ти сильныхъ карачаевцевъ.»

Наконецъ въ 1868 г. англичане: д-ръ Фрешфильдъ съ двумя своими друзьями, Муромъ и Теккеромъ, въ сопровожденіи надежнаго швейцарскаго слуги Франсуа Девуасу, всходили на Эльборусъ; $^{17}/_{29}$ іюля они прибыли къ подножію Эльборуса, и начали восхожденіе на слѣдующій же день. Издалека вершина горы, напоминавшая имъ собою перевернутую чашку, не представляла повидимому никакихъ трудностей къ достиженію ея. Путешественники переночевали подъ открытымъ небомъ на высотѣ 11,900 фут. и $^{19}/_{31}$ іюля продолжали путь. Надъ вершиною горы лежала черная туча, молніи разсѣкали облака ниже, надъ степями. Рѣзкій холодъ и сильный вѣтеръ затрудняли восхожденіе. Вершина горы имѣла видъ подковы, она была выше съ одного боку и кончалась снѣжною площадью. Къ югу и востоку на безоблачномъ горизонтѣ виднѣлись пограничныя турецкія горы между Батумомъ и Ахалцихомъ. Направившись къ сѣверу въ Пятигорскъ и оттуда къ юго-востоку чрезъ Казбекское ущелье, путешественники вернулись $^{14}/_{26}$ августа въ Тифлисъ **).

---

*) Всѣ дикіе звѣри обыкновенно бѣгутъ противъ вѣтра, чтобы лучше пользоваться чутьемъ своимъ.

**) См. газету «Кавказъ», за 1869 г. № 27.

ВОСХОЖДЕНІЕ Г. ФРЕШВИЛЬДА НА КАЗБЕКЪ.

Въ 1868 г. лѣтомъ прибыли на Кавказъ англичане гг. Фрешвильдъ, Муръ и Теккеръ. Они, какъ опытные ходоки по альпійскимъ высотамъ и члены лондонскаго альпійскаго клуба, поставили себѣ за честь взобраться на нѣкоторые изъ неприступныхъ, не посѣщенныхъ до этого времени пунктовъ Кавказскаго хребта. Не научные какіе-нибудь вопросы *) занимали ихъ; нѣтъ, они, по собственному откровенному сознанію въ Тифлисѣ, хотѣли только, какъ опытные ходоки по горамъ, попытать свои силы и, въ случаѣ удачи, не-только опровергнуть распространенное до того времени мнѣніе объ абсолютной недоступности этихъ пунктовъ, но, по всей вѣроятности, имѣли кромѣ того цѣль открыть предпріимчивымъ, смѣлымъ членамъ клуба новое поле для ихъ дѣятельности, притомъ такое поле, которое, по своей грандіозности и по трудностямъ, не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ Европѣ и поэтому могло бы скоро сдѣлаться цѣлью ежегодныхъ лѣтнихъ поѣздокъ этихъ господъ изъ Англіи.

О восхожденіи г. Фрешвильда съ его друзьями, между прочимъ, вотъ что сообщаютъ **): «Путь на Казбекъ изъ Тифлиса шелъ вдоль новой русской военной дороги. Въ деревнѣ Казбека впервые открывается громадная горная масса, возвышающаяся въ видѣ отвѣснаго снѣговаго купола. Дорога въ гору на протяженіи первыхъ 1500 фут. шла по лугу, покрытому бѣлою кошкарою.

«На высотѣ 1500 фут. виднѣлся громадный глетчеръ, тянувшійся вдоль южнаго склона горы; по этому глетчеру они хотѣли достигнуть вершины. Они наняли въ деревнѣ четырехъ носильщиковъ и 18 (30) іюня пустились въ путь, проведя ночь въ пещерѣ, возвышавшейся на 11 т. фут. надъ уровнемъ моря. На высотѣ 14,800 фут. глазамъ ихъ ясно представились очертанія кавказскаго горнаго хребта; начиная съ этого мѣста до вершины, имъ приходилось обходить безчисленное множество обрывовъ; при одномъ такомъ

*) Не дали намъ даже ни одного наблюденія надъ барометромъ.
**) Газ. «Кавказъ» 1869 г. № 27.

обходѣ г. Теккеръ поскользнулся и скатился головою внизъ, но такъ какъ остальные крѣпко держались на ногахъ, то его вытащили немедленно. Впродолженіе четырехъ часовъ имъ пришлось взбираться по скользкой ледяной поверхности, за которую они цѣплялись руками и ногами. Наконецъ, путешественники достигли восточной, высочайшей вершины горы, имѣющей 16,546 фут. Долина Терека, простирающаяся на сѣверъ, лежала у ногъ ихъ, но обширная сѣверная равнина была покрыта облаками. Спустились путешественники съ нѣкоторыми затрудненіями по другому склону и въ 7 часовъ 45 минутъ вечера достигли потока, изливающагося изъ Девдоракскаго глетчера. Переночевавъ въ избѣ пастуха козъ, они на слѣдующее утро вернулись чрезъ Дарьяльское ущелье къ деревнѣ Казбекъ. Къ вечеру туда же вернулись и носильщики, которыхъ они отпустили при восхожденіи на глетчеръ и которые думали, что съ путешественниками случилось несчастіе. Они разсказали въ деревнѣ о геройскомъ подвигѣ путешественниковъ, и старшины деревни принялись обнимать и цѣловать ихъ въ знакъ своего сочувствія.

«Въ деревнѣ Гулеты живутъ тѣ четыре горца, которые на Казбекъ провожали англійскихъ туристовъ до подошвы горы и изъ которыхъ двое, въ день самаго восшествія, слѣдовали по слѣдамъ англичанъ и тоже достигли вершины. Показанія всѣхъ этихъ людей, которыхъ я, говоритъ г. Радде, распрашивалъ порознь, такъ согласны, что мы утверждаемся въ убѣжденіи, что гг. Фрешвильдъ, Муръ и Теккеръ 1 (13) іюля 1868 г. послѣ труднаго и, въ верхнихъ частяхъ горы, опаснаго марша, продолжавшагося $9^1/_4$ часовъ, дѣйствительно достигли вершины Казбека; спустились они втеченіе $7^1/_2$ часовъ, по сѣверному склону горы, въ побочную долину, выходящую на большую дорогу, и переночевали здѣсь у пастуховъ.»

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Влачася межъ угрюмыхъ скалъ
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ, огромный, величавый.
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Олень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ поднимались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые,
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

ЧЕРКЕСЪ.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,

Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой:
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ.
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ни что его не тяготитъ,
Ни что не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ казаковъ.
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударѣ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій;
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему — болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь — его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,

Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые—
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. — коварный сонъ!
Простите вольныя станицы,
И домъ отцовъ и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана.
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана....
Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня —
Тогда хозяинъ благосклонный,
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.

БѢГЛЕЦЪ.

Горская легенда.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,—
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку, и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ востока
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый,
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы, невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ — дома.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ.
На ложѣ мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
«Великъ аллахъ! отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?..» спросилъ Селимъ,

Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца.
Вновь разыгралась въ часъ конца.
«Два дня мы бились въ тѣснинѣ;
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я, одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ пророкъ! — твоихъ заслугъ
Я до могилы не забуду.»
А умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай, достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ.»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцалуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: «я любимъ,
Она лишь мной живетъ и дышетъ...»
И хочетъ онъ войти, — и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ, и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року.
Молися Востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй.
Своимъ измѣнившій
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы,
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.»
Въ горахъ никого нѣтъ,
Ктобъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!
Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ:
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ......
—Одинъ?
—Одинъ!
—А гдѣ отецъ и братья?
—Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ
И ангелы ихъ души взяли.
—Ты отомстилъ?
—Не отомстилъ.
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.
—Молчи, молчи! гяуръ лукавый;

Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ...а мнѣ не сынъ!»
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И наконецъ ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ
И мать поутру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ.
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малыя ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

ВЛІЯНІЕ ГОРНАГО РЕЛЬЕФА НА РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Чтобъ отвѣтить на этотъ важный вопросъ, мы сперва перечислимъ главныя тѣлесныя и духовныя характеристическія качества горцевъ, потомъ попытаемся объяснить происхожденіе и развитіе этихъ качествъ вліяніемъ горнаго рельефа и его природы. Горцы вообще отличаются мускулистымъ тѣлосложеніемъ, большою ловкостью и гибкостью членовъ, широкою и выпуклою грудью, крѣпкимъ здоровьемъ и необыкновеннымъ терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ и лишеній... Всѣ эти качества довольно легко и просто объясняются горнымъ рельефомъ: горецъ развиваетъ свои мускулы и гибкость въ членахъ и

суставахъ ежедневными гимнастическими упражненіями—восходитъ на горы, спускается въ долины, прыгаетъ черезъ рвы и пропасти, карабкается по скаламъ, сбѣгаетъ по крутымъ горнымъ склонамъ и т. п. При восхожденіи на горы, онъ долженъ часто и глубоко вдыхать въ себя воздухъ, отъ этого легкія и грудь расширяются, развиваются и укрѣпляются. Отъ быстрыхъ и рѣзкихъ переходовъ въ температурѣ, испытываемыхъ при восхожденіи на горы и при спускѣ съ нихъ въ долины, тѣло горца становится современемъ мало чувствительнымъ къ перемѣнамъ погоды, къ теплу и холоду, грубѣетъ, не боится ни сквознаго вѣтра, ни жары, ни сырости, ни дождя, ни снѣга. Все это вмѣстѣ производитъ правильное, крѣпкое и здоровое развитіе тѣла, а привычка къ тѣлеснымъ напряженіямъ дѣлаетъ горца способнымъ къ продолжительнымъ и изнурительнымъ работамъ и къ перенесенію разнаго рода лишеній безъ всякаго вреда для здоровья. Въ духовномъ и нравственномъ отношеніи горцы вообще отличаются религіозностью и вмѣстѣ суевѣріемъ, смѣлостью и храбростью, добродушіемъ и гостепріимствомъ, живою и богатою фантазіею, безграничной привязанностью къ родинѣ, къ нравамъ и обычаямъ предковъ и пламенною любовью къ свободѣ и независимости... И эти качества можно объяснить вліяніемъ рельефа ихъ родины. Сколько самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній входитъ въ душу горца еще въ дѣтствѣ его, при взглядѣ на окружающую природу! Величіе и прелесть этой природы, разнообразіе ландшафтной панорамы и быстрая перемѣна естественныхъ явленій, поражая дѣтскую душу, пробуждаютъ въ ней благоговѣніе, невольно приближаютъ ее къ Богу, по крайней мѣрѣ, заставляютъ чувствовать присутствіе въ природѣ какой-то высшей и непостижимой силы. Такъ мало по малу въ душѣ горца развивается чувство благоговѣйнаго страха предъ величіемъ и всемогуществомъ Божіимъ, которое онъ видитъ въ каждой скалѣ, въ каждомъ водопадѣ; а въ этомъ чувствѣ богобоязненности заключается источникъ той истинной и искренней религіозности, которая характеризуетъ каждаго истаго горца, но съ этимъ вмѣстѣ пробуждается и любовь ко всему таинственному, сверхъестественному, чудесному, а отсюда одинъ шагъ и къ суевѣрію. Постоянная борьба горца съ природою,—съ бѣшеными горными потоками, съ бурями и грозами, съ землетрясеніями, съ обрывами и провалами горъ, со льдомъ и съ снѣгомъ ихъ вершинъ,—дѣлаетъ его смѣлымъ, отважнымъ и храбрымъ, а съ другой стороны частая безуспѣшность этой трудной и неравной борьбы, заставляя его сознавать свою слабость и безпомощность, научаетъ его понимать чужую нужду и сочувствовать ей. Отсюда добродушіе, готовность помогать нуждающемуся и искреннее гостепріимство—характеристическія черты всѣхъ горцевъ. Дикость ландшафтовъ и быстрая смѣна одного естественнаго явленія другимъ отражаются въ душѣ горца живою и богатою ея фантазіей и частой перемѣною ощущеній, легко превращающейся въ раздражительность. Такъ какъ все, чѣмъ владѣетъ горецъ, добыто имъ съ большимъ трудомъ, взято, можно сказать, съ бою или завоевано у природы имъ самимъ, или его предками, то понятно, почему горецъ до-

рожитъ тѣмъ, что пріобрѣлъ самъ, или получилъ въ наслѣдство. А что намъ дорого, что намъ любезно и священно, того мы не промѣняемъ ни на какія блага, то мы отдадимъ развѣ только вмѣстѣ съ жизнью. Отсюда и привязанность горца къ родинѣ и святой ея старинѣ, наслѣдованной отъ предковъ, и упорное сопротивленіе чужеземному вліянію, и пламенная любовь къ независимости.

НАРОДЫ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА: ЧЕРКЕСЫ, АБХАЗЫ И СВАНЕТЫ.

Черкесы.

Значительнѣйшую часть Западнаго Кавказа составляетъ такъ-называемый Закубанскій край, ограничивающійся съ сѣвера и востока теченіемъ Кубани отъ истока до устья этой рѣки, съ запада—берегомъ Чернаго моря, съ юга—отчасти симъ моремъ, а большею частью Кавказскимъ хребтомъ и его отрогами. По крайней мѣрѣ двѣ трети этого огромнаго пространства занимаютъ горы, и только одну треть—равнины и горныя долины. Отъ сѣверной его границы горы постепенно возвышаются: съ одной стороны—къ берегамъ Чернаго моря, въ которые онѣ какъ-бы упираются, а съ другой—къ истокамъ рѣкъ: Бѣлой, Лабы, Урупа и Зеленчуковъ, вытекающихъ изъ главнаго хребта. Покатости этихъ горъ покрыты дѣвственными лѣсами разныхъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ. Равнины тянутся по лѣвому берегу Кубани и по низовьямъ рѣкъ: Лабы, Бѣлой и др., въ нее впадающихъ, составляя почву плодородную и весьма удобную для земледѣлія и скотоводства. Что касается продольныхъ и поперечныхъ горныхъ долинъ, то онѣ представляютъ разнообразныя климатическія и почвенныя полосы, ожидающія только рукъ для культуры самыхъ разновидныхъ растеній. Въ этомъ благодатномъ краѣ было самое рѣдкое населеніе, разбросанное на обширномъ пространствѣ, небольшими поселками (аулами), изъ которыхъ составлялись общества, носившія разныя названія и считавшіяся за особые народы, именно: натухайцы, шапсуги, убыхи и абадзехи. Эти четыре общества, извѣстныя подъ именемъ закубанскихъ горцевъ или черкесовъ, были настоящими представителями своей народности. Они считали себя совершенно независимыми, несмотря на Адріанопольскій трактатъ, по которому Турція уступила ихъ Россіи, и представляли миньятюрныя республики, соединенныя между собою, вродѣ федеральнаго союза. Поэтому ихъ называли вольными черкесами, въ противопо-

ложность съ другими обществами, болѣе или менѣе подвластными русскому правительству, которыя управлялись назначаемыми отъ него князьями, почему они и носили названія княжескихъ или мирныхъ черкесовъ. Впрочемъ имъ предоставлялось также внутреннее самоуправленіе, а владѣтельные князья обязаны были только наблюдать за сохраненіемъ общественнаго спокойствія, что, на самомъ дѣлѣ, мало исполнялось.

Всѣ такъ-называемые княжескіе или мирные черкесы представляли небольшія общества отъ трехъ до семи тысячъ дымовъ и, въ совокупности, составляли отъ 50 до 60,000 душъ. Между тѣмъ, населеніе вольныхъ черкесовъ до послѣдняго выселенія ихъ, составляло до 350,000, а по другимъ извѣстіямъ доходило до 400,000 душъ. Впрочемъ эти цифры только приблизительныя.

Всѣ обитатели Закубанскаго края говорятъ однимъ языкомъ, измѣняющимся только въ нарѣчіяхъ, сходствуютъ между собой образомъ жизни, нравами и обычаями, наружнымъ видомъ, нравственными и духовными свойствами, почему, несомнѣнно, составляютъ одинъ народъ, который называетъ себя вообще, по имени языка, адыге и у насъ извѣстенъ подъ названіемъ черкесовъ. Отличительныя свойства этого народа—неограниченная любовь къ свободѣ и привязанность къ роднымъ горамъ своимъ, духъ воинственный, личная храбрость и необузданная страсть къ хищничеству и разбоямъ. Упражняясь съ малолѣтства въ дѣлахъ этого рода, черкесы пріобрѣтали, съ одной стороны, ловкость и отвагу, а съ другой способность переносить всевозможныя лишенія. Напрягая всѣ свои способности для изысканія средствъ къ вѣрной гибели противника, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, не щадя ничего, — черкесъ, въ одно и тоже время, является и героемъ и пошлымъ разбойникомъ. Воровство всякаго рода считается не преступленіемъ, а достоинствомъ; преступенъ, по понятію черкесовъ, только тотъ, кто попадается на дѣлѣ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить и вѣроломство черкесовъ: обмануть нетолько чужаго, но и своего, а особенно русскаго, и даже вѣроломно убить его — это верхъ достоинства и заслуга предъ Аллахомъ.

Черкесы, говоря вообще, средняго роста, крѣпко сложены и отличаются правильными и мужественными чертами лица, сквозь которыя нерѣдко проглядываетъ свирѣпость.

Между черкешенками встрѣчаются настоящія красавицы, но это составляетъ принадлежность болѣе высшаго сословія, пользующагося удобствами жизни. Въ низшихъ же слояхъ черкесскаго общества женщины, по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ возможность видѣть ихъ тысячами, при переселеніи въ Турцію, не отличаются красотою, и въ этомъ отношеніи уступаютъ мужчинамъ. Сверхъ того, красота черкешенокъ непродолжительна и сохраняется преимущественно у дѣвицъ; по выходѣ же замужъ самыя красивыя женщины, отъ тяжелыхъ трудовъ и безпрерывныхъ заботъ, весьма скоро измѣняются и дурнѣютъ. Что касается до молвы о красотѣ черкешенокъ вообще, то она возникла оттого, что турки получали, для своихъ гаремовъ, красивыхъ женщинъ чрезъ прибрежныхъ черкесовъ, которые занимались этою

постыдною торговлею, по удобству своего жительства; сами же они пріобрѣтали ихъ во всемъ мусульманскомъ населеніи края.

Замкнутость и отчужденіе черкесскаго народа отъ чужеземцевъ и ненависть къ гяурамъ и особенно къ русскимъ представляли неимовѣрныя затрудненія къ ознакомленію съ ихъ домашнею, соціальною и политическою жизнью. Всѣмъ, что намъ по этому извѣстно, мы обязаны лицамъ *), которымъ, по особеннымъ случаямъ, удалось ближе познакомиться съ черкесами. Добытыя такимъ путемъ данныя, между прочимъ, показываютъ, что народъ черкесскій стоитъ на низкой степени соціальнаго развитія; вся жизнь его, какъ домашняя, такъ и общественная, проникнута элементомъ патріархальнаго родоваго быта. Старѣйшій въ семействѣ есть полный властелинъ надъ членами его. Родительская власть ничѣмъ не ограничена: отецъ ни предъ кѣмъ не отвѣчаетъ за жизнь своего ребенка. Впрочемъ, злоупотребленія родительской власти у черкесовъ составляютъ рѣдкость, исключая развѣ продажи дочерей и мальчиковъ-сыновей въ Турцію, которая въ нашихъ глазахъ есть жестокость, но, по ихъ понятію, показываетъ только родительское попеченіе о доставленіи дѣтямъ своимъ счастливой будущности. Въ этомъ случаѣ, они руководствовались тѣмъ, что проданныя дочери попадали нерѣдко въ гаремы могущественныхъ пашей и даже султановъ, а сыновья достигали высшихъ степеней оттоманской іерархіи.

Въ народѣ, у котораго личная храбрость и физическая сила составляютъ все достоинство, женщина не можетъ пользоваться своими правами и должна находиться въ угнетеніи. Дѣйствительно, жена или жены черкеса, которыхъ онъ покупаетъ, настоящія рабы его. Нѣтъ ничего обиднѣе для черкеса уподобить его женщинѣ. Удалецъ (джигитъ), предпринимающій какое-либо отчаянное дѣло, говоритъ: «если я не совершу его, то позволю себѣ надѣть чрезъ плечо, вмѣсто ружья, прялку.» Сказать черкесу, что онъ достоинъ носить юбку, значитъ нанести ему такое оскорбленіе, какое можетъ быть искуплено только кровью.

На женѣ или на женахъ его лежатъ всѣ заботы и труды по домашнему хозяйству и воспитанію дѣтей; онѣ, сверхъ того, приготовляютъ нетолько для нихъ и для себя, но и для мужа, большую часть одежды. По свидѣтельству очевидцевъ, черкешенки отличаются замѣчательнымъ искусствомъ въ женскихъ рукодѣльяхъ; что онѣ ни дѣлаютъ, во всемъ видно практическое приспособленіе и даже хорошій вкусъ. Зато, искусство въ этихъ работахъ, послѣ красоты, считается важнѣйшимъ достоинствомъ дѣвушки и служитъ приманкою для жениховъ. Чѣмъ красивѣе или искуснѣе въ женскихъ рукодѣльяхъ дѣвушка, тѣмъ больше должно заплатить за нее выкупа (калыма) родителямъ. Этотъ калымъ (по свидѣтельству Лапинскаго) простирается на наши деньги отъ 100 до 2,000 руб. и уплачивается преимущественно: скотомъ, оружіемъ, разнымъ товаромъ и весьма рѣдко деньгами. Но удивительнѣе всего, что (по

*) Барону Торнау, Т. Лапинскому, Белю, Ф. Боденштедту.

свидѣтельству Торнау) черкешенки могутъ разбирать коранъ, умѣютъ читать и писать по-турецки и ведутъ даже переписку на этомъ языкѣ, за своихъ отцовъ и мужей, которые пренебрегаютъ ученіемъ. Черкесскія дѣвушки пользуются нѣкоторою свободою: имъ дозволено показываться въ мужскомъ обществѣ съ открытымъ лицомъ; онѣ могутъ принимать у себя родныхъ и постороннихъ, въ присутствіи какой-либо старухи, участвовать при свадебныхъ и другихъ празднествахъ, даже танцовать тамъ съ молодыми людьми. Потеря невинности считается величайшимъ несчастіемъ для черкесской дѣвушки, которое искупается только женитьбою или смертью соблазнителя. Вообще дѣвушка отвѣтствуетъ за свое поведеніе родителямъ, жена мужу, а вдова никому, если только она не нарушаетъ правилъ общественнаго приличія; она можетъ выйти вторично замужъ, когда пользуется красотою, знатнымъ происхожденіемъ или богатствомъ. Но, вышедши замужъ, всякая женщина становится рабою своего мужа; никто ее не видитъ и она не можетъ переступить порога своего дома, не надѣвъ длиннаго бѣлаго покрывала. За невѣрность своему мужу, по шаріату, она наказывается смертью, равно какъ и соблазнитель ея. Но если мужъ не хочетъ невѣрную жену подвергнуть суду, то имѣетъ право продать ее какъ невольницу. Несмотря однакожъ на всю строгость гаремной жизни и всѣ мѣры, принимаемыя ревнивыми мужьями, случаются иногда примѣры нарушенія супружеской вѣрности, которые оканчиваются обыкновенно трагически для соблазнителя и для жертвы соблазна. Баронъ Торнау приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ трагическихъ происшествій.

Для разбора споровъ и тяжебъ между собою черкесы рѣдко обращаются къ кадіямъ, зная впередъ, что они истолкуютъ законъ въ пользу того, отъ кого могутъ получить больше для себя выгоды, но гораздо охотнѣе прибѣгаютъ они къ суду избранныхъ старшинъ (тамата), выбираемыхъ изъ среды людей, пользующихся добрымъ именемъ, преимущественно же изъ стариковъ, къ которымъ вообще питаютъ большое довѣріе.

За кровь платится кровью. Кровомщеніе, «канла», переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну и распространяется на всю родню убійцы и убитаго. Самые дальніе родственники убитаго должны мстить за его кровь.

Сила и значеніе рода зависитъ отъ числа мстителей, которыхъ онъ можетъ выставить. Наравнѣ съ этою характеристическою чертою нравовъ черкесовъ стоитъ не менѣе характерное свойство ихъ, состоящее въ гостепріимствѣ. Хотя оно существуетъ у всѣхъ народовъ, ведущихъ патріархальную жизнь, но черкесамъ оно принадлежитъ по преимуществу.

Гость, кто бы онъ ни былъ, считается лицемъ неприкосновеннымъ и самымъ почтеннымъ; его принимаютъ не спрашивая, кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, въ особомъ, имѣющемся у каждаго не бѣднаго человѣка, отдѣленіи дома, называемомъ кунацкою (дружескою), и угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго у хозяина; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранился даже древній обычай омовенія ногъ гостя почтеннѣйшею въ домѣ женщиною. Пока гость въ домѣ хозяина, жизнь его въ совершенной безопасности, самый страшный его врагъ, самъ кровомститель не смѣетъ нарушить правъ гостепріимства и на-

падать на гостя, пока онъ не оставитъ дома, гдѣ онъ принятъ. Не можемъ оставить безъ вниманія еще одну характеристическую черту черкесскихъ обычаевъ. Князья и знатные дворяне не воспитываютъ своихъ сыновей въ родительскомъ домѣ, но отдаютъ ихъ съ младенчества на воспитаніе посторонимъ, по избранію, лицамъ, далеко отъ нихъ живущимъ и нерѣдко принадлежащимъ другому обществу или народу, какъ напримѣръ: абадзехи шапсугамъ, шапсуги убыхамъ и т. д.

Цѣль этого обычая, какъ кажется, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти дома не изнѣжились и привыкли переносить физическіе труды и лишенія. Воспитатель «аталыкъ» (слово татарское) имѣетъ надъ своимъ питомцемъ родительскую власть, учитъ его съ молодыхъ лѣтъ ѣздить верхомъ, дѣйствовать шашкой, стрѣлять изъ пистолета и ружья. Когда же онъ достигнетъ юношескаго возраста, то аталыкъ отправляется съ нимъ на разные поиски и обучаетъ его, какъ должно искусно воровать, грабить и джигитовать; въ этомъ главнѣйше состоитъ обязанность воспитателя. По достиженіи питомцемъ зрѣлаго возраста и по изученіи имъ, по понятію черкесовъ, военнаго дѣла, аталыкъ возвращаетъ сына отцу, получаетъ отъ него значительные подарки оружіемъ, лошадьми и пр., и пріобрѣтаетъ затѣмъ большое уваженіе отъ всего дома, особенно же отъ своего воспитанника, который обязанъ во всемъ и всегда ему помогать. Вообще этотъ способъ воспитанія служилъ большою связью между черкесами разныхъ сословій и родовъ. Женскій полъ высшихъ званій отдается также на воспитаніе въ чужіе дома, гдѣ содержатъ дѣвицъ въ строгомъ повиновеніи, заботятся о сохраненіи наружной ихъ красоты и обучаютъ рукодѣльямъ, особенно вышиванью золотомъ и серебромъ. Въ этомъ заключается все воспитаніе, по окончаніи котораго и по выходѣ въ замужество дѣвицы часть полученнаго калыма выдѣляется воспитательницѣ.

Черкесы — не большіе охотники до земледѣлія и производятъ хлѣба столько, сколько потребно для своего продовольствія; гораздо охотнѣе они занимаются скотоводствомъ и пчеловодствомъ, пользуясь для того всѣми удобствами.

Фабричныя (преимущественно огнестрѣльное оружіе) и мануфактурныя издѣлія, за исключеніемъ малаго числа приготовляемыхъ дома, пріобрѣтались преимущественно посредствомъ контрабандной торговли, которой способствовали малодоступные для наблюденія берега Чернаго моря.

Въ замѣнъ привозныхъ товаровъ черкесы отпускали свои произведенія, преимущественно: воскъ, медъ, не выдѣланныя кожи и скотъ. Но самый дорогой изъ отпускныхъ товаровъ, идущихъ въ Турцію, составляли дѣвушки и мальчики. Этотъ живой товаръ обогащалъ нетолько прямыхъ хозяевъ его, но также и турецкихъ коммиссіонеровъ, для пріобрѣтенія его скитавшихся по берегамъ Чернаго моря и въ самой Черкесіи. Русскіе крейсеры строго преслѣдовали суда, нагруженныя этимъ товаромъ, но частью по легкости хода ихъ, а частью по неприступности морскаго берега во многихъ мѣстахъ имъ нерѣдко удавалось скрываться отъ такихъ преслѣдованій. (Теперь положенъ конецъ этому постыдному торгу.)

Черкесское общество представляетъ три сословія: высшаго дворянства или

князей (пши), дворянъ (уоркъ, уздень), свободныхъ людей (твоколъ). (Рабовъ теперь нѣтъ.)

Независимо отъ сословныхъ преимуществъ, пользуются у черкесовъ большимъ уваженіемъ: старики и особенно тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ даромъ слова, имѣющимъ сильное вліяніе на весьма воспламенительный черкесскій народъ; люди благочестивые, посѣщавшіе гробъ Магометъ и носившіе почетное названіе «хаджи»; удалые храбрецы, гаджериты, извѣстные у насъ подъ именемъ «абрековъ»; наконецъ, народные барды «гекуокамы», сохранившіе въ памяти геройскіе подвиги своего народа или особенныхъ личностей, отличавшихся необыкновенной храбростью, — все это излагалось въ пѣсняхъ, нерѣдко риѳмованныхъ.

Такъ какъ ни одно важное дѣло не предпринималось у черкесовъ безъ предварительнаго совѣщанія, то на совѣты посылалось обыкновенно отъ каждой общины по два и болѣе выборныхъ старшинъ (тамата). Въ дѣлахъ же особенной важности, касающихся религіи, ополченія противъ русскихъ, обсужденія предложеній турецкаго правительства и т. д., составлялись общіе федеральные совѣты изъ нарочно избранныхъ для того старшинъ отъ каждаго народа, извѣстныхъ своей опытностью въ дѣлахъ военныхъ и административныхъ и пользовавшихся особеннымъ вліяніемъ. Въ этихъ совѣтахъ избирались военные начальники и опредѣлялось, сколько каждая община должна выставить вооруженныхъ воиновъ, пѣшихъ и конныхъ.

Такой повидимому простой и приспособленный къ духу и степени развитія народа порядокъ нарушался и колебался въ своемъ основаніи отъ необузданнаго своеволія черкесовъ, отъ внутреннихъ ихъ раздоровъ и безпрерывныхъ кровомщеній. Послѣдній изъ трехъ наибовъ Шамиля, высланныхъ имъ къ черкесамъ для распространенія между ними мюридизма Мегметъ-Эминъ, бывшій при Шамилѣ секретаремъ и постигшій вполнѣ его политику, видя, что администрація и судъ у нихъ находятся въ большомъ разстройствѣ, старался ввести порядокъ и поэтому началъ учреждать «мехкемэ», или окружные судебные приказы. Распоряженія эти однакожъ не нравились привыкшимъ къ своеволію черкесамъ: шапсуги скоро ихъ отвергли, а у абадзеховъ, гдѣ Мегметъ-Эминъ пользовался особымъ вліяніемъ, «мехкемэ» существовали кое-гдѣ, до самаго паденія наиба.

Все вышесказанное примѣняется къ черкесамъ вообще, но преимущественно принадлежитъ вольнымъ черкесамъ, сохранившимъ въ чистотѣ національный типъ.

Въ настоящее время, всѣ черкесы исповѣдуютъ магометанскую вѣру по суннитскому обряду.

Но что прежде у нихъ было распространено христіанство, это доказываютъ — преданія, памятники и исторія. До сихъ поръ у черкесовъ существуетъ смутное воспоминаніе о христіанствѣ; до сихъ поръ сохраняются у нихъ нѣкоторые обряды и праздники христіанской церкви, которые они смѣшиваютъ съ обрядами ислама и язычества. Они чтятъ память Іисуса Христа, признавая его сыномъ Божіимъ, но еще болѣе питаютъ благоволенія къ Матери

Божіей и празднуютъ торжественно вознесеніе ея на небеса, въ іюнѣ мѣсяцѣ. По морскому берегу и даже нѣсколько въ глубь горъ встрѣчаются развалины церквей и остатки надгробныхъ памятниковъ съ латинскими и греческими надписями.

Когда фанатическіе послѣдователи Магомета стали мечомъ и огнемъ распространять его ученіе повсюду, куда только могли проникнуть, тогда и жители Кавказа подверглись ихъ напору.

Турецкіе султаны, занявъ, въ срединѣ XV столѣтія, престолъ византійскихъ императоровъ, распространили магометанскую вѣру между кавказскими народами, въ томъ числѣ и между черкесами, и съ того времени начали считать ихъ своими подданными *).

Для поддержанія своей власти, они построили въ XVI столѣтіи приморскія крѣпости: Поти, Сухумъ, Анапу и др. Несмотря на то, черкесы, которыхъ турецкій султанъ считалъ своими подданными, на дѣлѣ никогда ему не повиновались.

Они признавали его, какъ наслѣдника Магомета и падишаха всѣхъ мусульманъ, духовнымъ своимъ главою, но не платили никакихъ податей, не поставляли солдатъ и не допускали вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, терпя турокъ, занимавшихъ нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, по праву только единовѣрія. Въ случаѣ посягательства на ихъ свободу они прибѣгали къ оружію и выходили побѣдителями. Такъ продолжалось до 1829 г. По силѣ Адріанопольскаго трактата, Оттоманская Порта уступила Россіи Закубанскую область съ ея жителями-черкесами, вплоть до границъ Абхазіи, предавшейся Россіи лѣтъ двадцать ранѣе. Но эта уступка осталась только на бумагѣ и не имѣла никакой фактической силы. Черкесы упорно стояли на томъ, что они и предки ихъ были всегда независимы. Султанъ никогда ими не владѣлъ, а потому и уступать ихъ никому не могъ. Должно было брать силою то, что слѣдовало по праву трактата, послѣ побѣдъ, проложившихъ русскимъ войскамъ путь къ стѣнамъ Константинополя.

Впродолженіе тридцати лѣтъ, послѣ Адріанопольскаго мира, много было пролито русской крови, много было геройскихъ подвиговъ съ нашей стороны, но покореніе края подвигалось медленно.

Между тѣмъ, на противоположномъ концѣ Кавказа разыгрывалась крова-

---

*) Въ послѣднюю половину прошлаго столѣтія знаменитый Шейхъ Мансуръ игралъ между черкесами такую же роль, какую въ послѣднее время разыгрывалъ Шамиль въ Дагестанѣ. Имя Шейха Мансура въ первый разъ упоминается въ 1785 г. Этотъ фанатическій апостолъ, памятный до сихъ поръ всѣмъ послѣдователямъ Магомета отъ Чернаго моря до Каспійскаго, полагаютъ, былъ орудіемъ турокъ, желавшихъ распространить магометанскую религію между народами Кавказа и, такимъ образомъ, возбудить ихъ къ войнѣ съ русскими. Въ 1791 г., при осадѣ крѣпости Анапы, Мансуръ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ на Соловецкій островъ, гдѣ и кончилъ существованіе. Вліяніе его было до такой степени значительно, что всѣ князья и знатные съ большею частію своихъ подданныхъ приняли магометанскую религію и только незначительная часть населенія осталась вѣрною своимъ языческимъ богамъ (Каригофъ).

вая драма, въ которой действующими лицами были фанатики ислама мюриды. Известный въ Россіи и весьма памятный на Кавказѣ Шамиль сдѣлался имамомъ мюридовъ, неограниченнымъ повелителемъ Дагестана и непримиримымъ врагомъ Россіи.

Для противодѣйствія его замысламъ, нужно было отвлечь часть войскъ отъ запада, гдѣ и безъ того ихъ было недостаточно; это дало возможность усилиться здѣсь кознямъ противъ Россіи. Шамиль имѣлъ тайныя сношенія съ черкесами, пытался-было въ 1846 году съ своимъ войскомъ проникнуть въ нихъ чрезъ Кабарду, для личнаго возбужденія ихъ противъ русскихъ, наконецъ посылалъ къ нимъ съ этой цѣлью своихъ наибовъ, изъ которыхъ первые два не имѣли успѣха, послѣдній, Мегметъ-Эминъ, настоящій питомецъ Шамиля, исполнилъ удачно возложенное на него порученіе, долго имѣлъ вліяніе на абадзеховъ и только послѣ паденія своего имама, видя его судьбу, а можетъ быть склоняясь и на другія убѣжденія, покорился Россіи и увлекъ съ собою абадзеховъ. Съ паденіемъ Шамиля покорился и Дагестанъ. Оставалось покорить черкесовъ, для чего было подъ руками весьма достаточно войскъ. Но кавказское начальство, наученное опытомъ, пришло къ убѣжденію, что для достиженія этой цѣли необходимо вести съ ними войну значительными массами, окружая ихъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ, вести войну энергически, безостановочно, безъ отдыха; въ занятыхъ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ удобство, ставить казацкія станицы,—подвигаться такимъ образомъ все далѣе и далѣе, до самыхъ крайнихъ предѣловъ—до Чернаго моря, не давая непріятелю вздохнуть и собраться съ силами. Система, задуманная съ такимъ знаніемъ края и его обитателей, благодаря храбрости войскъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Исторія не забудетъ, что война по этой системѣ съ черкесами началась при намѣстникѣ фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ и окончилась блистательно при намѣстничествѣ Великаго Князя Михаила Николаевича. Исторія сохранитъ также имя генерала Евдокимова, какъ главнаго дѣятеля при покореніи западнаго Кавказа.

Правительство русское, убѣжденное многими опытами въ томъ, что никакъ нельзя довѣрять обязательствамъ черкесовъ и что, если оставить ихъ въ горахъ, то они станутъ попрежнему грабить мирныхъ жителей и враждовать противъ Россіи, предложило имъ выселиться на плодородную кубанскую плоскость, въ противномъ же случаѣ удалиться въ Турцію, на что многіе уже предварительно высказывали свое желаніе. Изъ народонаселенія вольныхъ черкесовъ, которое составляло, по крайней мѣрѣ, 400,000 душъ, три четверти рѣшилось удалиться въ Турцію, и едва одна четвертая часть согласилась переселиться на кубанскую плоскость, причемъ шапсуги и убыхи удалились почти цѣликомъ, а абадзехи и бжедухи —болѣе нежели наполовину. Конечно, тутъ много дѣйствовали люди вліятельные на толпу впечатлительную; но не менѣе того участвовало въ этомъ и ожесточеніе черкесовъ противъ русскихъ, питаемое полувѣковою враждою. Къ несчастью, переѣздъ черкесовъ въ Турцію сопровождался болѣзнями и большою смертностью, за что недоброжелатели заграницею не преминули обвинять русское правительство.

Но справедливо ли это? Наше правительство платило деньги за перевозъ черкесовъ и снабжало неимущихъ всѣмъ необходимымъ для пути; турецкое правительство, съ своей стороны, высылало суда для перевозки переселенцевъ. Но они теряли терпѣніе въ ожиданіи очереди и кидались на вольнонаемныя суда греческія. На этихъ-то судахъ, тѣсныхъ и неудобныхъ, развивались болѣзни и явилась большая смертность. Особенно же пагубенъ былъ переѣздъ для тѣхъ черкесовъ, которые, рѣшившись сперва поселиться на кубанской плоскости, отъ распространившагося между ними ложнаго слуха, что ихъ хотятъ обратить въ христіанство, а скорѣе отъ опасенія потерять своихъ рабовъ, начали потомъ обращаться къ переселенію въ Турцію.

Они прибыли къ берегамъ Чернаго моря въ позднюю осень, когда начинаетъ свирѣпствовать здѣсь опасный сѣверо-восточный вѣтеръ, извѣстный подъ именемъ «боры», отъ которой гибнутъ люди и суда.

Участь этихъ несчастныхъ, какъ отправившихся въ море, такъ и оставшихся на берегу, дѣйствительно заслуживаетъ всякаго состраданія. Но и тутъ русское правительство оказало имъ всевозможныя пособія, снабждая нуждающихся пищею и одеждою и принимая больныхъ въ лазареты Константиновскаго укрѣпленія.

Обвиняютъ также русское правительство въ жестокости вообще изгнанія черкесовъ изъ мѣстъ ихъ родины. Въ народномъ отношеніи, эта мѣра кажется жестокою. Но при обсужденіи ея нельзя терять изъ виду другой стороны—политической. Съ этой точки зрѣнія, принятая мѣра была вызвана прискорбною, но крайнею необходимостью.

Вражда между черкесами и русскими дошла до крайнихъ предѣловъ и сосредоточилась въ одномъ вопросѣ: кому владѣть страною—черкесамъ или русскимъ? Оставить ли черкесамъ въ обладаніе эту богатую дарами природы страну съ тѣмъ, чтобы они попрежнему вели въ ней полу-кочевую жизнь и занимались грабежемъ, или предоставить ее Россіи для водворенія въ ней промышленности и цивилизаціи? Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть сомнителенъ.

Абхазы.

Самый ближайшій къ черкесамъ народъ—абхазы. Они соприкасаются другъ другу.

Страну, занимаемую нынѣ абхазами, можно раздѣлить на двѣ части: на западную, простирающуюся по юго-западному склону главнаго хребта и по морскому берегу, и на восточную, лежащую по сѣверо-восточнымъ отрогамъ. По пространству территоріи и по численности населенія, первую можно назвать Большою, а по древности жительства обитателей ея—Старою Абхазіей; вторую же, по малочисленности жителей и по недавности выселенія ихъ изъ прежней родины, Малою или Новою Абхазіею. Большую Абхазію населяютъ джигеты и собственно такъ-называемые абхазы, составляющіе корень и ядро всего народа, извѣстнаго подъ этимъ именемъ.

Изъ греческихъ источниковъ исторической литературы намъ извѣстно, что въ VI вѣкѣ по Р. Х., послѣ покоренія Абхазіи, при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ I-мъ, была введена въ этой странѣ православная вѣра, которая впослѣдствіи поддерживалась и распространялась со стороны Грузіи. Главою церкви въ Абхазіи былъ митрополитъ (католикосъ), имѣвшій пребываніе въ пицундскомъ монастырѣ.

Турки, завоевавъ Абхазію, обратили ея жителей въ магометанство, но при всемъ усиліи они не могли совершенно уничтожить у нихъ воспоминаніе о христіанствѣ.

Абхазскіе магометане не отказываются отъ вина, ни отъ мяса нечистаго животнаго, противнаго каждому доброму мусульманину.

Христіане и магометане празднуютъ вмѣстѣ: Рождество Христово, Святую Пасху, Духовъ день, джуму и байрамъ, и постятся въ рамазанъ и въ великій постъ для того, чтобы не давать другъ другу соблазна. Тѣ и другіе уважаютъ въ одинаковой степени священные лѣса и боятся горныхъ и лѣсныхъ духовъ, которыхъ благосклонность они снискиваютъ небольшими жертвами, приносимыми по старой привычкѣ, но тайкомъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время абхазы полу-христіане, полу-магометане и отчасти-язычники.

Собственно Абхазія богата развалинами и именами мѣстностей, напоминающими пребываніе здѣсь греческихъ колоній и владѣніе византійцевъ, которые ввели въ Абхазіи христіанскую вѣру. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Пицунда; въ древности, здѣсь былъ значительный, торговый греческій городъ Питіосъ или Питіунта, который Страбонъ называетъ великимъ. Византійцы устроили тутъ монастырь, на мѣстѣ весьма здоровомъ и въ высшей степени живописномъ, вблизи котораго находилась единственная по всему абхазскому прибрежью сосновая роща. Монастырь снабжался отличною ключевою водою, посредствомъ водопроводовъ. Церковь чисто-византійской архитектуры устроена въ VI столѣтіи по Р. Х., въ царствованіе Юстиніана; въ одномъ изъ предѣловъ ея сохранились на стѣнахъ и потолкѣ фрески, пережившія владычество, въ здѣшнихъ мѣстахъ, турокъ. По свидѣтельству Торнау, уцѣлѣлъ даже колоколъ, повѣшенный близъ церкви на большомъ орѣховомъ деревѣ, съ латинскою надписью и съ означеніемъ 1562 г., напоминающаго время генуэзскаго владѣнія*). Верстахъ въ 30 отъ Пицунды, по берегу моря, къ югу, находится укрѣпленіе Бомборы, съ небольшимъ форштатомъ, въ которомъ армянскіе и греческіе купцы производятъ торгъ съ сосѣдними абхазами. Бомборы лежатъ въ трехъ верстахъ отъ морскаго берега, въ привольной долинѣ рѣки Пшандры; въ самомъ близкомъ отъ Бомборъ разстояніи жилъ владѣтельный

---

*) Въ Пицундахъ долго пребывалъ Первозванный Апостолъ: сюда, хотя и невольно, предназначили другого великаго проповѣдника истины, Златоуста. Мѣстное преданіе указываетъ на могилу Златоуста въ Пицундскомъ храмѣ, но оно не подтверждается исторіею: Златоустъ, какъ извѣстно, не дошелъ до мѣста заточенія и скончался дорогою близъ Команъ. Мощи его изъ Команъ перенесены въ Царь-градъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторая часть ихъ отдѣлена была импер. Юстиніаномъ для Пицундскаго храма.

князь, въ селеніи Лехне, называемомъ турками Саукъ-су. Въ 45 верстахъ отъ Бомборъ, по тому же направленію, находится Сухумъ или Сухумъ-Кале, лучшее укрѣпленіе и лучшая гавань въ русскихъ владѣніяхъ по восточному берегу Чернаго моря. Здѣсь находилась генуезская крѣпость, которою воспользовались потомъ турки и сдѣлали изъ нея важнѣйшій пунктъ своего владычества по восточному берегу Чернаго моря. Во время турецкаго владѣнія крѣпость была окружена многолюдными предмѣстьями и садами; пользовалась здоровою водою, проведенною изъ горъ далѣе мили. Теперь сухумскую крѣпость окружаютъ болота, заражающія воздухъ гнилыми испареніями, которыя порождаютъ злокачественныя лихорадки; предмѣстья опустѣли, а водопроводъ разрушился. Теперь, когда всѣ неблагопріятствовавшія намъ обстоятельства миновали, когда мы безусловно владычествуемъ на восточномъ берегу Чернаго моря отъ Анапы почти до Батума, отъ насъ зависитъ воскресить Сухумъ, который турки называли недаромъ вторымъ Стамбуломъ, и поставить его въ то положеніе, въ которомъ онъ нѣкогда находился и котораго онъ заслуживаетъ по своей мѣстности.

На востокъ отъ территоріи, занимаемой собственно абхазами, лежитъ Цебельда, иначе называемая Цымбаръ. Цебельда расположена на юго-западномъ склонѣ Кавказскаго хребта по верховьямъ рѣки Кодора и по сопредѣльнымъ ущельямъ. Неприступность этой страны, особенно же той части ея, которая лежитъ у самой вершины Кодора и называется верхнею Цебельдою, а равно безпокойный духъ и склонность къ разбоямъ ея жителей долгое время затрудняли русское правительство въ прочномъ устройствѣ Абхазіи вообще.

На юго-востокъ отъ Абхазіи лежитъ Самурзаканъ. Наиболѣе сохранившійся памятникъ христіанства въ Самурзаканѣ есть великолѣпная бедійская церковь превосходной архитектуры, построенная на живописномъ мѣстѣ, близъ границы Самурзакана и Абхазіи; другой христіанскій храмъ, болѣе грубой архитектуры, находится въ селеніи Речхи.

Колыбель жителей Малой Абхазіи есть собственно такъ-называемая Абхазія, откуда они удалились съ юго-западнаго на сѣверо-восточный склонъ Кавказскаго хребта, не позже XVIII столѣтія. Они сохранили типъ и языкъ отчизны. Мало-Абхазцы, если можно ихъ такъ называть, раздѣляются на нѣсколько самыхъ малочисленныхъ обществъ, носящихъ разныя названія большей частью по именамъ своихъ владѣтелей или бывшихъ предводителей при ихъ переселеніи. Число жителей Малой Абхазіи простирается до 15,000 душъ, а съ присовокупленіемъ 131,000 душъ, считающихся въ Большой или Старой Абхазіи, народонаселеніе всей вообще Абхазіи составляетъ около 146,000 душъ.

Абхазы вообще, тѣлеснымъ устройствомъ, образомъ жизни, нравами, обычаями, занятіями, одеждою и вооруженіемъ весьма схожи съ своими сосѣдями — черкесами. Это сходство было замѣчаемо и прежде, какъ византійскими, такъ и грузинскими писателями; въ послѣднее время оно до такой степени поражало нѣкоторыхъ наблюдателей, какъ напр. Дюбоа, Лапинскаго и другихъ, что они почитаютъ абхазовъ и черкесовъ за одинъ народъ, конечно, не обращая вниманія на языки, которыми говорятъ эти народы. Нѣ-

которые изъ наблюдателей однакожъ находятъ, что абхазы не такъ живы, какъ черкесы, смуглѣе и сухощавѣе ихъ, притомъ не такъ смѣлы и воинственны. Но всѣ эти оттѣнки относятся до собственно такъ-называемыхъ абхазовъ, другія же общества ихъ, какъ-то: джигеты, мѣдовѣевцы, цебельдинцы и частью малоабхазцы, и по наружному виду, и по смѣлости, и по наклонности къ войнѣ и грабежу весьма схожи съ черкесами. Если, говоря вообще, абхазы должны уступить что-нибудь по тѣлесной красотѣ черкесамъ, то женщины ихъ въ этомъ отношеніи могутъ состязаться съ черкешенками. Между ними много красавицъ, но только въ высшихъ сословіяхъ и въ раннемъ возрастѣ, какъ и у черкешенокъ. Притомъ нельзя не вспомнить словъ Вольнея, который въ свое время считался знатокомъ Востока. Описывая базары его, гдѣ производилась купля и продажа невольницъ для гаремовъ и гдѣ красота женщины была опредѣляема съ математическою точностью, онъ говоритъ, что на этихъ базарахъ выше всего цѣнились черкешенки, вслѣдъ затѣмъ—абхазки, потомъ имеретинки и грузинки и, наконецъ, уже европеянки. Обращаясь къ образу жизни, занятіямъ, правамъ и обычаямъ абхазовъ, мы находимъ разительное сходство съ черкесами: то же патріархальное устройство семьи, та же неограниченная власть отца надъ дѣтьми, мужа надъ женою, то же наказаніе за невѣрность ея; тотъ же калымъ за жену, то же униженіе женщины, то же уваженіе къ сѣдинамъ, то же безчеловѣчное и дикое кровомщеніе и то же безусловное гостепріимство; наконецъ то же одѣяніе и вооруженіе. Если же нѣкоторые изъ абхазскихъ обществъ не такъ воинственны и отважны, какъ черкесы, то это происходитъ отъ жизненныхъ условій и отъ обстоятельствъ, которыя не позволили у нихъ вполнѣ развиться природнымъ качествамъ и наклонностямъ къ войнѣ и грабежу.

Въ коренной собственно называемой Абхазіи были владѣтели.

Прочія абхазскія общества представляютъ, относительно управленія, большое сходство съ черкесами.

Тѣлесное наказаніе въ Абхазіи не существуетъ.

Дѣла спорныя о наслѣдствахъ, по семейнымъ распрямъ, по условіямъ и пр., а равно дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ рѣшаются въ Абхазіи по обычаю.

Смертная казнь не существуетъ въ Абхазіи. Князья и дворяне отвѣчаютъ обиженному своимъ имуществомъ, а прочіе—своей личной свободой.

Хлѣбопашество у абхазовъ, какъ и у сосѣдей ихъ черкесовъ, находится въ самомъ первобытномъ состояніи и ограничивается небольшимъ посѣвомъ кукурузы, мингрельскаго проса (гомми), ячменя и табаку для своего потребленія. Абхазія весьма богата виноградомъ, изъ котораго выдѣлывается порядочное вино, и разными фруктами, особенно грушами, сливами и персиками, которыхъ деревья доставляютъ изобильные плоды, безъ всякаго ухода за ними. Лѣса абхазскіе изобилуютъ дубомъ, букомъ, чинаромъ, грецкимъ орѣхомъ, каштаномъ и шелковицею; около Сухума растутъ огромныя буковыя деревья и буксъ. Скотомъ абхазы бѣднѣе своихъ сосѣдей; лошади ихъ мелки и слабосильны; во многихъ мѣстахъ замѣняютъ ихъ ослы. Изъ дикихъ звѣрей въ абхазскихъ лѣсахъ водятся въ большомъ числѣ дикія козы, серны, кабаны,

медвѣди, волки, лисицы, шакалы, рѣдко—барсы. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ открытіе Торнау въ лѣсистыхъ горахъ Малой Абхазіи — зубра, животнаго, котораго до сихъ поръ находили только въ одной Бѣловѣжской пущѣ, въ Гродненской губерніи.

Прибрежные абхазы занимаются рыбной ловлей и добычей дельфиновъ, изъ которыхъ вытапливаютъ жиръ, пріобрѣтаемый у нихъ турецкими и греческими купцами. Кромѣ этого товара, предметы отпускной торговли ихъ составляютъ строевой лѣсъ, невыдѣланныя звѣриныя кожи и медъ, добываемый отъ дикихъ пчелъ, отличающійся необыкновенной добротой; онъ почти не имѣетъ воска, твердъ и чистъ какъ сахаръ; преимущественно, этотъ медъ требовался въ Константинополь. Но конечно, въ былое время, самый прибыльный торгъ абхазовъ, какъ и черкесовъ, составлялъ живой товаръ. Изъ привозимыхъ въ Абхазію товаровъ наиболѣе требовались соль и огнестрѣльное оружіе.

Сванеты.

Территорія Сванетіи занимаетъ одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ населенія Западнаго Кавказа; она лежитъ у главнаго хребта, простираясь, такъ сказать, по ребрамъ его. Здѣсь, въ малодоступныхъ ущельяхъ, живетъ народъ, носящій на себѣ отпечатокъ дикой природы, представляющій живой остатокъ древности, которому удалось, можетъ быть, сохранить свой первообразный типъ. Горы, окружающія Сванетію, представляютъ разнообразныя формы; вершины ихъ во многихъ мѣстахъ входятъ въ линію вѣчнаго снѣга, дающаго начало многимъ горнымъ источникамъ и рѣкамъ, изъ коихъ значительнѣйшія: Ингуръ, Хопи и Цхени-Цхали — древній Гиппосъ. Рѣки эти принадлежатъ Сванетіи только своими вершинами.

Сванетія была долго для русскихъ terra incognita. Знакомствомъ съ этою страною мы обязаны лицамъ, посѣщавшимъ ее въ послѣднее время *).

Климатъ Сванетіи, говоря вообще, отличается разнообразіемъ.

Дѣйствіе климата отражается на наружномъ видѣ жителей: обитатели нижней Сванетіи смуглы, черты лица ихъ довольно мягки; верхніе же сванеты большею частью бѣлокуры, видъ у нихъ суровый. Г. Бакрадзе замѣчаетъ, что по наружному виду, по физіономіи лица и по очертанію головъ эти сванеты напоминаютъ горныхъ грузинъ-хевсуровъ и пшавовъ. Вообще сванеты роста выше средняго и одарены крѣпкимъ здоровьемъ и физическими силами. Имъ неизвѣстны обыкновенныя болѣзни; но въ обществахъ, расположенныхъ на альпійскихъ высотахъ, господствуетъ особеннаго рода болѣзнь,

---

*) Лобановъ-Ростовскій, Бартоломей, Бакрадзе и Гогоберидзе.

присущая такимъ возвышеннымъ странамъ. У жителей этихъ обществъ зобы доходятъ до безобразной величины, и эта болѣзнь нерѣдко сопровождается кретинизмомъ. Сванетки, говоря вообще, не отличаются ни красотою, ни чистоплотностью; по увѣренію Бакрадзе, онѣ напоминаютъ, по физіономіи и по костюму, пшивокъ и тушинокъ. Хотя у сванетовъ женщина составляетъ низшее существо противъ мужчины, тѣмъ неменѣе сванетки пользуются гораздо большей свободой и преимуществами сравнительно съ черкешенками и абхазками. Онѣ не скрываются подъ покрывалами отъ постороннихъ и не запираются въ своихъ домахъ, но свободно обращаются нетолько съ своими, но и съ чужеземцами; участвуютъ въ публичныхъ празднествахъ и сборищахъ, безъ всякаго стѣсненія. Женщинъ въ Сванетіи, сравнительно съ мужчинами, мало, и это происходитъ отъ безчеловѣчнаго обычая умерщвлять новорожденныхъ дѣвочекъ, который, благодаря участію правительственныхъ лицъ, мало по малу выводится. Г. Бакрадзе утверждаетъ, что обычай умерщвлять дѣвочекъ у сванетовъ происходитъ отъ суевѣрнаго ихъ убѣжденія, что убійство дочери вознаграждается рожденіемъ сына. Къ этому наблюдатель присовокупляетъ, что послѣдствіемъ такого дикаго суевѣрія — уменьшеніе женскаго пола и потребность похищенія чужихъ женъ, съ согласія или безъ согласія ихъ самихъ, что̀ весьма распространено въ Сванетіи.

Относительно духовнаго развитія, сванеты находятся въ дѣтскомъ возрастѣ. Они отъ природы веселаго нрава, добродушны и гостепріимны; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, кровомщеніе у нихъ господствуетъ почти въ такой же степени, какъ у свирѣпыхъ черкесовъ или грубыхъ абхазовъ. Сванетъ горячо любитъ свое семейство, но добровольно умерщвляетъ новорожденную дочь, въ надеждѣ чрезъ то получить сына. Онъ привязанъ къ родинѣ, но ограничиваетъ ее деревнею, въ которой родился, и рѣдко обществомъ, которому принадлежитъ; онъ враждуетъ безпрерывно нетолько съ жителями другого округа, но даже съ своими однодеревенцами. Сванеты лично храбры, но рѣшительно не способны къ дружному дѣйствію противъ внѣшнихъ враговъ.

Сванеты исповѣдуютъ христіанскую вѣру; духъ и евангельская нравственность ея недоступны имъ. Но мы должны быть благодарны хотя и необразованнымъ сванетскимъ деканозамъ за то, что, пользуясь неприступнымъ положеніемъ своей страны, они противодѣйствовали вторженію въ нее ислама, сберегли христіанскіе храмы и хранящуюся въ нихъ святыню, удержали, наконецъ, въ народѣ привязанность къ православію. Нива готова и ожидаетъ только вѣрныхъ сѣятелей, которые и являются мало по малу въ лицѣ рукоположенныхъ священниковъ. Въ Сванетіи, и особенно въ верхней, много церквей, и въ нихъ хранятся въ большомъ числѣ иконы, кресты, книги и другія принадлежности церкви, принесенныя въ даръ значительными лицами Грузіи и Имеретіи.

Жилища сванетовъ отличаются особенною оригинальностью. Деревни ихъ разбросаны живописно группами по скаламъ и горнымъ долинамъ. Въ каждомъ почти дворѣ находится четыреугольная, высокая, въ нѣсколько этажей башня, сложенная изъ необтесанныхъ камней, стѣны которой въ нижнихъ обществахъ

большею частью выбѣлены, а въ верхнихъ состоятъ изъ темныхъ плитъ глинистаго сланца. Къ каждой башнѣ для входа въ нее приставлена деревянная лѣстница, которая удобно отнимается. Обыкновенное помѣщеніе для жильцовъ и скота прилѣпляется къ башнѣ, которая составляетъ главное строеніе и представляетъ какъ-бы отдѣльную цитадель, гдѣ жители могли укрываться отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ внутреннихъ враговъ-кровомстителей и гдѣ также они удобно могли сохранять награбленное имущество.

Въ горахъ Сванетіи, по удостовѣренію ея жителей, находится много металлическихъ мѣсторожденій; въ особенности же они обращаютъ вниманіе на попадающіеся во множествѣ куски свинцоваго блеска, содержащіе серебро, которое они показываютъ каждому посѣтителю. Въ послѣднее время явился здѣсь и золотой промыселъ по р. Ингуру. Главная промышленность сванетовъ—земледѣліе, которымъ они занимаются въ настоящее время собственно для своего пропитанія. Скотоводство у сванетовъ ничтожно; но, какъ хорошіе стрѣлки, они занимаются охотою, особенно же ловлею куницъ, шкуры которыхъ продаютъ въ Мингреліи. У народа бѣднаго и отчужденнаго отъ другихъ, какъ сванеты, торговля не можетъ развиваться.

Относительно языка сванетовъ существуютъ разныя мнѣнія: иные утверждаютъ, что это самобытный языкъ, отличающійся отъ другихъ извѣстныхъ языковъ; иные—что это языкъ смѣшанный, въ которомъ хотя основа самобытная, но въ нее проникъ элементъ грузинскій; иные, наконецъ, что это только діалектъ грузинскаго языка.

Большинство на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, именно гг. Бекрадзе, Гогоберидзе и извѣстный на поприщѣ сравнительной лингвистики Максъ Мюллеръ.

По сличеніи ихъ мнѣній, имѣющихъ за собою силу доказательности, можно, кажется, убѣдиться въ томъ, что сванетскій языкъ имѣетъ одинъ корень съ грузинскимъ, мингрельскимъ и лазскимъ; что, по силѣ обстоятельствъ, онъ ранѣе другихъ отдѣлился отъ своего корня и, вслѣдствіе особыхъ жизненныхъ условій народа, которому онъ принадлежитъ, подвергался, сравнительно съ другими отраслями, большимъ измѣненіямъ, но сохранилъ однакожъ всѣ типическіе элементы языка кореннаго; что поэтому грузины, мингрелы, лазы и сванеты, говорящіе діалектами этого языка, составляютъ одно народное семейство. Утверждающіе, напротивъ, что сванетскій языкъ есть самобытный, отличающійся отъ извѣстныхъ языковъ, слѣдовательно и отъ грузинскаго, не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Изданная въ Тифлисѣ, въ 1864 году, азбука сванетскаго языка, съ присовокупленіемъ къ ней краткаго словаря и нѣкоторыхъ молитвъ, не можетъ служить подкрѣпленіемъ такого мнѣнія. Сочиненіе это не представляетъ данныхъ для сравненія сванетскаго языка съ другими, ни для опредѣленія элементарныхъ формъ и грамматическаго строя его, что составляетъ сущность всякаго языка.

Съ своей стороны, исторія свидѣтельствуетъ, что между грузинами, мингрелами, лазами и сванетами съ древнихъ временъ существовала тѣсная связь, которая можетъ проявляться только между народами радственными; что жители Сванетіи свободно переходили въ Грузію и тамъ селились, а грузинскіе азнауры—дворяне и князья находили вѣрное убѣжище въ Сванетіи;

что здѣсь мы встрѣчаемъ такое обиліе церковныхъ книгъ и иконъ, съ грузинскими надписями; что государи и духовенство Грузіи оказывали такое стараніе о водвореніи въ Сванетіи христіанской вѣры и о построеніи православныхъ церквей, какъ у себя дома, а потому мы неминуемо убѣждаемся въ тѣсной, родственной связи этихъ двухъ народовъ. Сами сванеты, хотя смутно, сознаютъ свое родство съ грузинами; у нихъ сохранилась память о замѣчательныхъ лосударяхъ Грузіи, которыхъ считаютъ своими, особенно же о славной царицѣ Тамарѣ. По народному преданію, хотя она жила въ Грузіи, но любила особенно свою Сванетію, гдѣ часто проводила время, строила церкви и украшала ихъ богатыми иконами. Сванеты почитаютъ Тамару безсмертною, думаютъ, что она пребываетъ въ подземельи подъ церковью въ Ушкулѣ, и полагаютъ, что открытіе этого мѣста принесетъ имъ страшныя бѣдствія.

НОВОРОССІЙСКАЯ БУХТА.

Новороссійская бухта, это одна изъ весьма красивыхъ мѣстностей на Западномъ Кавказѣ. Длинное широкое ущелье, образовавшееся изъ двухъ хребтовъ довольно высокихъ, но сравнительно покатыхъ горъ. Около 10 верстъ этого ущелья занимаетъ довольно глубокая, отъ 4 до 5 верстъ шириною, бухта; далѣе, образуемое небольшою горною рѣчкою крошечное, но гнилое, слѣдовательно заразительное болото.

Оба бока ущелья, особенно равнина, одна изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей. Наносная почва равнины простирается мѣстами до нѣсколькихъ верстъ въ ширину. Трава сочная, густая. Правда, что иногда случающійся здѣсь ливень пригладитъ ее наноснымъ иломъ съ горъ. Но проведите выше параллельно ущелью канаву или оградите каменною стѣною, и посѣвы избавлены отъ илу.

Къ западу около 20 верстъ вплоть до моря вся мѣстность состоитъ изъ ряда меньшихъ по объему, но не менѣе плодородныхъ и когда-то не дурно обработывавшихся ущелій.

Дикій виноградъ, грецкій орѣхъ, каштанъ—обыкновенная растительность той страны. Черкесы имѣли тутъ большіе сады, слѣды которыхъ остаются и по настоящее время. Пчеловодство составляло у нихъ весьма важную отрасль промышленности.

Новороссійская бухта, въ лучшія времена нашего черноморскаго флота, была занята частью нашихъ кораблей. Самая крѣпостца устроена подъ выстрѣлами черкесовъ, торговавшихъ днемъ въ городѣ, а ночью заводившихъ съ городомъ перестрѣлку. Тогда, говорятъ, Новороссійскъ кипѣлъ жизнью. Правда, что жизнь эта создавалась насчетъ флота. Городъ самъ по себѣ не имѣлъ ровно никакого значенія. Таковъ онъ и теперь—крошечный, съ малочисленнымъ обществомъ и такихъ же размѣровъ жизненной обстановкою.

Его бухта глубока и просторна, но подвержена постоянному, почти сѣверо-восточному вѣтру (бора), который весною и осенью бываетъ такъ силенъ, что корабли, посаженные на нѣсколько якорей, выбрасываетъ на берегъ. Пароходы Русскаго общества пароходства и торговли, обязанные заходить два раза каждую недѣлю, не заглядываютъ иногда по 2 и по 3 раза сряду изъ опасенія, что ихъ можетъ застигнуть вѣтеръ и выкинуть на мель.

Одно средство противъ этого—это развести сплошной лѣсъ, начиная отъ самой бухты, вплоть до вершины хребта, чрезъ вершину и по ту сторону хребта. Тогда вѣтеръ растеряется въ сплошной массѣ деревъ, но отдѣльныя насажденія, особенно на срединѣ или внизу ущелья, вырветъ съ корнемъ.

Самое же вѣрное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое дешевое средство — это поселеніе трудолюбиваго и знакомаго съ горнымъ хозяйствомъ населенія. Оно развело бы здѣсь сады, огородило бы ихъ цѣлыми десятками продольныхъ и поперечныхъ каменныхъ стѣнъ, и нордъ-остъ превратился бы въ преданіе.

ОСЕТИНЫ.

Осетины сами себя не зовутъ осетинами, но называютъ иръ или иронъ, а землю именуютъ Иронистанъ. Черкесы называютъ ихъ кашга, татаре— оссъ и тавли; лезгины—оцъ, оце; грузины—осси или овси.

Осетины живутъ въ центрѣ Кавказскихъ горъ, на югъ до передовыхъ горъ Грузіи, къ сѣверу—на скатахъ и въ долинахъ Терека и его приклоновъ до равнины Кабарды. Такимъ образомъ сама природа дѣлитъ Осетію на двѣ части: сѣверную, съ населеніемъ 46,802 душъ, и южную, съ населеніемъ въ 19,324 души. Еще въ отдаленныя времена осетинское племя подвинулось на западъ изъ средней Азіи, перешло такъ-называемый уральскій перешеекъ и остановилось на равнинѣ, разстилающейся на сѣверѣ отъ Кавказскихъ горъ. На это пребываніе осетинъ въ южной части Россіи отчасти намекаетъ названіе Дона, которое на осетинскомъ языкѣ означаетъ воду и рѣку; такъ Ардонъ на осетинскомъ языкѣ значитъ бѣшеная рѣка. Можно думать, что племя это было оттѣснено къ югу, въ Кавказскія горы, напоромъ другихъ народовъ, которые подвигались изъ Азіи въ Европу. Оттѣсненные съ равнины болѣе сильными народами, осетины нашли убѣжище въ неприступныхъ Кавказскихъ горахъ и поселились въ глубокихъ ущельяхъ, образуемыхъ рѣками Терекомъ, Гизель-Дономъ, Фіягъ-Дономъ, Ардономъ и Урухомъ. Географическое положеніе страны, занятой осетинами, опредѣлило судьбу этого народа. Заключенные въ ущельяхъ, выходы изъ которыхъ на равнину были заперты враждебными народами, они были отрѣзаны отъ всего міра. Въ народной памяти осетинъ еще живы воспоминанія о томъ времени, когда они не смѣли

показаться на равнинѣ, страшась кабардинцевъ, которые господствовали на ней и которые нетолько не пускали ихъ на плоскость, но сами врывались въ горы и брали съ нихъ дань. Такого рода нападенія кабардинцы могли дѣлать тѣмъ легче потому, что осетины рѣдко когда дѣйствовали заодно: каждое ущелье составляло отдѣльное общество, которое враждовало съ своими единоплеменниками. Такое положеніе страны, естественно, было гибельно для народа, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Первымъ послѣдствіемъ этого была крайняя бѣдность. Осетины терпѣли недостатокъ нетолько въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напр. соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ, вслѣдствіе малопроизводительности почвы и недостатка земли. Народъ размножался, а земли для прокормленія его не было. Земля, удобная для хлѣбопашества въ Осетіи, прежде имѣла и теперь имѣетъ неслыханную цѣнность. По народной поговоркѣ земля стоитъ того животнаго, которое на ней можетъ помѣститься: такъ кусокъ земли, который займетъ лежащая корова, цѣнится въ корову, другой стоитъ овцу и т. д. Такой недостатокъ земли и порождаемая имъ бѣдность были причиною страшныхъ злодѣяній. Нерѣдко братъ убивалъ брата, чтобы завладѣть его участкомъ. Чтобы предупредить размноженіе населенія, у осетинъ былъ варварскій обычай умерщвлять новорожденныхъ дѣтей женскаго пола.

Малоземельность была причиною, что часть осетинъ съ сѣвернаго склона Кавказа переселилась на южный скатъ Кавказскаго хребта. Царевичъ Вахуштъ въ своей географіи Грузіи говоритъ, что вслѣдствіе частыхъ опустошеній населеніе Карталиніи стало рѣдѣть и тогда грузинское населеніе спустилось съ горъ нынѣшней южной Осетіи на равнину, а на мѣсто ихъ были въ этой мѣстности поселены осетины. Поселившись такимъ образомъ на помѣщичьихъ земляхъ, осетины изъ свободныхъ сдѣлались крѣпостными людьми, и, имѣя постоянныя сношенія съ своими помѣщиками и съ грузинскимъ населеніемъ Горійскаго уѣзда, откуда они доставали предметы первой потребности для жизни, почти всѣ выучились грузинскому языку, а у предгорій даже совсѣмъ смѣшались съ грузинами.

Мрачныя времена для Осетіи нынѣ уже миновали: южные осетины освобождены изъ крѣпостной зависимости, а сѣверные, сохранившіе свою прежнюю свободу въ значительномъ числѣ, выселились на равнину и сочувственно отнеслись ко всѣмъ благимъ мѣропріятіямъ русскаго правительства относительно ихъ устройства. Бытъ осетинъ, особенно сѣверныхъ, въ непродолжительное время замѣтно улучшился, и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи они замѣтно опередили всѣ горскія племена, благодаря своей воспріимчивости къ образованію.

Дюбуа де Монперё и нѣкоторые другіе причисляютъ осетинъ къ мидоперсидскому племени, а языкъ ихъ относятъ къ индо-германскому. У нихъ нѣтъ своихъ письменъ, такъ что академикъ Шегренъ, написавшій осетинскую грамматику, примѣнилъ къ осетинскому языку русскія буквы.

На этотъ языкъ переведены новый завѣтъ, божественная литургія (3-хъ

святителей), псалтирь, часословъ, нѣкоторыя церковныя богослужебныя книги и нѣсколько книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.

Лѣтописей у осетинъ нѣтъ. Договоры отмѣчаютъ они на биркѣ. Историческія событія передаются потомству изустнымъ преданіемъ, а отчасти звѣриными головами и рогами, которые въ память привѣшиваются къ домамъ и церквамъ.

Ростъ осетинъ средній, тѣлосложеніе ихъ крѣпкое, нервное, мясистое и неуклюжее. Лицо круглое, рѣдко смуглое, волоса бѣлокурые, глаза голубые, черты безъ выраженія или дикія. Женщины малаго роста и некрасивыя, обыкновенно съ плоскими носами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть впрочемъ красивыя, можетъ быть, потому, что часто смѣшивались съ грузинами. Одежда мужчинъ сходна съ одеждою черкесовъ: осетины носятъ при себѣ оружіе; у женщинъ платье состоитъ изъ длинной рубахи, сверху надѣвается архалукъ; носятъ шальвары преимущественно краснаго цвѣта и пр.

«Осетины *) считаются самымъ клятвопреступнымъ народомъ Кавказа; они уважаютъ только клятву тѣнью родителей, при приношеніи жертвъ баранами и козами. Воровство, грабежъ и уводъ лошадей очень обыкновенны и не считаются преступленіемъ, если при-этомъ ихъ не поймали: «что находимъ на большой дорогѣ, то послано намъ Богомъ.» Вообще они храбры, терпѣливо переносятъ труды, въ нѣкоторомъ отношеніи и добродушны, только не въ пьяномъ видѣ.

Гостепріимство у осетинъ считается священнымъ, но обязательно только внутри дома. Для гостя тотчасъ убивается баранъ и, цѣликомъ изжаренный, подается на подносѣ. Пока гость кушаетъ, хозяинъ сидитъ съ палкою у дверей и не участвуетъ въ обѣдѣ. Осетины, въ присутствіи лица, особенно ими уважаемаго, никогда не садятся; напр. сынъ въ присутствіи отца, младшій братъ въ присутствіи старшаго.»

Жилища осетинъ различны: въ безлѣсныхъ странахъ выведены изъ камней безъ глины, а въ лѣсистыхъ изъ дерева. Первыя преимущественно находятся въ сѣверномъ краѣ; дома зажиточныхъ нерѣдко удивляютъ путешественниковъ. Четыреугольное каменное строеніе, въ два или три этажа, съ выдающеюся крышею. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается домашній скотъ, во второмъ живутъ хозяева, третій опредѣленъ для гостей.

Зажиточные окружаютъ домъ свой высокою стѣною и четырьмя небольшими караульными башнями, на которыя взбираются по приставленнымъ лѣстницамъ. Къ этой стѣнѣ часто придѣлываютъ остроконечные шесты или палисады, нѣкоторые вѣшаютъ конскіе черепы и другія кости.

Деревянные дома южной стороны невидны и неудобны; они построены изъ лежащихъ бревенъ и покрыты досками и корою. Семейства обыкновенно многочисленны и каждая часть имѣетъ отдѣльные домики на общемъ дворѣ, окруженномъ палисадомъ. Цѣлый дворъ имѣетъ, такимъ образомъ, видъ деревушки

---

*) См. «Закавказскій край» Гакстгаузена, ч. 2.

отъ 6 до 10 строеній и носитъ названіе семейства. Такая деревушка по-осетински называется кау.

Осетинъ сидитъ не съ поджатыми подъ себя ногами, какъ прочіе жители Востока, а имѣетъ скамьи, стулья; кресла главы семейства украшены рѣзьбою. У осетинъ даже столы и кровати съ рѣзьбою. Столъ у осетинъ неприхотливъ: они ѣдятъ хлѣбъ и вареное мясо и особенно любятъ супъ изъ гречневыхъ крупъ. Хлѣбъ у нихъ печется въ золѣ, преимущественно изъ ячменя, безъ соли, въвидѣ тонкихъ лепешекъ. Бѣдные ѣдятъ свинину; баранина и говядина употребляются только людьми зажиточными. Для пиршествъ пекутъ хлѣбъ изъ пшеничной муки, прочія кушанья тѣ же самыя, при излишествѣ горячаго вина, пива, меда и бузы изъ гречневыхъ крупъ. Передъ обѣдомъ эльдаръ беретъ въ одну руку кусокъ говядины, а въ другую рогъ съ виномъ и произноситъ молитву, которую прочіе слушаютъ съ покрытою головою. Потомъ начинаетъ ѣсть и пить, что̀ тогда дѣлаютъ и другіе.

Между осетинами каждый самъ заботится о ближайшихъ своихъ потребностяхъ, выдѣлываетъ порохъ, пули, сукна, кожаныя вещи, сыръ (извѣстный по своимъ хорошимъ качествамъ во всемъ Закавказьи) и пр. Воздѣлываніе полей (ячмень, просо, пшеница, табакъ) и присмотръ за скотомъ, какъ вообще у горцевъ, предоставляются женщинамъ.

У осетинъ нѣтъ законовъ; они замѣняются силою нравовъ и обычаевъ. Кровная месть господствуетъ у нихъ, какъ у черкесовъ и абхазовъ. Неисполняющій требованій ея предается вѣчному стыду. Для избѣжанія кровной мести семейство обидчика или преступника предлагаетъ мировую сдѣлку. Она не всегда принимается; кто отмститъ за убійство родственника, тотъ идетъ къ его могилѣ и говоритъ: «Я добросовѣстно отмстилъ за тебя!» Когда соглашаются на сдѣлку, обѣ стороны выбираютъ посредниковъ, но со стороны истца избирается одинъ лишній. Посредники опредѣляютъ пеню, а въ уплатѣ ея требуютъ отъ сторонъ обезпеченія, которое однако сохраняется втайнѣ, до совершеннаго окончанія дѣла.

Вознагражденіе за нанесеніе ранъ постепенно возрастаетъ отъ одной овцы до трижды 18 коровъ *). Изувѣченіе лица обходится еще дороже: носъ стоитъ 100 коровъ, рука, глазъ или нога считается наравнѣ съ жизнью. Побои оштрафовываются, смотря по значенію лица. Кто поймаетъ вора на дѣлѣ, тотъ можетъ бить его сколько угодно ему; но если кто его изувѣчитъ или убьетъ, то платитъ обычную пеню. За подлогъ взыскивается то же, что за убійство. Насильственное похищеніе женщины тоже ставится наравнѣ съ убійствомъ. Если она дѣвица, похититель можетъ избѣжать пени женитьбою, но долженъ заплатить уратъ (покупную цѣну невѣсты). Если же она замужемъ, платитъ полную пеню убійства, и въ особенности за каждое прижитое съ нею дитя.

*) Счетъ осетинъ не простирается далѣе 18. Это число служитъ основаніемъ наибольшихъ суммъ. Они считаютъ дважды 18, шестью 18, осьмнадцать разъ 18, дважды 8-ю 18 и т. д.

Сынъ, оставившій своихъ родителей или прогнавшій ихъ изъ дома, считается безчестнымъ. Отецъ всегда глава семейства, все имущество въ полномъ его распоряженіи; онъ можетъ подарить его и назначить наслѣдникомъ кого хочетъ. Дочь послѣ отца не наслѣдуетъ, еслибъ даже и не было сыновей; въ такомъ случаѣ имѣніе переходитъ къ ближайшему родственнику мужескаго поколѣнія. Жена безъ дѣтей или имѣющая только дочерей пользуется только одинъ годъ имуществомъ покойнаго мужа, чтобы покрыть издержки похороннаго обѣда, и потомъ уступаетъ все наслѣднику. Она или переѣзжаетъ къ нему въ домъ или онъ женится на ея дочери и опредѣляетъ вдовѣ пенсію.

Женщины считаются рабынями; вотъ почему дочери не наслѣдуютъ; несмотря на то, общественное положеніе ихъ совершенно свободное; онѣ не запираются, не закутываются, не чуждаются общества мужчинъ, участвуютъ въ пиршествахъ, играхъ и пляскахъ. Если кто входитъ въ домъ, онѣ встаютъ, такъ же какъ и мужчины, которые вдобавокъ снимаютъ шапку, кланяются и снова надѣваютъ ее. При поклонѣ они рукою дотрогиваются до чела, и если хотятъ оказать пришедшему особое уваженіе, то берутъ его руку и подносятъ ее къ устамъ своимъ и къ челу. Женщины охотно и искусно ѣздятъ верхомъ; говорятъ даже, что онѣ въ прежнія времена сопровождали мужей своихъ на войну. Онѣ пьютъ вино какъ мужчины, но умѣреннѣе. Принятіе или отверженіе дѣвицею бутылки означаетъ согласіе ея или несогласіе на предложеніе вступить въ бракъ. Чѣмъ болѣе сватаются за дѣвушку, тѣмъ она болѣе уважается и выше цѣна (уратъ) *) ея. Дѣвушка, не имѣющая ни одного претендента, равно какъ и скромная вдова такъ презираются, что на нихъ публично плюютъ.

Свадебные обряды у осетинъ такъ ведутся: послѣ взаимнаго соглашенія съ обѣихъ сторонъ относительно урата, женихъ въ день свадьбы приходитъ въ домъ невѣсты въ сопровожденіи родныхъ и друзей, гдѣ и угощаетъ ихъ обѣдомъ. На другой день тоже повторяетъ у ближайшаго сосѣда и т. д. по всей деревнѣ; потомъ женихъ отводитъ невѣсту въ свой домъ, гдѣ у дверей принимаютъ ее всѣ мальчики деревни, толкаютъ и щиплютъ ее, и она не должна сопротивляться, ни кричать. Родственники ведутъ невѣсту, женихъ же, отправившись впередъ, встрѣчаетъ ее у дверей съ зажженнымъ факеломъ. Невѣсту три раза водятъ вокругъ очага и потомъ сажаютъ на возвышенное мѣсто, въ углу; тогда собираются всѣ женщины деревни, окружаютъ невѣсту и по очереди поютъ во всю ночь, до перваго пѣнія пѣтуха. Во все это время невѣста не должна говорить ни слова. Послѣ перваго крика пѣтуха особенно приглашенный мальчикъ подходитъ къ ней, снимаетъ съ нея покрывало, разрываетъ его пополамъ, прикрѣпляетъ куски къ находящейся въ его рукахъ липовой палкѣ и говоритъ: «Девять мальчиковъ и одну дѣвушку.» Этимъ она объявляется хозяйкой и начинается ея служба. Семейство

---

*) Уратъ состоитъ изъ скота и оружія

и гости садятся за столъ, и она должна прислуживать. Голодъ свой она можетъ утолять тайкомъ въ сосѣдственной комнатѣ.

Когда съ невѣсты снимаютъ покрывало, она, по общему кавказскому обычаю, является съ закрытымъ по глаза лицомъ. Обыкновенно осетины имѣютъ только одну законную жену, рѣдко двѣ, остальныя покупныя у родителей. Отношенія между двумя полами совершенно свободны и непринужденны въ противоположность почти всѣмъ прочимъ народамъ Кавказа. Несмотря на то, нѣтъ случая, чтобъ дѣвица до замужества преступила противъ цѣломудрія. Дѣло иное съ замужними женщинами. Въ первое время, до рожденія дитяти, обычай требуетъ отъ нихъ величайшей скромности. Такъ же какъ и у армянъ, молодая супруга можетъ говорить только съ мужемъ; даже съ родителями и сестрами она объясняется лишь знаками. Но послѣ первыхъ родовъ или, если остается бездѣтною, по прошествіи четырехъ лѣтъ, она совершенно эманципируется и вообще не очень хорошо говорятъ о поведеніи осетинскихъ женщинъ. При этомъ вкрался обычай или, лучше сказать, злоупотребленіе, долженствующее разрушить семейную и брачную жизнь въ ея основаніи, а именно: Отецъ покупаетъ для шести или осмилѣтняго сына жену 14 или 16 лѣтъ *); въ такомъ случаѣ, разумѣется, все вышесказанное нами о взаимной склонности, согласіи невѣсты, скромности и молчаливости ея только предполагается. Женщина, родившая въ бракѣ дѣтей, по смерти мужа не можетъ вторично выйти замужъ за человѣка, не принадлежащаго ея семейству, потому что она купленная и сдѣлалась уже собственностью семейства. Но отецъ или братъ умершаго можетъ на ней жениться и это считается даже обязанностью, долгомъ чести. Но бракъ этотъ, по юридическимъ понятіямъ, все-таки есть продолженіе перваго, единственнаго, вѣчнаго брака; дѣти этого брака считаются дѣтьми перваго и пользуются именемъ и имуществомъ наравнѣ съ дѣйствительными дѣтьми сего брака.

Между нѣсколькими братьями вдова можетъ выбирать; дѣвицѣ, напротивъ, никогда не предоставляется выборъ; ненавистнаго для нея супружества она избѣгаетъ только самоубійствомъ.

Если вдова не имѣетъ дѣтей и хочетъ вновь выйти замужъ, то новый мужъ долженъ заплатить семейству, изъ котораго она выходитъ, половину покупной цѣны ея. Если женщина уводится другимъ, случается иногда, что и первый мужъ не имѣетъ власти, чтобы возвратить ее, въ такомъ случаѣ второй мужъ обязанъ возвратить первому покупную ея цѣну. Впрочемъ допускается и разводъ; тогда мужъ отсылаетъ жену къ ея семейству, а ему возвращается половина цѣны; если же отвергаетъ жену безъ всякой причины, то ничего не долженъ требовать.»

Осетины обращены въ христіанство грузинскимъ царемъ Вахтангомъ Гаргасланомъ, а впослѣдствіи, въ XII в., царица Тамара много способствовала къ

*) Русское правительство выводитъ этотъ обычай, опредѣливъ извѣстное число лѣтъ для жениха и невѣсты.

распространенію христіанства между ними. Изъ 66 т. съ небольшимъ осетинскаго населенія 51,590 душъ—христіане, 14,434 д. магометане, 102 д. язычники. Впрочемъ ни одна изъ этихъ религій не укоренилась между осетинами, всѣ они наполовину язычники. «У нихъ есть священныя рощи, гдѣ на алтарь приносятся хлѣбъ и мясо. Налѣво отъ Владикавказа, у горы Буслагири, есть двѣ такія рощи; главнѣйшая изъ нихъ находится близъ деревни Ламидона, которая встарину принадлежала не существующему нынѣ племени нартовъ. Въ тамошней скалѣ находится пещера пророка Иліи, почитавшагося святымъ заступникомъ осетинъ. Вокругъ этой пещеры мертвая тишина—спокойно пасутся стада и грабежи не допускаются въ этой области святыни. Преданіе говоритъ, что одинъ тамошній подвижникъ взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ въ чужую страну. Тогда орелъ перенесъ его черезъ высокія горы и дальнія моря и спустилъ подлѣ пещеры, послѣ чего онъ посвятилъ жизнь свою служенію св. Иліи. Служеніе это перешло и къ его преемникамъ. Старшій изъ нихъ, однажды въ годъ, въ собственноручно тканомъ платьи, поднимается на скалу, входитъ въ пещеру и совершаетъ жертвоприношеніе. Пещера внутри будто-бы состоитъ изъ смарагда; посреди ея каменный алтарь, и на немъ золотая чаша съ пивомъ. Вошедшій туда священникъ получаетъ на слѣдующій годъ даръ пророчества. Когда пиво въ чашѣ шевелится и перельется черезъ край, это означаетъ миръ и урожай, а если не двигается—войну и голодъ. На другой день въ деревнѣ Ламидонѣ бываетъ большое пиршество; въ немъ участвуютъ всѣ сосѣдніе жители. Во время этого пира священникъ св. Иліи провозглашаетъ будущность года. Кромѣ этого тамошніе осетины приносятъ жертвы въ пещерахъ священныхъ рощъ. На древнѣйшихъ или на высокихъ набросанныхъ грудахъ камней, передъ какимъ-либо предпріятіемъ, приносятся здѣсь призывательныя жертвы, а по счастливомъ его окончаніи—благодарственныя. Приношенія состоятъ изъ мяса, рыбы и хлѣба. Передъ пещерами Иліи, которыхъ, кромѣ помянутыхъ выше, есть еще нѣсколько, убиваются козы, и шкуры ихъ развѣшиваются на высокихъ деревьяхъ. Полухристіанскіе осетины строго соблюдаютъ великіе христіанскіе посты и жертвы свои приносятъ на святой недѣлѣ. Замѣчательно, что для каждаго большаго праздника предписано особенное жертвоприношеніе. Въ новый годъ приносятъ въ жертву свинью, въ Пасху барана или ягненка, въ день архангела Михаила вола, а въ Рождество козу. Въ особенности почитаютъ четырехъ святыхъ: пророка Илію, архангела Михаила, св. Георгія и св. Николая. У нихъ христіанская семидневная недѣля, воскресный день называется днемъ Божіимъ. Понедѣльникъ и пятница считаются днями, въ которые нельзя начинать новыя дѣла, суевѣріе, часто встрѣчаемое и въ Европѣ.

Осетины очень суевѣрны, у нихъ есть вѣщуны, колдуны, ворожеи, которые въ сомнамбулическомъ состояніи предсказываютъ будущность, имѣютъ разныя видѣнія и разговоры съ умершими и святыми, про которыхъ много разсказываютъ окружающему ихъ народу. Когда у осетина что-нибудь тайно похищено (открытый грабежъ не считается воровствомъ), онъ отыскиваетъ

колдуна — мудраго человѣка (курисмецокъ) и, сдѣлавъ ему подарокъ, проситъ его о помощи. Они вмѣстѣ отправляются къ дому того, на котораго пало подозрѣніе. Мудрецъ имѣетъ подъ рукою кошку и говоритъ: «Если ты взялъ эту вещь и не возвратишь ее владѣльцу, то кошка эта да измучитъ души предковъ твоихъ.» Можно быть увѣреннымъ, что воръ возвратитъ похищенное. Если нѣтъ подозрѣнія на опредѣленное лицо, то они идутъ отъ одного дома къ другому, повторяя тѣ же слова, и воръ такимъ образомъ почти всегда отыскивается *).

У осетинъ похоронныхъ обрядовъ очень немного. Много рыданія и бичеванія самого себя, женщины рвутъ на себѣ волосы и ранятъ себя камнями.» Осетины-христіане хоронятъ своихъ покойниковъ по уставу церкви, съ примѣсью только нѣкоторыхъ древнихъ обычаевъ. У осетинъ, придерживающихся языческихъ обрядовъ, покойника одѣваютъ во все новое платье и въ полное вооруженіе; надѣваютъ ему на голову шапку и покрываютъ буркою, а возлѣ кладутъ въ ямѣ три чурека (просяной сухой хлѣбъ) и штофъ раки для того, чтобы покойникъ дорогою въ небо ни въ чемъ не нуждался и могъ дѣлать подарки кому слѣдуетъ. Потомъ къ могилѣ подводятъ его коня въ полномъ убранствѣ и конецъ узды даютъ въ руки покойнику. Лошадь употребляется въ похоронной процессіи только одинъ разъ, чтобъ на нее не явилось двое претендентовъ на томъ свѣтѣ. Осетины вѣрятъ, что каждый изъ нихъ на томъ свѣтѣ будетъ жить полнымъ своимъ хозяйствомъ. Въ добрую старину у осетинъ, какъ у всѣхъ горцевъ, существовалъ обычай вмѣстѣ съ конемъ обводить кругомъ могилы и жену его, и потомъ, отрѣзавъ у ней правое ухо, бросать его къ покойнику, тоже чтобы мужъ скорѣе узналъ свою жену на томъ свѣтѣ. Теперь онъ замѣненъ добровольнымъ отрѣзываніемъ косы неутѣшною вдовою, и это дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ приверженцевъ старины. Теперь даже чужой лошади (въ случаѣ неимѣнія покойникомъ своей, даютъ ее для обряда родные или знакомые его) не отрѣзываютъ уха, а подстригаютъ только шерсть, которою довольствуется покойникъ для примѣты.

Послѣ похоронъ на могилѣ покойнаго бываетъ, впрочемъ у достаточныхъ, джигитовка и отличившимся на скачкѣ дарятся какія-нибудь изъ вещей умершаго.

«Въ нѣкоторыхъ долинахъ Осетіи — пишетъ г. Гаксгаузенъ — покойника кладутъ въ фамильный склепъ, пока не истлѣетъ, а потомъ кости его смѣшиваются съ другими. Въ гробницахъ находятъ иногда куфскія, сассанидскія и грузинскія монеты.

Осетины питаютъ глубокое уваженіе къ гробницамъ своихъ предковъ. Многія семейства имѣютъ потомственныя гробницы и общіе склепы. На мо-

*) Съ учрежденіемъ въ послѣднее время Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, съ распространеніемъ имъ знаній путемъ грамотности, чрезъ переводы на осетинскій языкъ нѣкоторыхъ религіозно-нравственныхъ книгъ, съ назначеніемъ сравнительно лучшихъ священниковъ въ приходы осетинскіе, нужно ожидать, что и нравы, и обычаи, и самыя понятія осетинъ измѣнятся къ лучшему.

гилахъ складываются большіе камни, а въ головы обыкновенно кладется четыреугольный камень, вышиною отъ 6 до 8 фут.»

Источники: «Закавк. край» Гаксгаузена, 2 ч.; Дюбуа де Монперё (Voyage autour du Caucase); Географ. словарь Семенова; Отчетъ Общества возстан. прав. христ. на Кавказѣ за 1867 г.; Кавказъ за 1846 г.

ЧЕЧЕНЦЫ.

Чеченское племя составляетъ, такъ сказать, ядро, типъ большей части горнаго населенія, занимающаго страну, усѣянную, кромѣ сѣверной части, высокими горами, покрытыми густымъ, вѣковымъ лѣсомъ, изрытую пропастями и оврагами, страну, которая извѣстна подъ общимъ названіемъ Чечни.

Племена, населяющія въ настоящее время Чечню, извѣстны подъ слѣдующими названіями:

Назрановцы, карабулаки, галашевцы, джерахи, кисты, галгаевцы, цоринцы, акинцы, ишхой или шопоши, ичкеринцы, качкалыки, мичиковцы, ауховцы, чеченцы терекскіе, чеченцы сунженскіе, чеченцы брагунскіе. Въ строгомъ же смыслѣ дѣленіе это не имѣетъ основанія. Самимъ чеченцамъ оно совершенно неизвѣстно. Они сами себя называютъ нахче, т. е. «народъ», и это относится до всего народа, говорящаго на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ. Упомянутыя же названія имъ были даны или отъ ауловъ, какъ Цори, Галгай, Шатой и др., или отъ рѣкъ и горъ, какъ мичиковцы и качкалыки.

Жители Большой и Малой Чечни, какъ свидѣтельствуютъ преданія и встрѣчающіяся въ этой странѣ развалины древнихъ храмовъ, нѣкогда исповѣдывали христіанскую вѣру.

На вершинѣ горы Матхохъ у кистинъ (ближнихъ) есть три памятника, которые они называютъ церквами; въ одномъ изъ нихъ празднуютъ св. Георгію, въ другомъ Божіей Матери, а въ третьемъ св. Маринѣ. Всѣ эти зданія обращены фасадомъ на востокъ. Внутри, кромѣ навѣшенныхъ по стѣнамъ и наваленныхъ въ безпорядкѣ на полу турьихъ, бараньихъ и олеьихъ роговъ, да нѣсколькихъ значковъ и стакановъ, ничего нѣтъ. Мѣста эти глубоко чествуются окрестными жителями и на празднества ихъ ежегодно собираются 5 іюля даже изъ дальнихъ обществъ.

Праздникъ сопровождается рѣзаніемъ барановъ, туземными играми, пѣснями и плясками и это продолжается нѣсколько дней.

У галгаевцевъ извѣстна старинная церковь, называемая Каба-Ерды и основанная, по мнѣнію нѣкоторыхъ, во времена царицы Тамары или Русуданы, въ XII вѣкѣ. Церковь эта въ большомъ уваженіи у жителей; два раза въ годъ, на Пасху и въ Троицынъ день, галгаевцы собираются около церкви, дѣлаютъ жертвоприношенія, бьютъ быковъ и барановъ, спрыскивая ихъ кровью

стѣны и помостъ и прибивая головы жертвъ къ стѣнамъ церкви, послѣ чего бываетъ джигитовка и пиршество.

Независимо отъ этихъ памятниковъ старины, свидѣтельствующихъ, что христіанство нѣкогда было распространено между чеченцами, на языкѣ ихъ существуетъ много выраженій и собственныхъ именъ, по которымъ можно подтвердить эту догадку и возвести ее до степени факта, не подлежащаго сомнѣнію. Но оно было современемъ подавлено по случаю введенія исламизма въ горахъ Кавказа.

Исламъ водворился между чеченцами не далѣе начала прошедшаго столѣтія. Въ настоящее время почти всѣ чеченцы принадлежатъ къ суннитскому толку Шафіэ. До Шамиля духовенство въ Чечнѣ далеко не пользовалось тѣмъ значеніемъ, какимъ оно вообще пользуется на мусульманскомъ востокѣ. Стоя по образованію выше народа и имѣя въ своихъ рукахъ всю судебную власть, оно тамъ имѣло всегда сильное вліяніе на общественное управленіе. Въ Чечнѣ же, жители которой всегда были плохими мусульманами и гдѣ обычай и самоуправство рѣшали почти всѣ дѣла, духовенство не имѣло подобнаго вліянія.

Ничѣмъ особеннымъ не отличаясь отъ толпы, оно пришло въ упадокъ и до появленія Шамиля было бѣдно и невѣжественно; во всей Чечнѣ не было ни одного ученаго и молодые люди, возымѣвшіе намѣреніе посвятить себя изученію арабскаго языка и корана, отправлялись съ этою цѣлью въ дальніе аулы. Въ знаніи грамоты заключалось единственное преимущество, какое имѣли чеченскіе муллы надъ своими прихожанами; оно доставляло имъ нѣкоторое уваженіе въ народѣ, потому что они, какъ грамотные люди, были необходимы при составленіи разныхъ письменныхъ актовъ. Особыми же правами они не пользовались и находились въ полной зависимости отъ мірянъ. При вступленіи въ духовное званіе не соблюдалось никакого обряда, каждый аулъ выбиралъ себѣ кого-нибудь изъ грамотныхъ и назначалъ его своимъ муллою. Кругъ дѣятельности муллы былъ очень тѣсенъ и большую часть времени онъ могъ посвящать торговлѣ и хлѣбопашеству, получая, по примѣру всѣхъ мірянъ, извѣстный участокъ земли. Особенныхъ доходовъ, предоставленныхъ магометанскому духовенству, муллы въ Чечнѣ не получали.

Наружность чеченца вообще довольно благообразна: онъ стройно сложенъ, пріемы его отличаются живостью и проворствомъ. Одежда его состоитъ изъ чекмени, обыкновенно желтаго или сѣраго сукна собственнаго издѣлія, бешмета или архалуха, который бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи, суконныхъ ноговицъ и чирики—родъ башмаковъ, безъ подошвъ. Нарядное платье обшивается узкимъ позументомъ, который горцы дѣлаютъ сами довольно прочно и красиво. Женскій костюмъ почти ничѣмъ не отличается отъ костюма татарокъ: голову онѣ также повязываютъ длинными бѣлыми платками, но покрывалъ (чадръ) не носятъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Несмотря на то, что чеченцы вышли изъ первобытнаго грубаго состоянія и ведутъ осѣдлую жизнь, нравы ихъ все-еще находятся на степени полудикости. Жестокость, корыстолюбіе, недовѣрчивость и мщеніе составляютъ

преобладающій элементъ въ характерѣ чеченца; но завсѣмъ тѣмъ, онъ не чуждъ и добрыхъ качествъ. Такъ онъ всегда чтитъ права гостепріимства. Если странникъ, даже и незнакомый, проѣздомъ остановится у чеченца на ночлегъ, то хозяинъ не преминетъ въ честь гостя зарѣзать одного или нѣсколько барановъ; зажиточный чеченецъ не пожалѣетъ даже рогатаго скота, разумѣется смотря по важности проѣзжающаго и по числу сопровождающихъ его людей въ качествѣ свиты, конвоя, или товарищей. Чеченецъ обязанъ проводить своего гостя до безопаснаго мѣста или передать другому чеченцу и вообще заботиться о личной безопасности и неприкосновенности своего гостя. Если гость ограбленъ, оскорбленъ или вслѣдствіе нерадѣнія чеченца, или невыполненія имъ обязанностей гостепріимства, то онъ подвергается остракизму всего общества до тѣхъ поръ, пока нанесенная его гостю обида не будетъ имъ отомщена. Остракизмъ выражается слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: на дворѣ виноватаго насыпаютъ бугоръ, который онъ, разумѣется, сноситъ днемъ; но въ слѣдующую ночь дѣлается тоже самое и это до тѣхъ поръ, пока онъ не смоетъ съ себя пятна за оскорбленіе гостепріимства.

Вообще обычаи чеченцевъ мало разнятся отъ обычаевъ другихъ горскихъ племенъ.

Чеченецъ умѣренъ въ пищѣ и способенъ переносить всѣ лишенія. Чурекъ, пшеничная похлебка, шашлыкъ, кукурузная каша — вотъ вся его пища.

Чеченцы, обитающіе на долинѣ, живутъ большими аулами; дома у нихъ турлучные, — внутри чисто, опрятно и свѣтло. Они снабжены окнами безъ рамъ, но со ставнями, для защиты отъ холода и сѣверныхъ вѣтровъ, почему и двери обыкновенно обращены на югъ или востокъ. Эта сторона дома обнесена навѣсомъ, чтобы дождь не проникалъ вовнутрь и для прохлады лѣтомъ. Комнаты нагрѣваются каминами, а хлѣбъ пекутъ въ особо устроенныхъ на дворѣ круглыхъ печахъ. Въ каждомъ домѣ есть особое отдѣленіе для гостей, называемое кунацкою. Оно состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, которыя всегда содержатся въ чистотѣ. Здѣсь, въ кунацкой, хозяинъ проводитъ цѣлый день и только къ вечеру возвращается въ семейство. Каждый домъ имѣетъ особенный дворъ, огороженный плетнемъ.

У горныхъ чеченцевъ, живущихъ въ верховьяхъ Аргуна, гдѣ въ лѣсѣ чувствуется большой недостатокъ, дома каменные. Чеченцы, населяющіе верховья Аргуна, живутъ гораздо неопрятнѣе и бѣднѣе.

Чеченцы вообще склонны къ праздности. Женщины, напротивъ того, трудолюбивы: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы. Онѣ же ткутъ сукна для домашняго обихода, дѣлаютъ ковры, войлоки, бурки (только у горныхъ чеченцевъ), на мужчинъ шьютъ платья и обувь.

Въ образѣ жизни между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ почти нѣтъ никакой разницы: преимущество одного предъ другимъ выражается отчасти въ одѣяніи, болѣе же всего въ оружіи и лошади.

У чеченцевъ нѣтъ сословныхъ подраздѣленій. Чеченцы въ своемъ замкнутомъ кругу образуютъ собою одинъ классъ — людей вольныхъ. Мы всѣуздени, говорятъ чеченцы, и это выраженіе должно понимать въ смыслѣ лю-

дей, зависящихъ отъ самихъ себя. Но въ массѣ кореннаго народонаселенія отъ времени до времени образовался немногочисленный классъ личныхъ рабовъ; его составили военно-плѣнные, постоянно захватываемые чеченцами во время наѣздовъ. Они назывались лай и ясиръ. Послѣдніе отличались отъ первыхъ тѣмъ, что судьба ихъ была не совсѣмъ опредѣленна: ясиръ могъ быть выкупленъ и воротиться на родину, тогда какъ лай, забывшій свое происхожденіе и религію, дѣлался неотъемлемою собственностью своего господина.

Теперь рабовъ въ Чечнѣ болѣе нѣтъ.

Въ прежнее время, говорятъ ичкеринскіе старожилы, когда народъ чеченскій былъ еще малочисленъ и жилъ въ горахъ Ичкеріи и по верховью Аргуна, всѣ тяжбы судились стариками. Но такъ какъ они не имѣли въ своихъ рукахъ никакой исполнительной власти, то рѣшенія ихъ, основанныя на здравомъ умѣ и совѣсти, хотя и были справедливы, но не всегда приводились въ исполненіе, а уничтожались часто по произволу, — т. е. платилось кровью за кровь, обидой за обиду.

Дѣла, касавшіяся до цѣлаго аула, обыкновенно рѣшались на сходкахъ, куда сбирался весь народъ и на которыхъ свободно говорилъ всякій, кто что зналъ. Подобныя сходбища для чеченца, какъ вообще для всякаго горца, были однимъ изъ любимыхъ препровожденій времени, а потому они составлялись очень часто.

Обыкновенно одинъ изъ жителей, желавшій сообщить свое мнѣніе или объявить какую-нибудь новость, всходилъ на крышу мечети или своей сакли и громогласно сзывалъ къ себѣ жителей аула. Сбѣжавшаяся толпа выслушивала его и если объявленное имъ заслуживало вниманія, то начинались бесѣды и толки, болѣе или менѣе оживленные. Случалось часто, что споръ кончался жестокой дракой между враждующими сторонами.

Такъ жили и управлялись одноаульцы. Что же касается до общаго народнаго управленія, то между чеченцами со времени образованія кавказской линіи, а именно съ половины XVIII столѣтія, не существовало почти никакого единства. Поэтому-то чеченцы долгое время находились въ зависимости отъ кабардинскихъ и кумыкскихъ князей. Но еще въ то время, когда они распространились до Сунжи и Терека и когда предались буйному своеволію, они потеряли прежнее уваженіе къ своимъ старшинамъ. Однакоже происшедшій отъ того безпорядокъ во внутреннемъ управленіи вскорѣ имъ дотого наскучилъ, что они съ общаго согласія положили послать въ Ичкерію просить у тамошнихъ стариковъ совѣта для водворенія порядка. Ичкеринцы, въ то время уже мусульмане, затруднялись удовлетворить просьбу своихъ единоплеменниковъ; многое, предписываемое кораномъ, не согласовалось съ ихъ обычаями; многое, допускаемое обычаями, противорѣчило ученію Магомета. Наконецъ, послѣ многихъ совѣщаній, было рѣшено согласовать народные обычаи съ догматами корана, гдѣ это оказывалось возможнымъ, не слишкомъ впрочемъ затрогивая свойственнаго народу разгула и самоуправства, обратившагося въ его любимую стихію. Такимъ образомъ произошелъ адатъ. Впослѣдствіи онъ много утратилъ отъ соприкосновенія съ вліяніемъ русской власти, а съ

другой стороны возникшее въ Дагестанѣ ученіе мюридизма, совершенно измѣнивъ прежнія условія общественнаго быта, утвердилось въ Чечнѣ надолго.

Итакъ у чеченцевъ введено было законодательство, составленное изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: адата и шаріата.

Судъ по адату основывается на нѣкоторыхъ общепринятыхъ правилахъ, установленныхъ обычаемъ и освященныхъ временемъ. Адатъ можно назвать первымъ звеномъ соединенія людей въ общество, переходомъ человѣка отъ дикаго состоянія къ общественной жизни. Но эти правила, созданныя человѣкомъ въ состояніи его младенчества, далеко не ограждаютъ общество отъ своеволія и насилія отдѣльныхъ его членовъ. Правосудіе, основанное на адатѣ, весьма шатко уже и потому, что рѣшенія стариковъ-судей, какъ мы уже видѣли, не поддерживаются никакою исполнительною властью. И поэтому-то всѣ личныя обиды и важнѣйшія преступленія, какъ-то: убійство, насиліе, у горцевъ никогда не судятся. По недостатку порядка и правильной организаціи общества, преступникъ всегда имѣетъ возможность уйти отъ преслѣдованія; на этомъ основаніи адатъ допускаетъ кровомщеніе нетолько на лица, совершившія злодѣяніе, но и на ихъ родственниковъ. Такое кровомщеніе у чеченцевъ называется канлою. Канла, вообще, состоитъ въ томъ, что родственникъ убитаго долженъ убить убійцу или кого-либо изъ его родственниковъ. Тѣ, съ своей стороны, опять должны отмстить за кровь кровью и такимъ образомъ убійство продолжается безконечно, такъ что мщеніе иногда переходитъ отъ одного колѣна къ другому. Бываютъ, впрочемъ, случаи, въ которыхъ канла прекращается. Лице, желающее примириться съ своимъ врагомъ, можетъ достигнуть этого, отпустивъ себѣ волосы и прося, чрезъ знакомыхъ, противника о прощеніи. Если послѣдній согласится дать его, тогда желающаго примириться приводятъ къ нему въ домъ, и, въ знакъ примиренія, тотъ долженъ обрить ему голову. Послѣ того примирившіеся почитаются кровными братьями и клянутся на коранѣ быть вѣрными другъ другу. За кровь можно также откупаться, т. е. лице, на которомъ лежитъ канла, платитъ противнику извѣстную сумму; за что тотъ, при свидѣтеляхъ, долженъ дать клятву, что преслѣдовать его не будетъ.

Воровскія дѣла у горцевъ подчинены также разбирательству адата. Отвѣтчикъ, не опасаясь строгости закона, идетъ безъ сопротивленія на судъ, въ надеждѣ оправдаться; въ случаѣ же обвиненія наказаніе заключается въ одномъ лишь возвращеніи истцу украденнаго у него съ небольшимъ штрафомъ; такъ напр. за воровство лошади отвѣтчикъ платитъ только шесть руб., а за воровство коровы — три рубля. За похищеніе же, сдѣланное въ саклѣ, воръ обязанъ заплатить истцу вдвое противъ того, что стоитъ пропажа.

Самый обрядъ суда по адату весьма простъ. Противники, желая кончить дѣло по адату, выбираютъ обыкновенно въ посредники или судьи для себя одного или двухъ старшинъ. Старшины, для избѣжанія лицепріятія, выбираются не изъ того тохума, къ которому принадлежатъ тяжущіеся, а непремѣнно изъ другого. Старики выслушиваютъ отдѣльно каждаго изъ разбирающихся и, выслушавъ, произносятъ приговоръ. Старикамъ за судъ ничего не

платится. Для обвиненія необходимо, чтобы истецъ представилъ съ своей стороны одного или двухъ свидѣтелей, которые должны быть совершеннолѣтніе мужескаго пола и не изъ лаевъ. Въ случаѣ же, еслибы истецъ не нашелъ свидѣтелей, то виновный оправдывается присягою на коранѣ. Очныя ставки не требуются адатомъ, потому что свидѣтели или доносчики, опасаясь мщенія, обвиняютъ преступника тайно. При рѣшеніи адатомъ необходимое условіе, чтобы судьи единогласно положили приговоръ; въ случаѣ же разногласія между старками тяжущіеся стороны выбираютъ другихъ судей.

Кромѣ суда по адату, нѣкоторыя дѣла у чеченцевъ рѣшались по шаріату, т. е. согласно правиламъ, изложеннымъ въ коранѣ на всевозможные случаи преступленій. Но судъ этотъ никогда не имѣлъ большаго значенія въ Чечнѣ, до Шамиля, до появленія тамъ мюридизма.

Мюридизмъ, проникшій въ Чечню изъ Дагестана, имѣлъ сильное вліяніе на адатъ и шаріатъ (основанный на правилахъ нравственности и религіи).

Такимъ образомъ шаріатъ и мюридизмъ, повидимому, должны были бы восторжествовать окончательно надъ адатомъ, еслибы, въ 1859 году, въ Чечнѣ не послѣдовала рѣшительная перемѣна въ жизни чеченцевъ вслѣдствіе совершеннаго ихъ покоренія Россіею, которою введены уже другіе болѣе разумные порядки.

АБРЕКЪ.

Абрекъ, слово, изобрѣтенное кабардинцами, значитъ **заклятый**. Въ жизни горца, какъ и въ жизни всякаго смертнаго, есть свои неудачи, несчастія и горе; но человѣкъ образованный, человѣкъ, проникнутый истиннымъ религіознымъ чувствомъ, умѣетъ выносить эти неудачи, прибѣгая или къ упованію и вѣрѣ или къ разсудку. У горца же нѣтъ истинной вѣры, слѣдовательно, нѣтъ и опоры, которая бы въ минуту скорби могла врачевать боль его души и успокоить бури страстей. Мелкія несчастія, мелкія неудовольствія своей дикой жизни онъ презираетъ, онъ не понимаетъ ихъ; но горе ему и близкимъ его, если зло или несчастье перельется черезъ край его терпѣнія; тогда эта переполненная капля капетъ кровью!.. Сначала онъ осудитъ и проклянетъ себя, потомъ осудитъ и проклянетъ людей. Тогда жизнь дѣлается для него эшафотомъ, на который онъ входитъ для того, чтобы умереть, но умретъ совершивъ тьму отвратительныхъ злодѣйствъ и неистовствъ,— словомъ, онъ дѣлается абрекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, никакое слово такъ рѣзко не высказываетъ назначеніе человѣка, разорвавшаго узы дружбы, кровнаго родства, даже молочнаго братства, человѣка, отказавшагося отъ любви, чести, совѣсти, сострадания, словомъ, отъ всѣхъ чувствъ, которыя могутъ отличить человѣка отъ звѣря... И абрекъ по-истинѣ есть самый страшный звѣрь горъ,

опасный для своихъ и чужихъ. Кровь — его стихія, кинжалъ — неразлучный другъ, самъ онъ—вѣрный и неизмѣнный слуга шайтана (чорта).

Если вы завидѣли въ горахъ кабардинку, опушенную бѣлымъ шелкомъ шерсти горнаго козла, а изъ-подъ этихъ прядей шелка, раскинутыхъ вѣтромъ едвали не по плечамъ наѣздника, мутный, окровавленный и безумно блуждающій взоръ—бѣгите отъ владѣтеля бѣлой кабардинки... Это— абрекъ! Дитя ли, женщина ли, дряхлый ли, безсильный старикъ—ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую онъ можетъ отнять, хотя бы съ опасностью потерять свою собственную... Жизнь, которою наслаждаются, для него смертная обида... Любимое дѣло и удаль абрека—надвинувъ на глаза кабардинку, проскакать вихремъ подъ сотнею ружейныхъ стволовъ и врѣзаться въ самую середину врага...

ПЛѢННИЦЫ ШАМИЛЯ *).

Княгиня Анна Ильинична Чавчавадзе стояла на балконѣ и нетерпѣливо торопила женщинъ (Анна Ильинична спѣшила уѣхать изъ Цинандалъ въ виду той опасности, что хищники-чеченцы спустились съ горъ и были уже не далеко отъ этого имѣнія), таскавшихъ и укладывавшихъ въ экипажъ разныя вещи. Было уже восемь часовъ, какъ вдругъ со двора раздался голосъ проживавшаго въ домѣ Чавчавадзе отставнаго штабсъ-капитана Ахвердова. Онъ закричалъ модіанъ (идутъ) и этотъ крикъ оцѣпенилъ ужасомъ всѣхъ его услышавшихъ. Люди отъ экипажа бросились въ разныя стороны. Княгиня съ балкона поспѣшила въ комнаты, собрала всѣхъ, бывшихъ въ домѣ, и приказала идти вверхъ, по лѣстницѣ, ведущей на бельведеръ. Мѣра эта была принята не для спасенія, которое ни въ какомъ случаѣ уже не казалось возможнымъ, но для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ встрѣтить и раздѣлить одинаковую участь.

Когда всѣ были уже наверху, появился какой-то неизвѣстный крестьянинъ, съ пилою. Онъ предложилъ княгинямъ защищать ихъ и совѣтовалъ подпилить лѣстницу, что̀ и принялся немедленно исполнять; но княгиня Анна Ильинична, почитая безполезною защиту одного человѣка противъ несмѣтной толпы, а уничтоженіе лѣстницы считая мѣрою, которая могла бы повести за собою только поджогъ бельведера хищниками, настоятельно приказала крестьянину перестать пилить лѣстницу и совѣтовала ему самому спасаться.

Женщины и дѣти остались однѣ на бельведерѣ. Невыразимый испугъ и отчаяніе овладѣли всѣми, кромѣ княгини Анны Ильиничны и княгини Варвары

---

*) Изъ печальнаго разсказа того же названія о бѣдствіи, постигшемъ въ 1854 г. семейства князей Чавчавадзе и Орбеліани, взятыя въ плѣнъ чеченцами изъ помѣстья Цинандалы.

Ильиничны Орбеліановой, пріѣхавшей погостить къ сестрѣ. Первая изъ нихъ прежде всего обращается къ француженкѣ, г-жѣ Дрансе́, съ слѣдующими словами: «Madame Drancey! quelle fatale destinée vous réunit à nous en ce moment! Pardonnez moi d'en avoir été plus ou moins la cause!» *) Въ то же время княгиня опасается, чтобы крикъ дѣтей не привлекъ вниманіе хищниковъ, уже наполнившихъ нижній этажъ дома. Она старается угомонить ихъ, а младшей своей малюткѣ, четырехмѣсячной Лидіи, даетъ сосать грудь.

Княгиня Варвара Ильинична также не лишается присутствія духа. Она боится только одного: быть свидѣтельницею гибели кого-нибудь изъ бывшихъ съ нею, и потому рѣшается умереть прежде всѣхъ; съ этой цѣлью она приближается къ дверямъ и, обратившись къ нимъ лицомъ, смѣло ожидаетъ появленія враговъ. Рядомъ съ нею становится княжна Нина Баратова. Въ это самое время княгиня Анна Ильинична, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, опускается на колѣни, спиною къ двери, чтобы не видѣть удара, когда его занесутъ надъ ея головою, а остальныя лица всѣ группируются въ одну тѣсную толпу, стоя также на колѣняхъ и прижимаясь другъ къ другу. Княгиня Анна Ильинична молится и прислушивается.

Вотъ, наконецъ, идутъ...

Идутъ легкою и скорою поступью. Двое или трое вошли по лѣсенкѣ... Но сначала они отправились въ сосѣднюю комнату бельведера и начали бросать оттуда, черезъ окно, внизъ подушки и матрацы, обыкновенно хранившіеся здѣсь на случай пріѣзда гостей. Исполнивъ это, хищники какъ-будто удаляются... Они сходятъ обратно внизъ по лѣсенкѣ... Можетъ-быть!.. Напрасная надежда. Они взбираются снова на лѣсенку... Но только ихъ уже не двое и не трое, а болѣе. Они приближаются къ запертой двери, колеблютъ ее, но не сильно и не рѣшительно, такъ что слабая дверь имъ не уступаетъ... Они какъ-будто опасаются встрѣтить вооруженную засаду...

Наконецъ, вотъ кто-то сильнѣе и рѣшительнѣе рванулъ дверь, и она отворилась. Толпа хищниковъ останавливается на порогѣ и... разражается громкимъ хохотомъ, который можно объяснить только тѣмъ, что хищники обрадованы и разсмѣшены встрѣчею беззащитной толпы женщинъ и дѣтей тамъ, гдѣ они, быть можетъ, ожидали найдти засаду... На этотъ неожиданный, дикій, радостный и вмѣстѣ ироническій хохотъ испуганныя дѣти отвѣчають страшнымъ визгомъ и плачемъ. Княгиня Анна Ильинична, съ ребенкомъ у груди, подпимается на ноги и готова уже лицомъ къ лицу встрѣтить смерть. Въ это самое время княгиню Варвару Ильиничну довольно осторожно сводятъ съ лѣстницы... Вслѣдъ за княжной Варварой Ильиничной и всѣ прочія заключенницы дѣлаются плѣнницами. Ихъ безъ разбора хватаютъ рослые и сильные чеченцы (какъ оказалось впослѣдствіи, то были не лезгины, а чеченцы) и толпою кидаются на лѣстницу. Лѣстница, снизу подни-

---

*) Т. е. «Г-жа Дрансе́! Какой роковой случай соединяетъ васъ съ нами въ такую минуту! Простите мнѣ, если я болѣе или менѣе была тому причиной!»

ленная, рушится подъ тяжестью похитителей и похищенныхъ. Всѣ кучею падаютъ внизъ, ушибаются, давятъ другъ друга. Ребенокъ выпадаетъ изъ рукъ княгини Анны Ильиничны, откатывается въ сторону, и она собственными глазами видитъ, какъ одинъ изъ чеченцевъ наступаетъ на него ногою...

Нѣсколько оправившись отъ паденія, похитители торопятся снова завладѣть каждый своею жертвою. Со второй лѣстницы уже не несутъ и не влекутъ, а скатываютъ ихъ всѣхъ, какъ съ наклонной плоскости. Раздается слово «хапша» и всѣ бросаются къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ, оспориваютъ ее другъ у друга, кричатъ, обнажаютъ шашки и дерутся... Княгиня достается тому, кто первый завладѣлъ ею еще въ бельведерѣ.

Но здѣсь похищенныя распредѣляются между похитителями, и каждое изъ похищенныхъ лицъ слѣдуетъ своей особой участи, отличающейся не похожими другъ на друга случайностями.

Въ моментъ похищенія, княгиня Варвара Ильинична Орбеліани стояла впереди всѣхъ, у дверей бельведера; горцы прежде всѣхъ и повели ее съ лѣстницы.

Одинъ изъ первыхъ чеченцевъ, взошедшихъ по лѣстницѣ на бельведеръ, приблизился къ княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ и хотѣлъ взять ее за талію. Княгиня инстинктивно отстранилась отъ этого насильственнаго объятія. Тогда чеченецъ, кое-какъ по-русски и кое-какъ по-грузински, торопливо объяснилъ княгинѣ, что ей бояться нечего. Княгиня, съ своей стороны, объяснила, что она желала бы по крайней мѣрѣ быть взята вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ; чеченецъ отказалъ въ этомъ несчастной матери и, прекративъ дальнѣйшій разговоръ, взялъ ее за руку и повелъ съ лѣстницы. Со второй лѣстницы онъ уже не велъ, а несъ на рукахъ свою плѣнницу, перенесъ ее черезъ весь дворъ и посадилъ у колодца.

Здѣсь онъ оставилъ княгиню, чтобъ присоединиться къ прочимъ грабителямъ дома, но, уходя, запретилъ ей трогаться съ мѣста и совѣтовалъ прятаться отъ его товарищей, чтобъ не потерпѣть отъ нихъ обиды.

Такая попечительность со стороны дикаря ободрила княгиню такъ, что она рѣшилась потребовать, чтобъ ей принесли ея сына. Чеченецъ обѣщалъ и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени княгинѣ дѣйствительно принесли ребенка, но это была Лидія, младшая дочь княгини Анны Ильиничны.

Съ малютки тутъ же сорвали одѣяльце и пеленки, имѣвшія на себѣ кружева и потому, вѣроятно, показавшіяся слишкомъ роскошными.

Княгиня взяла на руки маленькую племянницу и оставалась съ нею у колодца до тѣхъ поръ, пока другой горецъ не пришелъ и не взялъ малютки, сказавъ, что ее требуетъ къ себѣ мать, т. е. княгиня Анна Ильинична.

Похититель же княгини Орбеліани долго не возвращался, оставляя ее въ страшномъ положеніи свидѣтельницы всѣхъ сценъ грабежа и опустошенія.

Изъ-за своего колодца княгиня видѣла, какъ вывели изъ дому, а потомъ посадили на лошадей и вывезли за ворота г-жу Драисе́, дѣтей и одну изъ нянюшекъ; она видѣла, какъ навьючивалось и вывозилось домашнее имуще-

ство, какъ поджигали домъ... Сестры своей княгиня въ это время не видѣла, вѣроятно, потому, что княгиню Анну Ильиничну вывели со двора пѣшкомъ, а не на лошади, и, слѣдовательно, легко было ея не замѣтить посреди конской толпы.

Когда почти вся толпа уже выѣхала со двора, очередь дошла до княгини Варвары Ильиничны. Къ ней возвратился ея похититель съ четырьмя товарищами и предложилъ ей сѣсть на лошадь.

Лошадь и сѣдло были прекрасныя, и княгиня выѣхала такъ удобно и спокойно, какъ только это было возможно безъ привычки къ мужскому сѣдлу и съ чувствомъ отчаянія въ душѣ.

Одежда княгини, состоявшая изъ чернаго (траурнаго) суконнаго платья, осталась на ней нетронутою.

Переѣздъ до р. Кизисхеви совершился довольно медленно, но благополучно. Въ это время похититель и проводники княгини успѣли дать ей понять, что они знаютъ, кто она, и знали ея мужа, когда онъ былъ въ плѣну у Шамиля. Горцы прибавляли, что онъ былъ храбрый джигитъ, т. е. молодецъ, и тѣмъ заслужилъ ихъ уваженіе.

До переправы ѣхали растянутою, разбросанною толпою. Княгиню везли позади всѣхъ, и оттого она не могла видѣть никого изъ своихъ домашнихъ. Только спускаясь къ рѣчкѣ Кизисхеви, видѣла она вдали розовое платье кормилицы своего сына, и это нѣсколько ее успокоило: она была увѣрена, что съ кормилицею ѣдетъ и ея маленькій Георгій.

Возвратимся на бельведеръ.

Въ то самое мгновеніе, когда взяли и повлекли съ лѣстницы княгиню Варвару Ильиничну, а за нею и княгиню Анну Ильиничну, г-жа Дрансé стояла на колѣняхъ и закрывала себѣ лицо руками, ничего не видя, что вокругъ нея дѣлалось, и только слыша крики, вопли дѣтей и т. п.

Черезъ нѣсколько мгновеній она почувствовала себя на рукахъ горца съ обнаженной и обритой головою, съ краснымъ лицомъ, отвратительнымъ запахомъ.

Горецъ, показавшійся чудовищемъ испуганной француженкѣ, понесъ ее съ лѣстницы, которая подъ ними обрушилась. На нижней площадкѣ со всѣхъ упавшихъ, ушибленныхъ и полумертвыхъ отъ страха женщинъ (со всѣхъ, за исключеніемъ княгини Орбеліани и княжны Баратовой) была болѣе или менѣе оборвана бывшая на нихъ одежда.

Г-жа Дрансé въ этомъ отношеніи потерпѣла не менѣе другихъ. Безжалостные и безстыдные грабители, торопившіеся захватить все, что только было возможно, разорвали все ея платье, и цѣлыми остались на ней только рубашка, корсетъ и обувь. Въ такомъ положеніи вынесли ее на дворъ, посадили на порогъ старой прачечной и заставили держать въ поводу двухъ лошадей, пока сами ходили доканчивать расхищеніе дома. Г-жа Дрансé всегда боялась лошадей, но въ эту минуту поняла, что нужно было повиноваться.

Въ то же время какой-то горецъ, въ чалмѣ (вѣроятно мюридъ), отогналъ отъ нея чеченца, перенесшаго ее съ бельведера, и приставилъ къ ней стражу изъ своихъ нукеровъ.

Оставаясь на указанномъ ей мѣстѣ, г-жа Драпсе́ не видѣла никого изъ прочихъ соучастницъ бѣдствія. Но въ это время она успѣла прійти въ самосознаніе и привести въ порядокъ свои мысли и ощущенія. Отчаяніе очень скоро замѣнилось надеждою въ душѣ француженки.

Это доказывается тѣмъ, что, по собственному ея показанію, первою мыслью ея въ это время была слѣдующая: «Я вспоминала мою старушку-мать и моего десятилѣтняго сына, оставшихся во Франціи, и сказала себѣ, что мнѣ нужно только какихъ-нибудь три года, чтобъ успѣть научить французскому языку одного изъ этихъ чудовищъ, чтобъ заставить его понять меня и помочь мнѣ возвратиться на милую родину.»

Часа черезъ полтора, тотъ же чалмоносный мюридъ приблизился къ обнадеживавшей уже себя француженкѣ и, приказавъ ей сѣсть на лошадь, позади одного изъ своихъ нукеровъ, отправился съ нею вслѣдъ за остальной толпою.

Нукеръ, за которымъ сидѣла француженка, пригласилъ ее держаться покрѣпче за его поясъ, что̀ она и не замедлила сдѣлать, замѣтивъ при-этомъ, что чеченцы вообще сильны, ловки и статны...

Такимъ образомъ доѣхали до переправы черезъ Кизисхеви. Скудная одежда г-жи Драпсе́ была совершенно вымочена при этомъ случаѣ.

За рѣкою остановились на полчаса, и проводникъ г-жи Драпсе́, вѣроятно, желавшій предохранить ее отъ сырости, одѣлъ ее своей буркою, а потомъ предложилъ горсть муки, которую онъ вынулъ у себя изъ кармана. Г-жа Драпсе́ отказалась отъ этой жалкой и грязной пищи.

Дальнѣйшее шествіе ея совершилось посреди стада быковъ, безпрестанно тѣснившихъ ея лошадь.

Было и неудобно и опасно; но надо было все переносить съ терпѣніемъ.

Горцы часто опасались преслѣдованія; въ нѣсколькихъ мѣстахъ пути они ускоряли ходъ стада и пускались почти вскачь...

Возвращаясь снова на бельведеръ, намъ остается прослѣдить приключенія княжны Баратовой и княгини А. И. Чавчавадзе.

На бельведерѣ княжна Баратова стояла возлѣ княгини В. И. Орбеліани.

Когда княгиню увели внизъ по лѣстницѣ, княжну Баратову взялъ какой-то очень молоденькій горецъ, лѣтъ шестнадцати или семнадцати. Этотъ юный похититель, если судить по его щеголеватому костюму и вооруженію, принадлежалъ къ какому-нибудь знатному чеченскому роду. Но онъ не надѣялся на свои силы: княжна была исполнена жизни и цвѣтущаго здоровья, она могла отбиться отъ безбородаго хищника. Поэтому онъ поспѣшилъ прежде всего связать ей руки, позади спины, крѣпкой веревкой, а потомъ ужъ повелъ внизъ по лѣстницѣ свою плѣнницу.

Во дворѣ онъ далъ ей особую лошадь и оставилъ въ неприкосновенности весь, бывшій на княжнѣ, грузинскій костюмъ, пышность котораго, по всей вѣроятности, внушала ему болѣе уваженія, чѣмъ корысти или жадности.

Прочіе горцы, вѣроятно, также изъ особаго уваженія къ своему юному товарищу-аристократу, не покушались отбивать у него плѣнницу.

При переправѣ чрезъ Алазань княжна упала съ лошади въ воду, но ее вытащили за веревку, которою были связаны ея локти и которая только по ту сторону рѣки развязана вслѣдствіе приказанія какого-то наиба.

Этотъ же самый наибъ, по просьбѣ княгини Орбеліани, распорядился, чтобъ при молодой княгинѣ постоянно находились другія плѣнницы изъ грузинокъ, что и было постоянно исполняемо на всемъ пути до Похальской башни, хотя молодой похититель княжны тоже ни на минуту не оставлялъ ея.

Слѣдуя такимъ образомъ за толпою, княжна, вмѣстѣ со всѣми, приближалась къ засадѣ у горы Копцхи...

Но здѣсь мы должны въ послѣдній разъ вернуться назадъ, чтобъ разсказать о судьбѣ княгини А. И. Чавчавадзе, на долю которой съ самаго начала выпало наибольшее количество тяжкихъ впечатлѣній и по-истинѣ самыхъ бѣдственныхъ, но въ тоже время и самыхъ разнообразныхъ случайностей.

Мы разстались съ княгиней Анной Ильиничной въ ту минуту, когда, послѣ кровавой драки между похитителями, спорившими за нее, съ мыслью о большемъ за нее выкупѣ, какъ хозяйку дома, за ханшу, какъ они тутъ ее называли, она снова досталась первому, взявшему ее съ бельведера, такому же чалмоносному мюриду, какимъ была взята и княгиня Орбеліани.

Первымъ послѣдствіемъ борьбы хищниковъ было то, что княгиня увидѣла себя почти безъ всякой одежды. Съ нея было полоскутьямъ оборвано ея кисейное платье; за платьемъ послѣдовало и все прочее, и наконецъ княгиня, подобно несчастной г-жѣ Драпсé, осталась лишь въ корсетѣ и рубашкѣ.

Стыдливость женщины была, однакожъ, нѣсколько пощажена особеннымъ случаемъ: по счастью, изъ косы княгини выпалъ гребень, и длинные, прекрасные еще въ то время ея волосы, упавъ на грудь, плечи и спину, прикрыли ихъ собою, какъ платкомъ или мантильей.

Одна изъ туфлей княгини также упала съ ноги ея и затерялась въ суматохѣ, и это незначительное обстоятельство впослѣдствіи значительно увеличило страданія плѣнницы.

Мюридъ, окончательно завладѣвшій княгинею, сначала помѣстилъ ее въ разбитой уже и разграбленной гардеробной, а самъ ушелъ для продолженія грабежа.

Здѣсь княгиня наступила на гвоздь той самой ногою, которая оставалась безъ туфли, и сдѣлала себѣ довольно глубокую рану.

Чрезъ нѣсколько времени мюридъ возвратился въ гардеробную и вывелъ оттуда княгиню на средину двора, посадилъ ее тамъ на землю и окружилъ нѣсколькими лошадьми, чтобъ сколько возможно закрыть свою добычу отъ завистливыхъ взоровъ своихъ товарищей.

Самъ же онъ въ это время прельстился брильянтовыми серьгами княгини и хотѣлъ вырвать ихъ изъ ушей; но княгиня употребила всѣ свои усилія, чтобъ защитить уши и серьги, и выразила, какъ могла, своему похитителю, что онъ получитъ серьги, если только отыщетъ и принесетъ къ ней ея груднаго ребенка.

Горецъ отправился въ поискъ и вскорѣ принесъ маленькую Лидію, которую нашелъ и взялъ у княгини Варвары Ильиничны.

На малюткѣ была уже только одна рубашка... Но радость княгини была велика и брильянтовыя серьги съ удовольствіемъ отданы были горцу.

Чрезъ нѣсколько времени подошли другіе горцы и привели съ собою переводчика, говорившаго по-русски. Чрезъ него спрашивали княгиню, не спрятаны ли гдѣ-нибудь деньги?

— Ничего нѣтъ спрятаннаго,—отвѣчала княгиня:—ищите, вамъ никто не мѣшаетъ, а что найдете, никто у васъ не отниметъ.

— Гдѣ мужъ твой?—спросили опять горцы.

— Онъ военный, и на службѣ,—отвѣчала княгиня:—а гдѣ онъ теперь, я и сама не знаю.

Княгиня отвѣчала такимъ образомъ для того, чтобъ ей не могли сказать, что мужъ ея убитъ. Она не перенесла бы этого извѣстія, еслибъ даже и невполнѣ ему повѣрила.

Вслѣдъ затѣмъ княгиня просила привести остальныхъ четырехъ дѣтей своихъ.

Горцы не повѣрили, чтобъ у такой молодой женщины могло быть пятеро дѣтей. Однакожъ они привели къ княгинѣ всѣхъ ея дѣтей, исключая старшей Саломе, которую не могли отыскать въ толпѣ.

Княгиня попросила пить. Ей принесли воды въ кокосовомъ ящикѣ, всегда стоявшемъ на столѣ въ гостиной. Когда княгиня поднесла къ губамъ этотъ странный сосудъ, на рукахъ ея увидѣли кольца и перстни, и тотчасъ же сорвали ихъ съ пальцевъ, въ томъ числѣ и обручальное. Мюридъ, похититель княгини, не замѣтилъ этого поступка своихъ товарищей.

Вскорѣ отъ княгини увели всѣхъ ея дѣтей, кромѣ грудной Лидіи, объяснивъ при-этомъ, чрезъ того же переводчика, что всѣ дѣти будутъ невредимы, что ихъ отведутъ къ Шамилю и что поэтому княгиня можетъ быть совершенно за нихъ спокойна.

Эти увѣренія и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько успокоили княгиню.

Вслѣдъ затѣмъ поднялись и стали собираться въ путь. Мюридъ предложилъ княгинѣ сѣсть на лошадь; но княгиня не могла взлѣсть на сѣдло, имѣя на рукахъ ребенка; отдать же его, хоть на короткое время, кому-нибудь изъ чеченцевъ боялась, и потому она предпочла идти пѣшкомъ.

Ходьба была трудна: песокъ и мелкіе камешки вмѣстѣ съ чулкомъ забивались въ рану ноги и причиняли нестерпимую боль. Княгиня поневолѣ отставала и тѣмъ навлекала на себя хотя и не слишкомъ жестокіе, но тѣмъ неменѣе чувствительные и унизительные удары плети своего похитителя...

Эти страданія продолжались до переправы черезъ рѣку Кизисхеви.

Черезъ бродъ княгиня продолжала идти пѣшкомъ съ ребенкомъ на рукахъ. Ее окружали и тѣснили конные всадники. Въ одномъ мѣстѣ брода оказалась значительная глубина. Княгиня погрузилась въ воду до груди, потеряла равновѣсіе и была унесена теченіемъ.

Чеченцы успѣли выхватить ребенка изъ рукъ матери, а вскорѣ и сама княгиня была вытащена на противоположный берегъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ новаго, сильнаго испуга и совершенной мокрости остававшейся на ней одежды.

На другомъ берегу рѣки княгиню, полуживую, совершенно мокрую, мюридъ посадилъ къ себѣ на сѣдло, и, видя, что у самой у нея не было никакой силы держаться, правую ея руку заткнулъ себѣ напереди за ременный поясъ, крѣпко стянувъ его, чтобъ не вырвалась рука изъ-за пояса и чтобъ не упала его жертва.

Ребенка мюридъ взялъ къ себѣ на руки.

Черезъ часъ хищники съ своими плѣнницами прибыли въ деревню Кандолы и мимоходомъ подожгли ее. За деревнею остановились для кратковременнаго отдыха.

Тутъ княгиня видѣла въ толпѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ горничныхъ дѣвушекъ.

Одна изъ нихъ, Василиса (русская), приблизилась къ княгинѣ, держа на рукахъ сына ея, Александра (одного года и четырехъ мѣсяцевъ), и сообщила ей, что онъ остается безъ кормилицы, которая, вѣроятно, идетъ съ другой толпою. Мюридъ, понявъ въ чемъ дѣло, вытащилъ изъ своего кармана кусокъ сахару (конечно, взятаго изъ Цинандалъ) и далъ его княгинѣ, чтобъ она передала сыну.

Затѣмъ тронулись въ путь прежнимъ порядкомъ. До Алазани былъ еще одинъ привалъ. Здѣсь мюридъ, похититель княгини, самъ подалъ ей маленькую Лидію, чтобъ княгиня покормила ее грудью.

Въ тоже время подошла и Василиса съ Александромъ, кричащимъ и плакавшимъ въ разлукѣ съ своей кормилицей.

Василиса предложила княгинѣ покормить и Александра, но мальчикъ не взялъ незнакомой ему груди матери и продолжалъ раздирать ея сердце жалобнымъ крикомъ. Было, отъ чего дойти до послѣднихъ границъ отчаянія...

Но княгиня вскорѣ была развлечена другимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ: не вдалекѣ отъ нея нѣсколько хищниковъ занялись снятіемъ ризъ съ иконъ, похищенныхъ ими изъ цинандальскаго дома. Одинъ изъ грабителей показалъ княгинѣ какую-то грузинскую книгу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ разрубить ее.

Онъ желалъ этимъ оскорбить княгиню, предполагая, что книга, попавшаяся ему, изъ священныхъ книгъ и что, потому, вѣроятно, княгинѣ будетъ больно видѣть ее разрубленною. Княгинѣ-христіанкѣ въ полномъ значеніи этого слова, да и всѣмъ раздѣлявшимъ съ нею постигшую ихъ участь, конечно, больно и тяжело было видѣть поруганіе святыни. Она сама въ эту минуту горячо молилась, чтобъ Богъ далъ ей силу и крѣпость претерпѣть все до конца. Между тѣмъ поднялись съ привала.

Василиса отправилась съ маленькимъ Александромъ.

Лидія, завернутая въ какой-то кучерской армякъ, осталась на рукахъ у княгини, которая попрежнему помѣстилась на лошадь позади своего похитителя.

На пути къ Алазани встрѣтилась княгинѣ другая женщина изъ ея служанокъ, прачка Варвара (полька); она сидѣла на лошади и держала на рукахъ четвертое дитя княгини, двухлѣтнюю Тамару.

Встрѣтившіяся успѣли обмѣняться нѣсколькими словами.

— Что Варвара, ты не боишься? — спросила княгиня.

— Нѣтъ, княгиня; у насъ хорошій проводникъ; онъ давалъ княжнѣ кушать, — отвѣчала преданная женщина, болѣе помышлявшая о своей маленькой госпожѣ, чѣмъ о себѣ самой.

Впродолженіе пути мюридъ, везшій княгиню, досталъ какой-то платокъ и хотѣлъ имъ завернуть ей лицо. Впослѣдствіи княгиня узнала, что у горцевъ всѣ женщины порядочнаго происхожденія не путешествуютъ иначе, какъ съ закрытыми лицами, и поняла намѣреніе своего мюрида; но въ то время она видѣла въ этомъ что-то опасное и не согласилась обвернуть себѣ лицо платкомъ: чтобъ всякую опасность встрѣтить прямыми глазами... На бельведерѣ она не такъ разсуждала; но опасность и страданія съ тѣхъ поръ уже успѣли пріучить къ себѣ душу страдалицы... Вскорѣ пошелъ дождь и продолжался до самой переправы черезъ Алазань.

Во время переправы (въ бродъ) ребенка взяли у княгини и возвратили снова только на другомъ берегу Алазани.

Здѣсь мюридъ хотѣлъ снять съ сѣдла свою плѣнницу для отдохновенія. Но всѣ члены княгини такъ отекли и онѣмѣли, что она была не въ состояніи сойти съ лошади и потому предпочла остаться въ прежнемъ положеніи.

За Алазанью княгиня обогнала свою дворовую дѣвочку, 14-ти лѣтнюю Евфросинью. Она ѣхала въ бурнусѣ и въ соломенной фуражкѣ маленькаго князя Александра и горько плакала о томъ, что горцы считали ее за генеральскую дочь.

Далѣе попадались чеченцы въ странныхъ костюмахъ: одни были завернуты въ женскіе платки или платья; на другихъ, сверхъ папахъ, были надѣты дѣтскія шляпки. Все это для княгини

... было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Нѣкоторыя изъ хищниковъ ѣхали съ вилками, другіе съ серебряными ложками въ рукахъ или за поясомъ.

Около этого же времени княгиня издали видѣла свою сестру, княгиню Варвару Ильиничну.

Она ѣхала въ своемъ суконномъ черномъ платьи, но съ непокрытой головою. Скоро подъѣхала княгиня Варвара Ильинична, и сестры соединились. Княгиня Чавчавадзе, чувствуя, что силы ее оставляютъ и голосъ пропалъ, ожидала, что она должна скоро умереть, и просила сестру свою взять Лидію; но проводникъ княгини Орбеліани не позволилъ ей этого сдѣлать, говоря, что княгиня Варвара Ильинична не можетъ кормить и ребенокъ умретъ съ голоду.

Такимъ образомъ, многочисленный поѣздъ хищниковъ и плѣнныхъ приближался къ горѣ Концхѣ. Толпа болѣе и болѣе стягивалась въ одну сплошную массу, примѣняясь къ требованіямъ съуживающейся мѣстности. Можно достовѣрно сказать, что почти всѣ плѣнныя въ это время были не далеко другъ отъ друга, хотя и невсегда могли одна другую видѣть.

Княгиня Орбеліани ѣхала очень близко позади княгини Анны Ильиничны.

Поѣздъ сталъ огибать Концехскую гору, какъ вдругъ всѣ были приведены въ замѣшательство громомъ пушечнаго и ружейнаго залпа, и въ тоже время осыпаны ядрами, картечью и пулями. То была засада капитана Хитровò. Чеченцы съ своей добычей шарахнулись въ сторону и, круто поворотивъ назадъ, помчались во весь опоръ.

Они разсчитывали дальнимъ объѣздомъ обогнуть засаду; но батальный огонь изъ русскихъ ружей преслѣдовалъ скачущихъ. Мюридъ, державшій за сѣдломъ своимъ княгиню Анну Ильиничну, опередилъ почти всѣхъ. Сильная лошадь его скакала быстрѣе птицы...

Княгиня, будучи лишена употребленія правой руки, которая была крѣпко захвачена тугимъ поясомъ ея похитителя, а въ другой рукѣ держа своего груднаго ребенка, въ эти мгновенія молила Бога только о томъ, чтобъ русская пуля настигла ее и положила конецъ настоящимъ и ожидаемымъ страданіямъ. И это легко могло бы случиться, потому что ядра, картечь и пули съ визгомъ проносились вблизи княгини. Она даже видѣла, какъ подъ однимъ чеченцемъ лошадь была разорвана пополамъ русскимъ ядромъ... Но желанная смерть миновала княгиню и сберегла ее для гораздо ужаснѣйшаго...

Единственная рука, въ которой она могла держать своего ребенка, нѣмѣетъ болѣе и болѣе; вырвать другую руку изъ-за пояса чеченца нѣтъ никакой возможности...

Княгиня готова выронить дитя свое изъ онѣмѣвшей руки...

Вотъ уже сама собою опускается внизъ рука, а съ нею и плачущее дитя. Но чеченецъ скачетъ быстрѣе и быстрѣе...

Вотъ уже только за одну ножку держитъ несчастная мать своего ребенка. Рука ея нѣмѣетъ и ослабѣваетъ болѣе и болѣе.

Но чеченецъ не останавливается, не слышитъ моленій своей жертвы.

Еще мгновеніе — и безсильные пальцы сами собою разгибаются на рукѣ матери, и ребенокъ съ крикомъ падаетъ на землю... Позади, черезъ трупъ упавшаго ребенка, скачетъ толпа хищниковъ, испуганныхъ засадою и убѣгающихъ отъ преслѣдованія. Но никто изъ нихъ не ушелъ бы отъ бывшаго въ засадѣ отряда, еслибъ капитанъ Хитровò не захотѣлъ пощадить кровь невинныхъ.

ДАГЕСТАНСКАЯ ПРИРОДА ВЪ МАѢ МѢСЯЦѢ.

Дагестанская природа прелестна въ маѣ мѣсяцѣ. Милліоны розъ обливаютъ утесы румянцемъ своимъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ, соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальныя деревья, точно куполы пагодъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ и между нихъ высокія раины, то увитыя листьями какъ винтомъ, то, возникая стройными столпами, кажутся мусульманскими минаретами.

Широкоплечіе дубы, словно старые ратники, стоятъ на часахъ тамъ-индѣ, между тѣмъ какъ тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками какъ дѣтьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ. Игривыя стада барановъ, испещренныхъ розовыми пятнами; буйволы, упрямо погрязающіе въ болотѣ при фонтанахъ или по цѣлымъ часамъ лѣниво бодающіе другъ друга рогами; да тамъ и сямъ по горѣ статные кони, которые, разбросавъ на вѣтеръ гриву, гордой рысью бѣгаютъ по холмамъ—вотъ рамы каждаго мусульманскаго селенія!

ВЛІЯНІЕ ШАРІАТА НА ЖИТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА.

Жители Дагестана мусульмане. Въ ихъ жизни не трудно отличить два совершенно противоположныя теченія: одно искусственное, направляемое мусульманскимъ закономъ (шаріатъ); другое—естественное, развившееся подъ вліяніемъ природы и условій жизни горца (адатъ). Преобладаетъ шаріатъ,—онъ даетъ колоритъ жизни Дагестана. Впрочемъ, съ паденіемъ послѣдняго имама—Шамиля адатъ все больше и больше начинаетъ заявлять свои права. Значеніе шаріата сильно поколебалось также и отъ сближенія горцевъ съ русскими. Самое же главное, что должно окончательно убить вліяніе шаріата, это—его натура, его тенденціи, рѣзко противорѣчащія требованіямъ цивилизаціи и человѣческой природы. Основныя черты, характеризующія мюрида, суть: нелѣпый аскетизмъ, фанатизмъ, подозрительность. Должности палачей и фискаловъ считались (при Шамилѣ) почетными, потому что, по свидѣтельству Шамиля, они, убивая и вредя невѣрнымъ и преступнымъ, открывали себѣ врата рая.

Во время мюридизма, замѣченные въ неоднократныхъ преступленіяхъ жители, по власти, которою пользовались наибы, подвергались смертной казни, лишенію членовъ и другимъ истязаніямъ; оставшееся послѣ казненнаго имущество поступало въ ихъ пользу и только впослѣдствіи часть имущества оставляема была дѣтямъ казненнаго. Тѣло убитаго за преступленіе жителя, привязанное къ позорному столбу, или брошенное съ кручи въ оврагъ, оставалось безъ погребенія. За побѣги къ намъ горцевъ, имѣніе перебѣжчиковъ конфисковалось въ пользу казначейства имамата и кармановъ его са-

новниковъ. При такомъ порядкѣ управленія, чѣмъ больше было преступленій и преступниковъ, тѣмъ это было выгоднѣе для правителей. И дѣйствительно, въ систему дѣйствій поборниковъ мюридизма входило увеличивать число преступниковъ изъ своекорыстныхъ разсчетовъ. И чѣмъ только не пользовались эти люди для своей цѣли! «Во время мюридскаго управленія—разсказываетъ очевидецъ *)—однажды разнесся слухъ, что гдѣ-то въ Дагестанѣ изъ яйца, бывшаго подъ насѣдкой, вылупилась ядовитѣйшая змѣя, вслѣдствіе чего, по разумному повелѣнію властей, всѣ курицы были перерѣзаны. Послѣ усиленныхъ просьбъ и ходатайствъ, разрѣшено было держать хозяйкамъ по одной курицѣ и на два двора одного пѣтуха, съ опредѣленіемъ штрафа за увеличеніе, противъ нормы, куринаго населенія! Эта штука, вѣроятно, была придумана корыстолюбивыми наибами, ради предлога подвергать хозяекъ штрафамъ. Наибы, правители обществъ, сановники шамилевской іерархіи,—говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, — изъ корыстолюбивыхъ видовъ, строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ запрещеній шаріата, изыскивая предлоги подвергать жителей часто незаслуженному оштрафованію. Самъ Шамиль утверждаетъ, что онъ имѣлъ много хлопотъ съ недобросовѣстностью администраторовъ. Бывали примѣры, что наибъ, зайдя къ сосѣду, между завлекательнымъ разговоромъ, замѣтитъ, что у него холодно; само собою разумѣется, что вѣжливый хозяинъ предложитъ почетному гостю надѣть его шубу, тогда хитрый наибъ, обнюхавъ шубу справа и слѣва, объявляетъ, что она припахиваетъ табачнымъ дымомъ, сажаетъ амфитріона въ яму, откуда онъ выходитъ не иначе какъ съ уплатою порядочнаго штрафа.

Между тѣмъ посмотрите, какъ набоженъ этотъ мюридъ, какъ онъ заботится о своей чистотѣ, какимъ онъ смотритъ, по наружности, праведникомъ. Фанатикъ мюридъ совершаетъ въ сутки до 34 намазовъ, такъ что на занятія нерелигіозныя ему въ сутки остается не больше семи часовъ! Предъ совершеніемъ намаза онъ считаетъ необходимымъ обмыть семь членовъ своего тѣла; платье, облитое виномъ, оскверненное прикосновеніемъ собаки или свиньи, вымывается семь разъ сряду. При молитвѣ, мущина долженъ непремѣнно снять съ себя обувь, а женщина обувь и шаравары, подъ ноги подостлать коврикъ, а въ дорогѣ—черкеску или архалукъ. Все вниманіе мюрида устремлено на то, чтобы съ внѣшней стороны казаться праведнымъ. Поэтому онъ дорожитъ всѣми религіозными аттрибутами, которые дѣлаютъ его кандидатомъ въ рай. Чалма, зубочистка, серебряное или мѣдное колечко на мизинцѣ правой руки, карманные часы, четки и пр.—вотъ съ чѣмъ онъ никакъ не можетъ разстаться. Совершеніе одного намаза въ чалмѣ, по его вѣрованіямъ, равняется 25 намазамъ безъ нея, съ зубочисткою и кольцомъ—60 намазамъ. Не даромъ же Шамиль учредилъ цѣлую іерархію чалмоносцевъ, раздѣливъ ихъ на разряды, по цвѣтамъ!

Какъ ничтожно вліяніе религіозной заботливости о чистотѣ на бытъ народа, можно видѣть изъ того, что дагестанцы отличаются необыкновенною

---

*) Г. Пржецлавскій, см. въ В. Евр. за 1867 г. «Дагестанъ, его нравы и обычаи».

любовью къ неопрятности. Улицы въ аулахъ дагестанцевъ грязны, даже мечети содержатся неопрятно. Но всего оригинальнѣе слѣдующій характеристическій обычай: женщина носитъ свое платье до невозможности дальнѣйшаго употребленія *); замѣняя обновою покрывало и рубаху, она кладетъ ихъ въ котелъ со щелокомъ, прибавляетъ къ нему кусочекъ курдючьяго сала и превращаетъ свой новый уборъ въ грязную тряпку, въ томъ разсчетѣ, что послѣ этой процедуры обнова будетъ прочнѣе и не потребуетъ частаго мытья. Спросите горца, зачѣмъ ихъ женщины перевариваютъ свои рубахи въ сальной водѣ? онъ отвѣтитъ съ улыбкою: «если у моей хозяйки платье будетъ чистое и бѣлое, то злые языки, пожалуй, скажутъ, что она никогда не видитъ въ глаза ни мяса, ни курдючьяго сала!» На основаніи такого вывода, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ сальнѣе должно быть ея платье. Хотя въ нѣкоторыхъ селеніяхъ встрѣчаются богатые и щеголеватые наряды, но о большинствѣ дагестанскихъ женщинъ говорятъ, что неопрятность и неуклюжесть наряда превратили ихъ въ черныя, грязныя муміи.

Да и могли ли сколько-нибудь правильно развиться понятія и вкусъ женщины, когда строгій шаріатъ ни во что ставитъ ея личность? Дагестанская женщина-мусульманка осуждена всегда сидѣть взаперти, удаляться общества мущинъ. При Шамилѣ, женщина, вышедшая на улицу безъ покрывала, подвергалась палочнымъ ударамъ мюрида, и теперь женщины, при встрѣчѣ съ мужчиной на улицѣ, должны изъ приличія, по правиламъ шаріата, повернуться къ нему спиной, уткнувшись почти носомъ къ стѣнѣ или забору. Женщины, уличенныя въ преступной связи съ мужчиной, были убиваемы или заживо забрасываемы камнями.

Неуваженіе и пренебреженіе къ женщинѣ, вслѣдствіе религіозныхъ понятій, обратили ее въ глазахъ горца въ рабочее животное. Всѣ трудныя работы по хозяйству исполняются женщинами и эшаками; вы увидите повсюду

---

*) Нарядъ горянокъ состоитъ: лѣтній изъ рубахи, большею частью полотняной, или бумажной, шитой экономически, въ $2^1/_2$ полотнища съ круглыми въ одно полотнище рукавами, закрывающими всю руку; длина рубахи ниже колѣнъ: шейная выемка круглая, безъ воротника; передній разрѣзъ прямой; нерѣдко нескромно длинный, онъ застегнутъ на груди на одну нитяную пуговку, но чаще зашитъ ниткою наглухо. Головной платокъ полотняный, или коленкоровый, квадратный, болѣе сажени, носится въ видѣ покрывала, съ особенною неуклюжестью, образуя подъ подбородкомъ толстыя складки; вмѣсто шараваръ узкія изъ пунцовой набойки панталоны, на нитяномъ очкурѣ, а взамѣнъ архалука привязывается за спиною что-то вродѣ одѣяльца изъ ситца на ватѣ длиною до колѣнъ и ширпною въ полъ-аршина. Головной уборъ, т. е. собственно повязка волосъ, такая же какъ на плоскости, за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній, въ которыхъ женщины имѣютъ бритыя головы или носятъ кокошники, украшенные серебряною старинною монетою. Жителей такихъ селеній мусульмане считаютъ потомками евреевъ. Во время ненастья и холодовъ женщины надѣваютъ на себя шерстяные чувалы-мѣшки, превращая ихъ (сложивъ вовнутрь до половины) въ бедуины. Къ зимнему костюму прибавляются только полушубки изъ самаго простаго курпея мѣстной выдѣлки, а ноги обуты въ уродливые полу-сапожки изъ краснаго сафьяна, или просто изъ сыромяти, съ подковками о двухъ шипахъ, отъ которыхъ жестоко страдаютъ полы нашихъ комнатъ.

навьюченнаго дровами, сѣномъ или зерновымъ хлѣбомъ эшака, а рядомъ съ нимъ съ такою же ношею женщину-горянку. Подрядчики по перевозкѣ казеннаго провіанта для войскъ, расположенныхъ въ краѣ, опредѣляютъ вѣсъ тяжести на одного эшака въ 3 пуда; подобныя же тяжести здѣшнія женщины, для заработанія 40—60 к. сер., переносятъ на своей спинѣ за 30 верстъ, по гористымъ, едва проходимымъ тропинкамъ. До учрежденія почтоваго сообщенія въ Дагестанѣ корреспонденція передавалась жителями изъ деревни въ деревню. Лѣнивые горцы и здѣсь умудрились избавиться отъ труда. Они зачастую заставляли своихъ женъ играть роль почтальона; можно часто было видѣть женщину, путешествующую съ пакетомъ, воткнутымъ въ оконечность расщепленной палочки!

Шаріатъ наложилъ свою тяжелую руку также и на всѣ удовольствія жизни горца и сдѣлалъ ее скучною, вялою, томительною. Пляски, пѣніе, музыка, куреніе табаку строго преслѣдуются шаріатомъ. При Шамилѣ ополченцамъ позволялось пѣть только зикру, состоящую изъ непрерывно повторяемыхъ словъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Житель, пойманный съ крошечною трубочкой, на тоненькомъ чубучкѣ, подвергался въ первый разъ штрафу, а во второй разъ ему продѣвали чубучокъ сквозь ноздрю. На свадьбахъ музыка не допускалась, мужчины могли плясать только подъ тамбуринъ, но всегда безъ участія женщинъ. Понятно, что жизнь, обставленная такими ограниченіями, и на посторонняго наблюдателя производитъ только тяжелое, грустное впечатлѣніе.

Нетерпимость къ христіанамъ есть также одно изъ послѣдствій вліянія шаріата на умы дагестанцевъ. Привѣтствовать христіанина фразою: «асалямъ—алейкюмъ», т. е. миръ съ тобою, считается дѣломъ противорелигіознымъ. Хитрые мусульмане измѣняютъ эту фразу въ слѣдующую (когда нужно привѣтствовать христіанина): «асамъ алейкюмъ», т. е. бѣда съ тобою. Фанатики-мусульмане не терпятъ, чтобы въ рукахъ христіанина была какая-нибудь изъ ихъ религіозныхъ книгъ; дать ложную присягу по дѣлу христіанина, обмануть его—считается для мусульманина столь же естественнымъ, какъ и не ѣсть мяса скотины, зарѣзанной рукою невѣрнаго. Г. Пржецлавскій въ своей статьѣ о Дагестанѣ, называя фанатиковъ-мюридовъ «врагами христіанъ до плоти и крови», такъ характеризуетъ ихъ: «главныя качества привилегированнаго фанатика или, какъ мы привыкли ихъ называть, мюрида, — ханжество, хитрость, притворство, обманъ и шарлатанство; въ разговорѣ съ русскимъ, онъ отлично прикинется человѣкомъ прогрессивнымъ, для достиженія предположенной цѣли, но хитритъ даже передъ роднымъ братомъ и, въ намѣреніи пріобрѣсти славу глубокаго, праведнаго, богоугоднаго алима, не задумается выдавать себя за ясновидящаго, подвергающагося, по благости великаго аллаха, предсказательнымъ иллюзіямъ, душевному состоянію, называемому «зульматъ», похожему на обморокъ, во время котораго одержимый, сквозь пыльную призму, видитъ будто-бы предстоящее событіе.»

Съ какой бы стороны ни стали мы разсматривать шаріатъ, ясно, что это есть тяжелая система понятій, насильственно прививаемыхъ народу, си-

стема, убивающая и мертвящая все человѣческое, портящая всѣ отношенія жизни. Народъ при Шамилѣ своими дѣйствіями протестовалъ противъ шаріата. Г. Пржецлавскій замѣчаетъ, напримѣръ, что, несмотря на преслѣдованіе при Шамилѣ пляски, дагестанцы по ночамъ, тайкомъ отъ шпіоновъ, собирались въ подвалы и конюшни, устраивали танцъ-классы и практиковали тамъ свои ноги. Нужны были вообще тѣ жестокія мѣры, о которыхъ мы упоминали выше, чтобы заставить народъ слѣдовать повелѣніямъ шаріата. Очень естественно, что, освободившись отъ вліянія недобросовѣстныхъ фанатиковъ, теперь народъ дагестанскій очень легко разстается, или готовъ разстаться съ тѣмъ, что ему навязывали такъ усердно поклонники великаго пророка. Очевидецъ г. Пржецлавскій подмѣтилъ это колебаніе въ народѣ. Онъ говоритъ: «жители средняго Дагестана находятся еще какъ-бы въ переходномъ состояніи и сами не знаютъ, на что имъ рѣшиться: продолжать ли слѣдовать строгимъ обычаямъ, предписаннымъ имъ бывшимъ главою мюридизма, или относительно общественнаго строя подражать болѣе ихъ цивилизованнымъ мунафикамъ—врагамъ мюридизма.»

О НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ ДАГЕСТАНСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

Въ горскихъ аулахъ, какъ и во всемъ мусульманскомъ мірѣ, раньше всѣхъ просыпается будунъ (помощникъ муллы). Предъ утренней зарей онъ взбирается на плоскую крышу мечети и громогласно, на распѣвъ читаетъ краткіе стихи, призывающіе народъ къ молитвѣ. Вскорѣ послѣ этого призыва правовѣрные просыпаются и въ сакляхъ слышатся зѣвота, потягиваніе, ворочанье съ боку на бокъ и т. п. Женщины, нашептывая молитву, соскакиваютъ съ постелей, торопливо нагрѣваютъ воду и снимаютъ со стѣнъ мѣдные или деревянные тазы такой величины, что два человѣка свободно могутъ усѣсться въ нихъ. Эти тазы служатъ горцамъ вмѣсто ваннъ, въ которыхъ ежедневно или, смотря по надобности, купается чета правовѣрныхъ (мужъ и жена). Хотя купанье это въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ и омовеніе семи членовъ предъ молитвой, предписывается кораномъ съ цѣлью содержать тѣло въ чистотѣ, но едвали цѣль эта достигается, потому что горцы только обливаются, не стараясь смыть съ себя потъ и грязь. Люди небогатые, у которыхъ нѣтъ посуды такой величины, ходятъ лѣтомъ въ общія купальни, устроенныя возлѣ мечетей, а зимою обливаются изъ кувшиновъ въ сараѣ. Послѣ этого тѣлеснаго очищенія, горцы торопливо оканчиваютъ утреннюю молитву и, завернувшись въ свои сагуры *), ложатся снова спать. Рѣдко и

*) Широкая, длинная, безъ рукавовъ, шуба изъ овчинъ съ большимъ, доходящимъ до пояса капюшономъ изъ того же матеріала, шерстью вверхъ.

то лишь пожилые грамотные люди послѣ молитвы читаютъ что-нибудь изъ корана.

Между тѣмъ, какъ мужчины занимаются тѣлоукрѣпляющимъ сномъ или душеспасительнымъ чтеніемъ, изъ семьи отдѣляется одна женщина, которая, закинувъ за спину кувшинъ, отправляется по воду, а остальная семья занимается въ это время или уходомъ за скотиной, или дѣлаетъ кизяки, прилѣпливая ихъ къ наружнымъ стѣнамъ сакель и заборовъ. Мужей своихъ жены не безпокоятъ до тѣхъ поръ, пока сами не проснутся отъ стука каменнаго пестика о деревянную ступку, въ которой толкутъ чеснокъ, приготовляемый для приправы хинкалъ *).

Во время сильныхъ морозовъ горцы, закупорившись съ вечера въ свои сквозныя сакли, не выходятъ на улицу безъ особенно-экстренной надобности, пока не проглянетъ солнце, и тогда, словно букашки, выползаютъ изъ сакель мужчины, женщины, старики и молодежь; все это копошится на крышахъ или гдѣ-нибудь въ затишьи на солнечной сторонѣ, между ними играютъ и кувыркаются маленькія дѣти. Послѣднія всегда полунагія, хотя костюмъ ихъ имѣетъ претензію походить на зимнее теплое платье. Оно состоитъ: изъ стараго полушубочка, во многихъ мѣстахъ порваннаго, съ оборванными до плечъ рукавами, не закрывающаго ни груди, ни живота; изъ холщевыхъ или какой-либо бумажной матеріи штанниковъ, тоже порванныхъ, или съ многими заплатками, спускающихся немного ниже колѣнъ. Ноги обуты въ войлочные или кожаные сапоги съ голенищами, едва доходящими до лодыжекъ, такъ что голени всегда остаются обнаженными. На головѣ вмѣсто папаха надѣтъ родъ колпака изъ войлока или овчинная тулья отъ стараго папаха, или же папахъ съ порванною верхушкою. Лица, руки и ноги дѣтей, не говоря уже о тѣлѣ, впродолженіе всего зимняго времени никогда не моются и покрыты толстымъ слоемъ грязи и сажи. Кожа на нихъ во многихъ мѣстахъ растрескалась до крови. При прикосновеніи къ тѣлу дѣтей чувствуется шероховатость, непріятно поражающая осязаніе; на видъ оно представляется покрытымъ маленькими бугорками, какіе бываютъ на кожѣ ощипаннаго гуся. Между этими бугорками нерѣдко красуется чесоточная сыпь. Головы ихъ, несмотря на частое бритье волосъ, почти всегда покрыты сплошными паршами.—Всѣ мѣста, освѣщенныя зимнимъ солнцемъ, заняты семействами горцевъ. Солнечная теплота располагаетъ ихъ къ пріятнымъ занятіямъ. На каждой крышѣ видны группы горцевъ, сидящихъ и лежащихъ въ различныхъ позахъ: кто, снявъ грязную рубашку, съ большимъ вниманіемъ всматриваясь въ складки ея, охотится за звѣремъ, называемымъ туземцами шуршуливъ-жу, т. е. ползущая вещь. Удовольствіе, чувствуемое охотникомъ отъ этого занятія, замѣтно на его желто-блѣдно-грязномъ лицѣ. Удостовѣрившись, что крупный звѣрь уничтоженъ (за мелкимъ охотиться не стоитъ), охотникъ передаетъ рубаху для починки женѣ. Послѣдняя, рекогносцируя заповѣдныя части своего туалета или держа

*) Галушки.

разостланную на колѣняхъ свою рубашку и оставаясь по поясъ ничѣмъ непокрытою, занимается тѣмже, но тогда немедленно откладываетъ свое занятіе и принимается чинить мужнино бѣлье. Другой, смотрясь въ маленькое зеркальце, выщипываетъ на щекахъ и подбородкѣ волосы или производитъ ту же опарацію надъ товарищемъ, лежащимъ кверху лицомъ; кто, перебирая четки и поднявъ кверху лицо съ закрытыми глазами, безсознательно нашептываетъ молитву; кто, наконецъ, растянувшись во всю длину, сладко дремлетъ подъ лучами зимняго солнца. Все это отогрѣвающееся народонаселеніе такъ занято каждый своимъ дѣломъ, что повидимому никто не рѣшится перемѣнить мѣсто и оставить пріятныя для него занятія. Такъ все между ними покойно, тихо и мирно; но миръ и тишина нарушаются и занятія прекращаются съ появленіемъ на улицѣ толпы мальчишекъ съ крикомъ га-га, га-га, смѣшаннымъ съ сердитымъ ворчаньемъ стравливаемыхъ собакъ. Тогда всѣ безъ исключенія: охотникъ, операторъ, богомолецъ и, наконецъ, соня, не устоявъ противъ соблазна, стремглавъ бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ происходитъ травля; даже старики, не будучи въ состояніи добрести до мѣста зрѣлища, кое-какъ подползаютъ къ краю крыши и, смотря издали на толпу собравшихся зѣвакъ, хрипло и шамкая повторяютъ поощрительное га-га; однѣ только женщины остаются на своихъ мѣстахъ и при своихъ занятіяхъ, не обращая вниманія на потѣхи мужчинъ.

Травля собакъ у горцевъ занимаетъ не меньшее мѣсто въ играхъ и развлеченіяхъ, какъ и конская скачка. Отъ этого зрѣлища они переходятъ къ игрѣ «бросанье камня». Эта игра, продолжающаяся по нѣскольку часовъ, бываетъ и зимою и лѣтомъ.

Всѣ занятія и развлеченія оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ захода его (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно свѣтитъ зимою не долѣе какъ до полудня) вы уже не увидите ни одной души ни на крышахъ, ни на галереяхъ. Только на улицахъ слышатся веселые голоса дѣтей, остающихся доигрывать какую-нибудь начатую игру, да по дорогѣ къ фонтану или къ рѣчной проруби видны женщины, несущія воду или идущія по воду. Все остальное народонаселеніе, скрывшись въ сакли, тѣснится вокругъ тлѣющихъ въ каминахъ или среди сакель кизяковъ, сухаго овечьяго навоза, колючаго бурьяна, самана или (въ рѣдкихъ случаяхъ) одинокаго полѣна дровъ. Въ ожиданіи пока появится надъ огнемъ котелъ и наполнится хинкалами, правовѣрные, перебирая отъ нечего дѣлать грязныя четки, нашептываютъ: ляиляга иль-аллахъ (нѣтъ Бога кромѣ Бога). Наконецъ котелъ снятъ, галушки поспѣли и поставлены предъ голоднымъ главою семейства. Послѣдній, усѣвшись поближе къ поставленному предъ нимъ ужину и вооружась деревянною спичкою вмѣсто вилки, набожно произноситъ: бисмильляги ррахману ррахими (во имя Бога всемилостивѣйшаго), молча убираетъ кукурузныя, бобовыя, ячменныя или просяныя, рѣдко пшеничныя галушки, обмакивая въ толченый чеснокъ, разведенный сывороточнымъ уксусомъ (рыдыль канцъ). Жена же и прочіе члены семейства, кромѣ взрослыхъ мужчинъ, трапезующихъ вмѣстѣ съ главою его (въ рѣдкихъ случаяхъ жены раздѣляютъ вмѣстѣ съ муж-

ями трапезу, и то тогда только, когда нѣтъ чужаго человѣка) терпѣливо выжидаютъ, пока желудокъ почтеннаго ихъ повелителя не наполнится скуднымъ ужиномъ, простывшій остатокъ котораго достается на долю домочадцевъ.

Маленькія дѣти, совершенно довольныя своимъ ужиномъ, раздѣвшись донага и укрывшись своими лохмотьями, ложатся спать. Но что дѣлать взрослымъ, пока придетъ время ложиться спать? Рано ложиться не въ обыкновеніи у горцевъ; да и будетъ ли спаться человѣку, проведшему праздно весь день. Работами по вечерамъ они не занимаются, да и нѣтъ такого дѣла, которымъ можно было бы имъ заняться въ длинные зимніе вечера. Ремесла они не знаютъ никакого; заниматься же разговоромъ между собою мужъ и жена не могутъ (адата нѣтъ) и сидятъ они себѣ молча, или отъ скуки заводятъ легкую перебранку, доходящую нерѣдко до драки, а иногда до кровавыхъ свалокъ; или дождавшись призыва къ 5-му намазу (молитвѣ), они садятся, поджавъ ноги, на приготовленную постель, поверхъ которой разостланъ небольшой коврикъ, или войлокъ, подстилаемый подъ ноги во время молитвы (какій шамулибъ жу, т. е. вещь, разстилаемая для молитвы) и по окончаніи молитвы наклоняютъ голову къ постилкѣ и мурлычатъ необязательные стихи изъ корана; въ этомъ положеніи они остаются, пока не надоѣстъ. Но зато, когда случатся въ домѣ одинъ или два кунака, тогда они незамѣтно просиживаютъ далеко за полночь, занимаясь воспоминаніемъ прошедшаго, сравнивая его съ настоящимъ и предугадывая будущія времена. Съ чего бы ни начался разговоръ, онъ непремѣнно переходитъ на любимую тему объ удальствѣ цевекхановъ (предводителей) давно и недавно прошедшихъ временъ. Легенды, сказки, пѣсни большей частью военныя. И любовные, и религіозные стихи (турки), разсказываемые и распѣваемые нищими, горцы очень уважаютъ. Чѣмъ фантастичнѣе и баснословнѣе разсказы, тѣмъ съ большею охотою слушаютъ ихъ; чѣмъ неправдоподобнѣе разсказываемыя событія, тѣмъ охотнѣе вѣрятъ въ дѣйствительность ихъ. Разсказамъ же о русскихъ, передаваемымъ даже своими земляками (русскому они совсѣмъ не повѣрятъ), хотя бы они подтверждались фактами, горцы не вѣрятъ и часто разказчикъ подвергается нареканіямъ и слыветъ лгуномъ на томъ основаніи, что-де человѣкъ ихъ религіи, поживщій болѣе или менѣе времени между русскими и попробовавшій ихъ чорпу (супъ, борщъ), не можетъ иначе говорить о русскихъ, какъ въ пользу ихъ и во вредъ своимъ единовѣрцамъ! Чтобы не заслужить недовѣрія между своими земляками, разсказчикъ украшаетъ свои сказанія о русскихъ страшною бранью на нихъ, и тѣмъ иногда удается ему увѣрить горцевъ въ дѣйствительности разсказываемаго. Чѣмъ нелѣпѣе ложь, разсказываемая о русскихъ, тѣмъ охотнѣе она принимается горцами за истину.

Если же нѣтъ ни разсказчиковъ, ни охоты молиться долго, или затѣвать съ женою ссоры, тогда они немедленно слѣдуютъ примѣру дѣтей: зарываютъ огонь и прячутся въ постель, оставаясь тамъ—какъ мать родила, пока будунъ на утренней зарѣ опять не разбудитъ ихъ.

Зимою мужчины буквально палецъ о палецъ не ударятъ; женщины же всегда находятъ для себя занятія. Кто съ разсвѣтомъ, взявъ топоръ и ве-

ревку, гонитъ эшака въ лѣсъ за дровами и къ вечеру возвращается—съ вьюкомъ на эшакѣ и вдвое большимъ на собственной спинѣ. Нѣкоторыя продаютъ принесенныя дрова болѣе зажиточнымъ и получаютъ за нихъ сахъ (гарнецъ) муки. Иныя, пользуясь теплымъ днемъ, обмываютъ и обшиваютъ семейства свои, подшиваютъ подъ старую обувь подошвы изъ сырой невыдѣланной кожи, тоже вымѣненной за дрова, или полученной вмѣсто платы за какую-нибудь работу; другія раздергиваютъ куски стараго войлока, моютъ и расчесываютъ эту полусгнившую шерсть и дѣлаютъ изъ нея снова войлокъ; ткутъ и валяютъ ногами сукна, сучатъ шелкъ, дѣлаютъ новые войлоки, изъ которыхъ шьютъ зимніе сапоги и пр. Словомъ, трудно увидать женщину, сидящую безъ работы. Самыя даже зажиточныя хозяйки не станутъ нанимать для этого работницу, и если иногда эти работы исполняются посторонними, то не слѣдуетъ полагать, что это работницы по найму. Нѣтъ, это охотницы по неволѣ. Дома ѣсть нечего, мужъ лѣнивый, щеголь, не обработываетъ, какъ должно порядочному хозяину, землю, да и земли-то немного, а дѣтей куча. Милостыню (садакха) просить и стыдно, и невыгодно. Подаяніе, состоящее изъ ложки муки или полгорсти зерна, въ которомъ, по адату, хотя и рѣдко гдѣ отказываютъ, слишкомъ недостаточно для того, чтобы наполнить пустые желудки цѣлаго семейства. Вотъ такія-то женщины, пронюхавъ, гдѣ есть работа, напрашиваются сами; конечно, имъ сначала отказываютъ и только послѣ усиленныхъ, неотступныхъ просьбъ, какъ-бы изъ состраданія *), соглашаются дать работу, а сами рады до смерти, что работа ничего не будетъ стоить; развѣ лишній сахъ муки да двѣ головки чесноку израсходуются для обѣда и ужина работницъ.

Работникъ или работница, нанимаемые во время покоса или жатвы, получаютъ въ день отъ 15 до 20 коп. съ хозяйскою пищею. Другія же, болѣе легкія работы вознаграждаются гривенникомъ, пятью коп., или вмѣсто денегъ мукою; бываетъ и такъ, что работники не получаютъ ни того, ни другого, ни третьяго, а довольствуются обѣдомъ и ужиномъ съ кускомъ курдюка, сухой баранины, яичницей и т. п. Этимъ угощеніемъ за дневной трудъ, по крайней мѣрѣ по наружности, работникъ или работница совершенно довольны. Благодарностямъ и благословеніямъ нѣтъ конца. Удостоившіеся съѣсть кусокъ курдюка или яичницы съ горячимъ пшеничнымъ чурекомъ чего-чего не скажутъ добрымъ хозяевамъ: чтобы у хозяина Чакарь была здорова, а у Чакари Махмутъ былъ бы живъ, и чтобы Чакарь родила Махмута сына и т. п. Въ-заключеніе, веселая работница, подсѣвъ къ хозяйкѣ, толкнетъ ее локтемъ подъ бокъ, шепнетъ что-то на ухо, подмигивая хозяину: вѣрно смѣшное, хозяйка такъ и заливается со смѣху. Хозяинъ, должно быть, понялъ, въ чемъ дѣло; онъ смотритъ на шепчущихся и, улыбаясь, называетъ ихъ свиньями

*) Человѣколюбіе, состраданіе и любовь къ ближнему, предписываемыя кораномъ, такъ и остаются на страницахъ его, да существуютъ на языкахъ у горцевъ; на дѣлѣ же ничего этого нѣтъ.

(больхоналъ). Этимъ любимѣйшимъ у горцевъ эпитетомъ женщины нисколько не обижаются. Повидимому, обѣ стороны — и хозяева и работница — совершенно довольны другъ другомъ. Но потрудитесь послѣдовать за работницей. Она, прежде чѣмъ отправится домой, по дорогѣ завернетъ къ сосѣдкѣ или родственницѣ. Если вамъ придется нечаянно подслушать ихъ разговоръ, то вы ужаснетесь, услыша, что благословенія, которыя такъ щедро и повидимому съ полнымъ чистосердечіемъ призывались на голову Чакари и Махмута, превратились въ страшныя проклятія на ихъ головы, все изъ-за того же обѣда и ужина, за которые минутъ пять тому назадъ такъ искренно расточалась благодарность.

Нѣкоторыя работы, какъ напр. унавоживаніе полей, лущеніе и молотьба кукурузы, стрижка овецъ, мытье и расчесываніе шерсти, обмазываніе глиной сакель, набрасываніе на крыши ихъ земли и т. п., исполняются родственниками, сосѣдями или знакомыми, приглашаемыми на помощь. Въ такихъ случаяхъ дѣлается болѣе или менѣе роскошное угощеніе: съ водкой, бузою и чабою, а иногда и съ калмыцкимъ чаемъ.

Работы, лежащія исключительно на мужчинахъ, слѣдующія. Раннею весною они выносятъ изъ сараевъ накопившійся тамъ впродолженіе года навозъ и складываютъ его на улицахъ въ большія кучи. Это дѣлается затѣмъ, чтобы навозъ лучше перегорѣлъ. Въ началѣ апрѣля его вывозятъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выносятъ женщины) въ поле, разсыпаютъ на мелкія кучки, а чрезъ нѣсколько дней разбрасываютъ по полю. Послѣднее исполняется исключительно женщинами. Послѣ этого бросаютъ сѣмена на невспаханное поле, а потомъ уже пашутъ. Въ этомъ трудѣ принимаютъ также не малое участіе и женщины. За неимѣніемъ боронъ, женщины, слѣдуя за сохою, разбиваютъ груды земли обухомъ топора или кирки. Затѣмъ до времени покоса горецъ спокойно лежитъ на боку, а во время покоса нѣсколько дней работаетъ—коситъ траву. Травы же, растущія на мѣстахъ, неудобныхъ для косьбы (а такихъ мѣстъ гораздо болѣе, чѣмъ удобныхъ), выжинаются, или вырываются руками женщинъ, а мужчины остаются въ покоѣ до окончанія жатвы, въ которой они не могутъ принимать участія, потому, что по адату слѣдуетъ пренебрегать человѣкомъ, который берется за женское дѣло, а жатва принадлежитъ исключительно къ женскимъ работамъ.

Сады, составляющіе главный предметъ богатства горцевъ, обработываются мужчинами, но и тутъ видна врожденная лѣность горцевъ. Природа такъ щедро надѣлила многія мѣста Дагестана, что при небольшомъ стараніи относительно ухода за деревьями (въ знаніи садоводства у дагестанцевъ недостатка нѣтъ) число плодовыхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, безъ сомнѣнія, удесятерилось бы, а по качеству плоды могли бы сравниться съ растущими въ садахъ Грузіи, но улучшенія не замѣтно даже и послѣ мюридизма.

Мужчина смотритъ на женщину какъ на рабочій скотъ. Выбирая себѣ жену, онъ имѣетъ въ виду, чтобы дѣвушка, или женщина, была крѣпкая, дородная, а главное—не лѣнивая, чтобы будущая его жена могла исполнять всѣ работы по хозяйству: дома, въ полѣ, въ садахъ и пр.

Поведеніе женщины, любовь къ мужу, умственныя способности и прочія качества ея также не принимаются въ разсчетъ мужчинами. О супружеской вѣрности горецъ не безпокоится, надѣясь на свой кинжалъ, одинъ видъ котораго въ состояніи удержать жену въ должномъ повиновеніи и предохранить ее отъ предосудительнаго поведенія. Притомъ же адатъ, джамаатъ (общество) и родственники обѣихъ сторонъ, зорко слѣдящіе за поведеніемъ женщинъ, вполнѣ обезпечиваютъ мужчинъ на этотъ счетъ.

Мужъ имѣетъ неограниченную власть надъ своимъ семействомъ. Онъ, какъ глава его, есть также начальникъ, повелитель, судья, защитникъ, обвинитель и наконецъ исполняетъ нерѣдко должность палача. Имѣя по адату такую неограниченную власть, онъ нерѣдко употребляетъ ее во зло. Деспотизмъ его надъ семействомъ превышаетъ иногда всякое вѣроятіе. Разсердившись на жену, часто безъ всякой основательной причины или за какіе-нибудь пустяки, онъ бьетъ ее до полусмерти и, въ порывѣ дикаго бѣшенства, ни мало не задумываясь рубитъ кинжаломъ, или стрѣляетъ въ нее изъ пистолета и, если жена не успѣла уклониться отъ наносимыхъ ударовъ, она падаетъ жертвою необузданной выходки мужа. Горецъ, убившій свою жену, рѣдко подвергается преслѣдованію кровомстителей. Чтобы избѣгнуть этого, убійца всенародно обвиняетъ свою жену въ невѣрности, а противъ такого обвиненія оправданій никакихъ не существуетъ; тогда родственники опозоренной женщины не имѣютъ права мстить за кровь своей родственницы.

Горецъ никогда не рѣшится ослабить свою деспотическую власть надъ женою, въ особенности, когда онъ имѣетъ причину быть ею недовольнымъ. Если мужъ даже любитъ свою жену, она все-таки играетъ роль слуги, который своею привязанностью и хорошею нравственностью пріобрѣлъ расположеніе господина, вслѣдствіе чего пользуется нѣкоторою его ласкою и восхищается шутливо-строгимъ обхожденіемъ съ нимъ властелина. Если же по какимъ-либо причинамъ женѣ не удалось заслужить благосклонное вниманіе своего сожителя, тогда послѣдній обходится съ нею несравненно хуже, чѣмъ съ рабою. Положеніе жены, не любимой мужемъ, возмутительно. Вѣчное рубище покрываетъ ея тѣло, пренебреженіе мужа, безпрестанная брань и частыя колотушки, недостатокъ и безъ того скудной пищи, ежедневный тяжкій трудъ, недостатокъ времени для отдыха—все это изнуряетъ ее и состариваетъ преждевременно. Хорошо, если несчастная имѣетъ родственниковъ, которые могутъ принудить тирана развестись съ нею (въ такомъ случаѣ она лишается своего калыма). Если же такихъ защитниковъ нѣтъ, тогда она, скрѣпя сердце, покоряется своей участи, а мужъ какъ для своихъ личныхъ интересовъ, такъ и для того, чтобы досадить ненавистной женѣ, женится на другой и если, къ несчастью первой, послѣдняя родитъ сына, котораго старшей женѣ Богъ не далъ, тогда она дѣлается служанкой молодой своей соперницы, и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Но такъ или иначе, доволенъ ли мужъ своею женою, или нѣтъ, послѣдняя все-таки играетъ роль служанки, дѣйствующей по волѣ своего господина. Самыя мельчайшія занятія по хозяйству исполняются не иначе, какъ съ раз-

рѣшенія мужа. Бываютъ, напр., дни (у зажиточныхъ назначаются разъ въ недѣлю—четвергъ, а у бѣдныхъ—какъ случится), въ которые горцы позволяютъ себѣ сварить на ужинъ *) мяса или курдюка. Жена вѣшаетъ котелъ на огонь, а мужъ, сидя возлѣ камина, указываетъ ей висящій на гвоздѣ кусокъ мяса, курдюка или колбасы; она подаетъ ему, и онъ рѣжетъ сколько нужно и, повертѣвъ мясо надъ огнемъ, чтобы приставшая къ нему шерсть обгорѣла, собственноручно опускаетъ ихъ съ молитвою въ котелъ, считая куски. Когда мужа нѣтъ дома, то жена, хотя бы пріѣхалъ самый дорогой гость, не смѣетъ подчивать его мясомъ. Впрочемъ мужъ иногда, предъ отъѣздомъ въ дорогу, даетъ разрѣшеніе женѣ распоряжаться съѣстными припасами.

Случается, очень впрочемъ рѣдко, что мужья пляшутъ по дудкѣ своихъ женъ. Эти случаи бываютъ, когда принимаютъ въ домъ богатой невѣсты какого-нибудь безроднаго, бездомнаго бѣдняка или человѣка не чистаго горскаго происхожденія, но хорошо знающаго по-арабски (Алимичъ). Тогда почти все тиранство, которому подвергаются женщины, претерпѣваетъ пріемышъ-мужъ отъ своей жены, тещи и другихъ домочадцевъ; даже дальніе родственники жены помыкаютъ такимъ бѣднякомъ. Вообще семейный бытъ горцевъ не представляетъ ничего такого, что можно бы назвать счастьемъ. Бѣдность, скудость пищи, недостатокъ симпатіи, довѣрія, откровенности и частые случаи вражды между супругами видны на каждомъ шагу.

Не хороши отношенія супруговъ между собою, не хороши отношенія и дѣтей къ родителямъ.

Дѣти, достигшія 15 лѣтняго возраста, считаются совершеннолѣтними; тогда ихъ соединяютъ бракомъ. Зажиточные люди приготовляютъ своимъ дѣтямъ жениховъ и невѣстъ тогда, когда они находятся еще въ младенческомъ возрастѣ. Молодая жена вступаетъ въ домъ родителей мужа, въ качествѣ помощницы тещѣ; послѣдняя сваливаетъ всѣ работы на невѣстку, а сама, ограничиваясь легкими по хозяйству занятіями, помыкаетъ ею какъ рабою и заставляетъ ее испытывать тѣ же страданія, какимъ сама подвергалась во дни молодости. Добрая мать подстрекаетъ сына, чтобы онъ обходился съ женой такъ же, какъ бывало, во время оно, отецъ его обходился съ нею. Эти добрые материнскіе совѣты, къ несчастью, не остаются безъ послѣдствій и исполняются почти всегда буквально. Невѣстка, слѣпо повинуясь родителямъ мужа, терпѣливо переноситъ всѣ капризы ихъ. Но настаетъ, наконецъ, время, когда роли перемѣняются — и тираны дѣлаются страдальцами, а послѣдніе становятся первыми.

Горцы, достигнувъ почтеннаго возраста, когда и здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ все свое состояніе, исключая денегъ, дѣ-

*) Горцы поступаютъ противоположно нашей пословицѣ: «ужинъ не нуженъ, былъ бы обѣдъ хорошъ.» Обѣдаютъ они кускомъ черстваго чурека, оставшимися послѣ ужина хинкалами съ лукомъ, или сыромъ, а ужинъ стараются по-возможности приготовить получше.

тямъ, которыя въ свою очередь, сдѣлавшись независимыми хозяевами, оказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, въ особенности матери. Не печатная брань (такая брань не осуждается горцами, хотя бы она произносилась женщиною или дѣвушкою, что часто можно слышать), достающаяся иногда на долю стариковъ, нерѣдко побои и различныя оскорбленія переносятся ими съ безсильнымъ ропотомъ. Стариковъ не сажаютъ съ собою за столъ, особенно когда есть въ домѣ чужой человѣкъ, не обмываютъ, не обшиваютъ ихъ, дурно кормятъ и чего-чего не претерпѣваютъ они на старости лѣтъ. Словомъ, стариками, которые, по обычаю, пользуются почетомъ въ народѣ, пренебрегаютъ родныя дѣти. Такою-то благодарностью пользуются горцы отъ дѣтей взамѣнъ той неограниченной любви, которую они питаютъ къ нимъ, когда тѣ находятся въ младенческомъ возрастѣ. Не всѣ мужчины, къ какой бы націи они ни принадлежали, способны такъ пламенно выражать любовь къ дѣтямъ, какъ горцы. Они нянчатся съ ними цѣлое лѣто, когда мать занята полевыми работами, и дѣлаются няньками въ полномъ смыслѣ этого слова, ухаживая за дѣтьми и исполняя все — нетолько безъ отвращенія, но съ особеннымъ наслажденіемъ.

Горцы вообще обладаютъ большими умственными способностями. Но, познакомившись съ ними поближе (а для такого знакомства нуженъ, по крайней мѣрѣ, годъ очень близкихъ съ ними отношеній, потому что горцы имѣютъ дотого удивительную способность прикидываться святошами, добродѣтельными людьми, что нерѣдко приводятъ въ смущеніе даже своихъ земляковъ), нельзя не замѣтить, что умъ ихъ преимущественно изощряется на безполезные и дурные поступки. Всѣ слабости, свойственныя человѣчеству, особенно разительно выказываются въ горцахъ, — тѣмъ болѣе, что они не стараются скрывать ихъ, какъ это дѣлаютъ другіе. Одна изъ ихъ пословицъ доказываетъ, что они, горцы, нетолько не стыдятся своихъ слабостей и пороковъ, но почти хвастаютъ ими. Они говорятъ: «бакъ кхоридабъ, ракъ кхоридабъ», т. е. тѣсное мѣсто — тѣсное сердце. Рѣдко встрѣтите между горцами занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ. Притомъ это — самоучки, очень смышленые и способные научиться въ короткое время даже нѣсколькимъ ремесламъ. У горцевъ нѣтъ адата отдавать дѣтей своихъ въ ученіе къ какому-нибудь мастеру; главная забота — лишь бы выучились они читать коранъ и эльму *). Ремесламъ выучиваются они, глазѣя по цѣлымъ днямъ, какъ, потѣя, трудится кузнецъ, или какъ медленно серебрякъ вырѣзываетъ узоры для подчерни на серебрѣ. Такъ напр. есть занимающіеся въ одно время и серебряныхъ дѣлъ мастерствомъ, и кузнечнымъ дѣломъ, и выдѣлываніемъ кожъ, леченіемъ ранъ и коновальнымъ искусствомъ, и складкою сакель, и столярнымъ, плотничнымъ и токарнымъ мастерствами (послѣднее ограничивается только вытачиваніемъ газырей). Но такихъ людей весьма не много и они теряются въ огромномъ числѣ праздношатающихся лѣнивцевъ, которые

*) Толкованіе корана.

только и думаютъ о томъ, какъ бы пріобрѣсти что-нибудь безъ труда; но такъ какъ этого нельзя достигнуть честнымъ путемъ, то ихъ смѣтливый умъ не затрудняется пріискивать иныя средства къ пріобрѣтенію. На людей, преданныхъ клеветѣ, обману и лжи, — качествамъ, за которыя во время мюридизма многія головы невинныхъ пали подъ сѣкирой Шамиля, служившей тогда эмблемою шаріата, — горцы смотрятъ съ завистью и уваженіемъ, ставятъ ихъ въ образецъ и не безуспѣшно стараются имъ подражать.

Горцы, какъ народъ жадный и корыстолюбивый, не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы пріобрѣсти что-нибудь, даже еслибы это что-нибудь стоило не больше рубля, они не задумываются подвести своего ближняго подъ наказаніе, а въ былое время подводили подъ сѣкиру Шамиля. Горцы, какъ мы сказали, неподражаемы въ притворствѣ, и человѣку, не близко знакомому съ ихъ характеромъ, не трудно принять ложь за истину.

СКАЧКА И ДЖИГИТОВКА ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

Была джума *). Близъ Буйнаковъ, обширнаго селенія въ сѣверномъ Дагестанѣ, татарская молодежь съѣхалась на скачку и джигитовку, т. е. на ристанье, со всѣми опытами удальства. Вешній день клонился къ вечеру и всѣ жители, вызванные свѣжестью воздуха еще болѣе чѣмъ любопытствомъ, покидали сакли свои и толпами собирались по обѣимъ сторонамъ дороги. Женщины безъ покрывалъ, въ цвѣтныхъ платьяхъ, свернутыхъ чалмой на головѣ, въ длинныхъ шелковыхъ сорочкахъ, стянутыхъ короткими архалуками (туника) и въ широкихъ туманахъ, садились рядами, между тѣмъ, какъ вереницы ребятъ рѣзвились предъ ними. Мужчины, собравшись въ кружки, стояли или сидѣли на колѣняхъ, или по-двое и по-трое прохаживались медленно кругомъ; старики курили табакъ изъ маленькихъ деревянныхъ трубокъ; веселый говоръ разносился кругомъ, и порой возвышался надъ нимъ звонъ подковъ и крикъ: качь, качь! (посторонись) отъ всадниковъ, приготовляющихся къ скачкѣ.

Можно себѣ вообразить, что въ день этой джумы окрестности Буйнаковъ еще болѣе оживлены были живописною пестротой народа. Солнце лило свое золото на мрачныя стѣны саклей съ плоскими кровлями и, облекая ихъ въ разнообразныя тѣни, придавало имъ пріятную наружность... Вдали, тянулись въ гору скрипучія арбы, мелькая между могильными кам-

*) Джума соотвѣтствуетъ нашей недѣлѣ, т. е. воскресенью.

ніями кладбища... передъ ними несся всадникъ, взвѣвая пыль по дорогѣ... Горный хребетъ и безграничное море придавали всей картинѣ величіе, вся природа дышала теплою жизнью.

— Ѣдетъ, ѣдетъ!—раздалось изъ толпы и всѣ зашевелились.

Всадники, которые доселѣ разговаривали съ знакомыми, ступивъ на землю, или нестройно разъѣзжали въ полѣ, вскочили на коней и понеслись навстрѣчу поѣзда, спускающагося съ горы: то былъ Аммалатъ-Бекъ, племянникъ Тарковскаго шамхана со своею свитой.

Онъ былъ одѣтъ въ черную персидскую чуху, обложенную галунами, висячіе рукава закидывались за плечи. Турецкая шаль обвивала подъисподомъ надѣтый архалукъ изъ букетовой термаламы. Красные шальвары скрывались въ верховые желтые сапоги съ высокими каблуками. Ружье, кинжалъ и пистолетъ его блистали серебромъ и золотою насѣчкой. Ручка сабли осыпана была дорогими камнями. Этотъ владѣтель Тарковъ былъ высокій, статный юноша, открытаго лица: черныя зильфляры (кудри) вились за ухомъ изъ-подъ шапки... Легкіе усы оттѣняли верхнюю губу... очи сверкали гордою привѣтливостью. Онъ сидѣлъ на червонномъ конѣ, и тотъ крутился подъ нимъ какъ вихорь.

Противъ обыкновенія, не было на конѣ персидскаго, круглаго, расшитаго шелками чепрака, но легкое черкесское сѣдло съ серебромъ подъ чернедью, съ расписанными потебнями и со стременами чернаго харасанскаго булата подъ золотою насѣчкой. Двадцать нукеровъ на лихихъ скакунахъ, въ чухахъ, блестящихъ галунами, сдвинувъ шапки на бекрень, скакали, избочась, сзади. Народъ почтительно вставалъ передъ своимъ бекомъ и склонялся, прижимая правую руку къ правому колѣну. Ропотъ и шопотъ одобренія разливался вслѣдъ ему между женщинами.

Подъѣхавъ къ южному концу ристалища, Аммалатъ остановился. Почетные люди, старики, опираясь на палки, и старшины Буйнаковъ обстали его кругомъ, стараясь вызвать на себя привѣтливое слово бека, но Аммалатъ ни на кого не обращалъ особеннаго вниманія и съ холодною учтивостью отвѣчалъ односложными словами на лесть и поклоны своихъ подручниковъ. Онъ махнулъ рукой. Это былъ знакъ начинать скачку.

Безъ очереди, безъ всякаго порядка кинулись человѣкъ двадцать самыхъ горячихъ ѣздоковъ скакать взадъ и впередъ, перегоняя другъ друга. То перерѣзывали они другъ другу дорогу и вдругъ сдерживали коней, то вновь пускали ихъ во всю прыть съ мѣста. Послѣ этого всѣ взяли небольшія палки, называемыя джиридами, и начали на скаку метать вслѣдъ и встрѣчу противниковъ, то ловя ихъ налету, то подхватывая съ земли. Иные падали долой изъ сѣдла отъ сильныхъ ударовъ, и тогда раздавался громкій смѣхъ зрителей побѣжденному, громкіе клики привѣта побѣдителю; иногда кони спотыкались и всадники нерѣдко падали черезъ голову, выброшенные двойною силой короткихъ стременъ. Затѣмъ началась стрѣльба.

Аммалатъ-Бекъ все это время стоялъ поодаль, любуясь. Нукеры его, одинъ по одному, вмѣшивались въ толпу джигитующихъ, такъ что подъ-ко-

нецъ при немъ осталось только двое. Сначала онъ стоялъ неподвиженъ и равнодушнымъ взоромъ слѣдилъ подобіе азіатской битвы, но мало по малу участіе стало разыгрываться въ немъ сильнѣе и сильнѣе... Онъ уже съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на удальцовъ, сталъ ободрять ихъ голосомъ и движеніемъ руки, вставать выше на стременахъ и наконецъ наѣздническая кровь закипѣла въ немъ, когда любимый его нукеръ не попалъ, на всемъ скаку, въ брошенную предъ нимъ шапку: онъ выхватилъ у своего оруженосца ружье и стрѣлой полетѣлъ впередъ, увиваясь между стрѣлками.

— Раздайся, раздайся!—послышалось кругомъ, и всѣ какъ дождь разсыпались по сторонамъ, давъ мѣсто Аммалатъ-Беку.

На разстояніи одной версты стояло десять шестовъ съ повѣшенными на нихъ шапками. Аммалатъ проскакалъ въ одинъ конецъ, крутя ружье надъ головой; но едва миновалъ крайній столбъ смѣлымъ поворотомъ, онъ сталъ на стременахъ, приложился назадъ — пафъ, и шапка упала наземь; не умѣряя бѣга, онъ зарядилъ ружье, съ брошенными поводами — сбилъ шапку съ другого, съ третьяго — и такъ со всѣхъ десяти... Говоръ похвалъ раздался со всѣхъ сторонъ, но Аммалатъ, не останавливаясь, бросилъ ружье въ руку нукера, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣломъ изъ него отбилъ подкову съ задней ноги своего скакуна; подкова взвилась и, свистя, упала далеко назади; тогда онъ снова подхватилъ заряженное нукеромъ ружье и велѣлъ ему скакать передъ собой...

Быстрѣе мысли понеслись оба.

На полдорогѣ нукеръ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и высоко взбросилъ его на воздухъ; Аммалатъ приложился вверхъ, не ожидая паденія, но въ тоже самое мгновеніе конь его споткнулся со всѣхъ четырехъ ногъ и, бороздя пыль мордою, покатился впередъ съ размаха. Всѣ ахнули — но ловкій всадникъ, стоявшій стоймя на стременахъ не тряхнулся, не подался впередъ, какъ-будто не слышалъ паденія—выстрѣлъ сверкнулъ, и вслѣдъ за выстрѣломъ серебряный рубль улетѣлъ далеко въ народъ.

Толпа заревѣла отъ удовольствія. Игидъ! игидъ (удалецъ)—Алла, Валлага! Но Аммалатъ-Бекъ скромно отъѣхалъ въ сторону, сошелъ съ коня и, бросивъ повода въ руки джиладара, т. е. конюшаго, велѣлъ сей же часъ подковать коня.

Скачка и стрѣльба продолжались.

Въ это время подъѣхалъ къ Аммалату эмджекъ его *), Сафиръ-Али, сынъ одного изъ не богатыхъ бековъ буйнакскихъ, молодой человѣкъ, пріятной наружности и простаго, веселаго нрава. Онъ выросъ вмѣстѣ съ Аммалатомъ, и потому очень коротко обходился съ нимъ. Онъ спрыгнулъ съ коня, и, кивнувъ головой, сказалъ:

— Нукеръ Меметъ-Расуль измучилъ твоего старика — безгриваго жеребца **), заставляетъ его скакать черезъ ровъ, шириною шаговъ семи.

*) Эмджекъ—грудной, молочный братъ.

**) Славная въ Персіи порода трухменскихъ лошадей, называемая теке.

— И онъ не прыгаетъ?--вскричалъ нетерпѣливый Аммалатъ.--Сейчасъ, сей же мигъ привести его ко мнѣ!

Онъ встрѣтилъ коня на полдорогѣ; не вступая въ стремя, вспрыгнулъ въ сѣдло и полетѣлъ къ утесистой рытвинѣ; доскакавъ, стиснулъ колѣни: но усталый конь, не надѣясь на свои силы, вдругъ повернулъ направо, на самомъ краю, и Аммалатъ долженъ былъ сдѣлать еще кругъ.

Во второй разъ конь, пострекаемый плетью, взвился на дыбы, чтобы перепрянуть черезъ ровъ—но замялся, зартачился и уперся передними ногами.

Аммалатъ вспыхнулъ.

Напрасно упрашивалъ его Сафиръ-Али, чтобы онъ не мучилъ бѣгуна, утратившаго въ бояхъ и разъѣздахъ упругость членовъ — Аммалатъ не внималъ ничему и понуждалъ его крикомъ, ударами обнаженной сабли, и въ третій разъ подскакалъ онъ къ рытвинѣ, и когда въ третій разъ сталъ съ размаха старый конь, не смѣя прыгать — онъ такъ сильно ударилъ его рукоятью сабли въ голову, что конь грянулся наземь бездыханный.

— Такъ вотъ награда за вѣрную службу!- -сказалъ Сафиръ-Али, съ сожалѣніемъ глядя на издохшаго бѣгуна.

— Вотъ награда за ослушанье!--возразилъ Аммалатъ, сверкая очами.

Видя гнѣвъ бека, всѣ умолки и отстранились. Всадники джигитовали.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ШКОЛА.

Изъ воспоминаній муталима (ученика).

У горскихъ племенъ Дагестана родители считаютъ священнымъ долгомъ обучать дѣтей своихъ арабской грамотѣ, чтобы доставить имъ возможность современемъ читать коранъ. Но обучаютъ преимущественно мальчиковъ, и рѣдко дѣвочекъ. Потому-то въ Дагестанѣ грамотныхъ женщинъ почти нѣтъ. Впрочемъ такой обычай, по отношенію къ дѣвочкамъ, вполнѣ сообразенъ съ наставленіями мусульманской религіи, да ктому-же каждая дѣвушка въ горахъ уже съ самыхъ малыхъ лѣтъ исполняетъ въ семьѣ обязанности помощницы матери во всѣхъ тяжелыхъ работахъ, какія выпали въ горахъ на долю женщинъ. У горцевъ въ обычай вошло, что мужчина считаетъ для себя за стыдъ заниматься полевыми работами, а съ другой стороны та дѣвушка, которая много работаетъ и носитъ на спинѣ своей тяжелые вьюки бурьяну или сѣна, считается самой лучшею невѣстою. При такомъ обычаѣ, безъ сомнѣнія, дѣвушкамъ не до грамоты.

Для обученія дѣтей арабской грамотѣ въ каждомъ аулѣ найдется одинъ—другой наставникъ, преимущественно изъ стариковъ, и рѣдко гдѣ изъ женщинъ; они принимаютъ къ себѣ въ домъ и обучаютъ чужихъ дѣтей за из-

вѣстную плату. Такъ помню хорошо, что и въ нашемъ аулѣ былъ такой же учитель — старикъ, нашъ сосѣдъ, и у него обучалось нѣсколько мальчиковъ.

Когда я началъ говорить, то вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ родители меня учили разнымъ молитвамъ, такъ что, не будучи еще въ состояніи перечесть на родномъ языкѣ названія пальцевъ, я это зналъ уже по-арабски. Затѣмъ съ самыхъ раннихъ моихъ лѣтъ родители позаботились обучать меня арабской грамотѣ.

У сосѣда нашего, какъ сказалъ я прежде, была сельская школа, гдѣ обучались сельскія дѣти тоже арабской азбукѣ. Эти дѣти, обыкновенно, читали свои уроки вслухъ, съ крикомъ на разные голоса, что, сливаясь вмѣстѣ, разносилось въ воздухѣ гуломъ на порядочное пространство. Я сталъ завидовать ученикамъ сосѣда; мнѣ сильно хотѣлось присоединить и свой голосъ къ ихъ голосамъ. И вотъ однажды я заплакалъ, и на вопросъ о причинѣ плача сказалъ, что хочу пойти къ сосѣду учиться вмѣстѣ съ другими мальчиками. Родители, однако, никакъ не соглашались на это, вѣроятно во избѣжаніе платы за мое ученіе; но чѣмъ больше мнѣ отказывали, тѣмъ все больше мнѣ хотѣлось непремѣнно присоединиться къ ученикамъ сосѣдской школы. Ученики эти пользовались разными завидными для меня правами. Они получали изъ заката по нѣскольку горстей зерноваго хлѣба, за которыя обыкновенно покупали себѣ яблокъ или грушъ; кончившіе курсъ своего ученія или же дочитавшіе до извѣстныхъ главъ корана обыкновенно приглашали къ себѣ всѣхъ товарищей на обѣдъ или на ужинъ, — и у нихъ часто устраивались своего рода пирушки; кромѣ всего этого, они назывались еще учениками по преимуществу, или же дѣтьми по корану, какъ говорится, на туземномъ языкѣ. Меня же, какъ учившагося дома, никто не величалъ такимъ лестнымъ титуломъ.

Наконецъ, послѣ неоднократныхъ моихъ слезныхъ просьбъ, отецъ согласился отправить меня къ сосѣду, и однажды вечеромъ сказалъ матери: испеки пирогъ, пусть сынъ пойдетъ къ сосѣду учиться.

— Зачѣмъ его слушать? Вѣдь однимъ пирогомъ не отдѣлаешься! Нужно еще сдѣлать угощеніе для учителя, когда онъ дойдетъ до кульго (глава корана), потомъ еще, когда дойдетъ до ясина (тоже глава корана), потомъ еще заплатить два рубля: все это значитъ что-нибудь!- -сказала мать.

— Но что же будемъ дѣлать, когда ему такъ хочется нанести намъ такой убытокъ.

— Дѣти настоящаго времени родятся съ дьявольскими наклонностями, и пользы отъ нихъ нечего и ожидать!

— Онъ еще маленькій... Почемъ знать, что изъ него выйдетъ? Можетъ статься, что онъ, при его способностяхъ, современемъ сдѣлается большимъ алимомъ (ученымъ),- -замѣтилъ отецъ.

— Но съ чѣмъ пирогъ сдѣлать: съ тыквой или мясомъ?- -спросила мать.

— Съ чѣмъ хочешь, только чтобъ пирогъ былъ хорошій...

И вотъ, на другой день, рано утромъ, отецъ далъ мнѣ деревянную дос-

ку, на которой была написана азбука, и отправилъ меня съ работникомъ и съ пирогомъ въ первую для меня школу.

Учитель, видимо, съ радостью встрѣтилъ какъ меня, такъ и въ особенности большой пирогъ: онъ ласково взялъ меня за руку и указалъ мнѣ мѣсто въ классѣ.

Классъ этотъ помѣщается на балконѣ, вдоль котораго было положено длинное бревно; мѣсто за бревномъ было застлано соломою, которую ученики сами собирали на жительскихъ гумнахъ, когда тамъ молотили хлѣбъ. На этой-то соломѣ лицомъ къ бревну сидѣли всѣ ученики, будущіе мои товарищи, и передъ каждымъ изъ нихъ лежало по два плоскихъ камня, поставленныхъ одинъ подлѣ другого углообразно, чтобы могли на нихъ лежать книжки или азбучныя доски. Такъ какъ у меня не было ни соломы, ни камней, то учитель одолжилъ ихъ мнѣ только на время. Не дальше какъ на другой же день, рано утромъ одинъ изъ новыхъ товарищей моихъ сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ, гдѣ въ аулѣ молотятъ хлѣбъ, и я вмѣстѣ съ нимъ отправился на гумно попросить себѣ соломы. Получивъ вязанку, я принесъ ее въ училищѣ, усѣлся на нее и былъ счастливъ при мысли, что и я мальчикъ по корану, что и я пользуюсь правами этого лестнаго титула. Окончательно же я возрадовался только тогда, какъ услышалъ съ крыши одного дома голосъ, который взывалъ: «кто имѣетъ право получить закатъ — пусть явится.» Я побѣжалъ съ другими учениками на этотъ крикъ, и мы получили чашки двѣ пшеницы, за которыя тотчасъ же купили себѣ яблоковъ, а учитель подѣлилъ ихъ между нами, причемъ не забылъ и себя и своего сына, котораго даже и дома не было въ то время.

Когда я дошелъ до кульго, учитель перевязалъ мнѣ большой палецъ правой руки толстою шерстяною ниткою и затѣмъ отправилъ домой; черезъ три дня послѣ этого нашъ работникъ несъ къ учителю три хлѣба, большой супникъ похлебки изъ пшеницы и бобовъ, кувшинъ бузы и ляжку копченаго барана, и, пока я кончилъ весь коранъ, нѣсколько разъ относились въ домъ учителя подобные подарки, а именно всякій разъ, какъ только доходилъ я до извѣстныхъ главъ корана. Наконецъ насталъ для меня и торжественный день, въ который я кончилъ весь коранъ. Еще наканунѣ этого дня учитель мнѣ сказалъ, чтобы я извѣстилъ объ этомъ своихъ родителей, что я и исполнилъ. Когда же въ школѣ, читая послѣднюю главу корана, дошелъ я до послѣдней строчки, ученики всѣ встали съ мѣстъ и начали приготовляться точно бѣжать куда-нибудь: одни снимали съ себя шубы, другіе сапоги, третьи засучивали рукава своихъ рубашекъ до локтей, будто приготовлялись къ кулачному бою. Когда же я произнесъ послѣднее слово корана, въ тотъ же мигъ я очутился на рукахъ товарищей, которые понесли меня въ домъ моихъ родителей и не прежде положили меня на землю, какъ мать моя дала имъ чашку орѣховъ. Дома между тѣмъ былъ приготовленъ обѣдъ, на который явились по приглашенію вліятельнѣйшіе люди аула и за которымъ учитель возсѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Послѣ же обѣда отецъ вручилъ учителю 2 р. 50 к. и поблагодарилъ его за труды, а старики и прочіе муллы пожелали мнѣ успѣха въ дальнѣйшемъ ученіи, чтобы я сдѣлался наконецъ

такимъ же ученымъ мужемъ, какъ мой отецъ, потомъ всѣ стали расходиться по домамъ, отирая свои сальныя руки о бороды лица.

Съ того дня, какъ происходила вся эта церемонія, началась для меня новая жизнь: отецъ подарилъ мнѣ пашню, а мать—покосное мѣсто; но самою большою наградою для меня были слышанныя иногда отъ разныхъ лицъ похвалы, что вотъ я такой маленькій—а кончилъ уже коранъ, всего въ 3 мѣсяца, тогда какъ другіе ученики учились уже по цѣлымъ годамъ, и все еще не выходили изъ школы. Одинъ родственникъ моей матери подарилъ мнѣ свой родовой коранъ, писанный какимъ-то ученымъ прапрадѣдомъ, и я читалъ каждый день по двѣ части изъ 30 частей корана, и тѣмъ воздавалъ должную дань умершимъ предкамъ своимъ. Затѣмъ, ежедневно по окончаніи мною чтенія обычной части корана, отецъ училъ меня повторять слова: «Боже, прости» 300 разъ; потомъ слова «Богъ великъ» столько же разъ. Потомъ я заучивалъ и другія молитвы, читая ихъ наизусть и на распѣвъ и въ тоже время нисколько не понимая ихъ смысла.

Послѣ того, какъ я заучилъ на память двѣ книжечки молитвъ и правилъ религіи, отецъ далъ мнѣ арабскую первоначальную грамматику. Было это въ среду. Послѣ утренняго намаза отецъ прочелъ молитву, причемъ я усердно и съ благоговѣніемъ произносилъ «аминь», а по окончаніи молитвы послѣдовалъ первый мой урокъ изъ грамматики.

Съ этого дня во мнѣ явилась какая-то гордость предъ своими товарищами по корану. Они всѣ прекратили уже дальнѣйшее ученіе: кто пошелъ на плоскость съ баранами, съ отцомъ или дядею; кто въ Дербентъ на заработки; кто дома шатался по улицамъ или же бѣгалъ въ поле съ капканомъ для птицъ. Я одинъ только продолжалъ учиться и ходить въ мечеть съ книжкою въ рукахъ. Тогда мнѣ дана была отцомъ инструкція такого рода: вставать до зари и молиться дома, потомъ отправляться въ мечеть и прочитыватъ тамъ $^{1}/_{30}$ часть корана; затѣмъ идти на кладбище и читать молитвы на могилахъ своихъ предковъ, а возвратившись оттуда заучивать свой урокъ грамматики. Наконецъ слѣдовалъ завтракъ, послѣ котораго я долженъ былъ брать новый урокъ.

Инструкцію эту я исполнялъ строго, за что и пользовался большимъ уваженіемъ въ народѣ.

— - —

ПЕРЕѢЗДЪ ЧРЕЗЪ КАВКАЗСКІЯ ГОРЫ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастью для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастью для меня, остался цѣлъ.

Уже солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Кайшаурскую долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей,

чтобъ успѣть до ночи взобраться на Кайшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко, высоко золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Кайшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпились шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины. Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею тележкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, - - отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ; ужасные бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что̀ они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ. Запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста. Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь! Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ. Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

—Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, - -отвѣчалъ

онъ, пріосанившись.--Когда онъ пріѣхалъ на линію, я былъ подпоручикомъ--прибавилъ онъ--и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ, безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ, но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все-еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ въ тележку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.

— Вѣдь этакій народъ!--сказалъ онъ,--и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку.» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть не пьющіе...

До станціи осталось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно: мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ.

По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни, кое-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники; но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода!--сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Что жъ это?--спросилъ я.

— Гутъ-гора.

— Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана.

— Намъ придется здѣсь ночевать,--сказалъ онъ съ досадою:--въ такую

мятель черезъ горы не переѣдешь.—Что? были ль обвалы на Крестовой?- -спросилъ онъ извощика.

—Не было, господинъ,- -отвѣчалъ осетинъ извощикъ:- -а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ длинной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе наподобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: Широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такою густой пеленой, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди!- -сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ!- -отвѣчалъ онъ.- -Повѣрите ли! ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынѣ, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!..

— А, чай, много съ вами бывало приключеній?- -сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку,—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ-будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко

это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьи съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ здравствуйте (потому что фельдфебель говоритъ здравія желаю). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

(Продолженіе.)

Чай былъ выпитъ, давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разорваннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли ущелья мрачными, таинственными пропастями, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо все было на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь. Съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычи; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову; но завсѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ! Вотъ наконецъ мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурей; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, т. е. я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?--сказалъ я ему.

— Да-съ и къ свисту пули можно привыкнуть, т. е. привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна.

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все-же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите,--прибавилъ онъ, указывая на востокъ,--что за край!

И точно, такую панораму врядъ-ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Кайшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользитъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы; но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую,—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ, такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. «Я говорилъ вамъ,— воскликнулъ онъ,—что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то пожалуй она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!» закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались, взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ,—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: «И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые» и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали. И еслибы всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Мы спускались съ Гутъ-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе!

Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами, — не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ», ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія милыя мѣста нашего отечества.

«Вотъ и Крестовая!» сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извощики объявили, что обваловъ еще не было, и сберегая лошадей повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу тележку. И точно, дорога

опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частью была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по черным камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору,—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свистѣлъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ Императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ: но, вопервыхъ, Петръ I былъ только въ Дагестанѣ, и, вовторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію г. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, несмотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая сѣверная, только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. «И ты, изгнанница,- -думалъ я,- -плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки.»

— Плохо!- -говорилъ штабсъ-капитанъ:- -посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ: того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобѣ, а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться!

Извощики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ.

— Ваше благородіе- -сказалъ наконецъ одинъ:- -вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ: не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вотъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется, — вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду.—Они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку,- -прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя!- -сказалъ штабсъ-капитанъ.- -Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако,- -сказалъ я,- -что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ,- -пробормоталъ онъ:- -ужъ эти мнѣ проводники! Чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобы они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею.

ТЕРЕКЪ И ГРУЗІЯ.

(Изъ поэмы «Демонъ» Лермонтова.)

И...надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя
Какъ трещина—жилище змѣя—
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и хищный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ
Глаголу водъ его внимали,—
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали.
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны.
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ, но гордый Духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонкò-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

— —

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

—

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;

Но пиръ большой сегодня въ немъ.
Звучитъ зурна̀ и льются вина:
Гудалъ просваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая, —
И вотъ она одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится — глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка,
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна;
И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.
Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливо.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ ловкій станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;

Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышиты шелками
Его сѣдло, узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой,
Питомецъ рѣзвый Карабаха,
Прядетъ ушьми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ, всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

———

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ:
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрилъ молодой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ.
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щёлкъ — и какъ орелъ
Онъ кинулся, — и выстрѣлъ снова,
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины!

———

И стихло все. Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ; порой
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты бѣлыми чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
Зато усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ.
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ божьей тѣнью отдохнетъ...
Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто къ брани,
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена, —
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна.
Скакунъ лихой, ты господина
Изъ боя вынесъ какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ АРЗЕРУМЪ А. ПУШКИНА.

1829 года.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мои взоры ровно за десять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. — Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; па стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, подъ которыми, бывало, я карабкался.

Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ.

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь.

На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пяти сотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрипѣлъ обозъ двуколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки.

Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ ногайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣ-

пія. Татаре тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба — вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумой. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ нея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. Зато никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружили, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними распрей наслѣдственныхъ и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ,

но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчиковъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ, положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ этихъ обрядовъ.

Осетинцы — самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакоже при моемъ приближеніи обѣ потупили головы и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ, и бѣгаютъ изъ крѣпости.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища. Не доходя до Лар.а, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: не останавливайтесь, В. Б., убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны

развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ какъ-будто гнѣздами ласточки.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ Кавказскаго Плѣнника и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущеліе носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко,—пишетъ одинъ путешественникъ,—что нетолько видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Ктому-же и ущеліе освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на другой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка. Даріалъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и пр. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ и испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Четырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть

его снѣговую груду, по выраженію поэта, подпирающую небосклонъ. Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ нашъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить этотъ ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана офиціальную просьбу къ г. Ч...., начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О... Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог..., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ,» сказалъ мнѣ г. Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный г. Ермоловымъ. Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ-руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣни, благодарилъ Бога, и пр., что очень изумило проводниковъ. Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все

это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: кажется, какъ будто вода имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей.

Содержаніе. Тутъ Пушкинъ встрѣчаетъ персидскаго принца, а въ полуверстѣ отъ Ананура встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу, кивнувшаго ему изъ коляски головой. Чрезъ нѣсколько часовъ, послѣ встрѣчи Пушкина съ Хозревъ-Мирзою, на принца напали горцы. Услышавъ свистъ пуль, Хозревъ-Мирза выскочилъ изъ своей коляски, считая ее въ этомъ случаѣ западнею, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Дойдя пѣшкомъ до Ананура, Пушкинъ увидалъ, что лошади его не приходили; но не чувствуя, усталости, отправился опять пѣшкомъ до города Душета. Остановившись ночевать у душетскаго городничаго, онъ думалъ соснуть богатырскимъ сномъ, но негостепріимныя блохи не дали ему покоя всю ночь. Утромъ на другой день вмѣстѣ съ графомъ Ш. отправились въ Тифлисъ, куда и прибыли въ 11-мъ часу ночи.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишеневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разъѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ - - сказалъ мнѣ хозяинъ - - сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда. — Конечно, не бѣда, - - отвѣчалъ я ему, - - напротивъ.» Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны. Зато не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзо-сѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отроду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи, ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину-банщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе банщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку.) Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяной рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! (Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ русской банѣ; знатоки будутъ благодарны за такое нововведеніе.)

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С., издатель «Тифлисскихъ Вѣдомостей», разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и пр. С. любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802 г. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большой образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ пріятенъ: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово; она кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

«Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная, отъ тебя ангелъ, мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

Ты сіяешь лицемъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росою! избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! Отъ тебя ожидаю жизни.»

Грузинцы пьютъ, и не по-нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держатъ въ м а р а н а х ъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ такой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной камени-

стыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, несмотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (Тбилискаларъ) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ.

Содержаніе. Составъ народонаселенія въ Тифлисѣ; не забыты тутъ и молодые титулярные совѣтники, пріѣзжавшіе въ Грузію за чиномъ ассесорскимъ, толико вожделѣннымъ; о нездоровомъ тифлисскомъ климатѣ; леченіи горячекъ меркуріемъ въ ужасающихъ дозахъ; о лихорадкахъ; мутной курской водѣ; дешевизнѣ денегъ въ Тифлисѣ и дороговизнѣ извощиковъ, обѣдѣ въ нѣмецкой колоніи.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Р.; онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля опалена была зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пышными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все-еще былъ душенъ.

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!

Луна сіяла, все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подниматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ

представились новыя горы, новый горизонтъ; надо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой. Человѣкъ мой со вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, поднимались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?-- спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете?— Грибоѣда.» Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

ОТЪ КОБИ ДО ТИФЛИСА.

Отъ станціи Коби только 14 верстъ до Гудаурской станціи, но этотъ путь— высшая точка перевала на военно-грузинской дорогѣ. Это — путь извѣстныхъ кавказскихъ снѣговыхъ заваловъ, ежегодно погребающихъ въ своихъ холодныхъ лавинахъ десятки несчастныхъ жертвъ. Эти 14 верстъ лучше всего проѣхать утромъ, когда солнце не растопило еще снѣга на вершинахъ горъ. Въ противномъ случаѣ, самый ничтожный снѣговой комокъ, отодвинувшись отъ общей массы, рѣдко останавливается на пути, большею же частью отъ постоянно налипающаго снѣга онъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ и съ шумомъ стремится внизъ.

Станція Коби лежитъ между тремя почти отвѣсными стѣнами горъ. Станція устроена такъ же точно въ видѣ маленькаго замка, какъ и всѣ остальныя, чрезъ которыя мы проѣзжали.

Недалеко отъ станціи течетъ Терекъ. На другомъ его берегу устроено небольшое поселеніе, что-то вродѣ деревни, въ которой большею частью живутъ семейные, гарнизонные солдаты. Тутъ же нѣсколько духановъ, т. е. кабаковъ. Всѣ эти постройки расположены на одной небольшой площадкѣ, окруженной съ двухъ сторонъ почти отвѣсными стѣнами горъ. Передъ нами на юго-востокъ узкое, глубокое ущелье, по которому намъ завтра придется

проѣзжать. Нельзя поручиться, что это ущелье не послужитъ и могилой. Вся обстановка, — голыя скалы, снѣгъ да ледъ, — непривлекательна.

На этихъ 14 верстахъ, особенно на первыхъ 10, вездѣ лежалъ глубокій слой снѣга въ 3—4 и болѣе аршина. Въ этомъ толстомъ пластѣ постоянно роется нѣсколько ротъ солдатъ, дѣлая снѣговые корридоры, которые то-и-дѣло засыпаетъ снѣгомъ, — это вѣчная работа Данаидъ. Коридоры эти такъ узки, что по нимъ едва можетъ проѣхать тройка — и горе при встрѣчахъ. Недалеко отъ вершины перевала, переѣхали мы, по каменному мосту, черезъ глубокій оврагъ на другой его бокъ. Но странный мостъ—узкій, со скатами на обѣ стороны и безъ перилъ! На другой сторонѣ оврага ямщикъ объяснилъ намъ, что перила снесло заваломъ, вмѣстѣ съ обозомъ, шедшимъ съ дровами, въ 18 человѣкъ. Все это въ оврагѣ дожидается весеннихъ водъ.

Снѣговой завалъ — это вначалѣ, большею частью, оборвавшійся на вершинѣ горы небольшой комъ снѣга, просто камешекъ или груда земли, но пока этотъ комокъ долетитъ до дна ущелья, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ, а иногда и болѣе тысячи футовъ, по рыхлой поверхности снѣга, онъ все болѣе и болѣе увеличивается въ объемѣ и наконецъ достигаетъ огромныхъ, поражающихъ размѣровъ. Паденіе завала слышно на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Сила паденія ужасна. Бывали случаи, что пѣшеходовъ, сжатымъ воздухомъ, отъ падающей лавины, перебрасывало на другую сторону ущелья, черезъ пропасть, въ нѣсколько сотъ футовъ глубиною и такой же ширины. Намъ разсказывали, что одинъ какой-то переброшенный счастливецъ остался живъ, благодаря мягкой снѣговой постелѣ, въ которую его вгрузило глубоко. Несчастные случаи съ рабочими командами не рѣдкость. Иногда проѣзжающіе ждутъ по нѣскольку дней, пока рабочіе прорѣжутъ дорогу въ осѣвшемъ завалѣ. Бываетъ и такъ, что ямщики отвезутъ проѣзжающихъ, а назадъ вернуться нельзя. Везшій насъ ямщикъ провелъ одну ночь между двухъ спустившихся почти одновременно заваловъ. Пріятная ночь! Почему бы, подумали мы, не устроить на этихъ 14 верстахъ—даже менѣе—хотя деревянную прочную галерею. Дорога лежитъ то по одному, то по другому боку ущелья, и ниже ея глубина ущелья такова, что можетъ вмѣстить весь нагорный снѣгъ. Тогда бы завалы скатывались внизъ черезъ прочную крышу галереи. Это стоило бы нѣсколько десятковъ, быть можетъ и сотню тысячъ, но, не говоря уже о прекращеніи несчастныхъ случаевъ, чуть ли это не было бы дешевле содержанія многочисленной рабочей команды.

Посмотрите на блѣдныя, унылыя лица этихъ несчастныхъ людей. Многіе изъ нихъ носятъ зеленые козырьки или зонтики надъ глазами — солнечный свѣтъ, при постоянной бѣлизнѣ снѣга, убійственно дѣйствуетъ на зрѣніе.

По другую сторону этого ущелья, на пологомъ скатѣ горы, устроена сторожка и колокольчикъ, въ который сторожъ звонитъ, когда замѣтитъ падающій на другой сторонѣ обвалъ. Представьте себя, читатель, на этомъ мѣстѣ въ моментъ стремящейся внизъ снѣговой лавины, быть можетъ, на голову людей. Едвали есть въ Швейцаріи такіе виды.

Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, очутились мы передъ Крестовою го-

рою. Высота ея 8,142 ф. надъ уровнемъ моря. Было около 8 часовъ. Солнце стояло на горизонтальной плоскости и лучи его падали прямо въ лицо; отражаясь съ трехъ сторонъ отъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, они производили ослѣпительный блескъ. Только изрѣдка наплывутъ на васъ облака снѣжнаго тумана, и въ миріадахъ мелкихъ, кристаллическихъ звѣздочекъ тонетъ солнечный свѣтъ. Но посмотрите, какая игра цвѣтовъ: они искрятся, переливаясь съ одного оттѣнка въ другой, то станутъ сплошною, густою массою однороднаго цвѣта, то расплывутся во всѣ оттѣнки радуги, то снова пушистой пеленой стелятся эти облака по горнымъ вершинамъ, и яркій свѣтъ солнца падаетъ прямо на лицо. И снова вокругъ васъ тотъ же ослѣпительный блескъ, и только раздвинувшійся тамъ далеко внизу туманъ покажетъ вамъ черную, бездонную пропасть ущелья.

Впрочемъ, намъ недолго суждено было любоваться всѣмъ этимъ. Прозаическая дѣйствительность вскорѣ предстала предъ нами. Длинная вереница троечниковъ, везшихъ хлопокъ, пресѣкла дорогу — разъѣхаться между двухъ снѣговыхъ стѣнъ нельзя. Мы простояли два часа, пока для нашей повозки вырѣзали въ боку этой стѣны возможное помѣщеніе. Къ намъ подошелъ татаринъ просить на «несчастный случай» — извощики опрокинули на дорогѣ его исхудалаго верблюда.

Передъ нами недалеко Гудаурская станція; тутъ, въ одномъ мѣстѣ, валится не снѣгъ, а гора. Нѣсколько дней предъ тѣмъ завалило, говорили намъ, 7 человѣкъ рабочихъ.

Гудаурская станція чуть-ли не высшая точка перевала — она лежитъ на высотѣ 8,713 фут.

До слѣдующей Милетской станціи всего 15 верстъ, но она ниже Гудаурской на 3,752 ф.; т. е. черезъ каждыя 100 саженъ вы опускаетесь ниже на 7 саженъ.

Самая дорога идетъ зигзагами. Пригорная ея сторона высѣчена большею частью въ скалѣ, боковая сторона опирается на искусственную каменную, нерѣдко въ нѣсколько сотъ футовъ вышиною, стѣну. Ширина дороги — только что можно разъѣхаться съ трудомъ: — это знаменитое Барятинское шоссе, о чемъ свидѣтельствуетъ золотая надпись на доскѣ, вдѣланной въ одномъ мѣстѣ въ скалу.

Однако, спускъ по этому пути, для непривычнаго пассажира, далеко непривлекателенъ. Иногда колесо идетъ на нѣсколько вершковъ отъ края ничѣмъ неогороженной пропасти. Впрочемъ, несчастные случаи здѣсь необыкновенная рѣдкость. Экипажи, ямщики и лошади, великолѣпныя лошади, — все это вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли, но... испугайся лошадь, сломись колесо или дышло, тогда вы можете спастись только чудомъ. Однимъ словомъ, равнодушно проѣхать предыдущую и эту станцію можетъ только тотъ, кто воспиталъ въ себѣ чувство равнодушія къ жизни, кому когда бы ни умереть и какъ бы ни умереть рѣшительно все равно. Если же проѣзжій не принадлежитъ къ этому разряду людей, то еще въ Коби долженъ запастись увѣренностью, что съ нимъ никакого несчастія не можетъ случиться.

Съ Милетской станціи очутились мы въ другомъ климатѣ. Дорога до самаго Тифлиса на протяженіи 120 верстъ пролегаетъ большей частью по ущельямъ, превращающимся иногда въ болѣе широкія равнины, какія мы видѣли не доѣзжая Кавказскаго хребта.

Не менѣе того, въ окружающей насъ природѣ вездѣ замѣтна жизнь: горы покрыты лѣсомъ, на вершинахъ ихъ лежалъ еще снѣгъ, но ниже самые крупные косогоры глинистой почвы вспаханы самымъ тщательнымъ образомъ. Кое-гдѣ подъ лѣсомъ на обрывѣ ущелья виднѣется сакля горца. Но это не та сакля, какую мы видѣли въ горахъ, эта болѣе похожа на человѣческое жилище. Возлѣ нея группируется еще нѣсколько хозяйственныхъ построекъ. Все это виситъ надъ вспаханнымъ полемъ и смотритъ привѣтливо вокругъ.

Еще ниже виноградники и персиковыя деревья, бывшія тогда (начало апрѣля) въ цвѣту. То попадется пахарь, взрывающій съ трудомъ каменистую почву, то цѣлая груда каменьевъ, собранныхъ для того, чтобы очистить крошечный клокъ земли и превратить его въ пашню. Въ иномъ мѣстѣ мимо этого клочка прокопана продольная канавка, въ которую проведенъ нагорный ручей. Этой водой орошается поле.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ проѣхали мы въ-разрѣзъ пласты бѣлаго, какъ мраморъ, плитняка: съ виду это—или бѣлый мраморъ, или алебастръ, скорѣе мраморъ. Толщина этихъ параллельныхъ другъ другу и почти вертикально прорѣзывающихъ ущелье пластовъ различна, отъ 3 вершковъ до 2 и болѣе четвертей. Объемъ залеганій и количество матеріала громадно.

Чѣмъ ближе къ Тифлису, тѣмъ чаще попадается на острыхъ стрѣльчатыхъ острогахъ горныхъ хребтовъ старинныя укрѣпленія.

Станціи построены въ населенныхъ мѣстахъ, имѣющихъ уже сколько-нибудь европейскій характеръ. По этой дорогѣ лежитъ старинный грузинскій городокъ Мцхетъ, бывшая лѣтняя резиденція грузинскихъ царей.

Мцхетъ въ настоящее время нѣчто вродѣ нашихъ небольшихъ торговыхъ мѣстечекъ. Но сѣрый, необтесанный камень въ нештукатурныхъ постройкахъ, самая форма и расположеніе этихъ построекъ сообщаютъ ему непривлекательный видъ.

У Мцхета встрѣтили мы караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ тюками хлопчатой бумаги. По недостатку дорогъ и дорогому продовольствію по существующимъ уже трактамъ, азіатскіе товары нерѣдко отправляются извѣстными изстари тропами черезъ горы, на верблюдахъ. Замѣчателенъ этотъ обозъ—это длинная вереница тихимъ, мѣрнымъ шагомъ идущихъ животныхъ, тихій, однообразный звукъ бубенчиковъ, закутанныя въ черныя, длинныя бурки фигуры проводниковъ—все это, въ темный сумракъ, очень похоже было на торжественную процессію тѣней.

Отъ Мцхета до Тифлиса 20 верстъ. Дорога лежитъ по широкому ущелью Куры. Впрочемъ ширина ущелья не превышаетъ двухъ-трехъ верстъ. Но вотъ что странно: такъ близко отъ города, населеніе котораго превышаетъ 100,000 душъ, равнина эта съ отличною почвою лежитъ пустыремъ. Это что-то не гармонируетъ съ той обработкой едва доступныхъ косогоровъ, ко-

торую мы видѣли передъ тѣмъ. Ужъ не общинная ли это земля! Неужели такъ трудно ту же самую Куру, имѣющую паденіе до 8 фут. на версту, заставить, при помощи колесъ, поднять свои воды для орошенія луговъ и полей этой равнины.

Но вотъ ущелье съуживается, вдали виднѣются куполы церквей, начинаютъ попадаться садики, огороды и постройки—мы въѣзжаемъ въ Тифлисъ.

Представьте себѣ раздвинувшееся вдругъ по обоимъ берегамъ рѣки Куры ущелье. Съ правой стороны Куры внизъ по теченію оно образуетъ дугу, хорда которой вдоль рѣки простирается до 5 верстъ, а самый большой перпендикуляръ къ ней отъ окружности у подошвы горы св. Давида—около 2 верстъ. Лѣвая сторона по рѣкѣ Курѣ сначала возвышенная, плоская равнина, окаймленная высокимъ хребтомъ, мало по малу превращается въ рядъ холмовъ, и около 5 верстъ ниже, гдѣ противоположная сторона ущелья снова загибаетъ свою дугу, холмы эти переходятъ въ покатую на югъ по теченію рѣки равнину. Тифлисъ называютъ котломъ; мы скажемъ, что котелъ этотъ съ неровными краями (потому что восточная часть гораздо ниже западной), весьма помятыми боками и двумя щелями, черезъ которыя течетъ Кура. Въ этой-то котловинѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ расположенъ городъ съ населеніемъ въ 100 тысячъ жителей.

Въѣздъ въ городъ—по правой сторонѣ рѣки. Первая улица, по которой мы ѣдемъ, такъ-называемый Головинскій проспектъ, довольно широка, съ двумя рядами двухъ и трехъ-этажныхъ весьма вычурно разукрашенныхъ домовъ. По бокамъ узенькіе переулки, въ которыхъ могутъ разъѣхаться развѣ верховые. Далѣе, по лѣвой сторонѣ Головинскаго проспекта, городской довольно порядочный, но еще молодой садъ, съ красивыми роскошно ростущими деревьями бѣлой акаціи и фонтаномъ. Съ правой стороны дворецъ намѣстника. Въ концѣ улицы площадь съ громаднѣйшимъ, высокимъ, невзрачнымъ зданіемъ—это караванъ-сарай, гостиный дворъ. Тутъ же внутри театръ.

Отъ этого зданія на западъ вверхъ къ горѣ большая улица, отъ нея нѣсколько меньшихъ поперечныхъ въ оба бока: это самая лучшая по постройкамъ, чистотѣ и воздуху часть города—такъ-называемые Салалаки.

Далѣе, на югъ и востокъ отъ караванъ-сарая начинается азіатская часть города съ невообразимо-узкими, грязными, вонючими переулками. Тутъ нагромождены домикъ на домикъ и лавочка на лавочку. И все это завалено зеленью, табакомъ, бараниной, старымъ тряпьемъ, оружіемъ, чѣмъ-то вродѣ блиновъ, тутъ же приготовляемыхъ на горячихъ угольяхъ. Однимъ словомъ всякая всячина, какая только можетъ входить въ бытъ азіатца. Народъ въ буквальномъ смыслѣ кишитъ. Одинъ на эшакѣ—родъ осла—везетъ два кулька древеснаго угля, другой на лошади—два кожаные мѣха воды, третій успѣлъ забраться въ эту тѣсноту на двух-колесной арбѣ, нагруженной вздутою бычачьей кожей, наполненной кахетинскимъ виномъ. Это извѣстный кавказскій бурдюкъ. Такіе бурдюки меньшихъ размѣровъ, бараньи, то-и-дѣло попадаются, ножками вверхъ, на крышахъ домовъ.

Проѣзжаете дальше. На пути старый караванъ-сарай, вродѣ темныхъ ря-

довъ въ московскихъ ножовыхъ линіяхъ; только здѣсь болѣе высоко и болѣе темно. Тутъ продаются сукна и красный товаръ. Тутъ же, сейчасъ за этимъ караванъ-сараемъ, небольшая площадка вродѣ московскаго толкучаго рынка, но грязь и вонь превосходятъ всякое воображеніе. Едва переводя духъ и подогнавъ извозчика, мы выбрались на болѣе просторную, но весьма плохо застроенную улицу, Воронцовскій проспектъ. На обратномъ пути мы повернули къ западу въ ущелье горы, гдѣ расположенъ небольшой, небогатый, но весьма красивый ботаническій садъ, живое доказательство, чѣмъ могъ бы быть Тифлисъ при болѣе практическомъ расположеніи. Воды, проведенной изъ дальняго ручья, больше чѣмъ нужно. Растительность богата. Поднимаясь по одной дорожкѣ, мы взошли на вершину скалы, выдвинувшейся длиннымъ, узкимъ вродѣ стрѣлки хребтомъ съ двухъ ущелій.

На самомъ гребнѣ этой скалы до сихъ поръ уцѣлѣли остатки зàмка грузинскихъ царей—небольшая круглая башня, въ другомъ мѣстѣ двѣ-три комнаты. Мы охотно допускаемъ, что время истребило остальныя постройки, потому что въ тѣхъ, которыя остаются еще, теперь было бы тѣсно. Красива панорама Тифлиса съ этой горы. Повернувшись лицомъ на сѣверъ, вы видите весь совершенно передъ вами открытый городъ. Площади, улицы, строенія—все это собирается въ одну общую массу съ какимъ-то сѣрымъ оттѣнкомъ. Рѣзче другихъ выдаются отдѣльныя группы зелени въ ущельи, что повыше Салалакъ. Въ горѣ, составляющей западную дугу Тифлиса, на высотѣ 1,940 футовъ, т. е. на 700 почти фут. выше города, церковь св. Давида. За городомъ на сѣверъ виднѣется небольшая кучка зелени—это загородный садъ Муштаидъ. На юго-востокъ по другой сторонѣ рѣки видны большія красивыя зданія военныхъ госпиталей. Жаль, что весь Тифлисъ не на этихъ холмахъ — правда, что теперь тамъ нѣтъ воды, но по линіи этихъ холмовъ течетъ на 20 верстъ вверхъ Кура и на 80 слишкомъ верстъ Арагва. Паденіе той и другой таково, что немного верстъ надо подняться, чтобы провести цѣлую рѣку черезъ эти холмы.

Съ этого мѣста наблюденія можно прямо спуститься, съ большимъ впрочемъ трудомъ, въ Салалаки, но мы не рискнули и предпочли вернуться старымъ путемъ.

Проѣхавъ поперегъ татарскую часть города, мимо старой мечети черезъ узенькій мостъ, мы очутились на другой сторонѣ Куры.

Здѣсь также караванъ-сарай, да еще съ номерами: вѣроятно это первый прототипъ построекъ этого рода въ Тифлисѣ. Изъ всего предыдущаго читатель можетъ заключить, чтò это за постройка.

Далѣе, поѣхали мы по длинной улицѣ, пролегающей подъ обрывистою горою. Съ обоихъ боковъ этой улицы черные, каменные или изъ плоскаго кирпича, сложенные на обычномъ кавказскомъ цементѣ—на глинѣ, небольшіе домики. Правая линія этихъ домиковъ задними стѣнами вошла въ гору, только фасады ихъ смотрятъ на улицу. Фасады лѣвой линіи большею частью обращены къ рѣкѣ, а крыши въ уровень съ полотномъ улицы. Кое-гдѣ на берегу рѣки работаютъ маленькія пловучія мельницы—и все это тянется нѣ-

сколько верстъ до другого каменнаго, весьма красиваго моста черезъ Куру, называемаго Воронцовскимъ.

Тутъ же поставленъ довольно изящный памятникъ Воронцову. Мы въ части города, называемой Куки.

Далѣе, по тому же направленію начинаются обыкновенные порядочные дома; особенно выдѣляется оригинальностью архитектуры домъ татарскаго благороднаго собранія или клуба. Еще дальше начинается знаменитая нѣмецкая слобода. Это—деревянные чистенькіе домики въ одинъ и два этажа, съ прилично содержимыми дворами и маленькими садиками — лѣтнія дачи для менѣе богатыхъ жителей Тифлиса.

Владѣльцы этихъ домиковъ, нѣмцы, около 30-ти лѣтъ какъ поселились въ Тифлисѣ. Въ настоящее время они не тѣ колонисты, которыхъ мы привыкли представлять себѣ въ видѣ рачительныхъ фермеровъ, у которыхъ хлѣба и скота вволю, а молочныхъ скоповъ и дѣвать некуда. Нѣтъ, эти отдаютъ свои дома и садики въ наймы и занимаются разными сподручными промыслами. Хозяйство, въ смыслѣ подгороднаго фермерства, для нихъ второе, а то и вовсе посторонняя статья. Это понятно. Въ Тифлисѣ европейскаго дѣятельнаго населенія мало, а необходимость этой дѣятельности огромная. Туземцы не понимаютъ этихъ потребностей и не въ состояніи удовлетворить имъ.

Еще съ версту за нѣмецкую колонію, городской общественный садъ— Муштаидъ, небольшой вишневый садикъ вродѣ курскихъ или черниговскихъ помѣщичьихъ садиковъ средней руки. Только два деревянныя строенія, изъ которыхъ одно, вокзалъ съ весьма изящно убранной одной или двумя комнатами, напоминаютъ вамъ, что вы въ городскомъ саду.

За Муштаидомъ большое поле-бѣгъ. Дальше, засѣянныя хлѣбомъ небольшія поля.

Вотъ въ общемъ очеркѣ весь Тифлисъ съ его главными улицами и частями. Въ переулки заглядывать не будемъ—неудобно, узко, грязно и нездорово.

Климатъ Тифлиса имѣетъ свои характеристическія особенности. Но въ общемъ итогѣ это жаркій климатъ, и только въ ноябрѣ и декабрѣ бываетъ нѣсколько градусовъ мороза. На крещеніе нерѣдко жители Тифлиса жалуются на жару. Въ февралѣ миндальныя деревья цвѣтутъ. Мартъ, апрѣль, начало мая умѣренные, но съ половины мая— іюнь, іюль и августъ—невыносимо жарко, особенно для непривычныхъ пріѣзжихъ.

Туземцы въ то время прячутся въ свои, въ землѣ устроенные дома или, вѣрнѣе, погреба. Заѣзжіе люди со средствами уѣзжаютъ по дачамъ въ горы на высоту 4—5 тысячъ фут.—въ Каджоры, на Бѣлый ключъ, въ Боржомъ, словомъ, куда кто можетъ; менѣе состоятельные въ нѣмецкую колонію или куда ни попало, а то иной день въ городѣ дышать нечѣмъ. И неудивительно: между 42 и 41 градусами сѣверной широты, окруженный высокими раскаляющимися отъ солнца горами, безъ свободнаго доступа воздуха, Тифлисъ дѣйствительно котелъ, только нагрѣваемый сверху, и въ немъ можно задохнуться.

Ктому-же самое многочисленное населеніе Тифлиса — азіатское. Занимаетъ оно по всему протяженію города густою сплошною массою жилыхъ построекъ оба берега Куры. Образъ жизни этого населенія, чистота жилищъ и вообще опрятность—извѣстны.

Другая, не менѣе замѣчательная особенность Тифлиса въ гигіеническомъ отношеніи—это сухость воздуха.

Вода употребляется изъ Куры—ее доставляютъ по домамъ въ кожаныхъ мѣшкахъ, навьюченныхъ по два на лошадь. Этотъ способъ перевозки тяжести обусловливается необыкновенно узкими и взрытыми переулками, по которымъ едва можетъ пройти пѣшеходъ. Доставкою воды занимается особая корпорація водовозовъ, считающихъ себя посвященными на это дѣло. И нерѣдко горе бывало русскому бородатому кучеру, когда онъ въ своей классической красной рубахѣ и поддёвкѣ, съ бочкою на дрогахъ, явится на берегъ за водою.

Теперь столкновенія эти рѣже.

Провизія въ Тифлисѣ привозная издалека, поэтому все дорого и рѣдко бываетъ свѣжее.

Итакъ, климатъ жаркій, воздухъ спертый, воды мало и то съ загрязняемой ежедневно рѣки, провизія дорогая и не особенно свѣжая. Вотъ тѣ гигіеническія условія, которыми обставлены жители Тифлиса.

ГРУЗИНЫ.

Сакля. — Рожденіе. — Крещеніе. — Свадьба. — Монастырь св. Давида и Алавердскій храмъ.

Жизнь грузина представляетъ много любопытнаго для наблюдателя, привыкшаго къ общему европейскому строю жизни. По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали онѣ кажутся неправильною насыпью, грудою развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи напротивъ того всѣ тонутъ въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ собственно ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли. Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, «нарушитъ ли онъ удобство другихъ или займетъ дорогу.» Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ. Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падаль валяются на глазахъ всѣхъ и своимъ разложеніемъ заражаютъ воздухъ.

Посреди плоскихъ крышъ домовъ возвышаются конусообразныя насыпи, съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ

на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, — необходимыя пристройки къ дому.

Хата (сакля) простолюдина — первобытной постройки. Она строится изъ плетня, съ двумя отдѣленіями, одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша зданія и стѣны приходятся въ уровень съ землею. Его окружаютъ приземистый колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ дарбази—главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ, служащій опорою всему дому. Пріемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточивается въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ дарбази же разводится огонь или устраивается небольшой очагъ,—углубленіе, выложенное камнемъ,—служащій для приготовленія пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки, съ симметрически разставленною посудою.

Посуда состоитъ изъ азарпеши—небольшой серебряной чашечки съ тонкою продолговатою ручкою; кулы—кувшина, съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланнымъ изъ орѣховаго наплыва, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула— сосуды, изъ которыхъ по преимуществу пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, зато скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ—это турій рогъ, часто оправленный въ серебро; въ немъ помѣщается до полтунги вина (въ тунгѣ около 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натуральнаго цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противоположной входу стѣнѣ сакли устроена большая нишь, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкія, но низкія тахты (родъ дивана), сколоченныя изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною мутакою (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожею, кидобани (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшены военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготовляется въ самой саклѣ, въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома. Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его

даетъ тусклый мерцающій свѣтъ и вмѣстѣ съ пламенемъ костра составляетъ все освѣщеніе сакли, застланной дымомъ горящаго костра.

Вокругъ очага сидятъ дѣти съ раскраснѣвшимися пылающими щеками. Скинувъ съ себя обувь и развалившись на тахтѣ, разговариваютъ хозяева громко и торжественно. Снявъ головной уборъ и накрывшись платкомъ, сидитъ мать семейства, у деревянной рѣзной колыбели и погремушками забавляетъ дитя или тихою пѣснью убаюкиваетъ его. Ребенокъ не слушается, капризничаетъ. Мать стращаетъ его чудовищемъ. Простой народъ вѣритъ въ существованіе булы—страшилища, которое, имѣя огромный ротъ и предлинный языкъ, хватаетъ ребенка, бросаетъ его въ глотку и пожираетъ. По увѣренію и понятію многихъ, була ходитъ по ночамъ около дворовъ и уноситъ попадающихся ему дѣтей. Угрозы матери не дѣйствуютъ, ребенокъ кричитъ и капризничаетъ попрежнему. Какъ унять плачъ неугомоннаго? Остается привѣсить къ его колыбели ослиное копыто, или дать ему сокъ подорожника, разведенный въ молокѣ матери. Средство это испытанное, и ребенокъ навѣрно перестанетъ плакать и кричать.

Одного убаюкали, другіе просятъ ужинать. Накормивши всѣхъ, хозяйка застилаетъ постели, подкладываетъ подъ подушки деревянную подставку, и все семейство ложится. Ложится спать и она.

Передъ сномъ почти каждая грузинка читаетъ особую молитву. «Лягу, засну,—произноситъ она,—осѣнюсь крестнымъ знаменіемъ. Девять иконъ, девять ангеловъ осѣнятъ мои ноги и голову. Милуетъ меня крестъ и на немъ распятый, и потому не можетъ вредить мнѣ искуситель.»

Глубокая полночь. Все семейство давно уже спитъ; въ саклѣ тихо,—тихо и кругомъ. Чей-то стукъ въ двери нарушаетъ окружающую тишину; то стучится посланный отъ сосѣда или родственника.

— Что такое?-- спрашиваютъ проснувшіеся хозяева.

— У барыни заболѣлъ животъ (калбатона муцели сткова),-- отвѣчаетъ посланный.

Не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распросовъ, вѣстникъ спѣшитъ къ другимъ саклямъ, гдѣ живутъ еще родственники или знакомые пославшаго его господина. Разбуженные хозяева также не задерживаютъ посланнаго, не спрашиваютъ его о причинѣ такой болѣзни, ибо всѣмъ извѣстно, что, по обычаю, онъ присланъ отъ мужа женщины, которая чувствуетъ приближеніе родовъ. Хозяйка тотчасъ же одѣвается и отправляется къ родильницѣ,—это необходимо исполнить по принятому обыкновенію. Мало по малу со всѣхъ концовъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что при родахъ нечистая сила въ образѣ змія старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего Али, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Несмотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату жены,

около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Попеченію бабки поручается главнымъ образомъ больная. Чтобы облегчить страданія больной—еслибы таковыя случились—бабка запасается на всякій случай, если она опытная и бывалая, разными снадобьями. Въ пузырькѣ у нея есть, напримѣръ, желчь отъ ежа, которую, по повѣрью народа, необходимо развести въ водѣ и дать выпить больной, у которой, по несчастію, умретъ ребенокъ въ утробѣ. Средство это вѣрное и испытанное: оно облегчитъ роды.

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотня гостей вмѣстѣ со стономъ больной наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличія и зоветъ мужа.

— Смотрите,- -говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ,- -смотрите, какая грѣховодница, умираетъ, а все-таки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ...

Насмѣшка и колкости дѣлаютъ то, что мучащаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери, и будущій отецъ по всѣмъ признакамъ увѣренъ, что новорожденный будетъ мужескаго пола. Признаки эти хорошо сохранились въ его памяти. Для провѣрки ихъ онъ можетъ развернуть рукописную книгу, извѣстную у грузинъ подъ именемъ Карабадима—нѣчто вродѣ народнаго лечебника. Но вотъ уже слышится крикъ новорожденнаго.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще большій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца—съ солнцемъ. Больной желаютъ здравія, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшивается со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату....

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь. Отцу не возвѣщаютъ тогда о рожденіи ребенка, и онъ, догадавшись о такой невзгодѣ, сердится на жену, и, если у него родилось нѣсколько дочерей сряду, то огорчается не на шутку.

Рожденіе сына, и въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей. Тотчасъ же дается праздникъ дзеоба, т. е. рожденіе сына. Выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи на свѣтъ младенца мужескаго пола. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить родныхъ и знакомыхъ съ пріятною новостью и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ самахараобло, деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіе цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные, знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи. Въ защиту матери и младенца отъ всякихъ покушеній Али принимаются мѣры.

Молитва отъ Али прочитана, остается оградить младенца и родильницу отъ всякой другой нечистой силы въ образѣ змія. Для этого учреждается ночная стража (гамисъ-тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы,

такъ какъ дознано опытомъ, что «новорожденный и мать только пятнадцать дней бываютъ въ опасности отъ змія».

Пятнадцати-дневный срокъ назначается для стражи при рожденіи только первенца; затѣмъ, при рожденіи слѣдующихъ дѣтей, срокъ для стражи уменьшается послѣдовательно на одинъ день.

Находящіеся на гамисъ-тева размѣщаются на балконахъ, крышахъ или въ комнатѣ больной. Число ихъ бываетъ различно, смотря по состоянію и значенію отца новорожденнаго; иногда число это доходитъ до ста человѣкъ. Въ караулѣ этомъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Они занимаются пляскою и пѣніемъ, а главное стрѣляніемъ изъ ружей, чтобы напугать нечистую силу и при случаѣ ранить или убить змія.

Подъ утро для всѣхъ караульныхъ устраивается ужинъ, который извѣстенъ подъ именемъ сирисъ куди (хвостъ ужина, т. е. остатки послѣ ужина—закуска). Названіе это присвоено потому, что сирисъ куди бываетъ послѣ семейнаго ужина и состоитъ только изъ одних сластей.

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто къ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ или же выражающее какое-либо качество, напримѣръ: Асланъ, Парсаданъ, Вардисахаръ (розоподобная) и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи существовало обыкновеніе новорожденнаго мальчика обсыпать солью съ головы до ногъ. Увѣряютъ, что отъ такого дѣйствія младенецъ выйдетъ человѣкомъ крѣпкимъ, могучимъ и въ состояніи будетъ безъ всякаго опасенія перенести всѣ житейскія бури. У грузинъ соль—эмблема твердости, вкуса и изобилія во всемъ.

Въ колыбель младенца кладутъ иногда собачій зубъ, потому что, по народному повѣрью, онъ ускоряетъ прорѣзываніе и рощеніе зубовъ младенца.

Мальчикъ растетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на осьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для изученія рукодѣлій и грамоты. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылавшихся прежде собирать хорошенькихъ дѣвицъ въ гаремъ шаха.

Вѣроятно, та же самая причина заставила грузинъ обручать дочь чуть-ли не со дня ея рожденія, въ самой колыбели. По уложенію царя Вахтанга, дѣвочка, достигшая 12-ти лѣтъ, считалась совершеннолѣтнею и могла выйти замужъ.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ или духовныхъ лицъ, или же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непремѣнно одну или двѣ азарпеши, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали впрочемъ появляться сіа—списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой сіа, въ которомъ значится напримѣръ:

Личаковъ тюлевыхъ, атласныхъ и блондовыхъ на . .	100 р.
Тавсакрави разныхъ сортовъ	50 »
Сумублей.	25 »
Сурмы	5 »
Чхирей разныхъ сортовъ	3 »

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю, или другого родственника, посылаетъ своей невѣстѣ хелисъ-дасадеби—сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, и отецъ, передавая его дочери, въ знакъ обрученія, говоритъ, что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ и что она выходитъ замужъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ сговора, назначается пирис-нахва, т. е. день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотрѣть лицо невѣсты. Хороша ли она или дурна, онъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нея, не заплативъ пени. Женихъ послѣ посѣщенія невѣсты признается роднымъ, и въ честь ея дается ертаджала—обѣдъ жениха съ невѣстою, на которомъ онъ имѣетъ полное право нетолько смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій по преимуществу изъ платка и чётокъ. Приготовленіе къ свадьбѣ лежитъ на обязанности жениха, который, въ свою очередь, поручаетъ позаботиться о томъ шаферу (меджваре или натлія), пользующемуся у грузинъ большимъ уваженіемъ. Меджваре бываетъ обыкновенно кто-нибудь изъ почетныхъ родныхъ и впослѣдствіи креститъ дѣтей.

Наканунѣ свадьбы, шаферъ собираетъ молодыхъ людей (макари) и вмѣстѣ съ ними ведетъ жениха въ баню.

Невѣста обязана исполнить тоже самое. Баня для грузинъ—это истинное удовольствіе. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ. Въ назначенный для свадьбы день женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты сакорцило—съѣстное, состоящее по преимуществу изъ коровъ, овецъ и свиней. Тамъ собраны родственники и знакомые, въ домѣ все убрано по-возможности. Въ особой комнатѣ мдаде женщина убираетъ невѣсту. Материнскія наставленія не оставляютъ дочь ни на минуту. Ей разсказываютъ такія вещи, о существованіи которыхъ она и не подозрѣвала. Ей убираютъ голову и читаютъ наставленія.

— Не осрами меня--говорятъ ей--предъ своими и чужими. Веди себя такъ, какъ слѣдуетъ примѣрной царицѣ; не поднимай глаза вверхъ, не смотри ни на кого и не оглядывайся по сторонамъ,—что я говорю, по сторонамъ! старайся не моргать даже глазами; губы должны быть закрыты и самое дыханіе не слышно.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ сазандара (пѣвецъ), который долженъ непремѣнно присутствовать на каждой свадьбѣ. Между тѣмъ къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина, онъ ждетъ кого-то.

Подъѣхавъ къ дому невѣсты, всадникъ производитъ выстрѣлъ и въѣзжаетъ

на дворъ. (Это одинъ изъ поѣзжанъ.) Онъ молодъ и щеголевато одѣтъ. Простая баранья шапка его, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на таліи снуркомъ съ кисточками, и, по привычкѣ, общей всѣмъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣта чёха, «которой рукавовъ мужикъ никогда не закидываетъ на плечи». Икры его, всегда обтянутыя кожаными онучами—для свадьбы обтянуты вязаными шелковыми; въ нихъ запущены «концы исподень, которые у щиколки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ». Обыкновенно употребляемые шкуровые лапти замѣнены теперь сапогами изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. На немъ надѣта мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, «съ перевязью изъ полушелковаго платка на груди».

Грузинъ вообще неопрятенъ; впродолженіе многихъ лѣтъ носитъ двѣ рубашки и не охотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда самъ женится, бываетъ на свадьбѣ, праздникѣ и т. п. Чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, грузинскій простолюдинъ говоритъ живо и свободно. Онъ чрезвычайно добродушенъ, гостепріименъ, благороденъ, балагуръ и вообще веселаго нрава.

Одного изъ такихъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Онъ принимаетъ названіе махаробели, вѣщатель радости.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ),- -говоритъ онъ.- -Я благовѣстникъ, радователь дома. Ѣлъ я ягоды, подвяжите мнѣ плечо.

— Побѣда тебѣ! побѣда!- -отвѣчаютъ присутствующіе;- -да будетъ добра твоя вѣсть.

Къ нему подходитъ слуга, стоявшій у воротъ, подвязываетъ къ плечу свѣтло-красный кусокъ ткани изъ шелковой матеріи и подноситъ азарпешу съ виномъ. Осушивъ разъ, другой и третій, махаробели затыкаетъ ее за воротникъ, какъ полученный по обычаю подарокъ. Посланнаго ведутъ въ саклю, гдѣ встрѣчаютъ глиняною чашкою, наполненною виномъ. Опорожнивъ ее залпомъ, онъ, со всего розмаха, бросаетъ въ потолокъ и разбиваетъ въ дребезги.

— Вотъ такъ разсыпятся всѣ враги твои,- -говоритъ онъ хозяину.

— Да будетъ слухъ и вниманіе!- -обращается затѣмъ махаробели ко всѣмъ присутствующимъ.- -Сейчасъ долженъ пожаловать сюда царь со свитою. Я его передовой и объявляю вамъ объ этомъ. А что, дедуфали (царица—невѣста) готова?

— Царица давно наряжена,- -отвѣчаютъ ему,- -но она поступитъ въ распоряженіе мепе (жениха) не иначе, какъ послѣ щедраго вознагражденія ея.

— За всѣмъ этимъ,--говоритъ махаробели,--дѣла не станетъ, мать моя, клянусь въ томъ твоимъ солнцемъ; нашъ мепе богатъ и такъ щедръ, какъ никто.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ),--слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ—людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ, которые любятъ кутнуть на-славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тесть и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха. Отправляются въ церковь. Женихъ подаетъ невѣстѣ одинъ конецъ платка, а самъ держитъ другой и въ такомъ положеніи идутъ до самой церкви. Шаферъ, скрестивъ сабли надъ дверями церкви, пропускаетъ новобрачныхъ въ храмъ и подводитъ жениха съ невѣстою къ налою. Передъ ними на полу постланъ кусокъ шелковой матеріи (піандазы), которая отдается потомъ священнику. Поверхъ нея кладутъ сабли, на которыя становятся новобрачные,—и кто первый наступитъ на саблю, тотъ изъ нихъ будетъ властвовать въ будущемъ семействѣ.

Во время самаго бракосочетанія публика, слѣдя за новобрачными, рѣшаетъ вопросъ, кто изъ молодыхъ дольше проживетъ. На это есть особыя правила и примѣты —

«Разочти по пальцамъ буквы, изъ которыхъ состоятъ имена ихъ (вѣнчающихся), и потомъ считай порознь, приговаривая: Адамъ, Ева и т. д. Если по числу буквъ послѣднимъ выйдетъ имя Адама, то мужу суждено умереть прежде жены, и наоборотъ.»

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ нѣсколькими поцалуями молодыхъ и наротомъ (узы супружества)—бумажнымъ снуркомъ, которымъ священникъ, при послѣднихъ словахъ обряда, связываетъ руки новобрачныхъ, съ приложеніемъ церковной печати изъ воска съ изображеніемъ на немъ креста.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ.

Впереди молодыхъ идутъ макреби и дѣлаютъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ надъ дверями.

— Царь и царица идутъ,--провозглашаютъ они.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ молодыхъ одна изъ родственницъ и даетъ имъ откусить немного сахару, съ пожеланіемъ прожить и состарѣться такъ же сладко, какъ сахаръ. Отсюда ведутъ ихъ по разостланному піандазу къ тахтѣ или трону. Мѣсто, гдѣ должны сѣсть молодые, занято мальчикомъ, который лежитъ въ растяжку, заложивъ за спину руки, и ожидаетъ выкупа за мѣсто. Несмотря на просьбы, брань и даже удары плетью, онъ не оставляетъ мѣста, пока ему не дадутъ нѣсколько денегъ и яблокъ — таковъ обычай. Молодые

заняли мѣсто. Возлѣ нихъ, рядомъ съ невѣстою, помѣстилась старуха, обязанная, втеченіе цѣлаго вечера, поправлять головное покрывало молодой, то платокъ ея, то платье, хотя бы они были и въ отличномъ порядкѣ. Старуха нашептываетъ ей на ухо различныя наставленія, необходимыя для будущаго ея поведенія. На молодыхъ надѣты вѣнцы, сдѣланные изъ разноцвѣтной мишуры «въ видѣ кружка, надѣваемаго на голову, съ крестомъ впереди и четырьмя кистями, опускающимися до плечъ.» Вѣнцы эти молодые носятъ по обычаю втеченіе трехъ дней.

Начинаются подарки молодымъ, танцы. Молодые танцуютъ лезгинку первые. Пиръ открытъ. Грузинъ любитъ компанію. Когда онъ одинъ, ему немного нужно: сухой хлѣбъ, зелень и сыръ—вотъ и все! Но въ большіе праздники, свадьбы и т. п., онъ не жалѣетъ коровы, нѣсколькихъ барановъ, открываетъ непочатый кувшинъ вина, можетъ быть, въ 200 ведеръ.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и затѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ, ѣдятъ и пьютъ, поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чёхи закинуты за плеча. Передъ обѣдающими растянута супра (скатерть) преимущественно синяго цвѣта, съ разными фигурами, не отличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: астрагонъ, крессъ-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или леваши — тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. На левашахъ разложенъ сыръ, балыкъ, икра и храмуля (рыба изъ р. Храма). Тамъ и сямъ видны ароматическіе цвѣты и травы, услаждающіе обоняніе грузина. Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюдо; три пальца замѣняютъ вилки, а ножъ у него неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ кинжала.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ и, по обычаю, проливаетъ приэтомъ каплю вина на полъ.

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко.

На шумныхъ грузинскихъ свадьбахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и случается кутятъ на славу. Веселая компанія разгулялась, пиръ въ полномъ разгарѣ...

— Толубаша! - -кричатъ нѣсколько голосовъ.

Начинается выборъ толубаша — главы пира и блюстителя его законовъ. Толубашъ единогласно избранъ. Онъ одѣтъ въ широкіе шелковые шальвары, въ щегольскую чёху, рукава которой закинуты за плеча; шея голая во всякую погоду. На немъ высокая папаха, ухорски заломленная на бекрень; носки сапоговъ загнуты крючкомъ кверху. Походка его медленная; движенія исполнены сознанія своего превосходства. Толубашъ долженъ быть веселъ, безпеченъ, говорливъ и остроуменъ. Кто не выросъ въ маранахъ (винныя давильни и хранилища этого напитка), тотъ лучше не суйся въ то-

лубаши. Этого званія достигають только тѣ, которые могутъ единовременно помѣстить огромное количество вина въ своемъ желудкѣ,—тѣ, которые подчуютъ гостей виномъ изъ стакана, а сами пьютъ изъ бутылки. Онъ пользуется деспотическою властью надъ пирующими; каждый его тостъ — законъ для всѣхъ остальныхъ; всѣ его требованія должны исполняться безпрекословно. Онъ прикажетъ разстегнуть гулисъ-пири — косой воротъ рубашки — и раскрыть грудь; всѣ исполнятъ его приказаніе.

— Ѣшь! - - кричитъ онъ, разорвавъ руками курицу и бросая кусокъ ея сосѣду.

— Пей! - - говоритъ онъ другому, - - пей, говорю, а нето вылью этотъ рогъ тебѣ на голову, - - и дѣйствительно выльетъ, несмотря на то, что рогъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ иногда полтунги и нѣтъ никакой возможности его выпить.

Впрочемъ, кто не въ силахъ выпить поднесеннаго ему вина, обязанъ, по обычаю, вылить остальное черезъ голову. Не исполнившій же этого подвергается штрафу, обязывающему докончить недопитое и выпить еще столько же, хотя бы провинившійся оплошалъ и, клонясь къ землѣ, пришелъ «въ положеніе надутыхъ бурдюковъ».

— Покойся, милый другъ!- - говоритъ такому толубашъ, - - смерть есть начало безсмертія.- - Вообще, во время кутежа, грузины стараются угодить другъ другу и подѣлиться, если не со всѣми, то съ сосѣдомъ, каждымъ лакомымъ кусочкомъ.

— Если только травой можно спастись, то эшаки (ослы) первые вбѣгутъ въ рай, - - говоритъ толубашъ, когда замѣтитъ, что кто-нибудь изъ гостей ѣстъ только одну зелень.

— Пейте лѣтомъ больше, чѣмъ зимой, - - совѣтуетъ онъ присутствующимъ, - - для того, чтобы внутренній жаръ равнялся внѣшнему; тогда только человѣкъ можетъ избѣжать болѣзней, свирѣпствующихъ здѣсь обыкновенно въ жаркую погоду.

Слова толубаша не дѣйствуютъ, гости пьютъ мало, — онъ начинаетъ сердиться.

— Господа, - - кричитъ онъ, - - вы обижаете хозяина! Плюйте ему въ кувшины, если не нравится вамъ его вино. Вы выходите изъ повиновенія. Если вы избрали меня въ толубаши, то предоставьте пользоваться моими законными правами или умертвите меня какъ измѣнника — вотъ вамъ кинжалъ!

Обнаживъ кинжалъ, онъ подаетъ его гостямъ.

— Солнце равно свѣтитъ, - - продолжаетъ онъ, - - и на умныхъ и на дураковъ, поэтому и мы должны равно пить. Стыдитесь, господа! не кровь, а молоко течетъ въ вашихъ жилахъ. Пусть скажетъ каждый: робѣлъ ли кто при видѣ непріятеля? Или вы кувшины съ виномъ приняли за вражье войско? Пейте, господа, спасайте божій даръ отъ порчи. Не для того вино дано человѣку, чтобы обращать его въ уксусъ... Я знаю ваше доброе сердце; вамъ трудно будетъ отказать моей убѣдительной просьбѣ...

И гости пьютъ за здоровье другъ друга.

— Алла-верды (Богъ далъ), - - говоритъ грузинъ сосѣду, поднося къ губамъ азарпешу.

— Яхши-іолъ (добрый путь — на здоровье), — отвѣчаетъ тотъ, дѣлая тоже самое.

Изъ дома невѣсты пирующіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чепракомъ лошади или на убранной и устланной коврами арбѣ. Сопровождающіе ихъ гости всю дорогу поютъ пѣсни.

Въ домѣ жениха свекровь встрѣчаетъ молодую также съ сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ дарбази — главную комнату. Ее обводятъ кругомъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣни невѣсты сажаютъ мальчика, — чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи...

Три дня продолжается пиръ послѣ свадьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ пирисъ-санахави — подарокъ за смотръ лица.

Празднованіе свадьбы — окончено. Казалось бы, молодымъ предстоитъ впереди веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя замужъ и вступивъ въ новую, чуждую семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина выноситъ не одну укоризну отъ дедаштили (свекрови).

Безплодная женщина нетолько не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простаго народа, подвергается многимъ и важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все время мужъ отвѣчаетъ за свою жену, которая объясняется пантомимами.

Неудивительно послѣ этого, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Безплодная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь Св. Давида, гдѣ есть ручей, имѣющій, по преданію, силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. Монастырь этотъ находится подлѣ самаго Тифлиса.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (святая гора). Среди горы стоитъ монастырь Св. Давида *), высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

---

*) Нелишнимъ считаемъ присовокупить: при этомъ монастырѣ есть гротъ, въ которомъ погребенъ А. С. Грибоѣдовъ. Гротъ сдѣланъ изъ алгетскаго камня. Въ срединѣ его четыре-угольный пьедесталъ изъ чернаго мрамора и на немъ изъ литой бронзы фигура плачущей женщины, которая припала къ кресту, символу скорби и утѣшенія, и

Преданіе разсказываетъ, что св. Давидъ, одинъ изъ 13-ти сирійскихъ отцовъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мтацминдской.

То же преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку отъ горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ виновникъ ея беременности.

Св. Давида потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ, онъ ли отецъ зачатаго ребенка? Изъ утробы матери послышался голосъ, называвшій имя обольстителя дѣвушки. Несчастная внезапно почувствовала тяжкія мученія и, по молитвамъ святаго, родила вмѣсто ребенка камень.

Камень этотъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ квашветской церкви, получившей отъ него и свое названіе (ква — камень, шва — родила). Въ награду за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытія на горѣ источника живой воды, которая бы имѣла силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. На западномъ углу, близъ монастыря, гдѣ гора снова поднимается отвѣсною скалою, выходитъ изъ нея источникъ чистой ключевой воды и «неумолкаемою струею падаетъ въ устроенный въ землѣ бассейнъ». Сверхъ обыкновеннаго четверга, — дня, еженедѣльно посвящаемаго св. Давиду, — въ семикъ, т. е. въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, бываетъ въ монастырѣ особенно большое стеченіе народа. Толпы туземцевъ отовсюду спѣшатъ въ монастырь.

Приложившись къ иконѣ, каждая грузинка обходитъ три раза церковь, обвивая (иногда) ее кругомъ бумажною ниткою. Смыслъ этого обряда нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что у грузинъ обходить кругомъ кого-нибудь значитъ выражать тому безграничную преданность и любовь. Лаская нѣжно любимаго ребенка, грузинка говоритъ ему: «обойду кругомъ твою голову» (тавъ шемогевлеби).

Сѣверная стѣна храма, куда спѣшатъ женщины послѣ усердной молитвы, вся усѣяна мелкими камешками, довольно крѣпко приставшими къ ней. Почти каждая грузинка — одна явно, другая украдкою, съ сильно бьющимся сердцемъ — прикладываетъ къ стѣнѣ не большіе голыши, въ значительномъ количествѣ разсыпанные на землѣ. Приставшій къ стѣнѣ камешекъ или слышанный во время молитвы въ горѣ шорохъ означаетъ исполненіе желанія, угодность молитвы и особенно сулитъ: дѣвушкѣ — жениха, а замужней женщинѣ — ребенка. Несчастныя матери, у которыхъ умираютъ дѣти, также прибѣгаютъ къ заступничеству святаго: служатъ молебны и обѣщаютъ посвятить

держитъ его обѣими руками. На пьедесталѣ портретъ усопшаго и надпись золотыми буквами: Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 1795 г. января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 г. января 30 дня. Съ сѣверной боковой стороны другая надпись: Незабвенному его Нина, а на южной сторонѣ пьедестала: умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?

новорожденнаго святому на извѣстное число лѣтъ. Такіе посвященные называются: бери. Они носятъ бѣлую одежду и ходятъ съ длинными, неостриженными волосами.

По окончаніи срока посвященія, ребенка босаго ведутъ въ церковь. На церковной паперти священникъ обрѣзаетъ ему волосы и надѣваетъ цвѣтное платье. Служатъ молебенъ, послѣ котораго закалываютъ быка или барана и раздаютъ его нищимъ.

Съ такою же надеждою и благоговѣніемъ спѣшатъ грузины на праздникъ Алавердскаго храма, который бываетъ 14-го сентября. Богомольцы собираются еще наканунѣ. У самыхъ дверей церкви лежитъ куча проволокъ, — свидѣтелей предразсудковъ грузинъ.

Заболѣвшій надѣваетъ на себя проволоку, носитъ ее до облегченія отъ болѣзни и затѣмъ отправляется, по обѣту, въ такую-то церковь, на храмовой праздникъ, гдѣ, скинувъ съ себя проволоку, кладетъ ее у дверей церкви и служитъ молебенъ. Многія женщины и здѣсь ходятъ на колѣняхъ вокругъ церкви и, обводя ее нитками, просятъ выздоровленія заболѣвшему ребенку или близкому родственнику.

САТАРЪ.

Сата̀ръ! Сата̀ръ! твой плачъ гортанный,
Рыдающій, глухой, молящій, дикій крикъ,
Подъ звуки чіануръ и трели барабанной,
Мнѣ сердце растерзалъ и въ душу мнѣ проникъ.

Не знаю, что поешь; я словъ не понимаю—
Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совсѣмъ иной;
Но ты поешь всю ночь на кровлѣ земляной,
И весь Тифлисъ молчитъ, и я тебѣ внимаю —
Какъ будто издали, съ востока, братъ больной
Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ иль ропотъ свой.

Не знаю, что поешь — быть можетъ, пѣснь Кярама,
Того пѣвца любви, кого сожгла любовь;
Быть можетъ, къ мести ты взываешь, кровь за кровь,
Быть можетъ, славишь ты кровавый мечъ ислама,
Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ...
Не знаю,—слышу вопль—и мнѣ не нужно словъ!..

Я. Полонскій.

УСТА-БАШЪ.

Преданіе говоритъ, что когда Тифлисъ сдѣлался столицею Грузіи и при стеченіи большаго народонаселенія образовался обширный классъ ремесленниковъ, то представилась необходимость выбрать главу Обществу мастеровыхъ (амкаровъ) каждаго ремесла.

Споры и несогласія между кастами ремесленниковъ и промышленниковъ повели къ тому, что, для защиты отъ притѣсненія посторонннхъ и для учрежденія суда между собою, ремесленники начали избирать изъ среды себя начальниковъ, которыхъ и называли уста-башами (головы мастеровъ). Правила для ихъ избранія были учреждены царями. Уста-баша имѣло нетолько одно цѣлое ремесло, но и виды его, такъ напр. водоносы дѣлились: на водоносъ-кувшинниковъ и водоносъ-бурдючниковъ. Каждый отдѣлъ этого ремесла, подчиняясь общему уста-башу всѣхъ водоносовъ, имѣлъ своего собственнаго уста-баша или старшину. Портные каждаго вида русскихъ платьевъ, черкесокъ, чохъ и прочей туземной одежды, кромѣ общаго уста-баша, имѣли своего особаго, но приэтомъ національность не дѣлала различій.

Выборъ уста-баша производился всегда возлѣ извѣстной церкви, по большинству голосовъ, изъ мастеровыхъ своего ремесла.

Выбирается человѣкъ почтенный, умный и опытный. Въ помощь ему избираютъ двухъ мастеровыхъ: иштъ-башъ (сильная голова) и ахъ-сахкалъ (что значитъ бѣлая борода). Избиратели этихъ лицъ даютъ подписку выбранному въ томъ, что будутъ исполнять съ мастеромъ всѣ его приказанія и довольствоваться его рѣшеніемъ; потомъ цалуютъ имъ руки и поздравляютъ съ должностью. При поздравленіи каждый даритъ новому уста-башу яблоко, начиненное мелкими деньгами, соразмѣрно своему состоянію.

Уста-башъ блюститель мира и согласія между ремесленниками, защитникъ ихъ интереса, сборщикъ податей и другихъ казенныхъ повинностей, онъ вмѣстѣ и судья. Съ виновныхъ, по усмотрѣнію, взыскиваетъ штрафы, на ослушниковъ налагаетъ запрещенія, запираетъ имъ лавки на два, на три дня, но тѣлесно наказывать не имѣетъ права. При царяхъ уста-баши были не ограничены. Если подсудимый вздумаетъ не повиноваться, тогда, какъ напр. между сапожниками, башмачниками, кожевниками, уста-башъ посылаетъ черезъ своего иштъ-баша яблоко къ устабашу тѣхъ ремесленниковъ, у которыхъ непослушный покупаетъ товаръ для своей работы, или къ тѣмъ, которые у него берутъ товаръ, и тѣмъ извѣщаетъ, что такой-то мастеръ ему не повинуется, и потому проситъ: строго воспретить подвѣдомственнымъ мастерамъ и мясникамъ продавать тому, если онъ кожевникъ, сырую кожу, а если онъ сапожникъ, то кожевникамъ давать ему товаръ.

Такимъ образомъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, онъ принужденъ явиться къ своему уста-башу съ покорностью, проситъ прощенія, платитъ

штрафъ, и тогда уста-башъ сообщаетъ, что такой-то свободенъ отъ запрещенія *).

Желающій отдать своего сына въ обученіе какому-нибудь ремеслу долженъ прежде всего предупредить о томъ уста-баша того Общества, потомъ заключить договоръ, на сколько лѣтъ отдается мальчикъ и на какихъ условіяхъ. По окончаніи условленнаго срока (5—6 лѣтъ) уста-башъ съ двумя помощниками испытываютъ ученика въ ремеслѣ и если онъ знаетъ ремесло и хозяинъ засвидѣтельствуетъ хорошее его поведеніе, то посвящаютъ его въ мастера. Обыкновенно лѣтомъ, по окончаніи испытанія нѣсколькихъ учениковъ берутъ съ каждаго изъ нихъ отъ 10 до 25 руб. сер., смотря по состоянію, собираютъ все свое общество и на эти деньги приготовляютъ пиръ въ садахъ, за городомъ. Передъ обѣдомъ ученики становятся на колѣни, священникъ читаетъ надъ ними евангеліе, потомъ благословляетъ ихъ на добрыя дѣла и наставляетъ исполнять ремесло честно, жить со всѣми въ мирѣ. Отъ священника ученики подходятъ къ уста-башу, который совѣтуетъ имъ быть достойными высокаго званія мастера, и затѣмъ всѣ ремесленники заключаютъ наставленія словомъ: аминь. Тогда уста-башъ, призвавъ на помощь Св. Троицу, бьетъ рукою три раза по щекѣ каждаго изъ посвященныхъ и опоясываетъ ихъ шелковыми кушаками или платками, которые и носятся ими впродолженіе трехъ дней, какъ знаки ихъ посвященія. По окончаніи обряда опоясанія, они цалуютъ руку уста-баша и всѣхъ присутствующихъ мастеровъ, и начинается веселый пиръ. Уста-башъ чрезъ своихъ помощниковъ оповѣщаетъ своихъ подвластныхъ, чтобы они въ высокоторжественные дни присутствовали въ церквахъ при совершеніи молебствій.

Въ день новаго года каждый мастеръ, поздравляя своего уста-баша, даритъ ему яблоко, начиненное деньгами, за что тотъ угощаетъ его фруктами и виномъ.

Уста-башъ постоянно отвлекается, по дѣламъ общества, отъ своихъ занятій, поэтому въ вознагражденіе онъ получаетъ по 1 руб. сер. при рѣшеніи дѣла съ обоихъ тяжущихся и по 1 руб. сер. и по шелковому платку съ каждаго ученика, поступающаго въ мастера.

Когда въ Тифлисѣ предполагаютъ выстроить церковь, то всѣ ремесленники, по древнему обычаю, принимаютъ участіе въ постройкѣ и на одинъ день всѣ приходятъ сами работать, и даже издержки на другихъ рабочихъ того дня принимаютъ на себя.

Въ Тифлисѣ существуетъ обыкновеніе, что родственники умершаго ремесленника приглашаютъ на похороны всѣхъ товарищей по ремеслу, для провожанія тѣла усопшаго до могилы и такъ какъ отвлекаютъ ихъ этимъ отъ дѣла, то даютъ мастеровымъ деньги, на которыя тѣ справляютъ поминки, и остатки обращаютъ въ общественную сумму.

Въ противномъ случаѣ уклонившіеся отъ обязанности, безъ согласія уста-баша, платятъ штрафу 60 коп., обращающихся въ общественную казну.

---

*) Въ настоящее время ашкарство преобразовано.

Общественная сумма служитъ для помощи бѣднымъ, больнымъ мастерамъ и часто употребляется на похороны бѣдныхъ мастеровыхъ. Въ извѣстный день въ году общество покупаетъ барановъ и сарачинское пшено, готовитъ пловъ, шашлыкъ и посылаетъ ихъ съ хлѣбомъ: часть арестантамъ, часть нищимъ, а часть употребляетъ на свой обѣдъ, бывающій обыкновенно въ присутствіи священника.

Общества сапожниковъ и башмачниковъ имѣютъ свои обыкновенія. Какъ только появятся персики, то мастеръ, доставъ плодъ, приноситъ его къ своимъ ученикамъ въ знакъ, что настало время работать по вечерамъ при свѣчахъ. И ученики въ свою очередь, нашедши весною полевой цвѣтокъ, показываютъ мастеру, что̀ значитъ, что ночи коротки и время освободить ихъ отъ вечерней работы. Ученики и мастера свято исполняютъ эти обычаи (Кавк. 1846 г.).

КАХЕТІЯ.

Кахетія всегда славилась своимъ винодѣліемъ и знаменитымъ кахетинскимъ виномъ.

Названіе Кахетія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, происходитъ изъ персидскаго языка и означаетъ «золотой листъ», которымъ персидскіе шахи будто-бы снабжали путешествующихъ по Грузіи, для доставленія имъ безопаснаго жительства. Такая этимологія основана безъ сомнѣнія на словѣ cachet, но она совершенно ошибочна.

Живописно мѣстоположеніе Кахетіи! На сѣверѣ находится высочайшій хребетъ горъ, къ югу тянется долина, лежащая между главнымъ и передовымъ хребтомъ, и часть самого передоваго хребта съ своими ущельями, по коимъ протекаютъ Алазань и Іора. Эти рѣки съ своими притоками орошаютъ и всю страну. Высокія мѣста покрыты лѣсомъ, обильнымъ оленями, сайгами, кабанами, шакалами, лисицами и пр. Роскошная кахетинская долина, простирающаяся въ длину до 120, а въ ширину до 45 верстъ, по своему положенію, климату, почвѣ и необыкновенному плодородію, самою природою назначена быть превосходнѣйшимъ, обширнымъ виноградникомъ. Она вся занята виноградными садами, исключая высокихъ мѣстъ и покатостей. Даже низменности, годныя только для хлѣбопашества, тоже засажены виноградными лозами, по одному лишь удобству провести въ нихъ воду.

Кахетія жила нѣкогда самостоятельною жизнью, имѣла своихъ царей. Развалины опустошенныхъ въ ней городовъ и селеній говорятъ вамъ, что здѣсь когда-то было многолюдно, но частые набѣги на страну и разореніе ея персами, турками и лезгинами довели ее дотого, что она сдѣлалась малолюдна, невоздѣланна.

Жители Кахетіи—грузины, армяне и жиды. Кахетинскія деревни всѣ въ

садахъ. Каждый дворъ имѣетъ около себя свои плодовые и виноградные сады. Тѣ и другіе обыкновенно вмѣстѣ огораживаются плетнями или терномъ. Въ кахетинскихъ садахъ ростутъ фиги, гранаты, яблоки, груши, сливы, вишни, черешни, миндаль, персики, абрикосы, квиты, мешпилъ, орѣхи и пр., но каштановъ нѣтъ. Впрочемъ ихъ довольно въ восточной сторонѣ Алазани. Высшихъ сортовъ виноградныхъ лозъ не болѣе 4-хъ, да низшихъ, встрѣчаемыхъ впрочемъ въ маломъ количествѣ, также не болѣе 5—6.

Способъ воздѣлыванія винограда, наслѣдованный жителями Кахетіи отъ предковъ, за исключеніемъ немногихъ винодѣловъ, придерживающихся европейской системы, ни мало не совершенствуется.

Уборка винограда начинается въ октябрѣ и обыкновенно продолжается двѣ-три недѣли. Предварительныя приготовленія къ этому довольно шумны, измѣняютъ на время обычный видъ деревень. Во всѣхъ мараняхъ (винное хранилище) происходитъ торжественный обрядъ чистки кувшиновъ и давиленъ. Имеретины (работники), раздѣвшись, опускаются въ квеври, моютъ ихъ еловыми вѣниками и выбрасываютъ нечистоту, или у нѣкоторыхъ вымываютъ квеври съ помощью настоенной въ чистой водѣ травы кразана. Мытье это начинаютъ за мѣсяцъ до уборки винограда; за три дня до наполненія виномъ кувшина его моютъ тоже можжевельникомъ, который сообщаетъ кувшину пріятный запахъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ кразана, замѣняютъ его можжевельникомъ. Какой-то могильный характеръ получаютъ пѣсни, которыя раздаются въ кувшинахъ. У кого нѣтъ марани и давиленъ, тѣ обыкновенно давятъ виноградъ въ выдолбленныхъ большихъ корытахъ. Къ уборкѣ винограда приступаютъ, по условію, всѣ поселяне въ одинъ день, и тотъ изъ нихъ подвергается штрафу, кто нарушитъ это условіе, потому что каждый поселянинъ имѣетъ право пустить скотъ въ свой садъ послѣ его уборки. Чтобы поскорѣе кончить уборку, нанимаютъ рабочихъ—туземцевъ и русскихъ. Пока идетъ уборка, вся почти деревня проводитъ дни въ саду. Венахи (виноградники) въ это время достойны кисти художника. Листья на лозахъ уже пожелтѣли и, падая, устилаютъ почву; лозы обременены гроздами, такъ что отъ ихъ тяжести тычинки или покачнулись или и совсѣмъ пригнулись къ землѣ. Разные сорты винограда довольно живописно пестрятъ плантацію; онъ бываетъ не одинаковой величины, крупный и продолговатый. Не менѣе разнообразенъ самый цвѣтъ—черный, красный, янтарный и блѣдно-зеленый. Лучшій сортъ, такъ-называемый саперави, употребляемый только для подкрашиванія сусла бѣлаго и краснаго винограда, разсаженъ совершенно отдѣльно. Прочіе сорты винограда — мцовани, ркацители и будешури, имѣющіе сладкій и пріятный вкусъ, перемѣшаны между собой. Мѣстами между лозами разставлены большія плетеныя корзины, которыя мало по малу наполняются ягодами. Старики и дѣти, женщины и дѣвочки заняты своимъ дѣломъ: они подрѣзываютъ ножами виноградъ. Съ утра до вечера раздаются разговоры, шутки, смѣхъ и разнохарактерныя пѣсни рабочихъ. Арбы, нагруженныя корзинами, изъ которыхъ свободно течетъ сокъ, постоянно тянутся въ деревню. Къ вечеру всѣ работники возвращаются въ

дома. Женщины и дѣти несутъ въ корзинкахъ лучшіе сорты винограда, изъ котораго приготовляютъ изюмъ.

Ночью начинается работа въ марани. Марани — это винное хранилище, которое бываетъ большей частью каменное и имѣетъ покатую кровлю изъ камыша или теса. Когда входите въ марани, въ немъ прежде всего видите давильню съ отверстіемъ внизу. Она возведена параллелограммомъ у стѣны не болѣе какъ на два аршина изъ булыжника или кирпича и вымазана известью. Въ этой-то давильнѣ давятъ по ночамъ виноградъ, собираемый впродолженіе дня. Разной величины земляныя насыпи тамъ и сямъ обозначаютъ кувшины, зарытые въ землю.

Въ обыкновенную пору марани тоже что наши кладовыя; во время же давленія винограда они измѣняютъ свой видъ. Всѣ почти кувшины открыты; длинный жолобъ проведенъ отъ скважины давильни въ одинъ изъ квеври. Пріятный виноградный запахъ наполняетъ марани, шкаликъ съ масломъ или сальная свѣчка даетъ тусклый свѣтъ; мальчики и дѣвочки бѣгаютъ взадъ и впередъ. Мужи, отужинавъ, снимаютъ съ себя все, кромѣ рубашки и исподницъ; потомъ, умывъ ноги и засучивъ концы и рукава, опускаются въ давильню, до верху наполненную виноградомъ; въ рукѣ они держатъ шесты, на которые опираются, кладя ихъ то горизонтально, то вертикально. Работники эти медленно или быстро вспрыгиваютъ, вертятся и бьютъ виноградъ ногами, значительно погружаясь въ глубь и громко распѣвая пѣсни. Виноградный сокъ съ журчаніемъ стекаетъ въ кувшинъ. Подъ-конецъ работники сильно утомляются: мышцы ослабѣли, потъ ручьемъ катитъ съ лица, потому что ихъ движенье продолжается два-три часа, пока отъ винограда останутся однѣ только выжимки, которыя бросаютъ въ кувшины. Эти выжимки впослѣдствіи не пропадаютъ, изъ нихъ гонятъ водку. Кувшины эти имѣютъ овальную форму и сдѣланы изъ глины. Величина ихъ различна: самые большіе вмѣщаютъ 100—200 и болѣе ведеръ. Квеври зарываютъ въ землю и бока ихъ обкладываютъ известью въ 4 верш. толщины. Эти сосуды относительно броженія имѣютъ неоспоримое преимущество предъ чанами и бочками, употребляемыми въ Европѣ: теплота держится въ кувшинахъ круглый годъ, даже и въ то время, когда они бываютъ пусты, зимою же она доходитъ отъ 12 до 15° R., и потому будетъ ли осень холодна или тепла, во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что отъ вліянія этой теплоты броженіе начнется немедленно. Въ чанахъ или бочкахъ, стоящихъ на поверхности земли, обыкновенно въ сараяхъ, амбарахъ и т. п., подверженныхъ вліянію воздуха, часто приходится дожидаться броженія до самой весны, если осень бываетъ холодна; а столь позднее броженіе всегда бываетъ весьма вредно для молодаго вина. Но кувшины, зарываемые въ землю, имѣютъ и свои недостатки. Они состоятъ въ затрудненіи, встрѣчаемомъ при переливаніи вина, которое бываетъ необходимо послѣ окончанія броженія. Такъ какъ кувшины вкапываются въ землю глубиною болѣе сажени и бока ихъ обкладываются крѣпкою известью, то поэтому и нельзя вставить въ нихъ крановъ; производить же переливаніе изъ полнаго кувшина въ пустой, рядомъ съ нимъ

стоящій, посредствомъ изогнутыхъ ливеровъ невозможно, потому что всѣ кувшины имѣютъ одинаковую высоту. Вотъ почему туземцы употребляютъ при переливаніи вина мѣдные черпаки, называемые чапами, которыя, содержа въ себѣ почти $1^1/_2$ вед. емкости, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрою. Чапы по своей тяжести легко погружаются въ жидкость и наполняются скоро, и зачерпнутое ими вино тотчасъ же выливается въ другой, подлѣ стоящій кувшинъ. Первыя двадцать чапъ даютъ вино прозрачное и чистое; но потомъ отъ непрерывнаго черпанія вино дѣлается мутнымъ, такъ что, когда вычерпаютъ до половины кувшина, въ винѣ уже находится много гущи и виноградныхъ выжимокъ; а чѣмъ глубже идетъ чапа, тѣмъ больше бываетъ такой примѣси.

Маджари—молодое вино имѣетъ какой-то прѣсный вкусъ, такъ что съ трудомъ можно выпить стаканъ; оно разстроиваетъ желудокъ и отнимаетъ, какъ и все сладкое, позывъ къ пищѣ. Маджари довольно мутенъ отъ неосѣвшихся еще виноградныхъ частицъ и цвѣтъ имѣетъ неопредѣленный. Въ Грузіи изъ молодаго вина дѣлаютъ сласти: его обыкновенно кипятятъ въ котлѣ съ примѣсью муки и, когда оно сгустится, образовавъ такимъ образомъ бадаги, похожій на кисель, въ него опускаютъ ахсмули, нанизанныя грецкими или воложскими орѣхами, сушеными грушами или яблоками; гуща садится на нихъ и образуетъ такъ-называемыя чурчхели, имѣющія форму колбасы; ихъ вѣшаютъ на шестахъ для просушиванія. Кромѣ того гущу намазываютъ на доски, которыя и выставляются на солнце; высохшая татара свертывается какъ бумага. Самыя лучшія, т. е. бѣлыя и мясистыя чурчхели и татара дѣлаются только въ тѣхъ мѣстахъ Кахетіи, которыя славятся сладкимъ виноградомъ; но эриванскія и ахалцыхскія считаются первыми. Когда виноградъ уже выдавленъ, выжимки, какъ мы замѣтили, бросаютъ въ кувшины, для сообщенія вину прочности, кувшины прикрываютъ круглыми плитняками, а сверху насыпаютъ глинистую землю, крѣпко ее натоптавъ. Оставляется только небольшое отверстіе, въ которое втыкаютъ выдолбленную палочку для выхода, во время броженія, углекислаго газа. Броженіе продолжается нѣсколько дней, распространяя рѣзкій запахъ, отъ котораго случается головокруженіе и опьянѣніе. Кувшины первый разъ открываютъ зимой или въ началѣ весны, для переливанія вина.

Первое переливанье вина, хотя и бываетъ съ примѣсью дрожжей, однакожъ не дѣлаетъ вину большаго вреда, потому что производится зимой, когда вино отстаивается снова; но зато второе переливанье, весеннее причиняетъ много вреда: тогда обыкновенно открывается вторичное броженіе. Оно совершается тихо, если вино было перелито чисто, безъ дрожжей, а тихое броженіе нетолько не вредно, но даже для будущей доброты вина нужно; если же оно перелито было съ примѣсью дрожжей, то вторичное броженіе дѣлается шумнымъ и отнимаетъ у вина какъ прочность, такъ и пріятный вкусъ. При второмъ переливаньи сильно заботятся о томъ, чтобы получить какъ можно болѣе чистаго вина, потому что оно высшаго достоинства и цѣнится гораздо дороже. Изъ 10-ти кувшиновъ получается не больше 2 или 3 кувшиновъ

вина перваго сорта, да еще около 3 кувшиновъ средняго, которое также бываетъ различнаго достоинства. Затѣмъ уже все остальное вино низкаго достоинства, часть котораго потребляется самими винодѣлами. Вотъ почему вина одинаковаго винограда бываютъ различныхъ сортовъ и качествъ и почему вино по большей части не можетъ долго держаться, такъ что къ концу года почти все уже окиснетъ.

«Кахетинское» славится изстари. Еще въ вѣкъ Гомера хвалили «пурпуровый напитокъ» Грузіи. По словамъ европейцевъ, знатоковъ дѣла, лучшіе сорты грузинскихъ винъ не уступаютъ бургонскому, портвейну, мадерѣ и имѣютъ всѣ свойства шипучихъ винъ Шампаніи. Кахетинское бываетъ разныхъ родовъ, которые довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга. Большая часть грузинскихъ поселянъ не даютъ какъ слѣдуетъ созрѣвать винограду, и потому изъ его сусла выходитъ довольно кисловатый напитокъ. Лучшее вино даетъ тотъ виноградъ, который, оставаясь на лозѣ до конца октября, отъ вліянія времени теряетъ всю кислоту и начинаетъ вянуть. Бѣлое вино янтарнаго цвѣта и безъ букета; красное темно-пунцоваго отлива, гораздо гуще бѣлаго и имѣетъ ароматическій запахъ. Грузины не подмѣшиваютъ въ вино ничего посторонняго, какъ европейцы, и потому оно совершенно безвредно. Кахетинскаго производится до 2-хъ милліоновъ ведеръ.

Кахетинцы продаютъ свое кахетинское на мѣстѣ и гуртомъ. Проданное вино переливаютъ изъ кувшиновъ въ бурдюки. Бурдюки эти обыкновенно дѣлаются изъ воловьихъ и козьихъ шкуръ, шерстью внутрь, и имѣютъ неодинаковую мѣру: самый большой изъ нихъ можетъ вмѣстить болѣе 2-хъ сапаленъ или 54 пуд. жидкости, самый малый—тунги 3—4 (въ тунгѣ около 5-ти бут.); бурдюки намазаны внутри нефтью, которая сообщаетъ вину въ первую пору весьма непріятный вкусъ. Грузинскіе мѣха, при перевозкѣ вина, незамѣнимы. Въ краю гористомъ, гдѣ товары перевозятся большею частью на вьюкахъ и путешествія совершаются верхомъ, бурдюки самое лучшее изобрѣтеніе. Кромѣ того, по отзыву понимающихъ дѣло, при перевозкѣ вина, оно лучше сохраняется въ бурдюкахъ, чѣмъ въ бочкахъ.

Переливанье вина изъ кувшиновъ въ бурдюки совершается довольно торжественно. Кувшинъ открытъ. Вино изъ него распространяетъ такую силу, что нужно постоять съ четверть часа поближе къ нему, чтобы совсѣмъ опьянѣть. На дворѣ стоитъ нѣсколько арбъ, на которыя кладутъ бурдюки, и, когда они наполняются виномъ, марани обыкновенно наполняются народомъ, такъ какъ всякій прохожій имѣетъ право туда входить, для пробы вина. Мѣрно раздается голосъ черпающаго, который считаетъ число чапъ съ виномъ. Арбы тянутся медленно и гуськомъ, останавливаясь въ день раза два и ночью на полѣ.

Источники: «Описаніе Грузіи» Гильденштедта; «Географ. Словарь» Семенова; «Кавк.» 1846 г. № 10, 1851 г. № 33, 34, 1852 г. № 46.

ОРОШЕНІЕ ПОЛЕЙ ВЪ ГРУЗІИ. МАРІИНСКІЙ ИРРИГАЦІОННЫЙ КАНАЛЪ ВЪ КАРАЯЗСКОЙ СТЕПИ.

Орошеніе полей въ Грузіи, преимущественно въ долинахъ р. Куры и ея притоковъ, существуетъ съ отдаленныхъ временъ.

Мѣстность, гдѣ только представляется возможность провести воду изъ ближайшей рѣки, прорѣзывается однимъ или нѣсколькими каналами, смотря по пространству съ такимъ направленіемъ, чтобъ русло этого канала было нѣсколько выше поливаемыхъ изъ него мѣстъ.

Каналъ съ водою принадлежитъ той деревнѣ, которой земли поливаются изъ него. Иногда одинъ и тотъ же каналъ, проведенный на большомъ протяженіи, поливаетъ земли нѣсколькихъ деревень, тогда онъ принадлежитъ одинаково всѣмъ тѣмъ деревнямъ.

Очередь между жителями ведется такимъ образомъ, что деревенскія земли раздѣляются (въ отношеніи положенія ихъ къ поливному каналу) на нѣсколько частей: сначала поливается владѣльцами часть, которая прилегаетъ къ началу канала, потомъ поливаются другія части послѣдовательно.

Отъ количества воды къ каналѣ зависитъ, сколько дней каждая часть деревенскихъ земель поливается. Въ случаѣ если одинъ каналъ поливаетъ земли нѣсколькихъ деревень, тогда очередь между ними ведется, какъ между частями одной деревни.

Если въ данное время посѣвъ какого-нибудь владѣльца требуетъ преждевременной поливки, ему дается одна доля воды не въ очередь.

Въ каждой деревнѣ избираются смотрители канавъ.

Обязанность ихъ состоитъ въ надзорѣ и исправленіи маловажныхъ поврежденій въ каналѣ, а когда нужно капитальное исправленіе, смотрителя призываютъ рабочихъ со своей деревни.

Если каналъ принадлежитъ нѣсколькимъ деревнямъ, тогда каждая деревня имѣетъ смотрителей для той части канала, которая принадлежитъ имъ; а для значительнаго исправленія всего канала, со всѣхъ деревень собираются рабочіе по приглашенію сельскаго старшины.

При грузинскомъ управленіи и послѣ до крестьянской реформы, кромѣ смотрителей канавъ, избиралось еще особое должностное лице подъ названіемъ хассавъ-дари, которому подчинялись смотрителя канавъ, и онъ кромѣ того обязанъ былъ разбирать споры о водѣ, о нарядѣ рабочихъ для присавленія канала и строго наблюдать за установившеюся очередью поливки полей между жителями. Въ большихъ селеніяхъ, гдѣ поля орошались, хассавъ-дари существовали и имѣли такое значеніе, что грузинскіе цари часто предоставляли себѣ право назначать на эту должность особыми граматами заслуженныхъ дворянъ. Въ особенности хассавъ-дари нужны были тамъ, гдѣ одинъ или нѣсколько каналовъ принадлежали нѣсколькимъ деревнямъ.

Въ настоящее время смотрители канавъ избираются деревнею, а должность хассавъ-дари исполняетъ старшина сельскаго управленія.

Раздѣленіе воды между жителями происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждому владѣльцу земли, когда наступаетъ его очередь, дается извѣстная доля воды подъ названіемъ накадули. Количество воды, сколько можетъ вмѣститься въ канаву, прорѣзанную плугомъ, составляетъ одно накадули воды. Каждый житель проводитъ воду изъ главнаго канала на свою землю по канавкѣ, прорѣзанной плугомъ.

Иногда грузинскіе цари жаловали разнымъ лицамъ за заслуги граматами одно или два и болѣе накадули воды; это означало, что имъ должны были давать воду и не въ очередь, какъ сказано было въ граматѣ, одно или два накадули воды. Самая поливка полей производится жителями очень искусно, они мастерски управляютъ своею долею воды.

Для поднятія воды изъ рѣки на ея возвышенный берегъ употребляютъ деревянное колесо на горизонтальной оси, вертящееся посредствомъ воды; къ спицамъ этого колеса привязываются глиняные кувшинчики, которые, наливаясь водою при вращеніи колеса, выливаютъ воду въ деревянный жолобъ, поставленный на берегу, а изъ жолоба вода проходитъ въ особую канавку; такимъ образомъ поливаются сады въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ.

Изъ колодца поднимаютъ воду посредствомъ сосуда, привязаннаго на веревкѣ, или къ коромыслу, или къ вороту.

Если поливной каналъ нужно продолжить черезъ оврагъ или подобное препятствіе, то устраиваютъ каменный мостъ на сводахъ и въ полотнѣ моста дѣлаютъ каналъ, чрезъ который проходитъ вода съ одного берега оврага на другой.

Если оврагъ узокъ, то перекидываютъ съ одного берега на другой деревянный жолобъ, по которому проходитъ вода. (См. Зап. Кавк. отд. Рус. Технич. общ. № 6.)

Хотя вообще Закавказскій край и обиленъ ирригаціонными каналами, но такого канала, какъ Маріинскій въ Караязской степи, нѣтъ. Онъ принадлежитъ Обществу возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ. Для усиленія средствъ вообще и упроченія его, нынѣ царствующему Императору благоугодно было дать ему 100 т. десятинъ земли, на обработку коихъ необходимъ былъ капиталъ. Общество рѣшилось употребить большую часть собраннаго имъ капитала на оплодотвореніе этой степи помощью ирригаціонныхъ работъ.

Ирригаціонный каналъ,— такъ его описываетъ г. Хатисовъ *), — названный въ честь Августѣйшей покровительницы Общества, Государыни Императрицы,—Маріинскимъ каналомъ, беретъ свое начало изъ Куры, близъ древней крѣпости Риша-кала, находящейся въ разстояніи до 25 верстъ отъ Тифлиса. Отъ этого мѣста каналъ продолженъ, по длинѣ вдоль Куры, на протяженіи около 4 верстъ въ небольшомъ дровяномъ лѣсу, потомъ поворачиваетъ круто налѣво и пересѣкаетъ голую степь по серединѣ во всю ея длину. Пройдя такимъ образомъ $18^1/_2$ верстъ, каналъ приближается къ горамъ, ограждаю-

---

*) См. Отчетъ Общ. возст. прав. христ. на Кавказѣ за 1867 г.

щимъ степь съ сѣверной стороны, и вливается тутъ въ низменное мѣсто или естественный бассейнъ, гдѣ вода его образуетъ озеро, имѣющее 5 верстъ длины и почти 2 версты ширины. Это протяженіе канала на $18^1/_2$ верстъ, которое уже готово, есть только первое отдѣленіе, озеро же будетъ началомъ будущаго втораго отдѣленія, которое направится къ подошвѣ горъ, ограждающихъ нижнюю часть степи, вплоть до большаго ручья, противъ деревни Салаглу, гдѣ каналъ кончится, пройдя такимъ образомъ отъ крѣпости Ришакола болѣе 40 верстъ. Двумя этими отдѣленіями можетъ быть орошено до 27 т. десятинъ, изъ нихъ 11 т. первымъ, а 16 т. вторымъ отдѣленіемъ. Первая часть канала, коей размѣры достаточны для доставленія воды, потребной для орошенія двухъ отдѣленій, потребовала, естественно, бо̀льшихъ издержекъ и представляла больше техническихъ трудностей, какъ-то: сооруженія длиннаго барража поперегъ рѣки Куры, въ одной верстѣ кверху отъ начала канала, укрѣпленія берега Куры у самаго устья канала сотнями свай и наконецъ снабженія самого устья 24 прекрасными желѣзными шлюзами, легко поднимающимися и опускающимися посредствомъ винтовыхъ стержней. Ширина перваго отдѣленія канала измѣняется отъ 8 до 6 саж., а глубина отъ $2^1/_2$ до 3 арш.; количество воды, доставляемой въ секунду́, равняется $1^1/_2$ куб. саж. или 1,185 ведрамъ. Полагая, что струя воды въ 1 ведро, въ секунду, среднимъ числомъ достаточна для орошенія 22 десятинъ, засѣянныхъ хлѣбами, и луговъ, — всѣ 1,185 ведеръ могутъ оплодотворить болѣе 26 т. дес. Но въ настоящее время пока нѣтъ втораго отдѣленія канала, въ устье впускается только то количество воды, которое достаточно для перваго отдѣленія. Среднее паденіе канала — нѣсколько болѣе 4 вершк. на версту, тогда какъ паденіе Куры составляетъ одну сажень.

Кромѣ работъ по главному каналу, въ этомъ же отдѣленіи прорыто 17 второстепенныхъ распредѣлительныхъ канавъ и столько же собирательныхъ, которыя, получая свое начало изъ главнаго канала, направляются почти подъ прямымъ угломъ отъ него, до самой Куры, пересѣкая степь на параллельныя полосы въ 500 саж. ширины. Назначеніе каналовъ распредѣлительныхъ, какъ показываетъ самое названіе, состоитъ въ доставленіи воды изъ большаго канала къ различнымъ пунктамъ того участка, по окраинѣ котораго онъ пролегаетъ. У начала распредѣлительнаго канала, въ большемъ каналѣ устроенъ шлюзъ, чрезъ который входитъ вода въ томъ количествѣ, сколько десятинъ въ участкѣ, полагая 1 ведро въ секунду на 22 десятины. Затѣмъ въ самомъ распредѣлительномъ каналѣ, на каждой верстѣ отъ начала, сдѣланы также маленькіе шлюзы, пропускающіе въ секунду около 5 ведеръ, достаточныхъ для орошенія участка въ 1 кв. версту, т. е. 104 дес.

При этомъ способѣ распредѣленія воды, каждый распредѣлительный каналъ въ началѣ широкъ и, чѣмъ ближе подходитъ къ Курѣ, мало по малу съуживается, доходя дотого, что по нему протекаютъ только 5 ведеръ въ секунду, которыя нужны для питанія послѣдняго шлюзика, находящагося въ разстояніи одной версты отъ Куры. Такъ какъ весь орошаемый въ настоящее время участокъ имѣетъ треугольную форму, то и длина распредѣлительныхъ

канавъ не одинакова, отъ 1 до 14-ти верстъ; сообразно этому измѣняется какъ величина ихъ, такъ и количество снабжаемой ими воды.

Такъ какъ вода въ распредѣлительномъ каналѣ должна течь постоянно и все количество втекающей въ него изъ большаго канала воды не можетъ помѣщаться въ нижнихъ болѣе узкихъ частяхъ его, то для того, чтобы вода, ненужная для орошенія въ верхнихъ частяхъ, близкихъ къ большому каналу, не слѣдовала по распредѣлительному каналу и тѣмъ не разрывала его, проведены параллельно имъ другія канавы, назначеніе которыхъ отводить эту излишнюю воду въ Куру. Эти отводныя канавы собираютъ также и ту воду, которая стекаетъ съ полей орошаемыхъ, т. е. то количество, которое не впиталось почвою, и которая безъ этихъ отводныхъ канавъ, не имѣя стока, должна бы образовать вездѣ лужи. Отводныхъ канавъ столько же, сколько и распредѣлительныхъ.

Всѣхъ шлюзовъ въ большомъ каналѣ 6.

Сооруженіе этого громаднаго ирригаціоннаго канала, наибольшаго изъ числа дѣйствующихъ нынѣ въ краѣ, стоитъ 370 т., считая и 5% на весь затраченный до настоящаго времени капиталъ.

Караязскій каналъ имѣетъ особую администрацію. На обязанности администраціи имѣнія лежатъ наблюденіе за правильнымъ распредѣленіемъ воды и своевременный ремонтъ разныхъ сооруженій, когда таковой понадобится.

Можно сказать положительно, что Общество, проведеніемъ Маріинскаго канала, оказало огромную услугу нетолько тѣмъ, которые пользуются и будутъ пользоваться его землями, но и всему краю, ибо успѣшный ходъ этого дѣла вызоветъ много другихъ подобныхъ предпріятій и современемъ превратятся теперь пустынныя степи Закавказья, какъ-то: Мугани, Наваги, Сардатъ-Абада и разныя другія въ цвѣтущія поля.

Чтобы караязское предпріятіе лучше охарактеризовалось, надо нѣсколько познакомиться съ тою обстановкою, среди которой возродилось оно.

Караязская степь находится въ окрестностяхъ города Тифлиса, на разстояніи 25 верстъ. Окрестности этого уже большаго города и ежегодно значительно увеличивающагося состоятъ преимущественно или изъ голыхъ, безплодныхъ степей, или такихъ же голыхъ, безплодныхъ гористыхъ мѣстностей, такъ что всѣ жизненные припасы 70-ти т. населенія доставляются изъ отдаленныхъ провинцій края. Недостатокъ вблизи города въ хлѣбородныхъ поливныхъ земляхъ весьма ощутителенъ и цѣнность на нихъ довольно значительная, не говоря уже о садовыхъ мѣстахъ, которыя продаются за 70, 80 и даже 100 руб. за десятину. Сообщеніе Тифлиса съ Караязскою степью въ настоящее время очень удовлетворительно, хотя нѣтъ шоссейной дороги; но сообщеніе это черезъ нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, будетъ желѣзно-дорожное, ибо продолженіе Тифлиско-Потійской дороги въ Баку проектировано черезъ всю Караязскую степь. Слѣдовательно, по положенію своему въ экономическомъ отношеніи, Караязская степь находится весьма выгодно, вблизи большаго города, куда могутъ сбывать свои продукты караязскіе арендаторы, а въ очень близкомъ будущемъ и по желѣзной дорогѣ.

Почва Караязской степи въ одномъ мѣстѣ (лѣсная полоса) пригодна для разведенія огородовъ, кукурузы, хлопчатника и зерновыхъ хлѣбовъ, въ другомъ для виноградниковъ.

Земля эта теперь совершенно дѣвственная, и каждую зиму, впродолженіе многихъ, можетъ быть, столѣтій, покрыта многочисленными стадами овецъ и слѣдовательно, унавоживаемая ихъ пометомъ, должна, при обильномъ орошеніи, давать хорошіе урожаи зерновыхъ хлѣбовъ, въ особенности пшеницы.

Климатъ въ настоящее время хотя не совсѣмъ здоровый для населенія, но въ высшей степени благотворный для растительности, безъ сомнѣнія, со временемъ, съ увеличеніемъ культуры и насажденіемъ въ степи лѣсныхъ плантацій сдѣлается гораздо болѣе здоровымъ и для людей.

ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

Хевсуры, тушины и пшавы, въ числѣ 31,440 душъ, расположены на пространствѣ 3932 квадр. верстъ, по южному и сѣверному склонамъ главнаго Кавказскаго хребта; первые два живутъ большею частью у истоковъ Арагвы, Іоры, Алазани, Архоти и другихъ рѣкъ, пшавы же внизъ по теченію Іоры, Арагвы, Аргуны и другихъ. Трудно опредѣлить, когда пшавы, хевсуры и тушины населили настоящія мѣста ихъ жительства; но зато нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ племенъ—выходцы изъ долинъ Грузіи: доказательства тому — черты ихъ лица и то, что они говорятъ древнимъ книжнымъ грузинскимъ языкомъ. Изъ тушинъ только одно общество—цовцы и многіе изъ жителей трехъ хевсурскихъ обществъ—Архотіани, Шатиліони и Пирикители—живущіе въ сосѣдствѣ съ кистинами, кромѣ грузинскаго, говорятъ еще по-кистински. Цовское общество даже по родовому происхожденію дѣйствительно принадлежитъ къ кистинскому, и именно галгайскому племени, составляя исключеніе.

Раздѣленныя естественными преградами, названныя нами племена, хевсурское, тушинское и пшавское, совершенно чужды другъ другу, и каждое изъ нихъ распадается еще на отдѣльныя, замкнутыя сами въ себѣ общества. Доступъ къ нимъ и взаимное сообщеніе между обществами, даже въ лѣтнюю пору, чрезвычайно затруднительны.

Мы займемся описаніемъ только Хевсуріи и ея жителей, такъ какъ мѣстность этой страны имѣетъ свой собственный характеръ, очень мало сходный съ другими горными странами Кавказа, да и самые жители по своей оригинальности не могутъ не обратить на себя особеннаго вниманія.

Мѣстность Хевсуріи представляетъ дикую и печальную картину. Вы видите громадную цѣпь скалъ, скудно обросшихъ по берегамъ рѣкъ соснами; тьму пропастей, узенькихъ, безвыходныхъ ущелій, до которыхъ рѣдко достигаютъ лучи солнца; ревущіе потоки, покрытые во многихъ мѣстахъ снѣж-

*

ными, обледенѣлыми обвалами, по которымъ часто приходится проѣзжать какъ по сводамъ; едва проходимыя тропинки и села, повисшія на уступахъ скалъ, какъ орлиныя гнѣзда, выстроенныя, подобно всѣмъ дагестанскимъ ауламъ изъ плитняка, безъ извести, въ нѣсколько ярусовъ, съ бойницами.

Климатъ въ Хевсуріи въ высшей степени суровый. Земель удобныхъ для хлѣбопашества весьма мало. Смотря на маленькіе клочки пашенъ, разбросанныхъ между скалъ, не хочется вѣрить, чтобы человѣкъ могъ взобраться на такую высокую крутизну, съ сохой и парой быковъ, для посѣва нѣсколькихъ зеренъ ячменя. Чувствуешь невольный страхъ, когда видишь, какъ хевсурка, съ нѣсколькими снопами на спинѣ, спускается съ высокой, отвѣсной скалы. Хевсуръ, отправляясь пахать, гонитъ пару малорослыхъ бычковъ и несетъ на спинѣ бурдюкъ съ водой, чтобы въ полдень напоить скотину. Дрова добываются тоже съ большимъ трудомъ, въ верховьяхъ ущелій, и перевозятся на катерахъ и ослахъ. Зато Хевсурія изобилуетъ множествомъ отличныхъ пастбищъ и сѣнокосовъ.

Постоянно замкнутая жизнь хевсурскаго племени имѣла самое неблагопріятное вліяніе на ихъ нравы, отличающіеся грубостью, суровыми обычаями и дикими предразсудками.

Хевсуры высокаго роста, но не стройны, смуглы, бороду и голову брѣютъ. Одежда хевсуръ домашняго издѣлія, исключая бязи, и не лишена удобства, припаровленнаго къ горной мѣстности. Шапка низенькая, изъ шали, кругомъ обложенная бараньимъ мѣхомъ, а сверху нашиты кресты изъ разноцвѣтной бязи; чуха — изъ шали же, или сукна, преимущественно синяго и краснаго цвѣтовъ. Рукава на чухѣ коротенькіе, съ разрѣзами; полы по бокамъ, отъ таліи, со складками и тоже разрѣзаны; на плечахъ и на груди нашиты кресты изъ бязи; воротникъ выстроченъ и вся чуха обшита пестрою тесьмой. Подъ чухой носятъ архалукъ и рубашку изъ бязи, съ нашитыми по срединѣ, въ треугольникъ, пуговками и, по сторонамъ, крестами. Шаравары короткіе и узенькіе, обшитые пестрой тесьмой. Нѣкоторые носятъ ноговицы. Обувь составляютъ вязаные изъ разноцвѣтной шерсти сапожки и, кромѣ того, хунча или бандули — кожаные башмаки, съ переплетеннымъ низомъ. Но главное вниманіе хевсуровъ обращено на оружіе, объ остальномъ они мало думаютъ: кусокъ черстваго ячменнаго хлѣба, кусокъ бараньяго сала, копченой оленины или тура — вотъ вся его пища; послѣднія свои средства онъ употребляетъ на украшеніе золотою насѣчкою ружья, серебромъ сабли; рѣдкій изъ нихъ употребляетъ пистолетъ; зато, собираясь въ дѣло, онъ весь закованъ въ желѣзо: на головѣ — чачкани, шишакъ съ сѣткой, покрывающій шею; рубаха, плетенная изъ желѣзной проволоки; налокотники, рукавицы, наколѣнники и щитъ. Щиты, палаши почти всѣ съ надписями: Genua, Souvenir, Vivat Stephan Batory, Vivat Husar, Sollingen, съ изображеніями орловъ, коронъ, всадниковъ въ ментикахъ. Пика уже составляетъ единственное оружіе стариковъ, такъ же, какъ стрѣлы—достояніе дѣтей. (По одеждѣ и вооруженію какое близкое сходство у хевсуровъ съ рыцарями крестовыхъ походовъ!) Кромѣ того, хевсуры носятъ на большомъ пальцѣ правой руки

по нѣскольку большихъ желѣзныхъ колецъ, съ зубцами какъ у пилы, или просто заостренныхъ, употребляя ихъ для взвода тугихъ курковъ ружей и для вытаскиванія шомполовъ, но больше всего для драки между собою, нанося этими кольцами раны въ голову, которыя ничуть не уступаютъ кинжальнымъ.

Хевсурки лишены всякой граціозности; красивыхъ почти тѣтъ, особенно страшны старухи, живо напоминающія преданія о кіевскихъ вѣдьмахъ; встрѣчаются иногда дѣвушки довольно миловидныя, съ выразительными черными глазами, но неопрятность, запачканныя лица, не мытыя иногда по мѣсяцу и болѣе, возбуждаютъ отвращеніе къ нимъ. Женщины вычищаютъ навозъ изъ хлѣвовъ, и послѣ моютъ руки и даже головы — коровьей мочей, увѣряя, что это предохраняетъ отъ струпьевъ и коросты. Почти всѣ онѣ курятъ, какъ мужчины, изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой, а въ 30 лѣтъ начинаютъ и нюхать. Но одежда хевсурокъ довольно красивая. На головѣ у нихъ повязана черная шаль, шириною въ три вершка, такъ что маковка бываетъ обнажена; конецъ этой шали виситъ кисточкой надъ правымъ ухомъ; въ ушахъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги; заплетенные волосы огибаютъ щеки и уши дугой и связываются у затылка. Рубашка шалевая, съ оборкой, до колѣнъ — чернаго цвѣта, а ниже колѣнъ пришивается кругомъ, по одному вершку, разноцвѣтная шаль, пока длина не дойдетъ до икръ; задняя же пола рубашки, съ линіи, противоположной колѣнямъ, должна быть со складками. Кромѣ того къ рубашкѣ, противоположно груди, пришивается еще кусокъ шали, а на ней — мелкія монеты, бусы и разныя мелочи и погремушки. Поясъ шерстяной, концы котораго доходятъ до колѣнъ. Сверхъ рубашки надѣта слишкомъ коротенькая, со складками, чуха, и больше ничего. Шараваръ онѣ не носятъ, но надѣваютъ вязаныя поговицы; обувь ихъ — вязаные же сапожки. Зимой носятъ нагольные тулупы.

Хевсуры необыкновенно легко ходятъ по горамъ; на лошадяхъ они рѣдко употребляютъ сѣдла, только уздечки, украшенныя разными бляхами, солдатскими пуговицами и т. п. бездѣлками. Хевсуры страстные охотники: зимою они вдвоемъ и втроемъ отправляются на ледяныя вершины громадныхъ скалъ за турами, оставаясь тамъ иногда по трое сутокъ. Порохъ они сами выдѣлываютъ.

Хевсуры — племя чрезвычайно безпечное, грубое, надменное, придирчивое; они ставятъ себя выше всѣхъ народовъ, имѣя маленькое уваженіе только къ тушинамъ за ихъ храбрость. Пшавовъ за ихъ добродушіе и уступчивость называютъ жирными дойными коровами, да и другимъ народамъ у нихъ тоже свои названія, напр. русскихъ зовутъ бакаки, лягушка, за зеленоватые мундиры.

Домъ и вся домашняя обстановка хевсура страшно бѣдны и грязны. «Войдите — описываетъ г. Эристовъ *) — въ его лачужку и вы увидите...

---

*) См. Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ. III кн.

или, лучше сказать, вы сперва ничего не увидите отъ темноты и дыма, но потомъ, когда осмотритесь, вамъ представится лачужка, закопченая, вся въ паутинѣ и сажѣ. Среди комнаты разведенъ огонь, у котораго грѣется вся семья, немытая, нечесаная. Между тѣмъ въ одномъ углу привязаны коровы, телята, лошади, а въ другомъ, на четырехъ палочкахъ, установлена плетёнка, вродѣ носилокъ, въ которой уложена солома. Тутъ спитъ глава семейства, прикрываясь буркою или нагольнымъ тулупомъ. Семья же располагается спать у огня. Вся домашняя утварь состоитъ изъ 2 — 3 мѣдныхъ котловъ, одного мѣднаго кувшина, нѣсколькихъ глиняныхъ горшковъ и различныхъ формъ и величинъ деревянныхъ чашекъ, ковшиковъ и кадушекъ изъ цѣльнаго дерева. На столбѣ, на который опирается крыша хижины, висятъ: оружіе, корзинки, нѣсколько паръ носковъ и пр. Затѣмъ, если для довершенія картины прибавите, что по всей лачужкѣ разбросанъ различнаго рода хламъ, вы будете имѣть полное понятіе о жилищѣ хевсура.

Вообще въ Закавказскомъ краѣ какъ ни неудобны и неопрятны сакли туземцевъ, но въ нихъ можно съ грѣхомъ пополамъ переночевать, въ домѣ же хевсура нѣтъ возможности пробыть и получаса: дымъ, заставляющій васъ невольно плакать, страшная вонь, распространяемая по комнатѣ отъ коптящейся дохлятины, которую они ѣдятъ, отъ сыворотки и гадкаго сыру и отъ навоза телятъ, которые пользуются преимуществомъ быть привязанными здѣсь, милліоны блохъ, которыя въ одну секунду искусаютъ васъ, и наконецъ бѣлыя мыши, бѣгающія по потолку, обсыпающія васъ сажею,—все это, я увѣренъ, обратитъ каждаго въ бѣгство.

По приходѣ гостя, хозяинъ привѣтствуетъ его словами: «побѣда тебѣ, герой!» Тутъ у него берутъ лошадь, оружіе, а самого вводятъ въ домъ. Тогда хозяинъ спрашиваетъ о здоровьи его, семейства и скота. Гость на это отвѣчаетъ: «да не пересилитъ васъ врагъ, стоитъ ли объ этомъ спрашивать? Въ насъ обитаютъ еще горькія души (т. е. живемъ не безъ горя); вашими молитвами проводимъ дни и ночи.»

Послѣ обоюдныхъ привѣтствій и комплиментовъ, гостя сажаютъ, начинаютъ угощать пивомъ и водкой. Хозяинъ въ это время стоитъ на колѣняхъ, постоянно подчуетъ гостя, поетъ ему пѣсни и играетъ на пандурѣ. Гость, попивши вдоволь пива и водки, встаетъ, сажаетъ хозяина и, въ свою очередь, прислуживаетъ ему, платя тою же монетою.

У хевсуровъ существуетъ обычай братовства. Еслибы вамъ вздумалось побрататься съ однимъ изъ этихъ дикарей, то въ этомъ случаѣ нужно совершить обрядъ серебро-кушанія, т. е. наскоблить въ вино серебряную монету и обоимъ троекратно выпить по глотку, послѣ чего вы дѣлаетесь болѣе чѣмъ братьями. Можете войти въ его домъ, какъ въ свой собственный; его сестры — ваши сестры. Новый братъ вашъ обязанъ защищать васъ, ласкать, угощать и пожертвовать своею головою, если это будетъ нужно.

Хевсурію можно бы назвать притономъ разбойниковъ и бѣглецовъ, потому что хевсуры готовы принять къ себѣ каждаго преступника, если только онъ принесъ въ жертву капищу одного барана. Тогда общество содержитъ пре-

ступника на свой счетъ, защищаетъ и, въ случаѣ убійства его кѣмъ-нибудь, требуетъ за кровь убитаго, также какъ и за природнаго хевсура.

Самый страшный и завѣтный обычай у этихъ племенъ—кровомщеніе.

Что касается до суда и расправы, племена эти во всѣхъ спорахъ выбираютъ судей, преимущественно изъ стариковъ. Для принесенія жалобы назначаютъ время и мѣсто, куда приходятъ судьи, нѣсколько постороннихъ людей и тяжущіеся. Тогда истецъ становится предъ судьями на колѣни, снимаетъ шапку и произноситъ слѣдующія слова: «Господи, помоги Грузіи, правдивому судьѣ, правому истцу; покриви пристрастному судьѣ и тому, кто жалуется ложно! Ты отвѣчай за меня!» Послѣ этого онъ разсказываетъ, въ чемъ состоитъ его жалоба, тутъ очередь доходитъ до отвѣтчика, который повторяетъ тоже самое. Судьи, по выслушаніи тяжущихся, сравниваютъ обстоятельства дѣла съ прежде бывшими, разсуждаютъ и наконецъ рѣшаютъ споръ, объявивъ тутъ же объ этомъ жалобщикамъ. Такое рѣшеніе уже свято, неизмѣнно и удовлетвореніе должно послѣдовать вслѣдъ затѣмъ.

Религія хевсуровъ—смѣсь христіанства съ язычествомъ. Но вы нанесете имъ кровную обиду, если назовете ихъ нехристями. Напротивъ они вообще всѣхъ иновѣрцевъ величаютъ басурманами. Уважая крестъ Господень, св. Георгія, апостоловъ Петра и Павла и Михаила Архангела, въ тоже время они поклоняются какимъ-то богамъ: Анатори, Нахарела, Пиркуши и многимъ другимъ.

Хотя въ Хевсуріи въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и есть православныя церкви и священники, но нетолько у исповѣди и причастія св. Таинъ не бываютъ туземцы, а даже рѣдко который изъ нихъ заглянетъ въ церковь. Между тѣмъ какъ эти дикари не смѣютъ пропустить ни одного праздества, отправляемаго при капищахъ.

Нельзя приэтомъ не остановиться на деканозахъ—монахахъ ущелья или жрецахъ капища и кадагахъ—проповѣдникахъ.

На обязанности первыхъ лежитъ: закалывать приводимый на жертву скотъ; они же имѣютъ право вѣнчать.

«Званіе деканоза наслѣдственное, а достигаютъ этого двоякимъ образомъ: вопервыхъ, каждый желающій носить званіе деканоза притворяется больнымъ и послѣ разсказываетъ всѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ какого-либо святаго, который предрекъ ему, что онъ не иначе получитъ облегченіе отъ болѣзни, какъ посвятивъ себя въ деканозы, къ такому-то капищу. Тогда онъ приводитъ быка или корову къ тому капищу, котораго онъ желаетъ быть деканозомъ. Сюда же собираются другіе деканозы, закалываютъ приведенное на жертву животное и посвящающійся въ деканозы начинаетъ угощать своихъ собратій, давая клятву: не ѣсть свинины, яицъ и всякой птицы, кромѣ мяса рогатаго скота (примѣру этому слѣдуетъ большая часть жителей), и послѣ такого обѣта онъ уже вступаетъ въ званіе деканоза, къ выбранному имъ капищу. Вовторыхъ, званія этого достигаютъ подкупомъ другихъ деканозовъ. Кромѣ этого, деканозы иногда принимаютъ роль предсказателей, что обыкновенно происходитъ у какого-нибудь капища. Тутъ молель-

щики приступаютъ къ деканозу съ просьбами вопросить святаго (большею частью Георгія), какія случатся въ томъ году происшествія? Деканозъ сперва отказывается, говоря, что боится безпокоить святаго; но послѣ, по неотступнымъ настояніямъ народа, онъ приготовляется къ предсказанію, которое начинаетъ разными коверканіями, воемъ, бьетъ себя камнемъ въ грудь, словомъ, представляетъ изъ себя бѣснующагося, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока, лишась силъ, не придетъ въ изнеможеніе и тогда уже падаетъ на землю, притворясь безчувственнымъ; на губахъ у него является пѣна и въ это время произноситъ, будто-бы внушенныя святымъ, слова, которыя бываютъ всегда двусмысленныя, вродѣ изреченій оракуловъ древнихъ.

Кадагами бываютъ мужчины и женщины. Послѣднія страшнѣе своимъ фанатическимъ ожесточеніемъ. Онѣ вбѣгаютъ на горы, бьютъ себя камнями въ грудь, кричатъ, неистовствуютъ... словомъ представляютъ изъ себя родъ евангельскаго бѣсноватаго. Вой кадаговъ—невыразимъ! Они стоятъ съ пѣною на губахъ и, въ изступленіи, обращаются къ народу съ слѣдующими словами: «тѣлесные! исполните всѣ мои приказанія! Иначе — отступлюсь отъ васъ!.. Слушайте, а то уничтожу!.. Гдѣ мой золотой мячъ?.. Мое ристалище!.. Сокрушу васъ!.. жертвы!.. жертвы!.. жертвы!..» Тутъ проповѣдница (или проповѣдникъ) падаетъ безъ чувствъ. Народъ въ недоумѣніи не постигаетъ, чѣмъ могли прогнѣвать сватаго?!..»

Не безъинтересны обычаи и обряды хевсуръ, совершаемые: а) при бракосочетаніи, б) при рожденіи младенцевъ и в) погребеніи умершихъ.

«а) У хевсуровъ невѣста обручается будучи еще ребенкомъ, а многія даже въ люлькѣ, но ихъ не выдаютъ замужъ ранѣе 20 лѣтъ. Въ знакъ обрученія женихъ отдаетъ родителямъ невѣсты абазъ (20 коп. сер.). По совершеннолѣтіи же ея женихъ посылаетъ къ ней въ домъ одну женщину и двухъ добросовѣстныхъ людей, отправивъ съ ними 3-4 барана. Посланные приходятъ туда тайкомъ и внезапно врываются въ домъ. Родители невѣсты, отгадавъ причину ихъ прихода, отказываютъ посредникамъ на предложеніе ихъ, говоря, что они недостойны. Но эти въ свою очередь начинаютъ ихъ успокоивать, выхваляя мнимыя достоинства жениха, и, послѣ недолгаго увѣщанія, начинаютъ рѣзать приведенный ими скотъ. Родители невѣсты, побѣжденные послѣднимъ поступкомъ посредниковъ, созываютъ родственниковъ и, послѣ недолгаго пиршества, невѣсту отправляютъ въ домъ жениха, куда слѣдуютъ за нею всѣ односельцы ея, по одному человѣку съ дома. Между тѣмъ приводятъ и жениха, который на это время долженъ былъ скрываться у сосѣда. Тогда чету сажаютъ у огня, разведеннаго, по обыкновенію закавказскихъ жителей, среди комнаты и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы дымъ вѣялъ имъ прямо въ лицо. Тутъ подходитъ деканозъ, ставитъ передъ четой кушанья и пиво, подаетъ имъ по восковой свѣчѣ, послѣ чего они встаютъ, а деканозъ въ это время прокалываетъ иголкой концы ихъ платья. Тогда шафера подаютъ деканозу ковшикъ съ пивомъ или водкой, по принятіи коего онъ произноситъ молитву, прося благословенія Божія на бракосочетающихся, молясь о размноженіи ихъ семейства и объ увеличеніи хозяйства. По окончаніи молитвы, де-

канозъ выпиваетъ за ихъ здоровье. Этому примѣру слѣдуютъ шафера, а за ними и всѣ присутствующіе. Затѣмъ начинается всеобщая попойка, пѣсни и пляски.

Молодые втеченіе 2-хъ недѣль чуждаются другъ друга, стыдятся говорить при постороннихъ; по истеченіи же этого времени молодая отравляется, на двѣ недѣли, въ домъ родительскій и, по возвращеніи къ мужу, жизнь ихъ уже течетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Каждый хевсуръ, женившись, тотчасъ раздѣляется въ имѣніи съ отцомъ или братьями и тутъ начинается самостоятельная жизнь его.

Вообще браки, совершаемые по туземному обычаю хевсурами, не имѣютъ прочнаго основанія. Мужъ, по своей волѣ, можетъ прогнать жену, хотя бы то было и чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, и даже безъ всякихъ со стороны послѣдней причинъ, отзываясь тѣмъ, что она ему не нравится или худая хозяйка.

Похищеніе невѣстъ у нихъ весьма обыкновенная вещь, и тотъ не молодецъ, кто женится, не похитивъ дѣвушки, и притомъ изъ хорошей фамиліи. Однако похищенія эти влекутъ за собою ужасные споры, убійства и, вслѣдствіе этого, страшныя кровомщенія.

Приданаго у хевсуровъ нетолько не существуетъ, но даже женихъ обязанъ дать родителямъ невѣсты извѣстное число коровъ.

б) Рожденіе младенца. Беременная долго и съ большимъ трудомъ скрываетъ интересное положеніе свое, но когда она чувствуетъ приближеніе родовъ, то удаляется, или лучше сказать ее выгоняютъ изъ дому въ особо построенный для нея женщинами, на разстояніи одной версты отъ деревни, шалашъ, называемый сачехи. Въ этомъ шалашѣ она должна родить безъ всякихъ пособій, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Если роды трудны и слышатся отчаянные крики беременной, то жители подкрадываются къ шалашу и даютъ залпъ изъ ружей, чтобы испугать родильницу и тѣмъ облегчить ея страданія!!.. На другой день послѣ родовъ приносятъ ей хлѣба и кладутъ поодаль отъ шалаша. Родильница должна прожить тутъ мѣсяцъ, по истеченіи этого времени она возвращается въ деревню и для окончательнаго, по ихъ мнѣнію, очищенія себя отъ всякія скверны, двѣ недѣли должна прожить съ ребенкомъ въ особо устроенной лачужкѣ, называемой у нихъ самревло. По приходѣ въ деревню новородившей шалашъ, сачехи, сжигается, чтобъ въ ней не поселился злой духъ.

Мужу беременной и ей самой воспрещено бывать на праздникахъ, такъ какъ они считаются нечестивыми, оскверненными.

Хевсуры новорожденнымъ дѣтямъ даютъ имена, между которыми христіанскихъ весьма мало.

Мальчикамъ даютъ самыя грубыя имена: Мгела (волкъ), Вепхвія (барсъ), Хинчла, Датвія (медвѣдь), Георгій, Иване, Герена и пр. Зато дѣвочки имѣютъ выгоды называться самыми нѣжными и прихотливыми именами: Мзіа (солнышко), Тетруа (бѣлая), Гулта-мзе (солнце сердца), Мзе-винари (кто солнце?), Вардуа (роза), Маріамъ, Тамара, Дедуна (маменька), Дзудзуна (сисечка), Маргалита (жемчужина) и пр.

в) Погребеніе умершихъ. Какъ только замѣтятъ хевсуры, что больной умираетъ, тотчасъ же его выносятъ на дворъ, чтобъ не осквернить дома. Покойника брѣютъ, обмываютъ, надѣваютъ на него новое платье и оружіе. Тутъ онъ долженъ пролежать четыре дня и въ промежуткахъ этого времени хуцесъ *) изустно читаетъ надъ нимъ молитвы. Между тѣмъ жители, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ихъ сосѣда, приходятъ къ главѣ семейства совершить обрядъ: чирисъ-дцкена, горе отъ потери, и митиреба — при плаканіи рыданіе, изъявленіе сожалѣнія. Въ это время родственникъ умершаго сидитъ въ саклѣ небритый, съ надвинутою на глаза шапкою, съ разстегнутою рубашкою и открытою грудью. Посѣтитель становится предъ нимъ на колѣни, и оба начинаютъ плакать, вычисляя достоинства покойнаго и выражая горестное положеніе свое слѣдующими словами: Посѣтитель: «Отчего не я умеръ прежде, чѣмъ увидѣлъ тебя въ такомъ положеніи?!.. Родственникъ умершаго: Твоему врагу и злодѣю! Посѣт. Прискорбно и Богу, что сердце твое полно горечи... ты лишился человѣка; онъ долженъ укрыться землею, а подобный мнѣ ходитъ подъ солнцемъ, говоритъ съ тобою!.. Род. ум. Минуетъ ли насъ хорошее?.. Къ добру ли мы живемъ?.. для несчастій и стыда; умремъ — успокоимся, избавимся отъ бѣдствій, освободимся отъ горести сердечной... Скрыть бы нашу жизнь!.. Посѣт. Кто жъ лучше васъ?.. Мужчины достойны быть господами, женщины — царицами. Вамъ-то и имѣть большой домъ, табуны, оружіе... быть во главѣ войска, предводительствовать хевсурами. Род. ум. Да наградитъ тебя Господь за сожалѣніе объ насъ, несчастныхъ» и пр.

Тутъ посѣтитель встаетъ, уступая поле воя и рыданій новому лицу. Но на дворѣ происходитъ сцена, болѣе терзающая уши. Вокругъ покойника сидятъ женщины, во главѣ ихъ наемныя плакальщицы. Умѣющая хорошо плакать, т. е. вычислять достоинства умершаго цвѣтисто, гиперболически, — опирается на саблю покойника (если же оплакиваютъ женщину, въ такомъ случаѣ плакальщица держитъ палку, къ концу которой привязанъ кусокъ красной бязи) и начинаетъ протяжнымъ голосомъ: Встань, герой, войска ждутъ тебя!.. не идти же имъ безъ предводителя...

Тутъ остальныя женщины бьютъ себя по колѣнямъ и завываютъ общимъ хоромъ, чрезвычайно медленно, протяжно, соблюдая гармонію: Вай! вай! вай!.. При этой сценѣ стоятъ нѣкоторые изъ мужчинъ и, закрывъ лицо шапками, вторятъ общему вою Между тѣмъ плакальщица снова начинаетъ: «что жъ, герой, не отвѣчаешь?.. Неужели не отдашь никакого приказанія?.. Конь твой ржетъ, не чуя всадника... Встань, встань, герой!..» (Хоръ воетъ; плакальщица продолжаетъ): «Неужели хирими твой долженъ замолкнуть на радость врагамъ?!.. Встань, герой надъ героями, а то щитъ твой заржавѣетъ, сабля потускнѣетъ на радость врагамъ!!.. и пр. Увы! Онъ насъ не слышитъ, онъ намъ не отвѣчаетъ!..»

---

*) Лицо, имѣющее право у хевсуровъ хоронить умершихъ.

Тутъ начинаются общія завыванія, шумъ, гвалтъ и все это, сливаясь въ одно, составляетъ такой адскій requiem, что испугался бы самъ покойникъ, еслибъ онъ это могъ слышать!

На четвертый день съ усопшаго снимаютъ оружіе, относятъ его на фамильное кладбище и предаютъ землѣ, безъ гроба, почему могилу выкладываютъ досками или плитнякомъ. Ко дню похоронъ родственникомъ умершаго назначаются скачки, на которыхъ всадники, за страшный подвигъ скакать по ужасной крутизнѣ, получаютъ призы, состоящіе изъ коровъ, барановъ и козлятъ. Несостоятельные же, вмѣсто скачекъ, назначаютъ хабахи — стрѣльбу въ цѣль, за которую призъ состоитъ изъ нѣсколькихъ паръ носковъ. Лошадь покойника отдается его задушевному другу.

По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ, гости должны выкурить за упокой души умершаго трубки, набитыя махоркой. Потомъ ихъ угощаютъ вареной бараниной, слоеными лепешками, пивомъ и водкой.

На годовыхъ поминкахъ возобновляютъ окончательно рыданія и назначаютъ скачки. Тогда всадники должны скоро рысью посѣтить всѣ деревни, гдѣ только живутъ родственники умершаго. Наѣздники, побывавъ въ этихъ деревняхъ, хотя бы онѣ и были на разстояніи 30 верстъ одна отъ другой, и отвѣдавъ наскоро приготовленныя для нихъ тутъ яства и водку, — должны по приближеніи къ деревнѣ, гдѣ совершаются поминки, съ разстоянія 7 верстъ, пустить уже вскачь лошадей, которыя выигрываютъ призы въ слѣдующемъ порядкѣ: первой прискакавшей лошади достается одна корова, второй за нею — три барана, третьей — два барана, четвертой — одинъ баранъ и пятой одинъ козленокъ; остальнымъ ничего. Затѣмъ уже народъ, наѣвшись и напившись вдоволь, расходится по домамъ.»

БОРЖОМСКОЕ УЩЕЛЬЕ, ВАРДЗІА И УПЛИСЪ-ЦИХЕ.

Отъ Тифлиса до Боржома 156 верстъ; дорога вездѣ прекрасная, исключая двухъ переправъ: чрезъ Ксанку и Ліяхву. Тутъ вамъ придется переѣхать чрезъ стремительныя рѣки въ бродъ. Проѣхавъ черезъ Гори, вы полюбуетесь широкою сурамскою равниною, далеко кругомъ окаймленною горами, на скатахъ которыхъ красуются, въ зеленыхъ кущахъ, живописныя деревни и развалившіяся башни, остатки прежнихъ замковъ и укрѣпленій. Направо вы увидите дорогу, которая тянется къ сурамскому перевалу, отдѣляющему Грузію отъ роскошно зеленѣющей Имеретіи. Влѣво другая дорога ведетъ къ Боржому. Въ 9 верстахъ отъ Сурама вы услышите шумный, неумолкный говоръ Куры, которая, пробиваясь сквозь горы, быстро несется къ вамъ навстрѣчу. Тутъ начинается Боржомское ущелье или, правильнѣе, ущелье Куры, Мткварисъ-Хеоба; Боржомскимъ же оно названо недавно, едвали не русскими, не захотѣвшими вѣроятно ломать себѣ языка. Впро мъ, нѣсколько старожиловъ

увѣряютъ, что при входѣ въ это 48-ми-верстное ущелье, отъ стороны Сурама, находилась сторожевая башня, называемая Боржомскою. Дѣйствительно, до сего времени замѣтны при входѣ въ ущелье остатки нетолько башни, но и бывшаго нѣкогда каменнаго моста и большаго замка, расположеннаго на самой вершинѣ высокой, конической горы. Впрочемъ, тутъ вамъ не будетъ времени разсуждать о мертвыхъ названіяхъ передъ оживленной картиной, которая разовьется въ вашихъ глазахъ. Прежде всего васъ поразитъ, въ особенности послѣ обнаженной, безлѣсной дороги, густая, яркая, веселая растительность, которая то вѣнчаетъ отвѣсныя базальтовыя скалы, то разстилается по отлогимъ изумруднымъ горамъ, разсѣченнымъ серебряной лентой буйно-текущей Куры. Дорога вьется по лѣвому берегу рѣки, между сжавшихся горъ, вплоть до Ацхура, гдѣ горы снова раздвигаются. На всемъ этомъ пространствѣ, по обѣ стороны, сплошною массою громоздятся цвѣтистые кустарники и стройныя хвойныя деревья. Панорама измѣняется съ каждымъ изгибомъ рѣки, по обѣ стороны которой упираются въ главное ущелье другія меньшія, сопровождающія теченіе рѣчекъ и журчащихъ потоковъ. Въ одномъ изъ этихъ второстепенныхъ ущелій, изъ которыхъ съ шумомъ вытекаетъ Шави-цхали, черная вода, и расположенъ Боржомъ съ своими цѣлебными источниками *). Подъѣзжая къ мѣстечку, вы уже видите на высокомъ холмѣ, близъ моста, переброшеннаго черезъ Куру, развалившійся замокъ Гогіасцихе. Немного далѣе, на другомъ берегу, на высокомъ уступѣ, обросшемъ лѣсомъ, надменно выдвигается соперникъ его Петерцихе. Въ этихъ каменныхъ гнѣздахъ жили нѣкогда, какъ гласитъ народная легенда, два брата, враждовавшіе между собою. Тутъ во всемъ ихъ разгулѣ разыгрывались феодальные нравы, лихія схватки рыцарей большихъ дорогъ. Тутъ нерѣдко доставалось и запоздалому путнику, и купцу-армянину, и оплошавшему каравану. Нерѣдко оба брата, съ ихъ азнаурами и нукерами, встрѣчались въ кровопролитныхъ стычкахъ и ужасали тавадовъ своей неслыханной враждой. Наконецъ, ихъ согласили какъ-то къ примиренію; они съѣхались каждый съ своими приближенными въ домъ примирителя. Братья обнялись, поклялись въ вѣчной дружбѣ и, въ залогъ будущаго согласія, начали опоражнивать турьи рога и азарпеши. Но кахетинское вино не могло залить таившейся въ ихъ сердцахъ ненависти другъ къ другу. Отъ перваго ничтожнаго предлога завязался споръ, отъ спора перешло до ссоры, отъ ссоры до драки, отъ драки до ножей. Азнауры и нукера не отстали отъ своихъ владѣтелей, и пиръ кончился тѣмъ, что шестьдесятъ человѣкъ легло на мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ замки опустѣли и преданы разрушенію. Вотъ что живетъ въ преданіи; но когда это было и было ли это въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно. Достовѣрно извѣстно только то, что до XVI столѣтія въ окружностяхъ боржомскихъ лѣсовъ было весьма значительное населеніе. Отъ существованія его сохранилось, кромѣ многихъ развалившихся замковъ, несмѣтное количество разрушенныхъ

*) Теперь здѣсь устроенъ лѣтній дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

церквей. Нѣкоторыя изъ самыхъ приближенныхъ къ Боржому сохранили слѣды и величественные размѣры византійскаго зодчества. Большая часть этихъ церквей относятся къ славнымъ временамъ Грузіи, къ царствованію Тамары, которая, почитая верхнюю Карталинію лучшимъ перломъ своего вѣнца, основала свое пребываніе въ окрестностяхъ Ахалцыха, въ крутой, обрывистой скалѣ, въ которой высѣченъ и выдолбленъ былъ дворецъ изъ трехъ сотъ шестидесяти покоевъ и названъ Вардзіа. Путешественникъ можетъ еще видѣть остатки этого необыкновеннаго царскаго жилища, гдѣ, между кельями и проходами, сохранился, въ нѣдрахъ земли, храмъ великолѣпныхъ размѣровъ съ превосходною живописью на стѣнахъ. Между сохранившимися изображеніями особенно замѣчателенъ портретъ во весь ростъ самой царицы Тамары; тутъ же въ боковомъ придѣлѣ видѣнъ еще каменный балдахинъ, подъ которымъ вѣроятно Тамара была первоначально похоронена. Она скончалась въ Вардзіа; но многіе полагаютъ, что тѣло ея отвезено въ Гелатъ; другіе же утверждаютъ, что есть преданіе, что настоящая ея могила находится въ Сванетіи. Вообще въ судьбѣ Тамары есть что-то таинственно-величественное. Грузинскій народъ горделиво сохраняетъ послѣ семи вѣковъ, какъ драгоцѣнную святыню, память великой жены, подарившей его нѣкогда могуществомъ и славой. Ея благочестію приписываютъ то несмѣтное количество памятниковъ и церквей, которыхъ слѣды каждый день отыскиваются въ густой чащѣ лѣсовъ и непроходимыхъ дебряхъ, гдѣ прежде очевидно было населеніе, но гдѣ нынѣ надо проходить съ топоромъ. Въ окрестностяхъ Боржомскаго ущелья насчитывается таковыхъ церквей и памятниковъ до двухъ сотъ. Эти развалины, разбросанныя по вершинамъ и ущельямъ, представляютъ прекрасную цѣль для прогулокъ, живописные виды для художниковъ, цѣлое поле для изысканій археологамъ.

Выйдя изъ Боржомскаго тѣнистаго ущелья, теченіе Куры въ окрестностяхъ г. Гори окаймлено обнаженными изхолмленными равнинами, изъ которыхъ нѣкоторыя обрывисто оканчиваются надъ рѣкою, образуя желтоватые утесы изъ твердаго песчаника. Уплисъ-цихе есть ничто иное какъ подобная скала, у подножія которой расположена небольшая деревенька, въ видѣ ярко-зеленаго оазиса, посреди выжженной степи. Деревенька Уплисъ-цихе лежитъ въ 7 верстахъ отъ города Гори, внизъ по теченію Куры, на лѣвомъ ея берегу. Проѣхавъ деревню, вы видите влѣво высокую стѣну самаго утеса, въ которомъ кое-гдѣ, какъ глазныя впадины въ черепѣ, мрачно выглядываютъ пещеры, когда-то выдолбленныя людьми, но уже давно неприступныя. Такимъ образомъ цѣлая часть города, вырытаго въ землѣ, торчитъ на воздухѣ; другая же часть доступна, и съ берега къ ней ведетъ вдавившаяся желобомъ въ камень тропинка, образующая, по мѣрѣ подъема, узкій каменный коридоръ. Эта тропинка огибаетъ гору. И тутъ вамъ представляется влѣво уже не обрывъ, а совершенно отлогій отклонъ, весь изрытый пещерами съ сѣнями, которыя, какъ черныя разинутыя пасти, зѣваютъ на всѣ стороны. Какое-то странное, непостижимое чувство овладѣваетъ вами въ этой неразгаданной обители, посреди которой возвышается выстроенная изъ кирпича небольшая цер-

— —

ковь, ветхая и почти развалившаяся, но, очевидно, построенная только нѣсколько вѣковъ, тогда какъ самъ городъ существуетъ нѣсколько тысячелѣтій. И какой чудный, какой фантастическій городъ! Прежде всего васъ поразитъ рядъ правильныхъ покоевъ, обтесанныхъ въ видѣ параллелограмовъ. Съ лѣваго края надъ сѣнями выдвигается угломъ, или верхней частью фронтона, крыша; нижній слой ея вырѣзанъ въ видѣ шашешницы, съ украшеніями въ каждомъ четыреугольникѣ. Эта рѣзьба, очевидно, принадлежитъ древнему греческому стилю. Повыше вы выходите въ большую залу, съ правильными, по бокамъ, арками, съ слѣдами пилястровъ, съ круглымъ отверстіемъ на потолкѣ, перерѣзанномъ уступомъ, въ который упирались пилястры, и съ круглымъ отвертіемъ. Къ этой залѣ примыкаютъ съ двухъ сторонъ ниши. Умъ теряется въ догадкахъ насчетъ этой залы. Была ли она языческимъ храмомъ, или пріемной какого-нибудь властелина? Другая пещера меньшаго объема правильно вытесана сводомъ или палаткой, раздѣленной четырьмя дугами, которыя соединяются на потолкѣ въ кругломъ арабескѣ. Тутъ явно вліяніе арабскаго зодчества. Еще весьма оригинально одно жилье въ 2 этажа, расположенныхъ не одинъ надъ другимъ, а наискось. Верхняя комната отличается изящно-вытесаннымъ въ параллелограмахъ плафономъ, а съ полу, временемъ или искусствомъ, пробита широкая щель къ нижнему покою, совершенно простому по обдѣлкѣ. Всѣхъ пещеръ никто не пересчитывалъ; многихъ давно никто и не видѣлъ. Главныхъ, изящныхъ пещеръ насчитано 12. Въ этомъ подземельи вы увидите и ворота, и городскую стѣну, канавы, улицы, духаны, лѣстницы, покои, ниши и скамьи въ покояхъ, и все это перебитое, разбросанное, громоздящееся другъ на другѣ. Но что были за люди эти троглодиты? И къ чему и зачѣмъ было вырывать въ скалѣ, съ такимъ трудомъ и съ такимъ терпѣніемъ, такой странный городъ? Грузинскія лѣтописи умалчиваютъ объ этомъ и ограничиваются слѣдующимъ краткимъ указаніемъ:

Отъ Ноева сына Іафета произошелъ въ 3-мъ или 4-мъ колѣнѣ родоначальникъ армянъ и грузинъ, Таргамосъ. У Таргамоса было 8 сыновей, и по имени одного изъ нихъ, Картлоса названо племя карталинцевъ. Сынъ Картлоса, Михетосъ, построилъ городъ Михетъ (Мцхетъ), древнюю столицу Грузіи. Сынъ Михетоса, Уплисъ, построилъ города Каспъ, Урбнисъ и Уплисъ-цихе, что̀ значитъ замокъ Уплиса. Уплисъ-цихе былъ городомъ до нашествія Чингисъ-хана. Построеніе его было изумительное и заключалось въ покояхъ, высѣченныхъ въ скалѣ; одна изъ этихъ пещеръ простиралась до Мтквари, т. е. до Куры. Уплисъ-цихе—одна изъ замѣчательнѣйшихъ древностей Кавказа и это подземное сооруженіе послужило образцомъ для Вурдзіа, дворца Тамары, который тоже былъ выдолбленъ въ скалѣ.

АБАСЪ-ТУМАНЪ.

Мѣстечко Абасъ-Туманъ, Ахалцыхскаго уѣзда, лежитъ на высотѣ 4170 фут. надъ поверхностью моря (Рупрехтъ). Оно лежитъ въ одномъ изъ ущелій Грузино-Имеретинскаго хребта, на сѣверо-западъ отъ Ахалцыха, въ разстояніи отъ него по прямому направленію не болѣе 12 верстъ и сообщается съ нимъ двумя довольно порядочными колесными дорогами: ближнею — черезъ высокій горный перевалъ въ 18 верстъ, и дальнею — въ 25 верстъ по теченію рѣчекъ Пацховъ-Чая и Оцхе, минующею этотъ перевалъ; эта послѣдняя дорога несравненно удобнѣе первой.

Ущелье, въ которомъ лежитъ Абасъ-Туманъ, составляетъ естественное русло небольшой горной рѣчки Оцхе, называемой русскими Абасъ-Туманка; въ общемъ направленіи ущелье это тянется съ юга на сѣверъ, изгибаясь однако беспрерывно самыми причудливыми формами и линіями; по красотѣ мѣстности, по богатству растительности оно можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ, даже въ этомъ краѣ, изстари прославленномъ прелестью горной природы. Полуразвалившіеся остатки старинныхъ башенъ, крѣпостей и деревень, эти нѣмые свидѣтели кипѣвшей здѣсь когда-то жизни, причудливыя формы то мрачно-сѣрыхъ, то золотистыхъ, то ярко-зеленыхъ скалъ и громадныхъ горныхъ вершинъ поглощаютъ собою все вниманіе путника отъ самаго въѣзда въ ущелье; и если нѣкоторыя изъ этихъ картинъ въ частности поражаютъ величіемъ, грандіозностью и суровостью, тѣмъ неменѣе общій характеръ природы ущелья чрезвычайно свѣжъ, мягокъ и пріятенъ. На 4-й или 5-й верстѣ, отъ начала своего со стороны Ахалцыха, оно нѣсколько расширяется въ котловину, замкнутую при входѣ скалою саженъ въ 20 вышины и въ 100 длины, скалою, которая, выдвинувшись отъ одного изъ горныхъ кряжей лѣвой стороны, легла поперегъ всего ущелья и, кажется, совершенно загородила собою доступъ въ котловину; только по серединѣ этой скалы находятся узкія ворота, какъ-бы отъ насильственнаго разрыва ея, черезъ которыя, шумя и пѣнясь, красивымъ водопадомъ низвергается рѣчка Оцхе. Эффектъ этого явленія поразителенъ и доставляетъ одно изъ высокихъ наслажденій любителю природы.

По берегу скалы идетъ дорога, взобравшись по которой на вершину, вы видите передъ собою самое мѣстечко Абасъ-Туманъ, очень тѣсно сгруппировавшееся по берегу рѣчки и въ общемъ видѣ производящее довольно хорошее впечатлѣніе бѣлизною своихъ незатѣйливыхъ построекъ.

Плодовитая народная фантазія востока приписываетъ Абасъ-Туману очень древнюю и очень завидную исторію. Говорятъ напр., что еще воины Александра Македонскаго купались будто-бы въ цѣлебныхъ его источникахъ и выздоравливали отъ тяжелыхъ ранъ; разсказываютъ много чудесъ о самой мѣстности и водахъ, относящихся къ лучшей порѣ грузинской исторіи.

Русское владычество застало въ 1829 году Абасъ-Туманскія воды съ жал-

кимъ устройствомъ: надъ такъ-называемымъ Змѣинымъ *) источникомъ стояла баня въ восточномъ вкусѣ съ однимъ большимъ общимъ бассейномъ для воды посреди зданія, а надъ такъ-называемымъ Богатырскимъ ключемъ № 3 (тогда единственнымъ изъ теперешнихъ трехъ) — двѣ плохія ванны. Тѣмъ неменѣе однакожъ любовь и уваженіе къ водамъ между туземнымъ населеніемъ были полныя: въ осеннее время, свободное отъ хозяйственныхъ работъ, сюда собиралось для леченія, а еще болѣе для препровожденія времени и кэйфа въ ваннахъ по восточному обычаю, почти все достаточное населеніе Ахалцыха и его окрестностей; и само собою разумѣется, что репутація водъ между туземцами не могла не распространиться скоро и между новыми ихъ хозяевами русскими.

Теперешнее мѣстечко Абасъ-Туманъ съ 3-мя группами минеральныхъ источниковъ и 8 отдѣльными ключами имѣетъ часто тамъ для нижнихъ чиновъ, офицеровъ и нѣсколькихъ женщинъ до 50 казенныхъ и частныхъ домовъ, гостинницу, ротонду для танцевъ и нѣсколько бесѣдокъ для украшенія.

Находясь на рубежѣ Имеретинскихъ и Ахалцыхскихъ горъ Малаго Кавказа, на высотѣ 4170 фут. надъ поверхностью моря, мѣстечко въ отношеніи климатическихъ условій имѣетъ всѣ данныя для пріятнаго и здороваго уголка лѣтней жизни. Песчано-каменистая почва, состоящая главнымъ образомъ изъ хрупкаго зернистаго песчаника, перемѣшаннаго съ известковымъ плитнякомъ, быстро всасываетъ дождевую и атмосферную воду, падающую на землю, и чрезъ это мѣстечко пользуется завидной репутаціей—отсутствіемъ сырости и грязи, а великолѣпная флора средней полосы Россіи съ ея скромными, но ароматическими цвѣтами, богатство хвойнаго лѣсу, запрудившаго собою все ущелье, множество ключей холодной воды и самая рѣчка Оцхе даютъ здѣшнему воздуху, кромѣ необходимой для него влаги, столько легкости, ароматичности и живительности, что онъ самъ по себѣ въ состояніи уже служить отличнымъ средствомъ для поправленія больныхъ.

Абасъ-Туманскіе минеральные ключи, по общепринятому дѣленію ключей относительно температуры, принадлежащіе къ горячимъ, происхожденіемъ своимъ несомнѣнно обязаны существующей еще понынѣ подземной вулканической дѣятельности Малаго Кавказа. Эйхвальдъ въ трудѣ своемъ «о минеральныхъ водахъ Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи», руководствуясь главнымъ образомъ неутомимыми изслѣдованіями нашего извѣстнаго геолога академика Абиха, принимаетъ центромъ подземной дѣятельности, дающей начало этимъ ключамъ, потухшіе нынѣ громадные вулканы древней Арменіи — гору Алагезъ (12,766 ф.) и теперешнее озеро Геокъ-чай (5,500 ф.), принимаемое геологами за жерло огромнаго потухшаго вулкана.

---

*) Странное это названіе дано русскими ключу этому потому, что въ щеляхъ старинннаго зданія ваннъ надъ этимъ ключемъ и въ темной небольшой пещерѣ, ведшей къ самому истоку ключа, водилось огромное количество ужей, породы coluber (по опредѣленію извѣстнаго натуралиста нашего доктора Радде—coluber persa), совершенно безвредныхъ, неядовитыхъ.

Группа Абасъ-Туманскихъ минеральныхъ ключей разбивается на три частныя группы ключей, которые всѣ показываются на поверхность земли на лѣвомъ берегу рѣчки Оцхе и почти въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, такъ что линіи соединенія ихъ составятъ почти равносторонній треугольникъ: а) первая группа (3 ключа) самая богатая водою и высшей, чѣмъ остальные, температуры, называемая Богатырскимъ ключемъ, в) другой ключъ, такъ-называемый Змѣиный (2 ключа), кажется, древнѣйшій изъ всѣхъ и с) третій источникъ Противозолотушный (3 ключа).

ПЕРЕѢЗДЪ ЧРЕЗЪ СУРАМСКІЯ ГОРЫ. РІОНСКАЯ РАВНИНА.

Переѣздъ чрезъ Сурамскія горы.

Отъ Сурама до Кутаиса такое дивное мѣстоположеніе, что всѣ путешественники въ восторгѣ отъ него. Проѣзжая даже пять, шесть разъ, вы съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе плѣняетесь, чувствуете новыя впечатлѣнія. Это мѣсто одно изъ красивѣйшихъ въ Имеретіи.

За Сурамомъ граница Грузіи и Имеретіи. Нетолько люди, племя, положили черту раздѣла страны, но и самая природа рѣзко отличаетъ Карталинію отъ Имеретіи. Постепенно поднимаясь па Сурамскій перевалъ, къ Малиту, путникъ обворожается дивною прелестью мѣстоположенія, красивымъ очертаніемъ мѣстныхъ отроговъ и замѣтно роскошнѣйшею растительностью съ тысячами ароматическихъ кустовъ. Вся дорога окаймлена цвѣтущими ацаліями, каприфоліями, шиповникомъ, виноградомъ, жимолостью, барбарисомъ и другими растеніями. Даже жилища людей здѣсь уже являются не въ видѣ подземныхъ логовищъ, какъ въ Грузіи, а въ образѣ деревянныхъ домовъ, оживляющихъ красоту пейзажа. Путникъ, поднимаясь на перевалъ, постепенно входитъ въ новый міръ, и удивленіе его возрастаетъ съ каждымъ шагомъ впередъ. За переваломъ, другой характеръ природы—горы съ прелестными лужайками межъ сплошнаго бора, другой породы деревья, обвитыя лоснящимся, широколиственнымъ и благоуханнымъ плющемъ и, въ яркой, разнообразной зелени лѣсовъ, мѣстами оттѣненной мрачною, щетинистою сосной, вдругъ поражаютъ васъ огромныя кущи сиреневыхъ цвѣтовъ—это цѣлыя семьи рододендрона въ полномъ блескѣ, въ пышномъ убранствѣ природы. Солнце на западѣ горизонтально пронизываетъ зелень лѣсистыхъ горъ золотыми снопами лучей,—ацалія, лавръ, жасминъ, рододендронъ, каприфолія, снѣжные кусты, лиліи, ирисъ и макъ,—блескъ, пурпуръ, золото, изумрудъ, ропотъ нагорныхъ ключей, трели милліоновъ соловьевъ,—нѣтъ, это садъ обширный, это рай земной!

Отъ Малитъ къ Бѣлогорамъ пролегаетъ теперь шоссейная дорога по живописному ущелью, стороны котораго раздѣляетъ Шура и шумная, извиваю-

щаяся Чкеримела. Въ ущельи и предъ Бѣлогорами, гдѣ мѣстность расширяется, разбросаны сакли: тутъ расположены онѣ по мѣловымъ или луговымъ склонамъ горъ, за ними живописно рисуются гранитныя или дикаго камня отвѣсныя скалы, гдѣ по разсѣлинамъ вьется плющъ разнаго рода, мохъ, кустарникъ и болѣе рододендронъ безъ цвѣта; постоянная ихъ зелень даже въ зимнее время обворожительна и рѣзка для взгляда. Отъ Бѣлогоръ до р. Квирилы виды еще прелестнѣе, особенно на пейзажѣ низменной Имеретіи. Съ Бѣлогоръ, по направленію теченія Чкеримелы, тянется по обѣимъ сторонамъ цѣпь горъ, покрытыхъ лѣсомъ, пахотями, а по скатамъ саклями. Тутъ можно вдоволь насмотрѣться на имеретинскихъ лазарони, безпечно удящихъ въ рѣкѣ рыбу и поглядывающихъ на проѣзжающихъ съ самодовольною улыбкой. При этомъ постоянномъ занятіи, или лучше сказать забавѣ, они вообще, носятъ на себѣ отпечатокъ патріархальности; даже въ зимнее время почти всегда полуголы.

Рѣка Чкеримела съ истока своего примѣтно расширяется, и еслибъ она не имѣла большихъ камней, свалившихся съ вершинъ горъ и дороги, то могла бы быть судоходной. Пробѣгая съ быстротою по широкому кремнистому ложу, она въ постоянной битвѣ съ подводными камнями; часто струи ея расшибаются съ шумомъ въ алмазныхъ радугахъ и производятъ влажность въ воздухѣ. Чкеримела соединяется сзади Сарапаны съ р. Квирилою. Здѣсь на возвышеніи расположенъ былъ въ древности городъ Сарапана, процвѣтавшій нѣкогда всемірною торговлею; нынѣ нѣтъ и слѣдовъ прежняго богатства и величія, кругомъ развалинъ царствуетъ могильная пустота, видны только груды разсыпанныхъ камней и мѣстами уцѣлѣвшія отъ времени стѣны крѣпости, какъ вѣнецъ минувшей славы *).

Ріонская равнина.

На всемъ Кавказѣ нѣтъ мѣстности, которая была бы отдѣлена отъ всего остальнаго края такъ отчетливо и рѣзко, какъ отрѣзана отъ него тремя своими горными хребтами полукотловина Кутаисская. На сѣверѣ ее заслоняетъ громадная стѣна главнаго хребта, на югѣ такая же стѣна хребта Аджарскаго, а на востокѣ хребетъ Месхійскій, также стѣною соединяющій главный хребетъ съ Аджарскимъ. Словомъ, этотъ край совершенно отрѣзанъ отъ окрестностей, и понятно, что онъ долженъ жить своею собственною жизнью и отличаться всѣмъ отъ окружающихъ его мѣстъ. Такъ оно и есть. Это особый міръ, имѣющій кучу своихъ особенностей, какихъ мы не встрѣчаемъ по сосѣдству.

Чрезвычайно лѣсистая, сплошь покрытая до крайности обильною растительностью равнина Ріона въ длину простирается верстъ на 100. Окрестныя

*) См. «Руководство къ познанію Кавказа» М. Селезнева, ч. 2, стр. 67, 68.

горы нетолько даютъ ей защиту отъ вліянія сѣвернаго климата и своими собственными холодными вѣтрами снабжаютъ ее слабо, потому что чрезвычайная лѣсистость сосѣднихъ горныхъ склоновъ задерживаетъ такія воздушныя теченья, отчего здѣсь зима умѣренная, даже почти теплая, такъ что обыкновенно въ февралѣ, а то и въ январѣ цвѣтутъ здѣсь фіалки. Но зато, съ другой стороны, горы на Ріонскую долину вліяютъ тѣмъ, что доставляютъ ей чрезвычайную сырость нетолько обиліемъ горныхъ рѣчекъ, ниспадающихъ къ равнинѣ, но и тѣмъ, что задерживаютъ нагоняемыя сюда съ моря и со всей плоскости испаренія, которыя, охлаждаясь около горъ, производятъ частые и обильные дожди, орошающіе съ избыткомъ и безъ того не сухую почву равнины. Теплота снова подымаетъ этотъ избытокъ воды въ воздухъ; горы опять охлаждаютъ эти испаренія, которыя снова идутъ дождями, такъ что равнина Ріона представляетъ какъ-бы огромный, безпрерывно дѣйствующій перегонный снарядъ съ пріемникомъ въ горахъ, такъ что тутъ идетъ вѣчная перегонка, поддерживающая постоянную сырость на низменности. Прямымъ слѣдствіемъ этого является чрезмѣрно-усиленная растительность, лѣсистость, болотистость и лихорадочность края. Наконецъ, и сосѣдство моря выражается на этой плоскости также вліяніемъ, отчасти похожимъ на горное; Черное море часто направляетъ свои вѣтры на прибрежье. Морскіе вѣтры гонятъ сюда тучу испареній, увеличивающихъ сырость дотого, что подъ-часъ по здѣшнимъ дорогамъ прекращается всякое сообщеніе. Сырые же и холодные зимніе вѣтры надѣляютъ жителей пневмоніями и ревматизмами, а солдата, закупоривающагося въ такое время въ свою тѣсную, сырую турлучную казарму, сверхъ того еще цингою и тифоидами *).

Чтобы нагляднѣе видѣть картины Ріонской равнины въ отношеніи ея природы, начнемъ съ Кутаиса и спустимся къ прибрежью моря.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ріонъ съ шумомъ вырывается изъ мѣловыхъ скалъ и вступаетъ на равнину, раскинулся по обѣимъ сторонамъ его утопающій въ зелени городъ Кутаисъ. Видъ на Кутаисъ, хоть напримѣръ отъ старой его крѣпости на горѣ, весьма красивъ. Кругомъ на три стороны высоты покрыты густо-зеленымъ лѣсомъ, ихъ прорѣзываетъ зеленое ущелье, пропускающее шумный Ріонъ. Внизу городъ, занявшій собою небольшую по лѣвую сторону рѣки площадку, оставленную разступившимися горами. Но тутъ весь городъ не помѣстился и, перекинувшись на другой берегъ Ріона, потянулся вонъ отсюда на просторъ, къ равнинѣ. Каждый домъ въ городѣ весело выглядываетъ изъ окружающей его зелени, которой меньше только по прямымъ шоссированнымъ улицамъ, да по базарамъ. Налѣво, вонъ изъ ущелья, за послѣдними постройками, пошла широкая открытая равнина, сначала занятая только пашнями съ перелѣсками, а тамъ сплошь закрытая зеленью лѣсовъ, между которыми кое-гдѣ проглядываетъ Ріонъ, сначала огибающій послѣдніе

*) «Опытъ медицин. Географіи Кавказа» Н. Торопова, стр. 137, 138 и 61, 62.

холмы, а далѣе извивающійся голубою лентою въ зеленой сппевѣ, заканчиваемой па горизонтѣ темною полосою Аджарскихъ высотъ, бѣлѣющихъ мѣстами снѣгомъ. Ни на что не поскупилась для Кутаиса природа, надѣливъ его всѣмъ: и чудпымъ положеніемъ, и чистымъ довольпо воздухомъ, и хорошею водою, и отличнымъ матеріаломъ для построекъ, и лѣсомъ, плодороднѣйшею почвой и наконецъ такою великолѣпною флорой, какой па Кавказѣ не встрѣчается болѣе пигдѣ, потому что вѣчно зеленые кипарисы, туйи, буксъ, лавры, мирты и т. п. встрѣчаются только въ этомъ краѣ, дѣйствительно очаровательномъ, еслибы только не лихорадки, которыя портятъ все дѣло, хотя сравнительно онѣ въ самомъ Кутаисѣ и не такъ сильны, какъ па равнинѣ.

Отъ Кутаиса до Орпири Ріонъ идетъ еще въ берегахъ настолько высокихъ, что тутъ разливамъ его мѣста почти нѣтъ. Ріонская равнина отъ Кутаиса до впаденія въ Ріонъ Цхенисъ-Цхали, у Орпири, имѣетъ свою особенпую физіономію. Она вся до предгорій плоска, какъ столъ, и орошается только одпою рѣчкою Губисъ-Цхали, имѣющею впрочемъ много притоковъ, стекающихся къ ней со всѣхъ сторонъ. Тутъ отъ самаго Кутаиса до Губисъ-Цхали почва сухая, глинисто-песчаная, пересыпанная кругляками и только кое-гдѣ покрытая тонкимъ слоемъ чернозема, тонкимъ оттого, что лѣсная растительность здѣсь не сильна и проявляется только перелѣсками. За Губисъ-Цхали до самаго Орпири уже сырѣе, кругляка меньше, почва черноземнѣе и лѣсъ гуще; деревья чаще перевиты виноградомъ и плющомъ, а по сторонамъ шоссе проглядываетъ кое-гдѣ лужа стоячая, то не глубокая канавка съ едва подвигающеюся въ ней мутною водою, затянутою зеленью рясовъ; вечеромъ же соединенные хоры лягушекъ и комаровъ напоминаютъ о близости болота.

Здѣсь въ остромъ углу, образуемомъ сліяніемъ р. Цхенисъ-Цхали съ Ріономъ, находится мѣстечко Орпири, состоящее изъ одпихъ почти духановъ, а рядомъ съ нимъ па берегу Ріона чисто русская богатая деревня. Это поселеніе скопцовъ, изъ которыхъ сформирована тутъ инвалидная рота. Замѣчательно довольство*), въ которомъ живутъ эти зловредные сектанты, и этимъ развѣ объясняется еще, почему они, живя въ такой пропитанной міазмами сторонѣ, отъ лихорадокъ все-таки болѣютъ сравнительно мало. Они отлично ѣдятъ, отлично помѣщены и никакой тяжелой службы не несутъ, словомъ живутъ такъ, какъ не живетъ ни одинъ солдатъ на Руси. Удивительно ли послѣ этого, что они такъ успѣваютъ въ своей пропагандѣ; одно ужъ указаніе на то, въ какомъ они живутъ довольствѣ, служитъ весьма убѣдительнымъ доводомъ для нашего солдата, знающаго только труды да лишенія, и потому-то не проходитъ года, чтобы въ окрестныхъ войскахъ не появлялись свѣжіе кастраты.

---

*) Но при всеобщемъ довольствѣ нельзя безъ ужаса смотрѣть на здѣшнихъ туземцевъ: лица у всѣхъ болѣзненныя, голосъ пискливый, руки и ноги слабыя, сморщенное тѣло трясется, словомъ предъ скопцомъ всякій калѣка кажется молодцомъ. М. Селезнева Рук. къ позн. Кавк. 2 ч.

За Цхенисъ-Цхали начинается Мингрелія, этотъ дивный, сплошной садъ, раскинувшійся отъ самаго моря по равнинѣ, по предгоріямъ и горамъ, за которыми бѣлѣютъ снѣговыя вершины главнаго хребта съ поднятымъ надо всѣмъ Эльборусомъ. Множество рѣкъ орошаетъ этотъ край, изъ которыхъ четыре весьма почтенныхъ размѣровъ, особенно Ингуръ не уступитъ Ріону своимъ протяженіемъ. Всѣ онѣ, пока идутъ въ горахъ, несутся очень быстро, въ скалистыхъ берегахъ. Вся низменная Мингрелія имѣетъ почву, состоящую буквально изъ желтой глины. Глинистая почва, не вбирающая воду, сплошная подъ нею крыша изъ лѣсовъ, да слишкомъ частые дожди при южномъ солнечномъ знoѣ,—вотъ тѣ условія, благодаря которымъ растительность здѣсь развивается до невѣроятныхъ размѣровъ. Громадные вѣковые стволы дуба, бука, тополя, каштана, орѣха, фиги, при всей высотѣ ихъ, совершенно завиты здѣсь виноградомъ, хмелемъ, плющомъ и ліанами, которые своими зелеными пасмами перекидываются съ одного дерева на другое и покрываютъ все, а внизу сочные стволы травяныхъ растеній путаются между колючими изгородями березы и клематитовъ, которые не даютъ возможности проникнуть въ такой лѣсъ человѣку безъ помощи топора. И въ этой зелени стоитъ вѣчное болото, которымъ мингрелецъ пользуется только для посѣвовъ риса, для чего онъ валитъ деревья и съ нихъ засѣваетъ свое болото. Но и повалить-то дерево ему стоитъ не малаго труда. Ему прежде нужно разрушить всѣ тѣ живыя связи изъ вьющихся растеній, которыя не даютъ упасть и срубленному дереву. Вообще и здѣсь больше всего поражаетъ сила этихъ вьющихся и ползучихъ растеній при чрезвычайномъ разнообразіи ихъ. Каждая заброшенная, даже каменная постройка въ нѣсколько лѣтъ наглухо охватывается ими какъ зеленымъ панцыремъ, а виноградная лоза раскидывается по десяткамъ огромнѣйшихъ деревьевъ и нерѣдко, говорятъ, даетъ сотни ведеръ вина. У одного мингрельца, разсказываютъ, лоза забралась на землю сосѣда; тамъ, опустившись въ землю, она пошла въ корень и дала такимъ образомъ другой стволъ, что̀ подало поводъ къ спору о правѣ владѣнія лозою, тянувшемуся до тѣхъ поръ, пока его не покончила гроза, которая, разбивъ середину, дала каждой сторонѣ по лозѣ. Чтобы судить о разнообразіи здѣшней растительности, стоитъ только заглянуть въ садъ въ Зугдидахъ, гдѣ на волѣ можно видѣть великолѣпнѣйшія магноліи разныхъ сортовъ о бокъ съ хвойными, не говоря уже о павлоніяхъ, бигноніяхъ, маслинѣ и вѣчнозеленыхъ кустарникахъ, или о ползучихъ, которыя обратили развалины оранжереи, разрушенной во время послѣдней войны турками, въ самую живописную часть всего сада. Понятно, что при такой силѣ растительности хлѣбопашество здѣсь совсѣмъ не въ ходу. Кукуруза да гоми, родъ проса, да на болотахъ рисъ—вотъ и все, что сѣется туземцами. Пшеницу и ячмень можно встрѣтить развѣ только въ горахъ; на низменности же фрукты, наполняющіе лѣса, составляютъ основу жизни для жителей, которые и живутъ здѣсь не сплошными деревнями, а въ разбродку по лѣсу, каждый на своемъ участкѣ. Но вотъ что поражаетъ путешественника среди такой роскошной флоры: это почти совершенное отсутствіе пернатыхъ; какъ будто птица боится этихъ грандіозныхъ лѣсовъ, которыхъ

тоскливую тишину нарушаетъ развѣ только пѣсня мингрельца или же вѣтеръ, расшевеливающій густую листву. Какая-нибудь причина да есть же тому, что птица не живетъ здѣсь и, кажется, не будетъ въ томъ ничего парадоксальнаго, если допустить, что пернатыя бѣгутъ именно отъ здѣшней маларіи. Вѣдь треплетъ же лихорадка курицу; это здѣсь знаютъ всѣ. А міазмъ тутъ дѣйствительно гибель, что иначе и быть не можетъ. Еслибы тутъ пропорціонально страшной растительной производительности не шло также быстро умираніе растеній и разложеніе, то лѣсамъ здѣшнимъ теперь ужъ слѣдовало бы обратиться въ одно торфяное болото, отъ котораго и безъ того не далеки низменности съ Техура черезъ Хопи къ Ингуру, гдѣ почти и не селится никто за болотистостью и крайнею нездоровостью этихъ мѣстъ *).

Богата, роскошна природа Имеретіи, Мингреліи. Каковъ же здѣсь обитатель ся — человѣкъ?

«Проѣзжая чрезъ равнину (Ріонскую), — пишетъ г. Селезневъ **), — вы только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между деревьевъ встрѣчаете малые лоскутки земли, засѣянные кукурузой и гоми (въ послѣднее время хлопчатникомъ, табакомъ и пр.), и убѣждаетесь, что туземцы еще не совсѣмъ предоставили попеченіе о своемъ пропитаніи единственно заботамъ о нихъ первобытной матери природы. — Взгляните на бѣдный народъ, какая нищенская бѣдность: ноги безъ обуви, изодранныя рубахи, подпоясанныя кожанымъ ремнемъ или веревкой, прикрывая наготу до колѣна, показываютъ крѣпкія античныя формы тѣла; на головѣ круглый лоскутокъ сукна или тафты съ подкладкой подвязанъ подъ подбородкомъ: изъ-подъ этой легкой шапочки разсыпаются густыми прядями и кудрями длинные, черные волосы; едва на десятомъ увидите лохмотье чухи и вытертую бурку. Единственный экипажъ—арбу тащутъ два малые вола. Арба съ двумя изъ досокъ колесами, которыя обившись дѣлаются изъ круглыхъ четыреугольными, двѣ оглобли, соединяясь угломъ въ ярмѣ, составляютъ подпорки передку и бороздятъ землю.

Жители Имеретіи, да и не одной Имеретіи, но и Мингреліи, Гуріи, не имѣя въ достаточномъ количествѣ для пропитанія себя другихъ припасовъ, кромѣ лѣсныхъ плодовъ, крайне бѣдны, что заставляетъ ихъ покидать родину, разсѣеваться по разнымъ областямъ Закавказья и занимать тягостныя ремесла носильщиковъ (мушей), угольщиковъ и бичей (слугъ).

Имеретины родственны Грузинамъ и по происхожденію, и языку (который впрочемъ грубѣе грузинскаго), и вѣрѣ, но сближеніе ихъ съ другими народами оставило много чертъ своихъ нетолько въ обликѣ, но и въ нравственномъ проявленіи и обычаяхъ.»

Въ началѣ этого столѣтія (1804 г.) Литвиновъ (который долгое время употребляемъ былъ правительствомъ для весьма важныхъ порученій въ Имеретіи, Грузіи) слишкомъ невыгодно относился о жителяхъ Имеретіи, Мин-

---

*) Опытъ мед. геогр. Н. Торопова, стр. 148—153.
**) II ч., стр. 78, 79 «Рук. къ позн. Кавк.».

греліи: онъ говоритъ, что они «недовѣрчивы къ истинѣ и правдоподобію, хитры безъ тонкости, лжецы безъ нужды, не затрудняются обѣщать то, чего на дѣлѣ исполнить не хотятъ и не могутъ, о вѣрности и о храненіи даннаго слова понятія не имѣютъ; не стыдятся измѣны; всякій живетъ для себя, нѣтъ ни родства, ни дружбы; отъ частаго сношенія съ татарами сердце ихъ сдѣлалось скопищемъ всѣхъ гнусныхъ пороковъ и не понятныхъ, по образу нашихъ мыслей, противорѣчій. Число людей, какое можно исключить изъ сего общаго изображенія, едва замѣтно» *).

Но у имеретинъ есть и хорошія стороны, наприм. гостепріимство, уваженіе къ старшимъ; они вѣжливы, ласковы и съ женщинами и со всякимъ человѣкомъ высшаго сословія; часто имеретинъ проходитъ мимо, подходитъ къ вамъ, беретъ полу вашей одежды, цалуетъ ее и молча уходитъ, довольный тѣмъ, что исполнилъ завѣщанный предками патріархальный обычай. Имеретины не терпятъ слишкомъ вольнаго обращенія и слишкомъ вольныхъ разговоровъ. Между другими обычаями есть у нихъ еще древній: когда товадъ (князь) даетъ праздникъ, то приглашаетъ всѣхъ крестьянъ своей деревни, гдѣ находится. Если товадъ посѣтилъ кого-либо изъ своихъ крестьянъ, то послѣдній обязанъ впродолженіе его пребыванія угощать всю его свиту, которая часто бываетъ многочисленна. Съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, обычай этотъ конечно долженъ ослабѣть и наконецъ перейти въ одно воспоминаніе о немъ, точно такъ, какъ сдѣлалось теперь достояніемъ исторіи то, что въ старину цари и владѣльцы Имеретіи и Мингреліи съ большою свитою разъѣзжали сряду нѣсколько мѣсяцевъ по своимъ владѣніямъ и пировали съ дворянами своими на счетъ подданныхъ. — Это выгодно было царству и поставлялось въ счетъ его доходовъ. Но такое высокое посѣщеніе лишало крестьянъ послѣдняго пропитанія. «Какъ только царь и спутники его начинали чувствовать недостатокъ въ припасахъ, тотчасъ же переселялись въ другое мѣсто. Пышность и комфортъ царю не были извѣстны. Обѣдъ его состоялъ изъ развареннаго и жаренаго мяса, а въ постъ изъ пшенной каши, бобовъ и зелени; изысканность стола опредѣлялась не качествомъ, а количествомъ подаваемыхъ блюдъ и кушаній. Онъ (влад. князь Дадіанъ) не гнушается съ царицею жить въ избѣ безъ пола, грѣться около огня, разведеннаго посреди избы, выкуривая себѣ глаза, и очень счастливымъ называться долженъ, если, ходя по своимъ чертогамъ, не тонетъ по колѣно въ грязи» **).

Жилища имеретинъ разбросаны по лѣсу и возвышеніямъ, вродѣ деревянныхъ шалашей. Домъ каждаго жителя окруженъ садомъ и полемъ; деревня во 100, 200 душъ тянется на 8 и 10 верстъ, такъ что дорога отъ границъ Мингреліи до Сурама идетъ садомъ, состоящимъ изъ фруктовыхъ деревъ, винограднника, чинара, орѣшника, розановъ, гранатъ и пр. Сакли безъ печей и каминовъ; внутри сакли разложенъ на полу огонь, надъ которымъ приготовляютъ пищу и грѣются во время осенняго и зимняго холода. Болѣе же

*) Закавказье отъ 1803 до 1806 г. Дубровина.
**) Тамъ же.

знатные и богатые товады строютъ дома вродѣ русскихъ и украшаютъ ихъ мебелью. Селенія большею частію расположены вблизи рѣчекъ, и въ каждомъ непремѣнно есть одна или нѣсколько каменныхъ башенъ, которыя нынѣ оставлены и часто представляются въ руинахъ.

Остатки замковъ, часто встрѣчаемыхъ въ Имеретіи, болѣе всего напоминаютъ о пребываніи здѣсь европейцевъ. Замки эти были нѣкогда крѣпки и недоступны; въ нихъ жили князья, — тѣ же феодальные бароны съ одинаковыми понятіями и при томъ же образѣ жизни; междоусобныя войны ихъ, самоуправство въ своихъ владѣніяхъ и малая зависимость отъ власти царей — извѣстны въ исторіи Грузіи. Замки ихъ отличаются отъ грузинскихъ укрѣпленій обширностью, крѣпостью и лучшей постройкой; по нимъ ясно видно, что ихъ строили не простолюдины, но богатые и сильные владѣльцы. Народъ Грузіи защищался самъ отъ нечаянныхъ нападеній сосѣдей, и потому почти каждая деревня въ Грузіи имѣла свои небольшія укрѣпленныя башни, служившія убѣжищемъ въ случаѣ нападенія небольшихъ партій лезгинъ, персіянъ, турокъ; въ Имеретіи же владѣльцы имѣли дѣло чаще съ своими же баронами и многочисленными ихъ вассалами, и потому строили укрѣпленія болѣе обширныя и крѣпкія. Достойны примѣчанія названія нѣкоторыхъ изъ этихъ старыхъ рыцарскихъ замковъ: одинъ называется, напр., Минда (хочу). Князю, строившему его, представляли затрудненія и даже невозможность построить замокъ на крутой и обрывистой горѣ, на вершину которой вело каменистое ущелье; но онъ ничего не хотѣлъ знать, сказалъ хочу и—назвалъ этимъ словомъ новое свое жилище, выстроенное несмотря ни на какія препятствія; другой замокъ называется—«Приди и посмотри»,—объ немъ и его названіи говоритъ Дюбуа де-Монперё.

Мануфактурныя издѣлія имеретинъ слѣдующія: они ткутъ сукно изъ овечьей и козьей шерсти, бумажный холстъ, канаусъ, дѣлаютъ галуны для кафтановъ, пояса, вышиваютъ башмаки золотомъ и серебромъ, выдѣлываютъ изъ каменнаго угля четки и другія вещи, кожи и сафьянъ, плетутъ изъ камыша рогожки для пола и наръ. Между имеретинами есть мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, которые довольно искусно отдѣлываютъ серебро чернью.

Обратимся теперь къ мингрельцу. Мингрельцы и имеретины два народа, нѣсколько различные по виду, характеру и нарѣчію. Мингрелецъ высокъ, статенъ, мужественъ; черты его лица, формы тѣла правильны, движенія легки и граціозны. Имеретины большею частью роста средняго, въ лицѣ ихъ болѣе пріятности, чѣмъ правильности, въ движеніяхъ менѣе проворства. Первый упрямъ, мстителенъ, какъ гуріецъ, послѣдніе тоже упрямы, но болѣе добродушны, общительны и расположены къ мирнымъ занятіямъ. Общая черта тѣхъ и другихъ, — необыкновенная смѣтливость и обходительность. Мингрельцы говорятъ своимъ собственнымъ, такъ-называемымъ мингрельскимъ языкомъ, образовавшимся изъ испорченнаго грузинскаго и смѣси другихъ окрестныхъ языковъ, имеретины — чистымъ грузинскимъ. Мингрелія вообще носитъ какой-то особенный отпечатокъ и оригинальность. Въ образѣ жизни, удобствахъ домашняго быта Мингрелія ничѣмъ не отличается отъ Имеретіи;

но мингрелецъ какъ-то способнѣе скрывать свои недостатки; въ немъ болѣе самолюбія казаться въ лучшемъ видѣ, нежели онъ на самомъ дѣлѣ. А недостатки, бѣдность его ужасны. Бѣдны имеретины, но мингрельцы, кажется, еще бѣднѣй. Посмотрите на убогую саклю мингрельца, отличающуюся первобытной простотой своей постройки: гигантскій чинаръ или орѣшникъ защищаетъ жилище его отъ дождя и вѣтра и около этого орѣшника, подъ его тѣнью, находится вся усадьба, все хозяйство жителя. Несмотря на излишнее богатство лѣсовъ, мингрельцы строятъ сакли изъ досокъ, не умѣя дѣлать срубы изъ бревенъ. Среди сакли очагъ на полу, обрубокъ дерева и доска вмѣсто стола служатъ мебелью; посуда состоитъ изъ котла, двухъ-трехъ деревянныхъ чинаровыхъ чашекъ и глиняныхъ кувшиновъ.

Мингрельцы живутъ, какъ сказано выше, не деревнями, но въ отдѣльныхъ, уединенныхъ хижинахъ и прячутъ жилища свои въ густой зелени деревъ: селиться большими деревнями въ Мингреліи было бы невозможно безъ вырубки лѣсовъ, чего не въ состояніи сдѣлать мингрельцы, едва владѣющіе топоромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта отдѣльная жизнь въ лѣсу, болѣе другихъ причинъ, препятствовала до сихъ поръ развитію народной образованности и оставила мингрельца на степени дикости жителей лѣсовъ. Мингрелецъ не имѣетъ самыхъ элементарныхъ понятій о ремеслахъ, едва въ состояніи вскопать клочекъ земли или нѣсколько грядъ для гоми или кукурузы и сшить себѣ одежду; большая часть изъ нихъ ходятъ босые зимой и лѣтомъ. Часто въ такомъ видѣ приходятъ мингрельцы въ Редутъ-кале и другія мѣста, зимой при 4 — 5° мороза для продажи куръ, зелени, орѣховъ, каштановъ и т. п. Мингрелецъ, кромѣ того, босой несетъ подъ-мышкою клочекъ сѣна; когда онъ останавливается на мѣстѣ, для продажи своего товара, то бросаетъ подъ одну ногу сѣно, чтобъ нога не примерзла къ камнямъ, другую поджимаетъ, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажу; затѣмъ, подобравъ сѣно, идетъ дальше.

Чтобы видѣть предъ собою мингрельца, какъ живаго, видѣть со всею окружающею его средою, обратимся за этимъ къ картинному описанію г. Селезнева *):

«Въ длинной, разнообразно роскошной, разрѣзанной непрестанными ручьями лощинѣ вы видите мингрельца, идущаго на работу или стрѣляющаго рыбу, видите группу мужчинъ и женщинъ, танцующихъ подъ звукъ бубенъ какъ воздушной феи — колхидянки: локоны, косички ея и личакъ развѣваетъ вѣтръ; она, держа въ одной рукѣ бубенъ, бьетъ въ него другою тактально и съ чувствомъ, рѣзвится, поетъ, пляшетъ; и какъ изумительно быстра она въ своей лезгинкѣ, вы не повѣрите даже своимъ глазамъ: поднявъ руки съ платкомъ кверху, она, почти не касаясь земли, летаетъ предъ вами балетъ дѣвы природы и тутъ же съ боку стоитъ суровый мингрелецъ съ чохою (родъ топора на длинномъ двухъ-аршинномъ заступѣ), онъ только-что вычистилъ поле кукурузы, гоми отъ нечистой травы, стираетъ трудовой потъ и,

*) См. Рук. къ позн. Кавк. II ч., стр. 122—127.

расправляя рукою свои кудри, обмываетъ голову холодною водою, потомъ надѣвъ на голову необыкновенную покрышку, затягиваетъ пѣсню свою ð-гð и она съ дикими, трогательными тонами, выказываетъ въ немъ душу твердую. Но вотъ звукъ бубенъ, родной музыки, доходитъ до сердца мингрельца. Не покидая чохи, онъ стремглавъ бросается къ пляшущей группѣ. Добѣжалъ. Не смотрите на его изношенную въ лоскутьяхъ одежду, не смотрите на его испачканныя глиною ноги, но смотрите на его движенія, взглядъ, который онъ бросаетъ кругомъ. Вотъ онъ вскинулъ на голову башлыкъ, и подъ звукъ бубенъ, щелканье ладоней группы бросился въ плясъ, несется какъ степной конь, вырвавшійся изъ табуна, въ немъ играютъ всѣ жилки, онъ облетаетъ толпу зрителей легко, правильно и своей мимикой, осанкой не мужикъ, плебей, а герой.

«Вотъ вдали группа идущихъ вооруженныхъ колхидцевъ, оружіе ихъ блеститъ серебромъ, съ ними борзыя и гончія собаки: онѣ завыли—охотники раздѣлились... бѣгутъ, поднимаются на вершины, прячутся въ деревьяхъ, въ кустарникахъ; въ долинѣ раздается лай, визгъ собакъ. Вдругъ все притихло, какъ передъ битвой, и точно, вскорѣ предъ вами бѣгутъ стремглавъ зайцы, лисицы, шакалы и волки, за ними собаки, слышатся визги звѣря, многіе выстрѣлы и вы, можетъ быть, жалѣя даже и звѣря, видите надъ собою тучу гусей, утокъ, пеликановъ, испуганныхъ въ долинѣ, тянущихся вереницей вдаль къ шумящимъ рѣкамъ и лѣсистымъ горамъ, покрытымъ сизымъ туманомъ. Вы изумляетесь правильности птичьяго движенія, въ немъ цѣлая тактика; птицы налету даютъ сигналы. Все это видите въ нѣсколько минутъ и говорите: здѣсь очаровательно! Здѣсь природа на ладони, въ живыхъ куклахъ и голосахъ. Передъ вами разбросаны ряды лѣсистыхъ и глинистыхъ горъ, лощины, гдѣ пасутся въ вашихъ глазахъ козы, овцы, бараны, буйволы, коровы, подъ присмотромъ вооруженныхъ мальчиковъ—пастуховъ, свирѣль и пѣсня которыхъ утѣшаетъ скотъ; тутъ чистая патріархальность. Не вдалекѣ отъ этихъ стадъ показываются табуны лошадей и бачей *). Прекрасный жеребецъ, схожій на арабскаго, поднявъ гордо голову, встрепенувъ гривою, обходитъ свое племя, или несется предъ нимъ чрезъ лѣсъ, ручьи, за табуномъ стелется пыль. Здѣсь шумъ бичей (кнутовъ), ржаніе лошадей, крикъ людей, выстрѣлы...

«Но вотъ и еще послѣдняя картина. Въ тѣни лавра, орѣха, инжиря и персика сидятъ десять колхидянокъ, онѣ разсуждаютъ съ чувствомъ. Вотъ привстали... идутъ... личаки ихъ развѣваются. Они ростомъ высоки, имѣютъ брови черныя, подчерненныя хиною, глаза огненные, каріе, бѣлизна лица слита съ самымъ нѣжнымъ розаномъ. Схватясь дружно идутъ къ рѣчкѣ: длинныя ихъ платья или кабы какъ-бы со шлейфами, катибе или грузинская мантилья съ разрѣзными рукавами, около тонкой какъ стебель таліи, стяну-

---

*) Эта порода малыхъ лошадей съ щетинистою гривою находится только въ Мингреліи, Имеретіи, также въ Шотландіи.

тая вышитыми кушаками, которыхъ два длинные конца касаются земли. Наконецъ онѣ пошли къ рощѣ и ручей зашумѣлъ всплесками: у васъ предъ глазами новыя наяды гораздо красивѣе древнихъ, миѳологическихъ: каштановые ихъ волосы спускались локонами до пояса и возвышали поэтическую любовь со всѣми вымыслами бѣлизны и свѣжести.»

Изъ Мингреліи заглянемъ въ Гурію. Страна эта не менѣе интересна, какъ и Имеретія и Мингрелія. Бросимъ прежде бѣглый взглядъ на жителя страны. Гурійцы одинъ народъ съ грузинами (нѣкоторые впрочемъ производятъ Гурія отъ слова уріа (жидъ), указывая этимъ на примѣсь чуждаго грузинамъ еврейскаго элемента. Въ Гурію, дѣйствительно, во время плѣненія евреевъ Навуходоносоромъ, не мало ихъ переселено было); разница только въ нравахъ, обычаяхъ. Это зависѣло отъ вліянія турокъ и другихъ народовъ на гурійцевъ.

Гуріецъ красивъ, строенъ, а живописный его костюмъ еще болѣе придаетъ ему красы; гуріецъ отличается положительностью и степенностью, набожностью до фанатизма; онъ хитръ отъ природы, благороденъ, гордъ, отваженъ; при малѣйшей обидѣ вспыльчивъ, раздражителенъ и, если обида велика, мстителенъ.

Гурійцы отличные стрѣлки и ходоки. Часто встрѣтите вы въ Гуріи (и Мингреліи тоже) князя или дворянина на добромъ конѣ, отправляющагося въ гости или за дѣломъ верстъ за 30 и болѣе; у богатыхъ часть свиты сопровождаетъ его верхомъ, но при бѣдномъ дворянинѣ одинъ пѣшій бѣжитъ бичо, сопутствующій ему вездѣ. Это была прежде подать съ дыма или двора, коего онъ представитель, служба его, правда, нетрудна и вся обязанность состоитъ въ присмотрѣ за лошадью, отъ которой онъ во всю дорогу не отстанетъ. Разсказываютъ про гурійскихъ ходоковъ, что они въ 36 часовъ проходили болѣе 200 верстъ.

Многіе обычаи переняты гурійцами у турокъ, такъ напр. омовенія предъ трапезой и послѣ оной, но есть и перешедшіе прямо изъ самой глубокой древности и переносящіе насъ во времена старой Греціи; изъ нихъ самый любопытный есть омовеніе ногъ и предложеніе трапезы страннику.

У гурійцевъ обѣды гомерическіе; вина̀ пьютъ безмѣрно много, но пьянаго рѣдко встрѣтите; на столъ часто подаютъ цѣлыми изжаренными баранами, телятами, при важныхъ случаяхъ и быками. Когда за столомъ пирующіе разгуляются, тогда бросается вверхъ надъ головами ихъ тарелка, въ которую стрѣляютъ изъ пистолета; отъ ней летятъ черепки на сидящихъ... общій восторгъ. Но вотъ изъ дома вышли пирующіе на воздухъ; молодежь джигитуетъ, старики ихъ ободряютъ; между ними воспоминанія своей молодости...

Но между другими обрядами и обычаями у гурійцевъ есть частный обычай, поражающій чужеземцевъ,—это обычай усыновленія. Всякій гуріецъ, питающій особое уваженіе къ какой-либо женщинѣ, вправѣ просить ее, чтобы она усыновила его. Нѣсколько дней поста и молитвы предшествуютъ обряду, состоящему въ томъ, что усыновляемый сосетъ грудь у нарѣченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Это родство высоко уважается гурійцами, никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ

этого ни между лицами, совершившими обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. Были примѣры, что закоренѣлые разбойники отдавались добровольно въ руки правосудія по приказанію усыновившей ихъ женщины и безропотно покорялись своей участи. Но обычай видимо слабѣетъ и уступаетъ мѣсто родству, которое возрождается между питомцемъ и кормилицей. Ни въ одномъ народѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ у гурійцевъ.

Природа Гуріи одинакова съ природою Мингреліи, мы коснемся только одного уголка ея—окрестностей г. Поти и самаго города.

«Почва въ окрестностяхъ Поти низменна и сыра. Конечно самую важную роль играютъ тутъ разливы Ріона. Берега его такъ плоски и такъ сильно поросли лѣсами, завитыми до непроходимости вьющимися растеніями и колючими кустарниками, что солнце на нихъ дѣйствуетъ только согрѣвающимъ образомъ и помогающимъ разложенію, но никакъ не осушающимъ. Тѣнь отъ деревьевъ, поверху заплетенныхъ въ сплошную крышу виноградомъ, плющомъ и ліанами, мѣшаетъ быстрому испаренію, отчего въ лѣсахъ здѣшнихъ страшно сыро, но въ тоже время и невѣроятно душно и жарко, тогда какъ почва всюду представляетъ болото. Таковъ весь правый берегъ Ріона, отъ моря до Цхени-Цхали, и часть лѣваго. Оба покрыты почти сплошь такими лѣсами въ болотѣ. Если гдѣ и выдается прогалина, то она представляетъ такую же трясину, какъ и лѣсъ, покрытую одной только осокой, рѣдко камышомъ. Другихъ травъ здѣсь почти нѣтъ. Оттого-то среди этой гигантски развитой растительности туземцы нуждаются въ главной статьѣ хозяйства: въ хорошемъ сѣнѣ, и скотина зимою питается, бродя въ лѣсахъ по колѣно въ водѣ или грязи. Берега сосѣдней съ Ріономъ Пичоры имѣютъ тотъ же характеръ. Она впадаетъ тихо въ большое озеро Палеостомъ, имѣющее верстъ до 30 въ окружности и соединенное съ моремъ довольно широкимъ извилистымъ каналомъ, который проходитъ подъ самымъ Поти и прежде впадалъ въ Ріонъ, ниже Поти, но теперь баровыми наносами повернутъ дальше на югъ, параллельно морскому берегу.

Я не знаю,—говоритъ г. Тороповъ,—нигдѣ другого такого озера, такихъ размѣровъ, которое бы было до такой степени негодно, гнило и вонюче, какъ это. Вода его желто-зеленоватая на цвѣтъ, вкусомъ ни солона, ни прѣсна, но противна донельзя, отзываясь гнилью. И это еще было весной, когда мнѣ случилось быть на Палеостомѣ; какова же она лѣтомъ, когда поверхность озера покрывается водорослями и представляется зеленою равниною? Эта зеленая пелена къ зимѣ опускается на дно, и на слѣдующій годъ замѣняется новою. Понятно, что такимъ образомъ современемъ озеру предстоитъ будущность торфянаго болота, какими теперь уже мы и видимъ его берега, которые отъ воды до лѣсу составляютъ непроходимыя топи, заросшія осокой и камышомъ. Берега такъ топки, что не выберешь мѣста куда ступить изъ каюка *) ногою, а чаще камы-

*) Каюкъ—лодка, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева и служащая для сообщеній по Ріону и окрестнымъ водамъ.

шомъ и не доберешься до берега. Здѣсь поражаетъ однообразіе береговой растительности, состоящей почти изъ одного камыша и осоки, зато развитыхъ донельзя; но въ тоже время въ водѣ, подъ берегомъ кишатъ миріады инфузорій, надъ водою крылатыя насѣкомыя и на берегу лягушки. Все это размножается и умираетъ, а все отжившее, падая въ воду, при здѣшнемъ теплѣ, разлагается съ величайшею быстротою и натурально портитъ окружающій воздухъ донельзя, не говоря уже о лѣсахъ, стѣною обступившихъ озеро, въ которыхъ жизнь, умираніе и разложеніе идутъ своимъ порядкомъ, если не въ бо̀льшихъ еще размѣрахъ. Понятно, сколько здѣсь развивается міазмъ, и мнѣ кажется, что желающему въ-очію узнать маларію, понюхать и увидѣть ее, слѣдуетъ побывать на Палеостомѣ въ тихій вечеръ въ августѣ, ибо маларія тутъ тогда дома.

Таковы окрестности Поти. Самъ городъ, не похожій нетолько на городъ, но и на порядочное мѣстечко, поражаетъ своимъ унылымъ видомъ. Сѣрые деревянные домики, какъ будто изъ боязни заразиться другъ отъ друга лихорадкой, разбросались по топкой, песчаной, притрушенной черноземомъ и ископанной канавками площадкѣ, окружающей старую каменную крѣпость, которой стѣны распираетъ своими корнями фиговое дерево, этотъ злѣйшій врагъ всѣхъ древностей здѣшняго поморья. Всѣ постройки деревянныя и мостятся на подставахъ, чтобы быть подальше отъ вѣчно мокрой земли, заросшей подъ плетнями однолѣтнею бузиною и дерезою, которыя заплетаютъ мѣстами чуть не всю улицу. Кругомъ же, куда ни посмотришь, вездѣ или кайма густой зелени лѣсной или вода, поверхность которой, кажется, какъ будто выше города и грозитъ залить его. Словомъ, все въ Поти смотритъ лужей, болотомъ, сыростью и лихорадкой, а на лицахъ всѣхъ постоянныхъ здѣшнихъ жителей болотная кахексія отпечатала свой блѣдно-грязный обликъ въ отличіе отъ здоровыхъ людей, сюда заѣзжающихъ навремя. Иначе оно впрочемъ и быть не можетъ, когда здѣсь лихорадка бьетъ населеніе почти круглый годъ. На Кавказѣ не много такихъ мѣстъ, гдѣ бы разложеніе шло безпрерывно во всякое время года. Но Поти принадлежитъ именно къ числу ихъ потому, что здѣсь зима теплѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Оттого-то тутъ и попытались развить лимоны и померанцы, но попытка не увѣнчалась успѣхомъ: деревья правда не умираютъ, но и толку отъ нихъ нѣтъ; случающіеся здѣсь морозы не даютъ имъ развиваться. Однако, вообще, такія нашествія морозовъ только на короткое время останавливаютъ разложеніе — и на дѣлѣ оно все-таки идетъ своимъ порядкомъ почти круглый годъ, конечно только не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ теплое время.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, при такомъ обиліи въ зелени, сырости и теплѣ, лихорадки здѣсь не могутъ быть не повальны. Человѣкъ, не поболѣвшій лихорадкою втеченіе года, дѣйствительно составляетъ здѣсь исключеніе, и дѣлать противъ такого зла нечего. *)

Завсѣмъ тѣмъ Поти ожидаетъ блестящая будущность. Молъ въ устьи

*) Опытъ Медицин. Геогр. Кавк., стр. 142—144.

Ріона, устраиваемый нашимъ инженеромъ Шавровымъ, поставитъ этотъ портъ наряду съ лучшими европейскими портами. Желѣзный путь пойдетъ отъ Поти до Тифлиса и въ весьма непродолжительномъ времени отъ Тифлиса до Баку, а также черезъ Александрополь до персидскихъ границъ и Тегерана. Все это будетъ имѣть исходнымъ пунктомъ городъ Поти. Поэтому, въ настоящее время, на мѣстѣ будущаго города пока почти-что пустая топкая равнина; все это не мѣшало бы имѣть въ виду. Сильный приморскій вѣтеръ, обсохшая почва, не сжатое населеніе сдѣлаютъ современемъ изъ Поти сносный въ гигіеническомъ отношеніи для жизни городъ.

Къ самому Поти въ настоящее время не могутъ доходить большіе морскіе пароходы. Постоянные наносы Ріона и обратный прибой съ моря образовали кругомъ баръ — пространную отмель, на которой вѣчно бушуетъ короткая, но сильная морская волна *).

---

*) См. Вѣст. Евр. 1868 г. «Донъ, Кавказъ, Крымъ» Кретовича.

АРМЕНІЯ И ПРИКАСПІЙСКІЙ КРАЙ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ АРМЕНІИ

(въ границахъ русскихъ).

Арменія, присоединенная къ Россійской имперіи, вслѣдствіе туркменчайскаго мирнаго трактата, заключеннаго съ Персіею въ 12 день февраля 1828 года, составляетъ самую югозападную оконечность обширнаго нашего отечества.

Латинскіе писатели правильно называли долину, составляющую нынѣ нашу Арменію, araxenii campi (аракскими полями): рѣка Араксъ орошаетъ ее на всемъ протяженіи отъ запада къ востоку.

Очевидно, что долина Аракская обязана своимъ существованіемъ рѣкѣ, которая, впродолженіе вѣковъ, теченіемъ своимъ, все болѣе и болѣе врѣзываясь въ центръ образованнаго ею ущелья, сравняла, время отъ времени, пространство, смытое ея струями между двумя хребтами снѣговыхъ горъ, возвышающихся съ обѣихъ ея сторонъ. Боковыя рѣки, впадающія съ обѣихъ сторонъ въ Араксъ, также очистили себѣ боковыя ущелья, соразмѣрныя съ ихъ значительностью.

Слѣдствіемъ сего образованія, Арменія отъ вершинъ горъ, ее обнимающихъ, до дна пересѣкающихъ ее ущелій, раздѣляется на три главныя полосы: горную, среднюю и плоскую, подраздѣляющіяся на безчисленное множество террасъ или горныхъ ярусовъ.

Впечатлѣніе, производимое на пріѣзжающаго въ первый разъ въ Арменію весною, лѣтомъ и осенью, пріятно: между вершинами горъ, чрезъ которыя необходимо проѣхать, чтобы вступить въ область Арменіи, открываются равнины, покрытыя тучною зеленью и орошаемыя частыми ручейками, которые, образуясь изъ многочисленныхъ родниковъ, текутъ излучисто и безмолвно въ глинистыхъ берегахъ. Со всѣхъ сторонъ, куда бы ни обратилось зрѣніе, горизонтъ заслоняется живописными холмами, между которыми пестрѣютъ обшир-

нныя, четыреугольныя карачадры *) или круглые черные алачуки **). Пейзажъ оживляется безчисленными стадами овецъ и рогатаго скота, бродящихъ по скатамъ горъ, а между ними, на какомъ-либо возвышеніи, пастухи, неподвижные, издали походятъ на каменныхъ истукановъ, встрѣчаемыхъ въ киргизскихъ степяхъ; тамъ и сямъ, надъ свѣжею зеленью, стелется въ лощинѣ или на горномъ шпилѣ широкая снѣжная скатерть, которая въ концѣ лѣта нѣсколько темнѣетъ, но обыкновенно возобновляется въ исходѣ августа. Великаны: Араратъ и Алагёзъ, заслоняя горизонтъ, господствуютъ надъ всею страною, и, поднимая свои сѣдыя главы надъ прочими второстепенными горами, будто также стерегутъ ихъ.

Когда спустишься на вторую полосу, видъ оживляется; травы тучнѣе, ручейки полнѣе и текутъ быстро, съ шумомъ, въ глубокихъ каменистыхъ берегахъ своихъ; грунтъ становится неровнымъ и каменистымъ, лѣса и кустарники начинаютъ показываться на ребрахъ горъ. Чѣмъ болѣе спускаешься, тѣмъ болѣе становятся—грунтъ каменистымъ, ущелья глубокими, спуски и подъемы крутыми и затруднительными. Вокругъ васъ видимо растутъ окружающія горы, между тѣмъ какъ подъ ногами туманная равнина представляется синимъ океаномъ ***). Спускаясь къ предѣламъ низменной полосы, вы встрѣтите тропинки, едва проходимыя отъ камней: здѣсь берега рѣкъ походятъ на высокія отвѣсныя стѣны, преграждающія сообщенія одной стороны съ другою; природа становится скучнѣе и продаетъ дары свои лишь за влажность; воздухъ дѣлается душнымъ, солнце жжетъ; оптическій обманъ, представляющій глазамъ вашимъ испаренія долины океаномъ, увеличивается; но вотъ на срединѣ этого моря сверкаетъ серебряная лента, прихотливо извивающаяся въ разныхъ направленіяхъ, это—Араксъ.

Вступите на третью полосу, на плоскую часть области, видъ опять перемѣняется: тутъ является вся мощность эриванскаго солнца, лучи котораго раскаленными иглами проницаютъ до мозга; дыханіе затрудняется, усталость поражаетъ; миріады мошекъ, мухъ, комаровъ преслѣдуютъ неутомимо, наполняютъ кипящій воздухъ, лѣзутъ въ глаза, въ носъ и въ уши, жалятъ, жгутъ и приводятъ несчастныхъ лошадей въ изступленіе. Подъ ногами камни постепенно исчезаютъ; грунтъ ровный, глинистый, кое-гдѣ перемѣшанъ съ солончаками, бѣлѣющими, какъ вновь выпавшій снѣгъ; повсюду открываются богатыя картины дѣятельности и благоденствія; поля тщательно воздѣланы, раздѣлены на пашни, пашни на квадраты и вездѣ журчатъ оживительныя канавы; вездѣ различныя произведенія представляютъ разные виды: тамъ бѣлѣютъ ячмень и просо, между тѣмъ какъ пшеница только-что начинаетъ желтѣть; чалтыкъ до глубокой осени сохраняетъ свою темную зелень, хлоп-

*) Обширныя палатки курдовъ.

**) Войлочныя палатки татаръ.

***) Дѣйствіе это происходитъ не оттого, что обыкновенно называютъ mirage, а отъ густыхъ паровъ, стелющихся надъ раскаленною землею.

чатая бумага какъ будто ищетъ тѣни подъ большими кустами клещевины; кунжутъ, горохъ, чечевица, полба, ленъ; бостаны, покрытые дынями, арбузами и огородными овощами, вездѣ рисуются въ различныхъ видахъ и направленіяхъ, между тѣмъ какъ почти на каждой верстѣ взоръ встрѣчаетъ деревню, окруженную тѣнистыми садами, рощами и зелеными полями клевера.

Въ этой богатой полосѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсной, сосредоточилась большая часть народонаселенія. Верхняя терраса почти необитаема, а пространство, раздѣляющее среднюю полосу отъ низменной, слишкомъ каменисто. Но полоса, простирающаяся между верхнею и среднею, отлично хлѣбородна, довольно населена и хорошо воздѣлывается.

Зимою верхняя полоса заваливается сугробами непроходимаго снѣгу; въ это время сообщенія между деревнями иногда вовсе прекращаются. Послѣ первой оттепели, снѣгъ и вода образуютъ вездѣ быстротоки и топи. Все приходитъ въ порядокъ не ранѣе мая или іюня; тогда растительная сила развертываетъ свою мощность; яровая пшеница, ячмень, просо, ленъ, полба, мѣстами конопля въ сажень вышины, луга, испещренные цвѣтами, какъ узорчатый коверъ, все пышно, густо поднимается, и спѣшитъ, какъ будто предчувствуя краткость предопредѣленнаго существованія, или опасаясь лѣтнихъ градовъ, или раннихъ морозовъ осени.

Въ верхней и средней полосѣ, глаза путешественника встрѣчаютъ частые памятники временъ минувшихъ, которые вообще придаютъ странѣ видъ занимательный и внушаютъ къ ней то невольное уваженіе, которое чувствуемъ ко всему освященному вѣками. Старинные, опустѣвшіе монастыри, коническіе куполы полуразрушенныхъ церквей, слѣды крѣпостныхъ оградъ и вообще многочисленныя и разнообразныя развалины свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ населеніи араратской провинціи въ цвѣтущую ея эпоху. Въ низменной ея полосѣ почти нѣтъ памятниковъ; кое-гдѣ бѣлѣются глиняныя стѣны сельскихъ укрѣпленій, но важныхъ построеній здѣсь почти не встрѣчается.

АРАРАТЪ.

Сильно дѣйствіе звуковъ, говоритъ Пушкинъ. При имени Арарата, ему казалось уже, что онъ видитъ ковчегъ, причалившій къ вершинѣ этой библейской горы, съ надеждой обновленія и жизни, видитъ врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія... Но, помимо этихъ библейскихъ воспоминаній, однимъ внѣшнимъ видомъ Араратъ производитъ глубокое и неизъяснимое впечатлѣніе на каждаго, сколько-нибудь сочувствующаго красотамъ природы. Многіе путешественники пытались изобразить это впечатлѣніе опытнымъ перомъ или искусною кистью, но рѣдкому изъ нихъ удавалось избѣгнуть поэтическаго увлеченія. Для доказательства этого достаточно привести слова путешественника Морье. «Перешедши равнину Аббасъ-Абада, мы

наслаждались великолѣпнымъ видомъ на Араратъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе его формъ, ничего удивительнѣе и поразительнѣе его гигантской величины; въ сравненіи съ нимъ всѣ сосѣднія горы исчезаютъ; его видъ — совершенство во всѣхъ частяхъ: ни одной грубой черты, ни одного неестественнаго возвышенія; повсюду гармонія, и все повидимому соединилось для того, чтобы представить одно изъ самыхъ величественныхъ явленій природы».

Такое же преувеличеніе замѣчается и во всѣхъ извѣстныхъ видахъ Арарата, писанныхъ различными художниками.

Араратъ, поднимающійся надъ южной равниной Аракса, стоитъ на границѣ между владѣніями Турціи, Персіи и Россіи. Его составляютъ двѣ горы, Большой и Малый Араратъ; вершины ихъ отстоятъ одна отъ другой по прямой линіи на десять верстъ, а подошвы соединены обширной долиной, представляющей превосходное пастбище. На сѣверо-восточной сторонѣ Большаго Арарата уже издали можно видѣть огромную разсѣлину, простирающуюся сверху до низу; ее называютъ мрачнымъ ущельемъ Арарата или долиною св. Іакова; при нижнемъ концѣ этой долины, до 1840 года, находились селеніе Аргури и монастырь св. Іакова. Малый Араратъ, по формѣ своей, болѣе подходитъ къ правильному конусу, чѣмъ Большой. Множество блестящихъ бороздъ, нисходящихъ отъ самой вершины этого конуса, придаютъ ему особенно привлекательный видъ. Постояннымъ или вѣчнымъ снѣгомъ покрытъ одинъ Большой Араратъ, красующійся двумя блестящими вершинами. Книзу снѣговая оболочка его разорвана многими рядами черныхъ скалъ, и потому имѣетъ зубчатую форму. По выраженію Паррота *), она походитъ на прекрасно собранный воротникъ изъ бѣлой блестящей матеріи на темномъ фонѣ.

Парротъ достигъ вершины Арарата въ три различные пріема; двѣ первыя попытки служили только для того, чтобы, такъ сказать, приглядѣться къ Арарату, или познакомиться съ трудностями при изслѣдованіи горы.

Первое восхожденіе на Араратъ Парротъ сдѣлалъ въ сопровожденіи только одного изъ своихъ товарищей по экспедиціи. Они отправились 12 сентября и постоянно слѣдовали направленію долины св. Іакова, взбираясь по голымъ утесамъ. На другой день путешественники находились уже въ той области Арарата, которая представляетъ вѣчные снѣга и льды, и поднялись до высоты 14,550 пар. фут. надъ моремъ, но должны были воротиться назадъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ.

Второе восхожденіе было предпринято Парротомъ 18 сентября. Въ этотъ разъ его сопровождали Бегагель, нѣсколько армянскихъ крестьянъ изъ селенія Аргури и староста этого селенія—Степанъ Меликъ. По совѣту этого опытнаго старика, они рѣшились взойти на Араратъ другой дорогой, съ сѣверо-западной стороны, которая нѣсколько длиннѣе восточной, но гораздо положе ея. При этомъ второмъ восхожденіи путешественники были остановлены бурею, какія часто случаются тамъ въ осенніе мѣсяцы и бываютъ весьма

*) Парротъ и Энгельгардтъ, дерптскіе профессора, всходили на Араратъ въ 1811 г.

опасны. Отправляясь въ обратный путь, они водрузили большой крестъ со стороны Эривани и на немъ укрѣпили свинцовую доску съ латинскою надписью. Парротъ повѣсилъ на крестъ барометръ свой, и опредѣлилъ высоту мѣста, на которомъ они находились; они стояли на высотѣ 15,138 пар. фут. надъ моремъ, или на 350 фут. выше Монблана.

Третье восхожденіе на Араратъ, увѣнчавшееся уже полнымъ успѣхомъ, было предпринято Парротомъ довольно поздно, 26 сентября. Прежній опытъ научилъ экспедицію, что весь успѣхъ восхожденія зависитъ оттого, чтобы провести первую ночь какъ можно ближе къ снѣговому предѣлу; тогда на слѣдующій день экспедиція имѣетъ довольно времени дойти до вершины и возвратиться къ мѣсту ночлега. Съ этими предосторожностями, на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, они были уже на томъ уступѣ, гдѣ водрузили крестъ. Отсюда, по направленію къ вершинѣ путешественники прошли еще три или четыре уступа, вездѣ прорубая для себя ступени, и вдругъ почувствовали холодный воздухъ вершины. «Я сталъ позади одного изъ ледниковъ, пишетъ Парротъ, и изумленнымъ глазамъ моимъ представилась вся глава Арарата.» Употребивъ еще одно усиліе, пройдя еще одну такую же ледяную равнину, они стояли уже на вершинѣ Арарата!

Трудно представить себѣ то величайшее наслажденіе, какое должны были чувствовать Парротъ и его спутники, достигнувъ такой высоты, которая до того времени почиталась недосягаемою.

Съ вершины Арарата открылось передъ ними необозримое пространство. Повсюду воздымались горы. Но величественнѣе другихъ рисовалась передъ ними зубчатая глава Алагеза, лежащаго на сѣверъ отъ Арарата и въ своихъ углубленіяхъ покрытаго огромными массами снѣга. Малый Араратъ, ближайшій сосѣдъ Большаго, казался имъ отсюда не остроконечнымъ конусомъ, какъ изъ долины, а четырехстороннею плоскостью, съ утесистыми возвышеніями. Вершины Большаго Арарата, западная и восточная, теперь также могли быть опредѣлены съ большею точностью. Парротъ съ своими товарищами находились на западной вершинѣ.

Путешественники, оставляя вершину Арарата, водрузили на ней крестъ, какъ знаменіе побѣды своей надъ ея мнимою недоступностью.

Послѣ этого Парроту оставалось побывать еще на Маломъ Араратѣ, но это восхожденіе, послѣ испытанныхъ трудностей, должно было казаться ему простою прогулкой. Въ своей нижней половинѣ, Малый Араратъ большей частью состоитъ изъ лавовыхъ массъ, легкихъ и рыхлыхъ, или даже превратившихся въ вулканическій песокъ. Тутъ же можно видѣть тѣ полосы, которыя нисходятъ отъ самой вершины, и уже издали такъ прекрасно и оригинально характеризируютъ эту гору; онѣ не иное что какъ борозды, которыя пролегаютъ въ рыхлой вулканической почвѣ, и, по всей вѣроятности, образуются весеннею водой. Въ верхце... половинѣ Малаго Арарата путешественники повсюду встрѣчали дикія и крутыя скалы, поднимающіяся въ видѣ гребней отъ 40 до 50 ф. Вершину этой горы Парротъ нашелъ точно такою, какою казалась она ему съ Большаго Арарата.

*

Теперь мы положительно знаемъ, что Араратъ выше всѣхъ извѣстныхъ горъ, исключая гигантскихъ пиковъ, находящихся въ средней Азіи и въ южной Америкѣ, и нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ вершинъ; изъ послѣднихъ Араратъ уступаетъ только Эльбрусу (18,523 и 18,453 п. ф.) и Безыменной горѣ (16,941). Всѣ означенные пики поднимаются изъ среды другихъ возвышенныхъ горъ; Араратъ, напротивъ, стоитъ одиноко на южной окраинѣ Аракской долины, и почти съ самой подошвы отдѣленъ глубокими лощинами отъ сосѣднихъ горъ, отчего онъ кажется еще громаднѣе въ сравненіи съ ними.

Граница постояннаго снѣга на Большомъ Араратѣ, или его снѣговая линія находится на высотѣ 13,300 п. ф. надъ поверхностью моря. Ниже этого предѣла снѣговая оболочка Арарата даетъ отъ себя множество отростковъ, спускающихся на бо́льшую или меньшую глубину, оттого она и имѣетъ тотъ зубчатый видъ, о которомъ мы говорили выше. Эти зубцы или отростки большею частью суть ледники. Нѣкоторые изъ нихъ останавливаются на высотѣ 11,844 ф.; другіе спускаются ниже; самыя же глубокія или наиболѣе спускающіяся ледяныя массы находятся въ долинѣ св. Іакова.

Вездѣ путешественники находили то лаву, то шлаки, то пепелъ или песокъ, то трахитовыя массы, съ болѣе или менѣе явными признаками порфироваго образованія. Судя по множеству вулканическаго пепла и кусковъ огарины, покрывающихъ скаты большаго и малаго Арарата, тутъ необходимо въ прежнія времена долженъ былъ находиться настоящій вулканъ.

Надо объяснить одно обстоятельство, совершенно случайное, но чрезвычайно важное для чести Паррота. На Кавказѣ, и особенно въ Закавказьи, никто не вѣритъ, чтобы Парротъ когда-нибудь былъ на самой вершинѣ Арарата. Вершина этой священной горы, по общему мнѣнію тамошнихъ жителей, недоступна; точнѣе сказать, самая мысль взойти на ея вершину почитается уже дерзостью или святотатствомъ. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ въ армянскихъ лѣтописяхъ. Св. Іаковъ, жившій отшельникомъ въ ущельяхъ Арарата, по случаю возникшихъ въ его время споровъ о потопѣ, рѣшился побывать самъ на вершинѣ Арарата, чтобъ удостовѣрться, находится ли еще тамъ Ноевъ ковчегъ. По слабости силъ и по крутости горы, святой отецъ часто засыпалъ отъ усталости, и никакъ не могъ достигнуть вершины. Господь сжалился надъ нимъ и послалъ ангела, который явился ему во время сна и объявилъ, что его желаніе не можетъ быть исполнено, что вершина горы недоступна, но что за ревность его Богъ посылаетъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега, стоящаго на вершинѣ. Этотъ обломокъ допотопнаго дерева и теперь хранится въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, какъ залогъ благоволенія Всевышняго.

Неудивительно, если простой народъ, вслѣдствіе какого-либо религіознаго повѣрья, или просто приходя въ ужасъ отъ вѣчныхъ снѣговъ, покрывающихъ вершину Арарата, почитаетъ ее недоступною; но нельзя не удивляться тому, что многіе изъ людей весьма образованныхъ, или даже ученыхъ были объ ней того же мнѣнія, и публично, печатно, заподозривали экспедицію Паррота. Невозможность подняться на какую-либу гору можетъ быть аб-

солютная и относительная. Абсолютная невозможность зависитъ единственно отъ высоты горы, если вершина ея поднимается въ такіе слои атмосферы, гдѣ воздухъ, по своей разрѣженности, неспособенъ болѣе для дыханія. Относительная невозможность можетъ зависѣть только отъ внѣшняго образованія горы, и особенно отъ ея чрезвычайной крутости. Но представляетъ ли Араратъ какое-либо изъ этихъ препятствій? Араратъ, какъ доказано тригонометрическимъ измѣреніемъ, поднимается до 16,254 п. ф. Конечно, высота весьма большая; но все-таки гораздо менѣе той, достигнуть которой удалось человѣку. Гумбольдтъ и Буссенго, пытаясь взойти на вершину Чимборазо, поднялись болѣе нежели на 18,000 ф., а Ге-Люсакъ поднялся на аэростатѣ еще выше, до высоты 21,000 ф. Изъ этого ясно, что абсолютной невозможности достигнуть вершины Арарата не существуетъ. По крайней мѣрѣ, наружный видъ этой горы не представляетъ ли какого-либо неодолимаго препятствія къ восхожденію? Такимъ препятствіемъ, мы сказали, въ особенности можетъ быть чрезвычайная крутость горы, именно когда склоны ея имѣютъ 40° или болѣе 40° наклоненія. Но Араратъ не имѣетъ и этого неудобства: въ своей нижней половинѣ онъ представляетъ въ среднемъ числѣ не болѣе 18° наклоненія. Въ верхней половинѣ, по мѣрѣ возвышенія, Араратъ становится круче; въ самыхъ обрывистыхъ мѣстахъ уголъ наклоненія бываетъ въ 35°, 40° и болѣе. Но тутъ помогаетъ восхожденію особенное устройство Арарата: бока его почти до самой вершины прорѣзываются длинными рядами черныхъ скалъ, представляющихся издали какъ-бы гривою серебристой главы Арарата; по этимъ скаламъ, какъ по лѣстницѣ, можно добраться до самой вершины. Очевидно, относительной невозможности взойти на Араратъ также не существуетъ. Но лучшимъ доказательствомъ этой возможности служитъ самое событіе: Парротъ взошелъ на вершину Арарата, а послѣ него тамъ были еще Спасскій и Абихъ.

Спасскій—Автономовъ изъ личнаго любопытства и отчасти чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли Парротъ достигъ вершины Арарата, въ 1834 г. рѣшился самъ побывать на этой священной горѣ. Не придавая своему предпріятію никакого особеннаго значенія, онъ отправился на Араратъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и съ двумя проводниками, изъ числа тѣхъ, которые сопровождали Паррота, и весьма счастливо взошелъ на вершину горы. Онъ видѣлъ большой крестъ, поставленный Парротомъ, и уже занесенный снѣгомъ; малаго креста, водруженнаго на самой вершинѣ, Спасскій не отыскалъ, но въ существованіи его не можетъ быть никакого сомнѣнія; по малой величинѣ своей онъ совершенно занесенъ снѣгомъ, когда и большой, который ровно вдвое выше его, теперь едва былъ видѣнъ изъ-подъ снѣга. Проводники сами показывали Спасскому то мѣсто на вершинѣ горы, гдѣ былъ поставленъ малый крестъ.

ГЕГ-ЧАЙСКОЕ ОЗЕРО.

Гёг-чайское озеро (синяя вода), по-армянски Севанга, есть самое значительное въ цѣломъ Закавказскомъ краѣ; длина его отъ сѣверо-запада къ юго-востоку простирается до 70, а ширина отъ сѣверо-востока къ юго-западу до 30 верстъ; все пространство его составляетъ около 1,200 квадр. верстъ.

Настоящая глубина этого озера неизвѣстна; со стороны сѣверо-востока она должна быть весьма значительна; но юго-западная часть очень отлога и, мѣстами, на нѣсколько сотъ саженъ отъ берега, вода не выше пояса.

Поверхность Гег-чайскаго озера видимо годъ отъ году измѣняется; на островѣ Севанга есть примѣты, что вода нѣкогда доходила на сажень и болѣе выше нынѣшняго ея горизонта; бываютъ годы, что поверхность озера примѣтно упадаетъ.

Вопросъ, куда дѣвается вся масса воды 36 рѣкъ, впадающихъ въ Гегчайское озеро, относится ко всѣмъ вообще озерамъ и морямъ. Вода поднимается до тѣхъ поръ, пока убыль отъ испаренія не достигаетъ равновѣсія съ приливомъ отъ притоковъ.

Многія примѣты заставляютъ думать, что озеро Гег-чайское занимаетъ жерло погасшаго вулкана; всѣ берега его и вся окрестность свидѣтельствуютъ о сильныхъ изверженіяхъ, и потоки лавы вездѣ имѣютъ направленіе отъ озера.

Вода Гег-чайскаго озера нездорова, однако въ разныхъ степеняхъ. Съ западной стороны, гдѣ глубже, она менѣе вредна, но съ восточной, гдѣ мельче, она причиняетъ болѣзни; вообще берега доказываютъ, что вода заключаетъ въ себѣ большое количество каменотворнаго вещества; ктому-же рыбы, во множествѣ ее наполняющія, слизистыми изверженіями также не мало способствуютъ ея нездоровому качеству.

Гег-чайское озеро уже нѣсколько лѣтъ ежегодно замерзаетъ. Тогда жители переправляются чрезъ него съ вьючнымъ скотомъ, чтобы запастись дровами, на противоположный, Гюнейскій берегъ; но лѣтомъ судоходства по немъ никакого не имѣется, кромѣ дурнаго парома, содержащаго сообщеніе съ Севангскимъ монастыремъ. На озерѣ бываютъ періодическіе вѣтры, начинающіеся обыкновенно послѣ полудня и прекращающіеся послѣ полуночи; тогда волненіе весьма значительно. Отъ полуночи до полудня обыкновенно тихо и озеро образуетъ зеркало, отражающее горы, исчезающія мало по малу въ горизонтѣ. Поверхность озера возвышается надъ Араксомъ на 3,324, а надъ уровнемъ Чернаго моря на 5,724 парижскихъ футовъ *).

На озерѣ Гег-чаѣ лежитъ островъ Гёгамъ или Севанга. Замѣчательное это мѣсто представляетъ видъ горы, до половины потопленной волнами озера,

---

*) По геодезическимъ наблюденіямъ г. И. Ходзько поверхность Гег-чайскаго озера лежитъ выше уровня Чернаго моря на 6,419 англ. футовъ.

поднимающей на поверхности его свою круглообразную, уцѣлѣвшую вершину, имѣющую около 500 футовъ высоты.

Островъ этотъ отстоитъ отъ западнаго берега, въ самомъ близкомъ разстояніи, на двѣ версты; грунтъ его каменистъ и безплоденъ, въ окружности имѣетъ около трехъ верстъ, воды на немъ другой нѣтъ, кромѣ озерной.

Это дикое, мрачное и печальное убѣжище какъ будто нарочно устроено для отшельниковъ: здѣсь живутъ одни монахи, которые для развлеченія, въ часы досуга отъ молитвы, съ большимъ трудомъ покрыли землею нѣсколько квадратныхъ саженъ прибрежнаго каменника и развели на ней небольшой огородъ, составляющій единственную зелень, встрѣчающуюся здѣсь взору. Вода для поливки доставляется изъ озера посредствомъ водоподъемнаго колеса.

На самой вершинѣ Севангской скалы или острова находилась нѣкогда вѣтряная мельница, отъ которой нынѣ сохранились однѣ развалины; конечно, во времена безпрерывныхъ набѣговъ и хищничества, въ странѣ, преданной безначалію, гдѣ охота на людей составляла одну изъ главныхъ промышленностей ближайшихъ сосѣдей, это мѣсто не разъ доставляло вѣрное убѣжище многимъ угнетеннымъ.

Весь островъ занятъ монастыремъ Севангскимъ, его церквами и кельями монаховъ.

ИСТОЧНИКЪ СВ. ІАКОВА (ВЪ ГОРАХЪ СУРМАЛИНСКАГО МАГАЛА, ПО ПРАВУЮ СТОРОНУ АРАКСА).

Источникъ св. Іакова, это ключъ, водѣ котораго армянскіе жители Закавказскаго края приписываютъ чудесное свойство привлекать скворцовъ, истребителей саранчи, на тѣ поля, на которыхъ она появляется.

Когда саранча гдѣ-нибудь показывается, армяне спѣшатъ отправить безукоризненнаго человѣка къ источнику св. Іакова за драгоцѣнною водою. Гонецъ ѣдетъ день и ночь, черпаетъ кувшиномъ и спѣшитъ назадъ, остерегаясь поставить на землю сосудъ, заключающій въ себѣ благотворную влагу, въ противномъ случаѣ теряющую свою силу.

По прибытіи на мѣсто, вода вручается по принадлежности, и всѣ спѣшатъ окропить ею нивы, опустошаемыя саранчою; послѣ того, дня черезъ три обыкновенно налетаютъ цѣлыя тучи скворцовъ, называемыхъ татарами мурадъ-кушъ, а армянами — тарби (Tudus torquatus), которые приступаютъ къ истребленію саранчи. Птица эта, по прибытіи, раздѣляется на отряды, отряды на партіи, каждая партія имѣетъ свое сборное мѣсто, и два раза въ день они выступаютъ на бой: въ полдень и вечеромъ; покрытые кровью, онѣ омываются въ рѣкѣ и отдыхаютъ для новыхъ трудовъ.

КУЛЬПИНСКАЯ И НАХИЧЕВАНСКАЯ СОЛЕЛОМНИ.

1. Кульпинская.

У сѣверо-восточной подошвы высокаго шпиля Такялту, между нимъ и рѣкою Араксомъ, возвышаются круглообразные холмы сѣро-пепельнаго цвѣта, безплодные, безводные и перерѣзанные дождевыми протоками на глубокія рытвины; холмы эти, имѣющіе въ длину отъ с.-з. къ ю.-в. одну версту и 400 саженъ, а въ ширину отъ ю.-з. къ с.-в. одну версту и 200 саженъ и до осьми съ половиною верстъ въ окружности, заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ неистощимые запасы каменной соли.

Главная гора, въ которой нынѣ добывается соль, лежитъ въ $3^1/_2$ верстахъ отъ рѣки Аракса на правомъ ея берегу и отстоитъ отъ Эривани прямою дорогою на 60 верстъ.

Каменная соль содержится въ этой горѣ пластами, гнѣздами, небольшими отдѣльными массами и правильными кубическими кристаллами. Она встрѣчается и растворенною въ водѣ, образующей небольшіе ключи, въ с.-в-ой части горы. Въ разрушенныхъ же частяхъ обнаруживаются въ глинѣ и гипсѣ гнѣзда соли, имѣющія въ поперечникѣ отъ 3 до 10 саж.

Пласты соли большей частью лежатъ горизонтально, хотя иногда представляютъ извилистое и наклонное положеніе, но они всегда прослоены параллельно съ пластами глины и гипса, исключая случайныхъ мѣстами расширеній и съуживаній. Толстота этихъ пластовъ различна, отъ 1 до 10 и болѣе саж.; иногда же они бываютъ столь огромны, что занимаютъ собою цѣлый склонъ. Такъ надъ деревнею Кульпъ пластъ соли образуетъ утесъ въ 44 сажени вышины, покрытый сверху легкою корою гипса. Обыкновенный цвѣтъ Кульпинской соли—сѣроватый, но часто встрѣчаются гнѣзда ея совершенно прозрачныя, бѣлыя, какъ чистѣйшій горный кристаллъ.

Соль выдѣлывается плитами. Для работы употребляются инструменты, имѣющіе тонкія и гибкія ручки, сходныя съ нашими кайлами. Малыя кайлы вѣсомъ въ $4^1/_2$ фунта употребляются для высѣканія краевъ плиты, а большія, вѣсомъ въ 6 и болѣе фунтовъ, назначаются для откалыванія ея отъ соляной массы. Каждая плита имѣетъ видъ плоской усѣченной пирамиды и дѣлается обыкновенно въ два фута длины, въ десять дюймовъ ширины и около пяти дюймовъ толщины. Средній вѣсъ этихъ плитъ полагается въ шесть эриванскихъ батмановъ (1 пудъ 32 фунта) *).

Прежнія копи велись безъ всякой системы, безъ малѣйшаго знанія горнаго дѣла. Прежніе промышленники добывали соль какъ попало, руководствуясь въ этомъ однимъ желаніемъ добыть побольше соли и съ меньшимъ

---

*) См. «Историческій памятникъ состоянія Армянской области...» Шопена.

трудомъ; нисколько не думая о томъ вредѣ, который наносили они, безъ толку истощая богатства этой горы. Но теперь этому положенъ конецъ: со времени вступленія г. Иваницкаго въ завѣдываніе горною частью на Кавказѣ, проложена одна правильная мина, которую и будутъ теперь вести до невозможности; тогда откроютъ другую и т. д. Теперь добываніе соли производится правильно по всѣмъ даннымъ условіямъ науки. Галереи поддерживаются высѣченными столбами.

Ломкою соли занимаются жители армянскаго селенія Кульпъ. Селеніе это расположено на правой сторонѣ рѣки Аракса, подъ самою соляною горою, отвѣсная часть которой, вися надъ самымъ селеніемъ, ежеминутно угрожаетъ засыпать его подъ своими обломками.

Ежегодное добываніе соли въ Кульпахъ неравномѣрно, смотря по требованію. За 1866 г. добыто брусковой 770,675 пуд., мелкой 334,000 пуд.

Кульпинскою солью снабжаются вся Эриванская, Тифлисская губ.; Эчміадзинскій монастырь получаетъ изъ Кульпъ ежегодно даромъ по 200 вьюковъ соли.

Но не одною солью богаты Кульпы. Кромѣ нея здѣсь добывается въ значительномъ количествѣ египетская яшма, мраморная брекчія, самый мраморъ различныхъ цвѣтовъ, вулканическій туфъ, нѣкоторые самороды базальта и порфира, но послѣдній въ маломъ количествѣ. Это минеральное богатство и было поводомъ къ основанію здѣсь гранильной фабрики.

2. Нахичеванская солеломня.

По всему протяженію Хокскаго магала на лѣвой сторонѣ отъ большой дороги, ведущей изъ Эривани въ городъ Нахичевань, лежитъ рядъ безпорядочно разбросанныхъ холмовъ, составляющихъ послѣдніе контр-форсы *) горъ, отдѣляющихъ Арменію отъ Карабага и постепенно исчезающихъ на Аракской равнинѣ. Холмы эти, безводные, безплодные, безлѣсные и сѣро-пепельнаго цвѣта, составляютъ рѣшительную противоположность съ цвѣтущими и лѣсистыми горами, къ которымъ они примыкаютъ къ сѣверу: въ нихъ хранится неистощимая сокровищница каменной соли и учреждены копи, извѣстныя подъ названіемъ Нахичеванской солеломни.

Если судить по наружнымъ признакамъ, мѣсторожденіе здѣшней соли простирается по всѣмъ направленіямъ далеко въ горахъ и всей окрестности, подъ землею, быть можетъ, соединяясь въ невѣдомой глубинѣ съ Кульпинскою и Кагизманскою **).

---

*) Частныя утолщенія въ стѣнахъ. Ихъ употребляютъ въ разстояніи отъ $2^1/_2$ до 3 саж., въ стѣнахъ, гдѣ собственная толщина недостаточна для сопротивленія боковому усилію, дѣйствующему съ противоположной контр-форсамъ стороны.

**) Въ Азіятской Турціи.

Наружный видъ здѣшнихъ соляныхъ холмовъ представляетъ волнистый склонъ, покрытый болѣе или менѣе значительными, круглообразными насыпями, округленными во многихъ мѣстахъ, отъ дѣйствія дождевыхъ и снѣжныхъ водъ, наподобіе исполинскихъ куполовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, почти горизонтально, на нѣсколько ярусовъ. Буроватые и красноватые прислои, признакъ близкаго присутствія соли къ поверхности, попеременно опоясываютъ соляные холмы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соляная масса, такъ же какъ и въ Кульпѣ, защищается отъ внѣшности корою, состоящею изъ глинъ и гипсовъ, вообще тѣхъ же видовъ, какіе были описаны въ Кульпѣ и при однообразныхъ условіяхъ.

Начало разработки здѣшней соли теряется во мракѣ временъ: солеломщики помнятъ то только, что отцы ихъ посылали ихъ на ломку такъ же, какъ теперь посылаютъ они на нее дѣтей своихъ. Многіе, простирающіеся по горнымъ склонамъ обвалы, имѣющіе всѣ признаки бывшихъ нѣкогда копей, свидѣтельствуютъ о давности производящейся въ нихъ разработки.

Вскрытіе новыхъ копей производится слѣдующимъ образомъ: въ глинѣ и гипсѣ, образующихъ кору солепосной горы, прорываютъ, до солянаго пласта, яму въ аршинъ или около діаметра; по обнаруженіи солянаго материка, верхніе слои, болѣе рыхлые и содержащіе въ себѣ разныя примѣси, очищаютъ, сверху или сбоку, на такое пространство, гдѣ бы могли расположиться нѣсколько ломщиковъ; затѣмъ, съ помощью желѣзнаго бурава въ 13 или 14 вершковъ длины и въ одинъ дюймъ толщины, сверлятъ отверстія отъ 9 до 10 вершковъ глубины; заряжаютъ ихъ порохомъ, забиваютъ камнями съ глиною и, посредствомъ стопина, взрываютъ. Этимъ способомъ отдѣляются отъ соляной глыбы болѣе или менѣе значительные обломки.

Способъ этотъ, по свойству слоистаго расположенія соли, едвали не самый легчайшій и скорѣйшій; да и самая работа не требуетъ, со стороны ломщика, ни искусства, ни труда, необходимыхъ въ Кульпѣ: одинъ человѣкъ, здѣсь, втеченіе дня безъ отягощенія можетъ просверлить отъ двухъ до пяти отверстій; отъ каждаго взрыва отпадаетъ отъ пяти до ста пудовъ и образующіяся въ сосѣднихъ пластахъ трещины способствуютъ отдѣлять изъ соляной массы, ломами, новыя глыбы; такъ продолжаютъ углубляться вовнутрь горы, выбирая соль по удобнѣйшимъ направленіямъ пластовъ ея, пока жила не истощится, или работа не сдѣлается опасною отъ обширности верхней коры, подъ которою производится работа.

Для разработки здѣшней соли, къ солеломнѣ приписано Хокскаго магала селеніе Шейхъ-Магмудъ на томъ же основаніи, какъ и къ Кульпинскому промыслу приписано селеніе Кульпы *). Жители этихъ двухъ селеній въ настоящее время (съ 26 августа 1868 г.) освобождены отъ обязательныхъ работъ на солеломняхъ. Солеломни содержатся на откупѣ подъ наблюденіемъ двухъ управляющихъ изъ горныхъ инженеровъ. Для защиты отъ хищниковъ и соблюденія порядка на солеломняхъ при нихъ учреждена военная команда.

*) См. «Истор. пам. состоянія Арм. обл.» Шопена.

По мѣрѣ обнаженія горъ отъ снѣга начинаютъ появляться на солеломню караваны карабагскихъ жителей; до половины мая дѣла все-еще идутъ тихо; но съ этого времени до сентября татаре, выступившіе на кочевья, прибываютъ во множествѣ и тогда промыселъ въ полномъ ходу. На Нахичеванскомъ промыслѣ, какъ и на Кульпинскомъ, ежегодное добываніе соли неодинаково. Въ 1866 г. добыто: комовой соли 158,456 пуд., мелкой 3,000 пуд.

АРМЯНЕ.

Армяне, Арменія — не туземныя названія народа и страны; туземное названіе Гайкъ или Гайстанъ (рѣдко слышно названіе Асканозянъ). Преданіе гласитъ, что Гайкъ былъ правнукъ Афета; что названіе армяне, данное имъ сосѣдями, происходитъ отъ знаменитаго царя и героя народа, Арама.

Если разсмотримъ Арменію съ географической точки, то найдемъ, что это самая интересная страна древнѣйшей исторіи человѣчества. Преданія многихъ народовъ, а преимущественно священная исторія, указываютъ, что въ особенности европейскія населенія вышли отсюда для занятія нынѣшнихъ жилищъ своихъ. Преданіе, что св. гора (какъ называютъ ее сосѣдніе жители), величественный Араратъ, сдѣлалась колыбелью рода человѣческаго послѣ всемірнаго потопа, конечно имѣетъ глубокое значеніе. Во времена историческія страна эта была средоточіемъ, большою дорогою для народовъ всемѣстныхъ монархій. Валъ-Нимродъ, Нинъ, Семирамида, Сезострисъ здѣсь проникли или, по крайней мѣрѣ, старались проникнуть на сѣверъ. Здѣсь произошла великая борьба о владычествѣ міромъ между ассиріянами и мидянами, между мидянами и персами; Дарій и Ксерксъ вышли отсюда на западъ, и Александръ Македонскій прошелъ здѣсь, чтобы завоевать Востокъ и Сѣверъ. Здѣсь было поле сраженія римлянъ и пареянъ, здѣсь, у Нехавенда, армяне завоевали право надъ Востокомъ и здѣсь же прорвались народы, которые инспровергли Калифатъ; до сего мѣста пробралась Европа (крестоносцы); здѣсь прошли монголы и татары, Чингисханъ и Тамерланъ. Впродолженіе столѣтій была тутъ борьба двухъ магометанскихъ сектъ — шіитовъ и суннитовъ, а въ новѣйшія времена — христіанства и магометанства, Россіи, Персіи и Турціи. Какая же роль суждена народу, обитающему на этомъ всемірномъ театрѣ? Народъ этотъ, первоначальный *), чистой крови, съ высокими духовными и тѣлесными качествами, никогда не былъ довольно могущественнымъ и многочисленнымъ, чтобъ присвоить себѣ и держать за собой владычество міра. Напротивъ, мало народовъ, которые впродолженіе тысячелѣтія перенесли бы столь вопіющее угнетеніе и рабство, какъ армяне, и то большею частью со стороны

---

*) Нѣкоторые въ этомъ сомнѣваются, говорятъ: армяне — пришельцы изъ Ассиріи.

племенъ, которыя въ умственномъ и въ физическомъ отношеніяхъ стояли гораздо ниже ихъ. Но теперь народъ этотъ стоитъ на точкѣ поворота его судьбы. Родина его освобождена отъ рабства, и нельзя не замѣтить начинающагося въ немъ умственнаго движенія, проснувшагося стремленія усвоить себѣ просвѣщеніе Европы.

Малая часть армянскаго народа живетъ на родинѣ; большая часть разсѣяна по всей Азіи и отчасти по Европѣ и Африкѣ, и несмотря на то они имѣютъ самую дружественную и крѣпкую связь съ родиною, неразрушаемымъ средоточіемъ національнаго и религіознаго единства ихъ. Средоточіе это — патріархъ, который всегда имѣлъ какое-то магическое вліяніе на весь народъ. Разсѣяніе его продолжается болѣе тысячелѣтія. Впродолженіе этого времени Арменія имѣла всевозможныхъ владѣтелей; патріаршество, каждый разъ подпадавшее рабству и глубокому униженію, часто упадало въ духовномъ и нравственномъ отношеніяхъ, но, несмотря на то, связь, соединяющая даже отдаленнѣйшихъ членовъ съ родиною, никогда не ослабѣвала. Съ удивительнымъ постоянствомъ армяне остались вѣрными отечеству, языку, нравамъ и христіанству, въ національной и церковной его формѣ.

Г. Ла-Крозъ находитъ близкое родство между армянскимъ и старо-индійскимъ языками. Позднѣйшіе ученые (Петерманъ и Нейманъ) относятъ армянскій языкъ къ индо-германскому племени, можетъ быть, къ западному санскритскому - арійскому, что̀, впрочемъ, ученый филологъ Поттъ считаетъ сомнительнымъ. Есть и множество противоположностей и аналогій съ семитическими языками. Армянскій, какъ и всѣ германскіе языки, имѣетъ только односложные корни, семитическіе—двусложные. Армянскія числительныя количественныя имена имѣютъ ближайшее родство съ индо-германскими.

Армяне принадлежатъ къ красивѣйшимъ народамъ земли; тѣлосложеніе у нихъ пропорціональное, хотя они не такъ высоки и мускулисты, какъ грузины, напротивъ нѣжны и склонны къ тучности. Они очень смуглы, рѣдко между ними встрѣчается бѣлокурый. Судя по наружному обращенію, они кротки, умѣренны, скромны и очень вѣжливы. Что касается ихъ характера, то надобно отличать земледѣльцевъ, живущихъ на родинѣ, отъ купцовъ, особенно живущихъ среди другихъ народовъ. Эти послѣдніе и дѣятельны, и предпріимчивы, но тѣмъ неменѣе извѣстны большею частью какъ ненадежные торговцы, корыстолюбцы. Извѣстно, какъ армяне мало по малу покупкою, арендою, залогодательствомъ и пр. присвоиваютъ себѣ все имущество живущихъ съ ними народовъ, за что крайне нелюбимы.

Но надобно быть справедливымъ: они разсѣяны между чужими народами, непріязненными и чуждающимися ихъ, безъ защиты противъ произвола *); поэтому неудивительно, что они сдѣлались недовѣрчивыми, что характеръ ихъ сталъ скрытнымъ и ненадежнымъ. Устраняясь отъ всякаго другого поприща занятій, вся дѣятельность ихъ устремлена преимущественно на пріобрѣтеніе

*) Въ деспотическихъ государствахъ.

денегъ. Но даже и эти армяне въ Турціи и Персіи достойны всего уваженія въ домашнемъ ихъ быту: тамъ еще можно встрѣтить старинные патріархальные нравы и всѣ добродѣтели родителей, супруговъ и дѣтей; они благодѣтельны и гостепріимны, и крѣпко привязаны къ національнымъ нравамъ, и преимущественно къ религіи.

Приписываемые же имъ пороки ничто иное, какъ нравственная испорченность, причиненная обстоятельствами, и потому не составляютъ первоначальнаго характера народа. Это видно у армянскихъ крестьянъ, которые вообще честны, благородны и вѣрны. Уже старинный путешественникъ Турнефоръ, имѣвшій съ ними сношенія, называетъ ихъ истинно добрыми людьми. Впрочемъ, разсказываютъ, что сельское населеніе подъ турецкимъ владычествомъ вокругъ Баязида, Арзерума и Вана еще честнѣе и строже нравами, нежели жители окрестностей Эривани.

У армянъ особенно сильна внутренняя національная связь. Большая часть народа разбросана по тремъ частямъ свѣта; но нигдѣ не изглажена ихъ національность, нигдѣ она не сливалась съ народами, посреди которыхъ она проводитъ жизнь. Въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ евреями, величайшею загадкою всемірной исторіи — вѣчнымъ народомъ Божіимъ, несокрушимымъ человѣческими силами, потому что они отмѣчены Божіею рукою. У евреевъ устройство религіозное служитъ и устройствомъ политическимъ; оно имѣетъ такую духовную силу, что впродолженіе почти 2,000 лѣтъ соединяетъ разнообразныхъ членовъ безъ видимаго средоточія, безъ главы. И у армянъ религіозное устройство составляетъ сильнѣйшее начало національности. Армяне имѣютъ преимущество внутренней силы дѣйствительнаго отечества, родины, откуда вышли и въ которую могутъ возвращаться — и въ этой родинѣ религіозное средоточіе — эчміадзинскій патріархъ.

Патріархальная національная связь армянскаго народа отражается въ маломъ мірѣ народа — въ семействѣ. Мнѣ неизвѣстенъ народъ, говоритъ Гаксгаузенъ, въ которомъ семейныя узы были бы тѣснѣе и крѣпче, какъ у армянъ. Пока живы главы семейства, отецъ или мать, всѣ члены его живутъ неразлучно, безъ раздѣла имѣнія, въ безусловной покорности старшему. Нерѣдко у 80-тилѣтняго патріарха живутъ три поколѣнія, 4 или 5 женатыхъ сыновей отъ 50—60 лѣтъ, внукъ 30 лѣтъ и дѣти его. Нѣтъ раздѣла, никто не пріобрѣтаетъ для себя: труды и выгоды—въ пользу всей семьи. Есть дворы, на которыхъ семейства состоятъ изъ 40—50 душъ. Даже братья неохотно разлучаются; обыкновенно, по смерти родителей, старшій братъ вступаетъ въ права отца. Раздѣлъ начинается лишь между внуками.

Послушаніе семейное составляетъ крѣпкую связь и продолжительное согласіе между пятью или шестью молодыми женщинами возможно у армянъ, вслѣдствіе особеннаго воспитанія ихъ женскаго пола. Воспитаніе это, конечно, очень строго, но нельзя его назвать ни рабствомъ, ни угнетеніемъ, что увидимъ ниже. Холостые молодые люди обоего пола пользуются свободою въ предѣлахъ нравовъ и обыкновеній. Между тѣмъ, какъ у всѣхъ сосѣднихъ народовъ единственная форма заключенія браковъ есть покупка и до этого вре-

мени дѣвицъ держатъ взаперти, въ Арменіи имъ не воспрещается обращеніе съ молодыми людьми. Онѣ безъ покрывала и съ обнаженною головою могутъ идти куда хотятъ. Послѣ же совершенія брака свобода прекращается. Съ этого времени, даже дома, женщина является закутанною, нижняя часть лица, ротъ совершенно закрыты, на глаза спущенъ вуаль. На улицѣ ея никогда не видать, даже въ церковь ходитъ она подъ двойнымъ покрываломъ; если чужой мужчина входитъ въ домъ или садъ, она немедленно скрывается. Ни съ кѣмъ не должна говорить, даже съ роднымъ отцомъ или братомъ; она разговариваетъ только съ мужемъ и то тогда только, когда она съ нимъ наединѣ; со всѣми прочими она объясняется только пантомимами *). Въ этой требуемой обычаемъ нѣмотѣ она остается до рожденія перваго ребенка. Тогда она мало по малу эмансипируется, говоритъ съ новорожденнымъ, потомъ съ матерью мужа, далѣе съ родною матерью, съ сестрами мужа и съ собственными сестрами; наконецъ она начинаетъ говорить съ молодыми дѣвушками дома, но очень тихо, почти шопотомъ, чтобы не услыхалъ мужчина. Послѣ шести и болѣе лѣтъ армянка считается совершенно свободною, воспитаніе ея кончено; но и тогда непристойно ей говорить съ чужими мужчинами, или показываться безъ покрывала.

Итакъ не угнетеніе, а такое воспитаніе женскаго пола **), по окончаніи котораго женщина освобождена и вступаетъ во всѣ права супруги, независимой хозяйки дома. Если мужъ ея, глава семейства, и умираетъ прежде нея, то она вполнѣ вступаетъ на его мѣсто и въ его права; ея слушаются съ такимъ же уваженіемъ, какъ отца, патріарха дома. Въ этомъ случаѣ положеніе ея не можетъ быть сравнено съ положеніемъ женщины на Востокѣ.

Говоря объ армянахъ, считаемъ нелишнимъ упомянуть и объ армянскихъ пѣвцахъ. Вотъ какъ они описаны у г. Гаксгаузена:

Армянскіе трубадуры—это обыкновенно странствующіе слѣпые пѣвцы. Пѣсни ихъ, конечно, не очень благозвучны для европейскаго уха. Отъ длинно-протяжныхъ, монотонныхъ носовыхъ звуковъ онѣ вдругъ переходятъ къ самымъ быстрымъ руладамъ и оканчиваются дикимъ, оглушающимъ крикомъ въ самыхъ высокихъ нотахъ. Пѣсни свои они акомпанируютъ на инструментѣ, занимающемъ

*) Эти пантомимы состоятъ изъ различнаго сложенія и перекрещенія рукъ и пальцевъ, образующихъ такимъ образомъ буквы и слоги. Подобная шутка въ Германіи состоитъ въ томъ, что, при произнесеніи слова, въ началѣ, срединѣ и концѣ ихъ вставляются извѣстные слоги. Если кто такимъ образомъ говоритъ скоро, то рѣчь его понятна только посвященному въ эту тайну. Тоже самое встрѣчаемъ мы и у черкесовъ, особенно въ Кабардѣ. Если двое, разговаривая между собою, не желаютъ, чтобъ ихъ понимали другіе, они, по извѣстнымъ правиламъ, помѣщаютъ слоги ро и фа въ начало, средину и конецъ слова.

**) Армянскія жены никогда не употребляются въ тяжкія работы; онѣ лишь занимаются хозяйствомъ и садоводствомъ. Даже армянскій крестьянинъ такъ нѣжно любитъ жену, что ни за что не подвергнетъ ее дѣйствію палящихъ солнечныхъ лучей.

средину между русскою балалайкою и гитарою. Слѣпой почти всегда чувствуетъ въ себѣ призваніе сдѣлаться поэтомъ или, по крайней мѣрѣ, разказчикомъ. При незначительномъ талантѣ онъ остается въ своей деревнѣ, или окрестностяхъ ея, и тамъ всякій его почитаетъ и любитъ. На каждомъ дворѣ особенная комната, или по крайней мѣрѣ особенное отдѣленіе въ комнатѣ, съ мѣстомъ для деревенскаго пѣвца. Каждый считаетъ за честь, если онъ зайдетъ къ нему, и вечеромъ всѣ домашніе собираются вокругъ пѣвца и восхищаются его пѣснями и сказками.

Но когда у такого пѣвца дѣйствительно есть поэтическій талантъ, когда молва о немъ распространится и въ дальнѣйшихъ кругахъ, онъ дѣлается настоящимъ странствующимъ трубадуромъ; онъ переходитъ изъ дома въ домъ знатныхъ, по дворцамъ князей и хановъ, даже въ Персіи и Турціи, и вездѣ его принимаютъ съ восторгомъ. Если такой трубадуръ услышитъ о другомъ извѣстномъ странствующемъ пѣвцѣ, въ немъ появляется неукротимое желаніе состязаться съ нимъ. Онъ посылаетъ къ нему, самъ отыскиваетъ его, хотя бы это было на разстояніи ста миль. Если они сходятся, то это праздникъ для всей страны. Князь или владѣтель этой страны принимаетъ ихъ съ большими почестями и назначаетъ день состязанія. Въ этотъ день собираются тысячи людей со всѣхъ сторонъ. Обоихъ слѣпыхъ пѣвцовъ вводятъ въ открытое поле на нарочно приготовленныя для нихъ подъ деревьями возвышенныя мѣста; слушатели образуютъ тѣсный кругъ и начинается борьба: одинъ другому по очереди задаетъ загадки, которыя другой тотчасъ же разрѣшаетъ при восклицаніяхъ слушателей. Потомъ одинъ изъ нихъ перелагаетъ въ стихи какое-либо изрѣченіе, а другой въ одно мгновеніе, безъ остановки, долженъ отвѣчать слѣдующимъ или соотвѣтствующимъ мѣстомъ, въ томъ же размѣрѣ. Остроумные вопросы вызываютъ остроумные отвѣты. Если кто запинается или даетъ слабый, ничего не значащій отвѣтъ, онъ восклицаніями слушателей признается побѣжденнымъ. Побѣдителя приводятъ къ побѣжденному и первый ломаетъ его гитару, слава побѣжденнаго исчезла навсегда, онъ теряется между деревенскими слѣпыми. Если же оба держались хорошо, если по приговору народа никто не побѣжденъ, вызвавшій на борьбу начинаетъ воспѣвать похвалу своего противника, возвышаетъ его надъ всѣми современниками, сравниваетъ его съ Гафисомъ и Фирдузи, другой отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Народъ встрѣчаетъ ихъ радостными восклицаніями и потомъ начинаются пиршества князей и знатныхъ въ честь поэтовъ. Странствующіе эти пѣвцы во всей западной Азіи большею частью армяне, рѣдко татаре, почти никогда персіяне или турки. Армяне сочиняютъ пѣсни не на армянскомъ, а на татарскомъ языкѣ, ибо это есть языкъ сообщенія, торговли и взаимнаго разумѣнія между народами на югѣ Кавказа; въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ французскимъ языкомъ въ Европѣ. Въ особенности же онъ языкъ поэзіи и это, вѣроятно, одна изъ причинъ, почему такъ мало писанныхъ стихотвореній на армянскомъ языкѣ.

АРМЯНО-КАТОЛИКИ И ГРИГОРІАНЕ.

Армяне въ религіозномъ отношеніи дѣлятся на григоріанъ и армяно-католиковъ. Тѣ и другіе составляютъ какъ-бы два отдѣльныхъ общества, большей частью враждующихъ между собою, что неразъ было причиною различныхъ бѣдствій. Даже католики между собою раздѣлились на двѣ части: одни имѣютъ свою особую литургію и свои обряды, другіе принимаютъ литургію и обряды латинскіе.

Церковный расколъ между армянами приводитъ насъ къ разсмотрѣнію состоянія ихъ въ религіозномъ отношеніи. Начнемъ съ церкви, признаваемой большинствомъ, съ восточной армянской церкви. Названіе восточной оправдывается и положеніемъ на востокѣ центра ея управленія, столицы патріарха—Эчміадзина, и также тѣмъ, что это названіе противополагается западной римской церкви. Армяне называютъ ее григоріанскою, такъ какъ во главѣ ея находятся католикосы или патріархи, какъ преемники Григорія Просвѣтителя. Ученіе григоріанской церкви представляетъ вопросъ трудный и щекотливый: онъ былъ предметомъ жаркихъ споровъ и искаженъ превратнымъ толкованіемъ текстовъ, о которыхъ шли споры. Дабы сколько можно менѣе удалиться отъ истины, мы постараемся говорить только о томъ, что было принято лучшими армянскими богословами и что заключается въ исповѣданіи вѣры, утвержденномъ патріаршею властью.

Воплощеніе, одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанства, впродолженіе пяти первыхъ столѣтій было на западѣ предметомъ весьма различныхъ преній, которыхъ чуждалась православная церковь. Гностики и манихеи, Арій, Павелъ Самосатскій, Аполлинарій, Ѳеодоръ Мопсуэтскій, а впослѣдствіи Несторій и Евтихій, всякій по своему разумѣнію, предлагали объясненіе того, что для истиннаго христіанина есть великое таинство, и такимъ образомъ ослабляли величіе тайны искупленія. Армяне, принявшіе христіанство въ началѣ IV вѣка, до половины V остались такъ же, какъ послѣдователи греческаго православія, чужды этого религіознаго движенія и не отступили отъ ученія греческой церкви. Изъ всѣхъ этихъ уклоненій отъ истиннаго понятія о воплощеніи два особенно глубоко укоренились на востокѣ и произвели два отдѣльныя исповѣданія, существующія и нынѣ; это несторіане и якобиты—послѣдователи Несторія и Евтихія. Несторій, бывшій патріархомъ константинопольскимъ отъ 425 до 430 г., отвергалъ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Мопсуэтскимъ ипостасное соединеніе Слова съ человѣческой природою и полагалъ во Христѣ два отдѣльныхъ естества, которыхъ соединеніе, по его ученію, не было дѣйствительно. Противникомъ его былъ Кириллъ, патріархъ александрійскій. Несторій былъ осужденъ на Эфесскомъ соборѣ, 431 г. Раціонализмъ Несторія возбудилъ какъ будто реакцію, которую выразилъ Евтихій, архимандритъ одного изъ константинопольскихъ монастырей; именно, онъ впалъ въ другую крайность въ духѣ того аскетизма, который въ то время монахи вводили и въ обряды, и въ ученіе. Онъ утверждалъ, что во Христѣ соеди-

нились нераздѣльно два естества: божеское и человѣческое, и что тѣло Его небеснаго происхожденія и въ сущности отличное отъ человѣческаго. Весьма естественно, что Евтихій понравился Александрійской школѣ, отличавшейся мистицизмомъ, и пріобрѣлъ сильнаго сподвижника въ преемникѣ Кирилла Діоскорѣ.

Оба они, какъ извѣстно, преданы анаѳемѣ соборомъ Халкидонскимъ (431 г.). Въ то время армяне возстали противъ персидскаго царя Ездеджерда II, который принуждалъ ихъ къ огнепоклонству, дабы такою мѣрою удалить ихъ отъ грековъ и легче удержать въ рабствѣ; озабоченные желаніемъ отстаивать свою землю и свою религіозную свободу, армяне не могли принимать участія въ преніяхъ, которыя тогда волновали христіанство: не посылали отъ себя представителей на соборъ Халкидонскій, даже не имѣли точныхъ свѣдѣній о его постановленіяхъ, по причинѣ совершеннаго прекращенія сношеній съ греками.

Послѣдователи Діоскора и Евтихія вскорѣ образовали на востокѣ сильную секту, дѣятельно распространявшую обвиненія и клеветы противъ отцевъ Халкидонскаго собора, приписывая имъ возобновленіе Несторіевой ереси. Увлеченные этими обольстителями, армяне отвергнули этотъ соборъ. Порабощеніе Арменіи персами, а потомъ арабами и турками, усилія византійцевъ къ утвержденію своего владычества въ этой несчастной странѣ, ихъ грабежи и убійство послѣдняго Багратида, жестокость императоровъ, ихъ гоненіе противъ григоріанъ—ускорили и довершили разрывъ между армянами и греками. Ненависть политическая усиливалась религіозною. Если нѣкоторыя армянскія аристократическія фамиліи, находясь при византійскомъ дворѣ, и сдѣлались его приверженцами, то вся масса народа, напротивъ того, всегда оставалась ему непріязненною. По странному противорѣчію, которое впрочемъ объясняется внезапнымъ разрывомъ армянъ съ греками, отвергая Халкидонскій соборъ, они съ другой стороны не принимали и Евтихіева ученія (монофизитизма), а напротивъ, во всѣхъ своихъ изложеніяхъ вѣры, предавали его, вмѣстѣ съ другими еретиками, анаѳемѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе армянской церкви, въ томъ видѣ, какъ оно представлено святителями ея, пользующимися наибольшимъ авторитетомъ, основывается на различіи двухъ естествъ въ лицѣ Спасителя,—различіи, которое впрочемъ у нихъ опредѣляется въ другомъ смыслѣ, чѣмъ опредѣлено Халкидонскимъ соборомъ. По опредѣленію собора оба естества, по воплощеніи Слова, остаются самостоятельными: каждое изъ нихъ имѣетъ свое начало бытія и свой образъ проявленія въ дѣйствіи, и, будучи въ постоянномъ единствѣ, они никогда не сливаются. Прежде чѣмъ Евтихіево заблужденіе заставило опредѣлить этотъ догматъ въ точныхъ выраженіяхъ, св. Кириллъ представлялъ его въ примѣръ соединенія души съ тѣломъ въ человѣкѣ, сознавая впрочемъ недостаточность такого сравненія. Въ такомъ же видѣ армяне старались представить себѣ совмѣстность двухъ естествъ во Христѣ. Признавая два естества, нераздѣльныя и съ тѣмъ вмѣстѣ неслитныя между собою, они однакоже не принимали выраженія «два естества», и особенно потому, что въ ихъ языкѣ слово, означающее естество—пнутіунъ

въ прямомъ смыслѣ значитъ лице. Очевидно послѣ этого, что грубо ошибаются тѣ, которые принимаютъ армянъ за настоящихъ евтихіянъ или монофизитовъ, и что непризнаніе ими Халкидонскаго вселенскаго собора произошло только отъ одного опредѣленія догмата, темнаго по причинѣ двусмысленности армянскаго выраженія. Въ настоящее время ученіе, объясняемое въ духовныхъ училищахъ подъ наблюденіемъ католикоса, сходно съ латинскимъ: оно полагаетъ во Христѣ два естества, двѣ воли, два дѣйствія—божеское и человѣческое *), и слѣдовательно весьма рѣзко отвергаетъ и монофизитизмъ и монотелизмъ.

Насильственныя и неполитическія мѣры византійскихъ императоровъ сдѣлали невозможнымъ соединеніе армянской церкви съ греческою, котораго желали лучшіе умы, просвѣщеннѣйшіе и благочестивѣйшіе изъ армянъ. Въ особенности отчуждала армянъ необходимость подвергнуться вторичному крещенію, при присоединеніи къ греческой церкви, какъ будто для возрожденія язычниковъ, тѣмъ болѣе, что обязанность эта отвергается постановленіями всѣхъ вселенскихъ соборовъ.

Киликійскіе цари изъ Рупеновой династіи, опасаясь египетскихъ султановъ, нападавшихъ тогда на сирійскихъ крестьянъ, просили помощи у папъ, не перестававшихъ и по прекращеніи крестовыхъ походовъ заступаться своею нравственною силою за восточныхъ христіанъ, и наконецъ совершили актъ соединенія съ Римомъ; но эта попытка сближенія не имѣла рѣшительныхъ послѣдствій и, при всемъ расположеніи нѣкоторыхъ армянъ къ западной церкви, они все-таки сохранили отдѣльность своего исповѣданія. Въ народѣ замѣтны были два направленія: жители Киликіи, бывъ, по сосѣдству, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ крестоносцами, перенимали отъ нихъ обычаи, языкъ, одежду, рыцарскія учрежденія, феодальную іерархію и даже религіозные обряды. Представителемъ этого направленія, отъ котораго мы имѣетъ лучшія о немъ свѣдѣнія, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ отцевъ армянской церкви, св. Нерсесъ Ламппонскій, архіепископъ тарскій, потомокъ царя Рупена, жившій во второй половинѣ XII столѣтія. Въ сочиненіяхъ своихъ, представляющихъ любопытную картину франкскаго населенія въ Сиріи, онъ превозноситъ латинцевъ, даже въ ущербъ своимъ соотечественникамъ. Эту часть населенія и въ религіозномъ отношеніи можно назвать армянами западными. Въ восточныхъ областяхъ господствовали другія идеи: тамъ образовалась сильная оппозиція противъ замѣны народныхъ догматовъ и обрядовъ латинскими. Св. Нерсесъ, обвиненный въ потворствѣ этому нововведенію, принужденъ былъ оправдываться передъ царемъ Львомъ II, въ длинномъ апологическомъ письмѣ, сохранившемся до нашего времени. Эти два противоположныя направленія

---

*) Все это ясно изложено въ книгѣ подъ заглавіемъ: Исповѣданіе христіанской вѣры по ученію армянской церкви. Прибавимъ, что предубѣжденія противъ Халкидонскаго собора постепенно исчезаютъ; недавно появившаяся въ Константинополѣ брошюра, осуждающая этотъ соборъ, не одобряется просвѣщеннымъ классомъ армянскаго народа.

существуютъ и до сихъ поръ: одно — влечетъ часть армянъ къ латинской церкви и ставитъ въ сообщество съ Римомъ. Это армяне-уніаты (армяно-католики); другое сближаетъ остальную и наибольшую часть народа съ восточною церковью и подчиняетъ ее Эчміадзинскому патріарху: это армяне-григоріане. Въ вѣрованіи григоріанъ есть два основныхъ пункта, которые въ особенности удаляютъ ихъ отъ римской церкви и сближаютъ съ греческою. Оно полагаетъ, что третье лицо Св. Троицы происходитъ только отъ Отца, и отвергаетъ выраженіе латинскаго символа вѣры: Filioque, считая его прибавкою, сдѣланною впослѣдствіи въ текстѣ св. Іоанна Евангелиста. Второй пунктъ относится къ состоянію душъ послѣ смерти. У армянъ нѣтъ чистилища въ томъ смыслѣ, какъ его принимаютъ католики, и слово каваранъ, означающее мѣсто покаянія, есть нововведеніе въ языкѣ армянъ, трудно ими понимаемое. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей*), изложившій ученіе восточной церкви, указалъ, что эта церковь, а вмѣстѣ съ нею и армяне, принимаетъ переходное мѣсто, гдѣ души умершихъ, какъ праведныхъ, такъ и грѣшныхъ, ожидаютъ страшнаго суда. Поэтому-то она предписываетъ молитвы за умершихъ. Замѣтимъ, что армянская церковь совѣтуетъ часто совершать эти молитвы; а послѣ каждаго изъ важнѣйшихъ праздниковъ: Рождества, Пасхи, Преображенія, Вознесенія — слѣдующій день посвящается памяти умершихъ правовѣрныхъ, что и упоминается въ литургіи **).

Но самымъ существеннымъ образомъ отдѣляетъ армянъ отъ западной церкви папская власть. Признавая и уважая въ папахъ намѣстниковъ св. апостола Петра, они однако не признаютъ ихъ законодательной власти ни въ догматахъ, ни въ обрядахъ, и считаютъ своего католикоса независимымъ. Объ этой независимости сильно заботились преемники св. Григорія Просвѣтителя съ конца IV столѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ они уже не стали испрашивать инвеституру у епископовъ Кесарійскихъ. Вопросъ этотъ не есть чисто религіозный; къ нему примѣшивается щекотливость патріотической ревности. Религія армянъ есть, въ самомъ дѣлѣ, единственная связь, скрѣпляющая собою народность націи. По ихъ мнѣнію, перейти въ католицизмъ значитъ оставить свою народность, сдѣлаться франкомъ, какъ они выражаются съ укоромъ. Они весьма уважаютъ святыхъ и Матерь Божію, любятъ религіозныя торжества, богатство церковныхъ облаченій, внѣшніе знаки набожности, путешествія ко святымъ мѣстамъ. Многіе изъ нихъ къ своему имени присоединяютъ званіе магдесси, означающее бытность въ Іерусалимѣ,

---

*) Despres, L'eglise d'orient, въ книжкѣ 1-го декабря 1853 г. «Revue des deux mondes».

**) Еще есть нѣсколько обрядовъ у армянъ-григоріанъ, отличныхъ отъ латинскихъ, какъ-то: причастіе въ двухъ видахъ, употребленіе въ литургіи чистаго вина (безъ воды), празднованіе Рождества 6-го января. Замѣтимъ, что армяне, такъ же какъ русскіе и всѣ восточные христіане, приняли Юліанскій календарь, и потому ихъ праздники вообще не совпадаютъ съ западными.

*

такъ же точно, какъ у мусульманъ бывшіе у гроба пророка получаютъ титулъ гаджи (пилигримъ). Постовъ у армянъ весьма много—четыре великихъ поста въ году; правила воздержанія очень строги и соблюдаются ими съ точностью даже въ дорогѣ и во время болѣзни. Такая склонность къ набожности совершенно противна духу протестантизма, который поэтому мало находитъ между ними послѣдователей. Англійскіе и американскіе миссіонеры пріобрѣли ихъ не больше 2-хъ или 3,000 въ Смирнѣ, Константинополѣ, Арзерумѣ и Джульфѣ.

ЭЧМІАДЗИНЪ.

Эчміадзинъ, главнѣйшій монастырь, мѣстопребываніе одного изъ четырехъ патріарховъ, или католикосовъ армянъ, расположенъ въ 18-ти верстахъ отъ г. Эривани и въ 30-ти къ сѣверу отъ Аракса у подошвы горъ Алагезской и Карпіарихской. По армянскому преданію, здѣсь находился земной рай и огнедышащій Араратъ былъ тотъ пламенный мечъ ангела, который возбранялъ Адаму и его потомству входъ въ рай. Всемірный потопъ потушилъ огненный мечъ Арарата и разрушилъ садъ Эдема, по именно поэтому Ной долженъ былъ пристать къ Арарату и человѣческій родъ долженъ былъ вторично произойти отъ этого пункта. Здѣсь нашелъ онъ остатокъ благородныхъ плодовъ райскихъ, виноградникъ и разсадилъ его на нашей землѣ. Поэтому-то св. Григорій далъ вновь построенной церкви имя «Сошествія Искупителя», что означаетъ Эчміадзинъ.

Эчміадзинскій монастырь состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ церквей, расположенныхъ на версту одна отъ другой: 1) Сурбъ-Шогакатъ, 2) Сурбъ-Рипсиме и 3) Сурбъ-Гаіана. Отъ нихъ произошло названіе Учъ-Килиса̀, придаваемое магометанами сему монастырю. Каждая изъ сихъ церквей, имѣющая свою отдѣльную ограду, управляется особымъ архіепископомъ подъ главнымъ начальствомъ католикоса.

Монастырь Сурбъ-Шогакатъ лежитъ за высокими стѣнами съ 8-ю башнями и почитался прежде хорошо укрѣпленнымъ. Углубленія, сводчатыя ворота ведутъ на наружный дворъ.

Въ воротахъ, и потомъ на этомъ дворѣ, расположены лавки купцовъ и ремесленниковъ разнаго рода. Здѣсь находится также восковой заводъ. Вторыя ворота ведутъ во внутренній дворъ, посреди котораго стоитъ знаменитый соборъ. Очевидно, что онъ построенъ не разомъ и не въ одномъ стилѣ, но части его возведены въ весьма различныя времена. Пристройки эти весьма разнообразныхъ архитектуръ: здѣсь вы найдете нѣкоторыя части и украшенія въ древнемъ византійскомъ, готическомъ, мавританскомъ, ново-итальянскомъ стиляхъ.

Во внутренности церкви, даже въ свѣтлые дни царствуетъ сумракъ, чрезъ

что церковь выигрываетъ, потому что она вовсе не величественныхъ и не колоссальныхъ размѣровъ. Длина церкви составляетъ 50, ширина 48, а вышина 35 аршинъ. Во внутренности, въ архитектурномъ отношеніи, господствуетъ византійскій стиль и его символика. Повсюду встрѣчается множество надписей, которыя армяне весьма любятъ.

Алтарь, по преданію, стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ, во времена язычества, стоялъ жертвенникъ и статуя Артемиды. Тамъ много богатствъ въ золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, но должно предполагать, что ихъ еще болѣе хранится подъ спудомъ. Подлѣ главнаго алтаря стоитъ чрезвычайно красивое, искусно сдѣланное кресло очевидно европейской работы, въ стилѣ рококо, или скорѣй возрожденія, превосходнѣйшей работы. Говорятъ, что это былъ подарокъ одного изъ прежнихъ римскихъ папъ тогдашнему эчміадзинскому патріарху XVI или XVII столѣтія.

Между иконами не замѣтно ни одной достойной вниманія по живописи. Стѣны расписаны какимъ-то армянскимъ живописцемъ въ 1736 г. въ персидскомъ, пестро-цвѣточномъ, стилѣ. Здѣсь находится образъ Спасителя на полотнѣ, какъ и во многихъ армянскихъ церквахъ. Объ этомъ образѣ въ западныхъ и восточныхъ церквахъ существуютъ различныя преданія. Въ западной легендѣ разсказываютъ, что когда Іисусъ Христосъ, идя на распятіе, палъ отъ усталости, одна іудеянка отерла лицо его платкомъ и священное изображеніе его осталось на платкѣ. Это называется образомъ святой Вероники (verum icon, обратившееся постепенно въ самое имя этой іудеянки). У армянъ существуетъ другое преданіе. Во времена Христа Спасителя жилъ армянскій царь Авгарь, онъ слышалъ о Іисусѣ Христѣ и вѣровалъ въ Него, былъ прокаженный и послалъ къ Нему съ просьбою исцѣлить его. Когда же узналъ, что іудеи преслѣдуютъ Христа, то приглашалъ Его въ Арменію, съ тѣмъ, что онъ и весь народъ его будутъ принадлежать Ему; если же нельзя Ему придти, то чтобъ прислалъ, по крайней мѣрѣ, свое изображеніе. Господь отвѣчалъ, что призваніе Его—умереть въ Іудеѣ, взялъ кусокъ полотна, приложилъ къ Своему лику и божественныя черты тотчасъ же отпечатлѣлись на немъ. Полотно это вручилъ Онъ посланному, чтобы отдать царю. Мѣсто въ писаніи, гдѣ Христосъ говоритъ: «блаженны вѣрующіе не видя», относятъ армяне къ царю Авгарю. Прочія строенія, кромѣ церкви, не имѣютъ достоинствъ въ архитектурномъ отношеніи.

Святыни, принадлежащія эчміадзинскому монастырю, хранятся въ сокровищницѣ, ключъ которой находится у лампадора (ключаря). Здѣсь кромѣ утвари, уцѣлѣвшей отъ персіянъ, и драгоцѣнныхъ предметовъ облаченія католикосовъ, хранится:

1) Рука св. Григорія, Просвѣтителя армянъ.

2) Черепъ св. Рипсимы.

3) Рука патріарха Анфенагонеса.

4) Чудный крестъ Петроса Гетадарца, остановившій, во время водосвященія въ Севастіи, теченіе разливавшейся рѣки, во имя котораго устроена была церковь Гердакель.

5) Часть животворящаго креста.

6) Кусокъ Ноева ковчега, принесенный ангеломъ св. Іакову, на Араратѣ.

Но самая безцѣнная изъ святынь монастырскихъ есть св. копье, которымъ прободенъ бокъ Искупителя міра.

Изъ сихъ святынь, рука Просвѣтителя и крестъ Гетадарца сопутствуютъ католикосу во всѣхъ его поѣздкахъ. Копье хранится въ дорогомъ ковчегѣ.

Между достопамятностями монастырскими, упомянемъ еще: 1) о собраніи Высочайшихъ рескриптовъ россійскихъ императоровъ; 2) о собраніи фирмановъ шаховъ персидскихъ и султановъ турецкихъ; 3) о колоколѣ съ тибетскою надписью; 4) о библіотекѣ, въ которой, какъ видно изъ составленнаго въ 1836 г. на франц. яз. русскимъ академикомъ Броссе каталога, считается до 500 армянскихъ сочиненій, въ томъ числѣ 91 историческаго содержанія, и наконецъ, 5) о собраніи синодскихъ протоколовъ кондакъ.

Въ эчміадзинскомъ монастырѣ имѣетъ мѣстопребываніе патріархъ или католикосъ всѣхъ армянъ. Жилище его не слишкомъ отличается своею наружностью. При дворѣ патріарха находится обширный садъ или, лучше сказать, паркъ въ двѣ версты длиной и около версты шириной, усаженный тополями, ивами, тутами, виноградными лозами и разными фруктовыми деревьями съ цвѣтниками и большимъ резервуаромъ, наполненнымъ водою для орошенія сада и для рыбы.

Не безъинтересно здѣсь сказать о правахъ патріарха. Патріархъ католикосъ эчміадзинскаго престола признается главою армянской церкви. Онъ одинъ имѣетъ право освящать муро, употребляемое при таинствѣ муропомазанія и одинъ онъ назначаетъ епископовъ всѣхъ армянскихъ епархій. Онъ имѣетъ попеченіе о дѣлахъ церкви, религіи и нравственности, посылаетъ уполномоченныхъ въ эпархіи, для исполненія распоряженій и рѣшенія въ возникшихъ спорахъ; онъ одинъ можетъ разрѣшить отступленіе отъ церковныхъ правилъ, и при всѣхъ церковныхъ службахъ упоминается его имя. Книги религіознаго содержанія на армянскомъ языкѣ печатаются лишь съ его дозволенія.

Патріархъ признаетъ надъ собою власть вселенскихъ соборовъ и соборовъ отдѣльной армянской церкви. Какъ въ настоящее время почти невозможно созвать такой соборъ, то въ Эчміадзинѣ учрежденъ сунодъ, разрѣшающій, подъ предсѣдательствомъ патріарха, всѣ распоряженія и споры въ дѣлахъ церковныхъ. Патріархъ получаетъ званіе свое только законнымъ выборомъ. Въ прежнія времена, когда Арменія имѣла еще своихъ царей, сіи послѣдніе, для выбора новаго патріарха созывали весь народъ, людей духовныхъ и свѣтскихъ, и всѣ они участвовали въ этомъ выборѣ. Часто избирали per declamationem; впослѣдствіи участіе свѣтскихъ ослабѣло, выборъ предоставленъ духовнымъ, часто даже только монахамъ; однако свѣтскіе никогда не исключались и въ новѣйшія времена стали принимать участіе болѣе рѣшительное. Свѣтское правительство всегда имѣло право признанія и утвержденія. Это было справедливо, пока Арменія имѣла своихъ царей; такъ какъ въ выборѣ участвовали всѣ, то нельзя было исключить царя, и такъ какъ онъ защищалъ патріаршество, то слѣдовало предоставить ему и право признанія. Иначе ста-

ло, когда Арменія подчинилась магометанскимъ владыкамъ: тогда право это сдѣлалось поводомъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ. Эчміадзинскій престолъ превратился въ предметъ купли, продаваемый персіянами съ публичнаго торга.

Уложеніе христіанскаго патріархата, державшееся сперва свѣтскою, потомъ магометанскою властью, продолжалось до половины XVIII столѣтія.

Но мало по малу, при выборѣ патріарха, возникаетъ и русское вліяніе, и надобно сознаться, ко благу армянской церкви, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась болѣе и болѣе самостоятельною. Русскою защитою она укрывалась отъ магометанскаго владычества персіянъ и турокъ.

Доходы католикоса состоятъ изъ приношеній богомольцевъ; изъ сборовъ армянскихъ монастырей; изъ сборовъ, установленныхъ каждые три года во всѣхъ армянскихъ приходахъ; изъ остававшагося имущества послѣ архіепископовъ; изъ большихъ суммъ, платимыхъ архіепископами, священниками и приходами за муро, имъ только приготовляемое; изъ суммъ, вносимыхъ патріархами и архіепископами за посвященіе и при вступленіи въ должность и, наконецъ, изъ годоваго сбора съ нѣкоторыхъ селеній, принадлежащихъ патріаршеству, изъ которыхъ наибольшее Вагаршабадъ.

Эчміадзинъ есть священное мѣсто для армянъ. Ежегодно многіе изъ армянъ цѣлыми семействами отправляются на богомолье въ Эчміадзинъ. У армянъ благочестивый обычай—поминать покойниковъ въ пять понедѣльниковъ послѣ пяти великихъ постовъ. На могилу усопшихъ приносятъ мясо, хлѣбъ, вино, фрукты и священникъ благословляетъ эти яства, которыя потомъ дѣлятся между нищими; въ эти же дни приносятъ богатые дары мѣстной церкви. Въ особенности каждый почитаетъ за честь посылать богатые подарки въ эчміадзинскій патріаршій соборъ. Въ эти дни тамъ стекаются безчисленные дары изъ Турціи, Персіи, Индіи, Египта, Константинополя, Москвы, Санктпетербурга и Астрахани. Тѣ, которые лично отвезли подарки свои, при возвращеніи съ умиленіемъ и слезами разсказывали, какъ были тамъ, какъ видѣли святое мѣсто, средоточіе церкви, какъ патріархъ благословлялъ ихъ и наложилъ на нихъ перстъ свой, какъ они цѣловали его колѣни, какъ получили отъ него благословенную рюмку вина и святой ншхаръ *).

Въ Эчміадзинѣ богатые богомольцы раздаютъ подарки духовенству. Каждый, начиная съ патріарха и до церковнаго служителя, не останется безъ подарка. Богатые богомольцы стараются превосходить другъ друга богатыми

---

*) Ншхаръ, просфора, круглый кусокъ бѣлаго хлѣба, оттиснутаго въ деревянной формѣ, въ которой врѣзаны орудія страданій Господнихъ, окруженныя вѣнкомъ. Эта форма имѣется въ каждой армянской церкви. Просфора служитъ для совершенія таинства причащенія, во время литургіи, но тѣ, которыя освящены въ Пасху и Рождество, разносятся священниками по домамъ, для благословенія и поздравленія. Всякій принимаетъ ихъ съ благоговѣніемъ и дѣлаетъ священнику приношеніе. Въ Эчміадзинѣ особенно красива ихъ форма. Получившій тамъ ншхаръ набожно хранитъ его до смерти, и тогда кладутъ его на грудь усопшаго и вмѣстѣ съ нимъ опускаютъ въ могилу.

подарками, чтобъ получить похвалу и почести въ Эчміадзинѣ. Послѣ утренней службы, при которой присутствуетъ все духовенство, раздаются денежные подарки (даштанецъ). Они завернуты въ бумагу и уложены на большомъ блюдѣ, къ краю котораго прилѣплена свѣча, потому что еще темно. Одинъ изъ духовныхъ распоряжается раздачею. Онъ подходитъ ко всякому, отъ патріарха до послѣдняго діакона, и передаетъ ему подарокъ, даже въ то время, когда онъ поетъ или молится. При пріемѣ высшіе священники и архіерей отворачиваютъ голову, какъ будто-бы и знать не хотятъ, что у нихъ въ рукахъ, и небрежно опускаютъ свертокъ въ карманъ; младшіе радуются какъ дѣти; кланяются подателю и немедленно начинаютъ считать деньги. Радость увеличивается, когда находятъ нѣсколько болѣе, скучаютъ, когда менѣе. Подарки приносятся нетолько зажиточными армянами, но и депутатами всѣхъ армянскихъ монастырей, разсѣянныхъ по большей части Европы и Азіи и ежегодно платящихъ патріарху дань, равно и всѣми лицами, назначенными въ епископы и являющимися въ Эчміадзинъ для посвященія. Свѣтскіе дѣлаютъ подарки, чтобы выказать преданность свою къ религіозному средоточію ихъ вѣроисповѣданія и поручить молитвы за себя и за умершихъ родныхъ. Патріархъ получаетъ самые большіе подарки отъ духовенства, а эчміадзинское монашество отъ свѣтскихъ. Мало зажиточные армяне, которые не могутъ дѣлать денежныхъ подарковъ, даютъ по крайней мѣрѣ тамъ духовенству одинъ обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ трехъ блюдъ. Во время обѣда дѣти угощающаго ходятъ кругомъ стола и каждому духовному лицу подносятъ фрукты.

Вообще Эчміадзинъ и патріаршество имѣютъ огромное вліяніе на національность и единство армянскаго народа. Эчміадзинъ составляетъ средоточіе, куда стекаются путешествующіе, которые, прибывъ сюда съ береговъ Ганга и Инда, Евфрата и Нила, Волги и Невы, братски протягиваютъ другъ другу руку, знакомятся и вступаютъ въ союзъ. Изъ всѣхъ сихъ странъ обязаны священники присылать сюда за священнымъ мνромъ. которое, какъ сказано выше, имѣетъ право освящать одинъ только патріархъ.

Такимъ образомъ постоянно признается и упрочивается единство національной церкви.

Источники: «Закавк. край» Гаксгаузена; «Истор. памятники состоянія Армянской области» Шопена; «Біографія патр. Нерсеса» въ період. изд. «Кавказцы».

АНИ.

О городѣ Ани писатели говорятъ, что въ XI вѣкѣ онъ имѣлъ 1000 церквей и 100 т. домовъ; извѣстіе это подтверждаютъ находящіяся нынѣ колоссальныя развалины.

Изъ русскихъ путешественниковъ, именно А. Н. Муравьевъ разсказываетъ объ Ани вотъ что: «Съ казачьяго поста, расположеннаго на горѣ противъ Ани, предстала намъ во всей красѣ своей древняя армянская столица.

Величественный соборъ господствуетъ, по срединѣ города, надъ всѣми зданіями; по сторонамъ его два минарета. Но вотъ опять церкви, разсѣянныя вправо отъ собора, и одна изъ нихъ круглая, наподобіе башни, а за нею тянется цѣлая ограда исполинскихъ твердынь, изъ краснаго камня, какъ-бы облитыхъ кровью, хотя уже нѣтъ ни осаждающихъ, ни осажденныхъ! Что за пустынный холмъ возвышается влѣво отъ собора, съ полуаркадами и полусводами, которые или не довершили люди или обрушило время? Это вышгородъ столицы, это бывшія палаты Багратидовъ! Вышгородъ обличаетъ мертвенность Ани; съ палатъ царскихъ началась страшная жатва смерти, но не все-еще разрушено на этой каменной нивѣ. Напрасно стоятъ повсюду храмы: нѣтъ въ нихъ болѣе молитвы! Если есть еще пустынныя церкви на окрестныхъ горахъ, или внѣ ограды, на пространствѣ поля, бывшаго нѣкогда городомъ, то это лишь памятники минувшей славы: нѣтъ болѣе Ани! Изъ всѣхъ ея оконъ зіяетъ смерть: это одна постоянная гостья столькихъ жилищъ; она встрѣчаетъ путника во всѣхъ вратахъ, храмахъ и чертогахъ.

Но вотъ мы на вершинѣ горы, гдѣ былъ разбросанъ г. Ани.

Первой предстала намъ, на краю города, великолѣпная церковь, въ изваяніяхъ, съ чудными карнизами изъ арабесковъ, нарядный портикъ ея легко опирался на одну порфировую колонну, во вкусѣ восточномъ. Надъ дверями изображенъ былъ Спаситель, а по сторонамъ снятіе его со креста и одно сонное видѣніе, которое я не умѣлъ себѣ объяснить: въ головахъ спящаго стояла Божія Матерь, и надъ нимъ парили три ангела; быть можетъ, это самое видѣніе побудило къ основанію церкви. На внѣшней аркѣ, которую поддерживала красная колонна, странно начертаны были нагія женщины, обвитыя змѣями, вѣроятно, фуріи; но какъ могли миѳологическіе символы найти мѣсто въ преддверіи христіанскаго святилища? Я взошелъ въ церковь и удивился православному ея устройству и стѣнной живописи: на горнемъ мѣстѣ видна была Влахернская Божія Матерь, съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ; Спаситель пріобщалъ подъ двумя видами апостоловъ; а ниже его стояло двѣнадцать святителей; на боковыхъ стѣнахъ написаны входъ въ Іерусалимъ и успеніе Божіей Матери. Замѣчательно, что всѣ надписи или греческія или грузинскія; армянскихъ вовсе нѣтъ (указаніе на то время, когда г. Ани былъ во владѣніи грузинскихъ царей).

Нѣсколько выше, на пустынной площади, возвышается другая круглая церковь замѣчательной архитектуры, которая отчасти напоминала мнѣ іеру-

салимскую мечеть Омара: по двѣнадцати аркадъ въ каждомъ изъ ея двухъ ярусовъ, и еще сохранилась внутри стѣнная живопись. Тамъ, гдѣ былъ престолъ, написанъ Спаситель, окруженный архангелами, въ другихъ углубленіяхъ четыре евангелиста и лики святыхъ; надписи всѣ армянскія. Отъ этой церкви перешли мы по грудѣ обломковъ, усыпавшихъ эту нѣкогда лучшую часть столицы, къ великолѣпному собору. Зданіе отличается отъ всѣхъ прочихъ обширностью и характеромъ зодчества, собственно армянскаго, потому что оно украшено рѣзьбою по стѣнамъ вмѣсто живописи; куполъ уже обвалился, но прочность стѣнъ устояла противъ землетрясенія.

Великолѣпныя палаты царя Гагика находились подлѣ самаго собора: кто разберетъ царскіе чертоги въ этой массѣ обломковъ? Одинокій минаретъ возвышается на ихъ мѣстѣ, какъ свидѣтель разрушенія; за нимъ видна еще одна уцѣлѣвшая церковь, круглая наподобіе Сумбатовой. Близко отъ собора, на самомъ обрывѣ горы—та великолѣпная мечеть, которою я любовался издали; она въ изящномъ мавританскомъ вкусѣ, наружная стѣна ея покрыта надписями куфическими, но никто изъ насъ не зналъ арабскаго языка. Обвалившійся помостъ мечети не позволилъ спуститься въ два ея нижнихъ яруса, висѣвшіе надъ крутизною, но верхній являлъ слѣды чрезвычайнаго великолѣпія: шесть цѣльныхъ столбовъ, изъ краснаго камня, по срединѣ храмины, и еще двѣнадцать прислоненныхъ кругомъ ея стѣнъ поддерживали низкіе своды, которые испещрены шахматными плитами, краснаго и чернаго цвѣта. Множество арабесковъ изсѣчено по карнизамъ и капителямъ столбовъ; самый помостъ представлялся, изъ-подъ груды обломковъ, въ видѣ шахматной доски, хотя другого узора, нежели своды. Очаровательный видъ открывался изъ пустыхъ оконъ на утесистые берега Арпачая и въ дальнюю окрестность.

Солнце уже склонялось къ закату, а еще вышгородъ Ани, ярко озаренный его лучами, манилъ насъ къ себѣ, на южную оконечность столицы. Съ одной только стороны можно было подойти къ вышгороду, и тутъ возвышались крѣпкія башни; одна изъ нихъ, уже почти обрушенная, стояла на стражѣ у входа. Я изумился крѣпкому положенію сего мѣста, когда увидѣлъ, что другая рѣка, столь же крутоберегая, подступила съ этой стороны къ Ани: обѣ онѣ, Алаза и Арпачай, бурно стекаются на краю вышгорода, ограждая его поясомъ своихъ скалъ; тамъ, гдѣ наиболѣе кипятъ ихъ воды, выростаетъ одинокій утесъ, увѣнчанный обителью, которую не тронули люди, ради ея неприступности, и забыло время на пустынномъ острову. Окраина вышгорода обнесена была двойною стѣною съ башнями; онѣ обрушились, какъ-бы ради своей безполезности, ибо здѣсь природа оградила Ани крѣпче руки человѣческой. Сохранились однако остатки трехъ церквей, расположенныхъ кругомъ ограды, въ залогъ иной болѣе прочной защиты: одна изъ нихъ, со стороны Арпачая, представляется въ видѣ воротъ, своею высокою аркою. — Холмъ вышгорода, весь облѣпленный обломками, украшенъ былъ нѣкогда палатами Багратидовъ и эмировъ; но отъ нихъ остались только три аркады: средняя въ два яруса, съ такими же украшеніями какъ и мечеть Фадлуна, и, быть

можетъ, той же руки. Дикій очаровательный видъ открылся намъ, съ высоты царственнаго холма, въ ущелья обѣихъ рѣкъ и на всю окрестность, несмотря на ея бѣлое однообразное покрывало. Что-то страшное вѣяло изъ ущелья, гдѣ уже побѣдителемъ стремился Арпачай, поглотивъ быструю Алазу; сумракъ, вмѣстѣ съ вечернимъ туманомъ, глубоко сходилъ въ это устье. Багровые лучи еще озаряли площадь, внутри стѣнъ, и поле за стѣнами, гдѣ были Ани, но въ нихъ все было мертво. Только мы, чуждые посѣтители, говоромъ своимъ оживляли могильную тишину этой многолюдной нѣкогда столицы, но и насъ самихъ изгоняла ночь изъ негостепріимнаго города, гдѣ уже ни для кого не было крова.

Мы бѣжали изъ вышгорода, чтобы удѣлить еще нѣсколько минутъ на развалины; когда же остановились на обрывѣ Алазы, у той круглой церкви, которая видна была отъ собора, внезапно поднялись на противоположномъ берегу, изрытомъ пещерами, вопли курдовъ—жителей этихъ пустынныхъ мѣстъ. Изумленные появленіемъ странниковъ, въ столь поздніе часы дня, они скликали стада свои и прятались въ подземелья.

Встревоженный криками курдовъ, вожатый спѣшилъ провести насъ на другую оконечность города къ самымъ стѣнамъ, гдѣ сохранились однѣ великолѣпныя палаты; мимоходомъ мы обошли еще другія пространныя развалины, которыя слывутъ банями, но болѣе похожи на остатки дворца и церкви, соединенныхъ вмѣстѣ. Зданіе, къ которому привелъ насъ вожатый, дѣйствительно, заслуживало вниманія; ибо это были единственные чертоги, которые уцѣлѣли между многихъ церквей. Они касались съ одной стороны городскихъ стѣнъ, а съ другой спускались многими ярусами, по отвѣсному берегу Алазы, усѣянному также развалинами. Фронтонъ ихъ былъ украшенъ шахматными плитами; большія ворота открывали входъ во внутренность зданія, быть можетъ, караванъ-сарая или жилища какихъ-либо вельможъ, но конечно не царей, по сосѣдству городской стѣны. Отъ этихъ пустынныхъ палатъ направились мы вдоль городской стѣны, еще вооруженной грозными башнями царя Сумбата, къ городскимъ воротамъ, потому что невозможно было долѣе медлить.

Высокія врата между двухъ круглыхъ башенъ, чрезвычайной толщины, открыли намъ выходъ изъ царственныхъ развалинъ Ани; солнце сѣло, а намъ надлежало еще воспользоваться остатками вечера, чтобы проѣхать поле до пяти верстъ, для сокращенія дороги, и найти болѣе удобный бродъ Арпачая.

Совершенно смерклось, когда мы приблизились къ тѣмъ высокимъ воротамъ, которыя видѣли утромъ, съ противоположнаго берега. Отъ нихъ тянулся остатокъ ограды вверхъ по рѣкѣ, и видно было, что тутъ находился главный спускъ, а вправо шла дорога въ древнюю обитель, Кошавангъ, и не доходя до нея стояли въ лощинѣ три опустѣвшія церкви. Самыя врата, чрезвычайно высокія, состояли изъ двухъ круглыхъ столбовъ въ видѣ башенъ или минаретовъ, соединенныхъ легкою аркою: въ одномъ изъ нихъ уцѣлѣла вершина наподобіе церковной главы, время сбило другую. Городъ, въ который нѣкогда они открывали входъ, исчезъ позади нихъ, такъ что нельзя угадать теперь, гдѣ лицевая сторона этихъ воротъ. Подумаешь, что это тріумфальная

арка, воздвигнутая въ честь какого-либо побѣдителя, и дѣйствительно то были торжественныя врата, которыми время вошло въ Ани и срыло ихъ до основанія. Слишкомъ темно было, чтобы искать надписи; приличнѣе всѣхъ была бы для нихъ созданная геніемъ Данта для его адскихъ воротъ:

«Черезъ меня въ плачевный городъ путь.
Черезъ меня въ плачъ вѣчный дверь открыта,
Черезъ меня къ душамъ погибшимъ путь;
Входящіе, надежду отложите.»

КЕГАРТЪ ИЛИ АЙРИВАНКЪ.

Въ 30-ти верстахъ къ востоку отъ Эривани находится знаменитая армянская обитель, изсѣченная въ скалахъ, это Кегартъ или Айриванкъ. Первое названіе осталось обители отъ св. копія, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ оно тамъ хранилось (теперь въ Эчміадзинѣ), а второе дано ей отъ пещернаго ея устройства. Дорога къ обители идетъ вверхъ по ущелью, которое стѣсняется все болѣе и болѣе, доколѣ не упрется наконецъ въ неприступныя скалы, откуда бьетъ бурный потокъ Карни. Разбиваясь по камнямъ, онъ образуетъ весною великолѣпный водопадъ въ глубокомъ ущельи. Весною, говорятъ, это ущелье обращается въ совершенный садъ отъ множества душистыхъ кустовъ, разросшихся межъ скалъ, и небольшія поляны на берегу потока благоухаютъ цвѣтами. Въ окрестностяхъ Кегарта природа дикая, безлюдная; на ближайшихъ къ нему горахъ лежатъ церкви въ развалинахъ.

Основаніе Кегарта относится къ глубокой древности, ко временамъ св. Григорія. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что правнукъ просвѣтителя, Исаакъ великій, любилъ тамъ уединяться и, должно полагать, около этого времени изсѣчены были нѣкоторыя пещерныя церкви. Неприступность обители, посреди скалъ, ее оградившихъ съ трехъ сторонъ, дѣлала изъ нея твердыню, въ которой спасались католикосы и владѣтели армянскіе отъ насилія намѣстниковъ калифовъ. Безопасность мѣста, вѣроятно, побудила перенести въ Кегартъ св. копіе, когда сосѣдняя столица Двинъ сдѣлалась жилищемъ эмировъ и опустѣлъ Эчміадзинъ, подвергавшійся безпрестаннымъ нападеніямъ. Сокровище это еще болѣе освятило монастырь въ мнѣніи нетолько армянъ, но и магометанъ. Народное преданіе разсказываетъ, что во время страшнаго нашествія Шахъ-Аббаза, когда, проникнувъ въ обитель, хотѣлъ онъ коснуться святыни копія, внезапный свѣтъ осіялъ все ущелье, оно наполнилось тьмами ангеловъ, и въ ту же минуту обратились назадъ лица персіянъ. «Геръ-Гечь!» (видѣлъ, бѣги), воскликнулъ смятенный шахъ, и первый подалъ примѣръ бѣгства: съ тѣхъ поръ названіе Геръ-Гечь осталось обители въ устахъ татаръ вмѣстѣ съ народною легендою.

Иноки ввели насъ сперва въ главную церковь Св. Креста, не изсѣченную

внутри утесовъ, а пристроенную къ нимъ уже въ позднѣйшія времена. Обширная трапеза, пристроенная къ церкви, великолѣпна рѣзьбою своихъ карнизовъ и открытаго купола, который опирается на четырехъ столбахъ. Онъ носитъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ. Сѣверною стѣною для этой трапезы служитъ самая скала, и въ ней изсѣчены другія церкви, изумляющія терпѣніемъ своихъ созидателей.

Первая, во имя Св. Троицы, ближе къ западнымъ дверямъ трапезы, почти круглая, со многими углубленіями въ стѣнахъ, украшена арабесками. Узорные кресты изсѣчены на скалѣ съ надписями, которыя называютъ жертвователей, прибѣгавшихъ подъ сѣнь этого храма и, вѣроятно, тутъ же погребенныхъ ради своихъ пожертвованій. Изъ-подъ сѣверной скалы струится источникъ черной воды, горькой и непріятной на вкусъ; въ восточномъ углубленіи есть алтарь, на которомъ уже не бываетъ службы. Рядомъ съ церковью Св. Троицы изсѣчена другая во имя Виѳлеемской Божіей Матери, но алтарь ея не соразмѣрно малъ противъ самой церкви; она освѣщена сверху окнами, пробитыми въ скалѣ; входъ въ нее изъ той же трапезы, и въ ней течетъ также горькая вода изъ-подъ утеса. На этомъ утесѣ изсѣчены воловья голова, которая держитъ кольцо, и къ нему два прикованные льва, а подъ ними орелъ, несущій ягненка. На аркѣ алтаря Божіей Матери грубо изваяны двѣ райскія птицы, а на дверяхъ, ведущихъ въ третью церковь Св. Григорія, апостолы Петръ и Павелъ. Эта послѣдняя выше и изящнѣе всѣхъ отдѣлкою; алтарь ея много поднятъ надъ мостомъ, и на немъ сохранилось кресло епископское, высѣченное также изъ камня. Купель, необходимое условіе всѣхъ церквей армянскихъ, выдолблена въ той же скалѣ, ибо у армянъ только внутри храмовъ позволено совершать таинство крещенія. На возвышеніи алтаря, подлѣ каменнаго кресла, изваянъ высокій крестъ, съ двумя ангелами по сторонамъ, изъ коихъ одинъ съ трубою, а другой съ мечемъ. Къ какому собственно времени относятся всѣ три церкви, изсѣченныя въ утесѣ, неизвѣстно. Надъ самою крышею соборной трапезы высѣчены три небольшія кельи съ алтарями, какихъ много разсѣяно по окрестнымъ утесамъ, а за оградою, у самаго входа, выдолблено въ отдѣльной скалѣ двухъ-ярусное жилье съ двумя церквами во имя Божіей Матери. Стѣнная живопись отчасти сохранилась и еще видно вербное торжество Спасителя.

На противоположной сторонѣ чрезъ ущелье находятся тоже пещерныя церкви: тамъ видно и теперь до сорока выдолбленныхъ въ скалахъ тѣсныхъ келій съ небольшими внутри ихъ алтарями.

ДЖУЛЬФА.

Отъ Кармиръ-Ванка до впаденія Алинджа-чая-(Едынджакъ 24 верс.) Араксъ течетъ быстро въ узкомъ ущельи, между высокими горами. Горы, между которыми здѣсь течетъ Араксъ, большею частью утесисты, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ и полуразрушенныхъ башенъ, совершенно безплодны и состоятъ изъ камня и хряща; господствующій цвѣтъ ихъ есть темно-красный, мѣстами желтый. Главная возвышенность этихъ горъ, находящаяся въ западномъ углу слiянія Алинджа-чая съ Араксомъ, называется Тарудагъ.

На узкой полосѣ земли между Тарудагомъ и Араксомъ, передъ Алинджачаемъ, съ давнихъ временъ нашла себѣ убѣжище горсть армянскаго поселенія, привлеченная сюда выгодами торговаго пути изъ Персіи въ Арменію: здѣсь была Джульфа (Джуга). Армянскіе историки упоминаютъ о ней въ самыхъ отдаленныхъ вѣкахъ. Здѣсь еще до сихъ поръ видны въ рѣкѣ устои двухъ или трехъ мостовъ чрезъ Араксъ, существовавшихъ съ давняго времени въ разные періоды, и по нимъ проходили изъ Персіи въ Арменію и обратно караваны товаровъ, а главнымъ на этомъ пути перепутьемъ была Джульфа; по этимъ мостамъ проходили нѣкогда римскіе легіоны и, конечно, къ одному изъ нихъ относится извѣстный стихъ Виргилія: Et pontem indignatus Araxes (и мостомъ оскорбленный Араксъ). Когда мосты обрушились, здѣсь находилась самая удобнѣйшая переправа. Но отправимся въ городъ.

«Чтобы войти въ городъ,—пишетъ г. Дюбуа,—нужно подняться вверхъ по долинѣ Аракса. Здѣсь начинаются кроваваго цвѣта скалы, окаймляющія рѣку. Всякое мало-мальски доступное ущелье или возвышеніе скалы защищены стѣнами крѣпости, которая удерживала непріятеля отъ входа въ долину. Стѣна, идущая отъ укрѣпленія и простирающаяся до самаго Аракса, замыкаетъ его еще больше *). Но нѣтъ уже болѣе гордыхъ солдатъ, ни часовыхъ у воротъ крѣпости. Я увидѣлъ только красивый голубой гіацинтъ, цвѣтшій въ обрывѣ скалы, и джульфинскіе гелики (цвѣты), обвивающіе кусты маіорана.

При самомъ въѣздѣ въ городъ стоитъ уединенная скала, плато которой оказалось настолько пространнымъ, что на вершинѣ его могли построить монастырь, въ честь Святой Дѣвы. Этотъ монастырь и теперь тамъ. Здѣсь же всѣ покойники, богатыя гробницы которыхъ покрываютъ склоны скалы. А живые-то гдѣ?!

Вошли мы въ городъ. Между пикомъ скалы и Араксомъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ шаговъ разбросаны тамъ и сямъ громадные камни, скатившіеся съ сосѣднихъ вершинъ. Узнаете ли вы здѣсь Джульфу?.. Вотъ ея базаръ на берегу Аракса и нѣсколько церквей ея у подножія скалы. Вонъ одна изъ нихъ, что на холмикѣ, какъ говорятъ, католическая. У порога ея входа покоится подъ прекрасною гробницею изъ бѣлаго мрамора богачъ Хаджабаба,

*) Городъ Джульфа съ сѣверной стороны былъ защищенъ крѣпостью и надежными воротами, кои были устроены въ самомъ узкомъ проходѣ между скалою и Араксомъ.

вліятельнѣйшій изъ жителей Джульфы, во время правленія шаха Кадабендега, который, какъ говорятъ, велѣлъ умертвить его. Вотъ что гласитъ тамъ его гробница своею двойною надписью на прекрасномъ армянскомъ шрифтѣ. Съ одной стороны гробницы читаете:

«Эта грабница есть память о душѣ господина (Парупе́, по-армянски) Хаджабаба, безвинно преданнаго въ руки невѣрныхъ. Читающаго эту надпись прошу помянуть мою душу въ своихъ молитвахъ».

На другой сторонѣ надгробнаго камня написано:

«Я еще разъ умоляю васъ, вспомяните обо мнѣ въ своихъ святыхъ молитвахъ, за что васъ не забудутъ предъ агнцемъ закланія (l'agneau de Dieu).» Упокоился 1030 года по армянскому лѣтосчисленію (1581 г. по Р. X). Отче нашъ и т. д. (Это молитва, которую покойникъ проситъ читать за упокой его души).

По обоимъ берегамъ Аракса возвышаются, одинъ въ виду другого, два обширныхъ каравансарая, изъ тесанаго камня, которые никогда не были достроиваемы до конца. Десятокъ семействъ, составляющихъ все нынѣшнее населеніе Джульфы, помѣстились въ зданіи на лѣвомъ берегу рѣки *).

Вездѣ къ окрестности, почти на версту разстоянія, на однообразной равнинѣ берега (bord uni du fleuve), въ лощинахъ, на живописныхъ скалахъ и по бугристымъ склонамъ горъ разсѣяны жилища, иныя почти разрушенныя, другія почти засыпанныя землею, иныя почти смытыя дождями или почти снесенныя горными потоками. «Здѣсь въ живыхъ остались только страшные джульфинскіе, черные скорпіоны, бо́льшаго размѣра и болѣе ядовитые, чѣмъ обыкновенный скорпіонъ; не проходитъ года, чтобы отъ укушенія ихъ не погибъ кто-нибудь изъ этихъ бѣдныхъ семействъ, составляющихъ населеніе Джульфы. Я прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы найти хоть одинъ экземпляръ этого животнаго; но не наступила еще пора, май мѣсяцъ, когда скорпіоны начинаютъ размножаться. Къ моему величайшему удивленію, я не увидѣлъ въ Джульфѣ ни одного зданія, особенно замѣчательнаго по б гатству или величію архитектуры; пожаръ, причина разрушенія города, безжалостно обезобразилъ его постройки. Всѣ дома были построены изъ пестраго известковаго камня, сплоченнаго красною глиною. Постройка церкви была нѣсколько лучше, но все-же она далеко не представляла роскоши, свойственной всѣмъ армянскимъ церквамъ. «Гробницы—вотъ мѣсто гдѣ жители Джульфы схоронили свою славу и свое богатство».

Примѣчаніе. Кладбище имѣетъ протяженія въ длину болѣе $1^1/_2$ версты; оно отдѣлялось самою узкою полосою земли отъ второй крѣпости, защищавшей Джульфу.

Пройдите около второй крѣпостной стѣны, замыкающей другую оконечность города. Нѣтъ ничего красивѣе вида этихъ тысячъ возвышающихся надгробныхъ камней, такъ тѣсно стоящихъ другъ около друга, какъ колосья при

---

*) Они въ 1848 г. оставили ущелье преимущественно по нездоровому климату и перешли на возвышенное и открытое мѣсто, отсюда на сѣверъ, версты двѣ или три.

богатомъ урожаѣ, памятниковъ, застилающихъ большое пространство вдоль теченія Аракса. Эти камни имѣютъ вышину отъ 8 до 9 футовъ и представляютъ лабиринтъ мертвыхъ, въ которомъ живые, спустя три столѣтія, могутъ обозрѣть, если придутъ, цѣлое поколѣніе усопшихъ, какъ будто смерть постигла ихъ утромъ того же дня: потому что эти памятники на песчаной почвѣ Тарудага, покрытые скульптурными изображеніями, арабесками и барельефами, такъ свѣжи, какъ будто только-что вышли изъ рукъ скульптора.

Эти памятники двоякаго рода. Одни представляютъ камни длиною отъ 8, 7 до 9 футовъ, стоящіе у подножія большихъ четыреугольныхъ, тоже каменныхъ плитъ, представляющихъ гробницы. На этихъ длинныхъ камняхъ вы видите въ рамкѣ, украшенной отлично сдѣланными арабесками, кресты различной величины, изобилующіе различными украшеніями. Верхушки нѣкоторыхъ надгробныхъ камней украшены барельефами, изображающими: библейскія происшествія, или св. Георгія, или персидскаго сфинкса съ двумя туловищами, между которыми торчитъ человѣческая голова. На каждомъ камнѣ есть надпись на армянскомъ языкѣ и означено число. Многіе изъ этихъ памятниковъ замѣчательны изяществомъ отдѣлки, такъ что даютъ имъ полное право быть въ числѣ предметовъ, помѣщающихся въ музеѣ. Нѣкоторыя изъ гробницъ, самыя красивыя, стояли подъ прикрытіемъ маленькихъ каменныхъ часовенъ.

Другой родъ памятниковъ, менѣе многочисленный, состоялъ изъ обрубковъ (béliers), покрытыхъ надписями и небольшимъ числомъ барельефовъ. Я срисовалъ самые замѣчательные изъ нихъ. О нихъ упоминаетъ въ описаніи своего путешествія Кер-Портеръ.

Здѣсь вы увидите изображеніе воина, вооруженнаго пикою, который посадилъ за собою на сѣдлѣ плѣннаго ребенка; вокругъ шеи ребенка обмотана веревка; къ ней привязано еще трое плѣнныхъ, которыхъ онъ тащитъ за собою. Далѣе, та же (безъ всякаго сомнѣнія) личность изображена сидящею за столомъ. Съ одной стороны рабъ, стоя на колѣняхъ, подаетъ ему пить; между тѣмъ какъ другой рабъ бряцаетъ (pince) на гитарѣ (?!); въ составъ картины, какъ и слѣдовало ожидать, внесенъ и сфинксъ. Надпись гласитъ намъ, что «Здѣсь покоится прахъ Мануки Назара, упокоившагося въ 1037 г. армянской эры (1578 по христ. лѣтосчисленію).»

Пришло ли бы вамъ на мысль, въ виду этой гробницы, уединенно лежащей на окраинѣ Персіи, что предъ вашими глазами—мѣсто, гдѣ покоятся останки праотца всей этой знаменитой семьи Лазаревыхъ, давно оторвавшейся отъ родной Джульфы, въ интересѣ получить образованіе въ Россіи.

Здѣсь г. Дюбуа находитъ умѣстнымъ поговорить о разрушеніи этого города. «Меня--говоритъ онъ--лучше уразумѣютъ сидя у подножія (на цоколѣ) этой гробницы.»

Сущность его историческаго разсказа слѣдующая: Шахъ-Аббазъ, сжегши и разрушивши Джульфу въ 1605 г., удалился въ Таврисъ, ведя за собою своихъ плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ (1606) году онъ самыхъ богатыхъ размѣстилъ по городамъ, а крестьянъ по деревнямъ. Армянъ, которыхъ отправили въ

Испагань, простиралось до 12 тысячъ семействъ (50,000 душъ), не считая множества погибшихъ на дорогѣ. Они основали тамъ новое предмѣстье, Новую Джульфу, которая значительно увеличилась и обогатилась.

«Источники: Voyage autour du Caucase, Ь. IV. Дюбуа де-Монперё; «Араксъ и очеркъ мѣстностей, по которымъ онъ протекаетъ» А. Уманца. Кавк. Календ. 1851 г.

КУРДЫ.

Курды (древніе курдуки) составляютъ, вѣроятно, первобытное племя, найденное Гайкомъ во вновь занятыхъ имъ странахъ при-аракскихъ; они вѣроятно одноплеменны древнимъ парѳянамъ, съ которыми даже сами римляне не въ состояніи были управиться. Персіяне разсказываютъ слѣдующую басню о происхожденіи курдовъ: «Царь Зогаукъ, Пейшдадіанской династіи, позволилъ падшему ангелу поцаловать себя въ плечи; едва губы нечистаго коснулись спины Зогаука, какъ на ней выросли два змія, которыхъ должно было кормить человѣческимъ мозгомъ; каждый день умерщвляли по два человѣка для насыщенія чудовища, однако царскій поваръ находилъ средство спасать нѣкоторыхъ, и отправлялъ ихъ въ горы, гдѣ они образовали поколѣніе курдовъ.» Сами курды полагаютъ, что они происходятъ отъ брака джиновъ (злыхъ духовъ) съ женщинами.

Какъ бы то ни было, но, отстраняя эти басни, нельзя не признать курдовъ старѣйшими автохтонами страны *).

Курды, находящіеся въ нашихъ предѣлахъ, извѣстны подъ двумя племенными названіями: Ванъ-Гакори-Курманчъ, живущіе отъ Арарата до Каспійскаго моря, и Езиды — близъ озера Гокча и около Алагеза. Г. Шопенъ ихъ считаетъ до 6 тысячъ.

По языку, нѣтъ сомнѣнія, курды принадлежатъ къ общему санскритскому корню.

Курды большей частью высокаго роста и тонкаго, но крѣпкаго сложенія, съ продолговатымъ, сухощавымъ лицомъ, большими черными, огненными глазами, горбатымъ носомъ, смуглыми волосами и страшными усами: одни только старики отпускаютъ у нихъ бороду. Одѣваются совершенно иначе, нежели турки, персіяне и арабы. Короткая суконная куртка съ откидными назадъ рукавами, непомѣрно широкое исподнее платье, сапоги или сандаліи, чалма, повязанная на головѣ съ наискоса, которая у начальниковъ отличается висячимъ назади краснымъ колпакомъ, одна или двѣ пары пистолетовъ, пика изъ тростника съ желѣзнымъ наконечникомъ, кривая сабля и нѣсколько малыхъ копій, бросаемыхъ изъ рукъ и возимыхъ за подпругами,—составляютъ наружный костюмъ и вооруженіе курдовъ. Они не сражаются никогда пѣшіе и очень ловки на конѣ.

---

*) См. «Истор. памят. состоянія Армян. обл......» Шопена.

Курды одарены отъ природы характеромъ пылкимъ и суровымъ; война и хищничество — необходимыя ихъ потребности. Храбрость курдовъ не есть постоянное мужество, которымъ отличаются другіе народы; это болѣе порывъ, минутное воодушевленіе. Но у курдовъ вообще есть и свои добродѣтели, напр. умѣренность въ пищѣ, простота, гостепріимство, почтительность къ сапу *) и честность въ исполненіи обѣщаній. А езидъ, кромѣ этого, никогда порученную ему чужую собственность не присвоитъ себѣ, что бы и чье бы то ни было, но возвратитъ ее непремѣнно, хотя бы чрезъ нѣсколько лѣтъ, настоящему владѣльцу, — и никогда не дастъ денегъ на проценты, для роста, но потребуетъ только данную сумму, даже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Никогда не требуетъ онъ однажды отданной другому земли, хотя бы она сдѣлалась гораздо лучше и плодоноснѣе, и наконецъ,—еще прекрасная черта езида,—никакія сокровища въ мірѣ не соблазнятъ его и не заставятъ обольщать чужеземку. Родительская любовь, помощь бѣднымъ, незлопамятность езидами очень уважаются; съ другой стороны кровавая месть и разбойничество унижаютъ ихъ.

Женщины у курдовъ раздѣляютъ почти всѣ нравственныя наклонности ихъ мужей. Онѣ сварливы, въ домашней жизни упрямы, готовы при всякомъ случаѣ поднять бѣшеные крики, отголосокъ которыхъ тотчасъ отдается изъ всѣхъ сосѣднихъ карачадровъ; онѣ по большей части неопрятны и, несмотря на ревность мужей, не совсѣмъ безукоризненны; но за эти недостатки онѣ вознаграждаютъ неутомимою дѣятельностью: въ домѣ курда все рѣшительно дѣлается руками женщинъ (ковры и другія издѣлія курдинокъ отличаются превосходной отдѣлкой); между тѣмъ дѣло мужчинъ, съ длинною трубкою въ зубахъ, съ поджатыми ногами, методически пускать круги дыма, и съ непоколебимою важностью наслаждаться, по цѣлымъ часамъ, кейфомъ; ихъ дѣло—хорошо одѣться, проѣхаться верхомъ; если есть случай, то непремѣнно украсть или ограбить, но убійства, говорятъ, заграницей они не дѣлаютъ. Рѣдко курдинецъ имѣетъ двухъ женъ; на вопросъ объ этомъ одинъ курдинецъ жалобно отвѣтилъ: «Сохрани Аллахъ! отъ одной жены не упрячешь головы своей, куда бы дѣваться отъ двухъ?!»

Нарядъ курдинокъ весьма живописенъ: головной уборъ состоитъ изъ небольшой чалмы малиноваго и чернаго цвѣта, съ двумя висящими концами, изъ-подъ которыхъ выказывается прическа à la Rebecca, оттѣняющая пухленькія щечки. Остальной нарядъ ихъ такой же, какъ у татарокъ, съ тою разницею, что кофта курдинокъ обнимаетъ ихъ станъ въ видѣ корсажа и лучше обрисовываетъ формы.

Образъ жизни курдовъ кочевой. (Осѣдлые между ними большая рѣдкость.) Весной, когда первые лучи оживляющаго солнца пробуждаютъ природу, кочующія племена укладываютъ все имущество свое на вьючный скотъ и спѣшатъ выступить на обычную кочевку, покидая съ радостью неудобные зи-

*) Охранный листъ какого-нибудь старшины уважается вездѣ, и если курды примутъ путешественника подъ свою защиту, то онъ можетъ считать себя въ безопасности.

мовники свои. Преслѣдуя полосу вѣчнаго снѣга, уходящую отъ нихъ вверхъ, по мѣрѣ того, какъ жары становятся сильнѣе, они постепенно поднимаются все выше и выше, къ тундреннымъ вышинамъ, дѣлая однако по дорогѣ частые привалы. По прибытіи на мѣсто, гдѣ располагаютъ провести лѣто, они обыкновенно выбираютъ для основанія своего стана лощину, открытую противъ юга, и здѣсь, около ручья или ковра уцѣлѣвшаго снѣга, ставятъ карачадры свои (шатры) такимъ образомъ, чтобы вокругъ было достаточно простора стадамъ для ночлега. Рѣдко встрѣчается въ одномъ станѣ болѣе 20 семействъ, большей частью они собираются по 5, 6 и до 10.

Осенью возвращеніе на зимовники происходитъ также не вдругъ: дѣлаются по дорогѣ привалы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долины еще несовершенно вытравлены. Зимой курды спускаются въ ущелья Арпачая, на равнины Аракса и къ Каспійскому морю; жизнь ихъ, кромѣ зимнихъ мѣсяцевъ, есть постоянное движеніе; гдѣ есть вода и трава, тамъ и станъ.

По вѣроисповѣданію курды раздѣляются на три явственныя колѣна: на шіитовъ, суннитовъ и езидовъ. Первые два плохіе мусульмане, у вторыхъ— смѣсь религіи христіанской съ магометанской и языческой.

«Езиды вѣруютъ въ Бога безпредѣльнаго, въ Іисуса Христа, въ Св. Духа и въ Пречистую Богоматерь, и въ этомъ отношеніи они почти христіане; но къ этимъ догматамъ божественнаго откровенія они примѣшиваютъ обряды, принадлежащіе къ ученію Магомета, и разныя заблужденія и повѣрья, чуждыя и той и другой религіямъ. Изъ таковыхъ повѣрій самое странное—уваженіе, оказываемое ими предводителю падшихъ ангеловъ, называемому ими Малаки—тхавусъ (ангелъ—павлинъ *).» Многіе за это называютъ ихъ поклонниками діавола, но такое поносное прозвище произошло оттого, что езиды, въ противность всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, оказываютъ участіе и нѣкоторое сожалѣніе къ судьбѣ злаго духа, но отнюдь не божеское почтеніе, какъ вообще думаютъ. Езиды говорятъ: все злое и худое дѣлаетъ самъ человѣкъ и только тщетно старается показывать, по врожденной ему привычкѣ, что другой былъ соблазнителемъ и виновникомъ его злыхъ дѣлъ. Богъ однажды низвергъ и лишилъ достоинства заблудшаго духа, но не сообразно было бы съ Его могуществомъ и милосердіемъ чувство мести и презрѣнія къ такому ничтожному творенію. Потому-то Онъ рано или поздно умилостивится надъ падшимъ духомъ; а если такъ, то слишкомъ было бы жестоко, вопервыхъ, вмѣшиваться во всемудрое правленіе Господа, вовторыхъ увеличивать поношеніемъ и презрѣніемъ бѣдствіе проклятаго творенія Божія. Итакъ бѣда тому, кто въ присутствіи езида произнесетъ имя сатаны или шайтана, или, что еще хуже, плюнетъ на діавола **).

«Религіозные обряды езидовъ очень несложны: они, въ честь лукаваго, постятся осенью сорокъ одинъ день. Зимою они наблюдаютъ еще одинъ постъ—

---

*) «Истор. пам. сост. Арм. обл....» Шопена.
**) См. Кавк. 1848 г. № 9.

хадиръ-наби, какъ полагаютъ, въ память Іисуса Христа. Посты ихъ выполняются воздержаніемъ отъ всякаго рода пищи, начиная отъ восхожденія до совершеннаго захожденія солнца. Они исполняютъ обрѣзаніе; особеннаго богослуженія и молитвъ не имѣютъ, а довольствуются, каждый день, при восхожденіи солнца тремя земными поклонами къ сторонѣ востока. Младенцамъ они даютъ имена по большей части магометанскія; однако нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, который назывался бы Али, Могаметъ или Омаръ.

Ѣдятъ падаль, утверждая, что ежели дозволяется употреблять въ пищу животное, зарѣзанное рукою человѣка, то тѣмъ болѣе должно допустить это въ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которыя поражены самимъ Богомъ. Вино они любятъ страстно, и, въ религіозной мысли, боятся пролить его хотя бы каплю напрасно *). Смертельно больнаго окружаютъ они съ палкою въ рукахъ, чтобы защитить его отъ ангела смерти, а по испущеніи имъ послѣдняго вздоха принимаются немилосердо колотить одного изъ карауливших, прозѣвавшаго, по ихъ мнѣнію, похитителя душъ. Старухъ они дотого уважаютъ, что во время нерѣдко бывающихъ между ними раздоровъ любая баба, раздавая на всѣ стороны пощечины, безъ труда разгоняетъ спорящихъ. Убитый въ сраженіи, если раненъ сзади, лишается почестей погребенія. Если провести вокругъ езида, по землѣ, кругъ, то онъ скорѣе умретъ отъ голода, нежели перешагнетъ за черту, которую признаетъ таинственною.» **)

Завѣдывающіе дѣлами вѣры у езидовъ называются пири. Достоинство духовнаго сана у нихъ передается изъ рода въ родъ, по наслѣдству; для сохраненія первоначальной чистоты кастъ, члены одной не вступаютъ въ бракъ съ членами другой и не смѣшиваются съ народомъ. По закону пири должны имѣть одну жену, но они могутъ имѣть ихъ еще три. Разводъ дозволенъ, но онъ не случается. Пири никогда не брѣются; носятъ длинныя, грубыя шерстяныя одѣянія, вытканныя обыкновенно изъ шерсти чернаго козла (вѣроятно въ честь того, лучшимъ украшеніемъ котораго и мы полагаемъ козлиные рога, хвостъ и ножки) и чалмы; стараются соблюдать чистоту жизни, поучаютъ народъ вѣрѣ и нравственности; скромны и важны. Всю библейскую исторію знаютъ они почти наизусть и сообщаютъ ее народу по изустнымъ преданіямъ, но не имѣютъ даже понятія ни объ одной книгѣ. Чтеніе и письмо ненавистно езидамъ,—говорятъ умнѣйшіе изъ нихъ,—потому, что въ каждой книгѣ употребляется имя падшаго ангела или діавола, какъ поносное и бранное слово.

Посвященіе въ духовное званіе или въ священники происходитъ слѣд. образомъ. Сначала новоизбранный омывается, вводится въ жилище своего старшины, и здѣсь долженъ сидѣть на колѣняхъ, среди комнаты, во все время, пока поютъ приличныя этой церемоніи пѣсни; потомъ беретъ онъ свои свя-

*) Если же случайно прольется на землю хоть капля вина, то они тотчасъ бросаются на землю, высасываютъ эту каплю и глотаютъ вмѣстѣ съ землею.

**) «Истор. пам. сост. Арм. обл....» Шопена.

щенныя одежды по одиночкѣ и надѣваетъ ихъ на себя, между тѣмъ какъ на нихъ каждый изъ присутствующихъ плюетъ по одному разу; послѣ чего начинается собственно празднество, пиръ и веселье. Всѣ подходятъ къ новопосвященному, цалуютъ его руки и торжественно признаютъ достоинство его. Народъ часто клянется этою одеждою духовныхъ лицъ и думаетъ, что даже въ домѣ каждаго священника могутъ исцѣляться самыя трудныя и смертельныя болѣзни, посредствомъ какой-то сверхъестественной силы *).

Езиды имѣютъ также свое богомольное мѣсто: въ извѣстную эпоху года они отправляются цѣлыми караванами къ развалинамъ Вавилона, гдѣ во время полнолунія поютъ унылыя пѣсни и пляшутъ, въ память павшаго города. Такъ исполняютъ они, сами того не подозрѣвая, предсказаніе пророка (Исаія XIII. 21).

МУГАНСКАЯ СТЕПЬ.

Д-ра Н. Торопова.

Муганская степь?.. Да вѣдь тамъ невыносимый жаръ! ни капли воды! Злѣйшія лихорардки! Огромныя змѣи! Фаланги, скорпіоны и, въ дабовокъ, шайки шаксеванскихъ разбойниковъ! — Вотъ такъ представляетъ себѣ Муганскую степь почти каждый кавказецъ, не видавшій ее, а только наслушавшійся всякихъ ужасовъ про нее. Мудрено ли послѣ этого, что ѣдущій изъ Шуши напр. въ Ленкорань всегда предпочтетъ объѣхать такое злокачественное мѣсто кругомъ чрезъ Елизаветполь, Шемаху, Сальяны и сдѣлать ста три верстъ лишнихъ, лишь бы не имѣть дѣла съ этою страшною Муганскою степью.

Но въ іюлѣ 1865 г. выпало и мнѣ на долю совершить этотъ путь на Ленкорань. И вы поѣдете чрезъ Муганскую степь? въ эту-то пору?--спрашивали меня и въ Тифлисѣ и въ дорогѣ добрые люди, не желавшіе мнѣ, повидимому, какого-нибудь глупаго конца. — Попробою; авось и проѣду.

И проѣхалъ! И нашелъ, что бѣсъ куда не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, а главное вынесъ еще изъ Мугани пару убѣжденій, которыми грѣшно было бы не подѣлиться.

Но прежде чѣмъ ступить на Муганскую степь, не мѣшаетъ намъ, кажется, сказать два слова о ея географическомъ положеніи. Муганскою степью зовутъ собственно ту, не болѣе какъ пятую часть всей Курско-Аракской равнины, которую отрѣзываютъ отъ остальной плоскости сначала Араксъ, а потомъ, по сліяніи его съ Курою, и сама Кура, заворачивающая тутъ на югъ. Такимъ образомъ обѣ рѣки окружаютъ всю Мугань какъ дугою и съ запада, и съ сѣвера, и съ востока; только съ юга къ ней подошли отроги Талышин-

---

*) Кавк. 1848 г. № 9.

скихъ горъ, разсыпающіеся тутъ глинистыми холмами, которые впрочемъ въ восточной части также отдѣлены отъ степи небольшою рѣчкой Болгары-чай, лѣтомъ пересыхающею, но весной такою же надутою, какъ и всякая добропорядочная горная рѣчка. Однако не вся степь принадлежитъ намъ: часть ея осталась за Персіей, такъ что граница пересѣкаетъ Муганскую степь прямою мысленною линіей верстъ въ 45 длины, упирающеюся перпендикуляромъ и въ Араксъ, у Карадулинскаго поста, и въ Болгары-чай, у Бяласувара. Натуральной же границы въ этомъ мѣстѣ съ Персіею у насъ нѣтъ и казакамъ на кордонахъ указано считать границей дорогу между постами, что не совсѣмъ-то удобно. Такимъ образомъ Мугань, занимающая пространство около 300 квадр. верстъ, приходится въ числѣ самыхъ южныхъ нашихъ владѣній. Ее пересѣкаетъ, и то съ сѣверной части, 40-ой градусъ широты; значитъ она въ одной широтѣ съ южной Италіей, но, конечно, далеко поконтинентальнѣе ея климатомъ.

На утро, когда разсвѣло, но еще солнце не показывалось на горизонтѣ, мы поднялись въ путь, черезъ Араксъ. Лошадей казаки переправили въ бродъ, выше поста, а меня на куласѣ (челнокѣ). Пристали мы къ отмели подъ берегомъ, довольно отлогимъ, сѣли на лошадей и пустились въ путь, прямо въ камыши. Переѣздъ этотъ, говорятъ, самый опасный и потому конвоировали ужъ не 2, а 4 казака; но, сказать по правдѣ, врядъ-ли бы сдѣлалъ что и большій конвой, еслибы 5—6 пѣшихъ молодцовъ вздумали тутъ устроить засаду. Приходится ѣхать все въ камышѣ, да такомъ высокомъ и густомъ, и по такой узенькой и извилистой тропинкѣ, что нужно руками отстранять камышины, норовящія порѣзать вамъ лицо краями своихъ жесткихъ листьевъ. Вотъ отчего и считается это мѣсто опаснымъ.

Но вотъ камыши стали рѣдѣть и скоро мѣстность открылась совсѣмъ, только далеко не похожая на степь. Всего только на какую-нибудь версту или и того меньше равнина, покрытая посохшею травою; а тамъ за нею потянулся длинный валъ далеко въ обѣ стороны и скрылъ горизонтъ. Направо, на валу, какъ будто плоскій бугоръ и на немъ низенькія постройки. Это постъ Байрамлю-Тапинскій, къ которому мы и направляемся.

Пока сѣдлали лошадей, я заглянулъ въ землянку, служащую помѣщеніемъ для казаковъ, и никакъ не ожидалъ, спускаясь, какъ къ погребъ, въ это подземелье, встрѣтить тамъ довольно просторное жилье съ нарами и окномъ, просторное, конечно, только относительно тѣхъ ямъ, накрытыхъ камышомъ и засыпанныхъ сверху землею, какія я видѣлъ на другихъ постахъ. Но очарованіе продолжалось недолго; оказалось, что тутъ должно помѣщаться не менѣе 20 казаковъ, такъ какъ постъ этотъ офицерскій, значитъ и здѣсь, какъ и вездѣ, тотъ же недостатокъ воздуха и тѣ же неудобства. Теперь, лѣтомъ, когда казаки больше держатся на дворѣ, въ своихъ лѣтникахъ, т. е. камышевыхъ сарайчикахъ, еще сносно; но каково же имъ здѣсь въ ненастье, зимой, когда всѣ они набиваются въ эту землянку, гдѣ сидятъ цѣлый день въ тѣснотѣ и духотѣ, дышутъ другъ на друга и тутъ же обсушиваютъ свое бѣлье, одежду и сѣдла, смокшія на дождѣ? Довольно того, что свѣча едва-

едва горитъ въ такой атмосферѣ, когда соберутся въ землянкѣ всѣ обитатели,— такъ мало тутъ остается кислороду. Словомъ, зимою казаки тутъ дышутъ не воздухомъ, а какою-то смрадною смѣсью изъ раскисленнаго воздуха, углекислоты, кожныхъ испареній и водяныхъ паровъ отъ просушиваемыхъ вещей. Какая же тутъ возможность оставаться казакамъ здоровыми, когда и платье на нихъ въ этой атмосферѣ сгниваетъ прежде износа? (Теперь приняты мѣры относительно устройства и размѣщенія самыхъ постовъ.)

Но вотъ и лошади осѣдланы, садимся и ѣдемъ. Однако спускаться съ бугра, на которомъ постъ, намъ почти не приходится — такъ онъ малъ съ этой стороны. И вотъ передъ нами пошла степь уже настоящая Муганская, ровная, безпредѣльная, уходящая впередъ за горизонтъ подъ самое небо, оттѣненное книзу полосою мглы; влѣво такая ровная даль; только справа, да сзади изъ-за поста рисуются еще неясные очерки отдаленныхъ горъ. Но какая вездѣ пустошь, безжизненность, тишина кругомъ! Ни птичка не вспорхнетъ, ни кузнечикъ не затрещитъ, а поднявшееся солнце уже обливаетъ полнымъ свѣтомъ всю эту желто-бурую однообразную плоскость, по которой только дорога стелется длинною, свѣтлою лентой, уходящей впередъ далеко-далеко, какъ только хватаетъ глазъ. Такъ вотъ она, знаменитая Мугань! Впрочемъ такая же какъ и всѣ сухія степи въ Закавказьи, такая же сухая, безплодная; только флора ея мнѣ показалась еще бѣднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Все только и вижу одну артемизію, отъ которой зависитъ и этотъ тоскливый бурый цвѣтъ всей степи. Лишь изрѣдка кое-гдѣ выдается маленькой елочкой темнозеленый кустикъ мàри, или же кое-гдѣ глядитъ яркимъ зеленымъ пятномъ разостлавшійся по землѣ каперсовый кустъ, украшенный то бѣлыми, то пунцовыми цвѣтами. Онъ одинъ только и даетъ еще отдохнуть на своей зелени утомленному глазу. Затѣмъ еще изрѣдка попадаются между бурымъ полынникомъ около дороги небольшіе кудрявые свѣтло-зеленые пучечки степной мимозы, усаженные зелеными и розовыми готовыми уже бобками, — и только! Всего только 5 видовъ! Больше рѣшительно ничего не видно на всѣхъ 12 верстахъ этого переѣзда. Конечно теперь конецъ іюля и нельзя было бы ждать многаго отъ сухой погорѣлой степи, но все-таки этого ужъ слишкомъ мало и для іюля. Виною тому очевидно не почва, которую составляетъ такая же глина съ пескомъ, какъ и по ту сторону Аракса, и за Курой. Притомъ же здѣсь она, кажется, менѣе солонцовата, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ я не видалъ здѣсь ни одного мѣста, которое было бы покрыто выпотѣвшими на поверхность солями, которыхъ напр. въ другомъ концѣ Мугани, ближе къ Сальянамъ, въ этой же почвѣ такъ много, что тамъ даже кожистые листы нѣкоторыхъ растеній я находилъ покрытыми слоемъ кристалловъ изъ горькихъ солей. Вѣрнѣе всего мнѣ кажется, причиною такой бѣдности здѣшней флоры чрезвычайная сухость почвы, во многихъ мѣстахъ, даже потрескавшейся на многоугольники широкими и глубокими трещинами. Правда, торчатъ почти вездѣ между артемизіями еще и сухіе стебельки, какъ нити, безъ листьевъ и плода, принадлежащіе, повидимому, болѣе всего злакамъ, и ясно, что это члены весенней флоры, которая, безъ

сомнѣнія здѣсь достаточно разнообразна и обильна. Однако для іюля пяти видовъ все-таки, какъ хотите мало. Мудрено ли послѣ этого, что тутъ нѣтъ житья и фаунѣ. Кое-когда развѣ выбѣжитъ изъ-подъ ногъ лошади весьма маленькая, очень быстрая ящеричка, за которою и не услѣдишь глазомъ; да разъ было поднялся жаворонокъ передъ нами и то вѣрно заблудившійся туристъ въ своемъ родѣ, и только! Впрочемъ показались однажды и четыре джейрана, которые, завидѣвъ насъ еще издалека, удирали что было силъ, такъ что по мелькавшимъ вдали бѣлымъ задкамъ можно было слѣдить за ними, пока не скрылись они совсѣмъ въ бурой дали степи. Говорятъ, ихъ здѣсь встрѣчается немало, когда весною и зимою степь зеленѣетъ густою травой. Теперь же они держатся поближе къ Араксу, къ водѣ.

Но мы ничего не сказали до сихъ поръ о самомъ замѣчательномъ изо всего того, что-только поражаетъ странника въ этой пустынѣ, что привлекаетъ все вниманіе его. Это канавы! Сухія канавы, да вѣдь какъ отлично сохранившіяся! Конечно, онѣ осыпались, дожди и вѣтры обгладили ихъ; но, несмотря на все это, каждая тянется длиннымъ плоскимъ валикомъ, весьма замѣтнымъ, даже мѣстами съ углубленіемъ посрединѣ. Только та часть обыкновенно ужъ совершенно сглажена и сровнялась со степью, гдѣ канаву пересѣкаетъ дорога, изъ чего слѣдуетъ, что здѣшнія канавы далеко раньше заброшены, чѣмъ тѣ, которыя мы видѣли на лѣвой сторонѣ Аракса *). Не выдержалъ и одинъ изъ казаковъ, когда мы стали проѣзжать одну канаву за другой. «Вотъ, в. в-діе, и вся степь порыта все такими канавами; значится, тутъ, коли прежде вода шла, такъ можно бъ ее пустить и теперь,--заговорилъ онъ.—Разумѣется можно. А что бы съ того было?--пыталъ я. — Мало ли бъ было добра. По постамъ бы вода шла, а то вѣдь какіе по степи колодцы; все горечь, да соль одна; и кони-то ее еле пьютъ. А казаки съ чего же валятся, какъ не съ воды этой? Да при водѣ-то мы и огородишки бъ завели себѣ. Вы видите, читатель, что̀ у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ. А казаковъ на Мугани дѣйствительно больше всего донимаетъ безводье и нѣтъ ничего естественнѣе, что имъ больно видѣть подъ носомъ у себя кучу канавъ, но безъ воды. Оттого они и треплютъ на свой ладъ этотъ вопросъ какъ умѣютъ, и одинъ станичникъ пустился даже въ политику, разсказывая мнѣ, что князь Воронцовъ хотѣлъ какъ-то разъ напустить воду въ эти канавы, да персіяне не дали съ сердцовъ, что у нихъ отбили эту землю; воду же и въ самомъ дѣлѣ въ муганскія канавы пустить можно только вы-

---

*) Такихъ сухихъ канавъ, орошавшихъ когда-то Карабагскую степь, теперь безплодную, на лѣвой сторонѣ Аракса по всей дорогѣ такое множество, что то и дѣло приходится или переѣзжать ихъ, или ѣхать подлѣ, а иногда даже и по самой насыпи. Самая огромная изъ канавъ — Гяуръ-архи; она имѣетъ до 150 в. длины и огибаетъ весь Карабагъ отъ Аракса до Куры. Кромѣ Гяуръ-арха, Джемалъ-Джеванширскій насчитываетъ этихъ арховъ поименно еще 16, и нужно не забывать, что каждый изъ нихъ вѣтвится до безконечности, какъ дерево. Можно себѣ представить, какая здѣсь жизнь кипѣла прежде, какіе здѣсь должны были быть сады, посѣвы, деревни, даже города.

ше Мугани, съ той стороны Аракса, которая находится уже въ персидскихъ предѣлахъ.

Ни на одномъ переѣздѣ не встрѣтилъ я столько этихъ канавъ, какъ тутъ между Байрамлю-Тапинскимъ и Эддымахскимъ постами, хотя на 10 верстной картѣ показана здѣсь только одна; но замѣчательнѣе всего то, что всѣ эти канавы мало разнятся одна отъ другой величиной, такъ что я не могъ бы рѣшить, которая это изъ нихъ удостоилась чести быть нанесенною на карту.

Скоро горизонтъ сталъ какъ будто волнистѣе и на немъ зачернѣлъ постъ Эддымахскій; по мѣрѣ приближенія къ нему, вырѣзались и постройки, состоящія конечно изъ однихъ камышовыхъ лѣтниковъ, такъ какъ настоящее жилье спрятано въ землѣ и обозначается только небольши́мъ плоскимъ бугромъ, на который очень легко наѣхать съ лошадью и даже провалиться, чего однако ни съ кѣмъ еще не случалось, потому что казаки, въ интересахъ которыхъ — беречь свои подземныя хоромы, зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не знающій странникъ не принялъ ихъ крышу за продолженіе дороги.

Былъ 9-й часъ, когда, смѣнивъ лошадей и конвой, я тронулся дальше въ путь. Солнце съ безоблачнаго неба начинало припекать и обѣщало показать мнѣ, какъ бываетъ жарко на Мугани, чѣмъ нельзя было не быть мнѣ довольнымъ, такъ какъ термометръ со мною былъ. Но вотъ что занимало меня, когда я двинулся съ Эддымахскаго поста къ Доронскому, между которыми, по картѣ, проходитъ канава Хараджи, составляющая (по мнѣнію академика Бэра) не дѣло рукъ человѣческихъ, а просто прежнее русло Аракса *).

Съ Доронскаго поста до слѣдующаго 9 верстъ. И на этомъ переѣздѣ новаго ровно ничего; та же пыльная дорога, та же безграничная, съ небомъ сходящаяся унылая степь, только цвѣтомъ пожелтѣе, потому что тутъ къ полыннику много примѣшалось злаковъ, конечно уже безъ сѣмянъ, давно осыпавшихся. Мѣстами этихъ злаковъ такъ много, что они вытѣсняютъ будто-бы артемизію и тогда въ сторонѣ виднѣются цѣлыя желтыя полосы ихъ, между коими только кое-гдѣ зеленѣетъ кустикъ каперсовъ, или кудрявый пучекъ мимозы. Въ другихъ мѣстахъ опять одна артемизія; иногда черезъ бурый фонъ степи проглядываютъ только бѣлесоватыя лысины глинистой потрескавшейся почвы, то тутъ, то тамъ просверленной дырами и такими крупными,

---

*) По Страбону и другимъ древнимъ писателямъ Араксъ впадаетъ въ Каспійское море отдѣльно отъ Куры. Г. Бэръ, разсматривая на 10-ти верстной картѣ, изданной въ Тифлисѣ Генеральнымъ Штабомъ, былъ пораженъ направленіемъ той канавы, которая подъ имeнемъ Хараджи пересѣкаетъ всю Муганскую степь и кончается въ Болгары-чаѣ. Между этимъ концомъ и озеромъ Инча, изъ котораго выходитъ видѣнное г. Бэромъ русло, разстоянія не болѣе 9 верстъ и вотъ что подало поводъ почтенному академику рѣшить, что сухая канава Хараджи не есть канава, а бывшее русло Аракса, котораго воды прежде шли именно этимъ путемъ и имъ изливались въ Каспій раздѣльно отъ Куры, и что въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь идетъ Араксъ къ Курѣ, была только большая канава, въ которую, слѣдуя наклону всей равнины, ударилась сначала только часть воды, образовавшая цѣлый рукавъ, а впослѣдствіи на памяти исторіи сюда пошелъ и весь Араксъ, оставивъ по себѣ только сухое ложе, принимаемое теперь за канаву.

что въ иную бы можно руку завесть. Любопытствовалъ я знать, чьи это норы?—Кто ихъ знаетъ, отвѣчали мнѣ почти всегда казаки, плохіе кажется натуралисты. Иные же говорили, что норы, знать, ласточкины, либо кротовыя, но про змѣй никто не вспоминаетъ. Надо же наконецъ спросить и о змѣяхъ здѣшнихъ, о которыхъ ни разу даже не вспоминали мнѣ казаки, хотя случалось часто и пространно мнѣ толковать съ ними о тѣхъ нуждахъ и горестяхъ, которыя они переносятъ на Мугани, причемъ никто въ числѣ бѣдъ здѣшнихъ не называлъ змѣй. И вотъ на прямой вопросъ мой о томъ, что, много тутъ змѣй? получаю отвѣтъ, что весной случается видѣть, а теперь нѣтъ. Распрашиваю дальше; оказывается, что толще пики не видали, а длиной есть по аршину и болѣе. Какъ же это, когда, ужъ не говоря о молвѣ, и въ исторіи даже пишется, что тутъ отъ змѣй проходу не было. Самъ Плутархъ въ 36 главѣ Помпеевой жизни говоритъ, что Помпей, побѣдитель Митридата, когда пошелъ наказывать албановъ, то, не доходя за три перехода до моря Каспійскаго, долженъ былъ повернуть назадъ изъ-за того только, что встрѣтилъ множество ядовитыхъ змѣй *)? Какъ же понимать это? Неужели змѣи теперь перевелись? или онѣ и въ самомъ дѣлѣ удалились внутрь степи, какъ говоритъ нашъ оріенталистъ г. Березинъ, въ своемъ Путешествіи по Востоку, прибавляя еще, что между ними своею ядовитостью отличается змѣя очковая? Что до меня лично, то, мнѣ кажется, вѣрить слѣдуетъ больше казакамъ, чѣмъ самому даже Плутарху; и Помпею, по всей вѣроятности, пришлось утекать не отъ змѣй, а отъ албанцевъ, которые можетъ быть еще и поколотили его; вѣдь и въ старину историки не все же правду писали.

Однако вонъ вправо степь немного захолмилась и даже просто на глазъ сталъ замѣтенъ маленькій наклонъ всей плоскости влѣво, къ срединѣ степи. Вотъ отчего можетъ быть тутъ и канавъ болѣе не замѣтно; послѣдняя изъ нихъ и, сколько припоминаю, весьма почтенная по размѣрамъ, прошла за Доронскимъ постомъ, затѣмъ потянулась очень недалеко отъ него, почти

---

*) Добавимъ къ этому подтвержденія другихъ: графъ Зубовъ, въ 1800 году, осаждая Сальяны и отдѣленный отъ степи только Курою, рѣшился провести зиму на Мугани. Солдаты, копая землю для постановки своихъ палатокъ, нашли тысячи змѣй, оцѣпенѣвшихъ отъ холода.

И еще: «Странное явленіе, пишетъ г. Дюма въ своемъ Путешествіи по Кавказу: весною цѣлыя стада кочующихъ змѣй трогаются изъ Персіи, переплываютъ Араксъ и вторгаются на Мугань. Что ихъ приводитъ? ненависть или любовь? Любовь змѣи очень походитъ на ненависть, но дѣло въ томъ, что впродолженіе одного или двухъ мѣсяцевъ раздается по степи свистъ, похожій на шумъ эвменидъ, между тѣмъ какъ мѣстами возвышаются цѣлыя горы, золотистаго или изумруднаго цвѣта, поминутно приходящія въ движеніе; это горы изъ змѣй, которыя пляшутъ на холмахъ нѣчто вродѣ польки, поражая другъ друга своимъ тройнымъ жаломъ, чернымъ у однихъ, огненнаго цвѣта у другихъ. Въ это время никто не смѣетъ ѣздить по степи, и укушеніе змѣи бываетъ почти неизлечимо.»

въ параллель съ дорогой и потомъ ушла въ степь. Съ тѣхъ поръ вотъ и нѣтъ больше канавъ на нашемъ пути. Ясно, что вправо отъ этой канавы, которая можетъ быть и есть Хараджи, ужъ не могло быть орошенія по милости бо̀льшаго возвышенія этой части степи надъ остальною. Значитъ больше намъ и не придется видѣть муганскихъ канавъ, а потому нельзя же на прощаньи не сказать о нихъ еще хоть слова два.

Тутъ важнѣе всего вопросъ, отчего онѣ заглохли? Молва говоритъ, что ихъ разорили монголы, вслѣдствіе чего и жители, населявшіе Мугань, должны были удалиться въ горы. Но это врядъ-ли справедливо. Напротивъ извѣстно, что Тимуръ съ тѣми же монголами возстановилъ одну канаву Гяуръ-архи въ Карабагѣ. Притомъ, какъ бы дики ни были монголы, они не стали бы тратить трудъ и время на то, чтобы раскапывать или засыпать канавы; не могло для нихъ быть въ этомъ никакого интереса; но вѣрнѣе всего, кажется, то, что населеніе истреблялось войною и когда оно убавилось настолько, что не стало достаточно рукъ поддерживать устья канавъ, что̀ и составляетъ самую трудную задачу, тогда Араксъ самъ разрушилъ эти устья; вода перестала въ нихъ идти и остаткамъ населенія пришлось только спѣшить уйти отсюда. Вотъ гдѣ настоящая причина запустѣнія этой плодородной страны.

А что она была до чрезвычайности плодородна, то, помимо Страбона, это доказывается еще арабскими писателями, которые насчитываютъ здѣсь нѣсколько населенныхъ городовъ. А преданіе говоритъ даже о девяти городахъ, что̀ очевидно можетъ быть отнесено не къ Мугани собственно, а ко всей равнинѣ со включеніемъ и низовьевъ Карабага и Ширвани. Да и вообще древніе писатели не дѣлали такого различія между этими частями. Почти вездѣ говорится о нихъ о всѣхъ вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ, въ плодородіи Мугани сомнѣваться нельзя и лучшимъ доказательствомъ тому служатъ между прочимъ историческія указанія на то, что даже въ недавнія времена полчища всѣхъ завоевателей, приходившихъ громить окрестныя страны, всегда избирали для зимовки именно Муганскую степь, конечно, потому, что здѣсь и зимою тепло, и степь послѣ осеннихъ дождей покрывается отличнымъ подножнымъ кормомъ, что̀ и до сихъ поръ привлекаетъ сюда на зиму множество шаксеванцевъ изъ Персіи съ ихъ стадами. На это-то время Мугань и оживаетъ. Дѣйствительно, вправо, шагахъ въ 50 отъ дороги находились кучи земли и между ними ямы. Это шаксеванскіе зимовники. Съ каждымъ приходомъ сюда на зимовку эти горцы роютъ себѣ здѣсь землянки, накрываемыя камышомъ, и пасутъ свои стада, съ которыми уходятъ опять въ горы, какъ только весной наступаютъ жары, засуха и недостатокъ въ водѣ. Есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ степи и колодцы,—между ними даже два очень древнихъ гдѣ-то въ срединѣ Мугани; но вода въ нихъ во всѣхъ горька и солоновата. Поэтому предпочитается вода дождевая, собираемая въ копани, и какъ только она изсякнетъ, номады бросаютъ свои временныя жилья и уходятъ опять въ предѣлы Персіи, въ горы. Такихъ теперь пустыхъ зимовниковъ мы проѣхали два. Камышъ изъ нихъ

разбирается на топливо казаками и оттого землянки осыпались. Но слѣды недавняго пребыванія здѣсь овецъ показываютъ, что весною въ этихъ жильяхъ были жильцы со своими стадами и что дождей съ тѣхъ поръ здѣсь почти не было.

Горизонтъ вправо начинаетъ замѣтно холмиться и бугры выходятъ впереди почти къ самой дорогѣ. Подъ крайнимъ холмомъ, ближе всѣхъ подошедшимъ къ ней, обозначился и постъ Алпаутскій. Теперь, когда ужъ довольно жарко, приближеніе къ посту дѣлается какъ-то особенно пріятно; можетъ быть потому, что однообразіе картины начинаетъ крѣпко надоѣдать, а можетъ быть, да и вѣроятнѣе, еще потому, что постъ даетъ возможность, пока сѣдлаютъ лошадей, отдохнуть въ холодкѣ лѣтника,—изобрѣтенія преполезнаго для такихъ горячихъ мѣстъ. Это просто клѣтка на четырехъ столбахъ съ навѣсомъ изъ камыша и съ боками, заплетенными камышомъ же, только такъ, что между камышинами вездѣ свободно проходитъ воздухъ и малѣйшій вѣтерокъ проникаетъ въ лѣтникъ, съ какой бы стороны ни подулъ, что̀ и доставляетъ дѣйствительно много прохлады. Термометръ мой показалъ здѣсь на солнцѣ всего только $28^1/_2{}^\circ$ Р., а это вѣдь весьма не много для средины Мугани, такъ какъ мы проѣхали уже болѣе половины всей дороги и дѣло шло къ полудню. Такого умѣреннаго жара можно пожелать для іюля и въ Тифлисѣ. Отчего же такая жаркая репутація у Мугани? Мнѣ кажется, тутъ всему виною безводье, на которое и жалуются больше всего казаки. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь на Алпаутѣ недостатокъ воды ощутительнѣе всего, потому что возить ее далеко и приходится довольствоваться колодцемъ, въ которомъ, несмотря на 25 саженъ глубины его, вода все-таки отвратительная, горько-соленая. Но замѣчательно, что при всемъ томъ она, повидимому, мало портитъ казакамъ дѣло ихъ здоровья. Такъ на этомъ посту всѣ казаки были налицо и далеко не смотрѣли такими худосочными, какъ на Араксѣ. А здѣсь на степи мнѣ попалось даже 3 поста изъ 8, гдѣ всѣ казаки оставались здоровыми, т. е. не въ лихорадкѣ. Стало быть, и въ отношеніи лихорадокъ репутація Муганской степи оказалась совсѣмъ не такою грозною, какъ говорятъ и даже пишутъ, и потому слѣдуетъ дать много вѣры словамъ Страбона, который между прочимъ говоритъ, что воздухъ на равнинахъ Албаніи здоровѣе, чѣмъ около Вавилона и въ Египтѣ. Конечно, теперь онъ испортился отчасти, ибо въ тѣ времена, когда вездѣ шло правильное орошеніе канавами, не должно было быть такихъ болотъ, какія образовались теперь въ восточной части Мугани вслѣдствіе прорывовъ изъ Куры и Аракса, питающихъ здѣшнія озера *) и окружающія ихъ болота. Однако нечего тоже и обманываться и надѣяться на улучшеніе воздуха въ томъ случаѣ, когда бы съ проведеніемъ воды въ канавы Мугань опять заселилась. Лихорадки тутъ всегда будутъ и будетъ

*) Изъ множества соляныхъ озеръ самое большое—названное у г. Торопова Магмутъ-Голасси; по измѣренію Швейцера оно заключаетъ въ себѣ площадь въ 30 квадр. верстъ.

ихъ больше чѣмъ теперь; но это нисколько не помѣшаетъ дѣлу. Съ тѣхъ поръ, какъ и простые люди убѣдились, что съ хиной никакая лихорадка не страшна, эта болѣзнь не пугаетъ больше никого и никакъ не помѣшаетъ заселенію края. Дайте только воду здѣшнимъ степямъ и вы увидите, что станетъ въ 2, 3 года изъ этой пустыни.

До слѣдующаго поста также 9 верстъ. Картина передъ глазами все та же, только съ тою разницей, что вся степь стала желтѣе и цѣлыми полосами представляется совершенно свѣтло-желтою, оттого что тутъ одни злаки и больше всего мохнатаго овсяника, котораго жесткія сѣмена, покрытыя волосками, во множествѣ валяются на почвѣ.

Не продолжаемъ далѣе разсказа г. Торопова, такъ какъ отсюда степь ничего не представляетъ въ себѣ особеннаго, вездѣ почти одно и тоже до послѣдняго поста Шагріара: крайняя бѣдность во флорѣ, какую мы только-что выше видѣли, та же температура воздуха (до 29°/₀ Р.), та же горько-соленая мутная вода въ глубокихъ колодцахъ, тѣ же убогія тѣсныя жилища у казаковъ на постахъ, страшная нужда въ пищѣ и питьѣ для казаковъ и ихъ лошадей. Есть посты, на которыхъ за 9 верстъ казаки водятъ своихъ лошадей на водопой, а есть и такіе, что за 18 верстъ нужно ѣздить за водою для питья. «Мнѣ не повѣрятъ, можетъ быть, говоритъ г. Тороповъ, не видѣвшіе сами здѣшняго казачьяго супа, въ томъ, что онъ состоитъ только изъ кваса, крупы и соли, да приправленъ только нѣсколькими золотниками курдючьяго сала. Мяса же и въ поминѣ нѣтъ.» Лошадей кормятъ овсяникомъ. Мохнатыя сѣмена этого злака, совершенно созрѣвшія, такой же длины и формы какъ овесъ; торчатъ на каждомъ стебелькѣ, и такъ жестки и остры, что втыкаются въ десна и языкъ бѣднымъ животнымъ и имъ безпрестанно нужно вычищать ротъ. Съ поста же Шагріара до Бяласувара все предвѣщаетъ близкій конецъ степи, начиная съ коршуна и до самой флоры, которая здѣсь разнообразится маревыми кустиками, артемизіями, кудрявыми пучечками мимозы и нѣкоторыми другими злаками.

ОТЪ ДЕРБЕНТА КЪ КУБѢ.

По сторонамъ дороги (почтовой) отъ Дербента къ Кубѣ мелькаютъ только перелѣски съ дубомъ, карагачемъ, кленомъ, кизиломъ, дикой грушей, повитые виноградомъ и кое-гдѣ плющомъ; а у самой дороги и надъ канавами, которыя здѣсь приходится переѣзжать чуть не на каждомъ шагу, бузина и дереза составляютъ непремѣнно густыя, непролазныя заросли. Но чтобы видѣть всю силу здѣшней растительности, нужно углубиться внутрь поморья, которое почтовая дорога огибаетъ, нужно поѣхать проселками и посмотрѣть тамъ на деревни Кубанскаго уѣзда, поближе къ морю. Начать съ того, что пока доберетесь до деревни, вамъ придется ѣхать все лѣсомъ, высокимъ, тѣнистымъ, въ которомъ вдоволь всякаго дерева, начиная съ дуба и бука до

орѣха, конечно не лѣснаго, а грецкаго, но больше всего фруктовыхъ деревъ, дикихъ яблонь, грушъ и кизилу. Часто дикій виноградъ и плющъ такъ густо сплетаютъ деревья надъ узкою дорогой, что ѣдешь какъ въ крытой зеленью галлереѣ, и когда въ маѣ цвѣтетъ виноградъ, то нерѣдко послѣ чувствуешь головную боль, чему, конечно, много помогаетъ еще и орѣхъ и другія наркотическія растенія, которыхъ тутъ въ-волю. Потомъ попадется мѣсто, расчищенное, покопанное грядками и засѣянное мареной. Но жиденькую зелень марены едва можно различить между одѣвающими всѣ гряды сорными растеніями, весьма развитыми и сочными, которыя, если не полоть ихъ, заглушаютъ марену совершенно. Ихъ и вырываютъ раза по два, а то и по три въ годъ, но въ сторону не относятъ, а бросаютъ тутъ же между грядокъ. Между тѣмъ марена требуетъ нѣсколькихъ поливокъ въ годъ, такъ какъ дожди въ надморьи лѣтомъ великая рѣдкость; и воду тутъ напускаютъ такъ, чтобы она постояла между грядокъ нѣсколько дней, чтобъ пропитала ихъ сколько возможно. Послѣ этого нетрудно себѣ представить, что дѣлается съ выполотою травой, тутъ же сваленною, которая иногда чуть не выполняетъ борозды между грядъ. Она и гніетъ тутъ подъ южно-дагестанскимъ солнцемъ самымъ усиленнымъ образомъ, разводя міазмы. Разъ какъ-то я говорилъ одному хозяину маренника, что не лучше ли было бы не оставлять выполотую траву между грядъ, чтобъ она не гнила и не портила воздуха; такъ на это онъ возразилъ, что подъ нею дольше держится вода, не такъ скоро высыхаетъ земля и марена требуетъ меньше поливки. А кто живалъ въ поливныхъ мѣстахъ, тотъ знаетъ, что значитъ дождаться очереди для поливки, и видѣлъ, можетъ быть, какъ нерѣдко ссоры изъ-за воды доходятъ до кинжаловъ. Разъ, помню я, доставлено въ Кусарскій лазаретъ 5 человѣкъ татаръ, порубленныхъ на маренникѣ изъ-за воды однимъ евреемъ; такъ много значитъ вода въ этомъ краѣ, что даже евреи, которыхъ бывало лезгины увозятъ прямо изъ деревни подъ Кубой, безъ всякаго сопротивленія, становятся храбрыми надъ оросительною канавой.

Такихъ маренниковъ въ Кубанскомъ уѣздѣ въ послѣдніе годы развелось чрезвычайно много, такъ что они почти вытѣснили хлѣбопашество и нерѣдко жителямъ приходится теперь покупать привозную пшеницу, тогда какъ она здѣсь, на нови и при поливкѣ, даетъ даже самъ-30. Но охотнѣе здѣшніе жители сѣютъ рисъ. Чалтыки составляютъ здѣсь самую важную статью въ хозяйствѣ. Каждая канава даетъ воду на множество этихъ чалтыковъ, до глубокой осени стоящихъ подъ водою и питающихъ вмѣстѣ съ рисомъ кучу болотныхъ растеній. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше здѣсь чалтыковъ и тѣмъ сильнѣе тутъ міазмы, такъ что изъ самаго поморья жители на лѣто уходятъ всѣ въ горы, оставляя смотрѣть за садами и чалтыками или наемныхъ работниковъ или одного изъ членовъ семейства, когда недостаточно. Зато-же страшно и посмотрѣть на такого бѣдняка съ блѣднымъ лицомъ, съ раздутымъ отъ заваловъ животомъ, истерзаннаго лихорадкой, когда онъ, едва переставляя ноги, медленно передвигается по закраинѣ чалтыка и, встрѣтивъ площадку, въ которой воды стало мало, откапываетъ перемычку

и стоитъ потомъ надъ нею грустный, опершись на свой заступъ, пока мутная струя наполнитъ площадки. Вотъ тутъ-то и живетъ наша закавказская маларія: гдѣ рисъ, тамъ непремѣнно и она. Да какъ и не быть міазмамъ на чалтыкахъ, особенно кубанскихъ, когда на нихъ между рисомъ растетъ тьма всякихъ сорныхъ растеній, и когда кромѣ того все кругомъ зелено какъ нельзя болѣе. Вѣдь чалтыки большею частью разведены здѣсь въ лѣсу, истребляемомъ собственно подъ нихъ, такъ что напускная вода питаетъ нетолько рисъ, но и весь лѣсъ. Ѣдучи дорогой и не между чалтыками, все-таки приходится то и дѣло попадать во время жаркой поры, не знающей здѣсь дождей, на мѣста дотого грязныя, что лошадь вязнетъ въ нихъ по колѣни. Есть тутъ и еще условіе, расплождающее міазмы, впрочемъ свойственное всѣмъ очень лѣсистымъ мѣстамъ на Кавказѣ. Почти каждое мѣсто, расчищаемое подъ мареникъ, подъ чалтыкъ, подъ пшеницу, огорожено не колючкой, которая въ лѣсу не растетъ, и не частоколомъ, который все-таки стоитъ труда выдѣлать, а просто валежникомъ. Каждый хозяинъ стаскиваетъ срубленный имъ лѣсъ на край своего поля и тамъ кладетъ одну колоду на другую до такой высоты, чтобъ скотъ не могъ перелѣзать черезъ эту ограду. Но здѣсь сыро и дерево гніетъ скоро; онъ не задумывается долго и валитъ новое дерево на старую ограду, когда она подгнила и опустилась. И это нисколько не безобразитъ пейзажа, потому что такая импровизованная ограда тотчасъ же обрастаетъ наглухо бузиной и дерезой, получая видъ зеленаго вала. Но больно все-таки смотрѣть на такіе порядки, на такое безтолковое лѣсоистребленіе, которое здѣсь доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Не видавшій, пожалуй, и не повѣритъ, что здѣсь пастухъ напримѣръ идетъ пасти свое стадо съ топоромъ въ рукахъ. Травы въ здѣшнихъ мѣстахъ плохи, и рогатый скотъ кормятъ листвой; для этого пастухъ валитъ цѣлое дерево. Если же оно такъ велико, что не подъ-силу ему, то онъ взлѣзаетъ на него до первыхъ вѣтвей и рубитъ ихъ, а потомъ напускаетъ на него свое стадо. Пока скотина объѣдаетъ листья и молодые побѣги, пастухъ отправляется къ другому дереву и съ нимъ распоряжается точно такимъ же образомъ. Обглоданное дерево, конечно, лежитъ, гніетъ и развиваетъ свою долю міазмъ.

А вотъ и деревня, вся въ садахъ. Не хитрые, не высокіе заборы одѣты, какъ водится, по низу бузиной, а по верху либо осунувшеюся вѣткою винограда, либо повителью, а еще чаще широкими листьями тыквы съ ея желтыми цвѣтами; за этимъ заборомъ цѣлый лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ съ отличными персиками, курагой, грушей, миндалемъ, айвой, гранатомъ и виноградомъ; надо всѣмъ возвышается старый орѣхъ, и между такою зеленью чистенькая сакля, цѣлый домъ съ галлереей, а иногда даже двухъ-этажный. Сейчасъ по всему видно довольство, и по тщательной, немного щегольской отдѣлкѣ дома, и по сытымъ буйволамъ на дворѣ, и по обитателямъ, опрятно одѣтымъ, по женщинамъ въ шелку, по ихъ безукоризненно бѣлымъ чадрамъ *),

---

*) Чадра—покрывало широкое, бумажное, которымъ женщины покрываются съ головы.

и по множеству коровъ, которыми больше всего и занимаются женщины, вообще очень миловидныя, какъ и все здѣшнее населеніе, имѣющее много общаго съ своими одновѣрцами—персіянами. Дальше опять тянется такой же заборъ, за которымъ видны уже не плодовыя деревья, а все одинъ молодой тутовникъ. Каждое деревцо на высотѣ человѣческаго роста вдругъ пускаетъ цѣлую кучу одинаково тоненькихъ вѣтвей, и тутъ же гдѣ-нибудь виднѣется длинный турлучный сарай для вывода шелковичныхъ червей. Ясно, что здѣсь въ большомъ ходу шелководство. Дальше ѣдете вы все между такими же длинными заборами и постоянно видите за ними сады, больше всего тутовые, и по-временамъ опять жилье, такъ что каждая семья живетъ среди своихъ угодій. Но поливка и здѣсь самая обильная; все ею только и держится. Какъ же и не быть тутъ лихорадкамъ? И дѣйствительно, онѣ здѣсь далеко злѣе чѣмъ на при-ріонскихъ болотахъ, гдѣ несравненно рѣже бываютъ такія злокачественныя формы лихорадокъ, какъ здѣсь. Съ Ріона на лѣто въ горы никто не уходитъ, тогда какъ кубанское поморье жители бросаютъ для горъ уже въ маѣ.

КАВКАЗСКАЯ СТѢНА.

А. Марлинскаго.

Баеръ, Гмелинъ, Гамба и дюжина другихъ авторовъ, которыхъ я забылъ или не знаю, знали и упоминали о кавказской стѣнѣ, но все-таки время построенія этой стѣны неизвѣстно. Что ее выстроилъ, однакожъ, Хозревъ, или Нуширванъ, или Исфендаръ или Искендеръ, т. е. Александръ Македонскій... это ясно, какъ солнце въ часъ затмѣнія! Наконецъ, не подтверждено фактами и то, что стѣна эта соединяла два моря (Каспій съ Эвксиномъ) и раздѣляла два міра, защищая Азію отъ набѣговъ хозаровъ, какъ говорятъ европейцы,—урусовъ, какъ толкуютъ фарсійскія лѣтописи. Дѣло въ томъ, что, благодаря разладицѣ историческихъ показаній, достовѣрнаго про кавказскую стѣну можно сказать одно: она существовала. Но строители, хранители, обновители, рушители ея, когда-то знаменитые, а теперь безыменные, спятъ давнымъ-давно сномъ богатырскимъ, не заботясь, что про нихъ бредятъ. Я не потревожу ни ихъ пепла, ни вашей лѣни; я не потащу васъ сквозь туманную ночь древности отыскивать пустую кубышку... Нѣтъ, я приглашаю васъ только прогуляться со мной прекраснымъ утромъ сего іюня, чтобы посмотрѣть почтенные пни, если угодно, даже почтеннѣйшія развалины кавказской стѣны. Опояшьте саблю, бросьте за спину ружье, крякните, опускаясь въ сѣдло, махните нагайкой—и маршъ въ горы.

Рано утромъ *) желѣзныя ворота дербентскія распахнулись и нашъ поѣздъ загремѣлъ подъ древними сводами. Я прикомандировался для этого жи-

*) Нѣкоторыя выраженія для ясности здѣсь измѣнены.

вописнаго путешествія къ дербентскому коменданту, маіору Шпитникову. Съ намї былъ еще одинъ капитанъ куринскаго полка, и этимъ ограничивалось число русскихъ любопытныхъ, и мудрено ли! Со времени Петра Великаго, знаете ли, сколько разъ русскіе осматривали кавказскую стѣну: только трижды! Первый былъ Петръ I въ 1822 году; второй — полковникъ Верховскій, тотъ самый, котораго измѣннически убилъ Аммалатъ-Бекъ, въ 1819 году; третья очередь выпала намъ. Можетъ быть, вы подумаете, что путь до нея многотруденъ, далекъ, опасенъ? Ничего не бывало: стоитъ взять съ собою десятокъ вооруженныхъ татаръ, сѣсть съ лѣвой стороны на коня и поѣхать, какъ сдѣлали мы—вотъ и ѣдемъ. Утро было будто нарочно выдумано для пути. Туманы раскинули надъ нами дымку свою, и палящіе лучи солнца лились на насъ тихою теплотой и свѣтомъ, не оскорбляющимъ глазъ. Дорога вздымалась въ гору, и опять ныряла на дно ущелій. Поѣздъ нашъ, огибая какой-нибудь дикій обрывъ Кавказа, стоилъ кисти Сальватора. Выразительныя физіономіи татаръ, подъ нахлобученными шапками, оружіе, блестящее серебромъ, лихіе кони ихъ, и горы, и скалы, и море вдали: все было такъ ново, такъ дико, такъ живописно — хоть сейчасъ на картину. Комендантъ хотѣлъ сначала осмотрѣть все, достойное замѣчанія въ окрестности, и мы начали розыски пещерой дивовъ, верстахъ въ пяти отъ Дербента къ югу, въ ущеліи, называемомъ по-старинному коге-кафъ (кафъ—тѣснина, коге—духи).

Невдалекѣ отъ урочища Дашъ-Кессенъ (каменоломня), горныя воды, пробивъ громады, вырыли себѣ уютную дорогу, по дну которой струится теперь скромный ручеекъ. Въ этомъ-то ущеліи поселило преданіе дивовъ (татары выговариваютъ девъ) для домашняго обихода дербентскихъ сказочниковъ. Дивы, какъ вы знаете, исполины, чада ангеловъ и людей — я не говорю женщинъ, ибо теогонія Востока предполагала самыхъ ангеловъ женщинами (о блаженныя времена!).

Мы отправились къ ручью. Уставъ продираться верхомъ сквозь дубнякъ, колючку и терны, мы бросили коней и по крутизнѣ спустились на дно ручья—это единственный ходъ къ дому дивовъ, который иначе называютъ гибель визиря (визиръ-гранъ), убитаго тутъ во время какого-то нашествія персіянъ. Мы шли подъ сводомъ вѣтвей, по мшистымъ каменьямъ—и вотъ пещера предъ нами. Ручей образовалъ тутъ широкое колѣно, и огромная скала, упавшая съ вышины отвѣсныхъ береговъ ущелья, стоймя стоитъ у входа, словно на стражѣ. Жерло этой пещеры, закопченное дымомъ, не болѣе осьми шаговъ поперегъ и двухъ съ половиной въ вышину... Входимъ: пещера немного расширяется оваломъ, сзади нея другая поменѣе, въ бокахъ выбиты ясли для коней... Помостъ усѣянъ тысячами костей, ибо это мѣсто—всегдашній притонъ разбойниковъ и плотоядныхъ звѣрей. Одинъ изъ бывшихъ съ нами эсауловъ разсказывалъ, что онъ въ прошломъ году убилъ тутъ гіенну. Вообще должно признаться, что пещера дивовъ обманула наше ожиданіе: въ ней тѣсно и душно жить, нетолько великанамъ, но и обыкновеннымъ смертнымъ, одно лишь преддверіе ея, заключенное утесами, зарос-

шее деревами, заплетенное кружевомъ плюща и дикаго винограда, стоило взгляда даже избалованнаго красотами природы. Впередъ! За горной деревнею Джангалы взялись намъ показать еще диковинку: это пещерка, извѣстная подъ именемъ Эмджекляръ-пиръ, т. е. святыхъ сосцовъ. За крутизной надо было слѣзть съ коней и, хватаясь за корни деревъ, спуститься въ глубокую долину... спустились, оглядѣлись: при подошвѣ скалы, подъ шатромъ тутовыхъ деревъ, указали намъ небольшую впадину, развѣ сажень въ діаметрѣ, съ округлаго потолка которой висѣли каменные сосцы, весьма похожіе на женскія груди, и изъ каждаго ниспадали капли воды, звуча на чашѣ, выбитой ими. Дождевая влага, растворяя известковые слои и потомъ процѣживаясь сквозь трещины пластовъ, болѣе твердыхъ, мало по малу образовала эти натеки, оставляя, по закону сцѣпленія, добычу свою кругами около скважинъ. Впрочемъ, я видалъ тысячи разновидныхъ сталактитовъ и—никогда подобнаго. Вѣроятно, особенная клейкость составныхъ частей раствора была виной этой странной игры случая. Женщины окрестныхъ горъ вѣруютъ крѣпко въ цѣлительную силу воды, истекшей изъ сосцовъ матери-природы. Когда въ груди ихъ изсякнетъ молоко, онѣ издалека приходятъ сюда пѣшкомъ, приносятъ въ жертву барана, мѣшаютъ съ землей воду каменныхъ сосцовъ и набожно пьютъ ее. Если вѣра не всегда спасаетъ, зато всегда утѣшаетъ, а это развѣ бездѣлица!

И мы напились чудесной воды, и мы полюбовались дикимъ удольемъ; вскарабкались вверхъ и снова, проѣхавъ въ деревню, ударились прямо къ западу; намъ должно было объѣхать недоступную конямъ крутизну, по которой спускалась дагъ-бари (горная стѣна), отъ четыре-угольной крѣпостцы, на самомъ обрывѣ ея стоящей; но прежде, чѣмъ приблизиться къ желаннымъ развалинамъ, насъ повели на сѣверную сторону горы посмотрѣть чѣмъ-то знаменитый ключъ.

«Вотъ онъ, вотъ Урусъ-булахъ! (русскій родникъ),--сказалъ татарскій бекъ, бородатый нашъ чичероне, привставъ на стременахъ и подинмая папахъ свой.-- Изъ него пилъ русскій падишахъ Петеръ, когда впервые взялъ Дербентъ.»

Мы спрыгнули съ коней и съ благоговѣніемъ черпали горстью воду. Сколько лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ утолилъ жажду величайшаго изъ царей и величайшаго изъ людей (двѣ доблести, рѣдко между собою смежныя); но онъ все-еще журчитъ неизмѣнно, зато какъ много измѣнились съ тѣхъ поръ русскіе.

Наконецъ, мы приблизились къ развалинамъ кавказской стѣны, примыкающей къ крутизнѣ. Какое величавое и, съ тѣмъ вмѣстѣ, какое печальное явленіе предстало очамъ нашимъ... побѣда природы надъ искусствомъ, времени надъ трудомъ человѣка! Тамъ видѣлась постепенность разрушенія, a priori и a posteriori, такъ сказать, поколѣніе вѣковъ, работающихъ на судьбу. Слабое зерно, запавъ въ трещинку, въ спай камней и разрастаясь деревцомъ, индѣ выдвинуло корнями плиты вонъ изъ средины стѣны, раскололо другія, разорвало, сбросило ихъ долой... и вотъ воздухъ, питатель жизни, грызетъ ихъ; дожди, живители злаковъ, точатъ ихъ, и разрушеніе не ща-

дитъ лежащихъ во прахѣ. Вѣтеръ засыпаетъ, растеніе дробитъ самые останки, застилаетъ коварной зеленью листовъ раны, прорѣзанныя его корнями. Дубы, грецкіе орѣшники, тутъ и чинары шумятъ внизу, торчатъ изъ боковъ, гнѣздятся на верху развалинъ, сидятъ на нихъ, опустивъ крылья подобно орламъ, вцѣпясь когтистыми корнями, и нерѣдко, опрокинутые бурею, держатъ на воздухѣ свою добычу. Но не вездѣ время побѣдило твердыню. Во многихъ мѣстахъ, сбросивъ съ чела зубчатую корону бойницъ, она еще гордо вздымается надъ народомъ деревъ, ее осаждающихъ отовсюду, и лишь столповидные тополи помахиваютъ наравнѣ съ ней кудрявыми головами, гордясь однимъ ростомъ, но не крѣпостью. Мелкія поросли и сѣдой мохъ лѣпятся по груди великановъ древности и наводятъ на нее свою мрачную краску. Индѣ зелень просѣдаетъ по швамъ камней узорчатою вышивкой. Индѣ плющъ распустилъ съ башни зеленое знамя свое, поверхъ стѣны даже съ цѣлыми бойницами увѣнчанъ всегда кустарникомъ, и между нимъ стоятъ молодыя деревья, будто на стражѣ. Глядя на свѣжесть этой стѣны, подумаешь, что она сто лѣтъ назадъ построена и едва ль 50 лѣтъ назадъ брошена на съѣденіе пустынѣ. Дожди не размыли, а только выгладили ее, и перуны будто сплавили ее въ одну толщу. И какая тишь, какая глушь въ окрестности! Изрѣдка развѣ прощебечетъ птичка. Роскошная трава ложится на корень не тронутая, и только копыто коня табасаранскихъ разбойниковъ топчетъ поляны, багряныя земляникою!

Кавказская стѣна начиналась у южнаго угла крѣпости Нарынъ-Кале, и шла прямо отъ востока на западъ, по холмамъ и оврагамъ непрерывно. До обрыва, который мы объѣхали (это верстъ пять отъ Дербента), видны еще развалины четырехъ небольшихъ крѣпостей, изъ коихъ крайняя цѣла.

Такихъ крѣпостцей впослѣдствіи проѣхали мы много. Онѣ стоятъ другъ отъ друга на неровномъ разстояніи (вѣроятно, для воды), и самой разной величины, отъ 120 до 80 шаговъ длиной; шириной всегда менѣе. Иногда съ четырьмя круглыми наугольными башнями, иногда съ шестью. Укрѣпленія эти, примыкавшія къ стѣнѣ, вѣроятно, служили главными караульнями, складочными мѣстами для оружія и запасовъ, мѣстомъ жительства для начальниковъ и точками сбора и опоры въ случаѣ прорыва. Самая стѣна, вышиной и толщиной и образомъ кладки, совершенно сходна съ дербентскою. Первая, правда, измѣняется иногда, смотря по игрѣ почвы, ибо старались, сколь возможно, сохранить горизонтальность короны. Но тамъ, гдѣ стѣна должна идти по наклону, верхніе и прочіе ряды плитъ идутъ уступами, такъ что каждая плита вырублена наугольникомъ. Плиты почти всѣ $2\frac{1}{2}$ фута длины, $1\frac{3}{4}$ ширины, а толщиною около одного. Кладены двѣ плиты вдоль стѣны, а третья между ними ребромъ и вовсе безъ цементу; зато внутренность стѣны сбита изъ булыжника и обломковъ, связанныхъ глиной съ примѣсью известки. Башни маленькія и всегда набиты землею, и всегда головой своей въ уровень со стѣною,—отличительная черта азіатской фортификаціи отъ готической, въ которой башни высоко вздымаются надъ стѣной, пусты, и потому въ нѣсколько рядовъ прорѣзаны стрѣльницами (meurtrières).

*

Но всего замѣчательнѣе и всего болѣе доказывающее незапамятную древность этой стѣны, это неизвѣстность сводовъ: явленіе, которое замѣтилъ Денонъ въ пирамидахъ фараоновъ. Съ опасностью сломать голову или задохнуться въ ямахъ, ползалъ я по всѣмъ тайникамъ, въ каждой крѣпостцѣ къ водѣ ведшимъ, и увѣрился, что сводный замо̀къ строителямъ кавказской стѣны былъ невѣдомъ, хотя въ дербентскихъ воротахъ, вѣроятно послѣ и въ разныя времена, выведены своды, и не острые (en ogive), но всегда круглые (pleine-cintre), вопреки арабской архитектурѣ, распространившейся вмѣстѣ съ исламизмомъ. Корридоры накрыты или широкими плоскими плитами, или плитами въ выступъ, или, наконецъ, кровлей изъ плитъ, сложенныхъ какъ на карточномъ домикѣ треугольникомъ. Кровли въ выступѣ иногда снизу округлены, что и даетъ имъ ложный видъ свода, но малѣйшее разсмотрѣніе разувѣряетъ тѣмъ скорѣе, что они почти всѣ отъ тягости, на нихъ лежащей, треснули и расщепились вѣеромъ. Камень сѣченъ былъ, вѣроятно, въ близкихъ каменоломняхъ, теперь забытыхъ и заросшихъ дебрями; но преданіе увѣряетъ, что его возили съ морскаго берега. Отсутствіе въ немъ раковинъ, составляющихъ основу приморскаго каспійскаго известняка, опровергаетъ это лучше трудности перевозки въ бездорожныя горы.

Посмотрѣвъ и осмотрѣвъ Кеджаль-Кале, крѣпостцу, отстоящую верстъ на 20 отъ Дербента, и подивившись ея цѣлости, несмотря на то, что вѣковыя дерева завладѣли ея верхомъ и внутренностью, мы воротились по другой сторонѣ стѣны, чтобы выѣхать на аробную дорогу.

Но гдѣ, но какъ, но далеко ли шла кавказская стѣна? далеко ли остались ея развалины, не расхищенныя на постройку деревень, какъ замѣтно во многихъ мѣстахъ? Вотъ вопросъ, который, можетъ быть, вѣкъ останется задачей. Вѣсть между двумя намазами (т. е. около 6 часовъ) перелетала по этой стѣнѣ отъ моря до моря! -- говорили мнѣ татары.

Какъ бы то ни было, этотъ образчикъ огромной силы древнихъ властей существовалъ, и теперь дивитъ насъ и мыслью и исполненіемъ. Подумаешь, это замыслили полубоги, а построили великаны. И сколь многолюдны долженствовали быть въ древности горы Кавказа! Если скудные граниты Скандинавіи названы officina gentium, какъ же не дать Кавказу имени колыбели рода человѣческаго? На его хребтахъ бродили первенцы міра; его ущелья кипѣли племенами, которыя по вѣтвямъ горъ сходили ниже и ниже, и наконецъ разошлись по дѣвственному лицу земли, куда глаза глядятъ, завоевывая у природы землю, а потомъ землю у прежнихъ пришельцевъ съ горъ, вытѣсняли, истребляли другъ друга, и обливали потоками крови почву, надъ которою недавно плавали рыбы и бушевалъ океанъ. Положимъ, что персидскіе или мидійскіе цари могли волей своею двинуть цѣлые народы для постройки этой стѣны; но вѣроятно ли, чтобы эти народы могли жить нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ малонаселенной, лишенной избыточнаго землепашества? Вѣроятно ли, чтобы гарнизоны крѣпостей и стража стѣны, всегда ее охранявшіе, имѣли продовольствіе изъ Персіи?

Неправдоподобнѣе ли положить, что горы эти, тогда мало покрытыя лѣ-

сомъ, были заселены многолюдными деревнями, золотились роскошными жатвами, и что для сооруженія этого оплота отъ сѣверныхъ горныхъ и степныхъ варваровъ употреблены были туземцы?

Г. БАКУ И ОКРЕСТНОСТИ ЕГО: ВОЛЧЬИ ВОРОТА И БАКИНСКІЕ ОГНИ.

Взобравшись пѣшкомъ па самую высшую точку холма, мы увидѣли Каспійское море, но между нами и моремъ, видпѣвшимся только на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, раскинулся городъ, закрытый изгибами мѣстности. Но скоро Баку предсталъ предъ нами во всей красотѣ; мы какъ будто сходили съ неба. При первомъ взглядѣ какъ будто два Баку: Баку бѣлый и Баку черный. Бѣлый Баку —предмѣстье, которое, внѣ города, почти цѣликомъ выстроилось съ того времени, какъ Баку принадлежитъ русскимъ. Баку черный — это старый Баку, персидскій городъ, мѣстопребываніе хановъ, окруженный стѣнами менѣе прекрасными, менѣе живописными, чѣмъ стѣны Дербента, но впрочемъ вполнѣ характеристическими. Разумѣется, всѣ эти стѣны воздвигнуты противъ холоднаго оружія, а не противъ артиллеріи.

Посреди города красовались дворецъ хановъ, разрушенный минаретъ, старая мечеть и Дѣвичья башня, подошва коей омывается моремъ. Ханскій дворецъ, арабской архитектуры, лучшей эпохи, построенъ въ 1650 г. Аббазомъ II. Дворецъ совершенно покинутъ; остается одна передняя съ великолѣпными украшеніями и одна зала, очень любопытная. Она называется залою суда. Въ центрѣ залы вырыта подземная темница. Говорятъ, что ея отверстіе, 18 фут. въ поперечникѣ, закрывалось колонною. Если кого-либо осуждали на смерть съ тѣмъ, чтобы казнь совершилась втайнѣ, то приводили его въ залу суда, снимали колонну, становили на колѣни и однимъ взмахомъ меча отрубали ему голову, которая при искусной операціи падала прямо въ яму, не касаясь краевъ отверстія. Затѣмъ туловище уносили, колонну ставили на прежнемъ мѣстѣ и дѣло съ концемъ. Эта тюрьма, какъ увѣряютъ, соединялась подземнымъ ходомъ съ мечетью Фатьмы.

Съ башней связана одна легенда, которая дала ей странное названіе Дѣвичьей башни.

Одинъ изъ бакинскихъ хановъ имѣлъ дочь—красавицу, въ которую онъ былъ влюбленъ. Преслѣдуемая виновникомъ своего существованія и не зная, какъ отдѣлаться отъ его кровосмѣсительной страсти, она предложила хану слѣдующее условіе: она склонится на его желаніе, если онъ, въ доказательство своей любви, велитъ выстроить самую высокую и крѣпкую башню для ея проживанія. Ханъ собралъ въ ту же минуту работниковъ и они принялись за дѣло. Башня начала выростать быстро; ханъ не щадилъ ни камней, ни людей. Но на взглядъ дѣвушки башня все-еще была не довольно высока.

Еще одинъ этажъ, говорила она каждый разъ, какъ отецъ ея считалъ работу уже оконченною.

И башня хотя строилась на берегу моря, т. е. въ нижней части города, но высотою уже равнялась съ минаретомъ, находившимся въ верхней части. Настала наконецъ минута, когда надо было сознаться, что башня окончена. Оставалось убрать ее. Башню меблировали самыми богатыми персидскими матеріями. Когда разостланъ былъ послѣдній коверъ, дочь хана, въ сопровожденіи своихъ почетныхъ дамъ, взошла на вершину башни, подъ предлогомъ насладиться живописными видами. Тамъ на площадкѣ она помолилась, поручила свою душу Аллаху и бросилась съ зубчатой стѣны въ море.

Не доходя до этого памятника дѣвственнаго цѣломудрія, встрѣчается другой памятникъ, напоминающій измѣну. Это памятникъ русскаго генерала Циціанова. Этотъ генералъ, управлявшій Грузіею, осаждалъ Баку. Ханъ, подъ предлогомъ личнаго врученія ключей крѣпостныхъ генералу Циціанову, просилъ свиданія съ нимъ. Циціанова предупреждали, что ханъ намѣренъ убить его во время свиданія. Онъ отвѣчалъ, какъ цезарь: они не осмѣлятся, отправился на свиданіе и былъ убитъ.

Гробница генерала Циціанова воздвигнута на скатѣ холма, посреди пустаго пространства между городомъ и предмѣстьемъ. Она построена на томъ мѣстѣ, гдѣ генералъ былъ убитъ. Тѣло его покоится въ Тифлисѣ.

Вступая въ Баку, думаешь, что входишь въ одну изъ самыхъ сильныхъ средневѣковыхъ крѣпостей. Тройныя стѣны имѣютъ столь узкій проходъ, что надобно отпрягать пристяжныхъ лошадей тройки и пустить ихъ гуськомъ. Проѣхавши черезъ сѣверныя ворота, вы очутитесь на площади, гдѣ архитектура домовъ тотчасъ же обличаетъ присутствіе европейцевъ. Христіанская церковь возвышается на первомъ планѣ площади.

Въ окрестностяхъ Баку есть такъ-назыв. «Волчьи ворота». Это—странное отверстіе, въ пяти верстахъ отъ Баку, образовавшееся въ скалѣ и выходящее на долину, которая имѣетъ большое сходство съ однимъ уголкомъ Сициліи, опустошеннымъ Этною. Одна только Этна съ своими лавами, расходящимися по всѣмъ направленіямъ, можетъ доставить понятіе о грустномъ видѣ этой картины: голая земля, лужи стоячей воды, долина, пропасть между двумя высокими горами, безъ всякихъ слѣдовъ растительности; вотъ вамъ пейзажъ Волчьихъ воротъ.

Въ 26 верстахъ отъ Баку находится знаменитое святилище огня Атешъгагъ, гдѣ пылаетъ вѣчный огонь. Этотъ огонь поддерживается нефтью, т. е. горнокаменнымъ масломъ, удобовоспламеняющимся, легкимъ и прозрачнымъ, когда оно очищается, но которое, даже въ очищенномъ видѣ, испускаетъ дымъ съ непріятнымъ запахомъ, что впрочемъ не мѣшаетъ потребленію нефти въ житейскомъ быту.

Огнепоклонство господствовало въ Персіи до Александра (Макед.). При преемникахъ его — Селевкидахъ, особенно со времени вторженія арабовъ и распространенія исламизма, огнепоклонство было окончательно изгнано и его послѣдователи разсѣялись: одни перешли въ Гудзаратъ и на берега Синда,

другіе поселились на берегахъ Каспійскаго моря. Нынѣ несчастные персы имѣютъ два главныя отечества, именно: Бамбей, гдѣ они живутъ подъ покровительствомъ англичанъ, и Баку,—подъ покровительствомъ русскихъ.

Они утверждаютъ, что у нихъ сохранилось истинное преданіе о вѣрѣ Митры, освященной и усовершенствованной Зороастромъ, что въ ихъ владѣніи настоящая Зендавеста, написанная рукою самого основателя, и что они согрѣваются тѣмъ же огнемъ, какимъ согрѣвался Зороастръ. Вотъ къ этимъ-то людямъ (гвебрамъ) мы и отправились, чтобы посѣтить ихъ въ священномъ мѣстѣ, въ святилищѣ огня «Атешъ-гагъ».

Послѣ двухчасовой ѣзды, — первая половина дороги шла по берегу моря,—мы прибыли на вершину одного холма, откуда представились нашимъ взорамъ всѣ огни. Вообразите себѣ равнину величиною почти въ квадратную милю, откуда черезъ сотню неправильныхъ отверстій вылетаютъ снопы пламени, которые вѣтеръ развѣваетъ, разбрасываетъ, сгибаетъ, выпрямляетъ, наклоняетъ до земли, уноситъ въ небо и никогда не въ состояніи погасить ихъ. Потомъ среди всѣхъ этихъ очаговъ отдѣляется большое квадратное зданіе, освѣщенное пламенемъ и какъ-будто движущееся подобно свѣту, отражающемуся на его стѣнахъ. Оно покрыто бѣлою известью, окружено зубцами, изъ коихъ каждый горитъ, какъ огромный газовый рожокъ. Позади этихъ зубцовъ возвышается куполъ, въ четырехъ углахъ котораго пылаетъ яркое пламя, но онъ ниже тѣхъ, которые возвышаются со стороны главной двери, обращенной къ востоку.

Такъ какъ мы прибыли съ западной стороны, то принуждены были объѣхать кругомъ монастырь, въ который можно войти только съ востока. Зрѣлище было великолѣпное и необыкновенное; общая иллюминація бываетъ только въ праздничные дни. Г. П...... возвѣстилъ о нашемъ прибытіи, что и послужило поводомъ къ празднику для бѣдняковъ (живущихъ въ монастырѣ).

Монастырь обитаемъ только тремя огнепоклонниками, однимъ старикомъ и двумя молодыми людьми отъ 30 до 35-ти лѣтъ. Притомъ одинъ изъ послѣднихъ прибылъ изъ Индіи назадъ тому только пять или шесть мѣсяцевъ. А до него обожателей солнца было только двое.

Чрезъ дверь, совершенно покрытую пламенемъ, мы вступили во внутреннюю часть зданія. Оно состоитъ изъ огромнаго квадратнаго двора, посреди котораго возвышается алтарь съ куполомъ. Въ центрѣ алтаря горитъ вѣчный огонь. Въ четырехъ углахъ купола, какъ на четырехъ гигантскихъ треножникахъ, пылаютъ четыре очага, поддерживаемые подземнымъ огнемъ. Къ алтарю поднимаются по пяти или шести ступенямъ. До двадцати келій пристроены къ внѣшней стѣнѣ, но отворяются изнутри. Онѣ назначены для учениковъ Зороастра.

Въ одной изъ этихъ келій сдѣлана нишь въ стѣнѣ съ закраиной, на которой поставлены два маленькіе индійскіе идола.

Одинъ изъ парсовъ надѣлъ свое жреческое платье; другой, бывшій совершенно голымъ, накинулъ на себя нѣчто похожее на рубашку, и индусское

богослуженіе началось. Оно состояло изъ переливовъ голоса неопредѣленной пріятности, или изъ пѣнія, имѣвшаго не болѣе четырехъ или пяти нотъ хроматической гаммы, почти отъ sol до mi, и въ которомъ имя Брамы повторялось довольно часто. Иногда жрецъ припадетъ лицомъ къ землѣ и въ это время его служитель ударялъ двумя тарелками одну объ другую, производя ими звукъ рѣзкій и дрожащій. По окончаніи священнодѣйствія жрецъ далъ каждому изъ насъ по маленькому куску леденца, въ замѣнъ котораго мы наградили его деньгами.

Потомъ мы отправились осматривать большіе колодцы. Самый глубокій имѣетъ около 60 футовъ глубины; изъ него черпали нѣкогда воду. Эта вода была солоновата, но вдругъ она исчезла. Бросили туда зажженную паклю, чтобы узнать, что сдѣлалось съ водой; колодезь тотчасъ воспламенился и огонь съ тѣхъ поръ не погасаетъ. Другіе колодцы въ уровень съ землею. Надъ ихъ отверстіемъ кладутъ рѣшетку, а на рѣшетку камни, которые превращаются въ гипсъ менѣе чѣмъ въ 12 часовъ.

БАКИНСКІЕ ОГНИ И САЛЬЗЫ.

Горючими источниками славится болѣе всего окрестность Баку, на западномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ благочестивые гвебры поклоняются вѣчнымъ огнямъ, какъ символу всемогущаго существа или даже какъ самому воплощенному божеству.

Подобно большинству монастырей на Востокѣ, подверженныхъ нападеніямъ разбойничьихъ шаекъ, огнепоклонническій храмъ — Алешга есть укрѣпленное зданіе, въ четыреугольникѣ котораго лежитъ большой дворъ; извнѣ оно можетъ защищаться съ террасовидныхъ крышъ. Окружающая стѣна служитъ также оградою для жилищъ и келій, построенныхъ на дворѣ. Входъ на сѣверѣ открываютъ ворота, на которыхъ, для большей безопасности, устроенъ бастіонъ.

На верхъ ведетъ лѣстница; вечеромъ отсюда открывается чудеснѣйшій видъ на огни, которые вырываются изъ щелей и ямъ сосѣдней степи всюду, гдѣ земля не очень плотна, и языками своими, подобными змѣинымъ жаламъ, какъ-будто отыскиваютъ новой пищи, хотя и питаются изъ самой внутренности земли. Отъ этихъ трепетныхъ огоньковъ нѣтъ никакого дыма и, свѣтлые, какъ очищенное золото, они поднимаются въ прозрачный эѳиръ.

На дворѣ стоитъ четыреугольная башня, поддерживаемая четырьмя столбами. Въ срединѣ замыкаемаго ими пространства находится котлообразное углубленіе, 3—4 фут. въ поперечникѣ, въ которомъ, по разсказамъ жрецовъ, съ незапамятныхъ временъ вѣчный огонь питаетъ само божество. Внѣ храма, отъ мѣста, гдѣ газъ начинаетъ выходить изъ земли, до самаго углубленія проведена труба, доставляющая матеріалъ для огня. Трубы проводятъ

тотъ же горючій газъ на верхъ башни въ четыре вмѣстилища, стоящія по угламъ; но изъ нихъ только въ двухъ, на противоположныхъ углахъ, пылаетъ желтовато бѣлое пламя, а въ двухъ остальныхъ оно по какому-то случаю погасло.

Въ срединѣ стоитъ трезубецъ, называмый тирсутомъ *). Разсказываютъ, будто дьяволъ присвоилъ себѣ однажды власть надъ людьми и управлялъ ими съ страшнымъ варварствомъ. Жители обратились съ молитвою къ Богу и были услышаны имъ: съ неба сошелъ ангелъ и утвердилъ въ землѣ этотъ трезубецъ, въ знакъ того, что Богъ снова принялъ власть.

Вокругъ двора расположены двадцать двѣ кельи, подобныя кельямъ нашихъ монастырей. Всѣ онѣ очень малы; кромѣ ковра не имѣютъ никакой домашней утвари, но отличаются тѣмъ, что чрезъ проведенныя трубы обитатели келій могутъ по желанію имѣть свѣтъ и тепло, зажигая газъ.

Въ неизвѣстныя времена близъ храма вырытъ былъ колодезь 50 футовъ глубиною, въ которомъ собираются большія массы горючаго газа, улетающія впрочемъ на верхъ. Кохъ (Wanderungen im Oriente 1843, 1844) говоритъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ такого величественнаго зрѣлища, какъ здѣсь. Отверстіе колодца накрыли ковромъ, чтобъ помѣшать выходу газа. Черезъ 5—8 минутъ одинъ жрецъ схватилъ связку хвороста, въ которой была воткнута зажженная бумажка, и бросилъ ее въ колодезь, предварительно сдернувъ быстро коверъ. При-этомъ предупредили иностранцевъ не оставаться вблизи, а оба индійца, окончивъ свое дѣло, проворно убѣжали. Почти черезъ 20—30 минутъ послѣ того, какъ былъ брошенъ зажженный хворостъ, раздался страшный громъ, причемъ содрогнулась земля и внезапно изъ глубины поднялся высоко на воздухъ огненный столбъ, похожій на перевернутый конусъ. Съ изумленіемъ, а въ первый разъ и не безъ страха, смотрѣлъ Кохъ на эту огненную массу, которая постепенно рѣдѣла и наконецъ совершенно исчезла. Форма обращеннаго конуса происходитъ оттого, что горячій газъ, выходя изъ колодца, постепенно расширяется. Только тогда, когда это зрѣлище разыгралось нѣсколько разъ передъ его глазами, Кохъ успокоился и былъ въ состояніи обратить на него должное вниманіе.

Случалось иногда, что недостаточно предупрежденные или слишкомъ отважные зрители, стоя черезчуръ близко къ поднимавшейся огненной массѣ, бывали охвачены ею такъ сильно, что мгновенно обжигали себѣ все тѣло, и долго послѣ того страдали отъ послѣдствій своей неосторожности. Это зрѣлище бываетъ особенно величественно, когда земля покрыта мракомъ и темный небесный сводъ съ мильярдами сверкающихъ звѣздъ разстилается надъ этой волшебной сценой. Врядъ-ли какое-либо другое мѣсто на землѣ можетъ такъ сильно способствовать поклоненію слѣпымъ стихійнымъ силамъ.

Самымъ очагомъ огня, около 100 шаговъ въ поперечникѣ, жители окрестныхъ деревень пользуются различно. Нѣкоторые устроили здѣсь природную

---

*) Тирсутъ — въ индійской миѳологіи трезубецъ бога Шивы.

печь, въ которой пекутъ свои лепешки; другіе варятъ себѣ кушанье въ мѣдномъ котелкѣ; иные наконецъ грѣютъ воду, которою омываются, вопреки общему восточному обычаю. Среди этихъ огней, пылающихъ съ пользою и безъ пользы, иностранцу дѣлается нѣсколько жутко и онъ чувствуетъ себя въ достаточной безопасности лишь тамъ, гдѣ земля сплочена. Чтобы убѣдиться въ присутствіи газа даже на твердыхъ мѣстахъ, Кохъ взялъ заступъ и проткнулъ имъ одно мѣсто. Когда онъ подошелъ къ нему съ лучиною, зажженною у другого огня, то одинъ изъ его спутниковъ, внезапно очутившись среди пламени, отскочилъ съ ужасомъ и попортилъ свой сюртукъ.

Какъ давно горятъ въ Баку огни, неизвѣстно; но очень вѣроятно, что они еще не начинали горѣть въ началѣ нашего лѣтосчисленія. Ни одинъ римскій или греческій писатель не упоминаетъ о нихъ, и только въ десятомъ столѣтіи арабскіе авторы говорятъ о Баку и его чудесахъ.

Во время пребыванія Коха въ Баку огнепоклонниковъ было здѣсь только пять; всѣ они были родомъ изъ Мултана, куда по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ охотно бы вернулись, еслибы только имѣли достаточно денегъ на путешествіе или не боялись умереть дорогою съ голода. Одѣваясь лохмотьями, они вели жалкую жизнь; нищета ихъ составляла совершенный контрастъ съ блескомъ огня, которому они поклонялись. Между ними былъ одинъ факиръ, положившій себѣ задачей жить въ скорченномъ положеніи, въ тоже время предаваясь внутреннимъ религіознымъ созерцаніямъ; Коха увѣряли, будто онъ провелъ уже 16 лѣтъ въ этомъ неестественномъ положеніи. Походя болѣе на звѣря, нежели на человѣка, безъ всякаго одѣянія, съ длинными всклоченными волосами, фанатикъ сидѣлъ скорчившись среди небольшой кельи и безсмысленно глядѣлъ впередъ. Руки и ноги, окоченѣвшія отъ продолжительнаго бездѣйствія, казалось, состояли изъ однѣхъ костей, — такъ сильно онъ похудѣлъ. Но, несмотря на безграничную нищету, въ факирѣ преобладала гордость, нисколько не согласная съ его положеніемъ; онъ бросаетъ презрительные взоры на иностранцевъ, приходящихъ посмотрѣть на него какъ на рѣдкость.

Таинственный подземный огонь вытекаетъ нетолько близъ храма, въ четверти мили отъ деревни Сураханы, но и въ другихъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова, и даже со дна сосѣдняго Каспійскаго моря. Такъ Абихъ разсказываетъ объ одномъ мѣстѣ въ заливѣ Баку, гдѣ горючій газъ вырывается со дна моря на глубинѣ трехъ саженъ съ такою силою и въ такомъ огромномъ количествѣ, что близъ этого мѣста едва могутъ держаться лодки.

Сальзы или грязные вулканы выбрасываютъ жидкую глину, перемѣшанную съ газами, и составляютъ переходъ отъ спокойныхъ явленій выхода газовъ и теплыхъ источниковъ къ страшной дѣятельности горъ, извергающихъ лаву. «Геогносты—говоритъ Гумбольдтъ—не обращали до сихъ поръ должнаго вниманія на этотъ феноменъ, ибо изъ двухъ состояній, проходимыхъ имъ, обыкновенно описывается лишь послѣднее, спокойное состояніе, въ которомъ эти вулканы пребываютъ по нѣскольку сотъ лѣтъ.»

Происхожденіе сальзъ сопровождается землетрясеніемъ, подземнымъ громомъ,

поднятіемъ цѣлой массы суши и высокимъ огненнымъ изверженіемъ, продолжающимся впрочемъ не долгое время. Когда на Апшеронскомъ полуостровѣ въ Каспійскомъ морѣ, къ востоку отъ Баку, начала образовываться сальза Іокмали (27 нояб. 1827 г.), то пламя поднималось впродолженіе трехъ часовъ до необыкновенной высоты, а въ слѣдующіе 20 часовъ оно взлетало не выше трехъ футовъ надъ извергающимъ грязь кратеромъ. У деревни Боклихли, на западѣ отъ Баку, огненный столбъ поднимался такъ высоко, что его можно было видѣть за шесть миль оттуда. Далеко кругомъ разбросаны были большіе камни, вырванные изъ глубины.

Другое явленіе, происходящее часто вмѣстѣ съ газовыми источниками и сальзами и зависящее отъ тѣхъ же подземныхъ огненныхъ силъ, извлекаетъ изъ земли летучія частицы смолистыхъ горныхъ породъ; это — нефтяные ключи или источники горнаго масла, которые нетолько представляютъ геологическій интересъ, но и служатъ для многихъ полезныхъ цѣлей.

О НЕФТЯНОМЪ ПРОМЫСЛѢ НА КАВКАЗѢ.

(Изъ ст. Н. Я. Штеймана. Зап. Кав. Отд. Рус. Техн. Об. 1869 г.)

Между минеральными богатствами Кавказа нефть безспорно занимаетъ первое мѣсто, какъ по количеству добыванія ея въ настоящее время, такъ въ особенности по обширности тѣхъ пространствъ, на которыхъ присутствіе ея обнаруживается несомнѣнными признаками. Несмотря однакоже на обширность нефтяныхъ мѣстностей, доступныхъ всевозможной усиленной разработкѣ, нефтяная промышленность Кавказа находится почти въ застоѣ, и производительность ея съ годами почти не увеличивается.

Добываніе нефти на Кавказѣ производится съ давнихъ временъ. Въ одномъ изъ нефтяныхъ колодцевъ Апшеронскаго полуострова былъ найденъ камень съ надписью на арабскомъ языкѣ, гласившею, что колодецъ этотъ открытъ и назначенъ въ пользованіе Сеидовъ Аллахъ-Яромъ, сыномъ Мухамедъ Нура въ 1003 году хиджры, т. е. въ 1594 г. по Р. Х.

Окрестности Баку, острова: Святой и Челекенъ доставляли персидскому шаху и его придворнымъ опредѣленное количество нефти и довольно крупный доходъ. Обиліе нефтяныхъ источниковъ въ Индіи и по прибрежьямъ Каспійскаго моря, при выдѣленіи изъ земли горючаго газа или «вѣчныхъ огней» дали поводъ къ водворенію въ этихъ мѣстностяхъ огнепоклонничества.

Кавказская нефть была въ славѣ, вывозилась и до сихъ поръ вывозится въ Персію, гдѣ пользуются ею для освѣщенія; втеченіе послѣдняго десятилѣтія, съ 1854 по 1863 годъ, вывезено съ Кавказа до милліона пуд. нефти.

По сѣверному и южному склонамъ главнаго Кавказскаго хребта въ весьма

многихъ мѣстахъ теперь извѣстны появленія нефти на дневную поверхность, именно: на Таманскомъ полуостровѣ, въ Закубанскомъ краѣ, въ Терской области, по прибрежью Каспійскаго моря отъ г. Петровска на юговостокъ, на Апшеронскомъ полуостровѣ (самые значительные здѣсь нефтяные источники Балаханскіе и Сураханскіе), въ другихъ мѣстахъ Бакинской губерніи, въ Елисаветпольской, Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ *).

Способы добыванія нефти.

Горцы рыли неглубокія ямы, внутри которыхъ ставили иногда вмѣсто крѣпи плетень; по мѣрѣ накопленія ихъ нефтью, она вычерпывалась.

Болѣе совершенное и на Кавказѣ до сихъ поръ самое обыкновенное средство для извлеченія изъ земли нефти—это устройство колодцевъ.

Для этого на Апшеронскомъ полуостровѣ роютъ сначала большую воронкообразную яму, которая уступами проводится до тѣхъ поръ въ глубь, пока ею не обнажится нефтесодержащій пластъ во всю толщину.

Глубина такой ямы, доходящая до десяти и пятнадцати саженъ, совершенно обусловливается залеганіемъ рыхлыхъ песчаныхъ осадковъ, гдѣ располагается нефть въ видѣ огромныхъ вмѣстилищъ или даже цѣлой системы резервуаровъ, которые могутъ быть сравнены съ губками, наполненными какою-либо жидкостью.

Прорѣзавъ такимъ образомъ нефтесодержащій слой, на днѣ ямы дѣлается колодцеобразное углубленіе въ нѣсколько футовъ—отъ 3 до 9—съ тою цѣлью, чтобы имѣть мѣсто скопленія для стекающей нефти. Затѣмъ начинается установка срубовъ. Работа эта производится снизу наверхъ, и для того, чтобы предохранить срубъ отъ боковаго давленія, его утверждаютъ системою горизонтальныхъ и крестообразныхъ брусьевъ въ стѣнахъ большой ямы, а для укрѣпленія отдѣльныхъ вѣнцовъ сруба между собою, ихъ связываютъ продольными брусьями.

Пустота, остающаяся между стѣнами ямы и срубомъ внизу на горизонтѣ нефтесодержащаго слоя для свободнаго прохода жидкости, наполняется или хворостомъ, или округленными камнями; далѣе же кверху землею. Въ самомъ срубѣ внизу кромѣ того съ тою же цѣлью дѣлаются отверстія или щели. Подъемъ нефти изъ колодцевъ производится бурдюками въ одно ведро и болѣе. Когда слой нефти тонокъ, то зачерпывается съ нефтью вмѣстѣ и вода. Для отдѣленія ея отстаиваніемъ жидкости, поднятыя бурдюкомъ, выливаются въ небольшіе бассейны, устроенные при каждомъ колодцѣ. Емкость этихъ бассейновъ, гдѣ хранится нефть, отъ 28 до 120,000 пудовъ нефти.

---

*) Все пространство, на которомъ добывается на Кавказѣ нефть, составляетъ 3000 кв. верстъ. Въ сѣверной же Америкѣ пространство это представляетъ площадь до 4000 англ. кв. миль или до 90,000 кв. верстъ.

На производительность колодцевъ имѣетъ огромнѣйшее вліяніе чистота ихъ около дна, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ просачивается нефть. Вліяніемъ воздуха и воды нефть превращается въ киръ; подобное превращеніе тѣмъ болѣе удобно въ мѣстахъ прихода нефти изъ почвы въ отверстія, оставляемыя близъ дна колодца, что она изъ нихъ бѣжитъ вмѣстѣ съ водою въ видѣ тонкой струи или даже каплями. Киръ по мѣрѣ образованія все болѣе залѣпляетъ сдѣланныя нарочно отверстія или щели. Чтобы расчистить ихъ, спускаютъ въ кадкѣ или бадьѣ, на дно колодца, одного рабочаго, который большею частью руками отдираетъ слои кира. Такой способъ очистки въ высшей степени затруднителенъ. Вмѣстѣ съ нефтью всегда отдѣляется большое количество удушливыхъ газовъ, вслѣдствіе чего рабочіе только на нѣсколько минутъ могутъ быть спускаемы въ колодцы и то только въ тѣ, которые не глубже 4 или 5 саженъ.

Кромѣ этого неудобства, работа въ колодцѣ должна производиться въ темнотѣ, такъ какъ отдѣляющіеся газы весьма легко воспламеняются.

Среднее количество нефти въ сутки, получаемое на каждомъ изъ двухъ наиболѣе глубокихъ (около 13 саженъ) колодцевъ полуострова, доходитъ отъ 70 до 90 пудовъ.

Новый Михайловскій колодецъ дастъ отъ 800 до 900 пуд. нефти въ сутки, что составляетъ до половины количества нефти, получаемаго изъ всѣхъ колодцевъ Бакинской губерніи; глубина его 10 саж. 2 аршина.

Колодцы глубиною въ 5 и 3 сажени даютъ отъ 1 до 2 пуд. нефти въ сутки. Иногда впрочемъ и при глубинѣ 11 саж. получается только нѣсколько фунтовъ. Только съ осени 1864 г. въ первый разъ начались на Кавказѣ развѣдки на нефть буреніемъ; сначала работы велись около Анапы въ Кубанской области, но по безуспѣшности ихъ были оставлены въ этомъ мѣстѣ и въ 1865 г. перенесены для изслѣдованія мѣстности на р. Кудако (см. ст. г. Ланда «Нефть на берегу р. Кудако»).

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ съ нефтяныхъ источниковъ, отдаваемыхъ казною на откупъ, ежегодное количество получаемой съ нихъ нефти въ послѣдніе годы было около 600,000 пудовъ (на сумму 130,419 руб.). Буровыя скважины на р. Кудако, въ Кубанской области дали въ 1866 г. 100,000 пуд. нефти; въ 1867 г. 274,110 пуд. Изъ источниковъ, отдаваемыхъ Терскимъ казачьимъ войскомъ, въ 1866 г. получено 13,622 пуда (13,615 руб.) Слѣдовательно общая производительность нефтяныхъ источниковъ на Кавказѣ въ послѣднее время была болѣе 700,000 п.

Сбытъ нефти.

Нефть потребляется или прямо въ сыромъ видѣ мѣстными жителями или же идетъ на заводы для полученія фотонафтиля.

Въ 1859 году Закаспійскимъ торговымъ товариществомъ учрежденъ такой заводъ близъ г. Баку, въ мѣстечкѣ Сураханы.

Втеченіе 2-хъ лѣтъ заводъ пріобрѣлъ только 35,000 пуд. нефти и выдѣлалъ до 15,000 п. фотонафтиля.

Послѣ получалось тамъ до 100,000 пуд. фотогена. По словамъ товарищества, запросъ на бакинскую нефть превышаетъ ея добываніе и потому было имъ въ 1866 г. испрашиваемо разрѣшеніе открыть буровыя работы; но на это послѣдовалъ отказъ.

О другихъ заводахъ, существующихъ въ Бакинской губерніи, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній; къ устройству же ихъ тамъ представляютъ большое удобство источники горючаго газа.

На сказанномъ заводѣ въ м. Сураханы вся перегонка нефти производится однимъ лишь газомъ, выходящимъ изъ земли; въ лабораторіи и заводскихъ зданіяхъ онъ единственное горючее. Этотъ газъ употребляется также для плавки стекла на выдѣлъ бутылокъ.

Въ Кубанской области въ настоящее время шесть заводовъ, перерабатывающихъ мѣстную сырую нефть въ фотогенъ: 3 въ Темрюкѣ, 1 въ Тамани, 1 въ Апатѣ и 1 въ Майкопѣ.

Кавказская нефть идетъ также на заводы въ Керчь и Одессу. Кромѣ внутренняго потребленія сырая нефть вывозится заграницу. (Персію, Западную Европу).

Сто десятинъ земли на островѣ Святомъ отведены (на извѣстныхъ условіяхъ) коллежскому ассесору Витте для устройства парафиноваго завода, въ потомственное владѣніе, пока будетъ существовать этотъ заводъ.

Фабрикація парафина на островѣ Святомъ доведена до замѣчательнаго техническаго совершенства; получается болѣе 2000 пуд. парафиновыхъ свѣчей. Матеріаломъ служитъ не нефть, а озокеритъ, добываемый у восточнаго берега Каспійскаго моря на островѣ Челекенѣ, гдѣ онъ составляетъ прослойки въ глинѣ.

ШЕМАХИНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ 1859 ГОДА. *)

Академика Г. В. Абиха.

Съ чисто теоретическаго взгляда, физико-географическую важность г. Шемахи полагали въ его близкомъ положеніи къ той области на восточной оконечности Кавказа, въ которой находятся грязныя изверженія, солончаки и нефтяные ключи. Область эта, если не считать Апшеронскаго полуострова, представляется въ видѣ равносторонняго треугольника, котораго положеніе и

---

*) Изъ статьи Землетрясеніе въ Шемахѣ и Эрзерумѣ въ маѣ 1859 г. V кн. Зап. Кав. Отд. Им. Рус. Геогр. Общ.

величина опредѣляются положеніемъ г. Шемахи, Баку и Сальянъ, составляющихъ вершины угловъ его.

Принимая берегъ Каспійскаго моря между устьемъ Куры и Бакинскимъ заливомъ за основаніе этого треугольника и возстановляя отъ него чрезъ Шемаху перпендикулярную линію, найдемъ, что линія эта будетъ параллельна центральной цѣпи Кавказа. Продолженная за Шемаху, она коснется деревни Баскала и далѣе, исчезнетъ въ системѣ замѣчательныхъ горъ Лагичскихъ. Въ направленіи этой-то линіи распространяются всѣ удары и волны потрясеній, дѣлающія явленія землетрясеній около Шемахи столь частыми и столь гибельными для этого края.

Послѣдней катастрофѣ 30 и 31 мая 1859 г., подробности которой я изслѣдовалъ въ іюнѣ и іюлѣ того же года, предшествовали, 30 мая, слабыя колебанія почвы въ $3^1/_2$ часа пополудни. Сотрясенія, гибельныя для города, возвѣстились въ 5 часовъ глухимъ подземнымъ гуломъ, раздавшимся со стороны сѣверо-западныхъ горъ, подобно перекатамъ отдаленнаго грома. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали горизонтальные удары, очень сильные, которые слились съ волненіями ощутительно вертикальными. Эти удары въ нѣсколько секундъ повредили почти всѣ строенія въ городѣ и причинили большія несчастія *). Деревня Баскалъ, мѣстечко промышленное и извѣстное своими шелковыми тканями, раздѣлила одну участь съ Шемахою: всѣ дома въ ней повреждены или разрушены; люди успѣли спастись, и только двое погибли подъ развалинами. Всѣ свѣдѣнія согласуются въ томъ, что удары и колебанія исходили изъ горъ Лагичскихъ. Въ Баскалѣ, расположенномъ у подошвы этой утесистой группы, принято за фактъ, общимъ голосомъ, что гибельные удары шли отъ сѣверо-запада и уходили въ направленіи къ Шемахѣ. Распространеніе ихъ за Шемаху, къ востоку, не было далеко и пресѣкалось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея пирсагатскою долиною. Какъ всегда въ такомъ случаѣ, толковали о разныхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, будто-бы бывшихъ въ направленіи отъ этой долины къ морю; но я, при моихъ изысканіяхъ на мѣстѣ, нигдѣ не нашелъ имъ подтвержденія.

Очевидная ясность, что центръ силъ, произведшихъ Шемахинское землетрясеніе, находится къ западу, а не къ востоку отъ города, заставила меня тщательно изслѣдовать геогностическое строеніе почвы между Шемахой и Баскаломъ и раскинуть изысканія на большую часть губерніи, чтобы составить себѣ понятіе объ истинномъ свойствѣ и ходѣ волнъ потрясенія.

Я думаю, нельзя слишкомъ удалиться отъ истины, принявъ, по картѣ, областью сильныхъ колебаній площадь въ 450 квадр. верстъ, и областью не сильныхъ, но очень еще чувствительныхъ, пространство въ 1,800 кв. верстъ.

---

*) Изъ офиціальныхъ свѣдѣній видно, что большая часть домовъ или разрушилась совершенно, или въ значительной части повреждена и подъ развалинами погибло болѣе 100 душъ, особенно въ караванъ-сараяхъ, лавкахъ и одной мечети, гдѣ обвалившійся сводъ разомъ задавилъ муллу и съ нимъ нѣсколько учениковъ. Кромѣ этого жители потеряли имущества на значительную сумму.

Не такъ легко обозначить полную сферу передаточнаго дѣйствія Шемахинскаго землетрясенія 30 мая. По несовершеннымъ даннымъ, въ нашихъ рукахъ находящимся, колебанія довольно ясныя были чувствуемы, въ моментъ онаго, на сѣверномъ склонѣ Кавказа, отъ Кубы до Каспійскаго берега. Колебательныя движенія распространялись также, но въ весьма слабой степени, по всему треугольному пространству, упомянутому выше. Проѣзжая это пространство отъ Шемахи въ Сальяны, и оттуда въ Баку, съ исключительной цѣлью посѣтить большую часть горъ, извергающихъ глинистую грязь и обломочныя породы и разсѣянныхъ во всѣхъ направленіяхъ, я не могъ добыть ни одного вѣрнаго факта, который бы доказывалъ какое-нибудь дѣйствіе майскаго землетрясенія на нормальное состояніе безчисленныхъ пунктовъ изверженія горючаго газа, грязной жидкости нефти и соленыхъ водъ, теплыхъ и не теплыхъ. Экскурсіи мои по Апшеронскому полуострову и на острова происхожденія грязныхъ изверженій Буллу и Свиной дали тотъ же отрицательный результатъ.

Опасность, которой, со стороны землетрясеній, Шемаха подвержена болѣе нежели всякое другое мѣсто на Кавказѣ, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Отъ положенія ея въ системѣ вывороченныхъ и почти вертикально поставленныхъ пластовъ, принадлежащихъ къ сплошному ряду подземныхъ рифовъ.

2) Отъ близости ея къ центру области, подъ которой, на весьма большой глубинѣ, мы предполагаемъ фокусъ разрушительныхъ силъ.

3) Отъ частаго повторенія въ ней землетрясеній, коихъ сила оканчивается, по большей части исключительно, на ней и на ея окрестностяхъ.

Полнѣйшее бездѣйствіе продолжаетъ царствовать на формаціяхъ грязныхъ сопокъ, въ направленіи къ Каспійскому морю,—фактъ, ясно подтверждающій независимость динамической силы, вызывающей землетрясенія. Для Шемахи нѣтъ никакого ручательства, чтобы она когда-нибудь не сдѣлалась добычей катастрофы, подобной той, которая, въ январѣ 1669 г., въ нѣсколько секундъ разрушила городъ до-тла и погубила 8 т. человѣкъ. Хроника, сообщающая это событіе, прибавляетъ, что въ тоже время поглощена, съ жителями и скотомъ, деревня Лача, лежавшая къ югу отъ Шемахи.

БОЖІЙ ПРОМЫСЛЪ.

Вотъ большое селеніе, обведенное кругомъ деревяннымъ палисадникомъ съ запертыми воротами и съ часовымъ, который впустилъ насъ послѣ оклика и нѣкоторыхъ допросовъ. Селеніе издали показалось намъ похожимъ на затѣйливую барскую богатую усадьбу, сооруженную по чертежамъ и проектамъ гоголевскаго полковника Кошкарева. Силится это селеніе уподобиться дворянской усадьбѣ тѣми оригинальными вышками съ шестами на крышѣ, которыя въ количествѣ трехъ-четырехъ торчатъ въ разныхъ мѣстахъ обширнаго двора и похожи на усадебныя сушильни; но безобразно длинные дома совсѣмъ не похожи на людскія приспѣшни и имѣютъ рѣшительно подобіе всероссійскихъ казармъ. Всматриваясь въ дальнѣйшія подробности, видишь, что начиналъ дѣло человѣкъ русскій съ барскими замашками, кое-въ чемъ успѣлъ, но въ концѣ концовъ сбился-таки на томъ, что обнаружилъ въ себѣ, вмѣстѣ съ бариномъ, и военнаго человѣка, вѣдающаго лагерные и казарменные порядки. Шесты на вышкахъ назначены для того, чтобы съ честью держать на себѣ въ праздничные дни флаги; а самое строеніе, сооруженное на столбахъ, есть именно тѣ лагерныя палатки, въ которыхъ спятъ лѣтомъ рабочіе, спасаясь отъ лихорадочныхъ земныхъ испареній и отъ комаровъ, одолѣвающихъ здѣсь человѣческую силу и людское терпѣніе. Въ селеніи деревянная церковь, совершенно обветшавшая и лѣниво исправляемая: и церковь и вышки черны-чернехоньки; видно, что съ той поры, какъ выстроены онѣ первымъ затѣйникомъ, наслѣдники къ нимъ и рукъ не прикладывали.

На самомъ дѣлѣ, зданія Божьяго Промысла *) выстроены были казной (или какъ здѣсь называютъ опекой) въ тѣ времена, когда она сама хозяйничала надъ промыслами, ловила кое-когда и кое-какъ рыбу, вела всякія книги, писала отчеты, сводила счеты и въ то же самое время весело жила, играла въ карты, затѣвала театры, давала балы и танцовальные вечера и, наконецъ, дошла дотого, что приходъ у нея оказался меньше расходу: добыча съ промысловъ стоила меньше, чѣмъ самая администрація. Съ дѣлами не сладили; они путались, и запутались такъ, что промысламъ оставался прямой выходъ въ частныя руки. Намъ хотѣлось познакомиться поближе съ промысловскимъ дѣломъ. Но насъ съ подробностями этого дѣла знакомить не хотѣли; казовыми концами готовы были хвалиться, но самую сущность тщательно прятали, предоставивъ самимъ добираться до смысла. Мы обратились къ тѣмъ, чье житье-бытье больше всего насъ интересовало и на чьей сторонѣ сосредоточилось (не по нашей винѣ) большинство нашихъ свѣдѣній. Вотъ какъ поняли мы это немудреное дѣло.

---

*) Религіозная казна называла промысла по праздникамъ: есть Благовѣщенскій, Никольскій, Петропавловскій, а вотъ этотъ, главный промыслъ—просто Божій. Всѣхъ промысловъ 18.

Кура, главнѣйшая рѣка въ Закавказскомъ краѣ и одна изъ самыхъ большихъ, впадающихъ въ Каспійское море, осчастливлена природой въ такой же мѣрѣ, что и въ нее входитъ громадное количество всякаго рода рыбы. На рѣкѣ Курѣ рыбное обиліе заставило выстроить новыя селенія, устроить до 15 особенныхъ заводовъ, называемыхъ ватагами и промыслами, занять интересной работой свыше полуторы тысячи человѣкъ всякаго рода работниковъ. И какъ здѣсь, такъ и на всѣхъ прикаспійскихъ водахъ (не исключая и тѣхъ, которыя принадлежатъ Персіи), вся главная и основная суть дѣла лежитъ исключительно на русскихъ рукахъ; возможные инородцы (татаре на Курѣ, персіяне на южномъ берегу и пр.), въ видѣ неважной силы, преимущественно служатъ чернорабочими *).

Ловля рыбы. Съ первыми весенними признаками, когда необыкновенно пріятная на вкусъ куринская вода помутится отъ араксинской и сдѣлается красной, какъ кровь, отъ избытка въ наносной водѣ глины, на сальянскихъ ватагахъ (обыкновенно въ мартѣ) наступаетъ то горячее время, которое называется тамъ бѣлякомъ. Въ прославленной всѣми мутной водѣ, подъ шумокъ шаловливаго и крѣпкаго въ тѣхъ мѣстахъ сѣверо-восточнаго вѣтра, въ бурную погоду, въ рѣку Куру по высокой водѣ изъ моря лѣзетъ громада барышной рыбы, надрывая силы ловцевъ, сливая для нихъ дни съ ночами, подживляя ноги самому послѣднему лѣнтяю и лежебоку. На укрѣпленныя поперегъ рѣки, съ одного берега на другой, снасти съ крючьями, въ невода и другія ловушки попадаетъ великая масса вкусной рыбы и, садясь на крючья на Божьемъ Промыслѣ, все-еще мозолитъ руки и ломаетъ плечи рабочихъ, и выше, даже до Аракса, Елисаветополя и дальше.

Бѣлякъ есть то золотоносное время, когда три четверти всего годоваго дохода получается арендаторами съ него одного, ибо у этого времени еще и то похвальное свойство, что продолжается оно до іюня: рыба идетъ (катится) икряная, самая крупная. Когда она вздумаетъ возвращаться лѣтней порой назадъ въ море и дастъ право на новый ловъ (жаркую, жарковскій промыселъ), она уже не имѣетъ прежнихъ добродѣтелей и самому лову не придаетъ особеннаго значенія. Нѣсколько выгоднѣе жаркой, но далеко до бѣляка третьему лову — осеннему, той рыбы, которая ложится на зиму въ теплыхъ рѣчныхъ ямахъ. Мелкая рыба (шемая, лосось, сазанъ и др.) вѣтрамъ не подчиняется, ходитъ круглый годъ и ловится между дѣломъ, на бездѣльи: особымъ промысломъ не удостоена. Зато на крючьяхъ снастей, во время бѣляка, путаются и виснутъ огромныя бѣлуги, большіе осетры, вкусныя севрюги, сомы и пр. На пути своемъ изъ моря въ теплыя, нагрѣтыя воды заходитъ рыба въ устье рѣки бросать икру.

— Идетъ рыба годами, и годъ на годъ не приходитъ (объяснялъ нашъ разсказщикъ). Зато, если меньше катится рыба, больше икры бываетъ въ до-

*) Самая же чистая работа надсмотрщиковъ, конторщиковъ, духанщиковъ и пр. отдана была въ руки армянамъ.

бычѣ: идетъ икряная. Больше рыбы—меньше икры: катится всякая, не разбираетъ: все идетъ, да идетъ себѣ, какъ у бабы въ рукахъ, къ примѣру, нитка изъ прядева.

— У всякой рыбы (доказывалъ нашъ знакомый) особый характеръ. Бѣлуга и велика, да дура: хлипкая рыба и глупа. Хлипка она дотого, что какъ вымечетъ икру, и отощаетъ: попало ей въ жабры песку или илу—она и поколѣла и всплыла вверхъ брюхомъ. Вотъ и на крючьяхъ, задѣла бокомъ, шевельнулась, угодилъ ей въ бокъ другой крючекъ, третій — она и встала, осоловѣлая, и не придумаетъ, что съ собой дѣлать. Вотъ сазанъ не таковъ: этотъ, что черкесъ, горячъ сердцемъ и сердитъ дотого, что учуетъ въ себѣ крюкъ—сейчасъ рваться да метаться. Другой влѣпитъ въ бокъ, третій, четвертый, онъ всю надежду на себя кладетъ, все мечется: всю шкуру на себѣ обдеретъ и уйдетъ дальше, а неволи не хочется. Поймаемъ его, положимъ сазана въ лодку — онъ прыгаетъ, стукаетъ, выколачиваетъ доски, которыми прикрываемъ. Видитъ въ прорѣзи нору, а черезъ нее свѣтъ—мечется туда и выпрыгиваетъ. Недоглядишь—рѣшишься цѣлой половины: придумали затягивать прорѣзь сѣткой. Дай его силу бѣлугѣ, съ ней никакого бы сладу не было. Икры съ крупнымъ паюсомъ, самой наилучшей, господамъ не видать бы было никогда ни единаго зерпышка. Впрочемъ осетръ да севрюга ходятъ тоже съ хорошей икрой, и тоже за то, что любятъ по мутной водѣ катиться, на крючья попадаютъ. Когда вода свѣтла, рыба идетъ меньше, видитъ крюкъ—остерегается, проходитъ выше на другіе промысла.

— Лѣтомъ (іюнь, іюль, августъ) очень мало ловится: рыбъ сорокъ въ день, т. е. ничего по-нашему; тогда глухая пора, и рабочихъ остается мало. Съ сентября опять пошли севрюги, осетры, бѣлуги, шипы; но ужъ не стадомъ какъ въ бѣлякъ. Съ октября по февраль идутъ судакъ, хашамъ (вродѣ судака), лосось, кутумъ (мелкая рыба), шамай, сомы. Февраль передъ бѣлякомъ опять глухое время.

— Въ теплое время, въ ясный день, меньше ловятся сомы, въ холодную идутъ повадливѣе. Вотъ у насъ теперь сомовый громъ настоящій. Когда ребята-то баню-то топили? съ недѣлю назадъ (т. е. 10-го декабря)—вотъ тогда и началась громка. Поѣзжайте на Банку, поглядите!

Поспѣшили мы и на Банку, за 12 верстъ отъ Божьяго Промысла, на то мѣсто, гдѣ уже чуется взморье, гдѣ выстроилось уже довольно порядочное селеніе. Тутъ промысловыя заведенія; тутъ же и сомовій громъ, производимый тѣми счастливцами, которые воспользовались правомъ бани, разрѣшаемымъ рабочимъ только одинъ разъ въ годъ.

Сорокъ лодокъ съ непремѣнной чугункой и горячими углями, съ осьмидесятью рабочими (по два на лодкѣ), какъ мухи унизали весь не широкій главный рукавъ Куры, и возятся на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагаютъ яму, а въ ямѣ сома. Сомъ убѣжалъ изъ холодной морской воды на зимніе мѣсяцы, хотя въ этой половинѣ Каспійское море и не замерзаетъ во всю зиму. Спасаясь отъ холодной воды за неимѣніемъ накожной чешуйчатой защиты («сомъ безъ салопа живетъ», какъ объяснялъ разсказчикъ), этотъ сортъ

рыбы, встрѣчая и въ рѣкѣ холодную воду, обыкновенно опускается на низъ, въ теплое мѣсто, и ложится въ яму. Положеніе такихъ ямъ хорошо извѣстно, особеннымъ людямъ, называемымъ на здѣшнемъ промысловомъ языкѣ тамадами.

Тамада указываетъ кормщику мѣсто, гдѣ залегли сомы; кормщикъ обязанъ умѣть править рулемъ и заѣзжать впередъ именно настолько, чтобы выброшенная сѣть съ грузилами (съ свинцовыми барбелками) на низу прямо угодила въ яму. Весельщики бросаютъ весла и берутся за верхнія веревки и сѣти, называемыя подзорами, такъ, что одинъ конецъ подзора на одной лодкѣ, другой конецъ въ рукахъ весельщика на другой. Выметавши сѣть, лодки разъѣзжаются въ разныя стороны: сѣть, въ длину саженъ на 12—15, всплываетъ всей своей хребтиной надъ рѣчной ямой. Сомъ лежитъ тамъ и не чуетъ. Чутокъ сомъ на крикъ и стукъ па водѣ; заслышавши его, поднимается, особенно когда по сальянскому обычаю начнутъ крупно говорить, громко кричать, орать пѣсни или по волжскому хлопать веслами по водѣ, колотить по бортамъ лодокъ, спускающихся по теченію. Испуганный сомъ встаетъ изъ ямы и попадаетъ въ сѣть, про него насеную и прямо на дорогѣ ему поставленную. Тогда обѣ лодки начинаютъ сѣзжаться, вытягивать сѣть, и съ ней и съ сомами въ ней налаживаются къ берегу. На берегу сома чекушатъ, т. е. убиваютъ, ударяя по головѣ палкой. Зимой на холоду сомъ не такъ боекъ, какъ лѣтомъ (какъ и всякая другая рыба), но жарковскій сомъ не такъ и соблазнителенъ для хозяевъ: лѣтній не держитъ соли, и потому, расплатившись только клеемъ, онъ выбрасывается на пищу чайкамъ и другой плотоядной рыбѣ (опять тѣмъ же сомамъ).

— Море стало мелче, уходитъ къ востоку (увѣрялъ насъ русскій тамада, двадцать лѣтъ не покидающій закавказскіе рыбные промыслы). Прежде бывали ямы въ Курѣ саженъ 18—20 глубины, теперь въ тѣхъ же ямахъ не будетъ и 10. На моихъ глазахъ, въ семь лѣтъ ушло море верстъ на 10 на 12: при опекѣ было оно отъ ватаги этой верстахъ въ 3—4-хъ. Въ примѣту намъ, какъ и дѣло-то это бываетъ: открывается мель, станетъ на нее песку набрасывать. На четвертый годъ тутъ камышъ завяжется, а на седьмой, гляжу—сквозь камышъ-отъ этотъ и пролѣзть никакъ невозможно.

— Стало меньше ямъ, сдѣлались онѣ мелче: стало и сомовъ вылавливаться не такое количество. Началъ сомъ искать теплыхъ глубинъ въ морѣ и тамъ ложиться. Яма—это гнѣздо для него, надо такъ сказать. Прежде бывали такія ямы, что изъ одной двадцать тысячъ штукъ вынимали и выѣзжали громить по два раза на день. Ныньче и одинъ разъ такъ въ пору; изъ иной ямы ничего не вытянешь. Однако, двѣсти штукъ въ день мало. Въ 1858 году въ одинъ день выловили 24 тысячи штукъ: всѣ руки вывертѣли, а успѣли и приготовить, и продать. Ныньче хорошій ловъ, когда во всю громку тысячъ 28—30 добудешь. При опекѣ вытаскивали тысячъ 120—140—150; а въ сому-то два пуда, въ большомъ и всѣ пять пудовъ будутъ. Маленькій-то сомъ повкуснѣе: его наши рабочіе ѣдятъ и присмакиваютъ.

— Не такъ давно вытащили бѣлугу въ 35 пудовъ! Одной икры два

ушата вышло, да тѣло за 25 рублей продали: и стоила вся бѣлуга пятьдесятъ рублей.

Несправедливы слухи, что рыба въ добычѣ уменьшилась, утверждаетъ самъ хозяинъ промысла. Рѣка мелѣетъ, сомовъ стало меньше, но другіе сорта рыбъ все въ томъ же количествѣ. Лососей въ настоящее время ловится даже больше противъ прежнихъ годовъ. Здѣшняя лососина цвѣтомъ блѣднѣе и вкусомъ хуже; шамая несравненно хуже той, которая вылавливается въ Терекѣ, подъ Моздокомъ. Всякой рыбѣ своя вода. Въ куринской водѣ всякая рыба становится вкуснѣе волжской, но самою лучшею рыбою сдѣлалась севрюга—и прославилась.

Бойня рыбы. Рыбу пластаютъ съ ловкостью артистовъ, одни: выливаютъ мѣшокъ съ икрой въ ведро; вытягиваютъ изъ спины становой хребетъ—вязигу; легко и быстро вырѣзаютъ изъ-подъ икрянаго мѣшка другой, блѣдно-матовый пузырь, который по просушкѣ окажется знаменитымъ рыбнымъ клеемъ: въ десять минутъ самая большая рыба готова; глаза съ большимъ трудомъ поспѣваютъ слѣдить за руками мастера. Икру протираютъ другіе сквозь веревочный грохотъ прямо въ чанъ; на ситѣ остается икорная пленка — пробойка, то вредное вещество, которое, попадая въ посоленную, приготовленую икру кусочками, скоро загниваетъ тамъ и портитъ ее прежде времени. Пробойку, при маломъ уловѣ, бросаютъ сквозь скважин плота прямо въ воду, гдѣ уже ждутъ ее цѣлыя сомовыя стада, и тысячи чаекъ, постоянно жительствующія на Курѣ, около завода. При большомъ уловѣ, эту пробойку солятъ и отправляютъ въ Астрахань на продажу *). Солятъ рыбу третьи рабочіе въ бунтахъ, пластами, плохо промытой грязнаго вида солью (икру солятъ въ тузлукѣ — соляномъ растворѣ), когда уже каждой части дано назначеніе. Отрѣзанная отдѣльно осетровая и севрюжья спинка, подъ именемъ балыка, поступитъ на вѣшала, гдѣ провѣтрится и завянетъ на солнышкѣ. Спинка же, отрѣзанная вмѣстѣ съ боками, предварительно просоленая и потомъ на солнцѣ провяленая, уходитъ въ продажу, подъ именемъ тёшки, даже до глубины грязныхъ прилавковъ далекихъ петербургскихъ лавочекъ. Чернорабочіе крючьями принимаютъ на плотъ рыбу изъ лодокъ; нѣсколько разъ безъ всякой причины хватаютъ ее баграми то тамъ, то сямъ ради какого-то удальства; не удается багромъ, толкаютъ къ мастерамъ ногами, мнутъ немилостиво. Чистотой плотъ на Божьемъ Промыслѣ не похвалится: подъ шумокъ грязной работы, загрязнили его и тѣмъ, чѣмъ бы совсѣмъ грязнить не слѣдовало.

Рабочіе. Русскіе нанимаются сюда всякаго сорта и званія люди. Сальянскіе промысла представляютъ въ этомъ отношеніи диковинную смѣсь людей разнаго быта и рода занятій: тутъ есть и купеческіе сыновья, спустившіе все до нитки изъ нажитаго отцовскаго; тутъ попадаются и чиновники, неудачно выстоявшіе свой терминъ въ Москвѣ у Иверской и кое-какъ добравшіеся до

---

*) Жареную и вареную очень любятъ рабочіе и говорятъ, что штука превкусная. Главный барышъ свой видитъ откупъ на предметахъ роскоши: на икрѣ, клеѣ и вязигѣ, а не на соленой и дешевой рыбѣ, хотя бы она и расходилась въ великомъ множествѣ.

Нижняго и до Волги; тутъ и поляки, и даже замѣшалось двое французовъ, изъ которыхъ одинъ взялся стряпать кушанья и учить хозяина говорить по-французски. Все народъ тёртый, отпѣтый; все тѣ хорошіе люди, которые занимаютъ главное звено въ промысловой цѣпи и съ честью носятъ и съ достоинствомъ поддерживаютъ прославленное на каспійскихъ водахъ прозвище сальянцевъ. Такихъ людей уже не берутъ нигдѣ, и даже на астраханскихъ водахъ предпочитаютъ обходиться кѣмъ-нибудь попроще и понакладчивѣе. Сальянцы считаются проходимцами; у этихъ искателей приключеній осталось мало завѣтнаго. Таково меньшинство, сильное, впрочемъ, нравственной силой и вліяніемъ. Два года жизни между такими людьми дѣлаютъ по большей части то, что многіе и изъ остальнаго большинства успѣваютъ осальяниться, т. е. сдѣлаться тоже никуда негодными.

Вотъ сальянцы отдыхаютъ, празднуютъ праздникъ Николы, о которомъ даютъ намъ знать и флаги, развѣвающіеся на шестахъ по вышкамъ. На Божьемъ Промыслѣ самъ его хозяинъ содержитъ кабакъ, облагороженный туземнымъ прозвищемъ духана. Противъ кабака площадка; на площадкѣ кучи народа, и все пьянаго. Пьютъ, говорятъ, на этотъ разъ бондари: очередь ихъ; во время «бѣляка» станутъ пить круче всѣхъ икряники, а слѣдомъ за ними и вся честная компанія сходцевъ изъ многихъ губерній великой Россіи.

— Бондари пьютъ сердито, предупреждаютъ насъ: потому что они получаютъ больше всѣхъ, свыше ста рублей (кто 120, а кто и всѣ 140 рублей); главные мастера—200. А у насъ, на Сальянахъ, сколько кто получаетъ, столько тотъ и пропиваетъ: деньги ходятъ объ руку съ водкой. Вотъ поглядите!

Передъ нами рваный и щипаный мужиченко, у котораго весь полушубченко сбился двумя горбами на плечахъ, безтолково и круто ругается, и все въ сторону главнаго и лучшаго на заводѣ дома. Дико онъ водитъ глазами, и ничего уже не видитъ и знать не хочетъ: самъ онъ ничего не слышитъ, и никто не чувствуетъ и его самого. Никто не уйметъ, не спрячетъ: самимъ не до того.

Двое другихъ съумѣли столковаться между собою, но не совсѣмъ. Одинъ хвалитъ хозяина: «намъ эдакаго другого и не нажить» (и ругань); намъ его угожденій не надо, а праздниковъ онъ у насъ не отымай (и опять ругань, что горохъ на сковороду); намъ его благодарить нечего (и пьяный повалился рядомъ съ товарищемъ на землю)...

Четверо затянули пѣсню—не склеплось у нихъ: это пятаго привело въ досаду и озлобленіе: онъ плечами и локтями растолкалъ толпу, вышелъ впередъ—оказался солдатъ съ кирпичнымъ лицомъ и съ глазами, которые на этотъ разъ во всѣхъ видятъ враговъ и негодяевъ. Солдатъ наладилъ развеселую малороссійскую и, затушевавши хохлацкій выговоръ москальскимъ способомъ, вызвездилъ шаловливую пѣсню на общій смѣхъ, который перешелъ подъ-конецъ въ ржанье. Хохлацкая пѣсня не разожгла; русскія не наладились: такъ и бросили, и опять безтолково и безхарактерно затолкалась эта пьяная кучка людей, на площадкѣ передъ духаномъ. Рамкой для картины служили рабочіе изъ мусульманъ, выдѣлившіеся въ сторонку и, словно телята, справлявшіе

бездѣльемъ русскій праздникъ и свой нерабочій день. Стоятъ мусульмане и слушаютъ смѣлыя и острыя рѣчи русскихъ про промысловое житье и промысловаго хозяина; стоятъ кучками и смотрятъ, какъ у нашихъ ходитъ душа на распашку и проситъ вино душу посторониться, чтобъ не облить. Гудитъ винное зелье въ однихъ счастливыхъ; стоятъ въ рамкѣ другіе русскіе, пропившіе деньги стараго разсчета и еще не получившіе новаго; стоятъ эти несчастные и ждутъ, когда господа бондари вдосталь настоятся, наподчуются— попретитъ имъ вино, не полѣзетъ въ глотку, польется, мимо рта, на землю, и они поподчуютъ: поподчуютъ непремѣнно. Пьянство будетъ всеобщее, судя по началу и по примѣтамъ.

— Много пьютъ русскіе люди?- -спрашиваемъ мы у зрителей изъ татаръ.

— Много, шибко много.

— И всегда такъ пьютъ?

— Вотъ еще въ Ильинъ день пьютъ, шибко пьютъ.

Пьютъ еще шибко передъ новымъ годомъ, когда получаютъ задатки впередъ; пьютъ дотого, что не оставляютъ за душой ни копейки, кромѣ новаго долга, и даютъ всей этой ерундѣ такой колоритъ, что, принимая отъ хозяина деньги одной рукой въ конторѣ, другой отдаютъ ему же назадъ въ духанѣ, съ уменьшеніемъ размѣннаго курса. Но какъ ни дурны русскіе рабочіе на здѣшнемъ рыбномъ промыслѣ, ихъ все-таки предпочитаютъ татарамъ.

Наборъ настоящихъ людей, честныхъ рабочихъ всегда былъ труденъ, а теперь сталъ и еще труднѣе. На этотъ конецъ, надо было откупу измыслить разныя новыя средства, найти новые пути, отыскать и пріурочить такихъ людей, которые могли бы и дѣло дѣлать. Нашлись и такіе люди; проторили они и свѣжія дороги прямо туда, откуда охотливѣе идетъ народъ на каспійскія рыбныя ватаги. Для этого имѣется цѣлая губернія. Губернія эта—Пензенская, по преимуществу черноземная, даже и въ гербѣ своемъ имѣющая снопы хлѣба; губернія крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ возможность жить широко, богато и весело. И, конечно, не отъ собственныхъ богатствъ и веселой жизни издавна пензяки имѣютъ свои отхожіе промыслà, направляющіе ихъ прямымъ путемъ на Саратовъ и Волгу, а по ней и на астраханскія ватаги и на сальянскіе промысла. Кромѣ пензяковъ приходятъ сюда и рязанцы, и тверяки, и даже казанскіе татаре. Всѣмъ имъ пріемъ и готовое мѣсто; для лучшихъ изъ нихъ извѣстные подходы.

Ловкій сальянскій прикащикъ ѣдетъ на мѣсто въ деревню. Тамъ прежде всѣхъ спознается со старостой; съ головой уклонной и сердцемъ покорнымъ ладитъ съ этимъ человѣкомъ знакомство, побратимство. Съ податливымъ долго не возится. Недоимка нетолько по волости, но и по деревнѣ одной въ пензенскихъ мѣстахъ дѣло давнее и обычное: старостѣ остается только назначить: «вотъ-де бери билетъ и задатокъ, и ступай въ Астрахань.» Рабочій радъ, что нашелъ окно, въ которое вылѣзти ловко; старшина доволенъ, что честно отблагодарилъ наѣзжаго побратима за подарки. Изъ Астрахани откупъ везетъ наймитовъ на собственныхъ судахъ прямо на Божій Промыселъ, въ мѣсто приспособленное и приготовленное. Здѣсь новику стараются сначала

задавать больше денегъ, потому что по опыту—рѣдкіе изъ свѣжихъ людей въ состояніи прожить на тяжелыхъ и несвычныхъ работахъ больше году. Остаются только тѣ, которымъ посчастливитъ чистая работа: забойщики, икряники, бондари и пр.

Заручивши новика задаткомъ, откупъ предоставляетъ ему полную волю свыкаться съ промысловыми порядками: для угрѣвы и пристанища предлагаетъ казармы (одну для женатыхъ, другую для холостыхъ): обѣ заветшалыя съ потеками съ крышъ, съ сквознымъ вѣтромъ изъ щелей и оконъ; казармы грязныя, старыя, по зимамъ нестерпимо холодныя. Для защиты отъ дождя и холода предлагаютъ готовый товаръ въ лавкахъ безъ денегъ, въ долгъ, на книжку. Для пропитанія выдается круглый годъ рыба; о мясѣ нѣтъ помину ни въ контрактныхъ условіяхъ, ни на самомъ дѣлѣ; за него долженъ править службу несокрушимый и неизмѣнный судакъ *). На волѣ рабочаго—ѣсть въ сухомятку и въ одиночку, питаться приваркомъ въ артельномъ котлѣ, придерживаясь товарищей по занятіямъ: икрянику съ икряниками, бондарю съ бондарями и пр. Откупъ, для ѣды и для показанія времени обѣда, часовъ 12-ть, и ужина, около солнечнаго заката, звонитъ въ колоколъ — по старому казенному заведенію, «рынду бьетъ». Тогда и работамъ шабашъ, если время не горячее, не «бѣлякъ», когда приводится работать напролетъ цѣлыя ночи. По рындѣ идетъ спать чернорабочій, мастеровые — идутъ въ казармы, когда кончатъ работу.

Новички несокрушимо спятъ; бывалые и тертые на это не согласны. У нихъ сдѣлана повадка на другое, для чего не положено никакихъ препонъ: въ казармахъ идетъ сильная карточная игра, особенно между холостыми. Играютъ и въ завѣтные три листка или подкаретную; выучились и грузинской цхрѣ со счетомъ свыше семи до девяти **). Здѣсь въ промысловыхъ казармахъ азартная игра имѣетъ форму заразы. Проигрывается все, отъ полушубка до онучки, по пословицѣ: «рубль и тулупъ и шапка въ гору». О сальянской игрѣ далеко ушла слава; знаютъ объ ней въ самыхъ дальнихъ ватагахъ, чувствуютъ ее въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ губерній Рязанской и Пензенской. Въ особенности же она, говорятъ, сильно дѣйствуетъ на неопытныхъ, вновь пришедшихъ сюда: холостежь — всѣ игроки; изъ женатыхъ очень мало.

Новичекъ обыкновенно въ первый годъ по приходѣ на промыслы сберегаетъ деньги, копитъ ихъ, прячетъ въ онучки, носитъ крѣпко зашитыми на крестѣ. Крѣпыши изъ нихъ идутъ на одинъ соблазнъ: они видятъ безалаберную казарменную жизнь, спутанную азартной игрой, съ одной стороны, и пропойствомъ, съ другой, а слѣдомъ затѣмъ вѣчную нужду въ деньгахъ, неустанныя хлопоты о томъ, чтобы раздобыть ихъ во что бы то ни стало и

---

*) Получающіе большее жалованье столуются вмѣстѣ (какъ напр., бондари), и тогда питаются мясомъ, покупая его въ сосѣднихъ мусульманскихъ деревняхъ.

**) Цхра по-грузински девять.

за что бы то ни случилось, неизбывную тоску и непритворное отчаяніе, когда не на что отыграться и нечѣмъ опохмелиться. При видѣ такихъ, доселѣ невѣдомыхъ, неслыханныхъ и невиданныхъ людскихъ злоключеній —новичекъ развязываетъ онучки и подаетъ помощь. Его выучиваютъ, какъ дѣйствовать по промысловому настоящему закону: крѣпышу не мудрено сдѣлаться ростовщикомъ и появленіемъ своимъ поселить новое зло въ казармѣ. Изъ ростовщика безъ труда вырождается закладчикъ; проценты безъ церемоніи рубль на рубль, подъ закладъ — сапоги и шапку, хотя бы даже и крѣпко поношенные, полушубокъ и фуфайку — словомъ все, чѣмъ въ состояніи снабжать промысловая контора. Бережливый, на пущее счастье свое, на общее злое горе, вскорѣ становится между товарищами лицомъ важнымъ, занимаетъ выгодное и почетное мѣсто, которое навѣрное не потеряетъ онъ и тогда, когда вернется на родину, въ свою деревню, съ добрыми задатками на хорошаго міроѣда.

Рѣдко возвращаются на родину только тѣ изъ новыхъ промысловыхъ рабочихъ, у которыхъ не такъ крѣпко припечатаны деревенскіе приказы и наказы. Года въ два рѣдкій изъ такихъ не осальянится. О срокѣ билета онъ забываетъ; выпрашиваетъ у хозяина новаго одолженія въ отсрочкѣ. Бережоное промоталъ: въ новый долгъ вошелъ, затянулся; забрался вещами, затянулся деньгами. Получилъ новый полушубокъ въ задатокъ, крѣпко захотѣлось вина; пришелъ въ казарму, снялъ полушубокъ или сапоги, поднялъ ихъ на рукахъ:

— Кому нужно?

— А что стоитъ?

— Давай два рубля.

Въ результатѣ отъ пьянства, нерѣдкость — появленіе въ госпиталяхъ больныхъ пьяной горячкой (delirium tremens); отъ пропойства и лишенія посильныхъ вещей — лихорадки разныхъ видовъ, даже въ зимнее время, и нерѣдкіе ревматизмы. Въ тоже время на сырыхъ работахъ, при недостаткѣ питательной мясной пищи, при лишеніяхъ даже такой, какова въ здѣшнихъ мѣстахъ вкусная баранина, всегда готовъ для сырыхъ и грязныхъ рабочихъ казармъ неизбывный гость—цынга костоломная. По количеству жертвъ, скорбуту, послѣ обычныхъ лихорадокъ, принадлежитъ на промыслахъ второе мѣсто (на третьемъ стоятъ болѣзни ревматическія). Между тѣмъ, госпиталь малъ, средства его весьма скудны. Вино является цѣлебнымъ подспорьемъ при всякаго рода лишеніяхъ, а между прочимъ и при такихъ тяжелыхъ работахъ, которыя задаются роскошно-богатыми рыбными промыслами, и при обязательствѣ находиться постоянно въ мокротѣ и сырости, отъ которыхъ не убeрегаютъ ни кожаные сапоги, ни кожаные полушубки, ни кожаные фартуки. Но винить ли рабочихъ за пьянство? На промыслѣ для всѣхъ безвыходная тоска, на каковую жалуются всѣ до единаго, нетолько рабочіе, но и чиновники и духовные, среди тоскливо налаженной и однообразной жизни рабочаго люда. Подручное удовольствіе—охота на птицу—строго запрещается,

чтобы не пугать стукомъ выстрѣловъ рыбы *). Кромѣ кабака, для рабочаго люда никакихъ другихъ удовольствій не предлагается. Къ нему удалось прибавить имъ только карты, за которыми неизбѣжно послѣдовали и другіе пороки: частое воровство между своимъ братомъ въ казармахъ и передача хозяйскаго добра за промысловую ограду.

ШЕЛКОВОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ НА ВОСТОКѢ ЗАКАВКАЗСКАГО КРАЯ.

Многіе изъ читателей, вѣроятно, слышали или читали, что въ Закавказскомъ Краѣ очень много добывается шелку; иные, можетъ быть, слышали, что въ одну Москву ежегодно оттуда вывозятъ его отъ 25 до 30 т. пуд.

При этой цифрѣ, не знакомый съ производительностью того края вообразитъ, что всюду тамъ занимаются шелководствомъ; но это не совсѣмъ справедливо, потому что Эриванская губ. почти вовсе его не производитъ или очень не много; Тифлисская очень мало,—въ Сигнагскомъ и Телавскомъ уѣздахъ; въ Кутаисской губ. лишь одна западная часть, съ Гуріей и Мингреліей, производитъ порядочное количество шелка; наибольшее же количество его производятъ уѣзды Шемахинскій, Нухинскій (Бакинской губерніи) и Шушинскій (Елисаветп. губ.); весь шелкъ, доставляемый ежегодно изъ Закавказскаго Края въ Москву, производится этими тремя уѣздами, между ними Нухинскій уѣздъ одинъ производитъ половину сказаннаго количества, т. е. до 15 т. пуд.

Но, хотя въ Закавказскомъ краѣ шелкъ производится въ замѣчательномъ количествѣ, къ сожалѣнію, несмотря на многія хорошія естественныя качества, его достоинство незавидное.

Не безъинтересно познакомиться съ пріемами производителей, живущихъ въ восточныхъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края, т. е. а) воздѣлываніемъ тутоваго дерева на кормъ червямъ, б) уходомъ за шелковичными червями, в) размоткою коконовъ и г) издѣліями.

Воздѣлываніе тутоваго дерева на кормъ червямъ.

Тутовыя деревья для прокормленія червей, въ восточныхъ провинціяхъ Закавказскаго Края, разсаживаются особеннымъ образомъ, нигдѣ болѣе не употребляемымъ. Эти плантаціи слѣдовало бы назвать пастбищами для червей; и онѣ дѣйствительно имѣютъ на тамошнемъ нарѣчіи особенное названіе—тохмачаръ. Стоя на возвышеніи, глазъ не завидитъ и слѣда какого-либо дерева,—ему представится ярко-зеленый, заросшій какъ-бы густою травою лугъ.

---

*) Позволяютъ рабочимъ потѣшиться стрѣльбой только разъ въ годъ —въ Крещенье.

Воздѣлываніе тутоваго листа на кормъ червямъ нигдѣ, нетолько въ Европѣ, не исключая ни Италіи, ни Франціи, но, если можно сказать, даже во всемъ мірѣ, не производится раціональнѣе какъ тамъ, но стоитъ не малыхъ трудовъ.

Грунтъ земли въ особенности въ самомъ г. Нухѣ и его окрестностяхъ, состоитъ изъ жесткаго ила, смѣшаннаго съ хрящемъ. Въ тамошней мѣстности всякій клочекъ земли, наималѣйшая загородка подведены подъ общую нивеллировку; каждый хозяинъ пользуется урочнымъ временемъ, впродолженіе котораго струя воды орошаетъ его участокъ; онъ заботится о напущеніи ея такъ, чтобы она достаточно натекала вездѣ, гдѣ нужно; всѣ жители, привыкшіе къ тому съ малолѣтства, управляютъ этимъ дѣломъ съ неимовѣрнымъ искусствомъ.

Молодой тутовникъ разсаживается по шнурку, линія отъ линіи въ 1 арш. разстоянія, а другъ отъ друга на 6 верш. и менѣе; при посадкѣ земля сильно удобряется хорошо перегнившимъ навозомъ, а потомъ унавоживается по частямъ, поочередно, каждые три года непремѣнно; безъ этого деревья пропадаютъ; съ перваго взгляда видно, какой участокъ достаточно, какой недостаточно былъ удобренъ: зато прозябаніе подлинно изумительно!

Всѣ боковые побѣги уничтожаются; когда дерево немного выше полутора аршина, излишекъ срѣзываютъ; современемъ на маковкѣ образуется нѣчто похожее на маленькій кочанъ; изъ этого кочана выходитъ множество побѣговъ, которые превращаются въ предлинные прутья, достигающіе арш 4 и болѣе длины; эти-то прутья, срѣзанные цѣликомъ, идутъ въ кормъ червямъ.

Понятно, что при такой разсадкѣ деревья не толстѣютъ; самое крупное изъ нихъ не всегда достигаетъ 2 вер. въ діаметрѣ; зато количество замѣняетъ объемъ. Рѣдкій хозяинъ не имѣетъ тохмачары, содержащей отъ 6 до 10 т. штукъ деревъ. На деревцахъ въ тохмачарѣ никогда не видно ни малѣйшаго страдальческаго знака; коль скоро явится гдѣ мохъ или клейная слеза,—это вѣрный знакъ небрежнаго ухода за деревцомъ или его старости.

Живутъ деревья въ тохмачарахъ довольно долго—отъ 25 до 30 лѣтъ. Тохмачары по большей части разводятся исподоволь, возобновляются, когда ветхость одолѣваетъ перво-разсаженныя линіи,—прибавляютъ столько новыхъ рядовъ, сколько хотятъ истребить съ противоположной стороны старыхъ; такимъ образомъ тохмачарамъ никогда перевода нѣтъ. Ихъ содержатъ постоянно въ такомъ положеніи, чтобы было чѣмъ занять всѣхъ членовъ семейства, во время кормленія червей, съ небольшимъ излишкомъ, дабы одна часть насажденія поочередно отдыхала.

Деревца въ тохмачарѣ не приносятъ ягодъ, и это не маловажная выгода; когда поневолѣ приходится давать въ кормъ червямъ листъ вмѣстѣ съ полуспѣлыми ягодами, то отъ накопленія ягодъ, даже и въ небольшой слой, онѣ приходятъ въ броженіе скорѣе, чѣмъ листъ; такое броженіе сильнѣе распространяется и свойство его зловреднѣе для насѣкомыхъ.

Оголѣвшія маковки, нѣсколько дней послѣ срѣзанія съ нихъ прутьевъ, пускаютъ новые побѣги; недѣли чрезъ три все зазеленѣетъ вновь, а съ на-

ступленіемъ осени, прежде отпаденія листьевъ, прутья достигаютъ вышесказаннаго развитія.

Кормленіе червей.

Въ уѣздахъ Шемахинскомъ, Нухинскомъ и Шушинскомъ, почти вездѣ, въ каждомъ домѣ, за весьма малыми исключеніями, принадлежитъ ли онъ бѣдному или богатому владѣльцу, князю, беку или крестьянину, вездѣ ежегодно съ открытіемъ весны, занимаются кормленіемъ червей; это объясняетъ, какимъ образомъ добывается тамъ такое огромное количество шелка. Все даже приспособлено для этой цѣли. Сакля, въ особенности въ деревняхъ, непремѣнно занимаетъ средину тутовой плантаціи, которая ее опоясываетъ густозеленымъ оплотомъ; въ нижнемъ этажѣ ея живет семья; верхній этажъ, не очень высокій, изъ плетня, во все протяженіе ея, со сквозными дверями и съ боковыми оконницами, чтобы воздухъ былъ доступенъ со всѣхъ сторонъ, нарочно строится для помѣщенія червей.

Кормленіе и уходъ за червями составляютъ особенную заботу женскаго пола и всѣхъ тѣхъ изъ домашнихъ, отъ мала до велика, кто не выходитъ на тяжелыя полевыя работы; мужчины охотно помогаютъ женщинамъ на досугѣ, а въ крайней надобности оставляютъ для этого даже свои обычныя занятія.

Уходъ за червями для жителей того края не есть трудъ, несмотря на то, что въ иное время (напр. время, предшествующее восхожденію червей на вѣники) дня по 3-4 сряду, цѣлыя-таки сутки, или по крайней мѣрѣ часовъ 18—20 въ сутки, приходится постоять на ногахъ.

У иныхъ хозяевъ, въ томъ верхнемъ сараѣ устроены приземистые подмостки, вышиною въ $^1/_2$ арш., шириною отъ $1^1/_2$ до 2 арш., въ два, три и болѣе ряда, смотря по обширности помѣщенія, со свободными ходами вокругъ; на этихъ подмосткахъ разстилаются плетенки, а на плетенкахъ размѣщаются черви. Есть и такіе хозяева и, къ сожалѣнію, ихъ очень много, которые подмостковъ не имѣютъ, а размѣщаютъ червей просто на полу; есть и такіе, которые даже и плетенокъ не подстилаютъ.

Все попеченіе ухаживающей за червями хозяйки состоитъ въ томъ, чтобы задавать имъ кормъ въ достаточномъ количествѣ, и въ размѣщеніи ихъ на болѣе привольномъ пространствѣ, по мѣрѣ того, какъ съ ростомъ объемъ червей увеличивается и имъ становится тѣсно.

Кормъ достается вмѣстѣ съ прутьями, какъ мы уже сказали; это самый скорый и удобный способъ запасаться кормомъ; кромѣ быстроты, онъ имѣетъ ту безцѣнную выгоду, что не подвергаетъ деревья различнымъ истязаніямъ, неизбѣжнымъ даже при весьма акуратныхъ собирательницахъ листа, когда ихъ обрываютъ, какъ это дѣлается по большей части вездѣ; сбереженіе тутовыхъ деревъ—предметъ очень важный въ шелкопроизводительномъ промыслѣ

Срѣзанные прутья, начиная съ 3-го возраста, подаютъ червямъ цѣликомъ.

Ихъ раскладываютъ попеременно, то вдоль, то поперегъ, такъ чтобы вышли почти отдѣльные квадратики съ небольшими промежутками, въ коихъ становятъ въ свое время вѣники, связанные по тамошнему способу, чтобы черви, взошедшие на нихъ, свивали тамъ свои коконы.

Назначенные въ размотку коконы выставляются въ корзинкахъ на солнце. Въ 4-5 дней куколки замариваются на солнцѣ какъ нельзя лучше. Этотъ естественный способъ замариванія куколокъ въ коконахъ—наилучшій изъ всѣхъ, но онъ годенъ лишь тамъ, гдѣ солнечные лучи сильно дѣйствуютъ.

Съ 1828 года, когда швейцарецъ Кастелли первый внушилъ мысль объ улучшеніи шелководнаго промысла въ Закавказскомъ краѣ, а еще болѣе съ тѣхъ поръ, когда Высочайше утвержденное Общество въ 1836 г. для поощренія распространенія и улучшенія шелководства за Кавказомъ основало свои заведенія въ Нухѣ, въ урочищѣ, называемомъ Царь-Абадъ, очень много сдѣлано для введенія въ той странѣ улучшенныхъ породъ червей; для этой цѣли Общество выписывало яички шелковичныхъ червей прямо изъ Китая, Франціи, Италіи и откуда только возможно было, не щадя издержекъ. Речбары (особый классъ поселянъ), отданные правительствомъ въ вѣдѣніе Общества, числомъ до 600 семействъ, по настоянію управляющихъ, много успѣли по этой части; болѣе половины выкармливаемыхъ ими нынѣ червей происходитъ отъ яичекъ улучшенныхъ породъ; отъ нихъ эти породы мало по малу распространяются и по краю.

Лучшими коконами почитаются коконы бѣлые и желтые, происходящіе отъ разныхъ выписныхъ породъ и дающіе (круглымъ счетомъ) 1 ф. шелка отъ 12 фун. свѣжихъ или отъ 4 фун. сухихъ коконовъ. Такіе коконы извѣстны тамъ подъ названіемъ (1-го сорта) руссештъ-кирхра, (2-го сорта) бусурманъ-кирхра, (3-го сорта) бусурманъ-барама или просто бараа (коконъ). Есть впрочемъ и туземные отличные коконы, очень легко разматывающіеся, дающіе хорошій шелкъ и количествомъ и качествомъ.

Шелкомотаніе.

Женскій полъ вовсе не занимается размоткою шелка: это дѣло производится особеннымъ классомъ людей—шелкомотальщиками, которые лѣтомъ попарно переходятъ изъ деревни въ деревню, таская съ собой на вьюкѣ огромное мотовило въ сажень и болѣе въ поперечникѣ, съ мѣднымъ, закругленнымъ внизу, тазомъ, аршина въ полтора въ діаметрѣ.

У каждаго почти хозяина, если онъ не очень бѣденъ, стоитъ на дворѣ особенный навѣсъ, подъ которымъ устроена печка, а предъ печкою стоятъ два твердо вкопанныхъ въ землю столба.

Шелкомотальщики приходятъ, уговариваются и тотчасъ послѣ соглашенія становятъ мотовило въ гнѣздахъ, нарочно для того сдѣланныхъ въ столбахъ, вмазываютъ тазъ, наливаютъ воду, разводятъ огонь; все это дѣлается очень скоро, потому что мотовила и тазы вездѣ одного размѣра.

Почти никогда, или очень рѣдко, шелкомотальщики работаютъ за деньги: чаще всего берутъ за свои труды часть производимаго ими шелка; сверхъ того харчуются отъ хозяина, не иначе какъ по уговору, опредѣляющему, чѣмъ будутъ кормить. Шелкомотальщики не довольствуются сытными харчами, а требуютъ, чтобы они были роскошны.

У бѣднѣйшихъ изъ поселянъ нѣтъ устройства для шелкомотанья, они должны просить позволенія смотать свои коконы у тѣхъ, у кого есть все нужное для этого. Шелкомотальщики, зная, что у бѣдняка не разлакомятся, берутъ харчи деньгами и сами себя продовольствуютъ.

На каждое мотовило, какъ мы уже сказали, два шелкомотальщика. Съ того времени, какъ они приступятъ къ размоткѣ, огонь въ печкѣ не потухаетъ, пока всѣ коконы не превращены въ шелкъ; одинъ другого смѣняетъ въ работѣ, послѣ урочнаго времени денно и ночно: одинъ отдыхаетъ или спитъ, другой работаетъ.

Какъ скоро разогрѣваемая вода достигла нужной степени теплоты, шелкомотальщикъ помѣщается на высокомъ подмосткѣ съ правой стороны котла, садясь на лѣвую поджатую подъ себя ногу, по-азіатски; правая нога, спущенная, опирается на шестъ, висящій на желѣзной рукояткѣ мотовила; этою ногою онъ ворочаетъ мѣрно и не очень скоро огромное колесо, уносящее то по одной, то по двѣ шелковыя нити, образующія на немъ два мотка.

Опишемъ съ возможной послѣдовательностью порядокъ шелкомотанія на востокѣ Закавказскаго края.

Прежде всего шелкомотальщикъ подбавляетъ къ водѣ нѣсколько ковшей айрану *), взбалтываютъ его тамъ комшею (гладкая закругленная палка, съ выгибомъ, нѣсколько похожая на обыкновенный серпъ), чтобы онъ хорошо смѣшался съ водою, и вслѣдъ затѣмъ кидаетъ въ горячую эту смѣсь коконы горстями, на глазомѣръ; комшею же погружаетъ плавающіе коконы въ воду, чтобы они были ею проникнуты какъ можно скорѣе. И дѣйствительно, двѣ-три минуты спустя, волокна уже цѣпляются къ комшѣ; шелкомотальщикъ перехватываетъ въ лѣвую горсть приставшіе концы, отрываетъ ихъ и комшею вновь водитъ подъ коконами для захватыванія волоконъ отъ яловыхъ коконовъ (технич. терминъ, означающій коконъ, шелковина котораго еще не захвачена). Набравъ въ горсть значительное количество шелковинъ, почти со всѣхъ коконовъ, плавающихъ въ котлѣ, шелкомотальщикъ вкладываетъ комшу, правою рукою немного распутываетъ шелковины и, оторвавъ отъ лѣвой горсти глазомѣромъ шелковинъ съ 50 или 60, не трогаясь съ мѣста, проводитъ ихъ очень ловко и проворно, разными зигзагами, по проходамъ, на машинѣ устроеннымъ, прицѣпляетъ нить на мотовило на всемъ его ходу; по мѣрѣ

---

*) Айранъ—кислое молоко, разведенное водою; въ лѣтній зной туземцы пьютъ такую смѣсь, какъ прохладительное. При шелкомотаніи айранъ—необходимая принадлежность, его подливаютъ въ котелъ довольно часто. Какую роль играетъ айранъ — придаетъ ли онъ лучшій блескъ или содѣйствуетъ легчайшему отдѣленію шелковины, навѣрное сказать нельзя.

того, какъ шелковины или совсѣмъ до конца сойдутъ, или оторвутся недомотанными, шелкомотальщикъ добавляетъ къ ниткѣ новыя шелковины безъ счета, наобумъ; а какъ скоро въ лѣвой рукѣ не останется болѣе шелковинъ, мотальщикъ, не останавливаясь ни на минуту, достаетъ комшею новыя шелковины, передаетъ въ лѣвую руку и вновь отрываетъ и прибавляетъ ихъ въ идущую на мотовило нитку. Когда же число плавающихъ въ котлѣ коконовъ видимо уменьшится, мотальщикъ горстями подбавляетъ новые коконы и, не останавливаясь, продолжаетъ мотаніе, какъ сказано.

Какъ бы акуратно тамошнія хозяйки ни сдирали сдоръ съ коконовъ, все-таки не могутъ содрать его до-чиста, и нитка всякій разъ, когда подновляютъ коконы, идетъ въ мотокъ съ разными нечистотами; когда же шелковины съ верхней оболочки пройдутъ, шелкомотальщикъ отъ первой кучи шелковинъ, составляющихъ первую нитку, отрываетъ нѣсколько шелковинъ и съ другого крючка пускаетъ на мотовило вторую нитку, которая выходитъ и тоньше и чище; такимъ образомъ въ одинъ пріемъ образуются два мотка различнаго достоинства. Когда коконы хороши, первая нитка даетъ шелкъ № 2, а вторая № 1, т. е. втораго и перваго достоинства; если же не хороши, то изъ первой нитки выходитъ № 3, а изъ второй № 2.

Естественно, что такимъ образомъ въ 12 рабочихъ часовъ шелкомотальщикъ вырабатываетъ шелку вѣсомъ почти вдвое противъ того количества, какое добывается по европейскому способу.

Количество добываемаго шелка въ сутки двумя шелкомотальщиками, работающими попеременно и безостановочно то при солнечныхъ лучахъ, то при свѣтѣ лампады, похожей на малороссійскій каганецъ, иногда простирается до 5 фун. Если качество шелка азіатской размотки безъ всякаго сомнѣнія ниже шелка, размотаннаго по-европейски, то нельзя однакожъ не согласиться, что изъ одного количества коконовъ его выходитъ ощутительно болѣе, потому что на очистку коконовъ отъ сдора ничего не теряется: однѣ лишь оконечности шелковинъ, прихваченныя въ лѣвую горсть, откидываются въ охлопья; зато сравнительная цѣна весьма различна.

Шелкомотальщики проходятъ деревни подъ рядъ, гуртами; затопятъ ли гдѣ одну печь, вслѣдъ за ней всѣ печки, сколько бы ихъ ни было въ деревнѣ, запылаютъ.

Хозяева, обязанные волею или неволею щедро продовольствовать своихъ промышленныхъ гостей, имѣя въ виду близкую выручку за продажу шелка, сами рады случаю попировать и ничего не жалѣютъ.

Запасы изъ всякой всячины сдѣланы заблаговременно, все народонаселеніе въ сборѣ, пріѣзжаютъ родственники и близкіе знакомые изъ сосѣднихъ деревень, гуртовое производство наводитъ общее воодушевленіе, и на нѣсколько дней пиръ пошелъ горой!

День проходитъ въ разныхъ заботахъ, въ заготовленіи соразмѣрнаго количества коконовъ, воды, топлива, айрана и всего того, что нужно для безостановочнаго ночнаго производства; въ печеніи хлѣба и стряпнѣ для главной трапезы, которая у азіатцевъ всегда бываетъ вечеромъ.

Азіатская деревня, во время шелкомотанія, особенно если она расположена въ нагорномъ мѣстѣ, во тьмѣ ночной представляетъ весьма живописно-фантастическую картину: всюду видно множество мерцающихъ свѣтиленъ, обрисовывающихъ въ гигантскихъ размѣрахъ силуэты *) сидящихъ за работою шелкомотальщиковъ, будто парящихъ на черныхъ облакахъ; горнила печей, воспламеняющіяся и потухающія, освѣщаютъ эти группы то яркимъ, то тусклымъ заревомъ. Говоръ, смѣхъ, музыка, пѣсни, пляски до утренней зари не умолкаютъ: шелкомотальная пора для тамошнихъ жителей — сельскій праздникъ, то, что для насъ святки, а для итальянцевъ карнавалъ. Вотъ одна изъ причинъ, и чуть ли не одна изъ главныхъ, почему жители невнимательны къ предлагаемымъ имъ улучшеніямъ!

Шелководный промыслъ, такъ какъ онъ велся у нихъ до сихъ поръ, слишкомъ связанъ съ житейскимъ ихъ бытомъ, бытомъ нелишеннымъ поэзіи!

Нухинскій шелкъ считается въ этомъ краѣ однимъ изъ лучшихъ: его № 1-й и тониною, и чистотою отдѣлки подходитъ и даже очень часто къ шелкамъ европейскимъ.

Издѣлія.

Гор. Шемаха вмѣщаетъ много фабрикъ шелковыхъ издѣлій, съ нѣсколькими иногда десятками ткацкихъ станковъ; на нихъ не выдѣлывается дорогихъ узорчатыхъ или штофныхъ тканей, а производятся только гладкіе полосатые и клѣтчатые фуляры **), мови и канаусы, извѣстные въ торговлѣ съ выгодной стороны, по крѣпости своей и прочности красокъ.

Очень много шелковыхъ тканей для домашняго обихода приготовляется на дому; онѣ по большей части гладкія, простыя, но есть округи или деревни, въ которыхъ приготовляютъ особенныя издѣлія, нигдѣ болѣе не приготовляемыя; ихъ мало видно въ лавкахъ, онѣ расходятся прямо по рукамъ потребителей, заказывающихъ или пріѣзжающихъ нарочно туда для закупокъ ихъ; напр. не далеко отъ Нухи приготовляется ткань, имѣющая названіе, никогда не произносимое застѣнчивымъ поломъ, шальваръ: это квадратный кусокъ опредѣленнаго размѣра чрезвычайно плотной матеріи. Нухинскія щеголихи не носятъ иныхъ исподнихъ платьевъ, онѣ любятъ шорохъ, какой производитъ эта ткань во время ходьбы; этотъ шорохъ отличаетъ и подъ густою чадрою молодую дѣвицу отъ степенной и пожилой женщины. Мужчины употребляютъ «шальваръ» для верховой ѣзды, по причинѣ чрезвычайной его прочности.

---

*) Силуэтъ—профиль, начертанный съ тѣни лица.

**) Фуляръ—легкая ткань изъ шелку пополамъ съ хлопчатою бумагою.

РУССКІЕ СЕКТАНТЫ ЗА КАВКАЗОМЪ:

Духоборцы и молоканы, общіе, прыгуны и пр.

Духоборцы, молоканы, общіе, прыгуны и пр. съ 1835 года стали селиться въ Закавказскомъ краѣ. Для этого имъ назначены были города Нуха, Шемаха, Куба, Шуша, Ленкорань, Нахичевань, Ордубатъ, Ахалцыхскій и Тифлисскій уѣзды. Религіозной стороны вышепомянутыхъ сектантовъ коснемся отчасти, да и то только у молоканъ, духоборцевъ и прыгунковъ, численность которыхъ значительна на Кавказѣ. Интересующіеся подробностями этого вопроса прочтутъ въ журналѣ «Дѣло» и «Отеч. Зап.» за 1867 г. Путевыя замѣтки за Кавказомъ г. С. В. Максимова. Мы же изъ нихъ возьмемъ только нѣкоторыя мѣста.

Духоборцы и молоканы.

Закавказскій духоборецъ наружно не молится Богу. Утомленный дневными трудами въ извозѣ или въ полѣ, онъ также безъ молитвы ложится спать, и встаетъ съ постели на новыя работы безъ той же молитвы, хотя и знаетъ молитву Господню и символъ вѣры православной *).

Молоканъ—по завѣтному православному обычаю—всегда поутру и на ночь, за обѣдомъ и послѣ обѣда, остановится на одномъ мѣстѣ, сложитъ крестомъ на груди руки, сообразитъ въ умѣ слова знакомой молитвы и поклонится, куда приведется: на стѣнку, въ темное пространство избы—все равно.

Приходя въ собраніе, на соборную молитву, утромъ какого-либо праздничнаго дня, молоканъ ждетъ поученій, ожидаетъ навѣрное услышать толкованіе евангелія или какого-либо отдѣла изъ апостольскихъ посланій. По глубокому, суемудренному убѣжденію, что молитва заключена въ духѣ и что духъ этотъ совершенъ, духоборецъ, напротивъ, не ищетъ поученій, и толкованія евангелія исключилъ изъ своихъ собраній, увѣренный, что спасенье идетъ не по книгѣ и придетъ не отъ книги, а по духу и отъ духа. А потому и молятся духоборцы по-своему, всегда стараясь собраться нѣсколькими часами раньше молоканъ, въ просторную первую попавшуюся избу. Придетъ духоборецъ въ собраніе—скажетъ: «Славенъ Богъ прославися»,—«Велико имя Его по всей земли!» отвѣтятъ вошедшему собравшіеся. Всѣ сидятъ вдоль стѣны на лавкахъ: мужчины направо, женщины налѣво; одинъ въ переднемъ углу—заводчикъ. Онъ начинаетъ читать псаломъ, всѣ слушаютъ, прочтетъ онъ—

*) Знаменіе креста—говорятъ они—не кладемъ потому, что моленіе угодно Богу не черезъ руку, а черезъ мысль, духъ и слово.

другой начинаетъ свой и новый, а затѣмъ третій и т. д. до послѣдняго шестилѣтняго мальчика и отъ сѣдой старухи до малолѣтней дѣвочки. Никто уже изъ всѣхъ одного псалма повторить два раза не можетъ; всѣ разомъ, согласнымъ хоромъ поютъ затѣмъ одинъ псаломъ, поднявшись съ мѣстъ и совершая во время пѣнія духовное лобзаніе и поклоненіе живому лику божію, т. е. человѣку. Кланяются, взявшись за руки, къ плечу (а не къ лицу какъ водится у молоканъ). Поклонившись одинъ другому два раза, цалуются; послѣ цалованія опять поклонъ, третій. Только ребята обязаны старшимъ кланяться въ ноги и цаловать не уста, а руки ихъ. Женщины производятъ тѣ же лобзанія и поклоненія въ своемъ кругу, отдѣльно, не мѣшаясь съ мужчинами, какъ это дѣлаютъ молоканы, у которыхъ цалованіе съ женщинами главное отличіе въ собраніяхъ. По окончаніи обряда у духоборцевъ опять старикъ читаетъ псаломъ (не садясь, однако, на лавку); воздавъ «Богу нашему славу», заключаетъ молитвенное собраніе. Всѣ молившіеся теперь вправѣ толковать о деревенскихъ нуждахъ и общественныхъ подробностяхъ подъ шумокъ земляка-туляка-самовара. Такія собранія, по россійской памяти, бываютъ во всѣ большіе праздники: по три дня на святой недѣлѣ (старики, впрочемъ, не отстаютъ отъ семи дней), по три дня на Троицу, на Рождество Христово. По одному дню кладутъ на Илью-пророка, на Успеньевъ день, на три дня праздника Спаса, на Покровъ, на Крещеніе. Чтобы не отстать отъ коренныхъ русскихъ, на послѣдній Спасовъ день (16 августа) охотливо угощаются медомъ изъ закавказскихъ пчельниковъ, какъ нѣкогда лакомились имъ въ липовыхъ лѣсахъ подъ Тамбовомъ. Чтобы въ-конецъ не раздружиться съ лѣтними деревенскими обычаями, на св. недѣлѣ и въ Богоявленье ходятъ по деревнѣ, заходятъ въ дома большими толпами и поютъ псалмы на улицѣ и за столомъ въ избѣ. Молоканы каются во грѣхахъ передъ всѣмъ собраніемъ, кое-когда воздерживаются отъ излишней пищи, нѣкоторую снѣдь считаютъ запретною; у духоборцевъ нѣтъ поста, нѣтъ покаянія: духъ—говорятъ они—живущій въ насъ, очистилъ насъ отъ грѣховъ навсегда *). Потому и надъ умершимъ совершается ими только псаломное прощеніе, и въ дни похоронъ и въ годъ смерти псаломное воспоминаніе. Потому съ малыхъ лѣтъ, на постоянную надобность, духоборцы ребятъ своихъ учатъ читать псалмы, и ни одна мать не накормитъ хлѣбомъ, не дастъ ни груши, ни яблока, ни молочка сыну или дочкѣ, если они, умѣя лепетать, не скажутъ псалма.

И еще отличіе. Во взаимныхъ родственныхъ обращеніяхъ другъ къ ругу духоборцы заусловились новыми словами: отца называютъ старичкомъ, мать старушкой, жену стряпушкой и говорятъ: «у насъ одинъ отецъ—Богъ; одна мать—мать Пресвятая Богородица». Тѣмъ неменѣе, несмотря на слова, по-

---

*) О постѣ говорятъ духоборцы: «постъ имѣемъ—въ мысляхъ воздержаніе. Отыми, Господи, отъ устъ роптаніе и отъ рукъ убіеніе: отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ воздержи меня. Спаси Господи, помилуй благовѣрнаго царя, услыши молитву нашу.» Духоборческій постъ воздержаніе отъ объяденія, пьянства (sic) и всякой роскоши, удаленіе отъ игръ богопротивныхъ, плясокъ, пѣсенъ.

чтеніе къ родителямъ остается у нихъ во всей неприкосновенной силѣ своей.

У духоборцевъ существуетъ разводъ; но они рѣдко пользуются этимъ правомъ. Сами духоборцы говорятъ, что бракъ они имѣютъ, «который есть дѣло вѣчнаго блаженства: въ томъ и утверждаемся».

Прыгунки.

Прыгунками назвали ихъ за обрядъ пляски, которою они сопровождаютъ и оканчиваютъ свое моленіе. Основная часть его — молоканская, т. е. чтеніе евангелія и пѣніе псалмовъ, но пѣніе у прыгунковъ сопровождается пляской. Пляска идетъ, какъ придатокъ къ моленію, и притомъ полагается за главный обрядъ; псалмы не молоканскіе, но нарочно сочиненныя пѣсни (по большей части написанныя хореями).

Прыгунки совершаютъ обрядъ свой разъ въ недѣлю и всегда съ пятницы на субботу, вечеромъ, ближе къ полуночи. Особеннаго мѣста для сходбищъ не имѣютъ. Собираются и скачутъ тамъ, гдѣ удобнѣе скрываться отъ посторонняго любопытнаго глаза. Прыгаютъ и въ банѣ, если она хорошо обставлена надворными строеніями, — скачутъ и въ избѣ, но предварительно закрывши окна занавѣсами. Прыгаютъ въ подражаніе царю и пророку Давиду, который скакалъ и игралъ передъ кивотомъ завѣта.

Начинаютъ они пѣніемъ псалмовъ: и хорошо ихъ бываетъ слушать (говорили намъ). Чинно, отлично поютъ. Потомъ все дальше да больше и начнутъ всѣ ломаться да прыгать.

Начинаютъ пляску по возгласѣ коротенькаго стиха.

Скачутъ, ухватившись лѣвыми руками и оставляя правыя свободными для того, чтобъ приподнимать ихъ вверхъ и такимъ образомъ какъ-бы изображать подобіе возношенія на гору Сіонъ. Такъ скакать выучилъ Комаръ. До него прыгали какъ могли и какъ умѣли. Скачутъ до полнаго истощенія силъ, когда разбивается кругъ и наступаетъ то состояніе, когда истома во всемъ тѣлѣ валитъ молящихся на полъ. Тяжелое дыханіе и судороги въ конечностяхъ должны на этотъ разъ свидѣтельствовать о томъ, что въ молящагося входитъ духъ и своимъ наитіемъ наполняетъ все существо наэлектризованнаго религіознымъ изступленіемъ изувѣра.

При-этомъ одни прибавляютъ, что у нѣкоторыхъ экстазъ доходитъ до полнаго опьянѣнія: они лѣзутъ на стѣну, лазятъ по подоконьямъ, залѣзаютъ подъ печку, бѣгаютъ по скамьямъ, прыгаютъ по столамъ такъ, какъ трезвый, находящійся въ спокойномъ состояніи, человѣкъ сдѣлать не въ силахъ *). Другіе разсказываютъ, что прыгунки не скачутъ всѣ въ одной кучѣ, но что молодыя съ мужиками составляютъ одинъ кругъ—главный, а старухи пры-

---

*) Новички, говорятъ, прыгать по правиламъ не съумѣютъ.

— Одинъ такой-то плясалъ—плясалъ, да и бросился грудью на столъ. Его сейчасъ прыкрыли армякомъ, потомъ шубой и сверхъ сего соломой: еще-де не достигъ!

гаютъ съ боку, въ сторонкѣ значительно поодаль и въ общій кругъ не допускаются. Истощеніе силъ (и паденіе на полъ) естественнымъ образо̆мъ постигаетъ прежде всего женщинъ, и иногда въ такой сильной степени, что у многихъ подкатываются глаза подъ лобъ и изо рту бьетъ густая пѣна. Когда придутъ въ себя (разсказываютъ нѣкоторые), то начинаютъ говорить что взбредетъ въ голову: умѣлые люди—эти новые языки понимаютъ и толкуютъ всѣмъ, имѣющимъ уши слышать. Не умѣющіе понимать спрашиваютъ.

— Что̀ вы говорите? вздоръ говорите.

— Нѣтъ! намъ духъ открылъ этотъ даръ, а говоримъ оттого, что говоритъ въ насъ духъ.

— Да вѣдь вы не понимаете тѣхъ словъ, что сказываете? что это такое:

Нарве-стане-наризонъ,
Рами-стане-гаризонъ?

— Намъ откровеніе на это будетъ: станемъ понимать, когда духъ снизойдетъ.

Пляскѣ предшествуютъ и сопровождаютъ се особыя пѣсни. Всилу заповѣди, что «все, что̀ не изъ своего духа идетъ, то̀—не молитва», пѣсенъ, разъ навсегда сочиненныхъ, пѣтъ. Слова ихъ по-возможности разнообразятся въ безконечность.

Пѣсенъ очень не много: всѣ онѣ выходятъ изъ одной мысли: придержаться твердо за новую вѣру и постоять за Сіонъ, несмотря на гоненія.

Говорятъ, что большая часть скакуновскихъ пѣсенъ веселаго напѣва. Настоящія свои вѣрованія они тщательно и упорно скрываютъ. По наружному виду они—настоящіе молоканы, да и на самомъ дѣлѣ они не покидаютъ коренныхъ правилъ ученія Уклеина; они только измѣнили силу въ обрядѣ молитвенномъ, да ушли дальше въ томъ, что приписали себѣ способность вѣдѣнія духа и общенія съ нимъ, какъ дѣлаютъ это мормоны, спиритисты и другіе мистики.

При многочисленныхъ различіяхъ въ дѣлахъ вѣры и въ выборѣ путей къ душевному спасенію, у молоканъ всѣхъ толковъ имѣется много общихъ чертъ и крайнихъ подобій. Главное поразительное сходство въ томъ, что они опытные хозяева, они отличаются трезвымъ поведеніемъ, славятся стойкостью въ данномъ словѣ. Всѣ въ одно слово говорятъ, что на молоканъ всякій подрядчикъ можетъ смѣло положиться, не прибѣгая ни къ какимъ заручнымъ записямъ, ни къ какимъ письменнымъ документамъ. По одной накладной они возятъ рыбные товары въ Тифлисъ и устроили дѣло такъ, что извозъ всякаго рода въ Закавказьи остался на однѣхъ молоканскихъ, духоборческихъ рукахъ, несмотря на то, что съ ихъ примѣра азіаты стали покидать свои тяжелыя, скрипучія арбы и обзаводиться удобными и помѣстительными русскими телегами. Поднялись въ цѣнѣ и молоканскія рослыя и крѣпкія лошади, когда туземные хозяева нашли нужнымъ озаботиться улучшеніемъ конской породы, до сихъ поръ не приспособленной къ практической хозяйственной службѣ, которую правили за кавказскихъ лошадей верблюды, буйволы и даже

упрямые ишаки. Зажиточность молоканъ не подлежитъ сомнѣнію при ихъ бережливой и трезвой жизни, и существованіе между ними средней руки капиталовъ не есть простая сказка, несмотря на то, что при многихъ стѣсненіяхъ молоканскія деньги тратятся иногда на погашеніе грѣховъ сектаторства. Но зато эти же деньги, въ самый день срока, готовы у нихъ на платежъ податей и государственныхъ повинностей; за ними не ходятъ, податей не выколачиваютъ.

Основныхъ средствъ къ жизни молоканы, все-таки, главнымъ образомъ, ищутъ въ обработкѣ полей, въ земледѣліи. Извозъ, по русскому завѣдомому обычаю, является только какъ подспорье къ главному. Въ извозъ закавказскій русскій пускается только тогда, когда не требуетъ его поле, когда брошенное зерно вышло въ траву и еще не цвѣтетъ и не колосится. Совершись съ нимъ этотъ процессъ, молоканъ изъ дому не поднимется иначе, какъ за большую, высокую плату. Во всякое другое время (послѣ пахоты и косьбы) русскій человѣкъ охотно идетъ въ извозъ, хотя бы онъ и не представлялъ особенныхъ барышей: идетъ потому, что не хочетъ сидѣть безъ дѣла.

Мѣстное начальство хвалитъ въ молоканахъ, духоборцахъ и субботникахъ ихъ готовность къ исполненію всякихъ законныхъ требованій: земскую гоньбу они производятъ съ замѣчательною акуратностью, не прекословятъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда заявляется требованіе на такія дороги, которыя не зауслoвлены подрядомъ и контрактомъ. Быстро приготовляются лошади и телеги; съ покорностью относятся ямщики къ самому горячему и требовательному проѣзжему, и везутъ начальство даже по такимъ дорогамъ, которыхъ ни на какихъ картахъ не показано и не существуетъ на самомъ дѣлѣ (такъ напримѣръ, прямикомъ изъ Сальянъ въ Баку, вблизи морскаго берега).

Несомнѣнно одно, что между сектаторами нѣтъ никакихъ крупныхъ преступленій, а тѣмъ болѣе уголовныхъ, и эти люди ссылались въ Сибирь только за «распространеніе ереси, за совращеніе въ расколъ». Не скрываютъ они сами одного преступленія нѣкоторыхъ изъ своихъ, проступка пьянства, въ которомъ они видятъ для себя большое несчастіе, противъ вѣры своей преступленіе. Замотавшагося, съ кругу спившагося они уже не считаютъ своимъ и отъ него отступаются. Въ особенности грѣхъ этотъ сталъ замѣтенъ между тѣми молодыми ребятами, которые живутъ въ глухихъ степныхъ пустыняхъ на почтовыхъ станціяхъ и получаютъ отъ проѣзжихъ водку и «на водку» (молоканы выпрашиваютъ только на «чай», а женскій полъ «на кишмишъ»).

Чувствуя надобность въ грамотѣ для того, чтобы разумѣть писаніе, молоканы кое-какъ учатъ дѣтей только читать (писать умѣютъ рѣдкіе), то съ помощью грамотныхъ и досужихъ, то подъ руководствомъ случайно-разохотившагося грамотѣя, хотя бы даже и изъ православныхъ. Въ училища домовыя, не казенныя посылаютъ охотно, но еще не домыслились до того, чтобы и обученіе, какъ и всякій другой трудъ, оплачивать деньгами. Обученія желаютъ дароваго. О такомъ училищѣ, которое содержалось бы на общественный счетъ, въ складчину, еще до сихъ поръ ни одинъ изъ молоканскихъ настав-

никовъ не проповѣдывалъ. Обученіе идетъ кое-какъ; начинаютъ поздно; одни требуютъ церковной грамоты, другіе—гражданской.

Теперь, пока до правильныхъ школъ, во всѣхъ молоканахъ рѣзко бросается въ глаза стараніе умствовать. Резонерство это, игра въ темныя и непонятныя слова, особенно рѣзко замѣтна у стариковъ, успѣвшихъ уже на своемъ вѣку поговорить хорошихъ словъ въ формѣ иносказаній и похлопотать надъ мудреной задачей формулированія въ житейскія руководящія истины дурно прочитанныхъ и плохо понятыхъ текстовъ писанія. Съ ихъ примѣра и всѣ остальные, силясь забыть готовыя пословицы, подбираютъ въ замѣнъ ихъ изрѣченія писанія и, нельзя не замѣтить, по большей части неудачно.

Изгнавши игры и пѣсни, стараясь обойтись безъ пословицъ, молоканы кое-гдѣ показываютъ стремленіе отшатнуться и отъ нѣкоторыхъ старорусскихъ обычаевъ: на привѣтствіе не отвѣчаютъ, на прощанье—не кланяются, на пожеланіе «Богъ на помочь» не благодарятъ и нерѣдко отказываютъ въ гостепріимствѣ и въ хлѣбѣ-соли прохожему или проѣзжему изъ православныхъ, и не преминутъ сдѣлать замѣчаніе вошедшему въ избу, когда онъ, по православному обычаю, станетъ молиться въ пустой уголъ.

Такихъ отмѣнъ, впрочемъ, такъ немного, и такъ онѣ несущественны, что, принимая нѣкоторыя изъ этихъ отмѣнъ за неизбѣжное послѣдствіе сектаторскаго отчужденія и сосредоточія въ кастѣ, мы положительно можемъ придти къ одному главному и несомнѣнному выводу, что во всѣхъ молоканахъ и духоборцахъ ясно видятся необлыжные русскіе люди.

АННЕНФЕЛЬДЪ.

Близъ развалинъ древняго города Шамхора, находится нѣмецкая колонія Анненфельдъ, состоящая изъ одной деревни; она окружена со всѣхъ сторонъ оградами и опоясана полями, хорошо обработанными. Причина переселенія сюда нѣмецкихъ выходцевъ, изъ такихъ отдаленныхъ странъ, заслуживаетъ поясненія. — Незадолго передъ тѣмъ, нѣсколько фанатиковъ, появившихся между протестантами, объѣзжали Виртембергъ, возвѣщая тамошнему народу, что около 1836 года возникнетъ расколъ, который будетъ сопровождаться сильнымъ гоненіемъ, и внушали народу необходимость искать себѣ убѣжища въ странахъ отдаленныхъ, по примѣру христіанъ, бѣжавшихъ изъ Іерусалима, передъ его разрушеніемъ,—и что страны эти, согласно съ откровеніемъ, имъ ниспосланнымъ свыше, находятся въ смежности съ Каспійскимъ моремъ. Лукавыя внушенія ихъ увлекли множество сельскихъ жителей. Къ числу ихъ, безпрестанно увеличивавшемуся, присоединились всѣ безпокойные искатели приключеній, и 1500 семействъ добровольно оставили Виртембергъ. Двѣ трети этихъ новыхъ выходцевъ, напоминавшихъ собою времена крестовыхъ походовъ, не выдержавъ трудности пути, не дошли даже и до Одессы. Осталь-

ные прибыли, въ 1817 году, въ Грузію и раздѣлились тамъ на 7 колоній. Одна изъ нихъ расположилась въ двухъ деревняхъ, названныхъ Маріенфельдъ и Петердорфъ, въ Кахетіи; двѣ другія, названныя Новымъ Тифлисомъ и Александрдорфомъ, расположились на лѣвомъ берегу рѣки Куры; неподалеку отъ Тифлиса; въ Сомхетіи основаны были колоніи Елисаветополь и Катериненфельдъ, и наконецъ Анненфельдъ и Еленендорфъ расположились въ сосѣдствѣ города Ганджи, нынѣшняго Елисаветополя.

Императоръ Александръ І-й, считая полезнымъ покровительствовать этимъ колоніямъ, въ виду распространенія ими въ странѣ европейской промышленности, предоставилъ имъ много льготъ, далъ значительное пространство земли, освободилъ ихъ также и отъ всѣхъ повинностей. Въ первые годы должны были они бороться со многими бѣдствіями; болѣзни, скотскіе падежи, неурожаи — послѣдствія незнанія климата и почвы, все это препятствовало ихъ благосостоянію, но теперь они все это превозмогли. Многіе изъ нихъ разбогатѣли. Земледѣліе, садоводство, винодѣліе ихъ и пр. находятся въ цвѣтущемъ состояніи.

«Само собою разумѣется, что русское правительство не вмѣшивается въ церковныя ихъ отношенія. Колоніи состоятъ подъ вѣдѣніемъ евангелической консисторіи. Колонисты эти сохранили любимое старое собраніе своихъ пѣсенъ и сами выбираютъ своихъ пасторовъ, предварительно подвергая ихъ строгому испытанію въ отношеніи къ степени и содержанію религіозныхъ ихъ понятій. И несмотря на то закоренѣлый духъ религіознаго сепаратизма и здѣсь распускаетъ новыя вѣтви. Перенесенное имъ изъ отечества чувство религіознаго притѣсненія здѣсь превратилось въ понятіе, что истинная вѣра вездѣ должна подвергнуться и даже подверглась преслѣдованію врага человѣчества. Люди вошли въ эпоху, въ которой осталось лишь малое стадо истинно вѣрующихъ и въ которой, вслѣдствіе старинныхъ предвѣщаній, должно ожидать пришествія Мессіи и тысячелѣтняго царства. Итакъ, обязанность истинно-вѣрующихъ требуетъ, чтобы они приготовились къ сему, даже во внѣшней жизни, изображая чистоту и простоту первобытнаго христіанства, т. е. отреченіе отъ всякой частной собственности, отъ всякаго стяжанія, работая только для самаго необходимаго пропитанія, провождая все время, какое останется свободнымъ, въ постѣ, молитвѣ и воздержаніи отъ всякой роскоши! Книга, изданная Михелемъ Ганомъ, какъ и весьма извѣстное сочиненіе Юнга-Штиллинга, много способствовали къ распространенію этихъ идей. Образовались двѣ партіи: болѣе строгая, предсказывавшая конецъ міра въ самомъ скоромъ времени, требовала совершеннаго воздержанія въ бракахъ и не терпѣла заключенія ни одного новаго брака. Менѣе строгая не ждала преставленія свѣта еще такъ скоро и хотѣла, чтобы браки были пока удержаны. Но всѣ хотѣли отказаться отъ ихъ здѣшней собственности и переселиться въ Іерусалимъ, чтобы ждать тамъ, что будетъ. Во главѣ всѣхъ, но преимущественно болѣе строгой партіи, стояла пятидесятилѣтняя женщина, жена одного каретника, жившая въ Екатериненфельдѣ, Варвара Шпонъ. Ее обыкновенно звали сепаратисты Бэбэле. Это «одна, какъ увѣряютъ, изъ замѣчательныхъ личностей;

много лѣтъ жила она среди величайшихъ добровольныхъ лишеній; никогда не слыхали изъ устъ ея другого слова кромѣ изрѣченій изъ священнаго писанія, которыя она очень искусно умѣла вмѣшивать во всякій разговоръ и примѣнять къ каждому положенію жизни. Она, какъ говорятъ, твердо знала на память всю Библію, отъ начала до конца, и производила сильное дѣйствіе на окружающихъ ее людей, даже почти на всякаго, кто съ ней сближался.» *)

Шпонъ почитала себя совершенно безгрѣшною, исповѣдывая и разрѣшая грѣхи своихъ единовѣрцевъ, стекавшихся къ ней изъ другихъ колоній. Сепаратисты были увѣрены, что ихъ Бэбэле имѣетъ ночныя собесѣдованія съ Богомъ. — Первое откровеніе было ей въ началѣ 1842 г., о которомъ она повѣдала своимъ единовѣрцамъ слѣдующее: «Богъ открылъ мнѣ, что правительство будетъ преслѣдовать чадъ Божіихъ, выгонитъ ихъ изъ домовъ и заставитъ ихъ переселиться въ другое мѣсто. Но правительство не успѣетъ этого сдѣлать, потому что скоро конецъ міра.»

Всѣхъ откровеній старуха Шпонъ имѣла 8. Въ этихъ откровеніяхъ ей, между прочимъ, сообщено было: «ступай въ Іерусалимъ, ибо Господь Богъ твой разоритъ сіи мѣста и потребитъ нечестивыхъ, а васъ, чада Божіи, введетъ въ тысячелѣтнее царство, гдѣ вы будете 1000 лѣтъ наслаждаться радостію и веселіемъ и вожделѣннымъ пребываніемъ со Христомъ. Чада Божіи должны идти въ Іерусалимъ только съ посохами, не должны брать съ собою ни хлѣба, ни денегъ, должны надѣть грубую бумажную одежду, женщины синюю, мужчины бѣлую; эта одежда не износится, не изорвется. пока въ тысячелѣтнемъ царствѣ они не облекутся въ брачную одежду.»

Слухи о приготовленіяхъ сепаратистовъ къ отшествію въ Іерусалимъ дошли до мѣстнаго начальства, и оно должно было принять всѣ мѣры къ отклоненію ихъ отъ путешествія, потому что они должны были неминуемо погибнуть въ пути или отъ голода, или курдовъ. Старуха Шпонъ была вызвана въ Тифлисъ къ главнокомандующему. Ее сопровождали старшіе изъ ея послѣдователей. Имъ сдѣланъ былъ допросъ и увѣщаніе, но безъ успѣха. Впрочемъ, главнокомандующій поручилъ коллежскому совѣтнику К-бу какънибудь отклонить ихъ отъ погибели. Но никакія увѣщанія и угрозы не могли остановить сепаратистовъ отъ задуманнаго ими путешествія. Продавъ домы и землю большей частью за безцѣнокъ другимъ колонистамъ, все прочее раздарили и ввели между собою общность имущества, за долгъ казнѣ предложили хозяйственныя свои заведенія и 4-го іюня 1843 г. рѣшено было отправиться въ путь. Соединившись въ этотъ день на площади колоніи Екатериненфельдъ, толпа слишкомъ въ 360 ч. стала подвигаться медленными шагами къ главнымъ воротамъ. — Впереди шла старуха Шпонъ; ее поддерживали двѣ пожилыя женщины. За нею слѣдовали рядомъ десять старшинъ. Въ срединѣ толпы находились женщины, многія съ грудными дѣтьми, по краямъ шли мужчины. — За толпой тянулись ослы, на которыхъ частью

---

*) См. «Зак. Край» 1 ч. стр. 46, 47.

сидѣли дѣти ниже пяти и шести лѣтъ, частью же навьючены были нѣкоторые скудные припасы. — Для надзора за этими вьюками, при нихъ находились двое старшинъ. Одежда на сепаратистахъ была: куртки и юпки синія или бѣлыя съ синими полосами. Всѣ, за исключеніемъ дѣтей ниже 10-ти лѣтъ и дряхлыхъ стариковъ, несли на спинѣ ранцы съ бѣльемъ и шинелью. Палокъ не видать было ни одной.

У воротъ выстроены были казаки. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними стоялъ К-бу съ офицерами и съ вѣстовыми. Сепаратисты шли прямо на К-бу; глаза ихъ потуплены были въ землю; руки сложены крестообразно; губы шевелились въ тихой молитвѣ; на лицахъ выражалось полное упованіе на силу высшую, неземную.

Кругомъ, у оконъ, на крышахъ, на заборахъ, тѣснились лютеране и сосѣдніе татаре. Вездѣ, даже между мусульманами царствовала мертвая шишина. Всѣ ожидали чуда.

Когда старушка Шпонъ находилась отъ К-бу только въ двухъ шагахъ, онъ громко скомандовалъ: стойте! и вся толпа остановилась и молилась. Представивъ имъ незаконность ихъ поступка, неповиновеніе правительству, К-бу просилъ и убѣждалъ ихъ возвратиться.—Отвѣта никакого не было. Послѣ этого К-бу обратился лично къ Шпонъ, сперва совѣтовалъ, потомъ приказывалъ именемъ высшаго мѣстнаго начальства отправиться домой, но отвѣта не получилъ. Тогда, по данному имъ знаку, Шпонъ была осторожно отведена за ряды казаковъ. Она пошла безъ принужденія, и только тихо молилась. Вся толпа сепаратистовъ вскрикнула голосомъ отчаянія, потомъ всѣ пали на колѣни, и снова воцарилась тишина. Затѣмъ К-бу обращался поименно къ старшинамъ, но также безуспѣшно. Вынужденный этимъ упорствомъ, К-бу арестовалъ 10 старшинъ, и тогда уже свободнѣе, хотя также не безъ труда, могъ приступить къ раздѣленію сепаратистовъ на колоніи, къ которымъ они принадлежали, и къ отправленію ихъ за конвоемъ, небольшими партіями, въ обратный путь. Во время этихъ распоряженій женщины обступили К-бу и на колѣняхъ просили о возвращеніи имъ сестры Шпонъ. Онъ согласился. Радость сепаратистовъ была неимовѣрна: они смѣялись и плакали въ одно и тоже время; но послѣ перваго восторга погрузились вновь въ долгую и горячую молитву.

Торжественное выступленіе сепаратистовъ, остановленіе ихъ и разсылка по колоніямъ продолжалась отъ 8-ми до 2 часа.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, сепаратисты, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, послали отъ себя двухъ депутатовъ въ Іерусалимъ и одного въ Константинополь отыскать мѣсто для поселенія въ Іерусалимѣ и развѣдать, примутъ ли ихъ тамъ. Въ концѣ 1843 г. посланные возвратились съ извѣстіемъ, что тамъ имъ не понравилось. Тогда всѣ сепаратисты, въ числѣ 368 человѣкъ, равно какъ и старуха Шпонъ, отреклись торжественно отъ своего намѣренія переселиться въ Палестину, для ожиданія втораго пришествія Спасителя, и отъ другихъ заблужденій и письменно изъявили желаніе навсегда присоединиться къ евангелическо-лютеранской церкви и оставить

свое сектаторство. Старуха Шпонъ перестала пользоваться уваженіемъ отъ своихъ послѣдователей, оттого что ввела ихъ въ заблужденіе *).

ГОДОВИКЪ ИЛИ ПЕРСИДСКАЯ БОЛѢЗНЬ ВЪ ЕЛИСАВЕТОПОЛѢ **).

Д-ра Скорова.

Каждому жителю Закавказья, вѣроятно, извѣстенъ, хотя по наслышкѣ, г. Елисаветополь (Ганжа, по-татарски). Извѣстность эта, столь распространенная въ здѣшнемъ краѣ, основана на двухъ, почти противоположныхъ въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ и совершенно совмѣстныхъ въ медико-топографическомъ отношеніи, свойствахъ его мѣстности: съ одной стороны—это богатѣйшій, роскошнѣйшій уголокъ во всемъ краѣ по своимъ садамъ и полямъ, доставляющимъ Тифлису лучшій виноградъ, персики, гранаты, пшеницу и ячмень, съ другой—это мѣстность, наводящая ужасъ на всякаго зловредностью своего климата, злокачественностью своихъ лихорадокъ и, въ-заключеніе, еще привилегіею носить на стогнахъ своихъ источникъ и условія для существованія болѣзни, извѣстной подъ именемъ «годовика или персидской болѣзни». Кто былъ въ Елисаветополѣ хотя на короткое время, тотъ, кажется, не могъ не замѣтить, какъ часто въ толпѣ уличныхъ мальчишекъ и дѣвочекъ попадаются бѣдняжки съ физіономіями, которыя страшно изъязвлены или изборождены рубцами; все это дѣлаетъ годовикъ. Что жъ это за болѣзнь? Что обусловливаетъ существованіе ея въ Елисаветополѣ, и отчего нѣтъ ея въ мѣстахъ даже очень близкихъ къ нему?

Эндемическая болѣзнь въ Елисаветополѣ, извѣстная подъ именемъ «годовика или персидской болѣзни», есть особаго рода хроническое страданіе кожи, характеризующееся въ особенности своимъ загадочнымъ теченіемъ впродолженіе года. Она начинается образованіемъ на какомъ-нибудь мѣстѣ кожи небольшаго прыщика или бугорка, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разростающагося до извѣстной величины, потомъ переходящаго въ большую язву, которая гноится и покрывается струпомъ, а по истеченіи года оканчивается заживаніемъ язвы, послѣ чего на ея мѣстѣ остается глубокій, неправильный, иногда очень безобразный рубецъ. Избирая мѣстомъ своего пребыванія части тѣла, бывающія постоянно обнаженными, она особенно симпатизируетъ къ лицу, дѣлая его привилегированнымъ въ этомъ отношеніи пунктомъ. Понятны поэтому ужасъ и отвращеніе отъ этой болѣзни прекраснаго пола, обреченнаго жить въ Елисаветополѣ.

---

*) Рус. Вѣстн. 1865 г. май. «Нѣмецкіе Сектанты на Кавказѣ» С. Смирнова.
**) Изъ Кавк. Медиц. Сб. за 1866 г.

Какія обстоятельства, какія условія, напр. въ Елисаветополѣ, производятъ годовикъ? Вопросъ этотъ еще болѣе затрогиваетъ пытливую любознательность оттого, что можно найти много мѣстностей въ самомъ Закавказьи, находящихся въ одинаковыхъ климатическихъ и другихъ физическихъ условіяхъ съ Елисаветополемъ, а между тѣмъ въ нихъ годовика нѣтъ.

Что же обусловливаетъ существованіе его въ Елисаветополѣ? Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ до настоящаго времени остается перѣшеннымъ. Изслѣдованія писателей, особенно Поллака и Арендта въ Тегеранѣ и мои собственныя въ Елисаветополѣ по этому же предмету не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Ни одно изъ самыхъ повидимому близкихъ и заманчивыхъ объясненій причинъ болѣзни не выдерживаетъ даже снисходительной критики; нѣтъ возможности взвалить бѣду ни на высоту положенія мѣстности надъ уровнемъ моря, ни на среднюю годовую температеру или лѣтній зной, ни на свойство растительности или воды, ни на свойства почвы, на дѣйствія вѣтровъ и т. п. Многіе пытались упереться на что-либо изъ этого, но совершенно напрасно.

Въ Елисаветополѣ, равно какъ и въ Алеппо, народное мнѣніе причину годовика приписываетъ свойству воды протекающихъ рѣчекъ — Ганжинки и Колка; мнѣніе это раздѣляютъ и нѣкоторые изъ писателей.

Въ Елисаветополѣ въ особенности всю бѣду сваливаютъ на воды, застоявшіяся въ канавахъ, лощинахъ и т. п., гдѣ такъ охотно барахтаются всегда городскіе дѣти, и на нечистоту въ баняхъ. Мнѣ, дѣйствительно, пришлось видѣть нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ купанье въ банѣ или въ стоячей напускной водѣ и вслѣдъ затѣмъ появленіе годовика близко совпадали одно съ другимъ, такъ что прямая зависимость послѣдняго отъ перваго, казалось бы, не могла подлежать сомнѣнію. Но изслѣдуя потомъ точнѣе этотъ вопросъ, я долженъ былъ отказаться отъ мысли приписывать одной водѣ исключительное свойство вызывать нашу болѣзнь. Еще пожалуй остается одно предположеніе, что въ застоявшейся, загнившей водѣ развиваются микроскопическія животныя, которыя, при купаньи переселяясь на кожу человѣка, продолжаютъ жить на ней въ качествѣ паразитовъ и, раздражая ее, вызываютъ этотъ прыщъ, эту язву и т. д. Но и это заманчивое предположеніе не оправдывается ни однимъ точнымъ наблюденіемъ; самое тщательное съ моей стороны стараніе открыть подъ микроскопомъ въ тканяхъ и жидкостяхъ больнаго мѣста какого-нибудь паразита не привели ни къ какому результату.

Существуетъ еще мнѣніе въ Елисаветополѣ, занесенное туда, кажется, изъ Испагани, будто употребленіе въ большомъ количествѣ финиковъ вызываетъ развитіе годовика. Но что можно сказать на подобное предположеніе кромѣ того, что можно указать сотни городовъ и деревень, гдѣ финиковъ ѣдятъ, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ въ Елисаветополѣ, и годовиковъ все-таки нѣтъ?

Разсматривая далѣе въ частности условія распространенія годовика, по отношенію къ народонаселенію и отдѣльнымъ личностямъ, мы находимъ, что и здѣсь, за весьма немногими исключеніями нѣтъ опредѣленныхъ правилъ. По-

ложительно доказано только слѣдующее: отъ годовика не избавлены одинаково какъ туземцы, такъ и европейцы, хотя у послѣднихъ нерѣдко проходятъ года, даже десятки лѣтъ, пока обнаружится болѣзнь. Но есть ли годовикъ такая болѣзнь, которая необходимо должна быть у всякаго жителя мѣстъ эндемическаго господствованія ея, какъ думаютъ нѣкоторые, вопросъ не вполнѣ рѣшенный. Кажется, что нѣтъ. Я видѣлъ въ Елисаветополѣ людей, доживишихъ почти до старости и не имѣвшихъ годовика. Одно русское семейство прожило въ Елисаветополѣ 6 лѣтъ и никто изъ членовъ его не болѣлъ этою болѣзнью; одинъ изъ знакомыхъ моихъ, Г... прожилъ въ Тегеранѣ 17 лѣтъ и тоже не имѣлъ годовика. Все это, впрочемъ, не доказываетъ еще того, чтобы у всѣхъ нихъ современемъ не развилась болѣзнь. Поллакъ получилъ годовикъ на 8 году пребыванія въ Тегеранѣ; г-нъ С..., чиновникъ нашей миссіи тамъ, прожилъ благополучно 15 лѣтъ, на 16 же заболѣлъ годовикомъ.

Дѣти отъ 2 до 12 лѣтъ составляютъ привилегированный возрастъ, поражаемый годовикомъ; но это еще не большая бѣда; несчастіе же то, что у дѣтей (и у взрослыхъ) годовикъ по преимуществу избираетъ женскій полъ и, наконецъ, какъ нарочно, у нихъ именно располагается большею частью на лицѣ. Д-ръ Поллакъ говоритъ, что во многихъ мѣстахъ Персіи, въ Испагани напр., по этому случаю образовалась даже поговорка, что женщинами здѣсь можно любоваться только въ профиль, такъ какъ одна половина лица у каждой непремѣнно обезображена или годовикомъ или рубцомъ отъ него. Но пусть не ужасаются за свои лица прекрасныя обитательницы Закавказья, тѣ, которымъ, быть можетъ, угрожаетъ участь сдѣлаться постоянными жителями Елисаветополя. Къ счастью ихъ, въ этомъ городѣ годовикъ не такъ распространенъ и жестокъ, чтобы поражалъ всѣхъ безъ исключенія; напротивъ я знаю многихъ изъ русскихъ дамъ, проживишихъ тамъ 3, 4, 5 и болѣе лѣтъ и не имѣвшихъ годовика, да и между туземками красавицами встрѣтить пушистыя, свѣженькія и совершенно чистенькія личики—вовсе не рѣдкость.

Замѣтивъ уже, что годовикъ поражаетъ по преимуществу дѣтей, нужно прибавить, что между ними онъ выбираетъ особенно дѣтей вялыхъ, рыхлыхъ, лимфатическихъ, золотушныхъ, и чѣмъ дитя золотушнѣе, тѣмъ серьезнѣе нужно опасаться за него по отношенію къ пораженію годовикомъ и значительнаго размѣра и продолжительности этой болѣзни.

Затѣмъ никакихъ другихъ частныхъ условій, развивающихъ болѣзнь, не существуетъ. Ни изысканная чистота, ни роскошная жизнь, ни самая строгая діета и опрятнѣйшее содержаніе тѣла не предохраняютъ отъ болѣзни: богачъ и бѣднякъ, ежедневно по нѣсколько разъ купающіяся въ ароматныхъ ваннахъ дѣти богачей и толкущіяся по цѣлымъ днямъ въ грязныхъ канавахъ дѣти бѣдныхъ туземцевъ, питающіеся самою здоровою и самою скудною, нездоровою пищею—одинаково не изъяты отъ болѣзни, одинаково могутъ заболѣть годовикомъ.

Я уже упомянулъ, что годовикъ располагается обыкновенно на частяхъ тѣла, подверженныхъ постоянному вліянію атмосфернаго воздуха, не защищенныхъ одеждою, какъ-то: на рукахъ, ногахъ (у туземцевъ) и лицѣ. Въ

этомъ отношеніи европейцы счастливѣе туземцевъ, у первыхъ онъ бываетъ чаще на рукахъ, у туземцевъ же на лицѣ, но часто однакожъ приходится видѣть и несчастныя исключенія изъ этого правила. На лицѣ годовикъ помѣщается или на вискахъ, или на щекѣ подъ скулою, рѣже на носу, губахъ, бородѣ, на лбу, ушахъ и вѣкахъ.

На конечностяхъ годовики занимаютъ мѣсто или на передней или на внутренней сторонѣ голени и предплечія, вблизи суставовъ; чаще всего около сустава ручной кисти, нерѣдко на тылѣ ручной кисти, рѣже всего на груди и подошвахъ; мѣста же, покрытыя волосами или покрывающіяся ими въ послѣдующемъ возрастѣ, и спина почти никогда не поражаются годовикомъ.

Остается сказать еще объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ, сюда относящемся, именно: годовикъ, къ счастью, есть болѣзнь не прилипчивая, не заразительная. Д-ръ Арендтъ разсказываетъ между прочимъ и про себя, что онъ, по прибытіи въ Тегеранъ, боясь годовика на лицѣ, старался привить его себѣ на рукѣ посредствомъ перенесенія подъ кожу гноя, взятаго изъ язвы одержимыхъ годовикомъ, но всѣ усилія его на этотъ счетъ оказались безъ успѣха, годовикъ на рукѣ не обнаружился, а уже годъ спустя послѣ этого онъ показался у него на верхнемъ вѣкѣ.

Д-ръ Арендтъ не разъ потомъ повторялъ опыты прививанія гноя и лимфы изъ годовиковъ другимъ, но совершенно безъ успѣха. Я самъ въ Елисаветополѣ, послѣ того какъ одинъ изъ домашнихъ моихъ заболѣлъ годовикомъ на ухѣ и бородѣ, пробовалъ привить его остальнымъ членамъ своего семейства и себѣ самому на плечѣ, изъ боязни появленія его на лицѣ, но тоже безъ успѣха; у всѣхъ насъ вовсе его не было никогда потомъ.

Все это и множество другихъ опытовъ, о которыхъ я считаю лишнимъ упоминать, говоритъ въ пользу того, что годовикъ болѣзнь не прилипчивая, не заразительная per contactum (чрезъ прикосновеніе).

ПРОЩАНІЕ СЪ КАСПІЕМЪ.

А. Марлинскаго.

Послѣдній разъ передъ разлукой любовался я Каспіемъ: завтра я долженъ сказать ему послѣднее—прости! Негостепріимное, пустынное, печальное море! Я, однакожъ, съ грустью покидаю тебя. Ты былъ вѣрнымъ товарищемъ моихъ думъ, неизмѣннымъ наперсникомъ чувствъ моихъ. Въ твои горькія воды лились горькія слезы мои; въ твоихъ кипучихъ волнахъ охлаждалъ я пылкое сердце; къ тебѣ уходилъ отъ людей, бѣжалъ отъ самого себя. Шумъ твоихъ непогодъ заглушалъ, безмолвилъ мои душевныя бури; голосъ человѣка смолкалъ передъ величественнымъ глаголомъ природы, вѣчно однозвучнымъ и всегда разнообразнымъ, нарѣчіемъ знакомымъ и непонятнымъ вмѣстѣ.

Нѣтъ, порой я понималъ тебя, море! Душа разговаривала съ тобой, погруженная въ какую-то магнитическую дрему. Нетолько отголосъ, но и отвѣтъ пробуждался въ ней на зовъ твой. Ты шептало мнѣ про свои завѣтныя преданія; я проницалъ въ твои заповѣдные тайники; я разглядывалъ чудеса твоихъ безднъ, бѣгло читалъ твои дивныя руны, которыя пишешь ты зыбью на пескѣ взморья, прибоемъ на груди скалъ. Лестная, напрасная мечта! Съ прежнею загадкой уходилъ я съ береговъ твоихъ. Многимъ и часто раскрываешь ты лоно свое, но какъ могилу, не какъ книгу. Подобно небу ты замкнуто для опыта; подобно ему ты доступно лишь мысли, безпрестанно измѣнчивой и такъ нерѣдко обманчивой. Еще-таки человѣкъ вооруженнымъ взоромъ проникъ до млечнаго пути и буравомъ пронзилъ глубоко оболочку земную, но чей глазъ, чей лотъ досягнетъ до дна твоихъ хлябей? Кто до сихъ поръ срывалъ твое влажное покрывало? Бѣдный человѣкъ! ты осужденъ собирать раковинки на берегахъ океана и напрасно расточать свою премудрость, разгадывая кусочки морской смолы *) или зерна жемчуга **). Неизмѣримый, вѣчный сфинксъ пожираетъ тебя, какъ скоро ты дерзнешь покатиться па его хребтѣ и не съумѣешь понять его языка, разгадать его загадокъ. Вездѣ, всегда любилъ я море. Я любилъ и люблю его тишь, когда бездна, сомкнувшись зеркаломъ, молчитъ словно полная какою-то божественною думой, и дномъ ея — лежатъ небеса, и звѣзды плаваютъ въ ея влагѣ. Люблю я зыбь его дыханія и бой жизни въ вѣчно-юномъ, лазуревомъ его лонѣ, все обновляющемъ, все очищающемъ. Люблю его туманы, которые посылаетъ оно жаждущей землѣ, черезъ небо, гдѣ морскія воды теряютъ горечь свою. Но больше всего, страстнѣе всего люблю я бури и грозы на морѣ.

Люблю ихъ въ часъ дня, когда солнце пробиваетъ лучемъ черныя тучи и огненнымъ каскадомъ обливаетъ купы валовъ, рыщущихъ по влажной степи; другія съ боя тѣснятся въ свѣтлозарный кругъ, загораются, воютъ отъ ужаса и стремглавъ погружаются въ глубь, чтобъ затушить пламенѣющія кудри; другія перегоняются съ косатками ***), чудовищами, которыя съ безобразіемъ моржа соединяютъ быстроту ласточки. Иныя бросаютъ снопы радугъ въ грудь смѣлаго корабля, презирающаго всѣ стихіи: и землю, отъ которой отторгся, и воздухъ, который разсѣкаетъ, и воду, которую топчетъ онъ. Гордо бросается онъ въ битву съ волнами, рѣжетъ, расшибаетъ, мнетъ ихъ, такъ что кажется, будто великаны зыбей, набѣгая на него съ угрозой,

---

*) Въ самомъ дѣлѣ, что такое янтарь? Древесная смола, — говорятъ минералоги: — Но почему жъ она теперь не плавится, почему до сихъ поръ не нашли въ нѣдрахъ горъ этого между-потопнаго ископаемаго?..

**) Страхъ люблю ученыхъ: кому-то изъ нихъ вздумалось сказать, что жемчугъ есть болѣзнь перламутра, и всѣ набожно повторяютъ это сказаніе, не разсуждая ни мало, что болѣзни свойственны только органической природѣ, а черепъ жемчужной устрицы ни что иное какъ известнякъ. Если называть болѣзнью образованіе, почти всеобщее въ ихъ родѣ, жемчужныхъ зеренъ, то придется причислить къ бородавкамъ всѣ капельники, натеки и сталактиты.

***) Косатки, или дельфины.

ниспадаютъ съ блестящею улыбкой, разсыпаются врознь какъ прахъ, летящій съ колеса!

Люблю ихъ и въ часъ ночи, когда блѣдный мѣсяцъ поднимаетъ изъ-за тучъ свой черепъ, какъ мертвецъ изъ могилы, и неслышно идетъ по небу, влача за собой черезъ море бѣлый саванъ. Тогда валы возникаютъ какъ тѣни оссіановскихъ героевъ, въ вороненой бронѣ, съ бѣлыми кудрями по плечамъ, со звѣздами брызговъ надъ шлемомъ. Яростно бѣгутъ они въ бой, гонятъ, достигаютъ другъ друга; сшибаются, сверкаютъ сталью и падаютъ въ ночь, раздавленные другими ратниками, ихъ настигшими! А тамъ, вдали, грозно гуляютъ исполины смерти, надѣвъ тучу вмѣсто шлема и пѣня въ молоко бездну моря стопами: еще шагъ, и онъ задавитъ корабль!.. но перунъ грянулъ, адъ и небо дрогнули отголосками: смотрите!--исполинъ палъ, застрѣленный молніею.

Люблю видѣть безсильный гнѣвъ твой, море, на каменные берега, не пускающіе тебя залить землю. Ты крутишься и шипишь тогда, какъ змѣй, уязвляя пяту скалъ. Ты прядаешь на нихъ и грызешь ихъ, какъ тигръ, съ ревомъ и воемъ. Какъ хитрый человѣкъ подрываешься ты подъ ихъ основы, точишь, пилишь, растравляешь раны, нанесенныя временемъ,—неутомимо разишь своими влажными перунами. Ты хочешь поглотить, затопить попрежнему землю, когда-то въ тебѣ зачатую, и потомъ не разъ тобой покрытую. Прочь, второй Сатурнъ! — тебѣ не пожрать свое дитя! Ты далъ ему лишь тѣло, но Богъ вдохнулъ въ него душу,—человѣка. Ей ли, ему ли быть жертвою стихій?

Да! я видѣлъ не одно море, и полюбилъ всѣ, которыя видѣлъ, но тебя Каспій, но тебя—болѣе другихъ: ты былъ моимъ единственнымъ другомъ въ несчастіи; ты хранилъ и тѣло и духъ мой отъ нетлѣнія. Какъ обломокъ кораблекрушенія, выброшенъ былъ я бурей на пустынный берегъ природы, и, одинокъ, я не лестно узналъ ее и научился безкорыстно наслаждаться ею. Я не ждалъ жатвы полей или добычи лѣса; я не вымучивалъ у моря ни рыбъ, ни драгоцѣнностей; я не искалъ въ немъ средствъ жизни или свѣтскихъ прихотей:—я просилъ у него совѣтовъ для разумѣнія жизни, для обузданія прихотей. Не овладѣть стихіями, а сродниться съ ними жаждалъ я, и сладостенъ былъ бракъ сердца, сына земли, съ мыслью, дочерью неба... Здѣсь человѣкъ не заслонялъ отъ меня природы; толпа не мѣшала мнѣ сливаться съ вселенною. Она ясно отражалась на душѣ моей, я сладостно терялся въ ея неизмѣримомъ кругу: границы между *я* и *она* исчезали. Самозабвеніе сплавляло въ одно безмятежное, тихое, святое наслажденіе, частную и общую жизнь; распускало каплю времени въ океанѣ вѣчности. Но, кромѣ того, меня влекло къ тебѣ сходство твоей судьбы съ моею. Ниже другихъ и горче другихъ твои воды *). Заключенное въ песчаную тюрьму

*) «Гумбольдтъ доказалъ, что поверхность Каспійскаго моря ниже горизонта другихъ морей, кажется, на 300 футовъ (по Струве 76,32 пар. фут., по Галле 77,78 пар. фут.); слѣдовательно, мнѣніе, будто оно имѣетъ подземную связь съ Индійскимъ океа-

дикихъ береговъ, ты—одинокое — стонешь, не сливая волнъ твоихъ ни съ кѣмъ. Ты не вѣдаешь ни прилива, ни отлива, и даже, въ порывѣ гнѣва, не можешь перебросить буруна своего за черту, указанную тебѣ перстомъ довѣчнымъ. И кто знаетъ, какъ поглощаешь ты столько огромныхъ рѣкъ, падающихъ въ жерло твое, столь мало отдавая дани воздуху? И кто разгадалъ твои огнедышащіе подводные вулканы, рядомъ съ вулканами, извергающими грязь? *)

Кто скажетъ намъ, сколько народовъ, потерявшихъ имя, протекло по забережьямъ и по волнамъ твоимъ! Сколько безыменныхъ жертвъ пожрано твоей пучиной? На тебѣ нѣтъ слѣда первыхъ, нѣтъ крови вторыхъ: только гдѣ-гдѣ обломки, изверженные на берегъ, знаменуютъ, сколько драгоцѣннаго похоронено въ твоей глубинѣ.

Не лѣта, а бури бросаютъ морщины на чело твое, бури—страсти небесъ. Страшенъ, мутенъ, шуменъ бываешь ты тогда: зато порой, прозрачный и тихій, ты даешь лучамъ солнечнымъ и взорамъ человѣка купаться въ своемъ лонѣ, и засыпаешь, играя раковинками приморья, какъ младенецъ, напѣвая лепетомъ самъ себѣ колыбельную пѣсню.

Да, Каспій! во мнѣ есть много стихій твоихъ, въ тебѣ много моего, много — кромѣ воли и познанія вещей. Ты не можешь быть иначе, какъ есть,—а я могъ!.. Скажу вмѣстѣ съ Байрономъ: — терны, мной пожатые, взлелѣяны собственною рукой: они грызутъ меня, кровь брызжетъ. Пускай! Развѣ не зналъ я, каковы плоды должны созрѣть отъ подобнаго сѣмени!

Величественъ вѣнецъ изъ лучей, плѣнителенъ изъ вѣтвей лавра иль дуба, милъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ; но чѣмъ же не вѣнокъ изъ терновъ?

Прощай, Каспій,—еще разъ, прощай!

номъ, падаетъ само собою; еслибъ это существовало, оно необходимо пришло бы въ уровень съ другими.» Вода въ Каспіѣ горькая, можетъ быть отъ нефтяныхъ ключей, но соленость его въ пять разъ меньше, чѣмъ Чернаго моря, и въ шесть разъ меньше противъ Атлантическаго океана, а потому оно рыбою весьма богато и промыслы рыбные приносятъ большія выгоды (Замѣтка исправлена по новѣйшимъ свѣдѣніямъ).

*) Сопки, извергающія грязь, находятся почти на всѣхъ островахъ, сосѣднихъ Баку, а огненные фонтаны, бьющіе изъ моря, на Каспіѣ,—не рѣдкость.

ИЗЪ ИСТОРІИ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ.

ВОЗСТАНІЕ ГАЙКА, СРАЖЕНІЕ СЪ БЭЛОМЪ И СМЕРТЬ ЕГО.

(Изъ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго).

«Рослый, стройный Гайкъ, быстроокій, съ густыми кудрями, мощными руками, славившійся между исполинами храбростью, былъ противникомъ всѣхъ тѣхъ, которые поднимали руку единодержавнаго владычества надъ всѣми гигантами и полубогами. Онъ самоувѣренно поднялъ руку противъ самовластія Бэла въ то время, когда родъ человѣческій распространялся по обширности всей земли, посреди множества исполиновъ безмѣрно-безразсудныхъ и мощныхъ. Ибо разъяренные люди, вонзая мечъ въ ребро своимъ собратамъ, думали господствовать другъ надъ другомъ; при подобномъ случаѣ кстати было Бэлу захватить въ свои руки всю землю. Гайкъ, не желая покорствовать Бэлу, послѣ рожденія сына своего Арменака въ Вавилонѣ, отправляется въ землю Араратскую, что̀ въ странахъ сѣвера, съ сыновьями, дочерьми и сынами своихъ сыновъ, людьми сильными, числомъ около трехъ сотъ, въ сопровожденіи своихъ домочадцевъ и людей пришлыхъ, присоединившихся къ нему со всѣмъ своимъ имуществомъ. Здѣсь поселился онъ въ долинѣ, лежащей у подошвы одной горы, гдѣ жило уже небольшое число еще прежде разсѣявшихся людей, которыхъ Гайкъ покоряетъ себѣ: строитъ здѣсь жилища и отдаетъ въ наслѣдство Кадмосу, сыну Арменака.» Это оправдывается древними устными сказаніями.

«Самъ же Гайкъ, говоритъ лѣтописецъ, съ остальными своими домочадцами, направляетъ свой путь на сѣверо-западъ, поселяется въ возвышенной долинѣ и именуетъ эту горную равнину Харкъ, т. е. изъ поселившихся здѣсь родилось поколѣніе дома Ѳоргома. Строитъ также селеніе и называетъ его своимъ именемъ Гайкашéнъ.» Здѣсь упоминается также слѣдующее: «На западной сторонѣ этой долины, находящейся близъ горы съ обширнымъ основаніемъ,

еще прежде жило нѣсколько людей, которые добровольно покорились герою.» Это также оправдывается устными сказаніями.

Лѣтописецъ, продолжая далѣе свой разсказъ, говоритъ: «утвердивъ владычество свое надъ всѣми, Бэлъ Титанидъ отправляетъ на сѣверъ одного изъ сыновей своихъ въ сопровожденіи вѣрныхъ людей съ предложеніемъ Гайку покориться ему и жить въ мирѣ. «Ты поселился- -говоритъ онъ Гайку- -посреди холодныхъ ледниковъ: согрѣй, смягчи холодъ оцѣпенѣлаго, гордаго твоего нрава и, покорившись мнѣ, живи въ тишинѣ въ обитаемой мною странѣ, гдѣ только будетъ тебѣ угодно.» Но Гайкъ отослалъ пословъ Бэла съ суровымъ отвѣтомъ. Посланный обратно возвращается въ Вавилонъ.

«Тогда Бэлъ Титанидъ, собравъ воинскую силу, состоящую изъ полчища пѣшаго воинства, приходитъ на сѣверъ въ землю Араратскую къ дому Кадмоса. Кадмосъ бѣжитъ къ Гайку, пославъ впереди себя хорошихъ гонцевъ. «Да будетъ тебѣ вѣдомо, о великій изъ героевъ,- -велитъ сказать ему,- -что Бэлъ идетъ на тебя, въ сопровожденіи безсмертныхъ воиновъ и великорослыхъ борцовъ—исполиновъ. Узнавъ о приближеніи его къ моему дому, я обратился въ бѣгство и поспѣшно иду къ тебѣ; помысли немедленно, что тебѣ дѣлать?»

Но Бэлъ съ дерзновенной и чудовищной силой своего полчища, какъ бурный потокъ, низвергающійся съ крутыхъ высотъ, спѣшилъ достигнуть мѣста жительства Гайка, увѣренный въ мужествѣ и силѣ мощныхъ своихъ воиновъ. Мудрый, разумный, быстроокій исполинъ, съ густыми кудрями, поспѣшно собираетъ сыновей своихъ и внуковъ, людей мужественныхъ и искусныхъ стрѣльцовъ, числомъ очень ограниченныхъ, присоединивъ къ нимъ и находившихся подъ своей властью; доходитъ до солянаго озера, изобилующаго мелкими рыбками. Потомъ, созвавъ свое войско, говоритъ ему: «при встрѣчѣ съ полчищемъ Бэла, постараемтесь проникнуть въ то мѣсто, гдѣ въ толпѣ храбрыхъ находиться будетъ Бэлъ. Или умремъ, и всѣ домочадцы наши поступятъ въ рабство Бэлу, или же, показавъ на немъ мѣткость перстовъ нашихъ, разсѣемъ его полчище и одержимъ побѣду.»

«Потомъ двинувшись впередъ и прошедши все пространство, они достигаютъ равнины между высочайшихъ горъ и утверждаются направо отъ водъ потока на возвышенномъ мѣстѣ. Поднявъ глаза, они увидѣли множество безпорядочнаго прилива полчища Бэла, въ разбродѣ стремительно носящагося по лицу земли; увидѣли Бэла, стоящаго посреди густой и неподвижной толпы налѣво отъ водъ на холмикѣ, какъ-бы на наблюдательномъ пунктѣ. Гайкъ узналъ вооруженный отрядъ, съ которымъ Бэлъ предшествовалъ своему полчищу въ сопровожденіи немногихъ избранныхъ. Большое пространство раздѣляло Бэла отъ его полчища. У него на головѣ былъ желѣзный шлемъ съ видными кистями; мѣдныя доски защищали грудь его и плеча; поножи и нарукавники охраняли его; чресла опоясаны; на лѣвомъ бедрѣ двуострый мечъ; въ правой рукѣ ретивое копье, въ лѣвой щитъ; по обѣимъ же сторонамъ его избранные мужи. Гайкъ, видя Титанида въ такомъ сильномъ вооруженіи, окруженнаго съ правой и съ лѣвой стороны избранными мужами, поставилъ

Армепака съ двумя его братьями направо; Кадмоса съ другими двумя сыновьями налѣво—они искусно владѣли мечемъ и лукомъ, а самъ сталъ во главѣ остальныхъ своихъ воиновъ и, выстроивъ ихъ треугольникомъ, спокойно подвинулся впередъ.

«Страшно задрожала земля отъ столкновенія между собою исполиновъ обѣихъ сторонъ и отъ воинственнаго ихъ напора. Безумный ужасъ овладѣлъ всѣми при видѣ обоюднаго натиска. Не малое число громадныхъ исполиновъ падало съ обѣихъ сторонъ отъ лезвея меча, и для обоихъ непріятелей побѣда оставалась сомнительною.

«При видѣ такого неожиданнаго случая царь Титанидъ въ недоумѣніи, объятый страхомъ, спѣшитъ опять подняться на тотъ холмъ, съ котораго было спустился, думая укрѣпиться тамъ посреди полчища до прихода своего войска, дабы снова поправить чело сраженія. Луконосецъ Гайкъ понялъ это намѣреніе и, устремившись впередъ, приближается къ царю и, крѣпко натянувъ широкообъемный свой лукъ, угодилъ трехкрылою стрѣлой въ грудную доску Бэла: желѣзо пробилось насквозь между плечами и упало на землю. Такимъ образомъ гордый Титанидъ, пораженный, грохнувшись о земь, испускаетъ духъ. Полчище же, видя такой ужасный подвигъ мужества, обратилось въ бѣгство.»

На мѣстѣ этого сраженія Гайкъ построилъ селеніе и, въ память побѣды, назвалъ его Гайкъ. По этой причинѣ теперь еще область эта называется Хойоц-дцоръ *). Холмъ же, на которомъ палъ Бэлъ съ храбрыми своими воинами, Гайкъ наименовалъ Герезманкъ, что и теперь называется Герезманк **). «Но раскрашенный трупъ Бэла Гайкъ приказалъ- -говоритъ лѣтописецъ- -отнести въ Харкъ и погребсти на возвышенномъ мѣстѣ въ виду женъ и сыновей своихъ.» Страна же наша по имени родоначальника нашего Гайка (Хайка) называется Гайкъ (Хайкъ).

СВ. ГРИГОРІЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬ АРМЕНІИ.

(Изъ Муравьева «Грузія и Арменія»).

Св. Григорій происходилъ отъ парѳянскаго рода царей Арсакидовъ. Отецъ его Анакъ, находившійся въ службѣ при дворѣ персидскаго царя Артаксеркса, посланъ былъ имъ въ Арменію съ тайнымъ повелѣніемъ убить Хозроя, царя армянскаго. Хозрой былъ родственникъ Анаку, а потому Анакъ и былъ принятъ къ царскому двору. Но несмотря на родство свое съ Хозроемъ, черезъ два года послѣ сего, на охотѣ убилъ его, да и самъ былъ убитъ за эту измѣну со всѣмъ своимъ родомъ; только особенное усердіе брата кормилицы Григоріевой, при содѣйствіи Промысла Божія, спасло двухлѣтняго младенца отъ рукъ кровоместниковъ. Онъ былъ унесенъ въ Кесарію, и на пути таинственно наре-

*) Армянская долина.

**) Могила, курганъ.

чено было ему отъ ангела имя Григорія. Въ Кесаріи Григорій воспитанъ былъ по-христіански, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей; но, чувствуя влеченіе къ жизни отшельнической, онъ убѣдилъ свою супругу отпустить его въ пустыню.

Между тѣмъ царь Артаксерксъ, пользуясь смертью Хозроя, овладѣлъ Арменіею и старался истребить весь родъ царскій; но вѣрные вельможи спасли двухъ младенцевъ Хозроя и сына—Тиридата увезли ко двору царей римскихъ. Туда, для наблюденія за Тиридатомъ, отправился и св. Григорій. Скоро при Діоклетіанѣ прославился въ Римѣ юный Тиридатъ доблестями воинскими. Предъ лицемъ его сразилъ онъ на поединкѣ исполина готѳскаго, который вызвалъ на бой самого императора, и кесарь, въ знакъ благодарности, облекши его порфирой, отпустилъ съ войскомъ на царство. Тиридатъ исторгъ свое родовое наслѣдіе изъ рукъ персовъ (въ 259 г. по Р. Х.). Вмѣстѣ съ Тиридатомъ возвратился на родину и св. Григорій. Здѣсь начинается дѣло его служенія спасенію Арменіи и жестокія мученія.

Въ первый годъ царствованія, Тиридатъ приносилъ торжественную жертву Артемидѣ или Діанѣ, главному тогда божеству армянскому, и съ негодованіемъ увидѣлъ, что изъ всѣхъ его приближенныхъ одинъ только Григорій не хотѣлъ участвовать въ требищѣ идольскомъ: «Я вѣрно служу царю моему земному,- -говорилъ Григорій;- -хочу соблюсти вѣрность и небесному». Тиридатъ, надѣясь одолѣть твердость его мученіями, не лишая однакожъ жизни, изобрѣталъ и умножалъ ихъ по мѣрѣ изумительнаго терпѣнія св. мужа, впродолженіе многихъ дней.

Услышавъ изъ устъ Григорія пространное исповѣданіе божества Христова, предъ лицемъ всего двора своего, разгнѣванный царь велѣлъ бить его по устамъ, давить тисками грудь и тяжестями плеча; въ такомъ положеніи водили его сперва по всему городу, а потомъ подняли на крышу палатъ, и тамъ привязали къ столбу, на семь дней. Тщетнымъ оказалось первое испытаніе; таже проповѣдь о суетѣ идоловъ огласила дворъ царя. Еще болѣе раздраженный, приказалъ онъ повѣсить святаго за ноги и бить впродолженіе другихъ семи дней. Но этимъ не кончилось. Новыя мученія ожидали исповѣдника Христова послѣ третьяго отрицанія служить идоламъ. Ему стиснули руки и ноги, такъ что кровь выступила изъ-подъ ногтей, его пригвоздили къ полу, а потомъ повлекли, терзали желѣзными когтями, бросали обнаженнаго на терны, сжали голову въ столярномъ станкѣ, надѣли на него мѣшокъ съ извѣстью и сѣрой, имѣя въ виду привести въ безпамятство и въ такомъ положеніи принудить поклониться истуканамъ. Въ уста его лили уксусъ, горькую воду, наконецъ облили растопленнымъ оловомъ все тѣло, и привѣсивъ тяжести къ ногамъ, чтобы разъединить сотрясеніемъ всѣ члены, встянули его веревками, за связанныя на спинѣ руки, на высокій столбъ; въ такомъ положеніи опять держали нѣсколько дней. Не утомился мученикъ, утомился мучитель; а узнавъ отъ одного изъ вельможъ своихъ, что Григорій сынъ измѣнника Анака, тиранъ велѣлъ бросить его въ глубокую яму, наполненную ядовитыми животными. Но и здѣсь промыслъ Божій не оставилъ святаго: благочестивая вдовица, жившая подлѣ сей темницы, ежедневно бросала ему

въ малое отверстіе скудную пищу. Такъ провелъ 14 лѣтъ, въ непрестанной молитвѣ, будущій просвѣтитель Арменіи, до времени своего освобожденія.

Смерть тридцати семи дѣвъ.

Въ Римѣ все-еще царствовалъ жестокій Діоклетіанъ. Чувственному властителю пришло на мысль избрать себѣ въ супруги одну изъ красивѣйшихъ дѣвъ своей необъятной державы. Въ это время въ Римѣ, подъ руководствомъ благочестивой старицы, Гаяны, спасались 37 дѣвъ, посвятившихъ себя исключительно служенію Христову. Изъ нихъ одна, происхожденія царскаго, Рипсима, отличалась своею прекрасною наружностью, и на нее палъ выборъ сановниковъ кесаря. Испуганныя дѣвы, вмѣстѣ съ наставницею, тайно отплыли въ Палестину и тамъ, на гробѣ Господнемъ, Рипсима обрекла себя небесному жениху—Христу. Божественное видѣніе внушило имъ удалиться въ Арменію. Послѣ долгаго пути достигли онѣ армянской столицы Вагаршапада, и тамъ, поселившись въ убогомъ домѣ близъ виноградниковъ, проводили время въ молитвѣ. Изъ числа ихъ св. Нина проникла далѣе въ предѣлы Иверіи и сдѣлалась просвѣтительницею народа грузинскаго.

Наконецъ, Діоклетіанъ, узнавши о мѣстѣ убѣжища римскихъ дѣвъ, писалъ Тиридату: или вышли ко мнѣ Рипсиму, или возьми ее себѣ въ жены. Увидѣвъ Рипсиму, Тиридатъ плѣнился ею и предложилъ ей быть его женою. Но Св. дѣва отказала царю. Царь разгнѣвался и приказалъ мучить ее. Послѣ многихъ жестокихъ мученій, ей отрѣзали языкъ, выкололи глаза, и потомъ разсѣкли ее на части. Та же участь постигла и всѣхъ подругъ ея; тѣла ихъ бросили на съѣденіе птицъ и звѣрей. (Память этихъ св. мученицъ празднуется 30-го сент.)

Обращеніе Тиридата.

Скоро небесная казнь постигла мучителей. На шестой день жестокій Тиридатъ и его ближайшіе сановники подверглись участи Навуходоносоровой. Обезумѣлъ царь и, терзая собственное тѣло, бѣсновался; ужасъ объялъ столицу. Сестра царева имѣла тайное видѣніе, что одинъ только узникъ Григорій можетъ исцѣлить бѣснующихся. Григорія вывели изо рва, Тиридатъ освободился отъ скотоподобія. Въ виду такихъ знаменій, царь бросилъ идоловъ и принялъ крещеніе отъ св. Григорія (301 г.), котораго самъ же отправилъ вскорѣ къ кесарійскому архіепископу Леонтію, для рукоположенія во епископа. За крещеніемъ царя послѣдовало крещеніе и его царства. Тиридатъ обнародовалъ указъ, повелѣвавшій всѣмъ его подданнымъ принимать христіанство и подданные тысячами спѣшили на берега Евфрата, гдѣ св. Григорій, со множествомъ приведенныхъ имъ изъ Кесаріи пресвитеровъ, впродолженіе семи дней просвѣтилъ проповѣдью и св. крещеніемъ до четырехъ мил-

ліоновъ язычниковъ. Немедленно истуканы были повсюду ниспровержены и на мѣстахъ ихъ воздвигнуты храмы Богу истинному. Царь вызвалъ изъ Греціи многихъ ученыхъ мужей, завелъ училища и, для содержанія ихъ, не щадилъ никакихъ издержекъ. Въ то же время усердіемъ царя и другихъ вѣрующихъ основано въ Арменіи нѣсколько монастырей, изъ коихъ знаменитѣйшій, донынѣ существующій, воздвигнутъ самимъ св. Григоріемъ-просвѣтителемъ въ тогдашней столицѣ (нынѣ небольшое селеніе) Арменіи Вагаршападѣ подъ именемъ эчміадзинскаго. Св. Григорій 30 лѣтъ былъ епископомъ; потомъ, поставивъ вмѣсто себя сына своего Аристогена, удалился въ пустыню, поселился въ дикой пещерѣ области Таронской. Тамъ на молитвѣ окончилъ онъ свое труженическое поприще. Глава св. Григорія находится въ Неаполѣ, а правая рука въ эчміадзинскомъ монастырѣ, которая обыкновенно возлагается на новоизбираемаго патріарха армянскаго.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ НИНА.

(Изъ Муравьева «Грузія и Арменія»).

Св. равноапостольная Нина родомъ изъ Каппадокіи, дочь благочестивыхъ родителей Завулона и Сусанны. Двѣнадцати лѣтъ св. Нина съ родителями своими прибыла въ Іерусалимъ. Здѣсь отецъ ея Завулонъ, съ благословенія родственника своего, патріарха Ювеналія, и по взаимному согласію съ супругой своею, удалился на берега Іордана, въ пустыню. Заботы объ оставшихся—матери и дочери Нинѣ принялъ на себя патріархъ—дядя Нины. Сусанна поступила въ число діакониссъ, для служенія бѣднымъ и немощнымъ женамъ, при храмѣ; а Нина отдана была для обученія одной благочестивой старицѣ—Ніанфорѣ. Подъ ея руководствомъ Нина впродолженіе двухъ лѣтъ основательно изучила правила вѣры и христіанскаго благочестія и твердо помнила изъ Моисея и другихъ пророковъ сказанія о Мессіи, Спасителѣ рода человѣческаго. Но изъ священныхъ сказаній евангельскихъ особенное вниманіе св. Нины обращено было на судьбу хитона Господня. «Гдѣ нынѣ хранится эта земная порфира сына Божія?» спрашивала она свою наставницу. Ніанфора, сколько знала по преданію, сообщила Нинѣ, что по направленію къ сѣверовостоку есть страна Иверская, въ которой находится городъ Мцхетъ; туда унесенъ хитонъ Господень воиномъ, бывшимъ при распятіи Христа. Св. Нина день и ночь молилась пресвятой Дѣвѣ Богоматери, да удостоитъ ее видѣть ту страну, гдѣ хранится хитонъ возлюбленнаго сына ея Іисуса. «Иди въ Иверскую страну,--сказала ей Богоматерь, въ сонномъ видѣніи,--благовѣствуй тамъ евангеліе Господа Іисуса, и обрящешь благодать у Него. Я буду тебѣ покровительницею.» Съ этими словами вручила ей крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ. Св. Нина, проснувшись и увидѣвъ въ рукахъ чудный крестъ, со слезами облобызала его и, связавъ его волосами своими, съ радостью поспѣшила къ патріарху, разсказала ему о чудномъ видѣніи и посольствѣ

Матери Божіей. Патріахъ не препятствовалъ высокому ея назначенію и, благословивъ, съ молитвою отпустилъ ее въ далекій путь.

Въ то время изъ Іерусалима отходили въ Арменію 37 дѣвъ, бѣжавшихъ отъ Діоклетіана, который одну изъ нихъ Рипсиму хотѣлъ-было провозгласить своею супругою. Съ этими благочестивыми дѣвами св. Нина достигла Арменіи и столичнаго города Вагаршапада. Здѣсь, простившись съ своими спутницами, она направилась въ Иверію, и достигла, наконецъ, города Мцхета. Но, подходя къ городу, на римскомъ мосту, св. Нина встрѣтила толпу народа, шедшаго съ царемъ въ гору, на поклоненіе идолу своему—Армазу. За толпою и св. Нина пошла туда же,—и глазамъ ея представилось ужасное зрѣлище: кровь невинныхъ младенцевъ лилась предъ бездушными идолами и народъ падалъ во прахъ предъ истуканами. По молитвѣ св. Нины, среди яснаго и тихаго дня, разразилась страшная гроза съ громомъ и молніею, и именно надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли идолы. Капища обратились въ пепелъ. Царь и народъ въ ужасѣ бѣжали; ходя по окрестнымъ мѣстамъ, св. Нина принята была одною доброю женщиною Анастасіею, жившею въ царскомъ саду. Здѣсь супругъ Анастасіи, садовникъ, устроилъ для благочестивой странницы небольшую келью, гдѣ начались подвиги ея о спасеніи иверскаго народа.

Первое пріобрѣтеніе для церкви Христовой проповѣдью св. Нины была добрая чета, давшая ей пріютъ близъ себя. По молитвѣ Нины, Анастасія разрѣшилась отъ неплодства и была послѣ матерью благословеннаго семейства и первою въ Грузіи послѣдовательницею Христа.

Исцѣленіе умиравшаго сына одной матери, исцѣленіе отъ неизлечимой и тяжкой болѣзни царицы сдѣлали св. Нину извѣстною при дворѣ царскомъ. Царица прославляетъ Христа Бога и благословляетъ имя и силу Его предъ супругомъ своимъ — царемъ Миріаномъ. Царь еще колеблется; но не запрещаетъ Нинѣ проповѣдывать Христа. У Миріана гостилъ тогда одинъ родственникъ персидскаго царя, и заболѣлъ отчаянно. Молитвою св. Нины онъ выздоровѣлъ, и возвратился въ домъ христіаниномъ. Это встревожило Миріана: онъ боялся гнѣва персидскаго царя и, считая Нину виновницею всего этого, поклялся умертвить ее. Чтобы разсѣять безпокойства, Миріанъ отправился на охоту въ ближайшіе лѣса. Но тамъ застигла его опять страшная гроза; блескъ молніи ослѣпилъ его глаза, громъ разсѣялъ всѣхъ его спутниковъ. Въ отчаяніи царь умолялъ о помощи боговъ, и, не видя ея, призвалъ Бога Нины,—и тотчасъ прозрѣлъ и буря утихла.

Въ домъ возвратился уже христіаниномъ въ душѣ, и вскорѣ крестился со всѣмъ домомъ своимъ и жителями столицы. Тогда же (это было въ 314 г.) отправилъ онъ посольство въ Константинополь къ Константину Великому, испрашивая епископа и священниковъ; и еще до пріѣзда ихъ, по совѣту и начертанію проповѣдницы, очистилъ свой виноградный садъ и построилъ тамъ храмъ во имя Спаса. Вскорѣ прибылъ въ Мцхетъ патріархъ антіохійскій Евстаѳій, съ священниками, клиромъ и утварью церковною, для утвержденія и распространенія христіанства.

По наставленію св. Нины, царь искалъ того мѣста, гдѣ скрытъ былъ

хитонъ Господень. Мѣсто это свыше указано св. Нинѣ: она еще прежде этого не разъ видѣла огненный столпъ надъ величественнымъ кедромъ, стоявшимъ среди города. Кедръ былъ срубленъ и подъ нимъ въ землѣ обрѣтена была риза Господня въ рукахъ мертвой дѣвицы.

На этомъ святомъ мѣстѣ царь соорудилъ новый величественный храмъ во имя 12-ти апостоловъ, и хранилъ въ немъ съ благоговѣніемъ хитонъ Господень *). Изъ кедра св. Нина сложила четыре креста, и одинъ изъ нихъ водрузила на горѣ противъ Мцхета, за рѣкою Арагвою, гдѣ и понынѣ находится древній храмъ, во имя животворящаго креста; другой водрузила на горѣ Тхоти—мѣстѣ ослѣпленія и чуднаго прозрѣнія царя Миріана; третій — въ кахетинскомъ городѣ Бодбѣ и четвертый — въ Уджармѣ.

По окончаніи своихъ апостольскихъ подвиговъ въ Карталиніи, св. Нина пошла еще съ проповѣдью спасенія въ сосѣднюю Кахетію, и, обративъ къ вѣрѣ царицу ея Соджу или Софію, основала тамъ многія церкви, во имя родственника своего великомученика Георгія. Здѣсь же въ Кахетіи и скончалась мирно святая и погребена въ Бодбѣ **), близъ г. Сигнаха. Память ея празднуется 14 января.

Уединенна обитель св. Нины, гдѣ уже пятнадцать столѣтій почиваетъ она послѣ мирныхъ своихъ подвиговъ! Нельзя было избрать очаровательнѣе этого мѣста для усыпальницы блаженной дѣвы: это высокая площадка между горъ, всегда роскошная своею зеленью и осѣненная развѣсистыми чинарами. Чудные виды открываются отселѣ на всю долину Алазани и на сумрачное чело Кавказа, снѣжными уступами восходящаго къ небу. Здѣсь все дышетъ какою-то райскою отрадой, въ мирномъ уголкѣ, который обрѣла себѣ Нина, чтобы съ вершины сего горнаго оазиса благословлять и по смерти просвѣщенную ею страну. Самая церковь, гдѣ она покоится, ей современная, вполнѣ соотвѣтствуетъ священному залогу, который она въ себѣ хранитъ, ибо доселѣ отзывается она смиреніемъ первыхъ вѣковъ христіанства Грузіи.

---

*) Въ 17-мъ вѣкѣ персидскій шахъ Аббасъ, покоривъ Грузію, отыскалъ хитонъ Господень въ Мцхетскомъ соборѣ и отослалъ его въ даръ русскому царю Михаилу Ѳеодоровичу; съ торжествомъ и радостью онъ положенъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (10 іюля), гдѣ находится и донынѣ.

**) Царь Миріанъ соорудилъ въ Бодбѣ первую церковь, во имя родственнаго Нинѣ великомученика Георгія, и положилъ въ придѣлѣ ея святую проповѣдницу. Впослѣдствіи при этой церкви учредилась бодбійская митрополія, старшая во всей Кахетіи.

ИЗОБРѢТЕНІЕ АРМЯНСКАГО АЛФАВИТА. ПЕРЕВОДЪ БИБЛІИ НА АРМЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ. О СЛОВЕСНОСТИ АРМЯНСКОЙ ВООБЩЕ *).

Впродолженіе временъ, предшествовавшихъ утвержденію въ Арменіи христіанской религіи, армяне употребляли азбуку гебровъ, заключавшую въ себѣ 29 буквъ—всѣ согласныя; гласныя же замѣнялись точками и знаками, какъ донынѣ въ арабскомъ алфавитѣ. Но когда свѣтъ истинной вѣры разлился между армянами, и сблизилъ ихъ съ сирійцами и греками, то они заимствовали у нихъ буквы, съ помощью коихъ патріархъ Исаакъ приступилъ-было къ первому переводу на армянскій языкъ Библіи; однако оказалось, что письмена греческія и сирійскія неудовлетворительно выражали всѣ звуки армянскаго языка. Между тѣмъ и древній алфавитъ, столь же несовершенный по недостатку гласныхъ буквъ, въ то время уже вышелъ изъ употребленія. Въ этихъ обстоятельствахъ армянскіе первосвятители рѣшились-было составить вовсе новый алфавитъ; но предпріятіе это представило съ перваго шага столько затрудненій, что они предпочли обратиться къ азбукѣ гербовъ, прибавивъ къ ней изображеніе недостававшихъ гласныхъ буквъ. Около 104 лѣтъ послѣ обращенія армянъ къ христіанству, т. е. въ 406 г. по Р. Хр., ученый Месробъ, по порученію патріарха Исаака и царя Шапуга, изобрѣтя семь гласныхъ буквъ, прибавилъ ихъ къ прежнимъ 29 согласнымъ гебрскаго алфавита и, такимъ образомъ, ввелъ въ употребленіе письмена армянскія въ томъ видѣ, какъ сохранились они до нашего времени.

Въ V вѣкѣ, когда армяне пріобрѣли отдѣльныя письмена, патріархъ Исаакъ всѣми мѣрами сталъ поощрять ученыхъ къ переводу греческихъ сочиненій на отечественный языкъ. Первое попеченіе этого благочестиваго мужа было даровать соотечественникамъ своимъ армянскую Библію, которая замѣнила бы сирійскую, чуждую для армянскаго народа; онъ предпринялъ переводъ ветхаго завѣта съ одного сирійскаго экземпляра, текста 70 толковниковъ, и окончилъ его въ 411 году; но вскорѣ, замѣтивъ, что подлинникъ заключалъ въ себѣ поправки, позаимствованныя изъ другихъ сирійскихъ переводовъ, и, слѣдственно, повторялъ ихъ погрѣшности, Исаакъ уничтожилъ трудъ свой и, въ 420 году, обратился къ константинопольскому патріарху Аттику съ просьбою ссудить его древнимъ и правильнымъ экземпляромъ греческаго перевода 70 толковниковъ, который уже тогда предпочитался даже еврейскому тексту. Въ 431 году Библія эта была ему доставлена, вмѣстѣ съ постановленіями Эфесскаго вселенскаго собора, и тогда Исаакъ и Месробъ приступили къ новому переводу ветхаго и новаго завѣтовъ. Такимъ образомъ армянскій языкъ пріобрѣлъ правильный и чистый переводъ священнаго писанія, который сохранился до нашего времени, не потерпѣвъ никакихъ измѣненій.

Послѣ того какъ Месробъ окончилъ важное дѣло — армянскій алфавитъ, онъ открылъ во многихъ городахъ и селеніяхъ Арменіи публичныя школы,

*) Историч. памятн. сост. Арм. обл. Шопена.

гдѣ образовалось множество молодыхъ людей, которые, по окончаніи курса наукъ, были отправлены для усовершенствованія въ Аѳины, въ Константинополь, Римъ, Антіохію, Александрію и въ Эдессу. Обогативъ себя всѣми сокровищами современныхъ этой эпохѣ познаній, они возвратились въ свое отечество, гдѣ дѣятельно занялись распространеніемъ отечественной словесности.

Нельзя не сознаться, что армянская литература, при всей занимательности своей, уступаетъ въ богатствѣ и важности арабской, персидской, индійской и китайской. Правда и то, что успѣхи писателей армянскихъ въ наукахъ вообще не исполинскіе; но зато эти успѣхи были всегда въ соразмѣрности съ духомъ вѣка, со средствами націи и съ затруднительнымъ ея положеніемъ въ политическомъ отношеніи. Въ вознагражденіе же за эти недостатки армянскіе писатели всегда обладали труднымъ достоинствомъ соединять скромность съ познаніями и не слишкомъ предаваться увлеченіямъ своего воображенія; ни одинъ изъ литераторовъ армянскихъ никогда не пытался вводить изумительныя новизны, блеснуть мнѣніями странными, опасными, потрясающими зданіе гражданственности; напротивъ творенія ихъ дышатъ чистымъ нравоученіемъ и направляютъ къ добродѣтели и общественному порядку. Принадлежа почти до послѣдняго духовному сану и будучи, по большей части, современными зрителями описываемыхъ событій, они точностью повѣствованія заслуживаютъ полнаго довѣрія, и, умалчивая большей частью о всѣхъ происшествіяхъ, совершившихся не предъ собственными ихъ глазами, они самою даже сухостью своего повѣствованія доказываютъ отсутствіе всякаго притязанія украсить или преувеличить разсказываемые ими факты. Вообще, въ ихъ разсказахъ видимо господствуютъ двѣ главныя цѣли: изслѣдовать совершившіяся событія въ малѣйшихъ ихъ подробностяхъ и передать воспоминаніе объ нихъ потомству для нравственнаго его назиданія. Но во всѣхъ писаніяхъ армянскихъ въ особенности преобладаетъ желаніе представить описываемое съ религіозной точки зрѣнія; напримѣръ, если какое-либо бѣдствіе, землетрясеніе, зараза, затмѣніе или иное тому подобное явленіе совершается въ глазахъ устрашеннаго народа, армянскіе писатели стараются выставить при каждомъ подобномъ происшествіи какого-либо благочестиваго вартапета, который въ пространной рѣчи доказываетъ смущеннымъ слушателямъ, что всѣ эти перевороты природы суть справедливое возмездіе за грѣхи людскіе. Такимъ образомъ, городъ ли взятъ невѣрными или какое-либо сраженіе проиграно христіанами, историкъ армянскій всегда выставляетъ при этомъ перстъ Провидѣнія. Вообще читатель избавленъ отъ ошибочныхъ заключеній и гадательныхъ комментарій, наполняющихъ исторіи другихъ народовъ, чаще всего въ ущербъ истинѣ. Армянскіе же писатели умѣютъ поддерживать вниманіе изложеніемъ событій всегда новыхъ, неизвѣстныхъ и съ возрастающимъ интересомъ. Однимъ словомъ, въ твореніяхъ армянскихъ писателей сочинители ищутъ одну только славу: просвѣщать разумъ, образовать сердце своихъ читателей и благими примѣрами способствовать возстановленію благонравія въ родѣ человѣческомъ.

Въ отношеніи слога армянскіе писатели также имѣютъ отличительную

черту: они не предаются восторженности воображенія, которою увлекается большая часть восточныхъ писателей, когда стремятся они къ вершинамъ высокопреннаго краснорѣчія; и хотя не совершенно чуждаются оборотовъ, составляющихъ характеристическую принадлежность восточной словесности, однако они воздерживаются отъ неестественныхъ уподобленій, отъ изысканныхъ, притязательныхъ и часто безсмысленныхъ метафоръ, безъ которыхъ прочіе восточные писатели не знаютъ краснорѣчія. Вообще армянскія сочиненія отличаются выборомъ предмета, плавностью разсказа и умѣренными украшеніями. Можно даже присовокупить безъ преувеличенія, что нѣкоторые писатели армянскіе, напр. Моисей Хоренскій, Елисей, Лазарь Парпеци, но особенно Іоаннесъ католикосъ, почитаемый армянскимъ Титъ-Ливіемъ, и многіе другіе, постоянною чистотою языка, обработанностью слога и искуснымъ раздѣленіемъ періодовъ могли бы заслужить вниманіе европейскаго читателя даже послѣ чтенія лучшихъ западныхъ и восточныхъ образцовыхъ произведеній древней и новѣйшей словесности.

Неизлишне будетъ привести здѣсь слова, въ минувшемъ столѣтіи, ученаго аббата Вильфруа относительно армянскихъ манускриптовъ, хранящихся въ парижской королевской библіотекѣ: «Армянскія рукописи - - говорилъ этотъ ученый оріенталистъ- -открываютъ для литературы новый міръ, куда не проникалъ еще ни одинъ европеецъ, и богатства, остававшіяся донынѣ неизвѣстными. Миссіонеры, проживавшіе доселѣ въ Арменіи, занимаясь болѣе духовнымъ своимъ назначеніемъ, не имѣли досуга углубляться въ древности армянскія; нынѣ свѣтъ конечно съ пріятнымъ удивленіемъ узнаетъ, что на востокѣ существуетъ интересная нація, заслуживающая особаго изслѣдованія, и, быть можетъ, многіе не повѣрятъ, что впродолженіе болѣе десяти столѣтій, т. е. съ 440 по 1453 годъ (эпоха взятія Константинополя), нація эта имѣла извѣстнѣйшую академію въ Азіи.

«Къ этому можно утвердительно присовокупить, что съ IX по XIII столѣтіе Арменія имѣла мужей знаменитыхъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ и отлично свѣдущихъ въ языкахъ: греческомъ, сирійскомъ, арабскомъ, персидскомъ и латинскомъ; даже древнее нарѣчіе франковъ было имъ не чуждо, и они переложили на свой отечественный языкъ французскій романъ XIV вѣка, подъ заглавіемъ «Приключенія рыцаря Париса и прекрасной Вьены». Такимъ образомъ, армянскія рукописи сдѣлались какъ-бы сокровищницею всѣхъ богатствъ древней словесности на всѣхъ языкахъ, а открытіе армянской литературы, отверзая для насъ врата востока, обѣщаетъ сокровища, которыхъ нельзя даже было и подозрѣвать, такъ что нынѣ невозможно предвидѣть, въ какой степени разборъ армянскихъ рукописей разольетъ новый свѣтъ на всю древнюю Исторію Востока.»

Предсказаніе это вполнѣ сбылось: съ помощью армянскихъ писателей ученые арменисты дополнили и объяснили многія мѣста Исторіи древнихъ и среднихъ вѣковъ событіями, которыя до появленія въ свѣтъ изслѣдованій ихъ оставались безвѣстными въ трудахъ армянскихъ историковъ; но это только

начало, и дальнѣйшее углубленіе въ этой рудѣ историческихъ матеріаловъ еще удесятеритъ наше богатство въ этой отрасли наукъ.

МХИТАРЪ *).

Ни одинъ изъ ученыхъ армянъ не заслужилъ, въ новой исторіи армянскаго народа, такого права на уваженіе и признательность своихъ единоземцевъ, какъ Мхитаръ, основатель ученаго братства, пріобрѣвшаго знаменитость столько же и въ Европѣ, сколько и на Востокѣ. Онъ родился въ Севастіи (въ Малой Арменіи). Первоначальное воспитаніе онъ получилъ отъ двухъ благочестивыхъ монахинь, о которыхъ онъ, и въ старости, вспоминалъ съ любовью и признательностью, приписывая имъ все направленіе своей жизни. Четырнадцати лѣтъ онъ посвященъ въ санъ діакона и, на шестнадцатомъ году своей жизни, посѣтилъ знаменитый въ Арменіи монастырь Эчміадзина.

Видя, до какой степени упадка, въ умственномъ отношеніи, дошли его единоплеменники, Мхитаръ, какъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, вознамѣрился основать вѣчное ученое братство, которое бы имѣло цѣлью передачу армянамъ свѣдѣній, необходимыхъ для нравственно-духовнаго ихъ облагороженія. Препятствія, которыхъ онъ долженъ былъ ожидать, при осуществленіи этого намѣренія, его не устрашили. На двадцатомъ году, онъ посвященъ въ санъ священника и, вслѣдъ затѣмъ, получилъ наставническій жезлъ, отъ доктора Маркара Каринскаго. Не встрѣтивъ сочувствія въ Арменіи, онъ отправился въ Константинополь и, снова посѣтивъ родину, въ 1700 г. вторично прибылъ въ Константинополь, гдѣ неоднократно произносилъ поученія въ церкви св. Григорія Просвѣтителя, болѣе и болѣе привлекая къ себѣ слушателей. Еще въ первый годъ вторичнаго своего пребыванія въ столицѣ Турціи началъ онъ соединять около себя учениковъ и друзей, увеличившихся скоро до девяти, которые жили въ одномъ домѣ и руководились въ своей жизни одними и тѣми же правилами. Въ числѣ другихъ сочиненій, оказавшихся необходимыми для образованія ума и сердца этого возрождающагося общества, Мхитаръ перевелъ около этого времени аскетическое сочиненіе писателя XV вѣка, Ѳомы Кемпійскаго—о подражаніи Христу (de imitatione Christi) и издалъ много сочиненій, относящихся къ объясненію св. писанія, и нѣкоторые учебники.

До этого времени, оставаясь въ нѣдрахъ своей родной церкви, Мхитаръ, своею близостью и предпочтительною любовью къ отличавшимся ученостью членамъ латинскаго духовенства, въ Константинополѣ возбудилъ подозрѣніе армянскаго католикоса и, только стараніемъ тогдашняго французскаго послан-

---

*) См. «Обозрѣніе Арменіи» А. Худабашева.

ника при дворѣ Порты, успѣлъ спастись отъ грозившей ему казни, за предполагаемую измѣну своей прародительской церкви. Устроивъ свое возросшее уже до шестнадцати членовъ братство, по правиламъ св. Антонія, Мхитаръ, въ началѣ 1702 г., въ купеческомъ платьи прибылъ въ Смирну, откуда, на венеціанскомъ кораблѣ, переправился въ Морею, куда еще прежде отправилъ своихъ учениковъ, по его имени называющихся мхитаристами.

Въ 1703 г. прибылъ онъ въ Модонъ и получилъ отъ венеціанскаго правительства, подъ властью котораго находилась вся Морея, мѣсто для постройки монастыря и церкви. Къ этому или еще позднѣйшему времени должно отнести и присоединеніе Мхитара къ армяно-уніатамъ. Извѣстно только, что папа Климентъ XI еще въ 1712 г. утвердилъ братство мхитаристовъ, получившее въ это время устройство, сообразное съ правилами Бенедиктинскаго ордена. Переходъ Мхитара къ латинской церкви былъ вынужденъ обстоятельствами, которыхъ онъ не могъ избѣгнуть, чтобы достигнуть великой цѣли, имъ предположенной. Только присоединеніемъ къ римской церкви онъ могъ сыскать себѣ то покровительство итальянскихъ вельможъ и властей, которое было вопросомъ жизни или смерти для его только-что рождающагося общества. Неудачныя войны венеціанцевъ съ турками справедливо заставляли Мхитара опасаться, какъ бы не попасть, по взятіи Модона послѣдними, въ руки недовольнаго имъ армянскаго духовенства въ Константинополѣ. Для избѣжанія грозившей опасности, Мхитаръ, вмѣстѣ съ членами своего братства, сѣлъ на корабль и присталъ, 1715 г., къ Венеціи. Все имущество ихъ, въ это время, состояло въ 250 піастрахъ. Поселясь здѣсь въ частномъ домѣ, претерпѣвая крайніе недостатки, Мхитаръ издалъ извлеченіе изъ св. писанія.

Между тѣмъ услышавъ о разрушеніи турками монастыря и церкви мхитаристовъ, венеціанскій сенатъ подарилъ имъ, въ вѣчную собственность, островъ св. Лазаря, на разстояніи около часа пути отъ площади св. Марка. Вмѣстѣ съ своими учениками, Мхитаръ перемѣстился на этотъ островъ 8 сентября 1717 г., въ день основанія ордена мхитаристовъ и, тотчасъ же, предпринята была постройка новаго монастыря и новой церкви. Плѣнительною наружностью, кротостью нрава, необыкновенною твердостью воли и постоянствомъ, Мхитаръ скоро пріобрѣлъ любовь и уваженіе многихъ доброжелателей. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему богатыя приношенія, и венеціанскій сенатъ предоставилъ его братству всѣ возможныя преимущества. Монастырь и братство быстро возвысились въ лагунахъ Адріатическаго моря; — и общество мхитаристовъ, день ото дня, возрастало, несмотря на неоднократные доносы и обвиненія въ уклоненіи ихъ отъ правилъ римско-католической церкви, заставившіе Мхитара нѣсколько разъ лично являться въ Римъ, для ихъ опроверженія. Этотъ, безсмертный въ исторіи армянскаго просвѣщенія, мужъ кончилъ свою многотрудную и плодотворную для просвѣщенія армянскаго народа жизнь, 16 апрѣля 1749 г., на 74 году отъ рожденія. Прахъ его покоится въ монастырской церкви, на островѣ св. Лазаря.

Собственно литературная дѣятельность Мхитара состоитъ въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ: онъ издалъ грамматику армянскаго языка, которая отличается

глубокомысленными изысканіями и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, должна служить основнымъ началомъ въ филологическихъ изслѣдованіяхъ армянскаго языка, — составилъ обширный армянскій лексиконъ, въ двухъ томахъ.

Но главнѣйшая заслуга Мхитара состоитъ въ учрежденіи ученаго общества, имѣющаго полное право на названіе его армянскою академіей.

Появленіе академіи мхитаристовъ есть самое замѣчательное событіе въ умственной жизни армянъ. До этого времени армянскій народъ чуждъ былъ просвѣщенія, а языкъ находился въ состояніи рѣшительнаго варварства. Мхитаръ, по справедливости названный новымъ просвѣтителемъ и вторымъ Месробомъ армянъ, основаніемъ ученаго братства воздвигъ преграду той порчѣ, которая, болѣе трехъ столѣтій, искажала красоту и превосходство чистаго армянскаго слова. Для сего мхитаристы начали издавать армянскихъ классиковъ, дѣлая ихъ такимъ образомъ общимъ достояніемъ народа. Трудамъ ихъ народъ армянскій и Европа обязаны сохраненіемъ многихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ армянской старины, которые до этого времени лежали безъ всякаго употребленія въ пыльныхъ углахъ монастырей, или въ рукахъ разсѣянныхъ по всему міру армянъ, подвергаясь опасности быть навсегда утраченными. Вслѣдъ за изданіемъ отечественныхъ писателей, мхитаристы занялись всестороннею разработкою формъ языка. Не ограничиваясь разработываніемъ природнаго языка, мхитаристы посвящаютъ труды свои изученію языковъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Между восточными языками, турецкій составляетъ предметъ особенныхъ занятій въ обществѣ мхитаристовъ; не оставляются также безъ вниманія и языки: персидскій и арабскій.

До Мхитара не было у армянъ систематическаго курса наукъ на армянскомъ языкѣ. Для устраненія этого недостатка, онъ основалъ двѣ коллегіи: одну приготовительную для общаго, первоначальнаго образованія, другую— для приготовленія профессоровъ.

ТАМАРА.

Есть свѣтлыя минуты въ исторіи каждаго народа, которыя остаются навсегда памятными у дальнихъ потомковъ, и къ нимъ любятъ они возвращаться мысленно въ печальные дни свои, чтобы утѣшаться минувшею славою: таково царствованіе Тамары, высшая точка славы Иверіи, послѣ которой начала она постепенно упадать, и что достойно вниманія: женщина олицетворила собою ея лучшую эпоху.

Грузинскія лѣтописи никого не находятъ равнымъ царицѣ Тамарѣ, кромѣ Вахтанга I-го Гургаслана и Давида возобновителя, и называютъ ее не царицею, а царемъ Грузіи.

Двадцатичетырехъ лѣтъ наслѣдовала Тамара престолъ родительскій и обнаружила доблести истинно царскія, при всѣхъ добродѣтеляхъ женскихъ. Въ

самомъ началѣ смирила она гордость вельможъ, надѣявшихся управлять подъ ея именемъ, и съ твердостью мужеской взяла бразды правленія. Избраннымъ воеводамъ распредѣлила царица обширныя свои области и главнымъ изъ нихъ, или атабегомъ, поставила въ Ани армянскаго князя Саркиса Аргутинскаго, котораго дѣти, Иванъ и Захарія, сдѣлались лучшими ея вождями, въ битвахъ противъ сарацынъ.

Тамара, по свидѣтельству русскаго исторіографа, обвѣнчана была съ Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, который съ первыхъ дней своего супружества ознаменовалъ себя многими славными походами. Но Георгій сдѣлался недостойнымъ супругомъ царицы и потому бракъ былъ расторгнутъ. Георгій удалился изъ Грузіи въ Константинополь, а Тамара, по убѣдительнымъ просьбамъ духовенства, дворянъ и народа, должна была вступить въ новое супружество. Одинъ за другимъ являлись искатели руки ея. Въ числѣ жениховъ были: сынъ императора греческаго Мануила и князь Боэмундъ антіохійскій и два осетинскіе князя, изъ коихъ одинъ скончался съ печали, когда былъ отвергнутъ. И магометанскіе владѣтели не уступали христіанскимъ въ искательствѣ руки Тамары. Сынъ султана испаганскаго отрекся, изъ любви къ Тамарѣ, отъ вѣры предковъ, и за то умеръ въ темницѣ; владѣтель ширванскій также предлагалъ сына своего. Но царица всѣхъ искателей отпустила съ честью и богатыми дарами и вступила въ супружество съ единокровнымъ ей княземъ осетинскимъ, изъ фамиліи Багратидовъ *), Давидомъ Сосланомъ.

Но Георгій, живя въ Константинополѣ, скорбѣлъ о потерѣ трона, тайно сносился съ сильными эриставами Грузіи, вкрался въ милость императора и выпросилъ у него войско, съ которымъ вступилъ въ Карнакалакъ **). Къ нему немедленно пристали всѣ старшины и азнауры Месхіи, Варданъ-Дадіанъ, правитель страны по ту сторону горъ Лихскихъ до Никопсиса, который увлекъ всю Сванетію, Абхазію, Мингрелію, Гурію, Рачу и др. Въ Гегутѣ возвели Георгія на тронъ.

Изумленная такимъ неожиданнымъ происшествіемъ, измѣною облагодѣтельствованныхъ ею лицъ, Тамара собрала войско изъ вѣрныхъ себѣ подданныхъ и отправила его противъ бунтовщиковъ подъ предводительствомъ спаспета — Гамрекела. Бунтовщики были разбиты при р. Кингрѣ и обращены въ бѣгство. Георгій былъ выданъ въ ея руки, но получилъ свободу, съ тѣмъ, чтобы оставилъ Грузію. Онъ снова удалился въ Константинополь; немного спустя принужденъ былъ оставить и его. О дальнѣйшей его участи исторія молчитъ.

По утвержденіи на престолѣ, Тамара предприняла намѣреніе окончательно смирить сарацынъ и турокъ. Посему Давидъ направился въ Персію, взялъ много городовъ и крѣпостей; Ганжа, желавшая отложиться, добровольно сда-

*) Правнукомъ Дмитрія, который нѣкогда возставалъ противъ великаго Баграта.
**) Эрзерумъ.

лась ему. Добыча, взятая при-этомъ, состояла изъ 12,000 плѣнныхъ — шефовъ, азнауровъ и рабовъ, 2,000 лошадей, 17,000 лошаковъ, 15,000 верблюдовъ, навьюченныхъ добычею, не считая другого богатства, состоявшаго изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ.

Затѣмъ обращено было оружіе на области, занятыя турками. Царица послала выгнать турокъ изъ Карса. При появленіи грузинъ турки, оставивъ крѣпость, бѣжали. Тогда могущественный врагъ крестоносцевъ, султанъ Алеппа *), Нуреддинъ, удивляясь успѣхамъ иверійцевъ, собралъ войско изъ 800,000 воиновъ, имѣя въ томъ числѣ 100,000 кавалеріи. Предъ вторженіемъ въ предѣлы Грузіи, Нуреддинъ извѣстилъ Тамару о своей силѣ, обѣщая ей милость въ случаѣ согласія ея быть его женою, и каждому въ случаѣ принятія ислама. Лишь только посланникъ объявилъ волю султана, спаспетъ Захарія Мхаргзели (долгорукій) далъ ему такую пощечину, что онъ палъ полумертвымъ и со стыдомъ отправленъ обратно.

Тотчасъ же начались приготовленія къ войнѣ; царица сама сопровождала свое войско до Карса и отсюда отпустила его съ царемъ, спаспетомъ Захаріею Мхаргзели и двумя братьями его къ Бассіану **). Въ Бассіанѣ грузины встрѣтили султана, расположившагося лагеремъ на необъятномъ разстояніи, и первые начали кровопролитнѣйшую изъ битвъ. Царь Давидъ и славные полководцы — Захарія, Шалва и Иванъ Ахалцихели сражались впереди и были примѣромъ для храбрыхъ воиновъ. Наконецъ турки были сбиты и разсыпались. Грузины преслѣдовали ихъ, безъ пощады били и рѣзали, и набрали столько плѣнныхъ, что, по сказанію преданія, на одного приходилось по 20. Добыча была несмѣтна и состояла изъ верблюдовъ, лошадей и другихъ животныхъ, палатокъ, золота, серебра и разнаго рода вещей, такъ что при столѣ царскомъ не употребляли другихъ сосудовъ, кромѣ серебряныхъ и золотыхъ; драгоцѣнные камни и жемчугъ мѣряли мѣрою.

Изъ этой добычи царица обогатила всѣ церкви серебряными и золотыми сосудами, посылала пособія разнымъ монастырямъ и христіанамъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. За милостынею къ щедрой царицѣ являлись монахи изъ Александріи, Ливіи, Синая, Эллады, съ горы Черной, изъ Македоніи, Ѳракіи, Константинополя, изъ Антіохіи, съ острова Кипра, со Св. горы и изъ другихъ мѣстъ, и каждый изъ нихъ отходилъ съ огромною суммою денегъ.

Послѣ этого началась война съ греками въ Малой Азіи; она возникла изъ-за корыстолюбія греческаго императора Алексѣя Ангела, который приказалъ отослать сокровища, пожертвованныя Тамарою пріѣзжавшимъ въ Грузію монахамъ и возвращающимся чрезъ Константинополь.

Изъ вновь пріобрѣтенныхъ владѣній Тамара образовала Трапезондскую

---

*) Алеппъ крѣпкій и богатый городъ въ Сиріи, которая съ X вѣка принадлежала султанамъ египетскимъ—фатимидамъ.

**) Бассіанъ — западный Ширванъ, такъ названный оттого, что здѣсь поселились бассіаны, племена, повиновавшіяся многимъ мелкимъ владѣльцамъ.

имперію въ правильномъ предположеніи затруднить распространеніе магометанства въ христіанскомъ населеніи малоазійскихъ и кавказскихъ береговъ Чернаго моря. И дѣйствительно Трапезондская имперія для малоазійскихъ и кавказскихъ странъ постоянно отражала свѣтъ и теплоту до 1461 года. Со времени же паденія ея побѣда перешла на сторону исламизма.

На 24 году царствованія Тамары умеръ супругъ ея Давидъ, оставивъ сына Георгія Лашу, прозваннаго такъ за красоту свою, и дочь Русаданъ. По смерти Давида, Тамара, опытная во всѣхъ дѣлахъ правленія и неутомимо дѣятельная, весьма часто являлась то къ тому племени, то къ другому, установляя и поддерживая въ нихъ порядокъ, и этимъ не мало содѣйствовала единству царства.

Тамара всегда готова была помочь несчастному и изгнанному; щедрость ея была примѣрная. Вотъ трогательная легенда о щедрости царицы. Тамара въ торжественный день собиралась идти въ соборъ Генатскій къ обѣднѣ и прикрѣпляла лалы *) къ царской своей повязкѣ, когда пришли ей сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать нищей и когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла подать ей милостыню, нищую не могли уже найти. Смущенная Тамара упрекала себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, царскую свою повязку изъ лаловъ, и надѣла ее на вѣнецъ Хахульской Богоматери, болѣе достойной такого украшенія. Царица построила множество церквей и монастырей. Даже бури войны не прерывали потока ея благотворительности. Многочисленныя церкви на неприступныхъ горахъ и скалахъ Кавказа, внутри самыхъ дикихъ долинъ, на поморьи Черномъ и Каспійскомъ и даже по ту сторону хребта Кавказскаго передаютъ вѣкамъ славное имя великой побѣдами и мудростью царицы.

Особенную заботу царицы составляло сооруженіе храмовъ во имя Божіей Матери въ Вардзіи, неподалеку отъ Ахалцыха, и во имя св. Троицы въ сѣверной части Кахетіи, по лѣвому берегу Алазани, въ мѣстечкѣ Алвани. На украшеніе ихъ она не щадила сокровищъ и для содержанія причта пожертвовала обширныя помѣстья. Здѣсь она въ прекрасныхъ дворцахъ своихъ особенно любила проводить время, предаваясь отдыху послѣ трудовъ и разнообразнымъ удовольствіямъ.

При царскомъ дворѣ, гдѣ онъ ни будь, особенно въ Вардзіи и Алвани, жизнь текла весело и разнообразно; праздники слѣдовали за праздниками, пиры за пирами; много было тутъ всякихъ потѣхъ, но доходило до дѣлъ и самыхъ важныхъ, которыя по древнему обычаю часто обсуждались за столомъ. Нерѣдко рѣшался тутъ вопросъ о мирѣ и войнѣ, заключались или расторгались союзы съ иноземцами, назначались епископы и эриставы, раздавались награды и важныя привилегіи.

Между тѣмъ, военныя дѣла, прославившія царствованіе Тамары, не прекращались до самаго заката дней ея. 1208 года, во время великаго поста въ бытность царицы съ двумя Мхаргзелями въ Гегутахъ, султанъ ардебильскій,

*) Драгоцѣнные камни.

пользуясь ея удаленіемъ, рано утромъ въ великую субботу, когда всѣ были въ церкви, внезапно подступилъ къ Ани, ворвался въ ворота и произвелъ страшное кровопролитіе. Убивъ 12,000 жителей и ограбивъ городъ, удалился съ огромною добычею. По совѣту Мхаргзелей, Тамара рѣшилась отплатить султану тѣмъ же. Дождавшись мусульманскаго поста, Мхаргзели отправились въ походъ. Соединивши войска свои въ Ани, они, въ самую ночь полнолунія мусульманскаго, подошли къ Ардебилю *) (1210 г.). Лишь только крикъ муллы съ минарета пробудилъ покоющійся народъ, воины Мхаргзелей ворвались въ городъ и мгновенно овладѣли имъ. 12,000, какъ и въ Ани, было убито на мѣстѣ. Султанъ съ женами и дѣтьми отведенъ въ плѣнъ, городъ разрушенъ.

Вожди Тамары достигали Тавриса и возвращались побѣдителями съ большою добычею.

Вліяніе царицы распространялось далеко въ Осетію за хребетъ Кавказскій: непокорные горцы смирялись предъ ея побѣдоносныmъ оружіемъ. Покоренныя населенія вносили дань деньгами и натурою въ царскую казну, а нѣкоторыя сверхъ того обязывались отправлять барщину на своихъ грузинскихъ помѣщиковъ. Слѣдомъ за грузинскимъ воиномъ въ эти края шелъ обыкновенно грузинскій священникъ и армянскій купецъ. По теченію Куры, Алазани, Ліахвы и Терека развивалась дѣятельная жизнь и христіанская гражданственность, которыя побѣдоносно противостали варварству и полукочевому быту древнѣйшей эпохи. Вообще царствованіе Тамары достигло величайшаго могущества извнѣ и широкаго развитія государственной жизни внутри, и почитается золотымъ вѣкомъ и для грузинской литературы. Тамара заводила училища, посредствомъ соборовъ исправляла нравственность народа; ободряла и поощряла дарованія, а знаменитыми дѣяніями своими доставляла имъ матеріалы для сочиненій. При ней особенно прославились прозаики: Моисей Хонели и Диларгетъ-Саркисъ-Тмогвели; поэты: Абдулъ Мессви-Шавтель, Чахрухадзе (авторъ Тамаріани) и Руставель.

Иванъ Руставели родился въ незначительномъ городѣ Рустави, въ провинціи ахалцыхской. Преданіе говоритъ, что онъ получилъ образованіе въ Аѳинахъ и былъ въ числѣ сановниковъ, окружавшихъ Тамару.

Поэма Руставели вепхвисъ-тха-осани имѣетъ содержаніе романическое, заимствованное изъ индійской исторіи. Называется она «барсовою кожею» потому, что герой ея, индійскій царевичъ Таріелъ, странствовавшій по свѣту, одѣвался въ барсовую кожу. Каждое изъ дѣйствующихъ въ вепхвисъ-тха-осани лицъ выражаетъ какую-либо благородную идею: всякое приключеніе есть развитіе нравственнаго правила. Главный недостатокъ героевъ ея—это приторная ихъ нѣжность: величіемъ своимъ они затемняютъ свѣтъ солнца и планетъ, ланиты ихъ розы; они львы, нарцисы и кипарисы; бьютъ враговъ безъ жалости, а при разставаньяхъ и печальныхъ разсказахъ дождемъ проливаютъ горькія слезы.

Тамара скончалась 1212 года и тѣло ея сначала было выставлено въ Мцхетскомъ храмѣ, а потомъ привезено въ Генатскій монастырь, какъ по-

*) Ардебиль—городъ въ Адербейджанѣ.

гребальницу ея предковъ, и здѣсь предано землѣ. Съ переселеніемъ Тамары въ вѣчность, закатилось красное солнце Грузіи и кончились счастливые дни царства.

РАЗОРЕНІЕ ТИФЛИСА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ АГА-МАГОМЕТЪ-ХАНОМЪ.

Маленькій ростомъ и сухощавый, Ага-Магометъ-ханъ издали казался мальчикомъ 14 или 15 лѣтъ. Сморщенное и безбородое лицо дѣлало его похожимъ на старую, опустившуюся тѣломъ женщину, а выраженіе чертъ лица, которыя никогда не были пріятны, придавало ему ужасный видъ при неудовольствіи, или гнѣвѣ, что случалось весьма часто.

Ненависть и кровавая злоба сверкали въ глубоко-вдавленныхъ глазахъ его, которые, при внутреннемъ волненіи, какъ будто обливались багровымъ мерцаніемъ. Проницающій взглядъ Ага-Магометъ-хана охватывалъ трепетомъ тѣхъ, на кого онъ смотрѣлъ, а презрительная улыбка тонкихъ и постоянно сжатыхъ губъ шаха выражала полное и глубокое презрѣніе ко всему окружавшему его.

«Высокая остроконечная шапка, изъ черныхъ смушекъ, покрывала его бритую голову, придавая мертвенный видъ желтому, безбородому и морщинистому лицу, свидѣтельстовавшему о томъ противоестественномъ увѣчьи, которое, будучи нѣкогда совершено надъ шахомъ—ребенкомъ, сдѣлало изъ него въ зрѣломъ возрастѣ ненавистника всего человѣчества. Изуродованный тѣлесно, шахъ сталъ извергомъ нравственнымъ... Бренные останки Надиръ-шаха, виновника увѣчья Ага-Магомета, сложилъ онъ подъ плиты коридора, ведущаго въ сераль, чтобы имѣть возможность ежедневно попирать прахъ, ему ненавистный; точно также желалъ бы онъ уложить въ одну гробницу весь родъ человѣческій, чтобы цѣлое человѣчество презрительно попирать ногою.»

Господствующая страсть въ его поблекшей душѣ была властолюбіе, вторая—скупость, третья—мщеніе.

Всѣмъ имъ онъ предавался въ крайней степени, въ особенности послѣдней. Ага-Магометъ-ханъ отличался своей жестокостью отъ всѣхъ бывшихъ властителей Персіи. Слово пощады, милости и человѣколюбія никогда не выходило изъ устъ властителя-евнуха, давно привыкшаго къ выраженіямъ ненависти, злобы и безчисленныхъ казней. Евнухъ Надира, Ага-Магометъ-ханъ, послѣ его смерти сдѣлался шахомъ и впослѣдствіи самъ былъ умерщвленъ любимымъ своимъ слугою.

Съ самаго малолѣтства Ага-Магометъ-ханомъ овладѣли честолюбіе и мысль о возвышеніи, которую онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и съ неутомимымъ стремленіемъ.

Сухой тѣломъ, Ага-Магометъ-ханъ пріучилъ себя къ воздержанію и

дѣятельной жизни. Осьмнадцать лѣтъ онъ уже велъ войну на пути къ персидскому престолу. — Вотъ этотъ-то Ага-Магометъ-ханъ, послѣ завоеваній многихъ ханствъ, 10-го сентября 1795 года подошелъ къ Тифлису.

Авангардъ его войскъ былъ разбитъ грузинами. Побѣда, одержанная грузинами, не помѣшала однако персіянамъ, на слѣдующій день, двинуться на штурмъ города.

— Я не помню,--проговорилъ во время боя властитель Персіи,--чтобы когда-либо враги мои сражались съ такимъ мужествомъ.

Завсѣмъ тѣмъ непріятель ворвался въ Тифлисъ, оставленный жителями. Ираклій черезъ мостъ авлабарскій бѣжалъ къ берегамъ Арагвы. «Но когда царевичъ Давидъ увидѣлъ, что толпы непріятелей занимаютъ городъ, когда свѣдалъ, что царь покинулъ столицу свою, то рѣшился отступить къ сѣверу въ горы. Узкими и крутыми тропинками проникъ онъ туда и черезъ три дня прибылъ на Арагву, въ Мтіулеты, съ намѣреніемъ не покидать своего дѣда, пока персіяне не уберутся во-свояси.»

Ага-Магометъ-ханъ овладѣлъ Тифлисомъ.

Будучи укрѣпленъ и имѣя на своихъ стѣнахъ до тридцати пяти орудій, Тифлисъ, конечно, могъ бы быть легко обороненъ отъ непріятеля, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи очень незначительную артиллерію, состоявшую изъ двухъ дурныхъ пушекъ. По крайней мѣрѣ при тѣхъ средствахъ, которыя имѣли грузины, взятіе Тифлиса персіянами могло быть отсрочено на довольно продолжительное время.

Подданные царя Ираклія, не жалѣя ни его, ни имущества, не думали объ оборонѣ, а надѣялись—какъ писалъ Ираклій Гудовичу—«на однѣ только руки россійскія». Самъ царь не могъ собрать болѣе 1,500 человѣкъ, съ которыми думалъ защищать городъ, хотя давно были извѣстны ему и всей Грузіи непріязненныя противъ нея предпріятія Ага-Магометъ-хана и болѣе четырехъ мѣсяцевъ было времени на приготовленіе.

Въ городѣ сдѣлалось страшное смятеніе. Жители искали спасенія въ бѣгствѣ. Еще передъ самымъ нашествіемъ персіянъ царица Дарья уѣхала въ горы у деревни Анануръ, въ 60 верстахъ отъ Тифлиса и по дорогѣ къ Моздоку. Вслѣдъ за царицей все побѣжало изъ Тифлиса въ горы; нѣкоторые жители даже достигли до Моздока. Никто не заботился о защитѣ города, а, напротивъ того, каждый искалъ спасенія въ бѣгствѣ, стараясь удалиться какъ можно далѣе отъ театра военныхъ дѣйствій.

Соломонъ Имеретинскій также ушелъ въ горы, вслѣдъ за своими войсками. Царевичи всѣ разъѣхались кто куда попало, и старшій сынъ Ираклія и его наслѣдникъ, Георгій, хотя и собралъ войско, но стоялъ «безъ соединенія съ родителемъ въ Кахетіи». Еще до приближенія Ага-Магометъ-хана Ираклій убѣдительно просилъ Георгія и другихъ царевичей поспѣшить присылкою ему войска. Георгій торопился исполнить просьбу отца. Онъ формировалъ войска въ Сигнахѣ, отправлялъ ихъ изъ города; но грузины, не заботясь о защитѣ отечества, возвращались назадъ окружными дорогами и расходи-

лись по домамъ, «чтобы успѣть собрать съ полей хлѣбъ, сдѣлать вино и тѣмъ доставить семействамъ своимъ пропитаніе».

Въ окрестностяхъ Тифлиса началось опустошеніе. По дорогамъ открылись разбои и грабежи. Бѣжавшіе грузины начали убивать другъ друга, чтобы захватить чужое имущество. Такъ почти всегда водилось во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ.

Извѣстіе о паденіи Тифлиса скоро достигло и до Сигнаха. Оно дошло туда 14-го сентября, около полудня. Городскіе жители стали также оставлять городъ и искать спасенія въ бѣгствѣ; долженъ былъ бѣжать и Георгій, будущій царь Грузіи. Сундуки его (яхтаны) были уже навьючены на лошадяхъ, когда народъ узналъ о желаніи царевича оставить Сигнахъ. Собравшись огромною толпою вокругъ его дома, грузины кричали Георгію, что они его не пустятъ. Они упрекали его въ томъ, что «умѣлъ ихъ быками, баранами и виномъ довольствоваться, а когда пришла опасность, то хочетъ ихъ бросить.»

— Такъ нѣтъ же,--повторяли они въ одинъ голосъ,--теперь мы тебя не выпустимъ; умирай вмѣстѣ съ нами! Когда будутъ рубить наши головы, то пусть срубятъ и твою.

Георгій просилъ сигнахцевъ отпустить его изъ города; но народъ нетолько не слушалъ его просьбъ, а, напротивъ того, приставилъ къ его дому караулъ. Царевичу осталось одно средство—подкупить караульныхъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, простившись однакожъ навсегда со всѣмъ своимъ имуществомъ, которое имѣлъ при себѣ. Въ одномъ кафтанѣ онъ бѣжалъ въ Телавъ.

Мцхетъ былъ также выжженъ персіянами, которые хотѣли сжечь и знаменитый мцхетскій храмъ, но были остановлены начальникомъ отряда, нахичеванскимъ ханомъ.

— Не слѣдуетъ осквернять святыню и гробъ царей,--сказалъ онъ своимъ войскамъ. Монастырское имущество было разграблено, и повсюду валялось множество убитыхъ. Монахи всѣ разбѣжались, предоставивъ расхищенію монастырскія богатства.

Намѣстникъ и монашествующіе, при побѣгѣ своемъ, спрятали монастырскія сокровища въ потаенномъ мѣстѣ внутри стѣны, въ которой отверстіе сдѣлано было въ самомъ верху и закладывалось такимъ же камнемъ, какъ и прочіе. Но, спрятавъ ихъ, по торопливости или по простотѣ, монахи оставили у того самаго мѣста лѣстницу, и это подало поводъ догадаться персіянамъ, что тутъ есть скрытыя сокровища, которыя и похищены были ими безъ остатка.

Тифлисъ былъ разрушенъ почти до основанія; авлабарское предмѣстье все выжжено; мостъ чрезъ рѣку Куру также сожженъ, и во всемъ предмѣстьи одинъ только домъ Мелика князя Бебутова уцѣлѣлъ отъ пожара. Втеченіе шести дней городъ былъ разоряемъ персіянами.

Ага-Магометъ-ханъ вступилъ въ Тифлисъ въ сопровожденіи Джаватъ-хана ганжинскаго, показавшаго ему дворецъ Ираклія. Шахъ осмотрѣлъ всѣ внутренніе покои, присвоилъ себѣ всѣ сокровища и украшенія, которыя ему понравились,

а затѣмъ остальныя богатства отдалъ на расхищеніе своему войску, которому прежде всего приказалъ ограбить и разрушить христіанскіе храмы.

Узнавъ о существованіи въ Тифлисѣ царскихъ бань, Ага-Магометъ-ханъ отправился осмотрѣть и ихъ: «Построенныя изъ твердаго камня и мрамора, онѣ понравились ему своимъ устройствомъ и богатствомъ. Онъ съ охотою и удовольствіемъ нѣжился въ нихъ, искалъ въ теплыхъ струяхъ минеральной воды исцѣленія отъ болѣзней, но не нашелъ и приказалъ разрушить бани.»

Изъ бань онъ отправился въ арсеналъ, забралъ оружіе, а все остальное приказалъ разрушить и уничтожить.

Ага-Магометъ-ханъ, боясь располагаться на ночь въ самомъ городѣ, сталъ лагеремъ при мѣстечкѣ Саганлугѣ.

Съ каждымъ разсвѣтомъ дня толпы персидскаго войска, вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ, устремлялись въ столицу Грузіи. Тамъ персіяне предавались полному неистовству. Они отнимали у матерей грудныхъ дѣтей, хватали ихъ за ноги и разрубали пополамъ съ одного разу для того, чтобы попробовать: хороши ли ихъ сабли; хватали женщинъ и уводили въ свой лагерь, бросая дѣтей и плѣнницъ на дорогѣ. Дорога за банными воротами была усѣяна дѣтьми моложе трехлѣтняго возраста, которыя, будучи брошены мусульманами, плакали по своимъ матерямъ. Выставивъ на мосту черезъ Куру икону Богоматери, персіяне заставляли грузинъ издѣваться надъ этимъ образомъ, ослушниковъ же бросали въ Куру...

Рѣка была загромождена трупами.

Изъ одной столицы было выведено въ плѣнъ болѣе 3,000 душъ, изъ другихъ же мѣстъ уведено до 10,000 грузинъ персіянами, до 10,000 союзниками—имеретинами и другими сосѣдями и, наконецъ, столько же разбѣжалось въ Ахалцыхъ и Карсъ, отыскивать тамъ безопаснаго для себя убѣжища.

Помощь имеретинъ была столько же гибельна для Грузіи, сколько и самое вторженіе непріятеля. Мало того, что имеретины бѣжали отъ непріятеля: они, кромѣ того, на пути своего бѣгства грабили, разоряли Карталинію и уводили въ плѣнъ тысячи беззащитныхъ семействъ.

Въ дымящихся развалинахъ Тифлиса блуждали по ночамъ, какъ тѣни, кахетинцы, приходившіе отыскивать или свое имущество, или средствъ къ пропитанію.

«Пройдя въ Тифлисъ черезъ тапитагскія ворота,—говоритъ современникъ,—я еще болѣе ужаснулся, увидѣвъ даже женщинъ и младенцевъ, посѣченныхъ мечемъ непріятеля, не говоря уже о мужчинахъ, которыхъ въ одной башнѣ нашелъ я, на глазомѣръ, около тысячи труповъ. Бродя по городу до ганжинскихъ воротъ, я не встрѣтился ни съ однимъ живымъ человѣкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ измученныхъ стариковъ, надъ которыми непріятели, допрашивая, гдѣ есть у нихъ богатство или деньги, дѣлали различныя тиранства. Городъ почти былъ выжженъ и еще дымился, и воздухъ отъ гніющихъ убитыхъ тѣлъ, по жаркому времени, былъ совершенно несносенъ и даже заразителенъ.»

Исторіографъ Ага-Магометъ-хана сознается, что, при разореніи Тифлиса, храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ образецъ или примѣръ того, чего они должны ожидать въ день судный.

Самъ Ираклій, захвативъ съ собою мощи святыхъ угодниковъ и нѣкоторыя вещи, бѣжалъ изъ города и укрылся сначала въ Мтіулетскую провинцію, а потомъ въ Анануръ. Богатая добыча досталась персіянамъ.

«Увѣряемъ ваше высокопревосходительство,—писалъ Ираклій графу Гудовичу,—что пріобрѣтенное какъ нашими предками, такъ равно и нами имущество, пожалованные отъ всемилостивѣйшей государыни: корона, скипетръ, порфира, знамя, пушки, также дѣтей и вѣрноподданныхъ нашихъ имѣніе, отъ святыхъ церквей драгоцѣнные образа, кресты, ризница и прочая церковная утварь, словомъ сказать все тифлисское богатство попало въ его (врага) руки.»

Отряды персіянъ проникли въ Мухнаръ и Джалы, не встрѣтивъ тамъ ни одного человѣка. Села и деревни были пусты. Близъ Гори отрядъ остановился въ виду крѣпости, но, простоявъ нѣкоторое время и не предпринимая ничего, отступилъ. Персіяне бродили по всей верхней Карталиніи, проникли до Цхинвала и возвратились, не находя нигдѣ ни людей, ни стадъ, не поживившись богатою добычею.

Разоренный народъ, за неимѣніемъ хлѣба, питался орѣхами и травою.

По отступленіи шаха къ Ганжѣ, укрывавшіеся въ лѣсахъ за Душетомъ и Анануромъ жители Тифлиса и другихъ мѣстъ стали выходить въ селенія. Въ Ананурѣ собралось огромное кочующее поселеніе. Пришельцы, не имѣя помѣщенія, проводили день и ночь подъ открытымъ небомъ, въ ненастную погоду, безъ одежды и пропитанія. Каждый изъ нихъ не досчитывался когонибудь въ своей семьѣ: отецъ потерялъ сына, сынъ не зналъ, гдѣ и что сталось съ его отцемъ; матери лишились дочерей, жены мужей и со всѣхъ сторонъ стоны и вопли оглашали улицы Ананура.

Въ полуразрушенномъ старинномъ грузинскомъ монастырѣ Ананура, въ одной ветхой кельѣ, бывшей въ углу монастырской ограды, можно было встрѣтить человѣка, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и закрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Человѣкъ этотъ, нѣкогда гроза всего Закавказья, былъ царь Грузіи, Ираклій II. Подлѣ него стоялъ старый армянинъ слуга.

— Кто сидитъ въ углу? - - спрашивали проходившіе.

— Тотъ, котораго ты видишь,- -отвѣчалъ со вздохомъ армянинъ, - - былъ нѣкогда въ большой славѣ и имя его уважалось во всей Азіи. Онъ былъ лучшій правитель народа своего. Какъ отецъ онъ старался о благоденствіи его и втеченіе сорока лѣтъ, до сего времени, умѣлъ сохранить цѣлость царства своего; но старость, лишившая его силъ, положила всему преграду и конецъ. Чтобы отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ своемъ, могущія послѣдовать послѣ его смерти, онъ думалъ сдѣлать послѣднее добро народу своему, и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ. Несчастный царь Ираклій ошибся въ своихъ надеждахъ. Бывшій евнухомъ Тамасъ-Кули-хана (шаха Надира), въ то время, когда Ираклій носилъ званіе военачальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдить не-

мощную старость его. Собственные дѣти отказались помочь ему и спасти отечество, потому что ихъ было много, и всякій изъ нихъ думалъ, что будетъ стараться не для себя, а для другого. Царь Грузіи принужденъ былъ прибѣгнуть къ царю Имеретіи; но если ты былъ въ Тифлисѣ, то, конечно, видѣлъ весь позоръ, какой представляли тамъ войска его. Ираклій съ горстью людей сражался со ста тысячами и лишился престола оттого, что былъ оставленъ безъ жалости дѣтьми своими—и кому же на жертву?—евнуху, человѣку, который прежде раболѣпствовалъ предъ нимъ!.. Померкла долголѣтняя слава его; столица обращена въ развалины, а благоденствіе народа его въ погибель. Вотъ, подъ этой стѣною, видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей, славнаго царя Грузіи, безъ помощи и покрытаго только овчинною кожею!.. Царедворецы и всѣ находившіеся при немъ ближніе его природные подданные, которыхъ онъ покоилъ и питалъ на лонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его: ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за владыкою своимъ, кромѣ меня, самаго послѣдняго армянина.

НАЧАЛО РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА ЗА КАВКАЗОМЪ. ПАВЕЛЪ ДИМИТРІЕВИЧЪ ЦИЦІАНОВЪ.

Обширное въ былое время Грузинское или Иверское царство распалось на нѣсколько владѣній: собственно Грузію, Имеретію и Мингрелію, къ которымъ слѣдуетъ причислить также Гурію, Абхазію и Сванетію; вокругъ находились мусульманскія ханства: Эриванское, Нахичеванское, Шекинское, Ширванское, Карабахское, Талышинское, Бакинское. Турки, персіяне, лезгины безпрерывно врывались въ эту область и господствовали въ ней, благодаря нескончаемымъ распрямъ между отдѣльными владѣльцами. Среди этихъ бѣдствій всѣ надежды грузинскаго народа опирались исключительно на Россію, и Россія никогда не отказывала въ покровительствѣ своимъ единовѣрцамъ. Войскамъ русскимъ не разъ приходилось выполнять неблагодарную задачу: они являлись за Кавказскимъ хребтомъ горъ, отражали хищниковъ, возстановляли тамъ спокойствіе, но чрезъ нѣсколько лѣтъ повторялась та же самая исторія и требовала отъ русскихъ новыхъ жертвъ людьми и деньгами. Екатерина II оказала грузинскимъ владѣніямъ важную услугу. Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ удалось ей освободить Грузію (состоявшую тогда изъ двухъ областей: Карталиніи и Кахетіи), а также Имеретію и Мингрелію, отъ притязаній турецкаго правительства, но зло отъ этого не прекратилось...Очевидно было, что бѣдствія, отъ которыхъ страдали владѣнія Закавказья, условливались не одними только нападеніями на нихъ сосѣдей, корень ихъ лежалъ гораздо глубже, его нужно было искать въ глубокомъ политическомъ и нравственномъ упадкѣ тамошняго народа и правительства. Грузія сохранила вѣру своихъ предковъ, и это былъ большой подвигъ съ ея стороны; во всемъ остальномъ она впол-

нѣ поддалась тлетворному вліянію среды, съ которою имѣла дѣло втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Страна, лишенная всякой цивилизаціи, истощенная внутренними раздорами и нищетой, не могла ни въ какомъ случаѣ сохранить свою политическую самостоятельность. Для нея существовалъ двоякій исходъ: сдѣлаться добычей турокъ или персіянъ, или же искать обезпеченія спокойствія и гражданскаго порядка въ тѣсномъ соединеніи съ сосѣдней великой державой. Съ другой стороны, могла ли Россія жертвовать безплодно своимъ достояніемъ и жизнью своихъ подданныхъ, чтобъ оказывать Грузіи покровительство противъ мусульманъ? Успѣшное выполненіе этой задачи становилось возможнымъ въ томъ лишь случаѣ, еслибъ упомянутая страна совершенно слилась съ Россіей. Подобное присоединеніе было до такой степени въ интересахъ самихъ грузинъ, что начиная съ исхода XVIII вѣка они не перестаютъ умолять о немъ; русское правительство, напротивъ, колеблется, дѣйствуетъ уклончиво, оно какъ-бы страшится возложить на себя обязанности, которыя должны были потребовать не мало жертвъ съ его стороны. По договору 1783 года императрица Екатерина приняла Грузію подъ свой протекторатъ, но этого было мало: грузинскіе цари, обращаясь постоянно въ Петербургъ съ просьбами о присылкѣ войскъ для своей защиты, ревностно заботятся въ тоже самое время объ установленіи болѣе тѣсныхъ связей между своими владѣніями и Имперіей. Когда императоръ Павелъ вступилъ на престолъ, Ираклій II отправилъ къ нему посольство съ просьбой поддержать покровительство, обѣщанное прежнимъ договоромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «даровать грузинскому царю и народу всероссійскій законъ для управленія государствомъ, дабы онымъ исторгнуть нѣкоторыя вкравшіяся издревле азіатскія несправедливости судопроизводства, служащія во вредъ и противность православному христіанскому исповѣданію.» Напрасно однако Ираклій дожидался отвѣта на свое посланіе: онъ умеръ, не получивъ его. Вначалѣ императоръ Павелъ не обнаруживалъ ни малѣйшей охоты удовлетворить домогательствамъ Грузіи, но при преемникѣ Ираклія, Георгіѣ XIII, возобновляются тѣ же самыя мольбы и предложенія. Новый царь выразилъ готовность «предать себя и царство свое великому всероссійскому государю навсегда въ полную зависимость и подданство и оставаться во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи у него, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо россійскими подданными». На этотъ разъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Растопчинъ, объявилъ посламъ Георгія, что императоръ жалуетъ Грузіи свой покровъ. Георгій, удрученный тяжкою болѣзнью и со дня на день ожидавшій смерти, сознавалъ, однако, что нельзя было слишкомъ радоваться этому результату, ибо онъ не въ состояніи былъ избавить Грузію отъ одного изъ страшныхъ золъ, отъ которыхъ страдала она въ описываемое нами время: мы говоримъ о безпрерывныхъ раздорахъ и междоусобіяхъ въ царской семьѣ. Многочисленные ея члены, лишенные всякаго патріотизма, готовы были ежеминутно принести страну въ жертву своимъ корыстнымъ интересамъ. Не требовало ли благоразуміе отважиться на послѣдній подвигъ и поставить Грузію въ безусловное подданство

Россіи? Такъ именно и поступилъ Георгій. Предъ кончиной убѣждалъ онъ приближенныхъ отправить въ Петербургъ посольство, которое должно было объявить, что «вельможи грузинскіе, духовенство и народъ, всѣ вообще желаютъ вступить единожды навсегда въ подданство высокославной имперіи Всероссійской, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства повелѣвать будутъ, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца.»

Уже составленъ былъ, по приказанію Павла I, манифестъ въ этомъ смыслѣ; уже выработанъ былъ проектъ административнаго устройства для Грузіи, которая долженствовала составить одну изъ русскихъ губерній; Кноррингъ назначенъ былъ губернаторомъ присоединенной области и получилъ приказаніе привести новыхъ подданныхъ къ присягѣ, какъ вдругъ пронеслась въ Тифлисѣ вѣсть о кончинѣ Павла... Народъ дрогнулъ. Онъ страшился, что событіе, о которомъ мы говоримъ, можетъ отразиться самымъ печальнымъ образомъ на судьбѣ Грузіи, которую ближайшіе и отдаленные родственники покойнаго Георгія уже начали волновать своими происками и кознями. Если грузинскій народъ страстно желалъ чего-нибудь въ эту минуту, такъ это—удаленія изъ страны своихъ царевичей. Всякій разъ, какъ кто-либо изъ нихъ отправлялся въ Россію, начиналось общее ликованіе. «Здѣсь столь рады - - писалъ генералъ Лазаревъ - - отъѣзду царевичей, что я и выразить вамъ не могу, и нѣкоторые почти громко кричатъ, что большая государева милость была бы послѣднихъ всѣхъ отсюда взять...» Опасенія, вызванныя кончиною Павла I, оказались далеко не преувеличенными. Несмотря на то, что вопросъ о Грузіи казался окончательно порѣшеннымъ, новый императоръ счелъ нужнымъ подвергнуть его внимательному пересмотру. Вопросъ этотъ переданъ былъ на обсужденіе государственнаго совѣта, который, мнѣніемъ своимъ, постановилъ, что интересы Грузіи, а также чувство достоинства русскаго правительства, которое съ давнихъ поръ оказывало протекторатъ этой странѣ, требуютъ принять ее въ подданство.

Императоръ Александръ не согласился съ мнѣніемъ государственнаго совѣта и предложилъ ему вторично обсудить вопросъ, причемъ генералъ-прокуроръ Беклешовъ заявилъ совѣту «о крайнемъ отвращеніи его императорскаго величества на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой собственности». Въ тоже самое время Кноррингу велѣно было изслѣдовать на самомъ мѣстѣ, «на собственномъ ли убѣжденіи и сознаніи отечественной пользы основано было преклоненіе Грузіи подъ россійскую державу, и единодушно ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе, или увлекаемые предпріимчивостью извѣстнаго рода людей, уступили они страху замысловъ и посторонимъ внушеніямъ болѣе, нежели истинному сознанію пользъ своихъ.»

Все это происходило въ то время, когда грузинскіе послы находились уже въ Петербургѣ, ожидая отвѣта на торжественно-выраженное желаніе своихъ соотечественниковъ вступить въ русское подданство. Кноррингъ исполнилъ въ точности данное ему порученіе: онъ собралъ въ Тифлисѣ всѣхъ

главныхъ князей и представителей народонаселенія и, по совѣщаніи съ ними, спѣшилъ донести, что встрѣтилъ полное единодушіе касательно присоединенія страны къ Россіи. Государственный совѣтъ, съ своей стороны, настаивалъ на высказанномъ имъ прежде мнѣніи. «Сообразивъ всѣ обстоятельства-- говоритъ онъ --не представляется совѣту ни малѣйшей несправедливости, а видитъ онъ въ томъ спасеніе того края, для Россіи же—существенную пользу въ надежномъ огражденіи границъ ея нынѣ отъ хищныхъ горскихъ народовъ, коихъ удобно обуздать будетъ можно, а на будущее время отъ самихъ даже турковъ, не говоря уже о персіянахъ, кои, безъ сомнѣнія, коль скоро оставлена будетъ Грузія, на нее нападутъ и ею завладѣютъ.» Императоръ вполнѣ присоединился на этотъ разъ къ мнѣнію, выраженному здѣсь, и энергически отстаивалъ его противъ своего неофиціальнаго комитета (Чарторижскій, Кочубей, Новосильцовъ, Строгановъ), который, неизвѣстно на основаніи какихъ соображеній, совѣтовалъ отвѣчать отказомъ на домогательства Грузіи.

Тогда-то появился знаменитый манифестъ 12-го сентября 1801 года, въ которомъ находятся, между прочимъ, слѣдующія строки: «Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона.» Въ немногихъ словахъ этихъ выражается вполнѣ воззрѣніе императора: онъ былъ убѣжденъ, что возлагаетъ немаловажное бремя на Россію принятіемъ Грузіи въ свое подданство; не легко, казалось, извлечь полудикую страну изъ анархіи, водворить въ ней гражданскій порядокъ, познакомить ее съ европейскою цивилизаціей и въ тоже самое время быть постоянно на-готовѣ для борьбы съ ея хищными сосѣдями. Ктому-же все вниманіе Россіи, въ описываемое нами время, обращено было на западъ Европы, гдѣ совершались великія событія; восточный вопросъ вовсе не занималъ политическій міръ, и слѣдовательно, съ этой стороны выгоды, пріобрѣтаемыя отъ утвержденія нашего владычества въ Закавказьи, представлялись весьма незначительными.

Измѣненіе въ судьбѣ Грузіи (не слѣдуетъ забывать, что собственно Грузинское царство заключало въ себѣ тогда только Карталинію и Кахетію) отозвалось тотчасъ же на всемъ Закавказьи. Сильное броженіе начинается повсюду, обнаружившись прежде всего въ самой вновь присоединенной области. Если народъ долженъ былъ радоваться новымъ порядкамъ, вводимымъ русскимъ правительствомъ, то никакъ нельзя сказать того же о привилегированномъ сословіи. Оно негодовало на стѣсненіе своего необузданнаго своеволія; грузинское дворянство, привыкшее къ грабежу, было не довольно тѣмъ, что не представлялось уже ему возможности выдавливать послѣдніе соки изъ крестьянъ. «Мы всѣ теперь сравнены съ мужиками», слышалось безпре-

рывно изъ его устъ. Но главное зло исходило отъ этой толпы грузинскихъ царевичей, которые скорбѣли о своихъ утраченныхъ правахъ и не могли примириться съ мыслью, что имъ нельзя уже было распоряжаться Грузіей, какъ своею добычей *). Когда шли переговоры о присоединеніи къ Россіи, большинство ихъ выражало полное сочувствіе этой мысли; ихъ обольщала перспектива обезпечить страну отъ набѣговъ варварскихъ сосѣдей, но теперь, при первомъ столкновеніи съ европейскимъ цивилизующимъ началомъ, они спѣшили стать въ явно-враждебныя къ нему отношенія. Нечего было ожидать, конечно, отъ этихъ полудикарей, чтобы они задумались въ выборѣ средствъ для борьбы. Іулонъ, Александръ, Теймуразъ, Парнаозъ и tutti quanti—все это бросилось въ Имеретію, Мингрелію, къ персидскому Баба-хану, или укрывалось въ ханствахъ Ганжинскомъ, Ширванскомъ, Карабахскомъ, возбуждая тамошнихъ владѣтелей противъ своего отечества. Въ средѣ собственнаго народонаселенія они не могли разсчитывать ни на малѣйшую опору,—но тѣмъ неменѣе они причиняли ему не малый вредъ своими кознями. Забитые, подавленные и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени легкомысленные грузины готовы были вѣрить самымъ нелѣпымъ слухамъ; ихъ безпрерывно смущали росказнями, будто-бы русскіе покинутъ страну и предоставятъ ее въ жертву прежнимъ владѣльцамъ. Вдовы умершихъ правителей, Ираклія и Георгія — царицы Дарья и Марія, имѣли свое пребываніе въ Тифлисѣ, откуда долгое время могли сноситься почти безпрепятственно съ врагами русскаго правительства и изощряли свой умъ въ самыхъ недостойныхъ интригахъ. Прибавимъ къ этому, наконецъ, что русскіе должностные лица имѣли дѣло съ совершенно новою для нихъ страной, гдѣ на каждомъ шагу поражали ихъ дикость нравовъ, отсутствіе всякаго понятія о законности и странныя противорѣчія въ установившихся понятіяхъ: «Для нихъ,—по выраженію одного изъ представителей русской власти въ тамошнемъ краю,—было все ново, для насъ все странно»; удивительно ли, что, при отсутствіи опытности и умѣнья приноровиться къ окружавшей обстановкѣ, сдѣлано было, особенно вначалѣ, не мало грубыхъ ошибокъ съ нашей стороны? Къ счастью для Россіи, управленіе Грузіей перешло вскорѣ въ руки человѣка, на котораго можно было вполнѣ положиться. Мы говоримъ о Циціановѣ.

---

*) Каждый царевичъ, каждая царевна или царскій родственникъ (а въ одной только грузинской царской фамиліи считалось девяносто лицъ обоего пола) преспокойно издавали такъ-называемые бараты (указы), которыми предписывалось у купцовъ и крестьянъ брать самое лучшее изъ всего ихъ достоянія.

Павелъ Димитріевичъ Циціановъ.

Павелъ Димитріевичъ Циціановъ былъ по происхожденію грузинъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ фамилій и находился въ родствѣ съ супругой послѣдняго царя, Георгія. Впрочемъ, Циціановъ родился въ Москвѣ и съ ранней молодости поступилъ въ военную службу; его рѣдкая неустрашимость на полѣ битвы стяжала ему такую репутацію, что Суворовъ, въ одномъ изъ приказовъ своихъ, увѣщевалъ войска «сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Циціановъ.» Еслибъ онъ обладалъ только однимъ этимъ качествомъ, то ему не удалось бы, по всему вѣроятію, совершить и половины своихъ славныхъ подвиговъ въ Закавказьи, но въ характерѣ его было много другихъ сторонъ, дѣлавшихъ его драгоцѣннымъ начальникомъ и правителемъ. Онъ былъ истинно-русскимъ и по чувствамъ, и по понятіямъ; интересы Россіи и ея величіе были для него всегда на первомъ планѣ, и когда заходила рѣчь о нихъ, онъ умѣлъ дѣйствовать и умѣлъ говорить такимъ языкомъ, что сдѣлалъ бы честь любому патріоту. Циціановъ взялся за управленіе Грузіей съ твердымъ убѣжденіемъ, что не могло быть болѣе благодатнаго исхода для этой страны, какъ соединить нераздѣльно ея интересы съ интересами Россіи и слѣдовать съ нею по пути общихъ историческихъ судебъ. Несмотря на то, что вся жизнь его протекла вдали отъ мѣстности, которой онъ принадлежалъ по происхожденію, Циціановъ зналъ въ совершенствѣ характеръ ея жителей и особенности ихъ быта. Въ этомъ заключалось огромное его превосходство надъ многими лицами, которые прежде и послѣ него дѣйствовали въ Закавказьи. Удивительно ли, что трехлѣтнее пребываніе его въ этомъ краю ознаменовалось такими результатами, воспоминаніе о которыхъ живо еще до сихъ поръ?

Чтобъ успокоить край, нужно было какъ можно скорѣе оградить его отъ происковъ и интригъ родственниковъ покойныхъ царей, Ираклія и Георгія. Самъ Императоръ Александръ указалъ на необходимость этой мѣры въ рескриптѣ своемъ Циціанову.

«Между первѣйшими обязанностями вашими, писалъ онъ, поставите вы принять всѣ убѣжденія, настоянія и наконецъ самое понужденіе къ вызову всѣхъ неспокойныхъ царевичей, особливо царицы Дарьи, въ Россію. Мѣру сію считаю я главною къ успокоенію народа, при видѣ ихъ замысловъ и движеній не престающаго колебаться въ установляемомъ для счастія ихъ порядкѣ.» Вслѣдствіе этого приказанія, Вахтангъ Иракліевичъ и Давыдъ Георгіевичъ были тотчасъ же вызваны изъ Тифлиса. Гораздо труднѣе было справиться съ женщинами. Царица Марья объявила прямо, что она отказывается ѣхать, и сдѣлала уже всѣ приготовленія для своего побѣга. Тогда Циціановъ рѣшился употребить понудительныя средства, и вотъ какимъ образомъ изображаетъ г. Дубровинъ трагическую сцену, происшедшую при этомъ случаѣ: «Въ шесть часовъ утра, 19-го апрѣля, генералъ-майоръ Лазаревъ прибылъ въ домъ царицы и, удаливъ всѣхъ ее окружающихъ, въ сопровожденіи нѣ-

скольких офицеровъ, вошелъ въ ея комнату, гдѣ и объявилъ ей причину своего прибытія. Царица, принявъ его непріязненно и холодно, отвѣчала рѣшительно, что она ѣхать не хочетъ. Оставивъ для убѣжденія ея квартирмейстера Сурокова, знавшаго грузинскій языкъ, самъ Лазаревъ вышелъ изъ комнаты для дальнѣйшихъ распоряженій. Лишь только Суроковъ подошелъ къ царицѣ, какъ царевичъ Жибраилъ и царевна Тамара, выхвативъ скрытые подъ платьемъ ихъ кинжалы, бросились на него и на прочихъ, оставшихся въ комнатѣ. Генералъ Лазаревъ услыхалъ шумъ, поспѣшилъ въ комнату, и, подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постели, съ просьбою унять дѣтей ея, вдругъ получилъ изъ рукъ ея ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, скрытымъ дотого подъ одѣяломъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Лазаревъ могъ только перебѣжать комнату и палъ мертвый на порогѣ ея... Объ этомъ происшествіи дали тотчасъ же знать князю Цыціанову и коменданту. Всѣ, кромѣ главнокомандующаго, поспѣшили прибыть на мѣсто. Князь Орбельяни началъ уговаривать царицу не противиться и бросить кинжалъ, но она не отвѣчала ему ни слова; тогда полиціймейстеръ Сургуновъ завернулъ свою руку въ толстую папаху (шапку), подошелъ къ Маріи и вырвалъ у нея оружіе. Слѣдившая за всѣмъ происходившимъ Тамара бросилась къ матери съ кинжаломъ въ рукахъ, но, желая помѣшать Сургунову, промахнулась и ранила мать въ плечо. Марія схватила кинжалъ, бывшій въ рукахъ дочери, съ цѣлью, какъ сама говорила, умертвить себя, но только обрѣзала себѣ руки и тотчасъ же была обезоружена, а вмѣстѣ съ нею обезоруженъ былъ и царевичъ Жибраилъ.» Вдова Ираклія, царица Дарья («сія гидра», какъ называлъ ее Цыціановъ, находившійся въ родственныхъ съ нею сношеніяхъ), была отправлена въ Россію гораздо позднѣе. Ни для кого не были тайной тѣ происки, къ которымъ прибѣгала она съ цѣлью взволновать народъ, «коего легковѣрнѣе — писалъ Цыціановъ— я не знаю на свѣтѣ.» Изъ Тифлиса безпрерывно сносилась она съ князьями кахетинскими и карталинскими и не переставала убѣждать своихъ сыновей, чтобъ они не подчинялись русскому правительству. Не желая прибѣгать къ насилію, Цыціановъ долго убѣждалъ свою родственницу, чтобъ она добровольно избавила край отъ своего присутствія, но царица Дарья, не рѣшаясь отвѣчать прямымъ отказомъ, всегда ссылалась на болѣзненное свое состояніе и отдаляла минуту отъѣзда. «Многократно увѣряю я, ваше сіятельство,—читаемъ мы въ одномъ письмѣ ея къ Цыціанову,— да и теперь увѣряю клятвой, по христіанской совѣсти, что я весьма желала и желаю поклониться его величеству, но по грѣхамъ моимъ обладаетъ мною такая болѣзнь, что, увѣряю, заклинаніемъ страшнаго имени Божія, не могу никакимъ образомъ и никакими усиліями встать на ноги; а когда не въ силахъ я вставать и наступить ногою, то тѣмъ еще не позволительнѣе мнѣ пройдти. Правда, выше поясницы имѣю я готовность, и душа во мнѣ находится, но ниже поясницы тѣло мое лишено жизненнаго состоянія и никакого здоровья во мнѣ не находится...» Всѣ эти увѣренія и клятвы дѣлались лишь для того, чтобъ обмануть Цыціанова. Царица Дарья рѣшилась даже увѣрять, будто-бы слышала отъ близкихъ ему лицъ, что онъ намѣревался придти въ ея церковь прича-

ститься св. Таинѣ и подтвердить ей подъ присягой, что никогда не будетъ напоминать ей объ отъѣздѣ. Цыціановъ не могъ не удивиться этой клеветѣ; онъ отвѣчалъ, что подобное клятвенное обѣщаніе «употребить не токмо россійскіе генералы, но и мужики за стыдъ себѣ поставятъ, да и нѣтъ его у русскихъ совсѣмъ въ обыкновеніи...» Царица Дарья была отправлена «со всею учтивостью и бережливостью» въ предѣлы Россіи, гдѣ родственница ея, вдова Георгія, искупала легкимъ заключеніемъ въ воронежскомъ монастырѣ совершенное ею убійство. Впрочемъ и эта послѣдняя въ скоромъ времени получила полную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе поселиться на жительство въ Москвѣ.

Цыціанову предстояла затѣмъ борьба съ сосѣдними владѣніями, куда укрылись нѣкоторые изъ грузинскихъ царевичей и своими кознями угрожали оттуда спокойствію грузинскаго края. Но и безъ того никакимъ образомъ нельзя было разсчитывать, чтобы ханы, привыкшіе къ безпрерывнымъ набѣгамъ и грабежу, измѣнили теперь свой образъ дѣйствій. Полагаться на ихъ обѣщанія, на ихъ предложенія добраго союза было бы болѣе чѣмъ легкомысленно. Цыціановъ изучилъ до тонкости эту «персидскую политику», какъ называлъ онъ ее на своемъ мѣткомъ и выразительномъ языкѣ. Онъ зналъ, что какъ бы добросовѣстно ни дѣйствовало русское правительство, какъ бы ни старалось оно держаться неуклонно даннаго имъ слова, это не приведетъ ровно ни къ чему; ни одинъ изъ этихъ мелкихъ азіатскихъ деспотовъ не задумался бы, конечно, прибѣгнуть ко враждебнымъ дѣйствіямъ, лишь только онъ считалъ бы это выгоднымъ для себя и могъ надѣяться остаться безнаказаннымъ.

Правительство наше думало вначалѣ обезпечить свои сношенія съ ханами посредствомъ мирныхъ съ ними договоровъ; еще предшественнику Цыціанова, Кноррингу, поручено было собрать ихъ пословъ и установить, въ совѣщаніяхъ съ ними, систему общаго союза на будущее время. Цыціановъ считалъ это положительно невозможнымъ. «Страхъ и корысть—говорилъ онъ—суть двѣ первенствующія пружины, которыми руководятся въ Азіи всѣ дѣла и приключенія... У здѣшнихъ народовъ единственная политика—сила, лучшая добродѣтель владѣльца—храбрость и способы—деньги для найма войска.» Мы будемъ имѣть случай убѣдиться сейчасъ, до какой степени былъ вѣренъ взглядъ его въ этомъ отношеніи. До него правительство слѣдовало въ высшей степени ошибочному образу дѣйствій относительно хановъ: оно старалось привлечь ихъ къ себѣ жалованьемъ и подарками, платя имъ какъ-бы дань за мнимое ихъ подданство. «Я дерзнулъ—писалъ Цыціановъ канцлеру—принять правило, противное прежде бывшей здѣсь системѣ, и вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ народовъ, платить нѣкоторый родъ дани, самъ требую отъ нихъ оной.» Вражда есть пища и упражненіе здѣшнихъ владѣтелей, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ къ императору Александру: «видя силу россійскаго оружія, въ Кавказѣ водвореннаго, они прибѣгаютъ къ намъ, прося другъ противъ друга помощи, и такимъ образомъ сами ходатайствуютъ о своей собственной погибели. Не смѣя одобрить предъ человѣколюбивымъ сердцемъ вашего величества сію систему

завоеванія, долженъ сказать, что она необходима въ настоящихъ обстоятельствахъ...»

Циціановъ всегда старался свято исполнять все, что было имъ обѣщаемо азіатскимъ владѣльцамъ. Онъ пріучалъ ихъ вѣрить въ ненарушимость слова русскаго правительства, но затѣмъ, при малѣйшей попыткѣ измѣны съ ихъ стороны, прибѣгалъ уже прямо къ силѣ. Повелительный и рѣзкій тонъ, который, при нуждѣ, умѣлъ онъ усвоить себѣ въ своихъ сношеніяхъ съ ними, не могъ не производить на нихъ сильнаго впечатлѣнія. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ его краснорѣчія. Вотъ, напримѣръ, прокламація его къ возмутившимся джарцамъ: «Невѣрный народъ! безстыдные люди! долго ли вы будете еще требовать отъ меня невозможнаго, и желаете начать невыполненіемъ одной изъ статей постановленія, прося и безпокоя меня чрезъ генерала многажды? Неужто вы думаете, что вы затѣмъ въ подданство великаго Государя Императора приняты, чтобы не держать слова даннаго? Вы должны выкупать ясырей и до сихъ поръ не выкупаете, все откладываете, и еще смѣете просить увольненія отъ онаго! Неужели вы забыли, что вы семьдесятъ лѣтъ бѣдную Грузію разоряли и брали то, что хотѣли, а не по сту рублей? Короче сказать, вы если чрезъ мѣсяцъ не выкупите, то увидите, что я сдѣлаю и съ ясырями, и съ вами. Я презираю дагестанскихъ мухъ, которыя за васъ, россійскихъ подданныхъ, ходатайствуютъ и оставаться будутъ безъ моего отвѣта, какъ сей, просившій за васъ. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ не торгуется, а повелѣваетъ имъ.» Вотъ другое посланіе къ тому же самому племени: «Ждите времени, сберите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманете вы меня въ другой разъ, истреблю всѣхъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ, по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ. Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ, неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду, землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснѣетъ, но вы, яко зайцы, уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи поколѣете!» Заключимъ эти выписки весьма характеристичнымъ письмомъ Циціанова къ султану эллисуйскому: «Безстыдный и съ персидскою душой султанъ, — и ты еще ко мнѣ смѣешь писать! Дождешься ты меня къ себѣ въ гости за то, что части дани своей шелкомъ не платишь цѣлые два года; что принимаешь бѣглыхъ агаларовъ Россійской имперіи и даешь имъ кровлю, и что Баба-хану посылалъ триста человѣкъ войска! Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ, такъ можешь ли ты своими коварными отговорками, въ письмѣ изъясненными, меня обмануть? Было бы тебѣ вѣдомо, что если еще человѣкъ твой придетъ ко мнѣ безъ шелку, котораго на тебя наложено сто литръ *) въ годъ, то быть ему въ Сибири, а я,

*) Въ литрѣ 9 фунт.

доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ моего Государя Императора, дотолѣ буду желать кровью твоею мои сапоги вымыть.» Другого языка закавказскіе ханы не понимали. Они сами не задумывались сознаваться, что самые убѣдительные для нихъ аргументы,—это аргументы холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Только оно въ состояніи было, по выраженію Цицiанова, «сократить персидскую политику», политику лжи, коварства и измѣны. Каждый изъ владѣльцевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, готовъ былъ повторить отвѣтъ, данный однимъ изъ ихъ собратьевъ на предложеніе главнокомандующаго жить въ дружбѣ и согласіи: «приди и покажи намъ прежде свою силу...» Вотъ почему Цицiановъ долженъ былъ, во многихъ случаяхъ, дѣйствовать принудительными средствами, зная очень хорошо, что переговоры не будутъ имѣть никакого результата, что они только ослабляютъ, въ глазахъ этихъ дикарей, достоинство и значеніе русскаго правительства. «Слыхано ли на свѣтѣ,- -писалъ онъ одному изъ нихъ, который вздумалъ предъявлять какія-то требованія,- -слыхано ли на свѣтѣ, чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала?..»

Принявъ въ свое подданство Грузію, Россія имѣла дѣло въ Закавказьи не съ мусульманскими только племенами, но и съ христіанскими владѣніями Имеретіей и Мингреліей, которыя составляли нѣкогда часть грузинскаго царства, но теперь находились подъ властью независимыхъ правителей. Мингрельскій владѣтельный князь Григорій Дадіанъ и имеретинскій царь Соломонъ II находились въ непрерывной враждѣ между собой. Они только и занимались тѣмъ, что безпрерывно нападали другъ на друга, захватывали плѣнныхъ для продажи въ Турцію, истребляли весь хлѣбъ на поляхъ, подрубали виноградъ и возвращались домой «съ утѣшеніемъ, что довели несчастныхъ жителей до отчаянія». Положеніе Дадіана сдѣлалось особенно невыносимымъ именно въ то время, когда Цицiановъ появился въ Тифлисѣ. Онъ самъ говорилъ, что если Россія не приметъ его въ свое подданство, то ему не останется ничего болѣе какъ признать надъ собой власть Порты. Дѣйствительно переговоры о подданствѣ начались. Соглашаясь повиноваться безусловно русскимъ властямъ, доставлять содержаніе нашимъ войскамъ и т. п., Дадіанъ требовалъ, чтобы ему и его потомству, по старшинству рода, предоставлено было пользоваться правами владѣтельнаго князя. Почти одновременно съ переговорами о распространеніи русскаго подданства на Мингрелію, обстоятельства заставили насъ вмѣшаться въ дѣла Имеретіи. Тамошній царь Соломонъ, послѣ долгихъ смутъ, въ которыхъ приходилось ему отстаивать престолъ противъ своихъ родственниковъ, заключилъ въ башню сына своего предшественника, царевича Константина, а мать его царицу Анну приказалъ лишить жизни. Несчастная умоляла о помощи Тучкова, который стоялъ по близости съ отрядомъ нашихъ войскъ, и дѣйствительно ему удалось, но только при помощи хитрости извлечь ее изъ рукъ ея недоброжелателей. «Въ одну темную ночь- -пишетъ генералъ Тучковъ въ своихъ мемуарахъ (хранящихся доселѣ въ рукописи)- -велѣно было мною сдѣлать ложную тревогу, и, подъ предлогомъ преслѣдованія лезгинъ, гренадеры бросились въ лѣсъ при барабанномъ боѣ. Это было условленнымъ знакомъ для царицы, и она явилась

въ отрядъ, бѣжавъ къ сторонѣ слышаннаго ею шума. Офицеръ принялъ ее и препроводилъ въ Сурамъ, а я послалъ донесеніе главнокомандующему, что, во время случившейся тревоги и преслѣдованія непріятельской партіи, гренадеры моего полка, встрѣтя въ лѣсу царицу, искавшую спасенія, защитили ее и препроводили на свой постъ.» Съ этихъ поръ и возникають у насъ весьма дѣятельныя сношенія съ Имеретіей. Они начаты были еще при Кнорринге, ихъ продолжалъ и Циціановъ. Царица Анна поѣхала въ Петербургъ, и, внимая ея просьбамъ объ освобожденіи ея сына изъ темницы, императоръ Александръ отправилъ коллежскаго совѣтника Соколова для переговоровъ по этому предмету съ Соломономъ. При первой же встрѣчѣ своей съ имеретинскимъ царемъ, уполномоченный нашъ могъ убѣдиться, что встрѣтить сильныя затрудненія. Царь принялъ его въ шалашѣ, покрытомъ кукурузой и гдѣ вся мебель состояла изъ простой деревянной скамьи, затрогивалъ въ бесѣдѣ различные вопросы, но тщательно избѣгалъ главной цѣли посольства Соколова. Предъ Соколовымъ сидѣлъ въ эту минуту человѣкъ, который весьма искренно считалъ себя христіаниномъ, но въ отношеніи вѣроломства, жестокости и дикости своихъ понятій не далеко отсталъ отъ любаго изъ азіатскихъ князьковъ. Онъ прибѣгнулъ ко всевозможнымъ уверткамъ, чтобы не выполнить требованія русскаго правительства: то притворялся будто-бы не въ состояніи вникнуть въ смыслъ граматы императора, то увѣрялъ, что ждетъ дивана (писца), который долженъ составить отвѣтъ на эту грамату (ибо не слѣдуетъ забывать, что ни самъ Соломонъ и никто почти изъ его приближенныхъ не умѣли читать и писать). Словомъ, втеченіе своего нѣсколькодневнаго пребыванія въ Имеретіи, уполномоченный нашъ не могъ добиться толку ни касательно освобожденія Константина, ни касательно тѣхъ грузинскихъ царевичей, которые нашли себѣ притонъ въ этой странѣ. Поневолѣ приходилось дѣйствовать угрозой, и какъ только угроза была пущена въ ходъ, Соломонъ тотчасъ же освободилъ изъ заточенія своего родственника и передалъ его русскимъ властямъ. Мало того, онъ началъ ходатайствовать о дарованіи ему того же самаго покровительства, которое было обѣщано Россіей мингрельскому владѣтельному князю; и конечно, это было весьма выгодно для насъ: поставивъ Имеретію въ зависимость отъ себя, мы открыли бы нашей торговлѣ пристань Поти и свободное движеніе по рѣкѣ Ріону. Все пространство земли между Каспійскимъ и Чернымъ морями было бы обезпечено для мирныхъ сношеній, но и тутъ оказалось, что было совершенно напрасно разсчитывать на добросовѣстность Соломона. Преклоняясь предъ русскимъ правительствомъ, завѣряя его въ своей безграничной преданности, онъ въ то же самое время искалъ противъ насъ помощи у Порты и изыскивалъ всѣ средства, чтобы склонить Дадіана мингрельскаго измѣнить Россіи. И это не были только подозрѣнія. Соломонъ заявилъ вскорѣ самымъ наглымъ образомъ свое вѣроломство: захватилъ въ свои руки одного изъ посланныхъ князя Дадіана къ Цiціанову, отнялъ у него бумаги, подвергнулъ его безчеловѣчному истязанію и затѣмъ утопилъ въ Ріонѣ...

Зная, какія громадныя массы военныхъ силъ были собраны въ Закавказьи

въ послѣднее время, рѣшительно не вѣрится, чтобы шестьдесятъ лѣтъ назадъ прибытіе туда какого-нибудь полка считалось весьма важнымъ подкрѣпленіемъ. Многія экспедиціи приходилось дѣлать лишь съ нѣсколькими батальонами,—и еще какія экспедиціи! Подъ Эриванью, напримѣръ, гдѣ Циціанову пришлось встрѣтиться съ персидскою арміей, весь отрядъ его состоялъ изъ 4,500 человѣкъ! Главнокомандующій безпрерывно жаловался на эту недостаточность средствъ, вслѣдствіе которой онъ поневолѣ принужденъ былъ отказываться отъ самыхъ благихъ своихъ предначертаній, но въ Петербургѣ господствовалъ совершенно другой взглядъ. Занятое исключительно событіями на западѣ Европы, въ которыхъ Россія принимала непосредственное участіе, правительство смотрѣло на утвержденіе нашего владычества въ Закавказьи какъ на дѣло менѣе, чѣмъ второстепенное. Тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Чарторижскій, въ письмахъ своихъ къ Циціанову, совѣтовалъ ему усвоить себѣ оборонительный образъ дѣйствій, обнаруживая этимъ самымъ полнѣйшее непониманіе условій войны на Кавказѣ. Мы не вдаемся здѣсь въ описаніе всѣхъ военныхъ дѣйствій того времени, ибо, не имѣя передъ собою подробной географической карты, большинству нашихъ читателей было бы трудно услѣдить за ними. Всѣ они находились въ тѣсной связи между собою, и каждый успѣхъ, одерживаемый Циціановымъ, отзывался тотчасъ же на общемъ положеніи края. Если, напримѣръ, имеретинскій царь, о которомъ мы говорили сейчасъ, поспѣшилъ принять русское подданство, то главнѣйшимъ пробужденіемъ его въ этомъ случаѣ былъ паническій страхъ, который овладѣлъ имъ послѣ покоренія Циціановымъ Джаро-Бѣлоканской области и Ганжинскаго ханства. Ганжа считалась у азіатцевъ неприступнымъ оплотомъ противъ всякихъ на нихъ покушеній; крѣпость эта служила, въ стратегическомъ отношеніи, ключемъ всѣхъ сѣверныхъ провинцій Персіи, и Циціановъ придавалъ особенную важность ея покоренію. Когда онъ подступилъ къ ея стѣнамъ, то гарнизонъ отвѣчалъ на предложеніе о сдачѣ почти насмѣшками.

— Я возьму городъ и предамъ тебя позорной смерти,—писалъ главнокомандующій Джаватъ-хану.

— Ты найдешь меня мертвымъ на стѣнѣ,—отвѣчалъ ему тотъ.

Ганжа была взята послѣ кровопролитнаго штурма, при которомъ погибъ и самъ Джаватъ. Циціановъ, по собственнымъ словамъ его, долго не могъ придти въ себя «отъ трудовъ, ужасной картины боя, радости и славы». Онъ просилъ позволенія дать городу русское названіе (Елисаветополь), «для болѣе прочнаго убѣжденія ганжинскихъ жителей въ томъ, что русскія войска нетолько не оставятъ крѣпости, какъ это часто случалось прежде, но что и весь край сохранится навсегда въ подданствѣ Россіи...»

Паденіе Ганжи произвело сильное впечатлѣніе. Владѣтельный князь мингрельскій давно уже, какъ мы видѣли, готовъ былъ поступить въ русское подданство, но теперь и Соломонъ имеретинскій убѣдился въ необходимости усвоить себѣ рѣшительно подобный же образъ дѣйствій. Онъ возобновилъ прерванные переговоры, обѣщаясь поступать во всемъ «по приказанію и спросу»

русскаго правительства. Въ апрѣлѣ 1804 г. заключенъ былъ съ нимъ договоръ, по которому онъ предавалъ себя, со всѣмъ своимъ потомствомъ, «въ вѣчное и вѣрное рабство россійской державѣ»; онъ сохранялъ однако свои владѣтельныя права, а также удерживалъ за собою судъ и расправу въ принадлежавшихъ ему земляхъ. Высочайшія граматы, которыми освящалось это событіе, были доставлены, впрочемъ, только въ слѣдующемъ году, и одного изъ владѣтелей, а именно Дадіана мингрельскаго, уже не было тогда въ живыхъ. Вообще должно замѣтить, что, съ присоединеніемъ къ Россіи Мингреліи и Имеретіи, не прекратились бѣдствія, терзавшія эти области. При жизни Дадіана нужно было безпрерывно ограждать его отъ происковъ Соломона имеретинскаго, никакимъ образомъ не хотѣвшаго прекратить свои безконечныя съ нимъ распри, о которыхъ мы не упоминаемъ подробно изъ опасенія утомить читателей; когда Дадіанъ сошелъ въ могилу, начинаются въ Мингреліи внутреннія смуты, въ которыхъ опять-таки замѣшанъ Соломонъ, воплощавшій въ себѣ типъ самаго безсовѣстнаго вѣроломства.

Легко понять причину этихъ неурядицъ. Населеніе грузинскихъ областей было до такой степени истощено всѣми предшествовавшими невзгодами, что оно не жаждало ничего, кромѣ спокойствія и порядка. Совершенно во власти русскаго правительства было бы даровать ему эти блага, еслибъ оно приняло исключительно на себя заботы о новыхъ своихъ подданныхъ, но оно усвоило себѣ иную систему. Благодаря блестящимъ побѣдамъ Циціанова, сосѣднія съ Грузіей владѣнія спѣшили искать русскаго подданства. Не говоря уже о христіанскихъ областяхъ—Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, многія масульманскія ханства принуждены были признать надъ собою власть Россіи; такимъ образомъ присоединены были султанство Шурагельское, ханства Карабагское, Шекинское, Ширванское. Но, распространяя свое владычество на всѣ эти земли, русское правительство довольствовалось, такъ сказать, внѣшнимъ ихъ подданствомъ и оставляло за мѣстными правителями принадлежавшія имъ права.

Подвиги Циціанова навсегда сохранятся въ исторіи. Они славны прежде всего въ военномъ отношеніи: втеченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ Цицiановъ создалъ, по выраженію Дубровина, закавказскія владѣнія наши почти въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ находятся они и по настоящее время. Мы не желаемъ останавливаться подробно на описаніи его блестящихъ экспедицій. Интересующійся его экспедиціями обратится къ книгѣ г. Дубровина, «Закавказье», въ которой, между прочимъ, онъ съ жадностью прочтетъ страницы, гдѣ идетъ рѣчь, напримѣръ, о походѣ къ Эривани или военныхъ дѣйствіяхъ противъ персидской арміи. Какія блестящіе рззультаты при самыхъ незначительныхъ средствахъ! Какое умѣнье пользоваться обстоятельствами! Сколько подвиговъ высокаго геройства въ рядахъ войска, которое Цицiановъ умѣлъ воодушевлять своимъ мужествомъ и геройствомъ!

Цицiановъ былъ нетолько отличнымъ полководцемъ, но и искуснымъ администраторомъ. Множество фактовъ говоритъ о ревностныхъ его заботахъ дать широкое по-возможности развитіе торговлѣ во вновь пріобрѣтенномъ краѣ: съ этою цѣлью постоянно думалъ онъ о занятіи Баку — этого важнаго порта и другихъ, какъ напримѣръ Батума и Анакліи. При немъ же приступлено было

къ разработкѣ дороги съ Кавказской линіи въ Грузію и къ устройству путей сообщенія внутри этой страны; онъ помышлялъ объ учрежденіи во ввѣренной ему области фабрики бумажныхъ издѣлій, завелъ въ Тифлисѣ первую аптеку и разбилъ ботаническій садъ. Но для насъ важнѣе всего старанія Цпціанова облегчить участь грузинскаго народонаселенія и возвысить сколько-нибудь нравственный его уровень. «Съ присоединеніемъ Мингреліи,--говоритъ Дубровинъ,--главнокомандующій принялъ рѣшительныя мѣры къ уничтоженію тамъ постыднаго измѣнничества вѣрѣ, для удовлетворенія гнуснаго корыстолюбія. Онъ предписалъ тотчасъ отобрать въ пользу Левана всѣ имѣнія тѣхъ мингрельскихъ дворянъ, которые, отпавъ отъ христіанства во время покойнаго Дадіана, переселились въ Поти, дабы удобнѣе красть людей, и, пользуясь своими имѣніями, пріѣзжали туда, подъ видомъ сборовъ, съ цѣлью заниматься не имѣніями, а покупкой людей. Главноуправляющій приказалъ ихъ задерживать и отсылать въ Бѣлевскій полкъ для суда, какъ измѣнниковъ противъ вѣры и законнаго своего владѣтеля, ибо, пользуясь имѣніями въ Мингреліи, они суть и подданные этой земли, а не Турціи. Для прекращенія въ Мингреліи и Имеретіи плѣнопродавства, зла, повсемѣстно существовавшаго въ томъ краѣ, всенародно объявлено было, что изобличенный въ торговлѣ людьми, несмотря на его званіе, родъ и достоинства, по жестокомъ тѣлесномъ наказаніи будетъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжную работу.» Русская администрація принуждена была бороться въ Грузіи съ огромными затрудненіями, — затрудненіями такого рода, что самъ Цпціановъ нерѣдко приходилъ отъ нихъ въ отчаяніе. «Вникая въ нравы грузинскаго народа, писалъ онъ императору Александру, усматриваю я изъ частныхъ опытовъ, что всякое образованное управленіе до времени останется въ Грузіи безъ дѣйствія...» Тщетно, напримѣръ, спѣшилъ онъ ввести въ странѣ судебныя учрежденія, которыя, несмотря на все свое несовершенство, представляли все-таки гораздо болѣе гарантій, чѣмъ то первобытное судопроизводство, которое существовало тамъ до присоединенія къ Россіи. Грузины рѣшительно отказывались идти въ суды и требовали, чтобы самъ Цпціановъ разбиралъ ихъ распри; цѣлыми толпами осаждали они его для этого въ Тифлисѣ. Цпціановъ принужденъ былъ ходатайствовать о перемѣнахъ въ составѣ грузинскаго управленія, «за необходимо нужныя мною почитаемыхъ—говорилъ онъ—для доставленія жителямъ скорѣйшаго производства дѣлъ, отъемля отъ нихъ тѣ благотворныя препоны, которыя въ европейскомъ законоположеніи составляютъ цѣлость державъ и охраненіе собственности, а для здѣшнихъ жителей представляются загадками, коихъ медленное разрѣшеніе выводитъ ихъ изъ терпѣнія и, вмѣсто благодарности, производитъ единый ропотъ...» Ни изъ чего не видно однако, чтобы Цпціановъ считалъ грубость и невѣжество грузинъ вполнѣ законнымъ и достаточнымъ основаніемъ для предоставленія имъ какихъ-либо особыхъ учрежденій. Напротивъ, онъ указывалъ какъ на главную задачу для правительства «сблизить нравы ихъ съ россійскими узаконеніями», а единственно вѣрнымъ средствомъ для того было, по его мнѣнію, распространеніе просвѣщенія въ народѣ. «При самомъ поступленіи Грузіи въ подданство Россіи--говоритъ г. Ду-

бровинъ -- страна эта находилась на весьма низкой степени развитія. Просвѣщеніе грузинъ не простиралось далѣе знанія чтенія и письма на своемъ природномъ языкѣ. Впрочемъ, и этого рода знанія были достояніемъ не многихъ. Именныя печати, скрѣпляя всѣ акты вмѣсто подписи, способствовали, если можно такъ выразиться, всеобщему невѣжеству. Словесное судопроизводство, почти безъ письменности, въ большей части случаевъ дѣлало то, что грамотность не была необходимостью даже и для первѣйшихъ сановниковъ государства. Въ Имеретіи было еще того хуже. Соломонъ извинялся невозможностью отвѣчать на письмо Циціанова, потому что писарь его отправился въ Тифлисъ для свиданія съ родственниками, а между приближенными его никого не было грамотнаго.» Среди безпрерывныхъ походовъ и многочисленныхъ заботъ объ утвержденіи правильной администраціи въ полудикомъ краю, Цпціановъ не переставалъ помышлять о средствахъ бороться съ невѣжествомъ, въ которомъ погрязало народонаселеніе. Все показываетъ, что онъ руководился при-этомъ вполнѣ вѣрнымъ взглядомъ. Грузіи суждено было навѣки слиться съ Россіей, — только отъ Россіи могла она воспріять свою цивилизацію, — не естественно ли было поэтому заботиться прежде всего объ усвоеніи ею русскаго языка? И дѣйствительно, мы видимъ, что почти тотчасъ по прибытіи своемъ въ Закавказье Цпціановъ ходатайствуетъ уже о присылкѣ ему учителей русскаго языка и о доставленіи книгъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. «Необходимая нужда въ россійскомъ языкѣ—писалъ онъ императору—въ той землѣ, гдѣ на ономъ отправляется судопроизводство, недостатокъ въ переводчикахъ и крайнее невѣжество здѣшняго дворянства, даже дотого, что большая часть онаго не знаетъ природнаго своего языка по правиламъ, побудили меня приступить дѣятельнымъ образомъ къ преподанію способовъ относительно введенія въ Грузію первыхъ лучей просвѣщенія, буде не вообще народнаго, то хотя здѣшняго дворянства, дабы по крайней мѣрѣ поколѣніе, въ отроческихъ лѣтахъ нынѣ пребывающее, вкусило блаженство, россійскимъ правительствомъ для онаго уготовляемое...»

Нельзя послѣ сего не пожалѣть о ранней кончинѣ знаменитаго Павла Димитріевича, погибшаго отъ руки измѣнической. Это было такъ: бакинскій ханъ выражалъ полную готовность принять русское подданство; онъ также подписалъ договоръ, по которому сохранялъ за собою управленіе своими землями, «съ тѣмъ, чтобы кротость, милосердіе и человѣколюбіе составляли основу сего управленія», а между тѣмъ втайнѣ уже задумалъ самую гнусную измѣну. (Добавляемъ по Дубровину о смерти Цпціанова.) «Князь Цпціановъ спѣшилъ занять Баку поутру 8-го февраля 1806 г. въ сопровожденіи караула изъ 200 челов., назначеннаго для занятія Баку, приблизился онъ къ колодцу, отстоящему въ полуверстѣ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Бакинскіе старшины подали ему ключи, хлѣбъ-соль и просили главнокомандующаго лично успокоить ихъ хана насчетъ прощенія за оказанное имъ сопротивленіе. Князь Цпціановъ принялъ хлѣбъ-соль, согласился видѣться съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ и возвратилъ ключи крѣпости съ тѣмъ, чтобы самъ владѣлецъ вручилъ ихъ ему. Немедленно ханъ выѣхалъ изъ крѣ-

пости (въ сопровожденіи 5 своихъ сановниковъ). Циціановъ пошелъ къ нему навстрѣчу безъ свиты, въ сопровожденіи только подполковника Эристова и одного казака. Едва они сблизились, какъ по знаку, данному коварнымъ ханомъ, выстрѣлили въ Циціанова и Эристова изъ пистолетовъ. Одинъ казакъ успѣлъ лишь ускакать.

Въ тоже мгновеніе бакинцы съ страшнымъ крикомъ сдѣлали залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ по отряду, стоявшему у колодца, а убійцы утащили съ собою тѣла погибшихъ и, отрѣзавъ голову князю Циціанову, отослали ее съ торжествомъ въ подарокъ къ шаху персидскому. Тѣло Циціанова было зарыто у воротъ крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго на Кавказѣ.

Прошло шесть лѣтъ послѣ смерти кн. Циціанова. Главнокомандующій на Кавказѣ Маркизъ Паулуччи перенесъ тѣло кн. Павла Димитріевича въ Тифлисъ и положилъ въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ.»

НЕРСЕСЪ V,

верховный патріархъ и католикосъ всѣхъ армянъ.

Нерсесъ V происходилъ отъ древней благородной, но бѣдной фамиліи Шагазисовъ; родился въ 1760 году въ мѣстечкѣ Аштаракъ, лежащемъ въ 20 верстахъ отъ Эчміадзина.

О первыхъ годахъ жизни патріарха извѣстно только, что до осьмилѣтняго возраста онъ пребывалъ въ родительскомъ домѣ; потомъ, воспитывался въ Эчміадзинѣ, подъ покровительствомъ своего крестнаго отца, архіепископа эчміадзинскаго патріаршаго престола Калуста. Для довершенія богословскаго образованія, Калустъ передалъ его въ руководство бывшему патріарху константинопольскому Григорію, славившемуся ученостью и добродѣтелями. Тамъ провелъ юноша три года и, по возвращеніи въ Эчміадзинъ, на двадцатомъ году своего возраста, рѣшился посвятить себя служенію церкви, и былъ поставленъ въ архидіакона первопрестольнаго эчміадзинскаго собора.

До возведенія на степень епископа, дѣятельность Нерсеса заключалась въ мирныхъ стѣнахъ Эчміадзина, ограничиваясь скромными обязанностями церковнаго послушанія и священнослуженія. Скоро развернулось предъ нимъ болѣе широкое поприще.

Въ 1802 году, онъ отправленъ былъ отъ католикоса Даніила вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ, бывшимъ патріархомъ Григоріемъ, въ Грузію: и тутъ, во все время войны, открывшейся вскорѣ между Россіею и Персіею, съ доблестью и самоотверженіемъ, достойнымъ истиннаго героя, подвизался во благо своего народа.

Возвратясь въ Эчміадзинъ, по окончаніи войны, Нерсесъ явился ревностнымъ сотрудникомъ католикосу въ возстановленіи разстроенныхъ дѣлъ и способовъ патріаршаго престола. Даніилъ почтилъ его саномъ архіепископа и потомъ отправилъ съ порученіями въ разные города Турціи и — въ третій разъ—въ Константинополь, къ визирю и султану, откуда Нерсесъ возвратился съ полнымъ успѣхомъ, привезя католикосу милостивый фирманъ султанскій.

При католикосѣ Ефремѣ, человѣкѣ слабомъ по характеру, Нерсесъ вскорѣ увидѣлъ, что люди неблагонамѣренные начали имѣть вліяніе и что ему самому угрожала опасность лишиться жизни отъ тайныхъ покушеній; а потому просилъ позволенія удалиться снова въ Грузію и, въ 1811 году, былъ назначенъ эпархіальнымъ архіепископомъ находящихся тамъ церквей армянскихъ. Архіепископъ, одушевленный христіанскою и пастырскою ревностью ко благу своихъ соотечественниковъ, прежде всего обратилъ труды свои на устройство и образованіе духовенства. Онъ искоренилъ разныя злоупотребленія, вкравшіяся въ армянскую церковь, учредилъ строгій контроль въ церковныхъ доходахъ и обратилъ вниманіе на нравственное состояніе всѣхъ армянъ, а въ особенности духовныхъ.

Благоразумнымъ распоряженіемъ церковнаго имущества тогда же было положено начало капиталу для устройства храмовъ и на учрежденіе училищъ. При покровительствѣ нашего правительства и при доброхотныхъ пособіяхъ и приношеніяхъ, которыя не замедлили оказать патріоты, приглашаемые Нерсесомъ со всѣхъ сторонъ, вскорѣ образовались значительныя суммы. Не щадя и собственнаго достоянія, архіепископъ, въ 1819 г., приступилъ къ сооруженію въ Тифлисѣ обширнаго зданія для армянскаго училища, на землѣ, принадлежащей тамошнему армянскому каѳедральному собору.

Виды Нерсеса простирались весьма далеко. На собственныя средства вызвалъ онъ въ это училище,—названное его именемъ (Нерсесово училище), — между прочими отличными преподавателями, изъ Парижа знаменитаго армянина Шаганъ-Чербета. Архіепископъ не хотѣлъ ограничивать своего заведенія спеціальною цѣлью чисто духовнаго училища, но раздѣлилъ его на два отдѣленія, изъ которыхъ одно заключалось въ предѣлахъ семинаріи, другое приняло размѣры гимназіи.

Однако и этого было не довольно: Нерсесу хотѣлось ввести сюда полное преподаваніе высшихъ наукъ, и, такимъ образомъ, положить начало учрежденію настоящей армянской академіи. Съ этою цѣлью, онъ учредилъ при училищѣ донынѣ существующую армянскую типографію.

Такимъ образомъ, создался храмъ наукъ, единственный въ своемъ родѣ, въ отдаленной Грузіи. Число воспитанниковъ вскорѣ простиралось до 400 человѣкъ. Но, судя по обширности зданія, предполагалось число учащихся умножить до 800 питомцевъ. Хотя приношенія отъ усердствующихъ, и особенно отъ семейства Лазаревыхъ, на устроеніе училища было достаточно по первоначальной смѣтѣ, однако, впослѣдствіи, по увеличенію строенія, равно и по умноженію потребностей, собранныя суммы оказались неудовлетворительными на покрытіе всѣхъ расходовъ. Поэтому Нерсесъ, не щадя ни трудовъ, ни

иждивенія своего, все что имѣлъ и могъ, пожертвовалъ отъ себя на общественную пользу.

Кромѣ умственнаго и нравственнаго образованія архипастырь не оставлялъ безъ вниманія и другихъ условій общественнаго развитія, къ которому предположилъ вести своихъ соотчичей. Зная, что для жизни общественной и для образованности необходима промышленность, архіепископъ способствовалъ устройству фабрикъ и для споспѣшествованія торговлѣ, особенно любимой армянами, въ 1819 году, устроилъ въ Тифлисѣ караванъ-сарай, или гостиный дворъ.

Въ 1826 году снова возгорѣлась война Россіи съ Персіею. Грозно было нашествіе полчищъ Аббасъ-Мирзы,—еще грознѣе были они встрѣчены. Нерсесъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, нашелъ въ себѣ жаръ и силы юноши, чтобы дѣйствовать во благо своего народа, оказалъ пламенное усердіе къ пользамъ имперіи и одушевлялъ къ тому же и своихъ соотечественниковъ. Армяне, какъ обитавшіе въ Грузіи, такъ и жившіе въ Персіи, внимая гласу архипастыря, приняли самое дѣятельное участіе въ успѣхахъ русскаго оружія. При вступленіи дѣйствующаго корпуса въ Персію, они явили безчисленные опыты преданности и усердія: составляли добровольныя ополченія, сражались храбро, доставляли всѣ средства къ продовольствію нашихъ войскъ, а впослѣдствіи, по вызовамъ и приглашеніямъ, переселились въ Россію. Самъ Нерсесъ, въ полномъ смыслѣ словъ, не щадилъ ни трудовъ, ни жизни. Въ походахъ онъ присутствовалъ въ полкахъ русскихъ, сопровождалъ ихъ и лично дѣйствовалъ въ случаяхъ затруднительныхъ.

Въ началѣ марта 1827 г., когда еще вершины Безобдалвскія облечены были снѣгомъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отважно повелъ наши передовыя войска къ знакомымъ имъ побѣдамъ.

Вскорѣ исчезли предъ русскими грозныя преграды, воздвигнутыя природою: быстро спустился отрядъ воиновъ въ широкія долины Аракса. Среди пустынной, непріятельской страны внезапно мелькнули въ очахъ нашихъ воиновъ высокіе куполы церквей, раздался въ ушахъ ихъ священный звонъ колоколовъ.

Предъ отрядомъ Бенкендорфа былъ древній первопрестольный Эчміадзинъ. Вѣра отворила врата монастырскія; вѣра и слава ввели нашихъ воиновъ въ обитель гостепріимную. Представилось зрѣлище разительное и благоговѣйное! Въ торжественномъ облаченіи вышло духовенство эчміадзинское; вышло съ восторгомъ и встрѣтило въ одно время и русскаго героя и знаменитаго архипастыря своего. Въ этотъ памятный день, подъ открытымъ небомъ, предъ лицомъ Всемогущаго, скрѣпленъ и утвержденъ печатью душевною первый священный союзъ армянъ съ сынами Россіи. Въ стѣнахъ Эчміадзина учредилъ Бенкендорфъ главное свое пребываніе. Иноки Эчміадзина, по гласу и примѣру архіепископа, обрекли себя на пользу страждущихъ, и, забывая о себѣ, помнили только о предстоявшемъ имъ по долгу милосердія. Дни и ночи сливались для нихъ въ одно нѣжное и заботливое смотрѣніе за больными. Многимъ изъ русскихъ возвратили они и здоровье и жизнь. Нигдѣ и никогда русскіе воины не забудутъ человѣколюбивыхъ попеченій о нихъ отшельниковъ эчміадзинской

обители. Между тѣмъ Паскевичъ устремился къ Араксу, вступилъ въ Нахичевань и обложилъ Аббасъ-Абада. Волнуясь местью, отчаяніемъ и стыдомъ, персіяне, за свои неудачи, неистовою рукою жгли, грабили, опустошали селенія армянъ и гнали ихъ за Араксъ. Многіе изъ армянъ, внимая воззваніямъ Нерсеса, отваживаясь на все для пользъ Россіи, укрылись отъ безпощадной ярости враговъ; возвратившись въ жилища свои, простерли братскія объятія къ русскимъ, извѣщали ихъ о каждомъ движеніи непріятеля, служили имъ проводниками и дѣйствовали на полѣ битвъ.

Вскорѣ Паскевичъ снова разбилъ Аббасъ-Мирзу, принудилъ къ сдачѣ Аббасъ-Абада и расположилъ войска для отдыха на знойное время. Въ то же время наслѣдникъ шаха, обманутый во всѣхъ своихъ высокомѣрныхъ замыслахъ, быстро перешелъ Араксъ и явился подъ стѣнами Эчміадзина, защищаемаго горстью русскихъ,—въ которомъ находился также Нерсесъ. Аббасъ-Мирза требовалъ сдачи. Дружина героевъ отвѣчала: не сдадимся. Онъ сулилъ золото и пышные дары — ему отвѣчали: «Русскіе себя не продаютъ!» Блеснулъ день битвы абаранской, и Эчміадзинъ былъ освобожденъ. Когда, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, предъ русскими знаменами, пали стѣны Эриванскія, генералъ Красовскій назначенъ былъ начальникомъ новопокоренной земли, а Нерсесъ членомъ временнаго правленія, положившаго первыя начала образованію новой Армянской области. Архіепископъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею неутомимостью на пользу общую, не щадя трудовъ.

Для содѣйствія архіепископу, въ великомъ дѣлѣ слитія армянъ персидскихъ съ Русскою державою, былъ вызванъ Паскевичемъ полковникъ Лазаревъ, членъ фамиліи, уже давно съ блескомъ поддерживающей въ Россіи имя сыновъ гайканскихъ. Армяне, одушевленные этимъ и внимая гласу Нерсеса, на крыльяхъ любви и усердія, сильнѣе прежняго полетѣли къ полкамъ русскимъ и оказывали важнѣйшія услуги. Наконецъ, Эриванскій подошелъ къ Таврису, близъ котораго находилась слобода армянская. Жители, съ крестнымъ ходомъ и съ умиленными сердцами, устремились навстрѣчу къ своимъ братьямъ — христіанамъ. Руки и сердца ихъ предлагали нашимъ полкамъ всѣ приношенія радушнаго гостепріимства. Лазаревъ былъ сдѣланъ комендантомъ въ столицѣ Аддербиджана. Вѣсть объ этомъ и воззванія Нерсеса оказывали необыкновенныя дѣйствія. Армяне со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Таврисъ, съ неимовѣрнымъ, безусловнымъ самоотверженіемъ, отдавая себя подъ высокую десницу Николая, желая жить и умереть подъ его державою.

Смирился шахъ. Начались переговоры въ Дей-Карганѣ. Лазаревъ былъ сдѣланъ тамъ комендантомъ главной квартиры, и казалось, что туда стремились всѣ души, всѣ мысли, всѣ желанія армянъ.

Они изъявили готовность свою переселиться въ наши области, и просили Паскевича дать на то дозволеніе.

Наконецъ былъ подписанъ славный турманчайскій договоръ, — исполнились радостныя надежды армянъ, увѣнчались архипастырскіе труды Нерсеса. Эчміадзинъ, — святыня послѣдователей св. Григорія, — присоединенъ къ Россіи. Гайканамъ дозволено пріютиться подъ сѣнь орла двуглаваго.

Паскевичъ просилъ архіепископа Нерсеса своими свѣдѣніями и совѣтами способствовать успѣху такого переселенія. Это исполнилось. Вліяніемъ Нерсеса, при содѣйствіи католикоса и ревностныхъ трудахъ полковника Лазарева, армяне съ довѣренностью и истиннымъ усердіемъ, и даже съ пожертвованіями, покинули родину, домы, сады, поля обработанныя и переселились изъ Персіи въ Россію въ числѣ болѣе 8,000 семействъ. Такое значительное переселеніе трудолюбивыхъ армянъ, какъ полагали знающіе люди, сдѣлало персидскому правительству ущерба въ однихъ казенныхъ доходахъ до четырехъ куруровъ или 9 милліоновъ руб. сер.

По окончаніи войны съ Персіею, возгорѣлась война съ Портою и архіепископу Провидѣніе открыло поле дѣйствій на другомъ краю обширной Россіи, но также для блага гайканскаго народа. Въ Бессарабіи и вообще областяхъ, сопредѣльныхъ съ театромъ начинавшихся военныхъ дѣйствій въ Европѣ, обитаетъ много армянъ, а не задолго предъ тѣмъ скончался тамошній архіепископъ Григорій. Государь императоръ повелѣлъ, въ апрѣлѣ 1828 года, пригласить на сиротствовавшую каѳедру архіепископа Нерсеса, считая это полезнымъ, «сколько по доказанной преданности и заслугамъ, столько же по опытности и знанію края» высокопреосвященнымъ. Нерсесъ нисколько не колебался. Онъ тотчасъ оставилъ свою родину и полетѣлъ на служеніе своей прародительской церкви и своему новому отечеству на указанномъ ему поприщѣ..

Нерсесъ переѣхалъ Кавказъ въ 1828 году. Съ тѣхъ поръ оставался онъ на югѣ Имперіи втеченіе 15-ти лѣтъ.

Находясь въ Кишиневѣ, Нерсесъ продолжалъ содѣйствовать великому дѣлу собиранія разсѣянныхъ армянъ подъ мощную руку владыки Россіи.

Посредствомъ своихъ сношеній, какъ съ армянами Европейской Турціи, такъ и съ обитателями Востока, онъ много содѣйствовалъ переселенію ихъ изъ оттоманскихъ владѣній послѣ адріанопольскаго мира. (Изъ Турціи переселилось въ Россію до 90 тыс. армянъ.) Армяне, проживавшіе въ Индіи, были также увѣдомлены Нерсесомъ, что древняя Арменія, Нахичеванское и Эриванское ханства и первопрестольный эчміадзинскій монастырь пріобрѣтены побѣдоносным оружіемъ и присоединены къ Россіи. Событіе это праздновано въ странѣ Ганга и Гималая всѣми сословіями съ живѣйшею радостью.

Присоединеніе Арменіи къ могущественной Россіи невыразимо обрадовало всѣхъ обитавшихъ въ Индіи армянъ, которые, въ порывахъ патріотическаго усердія, именовали Николая своимъ государемъ и надѣялись, со временемъ, особенно богатые, водвориться съ семействами и имуществами своими въ православной имперіи, куда призывала ихъ привязанность къ древнему Эчміадзину и приснопамятному Арарату. Агенты Великобританіи разсѣевали разные слухи, чтобы поколебать армянъ въ такихъ намѣреніяхъ и болѣе привлечь въ свои владѣнія, но эти средства могли смущать только временно, и большіе торговые дома рѣшительно помышляли объ устройствѣ и окончаніи дѣлъ своихъ въ Индіи, чтобы придти въ возможность удалиться оттуда и водвориться въ своей отчизнѣ.

Имя Нерсеса тамъ славили, какъ главнаго участника великаго дѣла.

Между тѣмъ мирно текли въ Кишиневѣ дни архипастыря, горячо преданнаго пользамъ своей паствы.

Народное просвѣщеніе и здѣсь нашло ревностнаго покровителя въ Нерсесѣ. Въ Кишиневѣ и Нахичевани на Дону существовавшія уже училища для армянъ, неутомимыми трудами и неусыпностью архіепископа, получили полное возрожденіе. Кругъ ихъ дѣйствій расширился; число воспитанниковъ возрасло; преподаваніе улучшилось; средства къ содержанію увеличились; между прочимъ, фамилія Лазаревыхъ на это пожертвовала особый капиталъ. Но память его подвиговъ, но признательность къ его трудамъ на пользу народа и церкви, не ограничиваясь предѣлами его пребыванія, жили неизгладимо въ сердцахъ всѣхъ его соотечественниковъ. Едва, въ 1842 году, разнеслась вѣсть объ избраніи главы армянской церкви, какъ имя Нерсеса раздалось изъ всѣхъ устъ, повсюду: отъ береговъ Ганга до береговъ Невы, отъ Карпата до Иммауса. Всѣ армяне повторяли въ одинъ голосъ, что «пока Нерсесъ живъ, некого другого избирать въ преемники св. Григорію, на престолъ верховнаго патріарха католикоса.»

Наступилъ, наконецъ, срокъ, положенный для торжественнаго избранія главы армянской церкви. Депутаты, избранные отъ епархій, большей частью лично явились въ Эчміадзинъ. Тѣ, которые не могли прибыть сами, прислали отъ себя, по установленію, письменные отзывы.

1843 года 17-го апрѣля всѣ присутствовавшіе и отсутствовавшіе избиратели, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, единодушно и единогласно признали Нерсеса достойнымъ высокаго сана главы своей церкви.

Съ этихъ поръ патріархъ Нерсесъ, несмотря на преклонныя лѣта свои, неусыпно трудился и заботился о благѣ и процвѣтаніи ввѣренной ему Богомъ церкви. Дѣятельность старца не ослабѣвала до послѣднихъ дней жизни и принесла много добра.

Патріархъ Нерсесъ скончался 13-го февраля 1857 года. Во время долголѣтняго служенія своего церкви, католикосъ стяжалъ всеобщую любовь и благочестивою жизнью своею возбуждалъ во всѣхъ благоговѣйное уваженіе къ себѣ. Многіе изъ армянъ убѣждены, что Нерсесъ—угодникъ Божій. Онъ также пользовался глубокимъ уваженіемъ жителей и другихъ націй.

Дѣятельность патріарха была изумительна. Онъ день и часть ночи посвящалъ занятіямъ; а время отдыха весьма ограничивалъ.

Нельзя было безъ особеннаго чувства слушать разсказы католикоса, всегда живые и занимательные. Бывъ современникомъ всего совершившагося въ Закавказскомъ краѣ втеченіе цѣлаго вѣка и сохранивъ свѣтлую память до глубокой старости, онъ передавалъ событія, случившіяся лѣтъ за 60 до настоящаго времени, съ малѣйшими подробностями. Нѣкоторые справедливо называли его живою исторіею Арменіи.

Нерсесъ издалъ многія духовныя рѣчи и постановленія для армянскихъ епархій. Сочиненія его и пространная переписка о разныхъ предметахъ весьма любопытны и наставительны. Сверхъ того, имъ изданы армянская грамматика и многія историческія и учебныя книги.

Что касается до внѣшняго вида Нерсеса, онъ въ послѣдніе годы своей жизни представлялъ небольшаго, худощаваго старца, съ длинною, бѣлою, какъ снѣгъ, бородою, блестящими черными глазами, съ рѣзкой, умной физіономіей, кроткимъ и добродушнымъ выраженіемъ.

(Изъ періодическаго изданія «Кавказцы».)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

Алексѣй Петровичъ представляетъ рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большою проницательностью, неутомимой дѣятельностью и непоколебимымъ безкорыстіемъ; замѣчательный даръ слова, гигантская память и неимовѣрное упрямство составляютъ также отличительныя его свойства.

Алексѣй Петровичъ былъ силы необыкновенной, крѣпкаго здоровья, замѣчательнаго роста; голова его, украшенная густыми въ безпорядкѣ лежащими волосами и вооруженная небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминаетъ голову льва.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году, въ Москвѣ, въ одномъ году съ императоромъ Александромъ. старше котораго былъ только тремя мѣсяцами. Отецъ его Петръ Алексѣевичъ — небогатый орловскій дворянинъ.

Мать, Марья Денисовна, была изъ рода Давыдовыхъ.

Алексѣй Петровичъ сначала учился у двороваго служителя Алексѣя, по букварю и съ рѣзною указкой, расписанной синими фигурками. Потомъ поступилъ онъ въ богатый домъ одной вдовы, гдѣ онъ былъ какою-то неопредѣленною фигурой, потому что тутъ же былъ одинъ возлюбленный племянникъ. Дама эта была вдова намѣстника; она, какъ и всѣ подобныя ей особы того времени, была пропитана чванностью.

Очень рано былъ онъ отданъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ, на руки къ профессору Ивану Андреевичу Гейму. Профессоръ этотъ полюбилъ Алексѣя Петровича и Алексѣй Петровичъ полюбилъ профессора.

Изъ пансіона, по переселеніи родителя изъ Москвы, онъ попалъ въ Петербургъ, къ знаменитѣйшему того времени математику Лясковскому, ученому, но въ тоже время и педанту. Однако Алексѣй Петровичъ заслужилъ его привязанность и платилъ ему тѣмъ же.

Въ 1792 г. князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій отвезъ Ермолова въ Петербургъ. Алексѣй Петровичъ имѣлъ уже тогда чинъ капитана гвардіи, такъ какъ записанъ былъ въ службу очень рано по обычаю того времени. Выдержавъ экзаменъ съ особеннымъ отличіемъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію.

На первыхъ же порахъ своего военнаго поприща Алексѣй Петровичъ побывалъ, хотя не долго, въ школѣ великаго Суворова. Суворовъ не могъ не замѣтить Ермолова въ польскую войну (1794 г.) при штурмѣ Праги.

За отличіе награжденъ онъ знакомъ св. Георгія 4-го класса по назначенію самого Суворова. Затѣмъ вскорѣ Ермоловъ отправился на Кавказъ подъ начальство графа Зубова, въ походъ противъ персидскаго шаха. Но среди грома побѣдъ войскамъ нашимъ велѣно новымъ императоромъ поспѣшно возвратиться въ предѣлы Россіи.

По возвращеніи въ Россію Ермоловъ, замѣшанный въ исторію брата (отъ одной матери), Каховскаго, былъ посаженъ прежде въ крѣпость, потомъ сосланъ на житье въ Кострому.

Съ горя принялся Ермоловъ читать и переводить римскаго Цезаря, между тѣмъ какъ новый Цезарь и нашъ славный Суворовъ воинствовали одинъ послѣ другого на его Альпахъ.

Онъ познакомился съ протоіереемъ и ключаремъ соборнымъ Груздевымъ, и началъ брать у него уроки латинскаго языка. Часто случалось Ермолову будить старика словами: «пора вставать, Титъ Ливій ждетъ ужъ давно».

Въ Костромѣ же сидѣлъ тогда другой русскій молодецъ Платовъ. Платовъ былъ однако освобожденъ прежде Ермолова, и получилъ назначеніе идти въ Бухару. Сжалилась судьба и надъ его товарищемъ.

Императора Павла вскорѣ не стало. Въ первый день восшествія на престолъ Александръ велѣлъ освободить Ермолова вмѣстѣ съ прочими людьми, замѣшанными по дѣлу Каховскаго.

Ермоловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Отсюда начинается цѣлый рядъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ А. П. Ермоловъ высказалъ большой талантъ, мужество, присутствіе духа и рѣдкое самоотверженіе. Свидѣтели тому Витебскъ, Бородино, Кульмъ, гдѣ наша армія обязана была ему своимъ спасеніемъ.

Какъ ни интересно было бы передать боевую славную жизнь Ермолова до 12-го и въ 12-мъ достопамятномъ для русскаго году до отправленія его на Кавказъ, но такъ какъ эта эпоха заняла бы много мѣста въ нашемъ очеркѣ и отклонила бы насъ отъ главной нашей задачи, поэтому остановимся на дѣятельности А. П. Ермолова на Кавказѣ.

Алексѣй Петровичъ назначенъ въ Грузію въ апрѣлѣ 1816 г. Когда я—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ—былъ представленъ государю, то онъ, объявивъ мнѣ о назначеніи въ Грузію, прибавилъ: «я бы не повѣрилъ, что ты можешь желать сего назначенія, еслибы не предстали свидѣтели гр. Аракчеевъ и кн. Волконскій, ручавшіеся, что оно согласно съ твоимъ намѣреніемъ». Полагаютъ, графу Аракчееву не хотѣлось, чтобы при государѣ остался человѣкъ, къ которому онъ сталъ сильно привыкать.

Ни мало не медля, отправился Ермоловъ къ своему назначенію. «Ступилъ я—читаемъ въ его дневникѣ—на землю, ввѣренную моему управленію. Не радуюсь встрѣченному на первомъ шагу порядку. Нахожу выставленные для меня конвои линейныхъ казаковъ, составленные по большей части изъ малолѣтнихъ, къ службѣ не способныхъ, ибо предмѣстникъ мой отпустилъ на родину шесть донскихъ полковъ, служившихъ на линіи, и ихъ замѣнили

старыми и малыми. Я избѣгалъ обыкновенной встрѣчи, отослалъ ожидавшихъ меня и пріѣхалъ въ Тифлисъ на перекладной повозкѣ, никѣмъ не будучи узнанъ. Другая казалась земля, другое небо. Все было въ состояніи совершеннаго разрушенія...» Предстояли Ермолову тяжелые труды и заботы по управленію краемъ.

«Въ первые годы своего управленія Ермоловъ предпринялъ рѣшительныя мѣры для усмиренія чеченцевъ, самаго воинственнаго народа между кавказскими племенами, народа, который быстрыми своими набѣгами и безпрерывными разбоями наводилъ повсюду ужасъ дотого, что по военно-грузинской дорогѣ невозможно было слѣдовать иначе, какъ съ сильнымъ прикрытіемъ, при коемъ всегда долженствовали находиться и орудія. Мѣры сіи состояли въ томъ, что все низменное пространство земли, лежащее между рѣками Терекомъ и Сунжею и служившее чеченцамъ для посѣва хлѣба, а огромные и прибыльные луга—для прокормленія лошадей, рогатаго и прочаго скота, было отнято у нихъ посредствомъ перенесенія линіи съ Терека на Сунжу и построенія на сей послѣдней рѣкѣ достаточнаго числа редутовъ и крѣпостей, которые совершенно лишили бы чеченцевъ возможности пользоваться этимъ пространствомъ земли. Наѣздничество ихъ дѣлалось съ тѣхъ поръ весьма затруднительнымъ и часто влекло за собою совершенное уничтоженіе цѣлыхъ партій. Вскорѣ обнаружились между ними пагубныя послѣдствія общаго недостатка въ хлѣбѣ и скотѣ. Вынужденные снискивать себѣ скудную пищу въ гористыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ и потерявъ уже значительную часть своего скотоводства, они подвергались болѣзнямъ, опустошавшимъ цѣлыя селенія. Благомыслящая часть народа явилась съ покорностью и получила прощеніе, съ условіемъ покинуть горы и со всѣмъ своимъ имуществомъ перейти на жительство въ низменныя мѣста между Терекомъ и Сунжею, подъ охраненіемъ нашихъ крѣпостей. Вотъ первоначальное основаніе такъ-называемыхъ мирныхъ чеченцевъ...

Попеченіями А. П. Ермолова была улучшена, при всевозможномъ соблюденіи казеннаго интереса, военно-грузинская дорога, созданы имеретинская и кахетинская линіи. Придвинувъ правый флангъ къ предгоріямъ Кавказа, онъ воздвигъ укрѣпленія у подошвы горъ и переселилъ сюда казаковъ, которые жили до того времени между Георгіевскомъ и Черноморьемъ. Имъ были возведены укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлисъ тамъ, гдѣ были лишь кучи саклей и два караванъ-сарая. Шелководство и виноделіе были также предметами его особенной заботливости.

Ермоловъ былъ человѣкъ такой, какой былъ необходимъ для Кавказа. Смиряя желѣзною рукой дикихъ хищниковъ *), онъ мудрою справедливостью привлекалъ различные народы къ признанію надъ собою власти нашего Государя. Его продолжительному и славному управленію обязанъ былъ Кавказъ

*) При А. П. занято было русскими войсками Шамхальское владѣніе, завоеваны Кюринское и Казикумыхское ханства, Акуша, усмирена Большая и Малая Кабарда, отчасти разорена Чечня.

своимъ устройствомъ, спокойствіемъ и безопасностью; не взирая на большіе расходы, не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одинъ или два милліона экономіи. Тифлисскій госпиталь и коммиссаріатскія зданія были имъ построены насчетъ суммъ, оставшихся послѣ его посольства въ Персію и которыя онъ имѣлъ право оставить у себя. Бережливость Ермолова въ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ была часто весьма тягостна для его подчиненныхъ. Грозный для враговъ и ослушниковъ своихъ велѣній, Алексѣй Петровичъ, будучи постоянно весьма привѣтливъ относительно своихъ подчиненныхъ, дозволялъ себѣ во время похода короткое съ ними обращеніе; но кажущаяся фамильярность этого энергическаго человѣка не была въ состояніи поколебать дисциплины, столь необходимой въ военномъ сословіи. Онъ этимъ путемъ ознакомился со всѣми почти офицерами своего корпуса, и когда до его свѣдѣнія доходило, что полезный офицеръ намѣревался оставить службу, онъ не почиталъ для себя униженіемъ или слабостью письменно просить его отказаться отъ того. Мы большей частью видимъ, что начальники, щедро разсыпающіе вокругъ себя награды, болѣе любимы своими подчиненными. Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ всеобщую любовь совершенно инымъ путемъ; онъ награждалъ офицеровъ лишь послѣ нѣсколькихъ отличій, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, цѣнилась весьма высоко. Жестокое, повидимому, обращеніе его съ туземцами было лишь слѣдствіемъ необходимости и глубокаго пониманія духа и характера народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло.

«Пріятное лицо мое—писалъ А. П. Ермоловъ Д. В. Давыдову—омрачилъ густыми усами, ибо, не плѣняя именемъ, не безполезно страшить наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста... Я многихъ, по необходимости, придержался азіатскихъ обычаевъ, и вижу, что проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ враговъ не можетъ укротить мягкосердіемъ.»

Приведя однажды въ трепетъ непокорныхъ горцевъ, онъ могъ впослѣдствіи лишь изрѣдка прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Онъ зналъ, что одна строгость безсильна, если ее не сопровождаютъ неуклонное правосудіе и безкорыстіе. Эти качества, идя рука-объ-руку, обильны по своимъ послѣдствіямъ; вотъ истинная причина того благоговѣнія и необычайной преданности, питаемыхъ къ нему жителями края. Народы Азіи, еще незнакомые съ филантропическимъ воззрѣніемъ европейцевъ, уважаютъ лишь начальника, умѣющаго сочетать строгость съ справедливостью; отсутствіе строгости почитается ими лишь признакомъ слабости. Весьма часто, когда Ермолову не хотѣлось карать незначительныхъ преступниковъ, онъ заблаговременно предупреждалъ о томъ своего неразлучнаго и вѣрнаго начальника штаба, Алексѣя Александровича Вельяминова, чтобъ о нихъ ходатайствовалъ; уступая повидимому его убѣжденіямъ, Алексѣй Петровичъ смягчалъ приговоры свои и даже нерѣдко совершенно прощалъ виновныхъ. Вотъ почему слава о его справедливости и безкорыстіи распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Правитель дѣлъ Аббасъ-Мирзы, нѣкто Мирза-Сале, извѣстный по своему уму, образованію и знанію многихъ языковъ, заказывавшій нѣкогда для Персіи оружіе въ Англіи

и Франціи, и потому значительно разбогатѣвшій, навлекъ на себя гнѣвъ принца, который, желая овладѣть всѣмъ его имуществомъ, вознамѣрился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный объ этомъ заблаговременно, бѣжалъ въ Грузію, гдѣ прибѣгнулъ подъ покровительство Ермолова; онъ съ полною довѣренностью передалъ Алексѣю Петровичу на сохраненіе всѣ свои сокровища, въ числѣ коихъ находились богатые подарки отъ короля англійскаго и Людовика XVIII. Вслѣдствіе требованія Аббасъ-Мирзы выдать бѣжавшаго сановника, Ермоловъ совѣтовалъ ему удалиться сперва въ Астрахань, а потомъ далѣе. Впослѣдствіи, возвратившись въ свое отечество, онъ сопровождалъ Хозревъ-Мирзу въ Петербургъ.

Ермоловъ, желая ознаменовать чѣмъ-нибудь свое вступленіе въ командованіе грузинскимъ корпусомъ, исходатайствовалъ у Государя прощеніе 40 грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе несправедливыхъ навѣтовъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани.

Еще до назначенія Ермолова командиромъ корпуса открыта была по всей Россіи подписка для собранія суммы, необходимой для выкупа взятаго близъ Кизляра въ плѣнъ храбраго впослѣдствіи командира куринскаго полка, полковника Швецова. Ермоловъ предписалъ командовавшему войсками на линіи генералу Дельпоццо посадить въ кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ туземныхъ князьковъ, чрезъ земли которыхъ слѣдовали хищники, коимъ они явно содѣйствовали въ плѣненіи этого офицера, и содержать ихъ дотолѣ, пока не будетъ собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспѣшно собрали 7,000 рублей, вмѣсто требуемыхъ сперва 15,000 р. Швецовъ былъ вскорѣ освобожденъ, а потому приказано было выпустить изъ-подъ ареста и князей.

До 1820 года назначалась изъ военнаго министерства сумма для выкупа плѣнныхъ въ Черноморіи, гдѣ до временъ Ермолова было строго воспрещено нашимъ войскамъ переходить черезъ Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ чеченцевъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ за-мужъ за имеретинъ, а прочихъ продалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на чеченцевъ и прочихъ горцевъ, что они съ этого времени лишь изрѣдка захватывали нашихъ въ плѣнъ, и то неиначе, какъ по одиночкѣ; пользуясь тѣмъ, Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе.

Ермоловъ, находившійся въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, послѣ возвращенія своего изъ Лайбаха, куда онъ былъ вызванъ для начальствованія арміей въ Италіи, отказался отъ Высочайше пожалованной ему аренды въ 40,000 рублей бумажками на 12 лѣтъ, въ пользу бѣдныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Государь, указавъ на то, сказалъ ему: «хотя я знаю, что у тебя ничего нѣтъ: но я благодарю тебя за твой вполнѣ деликатный и безкорыстный поступокъ».

Посѣтивъ однажды Шушу и увидавъ близъ великолѣпнаго дворца безнравственнаго карабахскаго хана Мехти-Кули маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ упадокъ, Ермоловъ грозно сказалъ ему: «Я требую, чтобы

къ моему будущему пріѣзду, на мѣсто этой развалившейся мечети, была выстроена другая, которая бы соотвѣтствовала великолѣпію вашего дворца.» Эти слова, сказанныя на татарскомъ языкѣ, произвели чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на туземное населеніе, которое еще болѣе усилилось, вслѣдствіе построенія самимъ Ермоловымъ мечетей въ нѣкоторыхъ аулахъ.

Во время пребыванія барона Дибича въ Тифлисѣ, лезгины взяли въ плѣнъ молодаго офицера, барона Фиркса. Узнавъ о томъ, Ермоловъ потребовалъ немедленной его выдачи, грозя въ противномъ случаѣ страшно наказать виновныхъ. Лезгины поспѣшили доставить нетолько плѣннаго, но и всѣ принадлежавшія ему вещи, какъ-то: лошадь и часы. Ермоловъ, не желая потворствовать беззаконнымъ дѣйствіямъ многихъ хановъ и продолжать выдачу получаемыхъ ими большихъ содержаній, изгналъ ихъ и замѣнилъ ханскія управленія народными судами. На народныхъ судахъ собирались представители бековъ и другихъ сословій, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ, причемъ татарскій подлинникъ сопровождался русскимъ переводомъ. Ермоловъ написалъ, по совѣту майора Якубъ Шардарова, уставъ для кабардинцевъ.

Ермоловъ помимо Персіи пріобрѣлъ большое вліяніе въ окрестностяхъ Багдада и Бассоры. Двое сыновей пожилой крѣпостной женщины князя Лаурсаба, Э., сдѣлавшись багдадскимъ и бассорскимъ пашами, просили Ермолова препроводить къ нимъ ихъ мать. Ермоловъ, убѣдивъ князя Лаурсаба Э. отпустить на волю эту старуху, приказалъ одѣть ее въ богатыя парчевыя платья и передать съ почетомъ посланнымъ, которые вручили значительную сумму ея прежнему владѣльцу. Эти оба паши просили впослѣдствіи позволенія перейти въ Россію съ сохраненіемъ своихъ правъ.

Всѣ эти случаи вполнѣ обрисовываютъ характеръ Алексѣя Петровича и свидѣтельствуютъ о степени нравственнаго вліянія его на подчиненныхъ; но главная его заслуга состояла въ неутомимой дѣятельности и умѣньи возвышать духъ своихъ подчиненныхъ. Заботы Ермолова о войскѣ, нужды котораго онъ хорошо зналъ, были примѣрны; неуклонно наблюдая за хорошимъ содержаніемъ войскъ, онъ строго запретилъ изнурять ихъ фронтовыми ученьями и дозволилъ имъ носить вмѣсто касокъ папахи, а вмѣсто ранцевъ холщевые мѣшки съ сухарями. Это, къ сожалѣнію, подало многимъ поводъ обвинить въ либеральномъ образѣ Ермолова, явно, по ихъ мнѣнію, баловавшаго войска, въ коихъ чрезъ то будто-бы обнаружился упадокъ дисциплины, и осмѣлившагося постоянно нарушать установленныя формы и правила службы. Лучшимъ опроверженіемъ тому служатъ слова барона Дибича генералу Сабанѣеву, по возвращеніи его изъ Грузіи: «Я нашелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ». Прослуживъ 25 лѣтъ и участвовавъ во многихъ кампаніяхъ, я, положа руку на сердце, могу по-истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова: ребята! походъ! возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница

не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50 верстъ въ сутки, въ особенности когда ею предводительствовалъ самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ. Ермоловъ, убѣжденный въ неизбѣжности близкой войны съ персіянами и желая упрочить спокойствіе и порядокъ между невѣжественными и фанатическими жителями Дагестана, прибылъ сюда съ 1823 на 1824 годъ, гдѣ имѣлъ при посредничествѣ умнаго и вполнѣ преданнаго намъ шамхала тарковскаго ночныя свиданія съ Саидомъ-эффенди, ученымъ наставникомъ значительнѣйшихъ туземныхъ муллъ, пользовавшимся въ горахъ огромнымъ вліяніемъ. Во время этихъ свиданій, о коихъ не знали многіе изъ самыхъ приближенныхъ къ Ермолову лицъ, ему удалось склонить Саида-эффенди употреблять въ нашу пользу свое вліяніе въ горахъ и принять на себя наблюденіе за своими единовѣрцами: этому ученому мужу была обѣщана значительная сумма денегъ, которая выплачивалась до 1827 года.»

Что же сказать вдобавокъ объ административной дѣятельности Ермолова на Кавказѣ.

«Не принадлежа къ числу тѣхъ,—говоритъ г. Давыдовъ,—кои безусловно восторгаются всѣмъ, что дѣлалось на Кавказѣ во времена Ермолова, я почитаю однако нужнымъ сказать, что, не взирая на извѣстную любовь къ общественному благу и способности этого генерала, система гражданскаго управленія, коей онъ слѣдовалъ, не будучи лишена большихъ недостатковъ, требовала не мало улучшеній и преобразованій; причину надо искать въ личныхъ свойствахъ Ермолова, который, будучи исключительно отличнымъ военнымъ человѣкомъ, не былъ никогда приготовленъ къ административной дѣятельности. Не имѣя ни опытности, ни спеціальныхъ по этой части свѣдѣній, Ермоловъ, не взирая на замѣчательную заботливость о благоденствіи ввѣреннаго края, не могъ однако быть ему полезенъ въ той мѣрѣ, какъ бы онъ того желалъ. Алексѣй Петровичъ, вполнѣ сознававшій въ себѣ недостатокъ свѣдѣній и опытности и почитавшій себя всегда невѣждой въ административномъ отношеніи, во время своего правленія краемъ лишь слѣдовалъ совѣтамъ и дѣятельности нѣкоторыхъ отличныхъ чиновниковъ, коими онъ успѣлъ себя окружить.

Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ по ихъ достоинству и никогда не перестававшій о нихъ свидѣтельствовать, внушилъ имъ тѣмъ къ себѣ безграничную любовь и преданность.

Получивъ однажды повелѣніе изложить свое мнѣніе насчетъ управленія калмыками, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ подтвердительныхъ о томъ приказаній, не дождавшись отзыва астраханскаго губернатора Бухарина, которому нужды этого народа были ближе извѣстны, послать въ С.-Петербургъ свое о томъ заключеніе. Прочитавъ вскорѣ послѣ того замѣчанія на этотъ счетъ почтеннаго и отлично-умнаго И. Я. Бухарина (которому онъ исходатайствовалъ впослѣдствіи аренду), отправилъ ихъ въ С.-Петербургъ, причемъ онъ не преминулъ донести, что почитаетъ мнѣніе сего послѣдняго несравненно основательнѣе и полезнѣе своего. Хотя безпокойства въ Дагеста-

нѣ, Чечнѣ и другихъ областяхъ отрывали часто Ермолова отъ гражданскихъ занятій, но нельзя, безъ явнаго нарушенія справедливости, не сказать, что его девятилѣтняя административная дѣятельность, при всѣхъ ея несовершенствахъ и большихъ недостаткахъ, была благотворна для Кавказскаго края; это могутъ подтвердить всѣ безпристрастные очевидцы и самые туземцы.»

Наконецъ бросимъ бѣглый взглядъ на дѣйствія А. П. Ермолова въ персидскую войну съ Россіею, начавшуюся со второй половины 1826 г. и кончившуюся тяжелымъ ударомъ для него — удаленіемъ съ Кавказа.

По Гюлистанскому договору, часть земель отъ Персіи отошла къ Россіи и поступила въ составъ Карабахской области; пространство между Мигри-Чаемъ, Капанъ-Чаемъ и Араксомъ оставалось еще спорнымъ и неразмежеваннымъ. Эти-то земли послужили предлогомъ къ войнѣ... Персія, захвативъ ихъ вопреки договору, вынудила закавказское начальство двинуть наблюдательный отрядъ къ горамъ, окружающимъ озеро Тохча, въ сѣверной части Эриванской провинціи... Главная часть назначенія этого отряда состояла въ томъ, чтобъ удержать жителей Казахской дистанціи отъ возмущенія, къ которому склоняли ихъ персіяне разными низкими средствами, и прекратить разбои уже возмутившихся жителей Елисаветпольскаго округа и Шамшадильской дистанціи. Движеніе этого отряда генералъ Ермоловъ почиталъ нужнымъ и потому, чтобъ успокоить жителей Грузіи, испытавшихъ въ минувшія времена ужасныя бѣдствія отъ вторженія персіянъ и, при настоящемъ нашествіи, приходившихъ въ чрезвычайное уныніе. Но до прибытія ожидаемыхъ войскъ съ кавказской линіи главнокомандующій не желалъ начинать никакого дѣйствія, развѣ бы самъ непріятель подалъ къ тому поводъ и представился случай вѣрнаго успѣха.

Между тѣмъ положеніе Закавказскаго края становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Крѣпость Шуша, въ которую полковникъ Реутъ едва успѣлъ войти съ 6-ю ротами, была тѣсно обложена войсками Аббасъ-Мирзы. Весь Елисаветпольскій округъ занятъ былъ персіянами, всѣ сообщенія между Грузіей и мусульманскими провинціями прерваны, ближайшія нѣмецкія колоніи разорены непріятелемъ; жители увлечены въ плѣнъ. Съ другой стороны сардарь эриванскій, съ 5-ю баталіонами пѣхоты и 8,000 конницы, ожидалъ только возможности соединиться съ Аббасъ-мирзою, чтобы совмѣстно открыть наступательныя дѣйствія; оба они всѣми способами старались возмущать жителей противъ Россіи. Угрозы, награды, обѣщанія, фанатизмъ, ничто не было забыто, и самые грузины, вспоминая несчастную эпоху 1795-го года и звѣрство персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана, который сжегъ Тифлисъ и увелъ нѣсколько тысячъ семействъ въ плѣнъ, вѣрили нелѣпымъ слухамъ, распространяемымъ непріятельскими агентами, и нѣкоторые даже зарывали свои имущества въ землю.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ гибельными послѣдствіями, въ странѣ населенной единовѣрцами непріятелей, необходимы были рѣшительныя и скорыя мѣры. Генералъ Ермоловъ, извѣщенный о движеніи непріятеля, разрѣшилъ князю Мадатову, по заготовленіи десяти-дневнаго продовольствія,

слѣдовать съ частью своего отряда къ Елисаветполю и открыть наступательныя дѣйствія.

Шамхорское дѣло увѣнчало наше оружіе блестящимъ успѣхомъ: персы въ 5 разъ сильнѣе насъ разбиты; на мѣстѣ сраженія палъ самъ главнокомандующій... Амиръ-ханъ-сардарь...

Самое важное послѣдствіе шамхорской побѣды было снятіе осады Шуши, которую осаждалъ самъ Аббасъ-Мирза съ главною арміей.

Вторженіе Аббасъ-Мирзы въ наши закавказскія владѣнія произвело въ Петербургѣ крайне непріятное впечатлѣніе. Такое событіе было приписано оплошности Ермолова. Тогда отправленъ былъ въ Грузію генералъ-адъютантъ Паскевичъ, чтобы сообща съ Ермоловымъ принять всѣ нужныя мѣры въ такихъ обстоятельствахъ.

... 11 сентября (1826 г.) Паскевичъ прибылъ къ Елисаветополю и принялъ начальство надъ всѣми войсками. Онъ преслѣдовалъ непріятеля 12 верстъ по большой дорогѣ до рѣчки Куракчая... обнялъ Мадатова, благодарилъ... 18-го уже ни одного непріятеля не осталось въ Карабагѣ. Аббасъ-Мирза съ небольшимъ числомъ людей прискакалъ въ Таврисъ.

Между тѣмъ Ермоловъ, видя перемѣну отношеній къ себѣ со стороны императора, рѣшился просить его о своемъ увольненіи. «Не имѣвъ счастія - - писалъ онъ - - заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить Ваше Величество мысль, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества поставляетъ меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, всемилостивѣйшій Государь. Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однакоже просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми.»

Не долго пришлось Ермолову ждать рѣшенія своей участи. Предъ самымъ увольненіемъ его, отправленъ былъ въ Тифлисъ начальникъ штаба баронъ Дибичъ съ цѣлью узнать мнѣніе каждаго изъ начальниковъ, какъ они полагаютъ покончить начатую войну противъ Персіи. Этотъ вопросъ имѣлъ свою важность, потому что предвидѣлась война съ турками; слѣдовательно нужно было какъ можно скорѣе кончить начатую войну. Дибичъ явился къ Ермолову во всей формѣ. Свиданіе было непродолжительно, и Дибичъ отправился на площадь, гдѣ его ожидалъ Паскевичъ, для представленія всѣхъ наличныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Что послѣ того происходило между этимъ тріумвиратомъ высшихъ сановниковъ, никому неизвѣстно, только въ концѣ марта 1827 г. объявленъ въ Тифлисѣ высочайшій приказъ въ тотъ

самый день, какъ онъ напечатанъ въ Петербургѣ: Ермоловъ увольняется отъ занимаемой должности, а на мѣсто его назначенъ Паскевичъ.

«Со времени удаленія моего—пишетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ— я не видался съ генераломъ Паскевичемъ, который, отзываясь болѣзнію, принималъ дѣла или чрезъ начальника корпуснаго штаба, или письменными сношеніями со мною.

«По увольненіи отъ должности, болѣе мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ частнымъ человѣкомъ и наконецъ оставилъ страну. Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ, по дорогѣ давали мнѣ его почтовые начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ».

На пути заѣхалъ Ермоловъ въ Таганрогъ единственно для того, какъ онъ самъ говоритъ, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ похоронено и мое счастье.

Съ кончиною императора Александра,—замѣчаетъ М. П. Погодинъ,—Ермоловъ дѣйствительно похоронилъ свое счастье, какъ онъ выразился въ концѣ дневника. Сколько въ томъ было его вины, нельзя еще теперь рѣшить окончательно. Показанія современниковъ разнорѣчивы. Но вотъ въ чемъ они почти всѣ сходятся, хотя и безотчетно: Ермоловъ въ описанныхъ обстоятельствахъ перехитрилъ. И это кажется очень вѣроятнымъ. Сколько мнѣ случалось говорить съ знакомыми Алексѣя Петровича, сколько удалось наблюсти самому, эта черта преобладала въ его характерѣ, при всѣхъ его достоинствахъ и геніальныхъ способностяхъ. Ясный, рѣшительный, твердый на сценѣ, на поприщѣ дѣйствій, за кулисами онъ дѣлался, кажется, другимъ человѣкомъ, и въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой нужды, онъ не могъ дѣйствовать прямо, всегда были у него какъ будто заднія мысли, и искренности, простоты или, какъ нынѣ говорятъ, непосредственности, задушевности, отъ него никогда ждать было нельзя. Вотъ почему, можетъ быть, люди противоположныхъ характеровъ не могли съ нимъ сойтись.

Надо сознаться, что и положеніе его на Кавказѣ было необыкновенное, и все содѣйствовало къ увеличенію затрудненій. Внезапность кончины императора Александра, извѣщеніе о присягѣ великому князю Константину, первому покровителю и другу Ермолова, отреченіе великаго князя Константина и присяга новому государю Николаю Павловичу, происшествія 14 декабря, слѣдовавшія одно за другимъ такъ быстро, не давали, такъ сказать, образумиться Ермолову,—можетъ быть, онъ промедлилъ присягой нѣсколько дней въ ожиданіи подтвердительныхъ извѣстій, по закону благоразумія, даже въ государственномъ смыслѣ (извѣстно, напр., что онъ посылалъ нарочнаго къ Воронцову узнать вѣрнѣе о происшествіяхъ)—а это промедленіе враги сильные могли истолковать въ дурную сторону. Персидское вторженіе представляло новыя соображенія и ему и его врагамъ. Дѣла и мысли запутались

хуже и хуже, и Ермоловъ долженъ былъ сойти съ столь блистательнаго поприща, гдѣ онъ принесъ отечеству столько пользы и снискалъ себѣ столько славы *).

---

*) Нелишнимъ считаемъ здѣсь привести нѣкоторыя извѣстія кн. Н. Б. Голицына и Д. В. Давыдова объ увольненіи Ермолова. Кн. Голицынъ, между прочимъ, говоритъ, что Ермоловъ въ отвѣтѣ своемъ на вопросъ Дибича, предложенный и ему и Паскевичу: скоро ли можно окончить персидскую войну?—сдѣлалъ большую ошибку, высказавъ, что онъ не предвидитъ, когда можно будетъ положить конецъ этой войнѣ. Паскевичъ отвѣчалъ, что онъ кончитъ войну въ томъ же году и что миръ будетъ заключенъ немедленно. По полученіи этихъ двухъ мнѣній, состоялся вышеупомянутый приказъ объ увольненіи Ермолова отъ должности. Но Д. В. Давыдовъ яснѣе представляетъ дѣло.

«Ермоловъ,—пишетъ онъ,—доносившій покойному государю, тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Тегерана, о враждебныхъ противъ насъ намѣреніяхъ персіянъ, извѣщалъ его ежегодно по нѣскольку разъ о приготовленіяхъ къ войнѣ Аббасъ-Мирзы, находившагося подъ вліяніемъ окружавшихъ его англичанъ. Присылка новыхъ войскъ и заготовленіе провіанта въ Астрахани и Баку, о чемъ Ермоловъ не разъ тщетно ходатайствовалъ, становились вполнѣ необходимыми. Выѣхавшій изъ С.-Петербурга въ срединѣ декабря 1825 года англійскій полковникъ Шиль, встрѣтившій въ проѣздъ свой чрезъ Грузію лишь слабые отряды наши, убѣдилъ принца, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался, не откладывать болѣе своего наступленія; по мнѣнію Шиля, невозможно было открыть непріязненныя дѣйствія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Князь Меншиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже близъ самой границы наступавшія полчища Аббасъ-Мирзы, вѣроломно нарушившаго миръ. Аббасъ-Мирза вступилъ со ста тысячами войска въ Карабахъ, обложилъ крѣпость Шушу.

«Персіяне идутъ усиленными маршами къ Тифлису, отъ котораго, по послѣднему извѣстію, они лишь въ 150 верстахъ. Со стороны эриванской крѣпости сардарь эриванскій съ братомъ своимъ Гассанъ-ханомъ простерли наѣзды свои до Квеша за 50 верстъ отъ Тифлиса, гдѣ, разграбивъ нѣмецкую колонію, увели жителей въ Персію. Съ нашей стороны Алексѣй Петровичъ, располагающій самыми ничтожными средствами, собираетъ войска и даже послалъ повелѣнія нѣкоторымъ батальонамъ, находящимся на линіи, спѣшить къ Тифлису, гдѣ, при всемъ томъ, ему нельзя собрать болѣе 8,000 человѣкъ, не обнаживъ другихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ обезпечивается спокойствіе въ горахъ и повиновеніе дикихъ и воинственныхъ народовъ.

Ермоловъ, не имѣвшій ни малѣйшаго повода опасаться военныхъ дарованій Аббасъ-Мирзы, съ которымъ онъ весьма коротко познакомился еще въ 1817 году, и его безпорядочнаго, хотя и многочисленнаго войска, въ коемъ было лишь нѣсколько 6-ти фунтовыхъ пушекъ и много пушечекъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, которыхъ огонь не могъ быть опаснымъ, отправилъ противъ персіянъ генерала Паскевича; онъ снабдилъ его всѣми нужными наставленіями: самъ начертилъ диспозицію войскъ на случай встрѣчи съ главными непріятельскими силами, и совѣтовалъ ему, за неимѣніемъ значительнаго количества пѣхоты, строить ее въ двухъ-ротныя каре, причемъ самъ нарисовалъ таковыя на своемъ предписаніи, которое, вѣроятно, и нынѣ хранится въ кавказскомъ штабѣ.

Между тѣмъ Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ послѣ блестящаго шамхорскаго дѣла, гдѣ былъ убитъ Аминъ-сардарь и въ которомъ князь Мадатовъ разсѣялъ силь-

Да, неутомима была дѣятельность Ермолова на Кавказѣ: въ одно время онъ и сражался, и строилъ и распоряжался, награждалъ и наказывалъ, заводилъ, повѣрялъ, свидѣтельствовалъ. Спалъ по четыре и пяти часовъ въ день, на простомъ войлокѣ, гдѣ случалось. Такъ провелъ Алексѣй Петровичъ десять лѣтъ, всегда преданный службѣ, не зная семейныхъ наслажденій,

---

ный непріятельскій авангардъ, донесъ Ермолову, что все пространство отъ Шамхора до Елисаветополя устлано непріятельскими трупами.

Извѣстно уже, что особенныя обстоятельства, въ коихъ былъ въ то время поставленъ Ермоловъ, требовали новыхъ блестящихъ съ его стороны подвиговъ; онъ вполнѣ сознавалъ это, но благоденствіе края, коимъ онъ такъ долго и славно управлялъ, и въ особенности глубокое убѣжденіе въ томъ, что отъѣздъ его изъ Тифлиса, гдѣ оставались лишь 400 человѣкъ гарнизона и гдѣ жители, опасавшіеся скораго появленія Аббасъ-Мирзы, спѣшили зарывать въ землю свои сокровища, неминуемо повлечетъ за собою всеобщее противъ насъ возстаніе,— все это побудило его не выступать лично противъ непріятеля, но предоставить Паскевичу случай украситься свѣжими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сдѣланная въ ущербъ всѣмъ своимъ личнымъ выгодамъ и вполнѣ доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, незнакомыми съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи и преимущественно тѣми, кои руководствуются лишь мелочными цѣлями,—величайшею съ его стороны ошибкою...

Но Ермоловъ, столь высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, не могъ и не долженъ былъ поступить иначе. Оставя Кавказъ вскорѣ послѣ изгнанія персіянъ изъ нашихъ предѣловъ, онъ могъ утѣшаться мыслью, что ему была Россія обязана сохраненіемъ края, стоившаго ей уже много крови и усилій.

Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась въ столь высокой степени, какъ во время вторженія персіянъ въ наши закавказскія владѣнія; Алексѣй Петровичъ находился въ то время въ обстоятельствахъ, которыя, болѣе чѣмъ когда-нибудь, требовали съ его стороны особыхъ подвиговъ, чтобъ удержаться на той высотѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Все и всѣ говорили, что ему надо было лично нанести рѣшительный ударъ персіянамъ; но онъ, зная сомнительное состояніе умовъ въ закавказскихъ провинціяхъ, встревоженныхъ приближеніемъ многочисленныхъ полчищъ Аббасъ-Мирзы, и сознавая чрезмѣрную слабость нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, пожертвовалъ своими личными выгодами, онъ послалъ на вѣрную побѣду Паскевича, ввѣривъ ему начальство надъ небольшимъ количествомъ превосходныхъ войскъ, коими онъ могъ лишь въ то время располагать. Ермоловъ, давъ ему своихъ лучшихъ сподвижниковъ, Вельяминова и князя Мадатова, коимъ Паскевичъ былъ вполнѣ обязанъ своею первою побѣдой надъ персіянами, остался лично въ Тифлисѣ съ самыми ничтожными силами, которыя могли быть сильны лишь его именемъ, потому что одно присутствіе его въ этомъ городѣ и пріобрѣтенное имъ необычайное нравственное вліяніе въ краѣ могли не доспустить всеобщаго противъ насъ взрыва. Это безпримѣрное самоотверженіе, переносящее насъ въ лучшія времена великаго Рима, было оцѣнено лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство ставитъ этотъ великій подвигъ, который, несмотря на многіе другіе, совершенные имъ втеченіе жизни, составляетъ едвали не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣнцѣ.»

не пользуясь обществомъ, никакими удобствами, съ единою мыслью объ общей пользѣ, о славѣ и могуществѣ Россіи. Онъ умеръ 1861 г.

Составлено по матеріаламъ для біографіи А. П. Ермолова, собраннымъ М. П. Погодинымъ. См. Русск. Вѣстн. 1863 г.

МЮРИДИЗМЪ И ПРЕДВОДИТЕЛИ ЕГО.

Мюридизмъ могъ родиться на Кавказѣ, какъ и теперь раждаются въ Азіи разные мусульманскіе толки, отъ естественной потребности духа, возбужденной, но не удовлетворяемой кораномъ; а развился онъ въ такихъ размѣрахъ потому, что служитъ выраженіемъ главной страсти и главной черты исламизма, ненависти къ невѣрнымъ, въ странѣ занятой невѣрными. Мюридизмъ не создавалъ своего богословія; онъ разнился отъ вѣры, общей всѣмъ суннитамъ, только крайностью своихъ выводовъ. Проповѣдь его основана на особенномъ объясненіи тариката, части закона, содержащей ученіе объ обязанностяхъ человѣка. Но въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всякую степень мусульманскаго изувѣрства и, можно думать, досказалъ послѣднее слово исламизма.

Мюридизмъ выключилъ изъ жизни человѣка все человѣческое и постановилъ ему два правила: ежеминутное приготовленіе къ вѣчности и непрерывную войну противъ невѣрныхъ, предоставляя на выборъ — смерть, или соблюденіе этихъ правилъ во всей ихъ фанатической жестокости. Поборники мюридизма шли къ своей цѣли кратчайшею дорогою и, не дожидаясь, чтобы чувство религіознаго равенства утвердилось привычкою, предпочли утвердить его топоромъ. Владѣтели, дворяне, гдѣ они были, наслѣдственные старшины, люди уважаемыхъ родовъ или просто уважаемые лично до появленія мюридизма были вырѣзаны одинъ за другимъ и въ горахъ дѣйствительно устроилось навремя совершенное равенство, потому что не осталось никого, кромѣ черныхъ людей. За невѣсту кто бъ она ни была, дочь ли перваго наиба или послѣдняго пастуха, вѣно опредѣлено неизмѣнно въ 1 р. с.

Все, что напоминало старину—пляски, пѣсни, игры, брянчанье на балалайкѣ, были объявлены свѣтскими обрядами, достойными смерти. Безусловное повиновеніе старшему духовному, какъ въ монастырѣ, сдѣлалось первымъ

долгомъ. Фанатизмъ и страхъ переломили людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего, кромѣ личнаго произвола. Пожертвованіе имуществомъ, жизнью и семействомъ, когда того требовала власть, разумѣется, считалось ни во что. Стремясь поработить себѣ людей всѣмъ существомъ, — мыслью и совѣстью, мюридизмъ долженъ былъ подчинить ихъ всечасному надзору. Во всѣхъ горахъ надъ нѣсколькими домами были поставлены мюриды, предъ которыми открывались даже тайны азіатскаго терема; они отвѣчали за каждое дѣйствіе, за весь домашній бытъ подчиненныхъ имъ людей. Неукоснительное соблюденіе самыхъ мелочныхъ обрядовъ вѣры составляло, естественно, первый законъ новаго ученія; но оно этимъ не довольствовалось. Играя волею и привычками людей, мюридизмъ всякій день запрещалъ что-нибудь: сегодня куреніе табаку, общее всѣмъ мусульманамъ; завтра употребленіе чесноку, безъ котораго горецъ жить не можетъ, и такъ далѣе. Тѣлесное наказаніе было насильно введено у людей, которые бывало считали стыдомъ, если кого-нибудь можно было попрекнуть тѣмъ, что его высѣкли ребенкомъ. Подчинивъ себѣ человѣческую жизнь во всей ея цѣлости, обративъ или стремясь по крайней мѣрѣ обратить своихъ послѣдователей въ слѣпыя орудія того, что онъ называлъ волею Божіею, мюридизмъ, кромѣ того, окружилъ себя еще присяжными поборниками - муртазигатами и мюридами, людьми, оторванными отъ общества, предавшимися ему съ закрытыми глазами, принесшими клятву биться до послѣдняго издыханія и рѣзать всякаго на кого имъ укажутъ, кто бъ онъ ни былъ, другъ ли, отецъ ли. Эти люди стали посвященными братьями духовнаго ордена, пастухами человѣческаго стада, покореннаго мюридизмомъ; имъ однимъ принадлежали власть и почетъ. Наконецъ во главѣ этого чудовищнаго общества стоялъ имамъ, посредникъ между Богомъ и вѣрующими. Мюриды понимали титулъ имама въ его первоначальномъ значеніи, въ смыслѣ наслѣдника пророка, вдохновеннаго свыше, проникающаго всѣ семь смысловъ корана, поставленнаго надъ землей для исполненія слова Божія: поэтому всякое распоряженіе власти являлось у нихъ облеченнымъ въ характеръ непогрѣшимости и всякій нарушитель былъ врагомъ Божіимъ. Конечнымъ послѣдствіемъ мюридизма было уничтоженіе въ человѣкѣ идеи о личной отвѣтственности. Передъ каждымъ поставленъ внѣшній законъ, въ буквальномъ исполненіи котораго онъ долженъ искать спасенія; къ каждому приставленъ учитель, отвѣчающій за то, чтобы человѣкъ исполнялъ законъ и спасался, волею или неволю. Мюридизмъ раздѣлъ жизнь донага и взамѣнъ всего, чего онъ лишилъ человѣка, наполнилъ его душу сумасбродствами мусульманскаго мистицизма. Этимъ средствомъ онъ образовалъ невиданное до сихъ поръ политическое общество въ нѣсколько сотъ тысячъ людей, передавшихъ въ руки власти и волю и совѣсть. Если не буквально, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, мюридизмъ осуществилъ этотъ идеалъ и сейчасъ же обратилъ созданное имъ братство въ военную машину противъ насъ. Населеніе горъ переродилось. Повелѣвая всѣмъ и всѣми безпрекословно, мюридизмъ замѣнялъ скудость своихъ средствъ энергіей и въ дикихъ горахъ, цѣлыя тысячелѣтія отвергавшихъ всякое гражданское устройство, создалъ управленіе, обществен-

ную казну, провіантскіе магазины, пороховые заводы, артиллерію, крѣпости. Вмѣсто отдѣльныхъ обществъ, безъ связи и порядка, насъ встрѣтила въ горахъ сплошная масса, отражавшая каждый ударъ общимъ усиліемъ. Когда наши войска вступали въ земли какого-нибудь общества, жители, волею или неволею покидая на жертву свои дома и хлѣбъ своихъ семействъ, скрывались въ трущобахъ, куда каждый шагъ съ нашей стороны стоилъ огромныхъ потерь. Потомъ женщинъ и дѣтей, лишившихся дневнаго пропитанія, размѣщали по сосѣднимъ деревнямъ и прокармливали какъ-нибудь до будущей жатвы; а мужчины, какъ стая голодныхъ волковъ, бросались въ наши предѣлы и жили разбоемъ. Умершіе съ голоду, какъ и падшіе на войнѣ, считались мучениками, достигшими наконецъ цѣли своей жизни. Мирныя и немирныя общества были почти въ одинаковой степени заражены ученіемъ исправительнаго тариката. Разница между ними состояла только въ относительной неприступности заселенныхъ ими мѣстъ; однимъ этимъ они мѣряли свои отношенія къ русскимъ. Но первое появленіе мюридовъ почти всегда служило сигналомъ къ возстанію покорныхъ племенъ. Мирная деревня, только-что пройденная русскою колонною, черезъ часъ, иногда, обращалась въ непріятельскую позицію. Гдѣ бы ни стоялъ русскій отрядъ, тылъ его не былъ никогда обезпеченъ. Неожиданно устремляясь то въ одну, то въ другую сторону, мюриды безпрестанно разжигали въ краѣ пожаръ и заставляли наши колонны бросать начатое дѣло и бѣжать назадъ, для защиты такихъ мѣстъ, за которыя никогда прежде не опасались. Увлекаемые фанатизмомъ, горцы не думали о завтрашнемъ днѣ и безъ вздоха покидали отцовскій домъ и маленькихъ дѣтей, чтобы пойти рѣзаться съ русскими. И теперь еще, проѣзжая по Дагестану, видишь всюду каменные остовы деревень самой прочной, вѣковой постройки, совершенно пустыя; жители ихъ были у Шамиля; они бросили родовое жилище и привольныя мѣста, чтобы забиться на голые утесы, жить чѣмъ Богъ послалъ, но встрѣчать гяура не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ разгаръ неистоваго фанатизма началъ потомъ остывать; но впродолженіе пятнадцати лѣтъ кавказская земля буквально горѣла подъ русскими ногами. Мюридизмъ, какъ дикій звѣрь, грызъ свою клѣтку, стараясь вырваться на волю. Еслибъ русская сила не охватила его желѣзнымъ поясомъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ разлился бы по мусульманской Азіи неудержимымъ потокомъ и теперь стремился бы къ осуществленію втораго халифата. Ужъ одинъ титулъ имама, принятый начальниками мюридовъ, достаточно показываетъ, куда мѣтило новое ученіе.

Мюридизмъ, со всѣми оттѣнками, чрезъ которые онъ прошелъ, олицетворялся, можно сказать, воплощался въ лицѣ четырехъ человѣкъ, по очереди предводившихъ его судьбою. Первый былъ творецъ новаго ученія, мулла Магометъ, кадій кюринскій. Онъ создалъ мысль и систему мюридизма, совершенно законченную, со всѣми ея послѣдствіями. Въ его сельской школѣ, въ деревнѣ Ярагларѣ, посреди русскихъ владѣній, родилась и созрѣла мысль будущей борьбы; оттуда она была разнесена проповѣдью по Дагестану. Въ маленькомъ садикѣ, который и теперь можно видѣть, нѣсколько темныхъ

муллъ, учениковъ Магомета, держали въ 1828 г. послѣдній совѣтъ, на которомъ было положено преобразовать исламизмъ и выбить русскихъ съ Кавказа. Мулла Магометъ былъ душею мюридизма, но самъ никогда не выступалъ на сцену, не принималъ начальства, онъ только создалъ ученіе и приготовилъ людей *).

Мулла Магометъ былъ весьма замѣчательной наружности, высокаго роста, худощавъ, имѣлъ выразительное лицо, умные глаза, хотя опухшіе отъ частыхъ ночныхъ бдѣній, совершенно бѣлые волосы и короткую сѣдую бороду, окаймлявшую смуглое лицо его. Кротость и добродушіе въ чертахъ, хотя утомленныхъ постоянными умственными занятіями, показывали въ немъ ученаго, аскета-муллу, что̀ обозначалось также его зеленою чалмою, архалухомъ того же цвѣта и синею мантіею.

Роскошная зелень лѣсовъ Дагестана, вокругъ балкона мечети, синія волны Каспійскаго моря вдали, вѣроятно составляли воспоминанія его юношескихъ и возмужалыхъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился зрѣнія, онъ весь погрузился во внутреннее созерцаніе своего бытія.

И этотъ, повидимому столь мирный старикъ, этотъ слабый голосъ, едва слышный среди глубокой тишины, проповѣдывалъ всеобщее возстаніе мусульманъ на кровавую беззаконную брань, на жаркую, непримиримую ненависть.

Мулла Магометъ смиренно проживалъ въ селеніи Ярагларѣ, занимаясь лишь изслѣдованіями религіозными и исполненіемъ судебныхъ обязанностей. Въ праздники же толковалъ народу ученіе своего пророка и тѣмъ пріобрѣталъ себѣ все болѣе и болѣе слушателей.

Десятина поземельныхъ произведеній его прихода и добровольныя приношенія мусульманъ доставили ему значительное состояніе. Самъ онъ жилъ скромно, но щедро одѣлялъ неимущихъ, а наконецъ раздалъ и все свое имущество. Всѣ муллы этой страны признали его первымъ имамомъ (книжникомъ) Дагестана. Мало по малу, вокругъ него собралось множество учениковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ читали коранъ и усердно внимали его толкованію. Между этими учениками особеннымъ прилежаніемъ и усердіемъ отличился Кази-Магометъ, родомъ бухарецъ.

Между тѣмъ молва о наружной святости его распространилась повсюду. Со всѣхъ сторонъ стекались мусульмане, чтобъ слышать его наставленія. Онъ изображалъ упадокъ Магометова ученія, необходимость внутренняго его оживленія и побѣды надъ внѣшними врагами. Такимъ образомъ, онъ приготовлялъ слушателей къ исполненію своихъ замысловъ и мало по малу довѣріе къ нему стало неограниченнымъ и искреннимъ.

Вотъ одна изъ его рѣчей, записанная восторженнымъ слушателемъ и рас-

*) См. «Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны», стр. 32—7. Р. Ѳадеева.

пространенная въ значительномъ количествѣ экземпляровъ по всему Дагестану.

По важному политическому значенію ея, мы приводимъ ее здѣсь въ подстрочномъ переводѣ.

«Во всѣхъ богатыхъ приношеніяхъ вашихъ, на всѣхъ бракахъ и на всѣхъ дѣтяхъ вашихъ, на всемъ, тяготѣетъ проклятіе: Небо наложило на васъ печать отверженія, потому что вы всѣ пресмыкаетесь во грѣхѣ, не признаете, не исполняете закона пророка! Первый долгъ вашъ убѣжденіемъ и мечемъ распространять въ мірѣ свѣтъ нашей вѣры, оставить свою родину и родныхъ, если гдѣ-нибудь опасность будетъ угрожать имаму, и всегда вооружаться противъ невѣрныхъ! А вы, что вы сдѣлали, что дѣлаете?.. Вы жалкіе трусы! безъ вѣры, не слушаясь заповѣдей и словъ пророка, вы жадно гоняетесь за земными благами и даете гибнуть вѣрѣ! Народъ! напрасно исполняешь ты намазъ и халлруксъ, напрасно ходишь ты въ мечеть, небо отвергаетъ твои молитвы и поклоненія! Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь! Но прежде ополчитесь на священную войну (казаметъ). Приготовьте себя къ ней постомъ, молитвою и покаяніемъ! Часъ наступитъ, и тогда я благословлю васъ на брань.»

День, въ который произнесена была эта сильная рѣчь, сталъ началомъ мюридизма. Слушатели были поражены этими словами и фанатическое содержаніе ихъ распространилось между всѣми горными народами съ быстротою молніи. Ученики муллы Магомета разсѣялись въ горахъ и воспламеняли давно тлѣвшія идеи въ народѣ. Повсюду составлялись сходбища, имѣвшія свою наружную цѣль, свое наружное богослуженіе. Число посвященныхъ возрастало съ каждымъ днемъ; они признали муллу Магомета муршидомъ, а сами назывались мюридами (т. е. учениками).

Сначала эти скитающіеся проповѣдники мюриды ограничивались призываніемъ всѣхъ къ покаянію, по примѣру ихъ учителя муллы Магомета; скоро однакожъ началъ проявляться все сильнѣе и сильнѣе политическій элементъ возстанія, все воспламенилось войною. Фанатики мюриды отправлялись въ каждый аулъ, собирали всѣхъ жителей, сами становились на возвышенія и, обращаясь къ сѣверу, т. е. къ Россіи, восклицали: мусульмане! на войну! и каждаго, кто противорѣчилъ, били своими самодѣльными шашками.

Когда общее возстаніе вспыхнуло на Кюрѣ, генералъ Ермоловъ потребовалъ отъ мирнаго казикумыкскаго Асланъ-хана разсѣянія и истребленія этого пункта. Ханъ позвалъ къ себѣ для оправданія муллу Магомета съ его учениками и приверженцами. На срединѣ дороги, Асланъ-ханъ встрѣтилъ стараго, слѣпаго муршида, окруженнаго огромнымъ числомъ мюридовъ и муллъ. Ханъ прямо кинулся на муллу Магомета и спросилъ его грозно, какъ онъ могъ отважиться говорить такія возмутительныя рѣчи? «Развѣ ты не признаешь силу русскихъ и не думаешь, сколько прольется крови, которой будешь виной?

— «Знаю,--отвѣчалъ мулла Магометъ,--что русскіе сильнѣе насъ, но Богъ

сильнѣе ихъ. Мы уже грѣшники и требуемъ покаянія. И я каюсь и молюсь, я удалился отъ свѣта, чтобы получить милость Аллаха, и никому не дѣлаю зла!

— Но твои ученики ходятъ вездѣ, поджигаютъ къ войнѣ и бьютъ всѣхъ, кто имъ противорѣчитъ?

— Мои мюриды узнали истину корана; они напоминаютъ народу только заповѣди нашего пророка и если отъ ревности и восторга иногда и выходятъ изъ границъ, то этимъ только сильнѣе показывается, что мусульманамъ нужно дѣлать. И тебѣ, ханъ, совѣтую сложить съ себя свѣтскія заботы и подумать о томъ, что равно ожидаетъ какъ жалкаго невольника, такъ и великаго властелина. Нѣтъ намъ спасенья, если мы не исполнимъ воли Аллаха по шаріату.

— Твое ученіе преувеличенно. Я знаю мои обязанности и въ точности исполняю заповѣди, предписанныя кораномъ, и молитвы шаріата.

— Ты лжешь!--воскликнулъ муршидъ,--ты рабъ невѣрныхъ (русскихъ), и потому твое исполненіе священныхъ обязанностей не имѣетъ силы.»

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ, отъ сильнаго удара хана, старикъ упалъ, и оскорбленный ханъ приказалъ нукерамъ (слугамъ своимъ) бить безъ различія мюридовъ и муллъ и взять съ каждаго изъ нихъ денежную плату.

Однако, ханъ скоро замѣтилъ по холодному пріему, съ которымъ его встрѣчали вездѣ, даже и свои, что онъ зашелъ слишкомъ далеко.

Онъ призвалъ къ себѣ муллу Магомета и просилъ его забыть оскорбленіе.

«Да проститъ тебѣ Аллахъ твои оскорбленія противъ меня, не совѣтую тебѣ, ханъ, слишкомъ дружиться съ русскими, не гнети для нихъ Дагестана! Если ты своихъ подвластныхъ не можешь заставить исполнить тарикатъ, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшай въ этомъ другимъ жителямъ Дагестана. Такая мѣра и для тебя не будетъ безполезна. Чѣмъ болѣе русскіе имѣютъ враговъ, тѣмъ нужнѣе имъ будетъ твоя дружба и они наградятъ тебя почестями и богатствами, тогда какъ покоривъ остальной Дагестанъ они не будутъ имѣть въ тебѣ нужды и ты потеряешь свою власть, вліяніе, можетъ быть, и ханство.»

Асланъ-ханъ былъ убѣжденъ въ душѣ въ истинѣ словъ муллы Магомета и наградилъ его подарками, но взялъ все-таки денежную пеню съ прочихъ муллъ и донесъ генералу Ермолову, что возстановилъ порядокъ. Но съ тѣхъ поръ ему уже не стали болѣе довѣрять.

Мулла Магометъ, возвратившись въ Ярагларъ, нашелъ большое собраніе народа, ожидающее его возвращенія и извѣстія, что съ нимъ случилось. Онъ старался ихъ успокоить и запретилъ имъ поднимать оружіе, пока онъ не подастъ имъ знакъ.

Вскорѣ послѣ этого, онъ собралъ въ Ярагларѣ начальниковъ и избралъ Шиль-Шабана аварійскаго (извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ знаменитаго предводителя Кази-муллы, возложилъ руки на его главу и провозгла-

силъ его казіемъ, т. е. начальникомъ священной войны (казометъ или газаватъ).

«Именемъ Пророка повелѣваю тебѣ Кази-мулла, иди, собери народъ, вооружи его и, съ помощью Аллаха, начинай войну! Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ русскихъ, и горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ гяуровъ!» Съ этихъ поръ, мулла Магометъ не бралъ ни въ чемъ видимаго участія; пересталъ проповѣдывать и удалился въ совершенное уединеніе *).

Знамя газавата, войны за вѣру, поднялъ его любимый ученикъ Кази-мулла и разомъ увлекъ за собою весь приморскій Дагестанъ. Кази-мулла былъ не глубокій богословъ и не хитрый политикъ, но человѣкъ, обладавшій въ высшей степени качествомъ, увлекающимъ массы—страстнымъ убѣжденіемъ. Когда онъ говорилъ въ народномъ собраніи или обращался къ войску во время боя, толпы покорялись ему какъ одинъ человѣкъ, жили только его волею. И теперь горцы, вспоминая о Кази-муллѣ, говорятъ: «сердце человѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю.» Рванувшись въ первой горячкѣ фанатизма въ открытую борьбу съ русскими, мюридизмъ сначала все поднялъ вокругъ, выдержалъ много кровавыхъ сѣчъ, заставилъ насъ напрячь силы, но, наконецъ, былъ сбитъ съ приморской страны и загнанъ въ горы, гдѣ еще не многія племена сочувствовали ему **).

Со времени отступленія къ Дербенту, Кази-мулла совершенно потерялъ довѣріе горцевъ и во всемъ Дагестанѣ. Тогда онъ собралъ всѣхъ своихъ приверженцевъ и сказалъ: «Я чувствую, что приближается конецъ мой, я умираю здѣсь, гдѣ родился; умираю за истину тариката, за священный шаріатъ; кто хочетъ также умереть, пусть остается со мною!» Битва при Гимрахъ, мѣсторожденіи Кази-муллы, была кровавая и упорная, наконецъ деревня была взята. Кази-мулла защищался еще въ своемъ домѣ и палъ наконецъ со всѣми своими. Русскіе выставили его тѣло въ томъ видѣ, какъ нашли, чтобы вселить полезный страхъ плѣннымъ женамъ и дѣтямъ. Дѣйствіе оказалось, однакожъ, совершенно противное. Смерть снова возвратила ему важность, которую онъ потерялъ въ послѣднее время своей жизни. Мертвецъ держалъ одной рукой бороду, другой указывалъ на небо. Это положеніе, какъ изображеніе молитвы у мусульманъ, доказало всѣмъ, которые увидѣли Кази-муллу, что онъ лишился жизни въ минуту горячей молитвы ***).

На нѣсколько лѣтъ мюридизмъ исчезъ съ глазъ, какъ-будто вовсе его не бывало; о немъ забыли. Но въ это время онъ жилъ и работалъ всѣми силами. Сбитый съ поля, онъ засѣлъ въ недоступныхъ для насъ горахъ и тамъ, обольщеніемъ и войною, измѣною и открытою силою, соединялъ мало по малу всѣ горскія племена подъ одну духовную власть. Предводителемъ его въ

---

*) «Закавк. край», 2 ч., стр. 191, 192, 105—9. Бар. Гакстгаузена.

**) «Шестьдесятъ лѣтъ кавказск. войны», стр. 38.

***) «Закавк. край», 2 ч., стр. 202. Бар. Гакстгаузенъ.

это время былъ Гамзатъ-бекъ *), человѣкъ, какъ будто нарочно созданный для подобной роли. Для мюридизма прошло время страстныхъ увлеченій и открытой борьбы. Ему приходилось пока дѣйствовать подземными путями, потихоньку, день за днемъ. Гамзатъ-бекъ, набожный, молчаливый и безжалостный, глубоко обдумывавшій свои предпріятія и исполнявшій ихъ быстро и безъ огласки «для Бога, а не для себя», какъ говорилъ онъ, въ три года достигъ цѣли, утвердилъ мюридизмъ въ горахъ на трупахъ друзей и недруговъ; ему это было все равно. Въ этотъ-то періодъ и были вырѣзаны лучшіе люди **) въ горахъ, для утвержденія всеобщаго равенства. Когда Гамзатъ-бекъ погибъ подъ ударами убійцъ, мстившихъ за кровь, мюридизмъ уже владѣлъ горами и могъ снова выдти на борьбу подъ начальствомъ новаго предводителя, Шамиля, также ученика муллы-Магомета.

Утвердившись въ горахъ, мюридизмъ перестал быть религіозной партіей. Онъ образовалъ себѣ государство по своему образцу и Шамиль, первый изъ предводителей этого ученія, соединилъ въ своемъ лицѣ власть духовнаго начальника и народнаго правителя. Онъ, дѣйствительно, сталъ на высотѣ этого положенія, слилъ горцевъ въ одно общественное тѣло, создалъ средства, до него невиданныя, осуществилъ политическій идеалъ мюридизма, чудовищный, конечно, но вѣрный своей цѣли. Упрочиваясь постепенно, по мѣрѣ того, какъ укоренялась въ горахъ привычка къ повиновенію и остывалъ фанатизмъ, власть Шамиля принимала оттѣнокъ обыкновеннаго азіатскаго деспотизма ***).

Имамъ Шамиль, правильнѣе, Шамуиль (Самуилъ), родился въ мѣстечкѣ Гимрахъ, въ землѣ Койсубилловъ, въ 1797 году, тамъ же, гдѣ и Кази-мулла. Отецъ его аварскій уздень. Шамиль росту небольшаго, но величественной осанки и красивой наружности. Правильный окладъ головы, орлиный носъ, небольшой ротъ, голубые проницательные глаза, бѣлокурые волосы и борода весьма нѣжная, бѣлый цвѣтъ кожи заставили бы думать, что онъ скорѣе черкесскаго происхожденія, нежели восточнаго. У него необыкновенно красивыя руки и ноги. Осанка и движенія гордыя. Съ дѣтства обнаруживалъ онъ желѣзную силу воли и гордое, во всѣхъ своихъ поступкахъ, спокойствіе, котораго ничто не могло поколебать ****).

Наставниками Шамиля были: природа и будущій имамъ Кази-Магометъ (Кази-мулла), тогда еще мальчикъ, только четырьмя годами старше своего ученика,—но уже серьезный и ученый.

Въ Гимрахъ Кази-Магометъ и Шамиль, жившіе другъ отъ друга только черезъ два дома, познакомились еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и съ

---

*) Гамзатъ-бека, какъ преемника Кази-муллы, мулла-Магометъ благословилъ на предводительство священной войны.

**) Между прочими вырѣзаны: аварскій ханъ, его братъ, мать и всѣ члены ханскаго семейства.

***) «Шестьдесятъ лѣтъ кавказск. войны», стр. 38—40.

****) «Закавк. край», 2 ч., стр. 208.

поръ были почти неразлучны. «Они жили какъ родные братья, - - пишетъ старшій зять Шамиля, Абдуррахманъ, - - и все, что ни встрѣчалось имъ въ жизни—и радость и горе—они дѣлили на двѣ совершенно ровныя части.»

Будучи еще ребенкомъ, Кази-Магометъ уже хорошо зналъ арабскій языкъ, а въ отроческія лѣта онъ окончательно познакомился со всѣми правилами и требованіями своей религіи, и зналъ наизустъ почти весь коранъ. Серьезное направленіе его ума, необычайное въ мальчикѣ пристрастіе къ ученію, склонность къ уединенію и самосозерцанію, во время котораго онъ даже затыкалъ уши воскомъ, чтобы не развлекаться ничѣмъ постороннимъ; наконецъ, черта, которую Шамиль охарактеризовалъ фразою: «онъ былъ молчаливъ, какъ камень»,—все это не могло не имѣть вліянія на такого ребенка, какимъ былъ Шамиль. Судьба ихъ столкнула — и повела рука-объ-руку на жизнь и на смерть.

Кази-Магометъ былъ первымъ учителемъ Шамиля. «Нигдѣ я такъ многому не научился, какъ отъ Кази-Магомета,» говорилъ Шамиль про себя.

Между тѣмъ, другой учитель Шамиля—природа дѣлала свое дѣло не менѣе добросовѣстно. Какъ-бы желая вознаградить его за болѣзни и страданія дѣтства, она внушила ему необыкновенное пристрастіе ко всякаго рода гимнастическимъ упражненіямъ. Онъ такъ часто и съ такою любовью имъ предавался, что впослѣдствіи достигнулъ результатовъ, почти невѣроятныхъ: будучи уже двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, Шамиль легко перепрыгивалъ черезъ веревку, которую два человѣка, выше его ростомъ, держали, поднявъ кверху руки. Съ такою же легкостью перепрыгивалъ онъ черезъ глубокія ямы въ двѣнадцать аршинъ шириною и даже черезъ голову стоящаго человѣка. Вообще, онъ былъ необыкновенно силенъ и отваженъ: никто не могъ догнать его на бѣгу; никто не могъ побороть его. Тѣло его было гибко какъ у малолѣтняго акробата, и онъ дѣйствовалъ имъ такъ же искусно, какъ и записной профессоръ эквилибристики, съ тою притомъ разницею, что Шамиль достигнулъ такой степени искусства самъ собою, безъ всякаго посторонняго руководства.

Независимо отъ гимнастики, Шамиль пристрастился къ фехтованію: кинжалъ и шашка почти не выходили изъ его рукъ; онъ фехтовалъ ими во всякое свободное время, самъ съ собою, не имѣя даже для этого противника. Ни его родные, ни ихъ сосѣди не видѣли маленькаго Шамиля иначе, какъ только читающаго книгу, или скачущаго, прыгающаго и фехтующаго холоднымъ оружіемъ нетолько у себя дома, но и въ то время, когда онъ проходилъ по селенію въ школу, мечеть, или по какимъ-либо другимъ надобностямъ.

Развивая физическія силы гимнастикою, Шамиль закаливалъ въ тоже время свое здоровье, добровольно подвергая себя всевозможнымъ атмосферическимъ перемѣнамъ: и лѣтомъ и зимою во всякую погоду онъ иначе не ходилъ, какъ босыми ногами и съ открытою грудью. Такимъ образомъ, онъ приготовлялъ свое тѣло къ будущимъ трудамъ и болѣзнямъ. И дѣйствительно, только однимъ этимъ можно объяснить невозможное для другого человѣка

исцѣленіе полученныхъ имъ множества ранъ, между которыми одна штыкомъ въ легкое столько же, если не больше, удивительна, какъ и рана фельдмаршала Кутузова. Но что всего удивительнѣе, такъ это то обстоятельство, что и въ настоящія преклонныя лѣта Шамиль не подвергается никакимъ дурнымъ послѣдствіямъ отъ своихъ ранъ, на которыя, какъ извѣстно, всегда имѣютъ вліяніе возрастъ и погода.

Вообще, въ молодости своей Шамиль отличался необыкновенною живостью и рѣзвостью характера, чего, казалось, нельзя было ожидать отъ дружбы его съ серьезнымъ Кази-Магометомъ и отъ неблагопріятныхъ условій домашней жизни, способныхъ подавить всякое проявленіе энергіи. Но это гнетущее начало произвело на Шамиля дѣйствіе противоположное. Впрочемъ въ каждомъ проявленіи рѣзваго характера Шамиля замѣтна была какая-то сосредоточенность, какое-то желаніе доставить удовольствіе только себѣ, безъ всякаго посторонняго участія и содѣйствія въ какомъ бы то ни было отношеніи. Это не былъ эгоизмъ; это было только проявленіе натуры человѣка, отмѣченнаго рукою судьбы. «Серьезное» ученіе, предметомъ котораго была все та же религія и только она одна, Шамиль началъ въ Унцукулѣ, и продолжалъ его потомъ втеченіе четырнадцати лѣтъ попеременно въ Чиркеѣ, въ старомъ Зубутѣ, въ старомъ Каранаѣ, въ Ирганаѣ, въ Таргу (Тарки), въ Танусѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ проживали извѣстные глубокою ученостью люди, которыхъ Шамиль избиралъ своими наставниками.

Между этими наставниками былъ мулла Джадай-Эддинъ, къ которому онъ питалъ глубочайшее уваженіе и безусловную дѣтскую покорность. Страсть къ ученію была въ Шамилѣ такъ велика, что, женившись уже въ другой разъ (на 30 году жизни), онъ продолжалъ учиться еще цѣлыхъ три года *). Онъ провождалъ дни и ночи въ ущельяхъ своей родины, углубляясь какъ въ изученіе корана, арабскихъ мудрецовъ и ученія софизма, такъ и древне-персидскихъ героическихъ сказаній и пѣсенъ. Онъ, повидимому, убѣжденъ въ ниспосланіи на него небомъ какого-то особеннаго призванія. Природа одарила его увлекательнымъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ. Въ смѣлости, проницательности и другихъ подобныхъ его качествахъ никто изъ горцевъ не сомнѣвается.

Первымъ дѣломъ Шамиля, противъ русскихъ, было нападеніе на генерала Ланскаго, который завладѣлъ Гимрами, мѣстомъ рожденія его. Но и это не дало ему укрѣпиться въ Аваріи, потому что народъ ненавидѣлъ мюридовъ за безчестное убіеніе ихъ военачальниковъ.

Не будемъ говорить о частныхъ битвахъ Шамиля съ русскими; вообще, онъ велъ партизанскую войну, но съ такою силою и ловкостью, примѣры которыхъ мы рѣдко видимъ въ исторіи.

Часто онъ бывалъ въ отчаянномъ положеніи, но всегда смѣло и хитро умѣлъ выпутаться, часто прикидывался покорнымъ русскому правительству,

---

*) См. Кавк. Кален. за 1861 г. «Біограф. очеркъ Шамиля» Руновскаго.

но когда русскіе отступали, онъ пользовался этимъ, и въ ту же минуту вліяніе его и сила утверждались еще болѣе. Онъ увѣрялъ своихъ, будто-бы русскіе чрезъ Аллаха были поражены слѣпотою, что Богъ мгновенно затемнялъ ихъ разумъ, такъ, что они не умѣли пользоваться даже выгоднымъ положеніемъ, когда окружали его со всѣхъ сторонъ, и, такимъ образомъ, оставляли ему полную свободу дѣйствій. Русскіе называли его обманщикомъ, но въ глазахъ своего фанатическаго народа онъ ничего не терялъ, потому что, по понятіямъ правовѣрныхъ, нарушеніе клятвы, данной невѣрнымъ, считалось позволительной военной хитростью.

Съ 1839 по 1843 г. русскіе старались овладѣть краемъ. Храбрый генералъ Граббе выступилъ тогда съ сильной энергіей противъ Шамиля. Кругъ дѣйствій послѣдняго сжимался все болѣе и болѣе, онъ съ ожесточеніемъ защищалъ каждый шагъ и, наконецъ, загнанъ былъ, съ 2000 своихъ вѣрныхъ приверженцевъ, въ неприступную, гранитную крѣпость Ахульго. Генералъ Граббе вознамѣрился сперва покорить его голодомъ, но у Шамиля заготовленъ былъ слишкомъ значительный запасъ. Началась правильная осада и крѣпость, послѣ неимовѣрныхъ усилій, была наконецъ взята, но Шамиля въ крѣпости не нашли! Нѣсколько разъ онъ, совершенно непостижимымъ образомъ, избѣгалъ смерти или, по крайней мѣрѣ, вѣрнаго плѣна. Вопервыхъ, когда, раненный двумя пулями, онъ упалъ замертво у ногъ Кази-муллы; его считали убитымъ, какъ чрезъ самое короткое время онъ вдругъ явился между мюридами и показалъ свою грудь съ открытыми ранами, изъ которыхъ не текла болѣе кровь. Тогда горцы воскликнули: «Аллахъ спасъ Шамиля отъ смерти, чтобы онъ побѣдилъ живыхъ». Вторично же—когда Аварійцы окружили мюридовъ въ укр. Хунзахѣ и подожгли его: тогда всѣ тамъ сгорѣли или погибли отъ меча, одинъ Шамиль спасся непостижимымъ образомъ; какъ онъ это сдѣлалъ, покрыто неизвѣстностью, и тутъ онъ спасеніе свое, какъ и всегда, приписывалъ необычайнымъ причинамъ.

Военныя хитрости и удальство Шамиля болѣе всего выигрывали отъ организаціи и того порядка, которые онъ умѣлъ завести въ своемъ народѣ, ведя столько лѣтъ жестокую и искусную войну. Шамиль не подражалъ рабски европейскимъ формамъ гражданскаго и военнаго устройства, но поставилъ въ основаніе своей реформы религіозное и національное направленіе, сколько было возможно, и принялъ только европейскія формы, которыхъ пользу и необходимость онъ видѣлъ на практикѣ.

Шамиль сталъ утверждать, по примѣру своихъ предшественниковъ, будтобы Аллахъ положилъ Кавказскій хребетъ границей, охранительной стѣной и вѣчнымъ сборнымъ мѣстомъ народовъ и государствъ правовѣрныхъ, противъ Гога и Магога, т. е. невѣрныхъ; горныхъ же народовъ призвалъ онъ, какъ сторожей и защитниковъ, чтобы они вели послѣднюю войну противъ невѣрныхъ, которые, въ нынѣшнее время, предъ наступленіемъ страшнаго суда, ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо нападаютъ на правовѣрныхъ. Но какъ калифъ (падишахъ) слабъ и подъ наущеніемъ невѣрныхъ, то Аллахъ, при этой опасности, избралъ, изъ среды мусульманскаго народа, пророковъ и полковод-

цевъ, для священной войны: такъ сначала призвалъ Кази-муллу, происходившаго отъ муллы-Магомета, устами котораго говорилъ самъ Аллахъ, потомъ Гамзатъ-бека и наконецъ Шамиля. И имъ-то долженъ слѣпо повиноваться и слѣдовать всякій правовѣрный *).

Древняя вражда между суннитами и шіитами была уничтожена Шамилемъ на Кавказѣ, и новое ученіе его повидимому разрѣшило старые споры и разногласія.

Шамилю удалось, даже значительно, ослабить странный обычай кровавой мести: онъ достигъ до этого, предоставляя подобнаго рода дѣла духовному суду (мулламъ).

Шамиль написалъ книгу общихъ законовъ, разумѣется, составленную по корану. Въ ней находятся постановленія о наказаніяхъ, изъ которыхъ большая часть состоитъ въ денежной пенѣ, напр. за воровство вносится двойная стоимость украденнаго, одна часть, въ удовлетвореніе владѣльца, а другая въ пользу военной казны. Виновные также наказываются тяжкимъ, тюремнымъ заключеніемъ и смертью за смерть, предательство и нарушеніе вѣрности; виновныхъ предаютъ смерти мечемъ, съ сохраненіемъ или лишеніемъ чести. Въ первомъ случаѣ преступникъ становится на мѣсто казни, самъ обнажаетъ шею и грудь, произноситъ молитву и подставляетъ голову добровольно подъ смертельный ударъ. Во второмъ же палачъ раздѣваетъ подсудимаго и насильно нагибаетъ его голову на плаху. Мюридъ, обвиненный въ предательствѣ, долженъ быть застрѣленъ или заколотъ кинжалами.

Шамиль раздѣлилъ свое владѣніе на провинціи, а эти на наибства. Пять участковъ составляютъ провинцію, которая имѣетъ начальникомъ наиба, соединяющаго въ себѣ духовную и гражданскую власть. Онъ произноситъ судъ, миритъ ссоры, наблюдаетъ за исполненіемъ наружныхъ обрядовъ закона (шаріатъ), собираетъ подати и войско.

Въ войскѣ наблюдалось наистрожайшее послушаніе, въ противномъ случаѣ наказывали смертью.

Тѣлохранители Шамиля состояли изъ 600 человѣкъ муртозигатовъ, которыхъ онъ самъ избиралъ изъ мюридовъ. Храбрость, приверженность и ревность къ мюридизму должны были составлять ихъ качества, они принимали на себя тяжелыя обязанности воздержанія, умѣренности и смиренія; строгое

---

*) Шамиль увѣрялъ торжественно и открыто мюридовъ и легковѣрный народъ, что онъ пользуется непосредственнымъ покровительствомъ Аллаха и, въ критическія минуты, даже получаетъ отъ него приказанія. Къ важнымъ предпріятіямъ онъ готовится духовно, отправляется въ пещеру или затворяется совершенно. Никто тогда не смѣетъ приступить къ нему. Три недѣли онъ молится одинъ, постится и читаетъ коранъ. Въ послѣдній вечеръ, онъ собираетъ военачальниковъ и муллъ и объявляетъ имъ, что повелѣлъ ему Аллахъ, потомъ онъ выходитъ въ среду народа, собравшагося тѣсными толпами передъ дворцемъ, молится, поетъ нѣкоторые стихи изъ корана и возвѣщаетъ, торжественнымъ голосомъ, волю Аллаха. Фанатическій народъ начинаетъ тоже священный гимнъ, мужчины вынимаютъ кинжалы и возобновляютъ клятву быть твердыми въ вѣрѣ и истреблять невѣрныхъ. Потомъ всѣ расходятся, восклицая: «Великъ Аллахъ! Магомедъ его первый пророкъ, Шамиль второй». Изъ Боденштедта (Volker des Kaukasus).

исполненіе шаріата (молитвъ и духовнаго церемоніала); ревность къ распространенію мюридизма и безусловное послушаніе. За это они вознаграждались щедро и пользовались уваженіемъ народа и почетомъ. По истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, они вправѣ были оставить свое званіе, но этого не случалось. Каждые десять имѣли своего начальника, а десять десятковъ — голову. Храбрость и хладнокровіе муртозигатовъ составляли достоинства. Ни одинъ изъ нихъ не дался живой въ руки. Они составляли истинную опору Шамилевой власти, въ бою — его правую руку и щитъ, въ мирное время фанатическихъ посланниковъ его ученія и, вездѣ, слѣпыхъ исполнителей его приказанія *).

Въ первое время своего начальствованія, Шамиль былъ имамъ, религіозный вождь, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; и въ это время происходила самая кровавая борьба съ мюридизмомъ, распространявшимся неудержимо во всѣ стороны, пока наконецъ дѣло не дошло до того, что въ 1843 г. Чечня была вырвана изъ нашихъ рукъ, наши раздробленныя и слабыя войска сбиты съ поля въ Дагестанѣ и 5-й пѣхотный корпусъ долженъ былъ двинуться съ Днѣстра на Кавказъ, для возстановленія проиграннаго дѣла **).

Нелегко было русскому оружію уничтожить мюридизмъ, вдобавокъ не находилось людей, которые съумѣли бы взяться за это дѣло, до кн. Воронцова и Барятинскаго. Постоянныя неудачи бывшихъ, до назначенія ихъ, походовъ приписывали тогда не ложной системѣ, но неискусному командованію лицъ, которымъ было ввѣрено начальство. По образцу прежнихъ экспедицій и кн. Воронцовъ предпринялъ Даргинскій походъ, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, но онъ кончился потерею съ нашей стороны пяти тысячъ человѣкъ и трехъ орудій, безъ малѣйшаго результата. Съ этихъ поръ произошелъ переломъ въ кавказской войнѣ.

«Мы — говоритъ г. Ѳадеевъ ***) — навремя вовсе отказались отъ покоренія горъ, котораго прежде такъ настойчиво и такъ тщетно добивались, не отказываясь однакожъ дѣйствовать и пользоваться обстоятельствами, гдѣ это оказывалось возможнымъ. Экспедиціи стали вести осторожно, не далеко отъ нашихъ предѣловъ, не подвергая дѣйствующія войска большимъ случайностямъ. Кавказскій корпусъ, усиленный, по отбытіи 5-го пѣхотнаго, новою дивизіею въ 20 батальоновъ, сталъ вокругъ горъ тѣснѣе, потому что войска не отвлекались больше въ дальніе концы края или въ глубь непріятельской земли, непокорные горцы вездѣ увидѣли вокругъ себя желѣзную стѣну и такимъ образомъ положенъ былъ конецъ побѣдамъ и распространенію мюридизма, въ чемъ состояла великая заслуга князя Воронцова.

Непокорные, безвыходно запертые въ своихъ горахъ, не могли уже думать о томъ, чтобы сбить насъ съ Кавказа своими собственными силами, и остыли

---

*) «Закавк. край», 2 ч., стр. 209—216.
**) «Шестьдес. лѣтъ кавк. войны», стр. 40.
***) «Шестьдес. лѣтъ кавк. войны», стр. 55—57, 127—129.

сердцемъ. Власть, основанная мюридизмомъ, понемногу осѣлась. Поборники ея сдѣлались значительными людьми и заняли мѣсто аристократіи, вырѣзанной ими въ тридцатыхъ годахъ. Шамиль привыкъ къ положенію азіатскаго султана, заставилъ горскія общества признать своего сына наслѣдникомъ по себѣ и сталъ думать объ основаніи владѣтельнаго дома. Отчаянныя предпріятія уже не привлекали устарѣвшихъ витязей мюридизма. Народъ, на первыхъ порахъ предавшійся всею душею новому ученію, охладѣлъ къ нему, когда испыталъ на дѣлѣ чудовищный деспотизмъ управленія, обѣщаннаго ему вначалѣ какъ идеалъ земной жизни. Увлеченіе проходило понемногу, но мѣсто его заступали привычка и чрезвычайное развитіе политической власти, основанной мюридизмомъ. Матеріальныя средства горцевъ неимовѣрно возрасли: они имѣли уже отличныя крѣпости, пороховые заводы, литейныя, — замѣняя пылъ фанатической толпы общественнымъ и военнымъ устройствомъ. Восточный Кавказъ, какъ Протей, всякое десятилѣтіе мѣнялъ свой видъ, оставаясь въ одинаковой степени неодолимымъ для нашего оружія.

Къ концу управленія князя Воронцова военныя дѣйствія происходили исключительно на чеченской плоскости, гдѣ начальствовалъ князь Барятинскій. Тамъ мы шли впередъ, постепенно раскрывая просѣками Большую Чечню.»

Съ назначеніемъ князя Барятинскаго главнокомандующимъ кавказской арміи участь Шамиля и его сподвижниковъ — мюридовъ въ три года была рѣшена. Гоня Шамиля изъ одного мѣста въ другое, стѣсняя со всѣхъ сторонъ, довели его дотого, что онъ, оставивъ прежнюю свою резиденцію — Ведень (въ Ичкеріи), бросился на гору Гунибъ.

«Гунибъ, мѣтко прозванный солдатами горой-гитарой, имѣетъ дѣйствительно очертаніе этого инструмента безъ шейки, наклоненнаго съ востока на западъ, къ лѣвому берегу Кара-Койсу. Гунибъ стоитъ уединенно въ группѣ окрестныхъ горъ, господствуя надъ ними. Скаты Гуниба чрезвычайно круты и поднимаются на версту и болѣе, оканчиваясь отвѣснымъ каменнымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины, которымъ окружена вся верхняя площадь горы, составляющая не менѣе 100 квадратныхъ верстъ; этотъ поясъ поднятъ и надъ внутреннею стороною, такъ что самая поверхность горы образуетъ какъ-бы чашку. У подошвы окружность Гуниба около 60-ти верстъ. Съ высшей, восточной окраины, по наклонной площади течетъ небольшая рѣчка, низвергающаяся потомъ каскадами въ Койсу. На Гунибѣ находится аулъ и нѣсколько хуторовъ, мельницы, березовыя рощи, пастьбища и пахотныя поля,—все, что нужно для жизни человѣка. На гору ведетъ только одна тропинка, съ берега Кара-Койсу, спертая на нѣкоторомъ протяженіи отвѣсными скалами. Шамиль перегородилъ это мѣсто высокою стѣною съ бойницами. На сѣверной сторонѣ вѣнецъ скалъ, оканчивающій крутизну, въ одномъ мѣстѣ немного раздвигается, оставляя узкій проходъ; горцы перерѣзали его завалами, хотя туда нѣтъ вовсе дороги. Съ другихъ сторонъ въ каменномъ поясѣ есть нѣсколько дождевыхъ промоинъ, по которымъ смѣлые охотники поднимались съ помощью веревки; но на глазъ эти всходы совершенно недоступны. При силѣ, достаточной для занятія стрѣлками всей верхней окружности Гуниба, на что нужно

не менѣе полуторы тысячи человѣкъ, эта гора дѣйствительно неприступна. Но у Шамиля было только четыреста ружей (считая въ томъ числѣ населеніе аула) и три пушки. Но даже при такихъ силахъ защитниковъ гунибская позиція была чрезвычайно крѣпка; глядя на гору, нельзя было придумать, съ какой стороны подступить къ ней.

При Шамилѣ находились только три или четыре человѣка, замѣтные по ихъ прежнему положенію. Онъ привелъ съ собою на Гунибъ небольшое число своихъ домашнихъ мюридовъ, нѣсколько отчаянныхъ абрековъ, нѣсколько изувѣрныхъ послѣдователей тариката и сотню бѣглыхъ солдатъ, дотого обремененныхъ преступленіями, что они не смѣли воспользоваться дарованнымъ всепрощеніемъ и явиться съ повинной, вмѣстѣ съ товарищами. Созданное мюридизмомъ государство, тридцать лѣтъ боровшееся противъ Русской имперіи, началось горстью фанатиковъ и кончалось шайкою разбойниковъ.»

Не видя для себя никакого спасенія, Шамиль прибѣгъ къ переговорамъ о перемиріи (17 августа). Предложеніе принято. «По прибытіи главнокомандующаго въ кегерскій лагерь немедленно начались переговоры о сдачѣ, но не привели ни къ чему, несмотря на самыя великодушныя условія, объявленныя Шамилю, и полную безопасность, обѣщанную его людямъ. Старый предводитель мюридизма очевидно колебался между убѣжденіями всей жизни, заставлявшими его биться противъ невѣрныхъ до послѣдняго вздоха, и привязанностью къ многочисленному семейству, которое находилось съ нимъ на Гунибѣ. Кромѣ того, взросшій въ непримиримой враждѣ къ русскимъ, онъ еще не вполнѣ довѣрялъ нашимъ обѣщаніямъ. Послѣднія слова Шамиля, заключившія переговоры, были: «Гунибъ высокая гора; я сижу на ней. Надо мной, еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть штурмуютъ.» Но часъ мюридизма съ его главою пробилъ.—1859 года 25 августа Шамиль сдался.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ.

Предки М. С. Воронцова были выходцы изъ Германіи. Одинъ изъ нихъ получилъ прозваніе Воронецъ, и съ того времени потомки его стали именоваться Воронцовыми.

Михаилъ Семеновичъ родился 18-го мая 1782 г. Достопамятныя слова, произнесенныя при его рожденіи отцомъ его: «рожденіе твое всѣхъ порадовало; веди жизнь такую, чтобы всѣ сокрушались о твоей смерти», эти слова вполнѣ оправданы были молодымъ Воронцовымъ.

Михаилъ Семеновичъ воспитывался въ Англіи подъ надзоромъ и руководствомъ своего отца, бывшаго тамъ впослѣдствіи долгое время (съ 1803 г.) рус-

скимъ посланникомъ и потомъ жившаго тамъ частнымъ человѣкомъ до самой смерти.

Къ крайнему сожалѣнію, по неимѣнію данныхъ, невозможно представить здѣсь подробностей первоначальнаго его образованія, прослѣдить постепенное развитіе умственныхъ его способностей. Извѣстно только то, что Михаилъ Семеновичъ впродолженіе всей своей жизни сохранилъ тѣ мелочныя привычки къ порядку, ту правильность въ подробностяхъ жизни и то попеченіе о личномъ достоинствѣ, въ которыхъ англичане почерпають свое величіе. Въ Англіи, въ самой просвѣщенной державѣ (въ политическомъ смыслѣ), онъ научился уважать долгъ и званіе свое и имѣлъ случай видѣть тѣхъ государственныхъ людей, которые поставили Великобританію на степень первенствующей державы.

Англійское воспитаніе оправдалось на Воронцовѣ какъ нельзя лучше: всю жизнь свою онъ служилъ отечеству, не изъ того, чтобы получить чинъ или крестъ, а потому, что потомокъ такой древней фамиліи обязанъ быть ему полезнымъ. Изъ этой мысли вытекали его неутолимая дѣятельность, его безкорыстіе, примѣрная честность, снисходительность къ подчиненнымъ, посредствомъ которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать. Живя между англичанами, онъ пріобрѣлъ еще одно важное качество, практическій глазъ: онъ умѣлъ видѣть, что̀ нужно, и умѣлъ придумать, какъ удовлетворить необходимости. Онъ нетолько подписывалъ бумаги, но и очень хорошо зналъ, что подписывалъ.

Древніе классики съ дѣтства были любимыми собесѣдниками Воронцова. Любовь къ нимъ сохранилась у него и до старости. Михаилъ Семеновичъ любилъ, въ часы досуга, прочитывать въ подлинникахъ творенія Тита Ливія, Тацита, Горація, комментаріи Юлія Цезаря, походы Аннибала и бесѣдовать о подвигахъ греческихъ и римскихъ полководцевъ. Любилъ онъ также, при случаѣ, вспомнить стихъ изъ Горація и Виргилія. Библіотека Михаила Семеновича, доставшаяся ему послѣ дяди его Александра Романовича и послѣ отца его, постепенно, втеченіе цѣлой жизни, имъ самимъ дополняемая, вполнѣ могла удовлетворить его жаждѣ просвѣщенія и любознательности, по всѣмъ отраслямъ наукъ, словесности и искусствъ. Древнія рукописи и историческіе матеріалы, имъ собранные, составляютъ, конечно, одно̀ изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, доставшихся его наслѣдникамъ.

По окончаніи воспитанія въ Лондонѣ, немедленно, какъ только Александръ I-й вступилъ на престолъ, 19 лѣтній Воронцовъ былъ возвращенъ изъ Англіи (отецъ М. С. не пользовался милостями Павла I-го, былъ какъбы въ изгнаніи). Онъ былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ, т. е. пользовался чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, что въ тогдашнее время было возможно. Но уже на первыхъ порахъ молодой человѣкъ чувствовалъ себя неловко при дворѣ въ шумной столицѣ. Душа его жаждала дѣятельности, и потому онъ вскорѣ поступилъ поручикомъ въ кавказскій корпусъ подъ начальство храбраго Циціанова. Не очень льстило Циціанову назначеніе къ нему молодаго камергера, котораго онъ считалъ кавалеромъ гостиныхъ, моднымъ львомъ. Чтобы избавиться отъ него, Циціановъ написалъ письмо, которое должно было

предупредить прибытіе молодаго человѣка. Письмо князя Циціанова встрѣтило уже въ дорогѣ Воронцова. Когда же онъ прибылъ, то нельзя уже было возвратить его. Это происходило въ 1803 году. Новичекъ началъ военное поприще съ того, что принялъ участіе въ осадѣ столицы Ганжинскаго ханства, нынѣшняго Елисаветополя. Онъ отличился особенною храбростью, вынеся изъ битвы молодаго раненнаго Котляревскаго, будущаго героя Кавказа. Князь Циціановъ съ перваго взгляда понялъ, что этотъ молодой камергеръ былъ мужъ, и такой мужъ, котораго надо было сохранить Россіи. Опасаясь, чтобы онъ не погибъ при осадѣ Ганжи, онъ отправилъ его на лезгинскую линію, поручивъ его храброму генералу Гулякову, командовавшему тамъ отрядомъ. Но нѣсколько дней спустя, по прибытіи молодаго человѣка, произошла несчастная стычка съ лезгинами на одной долинѣ близъ Закаталъ. Гуляковъ былъ убитъ и часть русскихъ войскъ была опрокинута въ пропасть. Михаилъ Воронцовъ подвергся одной участи съ другими и потерялъ при паденіи компасъ съ своимъ шифромъ; онъ былъ возвращенъ Воронцову уже по прошествіи 50 лѣтъ, когда онъ сдѣлался намѣстникомъ кавказскимъ.

Михаилъ Воронцовъ, послѣ закатальскаго дѣла, въ которомъ онъ спасся какимъ-то чудомъ, принялъ участіе въ экспедиціи противъ Эривани, въ чинѣ бригадиръ-маіора; сверхъ того князь Циціановъ, который наконецъ крайне полюбилъ его, далъ ему щекотливое порученіе къ имеретинскому царю Соломону, то слагавшему съ себя корону въ пользу Россіи, то открыто поднимавшему противъ нея оружіе. Князь Циціановъ былъ умерщвленъ и графъ Воронцовъ возвратился въ Россію. Здѣсь Кавказъ теряетъ его изъ виду. Съ Кавказа Воронцовъ переносится на берега Дуная, для борьбы съ турками. Здѣсь онъ въ непродолжительномъ времени достигаетъ такихъ успѣховъ, что скоро и далеко становится выше многихъ изъ сверстниковъ, радуя собою и такихъ вождей, каковы были Каменскій и Кутузовъ. Но вотъ наступаетъ 12 годъ. Дунайскій витязь, одинъ изъ первыхъ съ береговъ Дуная спѣшитъ къ верховьямъ Днѣпра, дабы стать въ ряды отечественной рати. Романовъ, Дашковка, а потомъ стѣны Смоленска съ радостью видятъ въ лицѣ Воронцова, что у насъ, кромѣ маститыхъ военачальниковъ, есть и юные герои, для коихъ не страшенъ ни геній Наполеона, ни многочисленность его легіоновъ. Тѣснимая врагомъ, хотя ни разу не побѣжденная, армія наша находитъ, наконецъ, для себя мѣсто твердой опоры и благоуспѣшнаго сопротивленія врагу на поляхъ Бородина; тутъ долженъ рѣшиться кровавый споръ Россіи съ народами почти всей остальной Европы, предводимыми исполиномъ брани; тутъ посему лягутъ костьми тысячи и тьмы сыновъ отечества!.. Что ожидаетъ здѣсь нашего юнаго героя? Въ бородинскомъ сраженіи, которое французы называютъ la bataille des generaux, потому что тутъ много убито и ранено генераловъ, Воронцовъ подвергся общей участи: былъ раненъ въ лѣвую ногу пулею. Участіе его въ этомъ достопамятномъ сраженіи было весьма важно. Онъ занималъ лѣвое крыло нашей позиціи, на которое отважно нападали Ней, Даву, Мюратъ, Жюно. Дивизія его легла на мѣстѣ, но свое дѣло сдѣлала.

Между тѣмъ, удаленный съ поля брани, стеная отъ язвы въ одномъ изъ близлежащихъ владѣній своихъ, герой Бородина, изъ любви къ страждущему отечеству, и въ этотъ промежутокъ времени обращаетъ и домъ и все владѣніе свое въ госпиталь, гдѣ лечился вмѣстѣ съ другими русскими ранеными.

Рана графа Михаила Семеновича не долго задержала его въ бездѣйствіи; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхалъ онъ въ Вильно и поступилъ въ армію генерала Чичагова. Путь отъ предѣловъ отечества до самаго Парижа можно назвать рядомъ военныхъ подвиговъ Воронцова, во время исполинской брани. Не было ни одного великаго дня въ этой великой брани, гдѣ бы Михаилъ Семеновичъ не оказалъ своего, признаннаго всѣми, военнаго мужества и знанія. Такъ нельзя, однакожъ, не остановить вниманія на томъ чрезвычайно важномъ и рѣшительномъ дѣлѣ, гдѣ графу надлежало стать съ ввѣреннымъ ему войскомъ лицомъ къ лицу противъ перваго въ свѣтѣ полководца, коего одно имя приводило въ страхъ и неробкихъ и который чѣмъ ближе становился къ своему паденію, тѣмъ казался способнѣе и отважнѣе къ подавленію всего, ему противостоявшаго. Это былъ Краонъ,—самый цвѣтущій и неувядаемый лавръ въ военномъ вѣнцѣ Воронцова!

Чего тутъ не было противъ насъ! И военный геній противника, и мужество и число его воиновъ, и самое, общее ему и имъ, отчаяніе; ибо гибель ихъ была близка. Но ничто не могло помочь тому, кому измѣнило счастіе, кого оставила судьба. Превосходный въ силахъ, сражаясь цѣлый день, не щадя никакихъ жертвъ, врагъ не могъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ того, что не былъ обойденъ и уничтоженъ, какъ тому слѣдовало быть, еслибы и вожди союзныхъ войскъ успѣли выполнить свой долгъ такъ, какъ выполнилъ его Воронцовъ.

Въ этотъ рѣшительный день, онъ, по признанію всѣхъ, былъ честью и красою русской арміи. На поляхъ Краона могъ утвердиться колеблющійся вѣнецъ на головѣ повелителя французовъ; и здѣсь-то именно онъ поколебался дотого, что ничѣмъ уже не могъ быть утвержденъ и долженъ былъ вскорѣ упасть съ его главы—однажды и навсегда!..

Когда послѣ безразсуднаго покушенія Наполеона—возвратить себѣ, вопреки собственному отреченію, царственныя права надъ Франціей, надлежало оставить тамъ, на нѣсколько лѣтъ, часть нашего войска и требовался военачальникъ, могущій, кромѣ военныхъ достоинствъ, представлять собою честь русской арміи и не въ военномъ отношеніи,—то это почетное званіе, какъбы само собою, пало на долю героя краонскаго.

Трехлѣтнее пребываніе графа Воронцова во Франціи во главѣ русскихъ войскъ останется навсегда драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ для всѣхъ, находившихся съ нимъ тамъ, объ отеческой его заботливости и попеченіяхъ о всѣхъ русскихъ офицерахъ и солдатахъ; о сочувствіи и помощи его въ ихъ нуждахъ и болѣзняхъ *). Поднесенная ему всѣмъ корпусомъ съ поименова-

---

*) Говорятъ, что Воронцовъ заплатилъ во Франціи изъ собственныхъ денегъ два милліона (вѣроятно франковъ) за долги, сдѣланные его офицерами. Неизвѣстно, возвращены ли были ему эти деньги Александромъ I-мъ.

ніемъ частей, его составлявшихъ, великолѣпная ваза есть драгоцѣнное свидѣтельство признательности и любви, пріобрѣтенныхъ имъ отъ своихъ подчиненныхъ. Не менѣе исполненную уваженія память оставилъ онъ о себѣ навсегда въ сердцахъ французовъ. Она выказалась адресами отъ многихъ городовъ и медалями, выбитыми въ честь его и славнаго имъ предводительствуемаго войска.

Походы 1814 и 1815 годовъ сблизили графа Воронцова съ знаменитѣйшими мужами этой достославной эпохи: шведскимъ кронъ-принцемъ, впослѣдствіи королемъ Швеціи, и герцогомъ Веллингтономъ. До конца жизни героя Ватерлоо они находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ пріѣздъ свой въ Англію, Воронцовъ каждый разъ проводилъ нѣсколько времени въ замкѣ Веллингтона.

Эпоха занятія Франціи союзными войсками ознаменовалась для Воронцова важнымъ событіемъ въ жизни его. Онъ женился (1819 г.) на дочери графини Браницкой, племянницы знаменитаго Потемкина, умершаго на ея рукахъ, на краю одного оврага, и посредствомъ этого брака, богатый огромнымъ родовымъ имѣніемъ, наслѣдовавшій еще своему дядѣ Александру, знатному государственному лицу, сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ Россіи.

Между тѣмъ срокъ пребыванія союзниковъ во Франціи миновалъ. Графъ Воронцовъ довелъ ввѣренный ему корпусъ до границъ Россіи и отправился въ отпускъ въ Англію. Здѣсь съ супругою своею, въ средѣ доблестнаго своего родителя и семьи нѣжно-любимой сестры, онъ нашелъ сладостное отдохновеніе отъ совершенныхъ имъ трудовъ. Возвратился же онъ оттуда только въ 1823 году, для занятія мѣста новороссійскаго генералъ-губернатора, и это собственно — начало періода его блистательной, славной карьеры.

Графъ Воронцовъ ревностно принялся за великое, возложенное на него дѣло. Всѣ усилія его съ этой минуты направились къ оплодотворенію обширныхъ степей отъ Понта Эвксинскаго до озера Меотійскаго, отъ Прута и Дуная до Днѣстра и Днѣпра. Крѣпость Гаджибей, переименованная въ 1795 г. въ гор. Одессу, быстро стала возвышаться. Выгоды мѣстоположенія этого юнаго порта, поощренія, оказываемыя развитію въ немъ торговли и промышленности, постепенно привлекали иностранцевъ со всѣхъ концовъ вселенной: основались коммерческія конторы, ничтожные торговцы скоро превратились въ значительныхъ капиталистовъ. Одесса стала житницею Европы, стала наряду съ богатѣйшими ея торговыми городами.

Общая цѣнность оборотовъ всѣхъ южныхъ портовъ Новороссійскаго края простиралась еще въ 1853 г. до 70,000,000 руб. Вотъ результатъ толчка, даннаго умомъ всеобъемлющимъ при дѣятельности неутомимой.

Ежегодно по нѣскольку разъ графъ Воронцовъ посѣщалъ всѣ концы обширнаго края, ввѣреннаго его управленію, и тамъ, какъ въ Одессѣ, все вниманіе его устремлялось на введеніе благоустройства по всѣмъ частямъ, на обращеніе въ пользу всѣхъ особенностей посѣщаемыхъ имъ мѣстностей. Бла-

гословенная Таврида и живописные ея берега, омываемые волнами Чернаго моря, оживляемые южнымъ солнцемъ, въ особенности была предметами его творческой предпріимчивости. Тамъ положилъ онъ основаніе новой отрасли отечественной промышленности. Убѣдясь, что по благорастворенному своему климату въ Крыму съ успѣхомъ можетъ процвѣтать винодѣліе, графъ Воронцовъ ревностно принялся за дѣло: выписаны имъ лозы всѣхъ сортовъ изъ Франціи, Испаніи и береговъ Рейна; приглашены винодѣлы и, при щедрой помощи изъ собственнаго достоянія графа, стали обработываться и приготовляться земли для насажденія ожидаемыхъ лозъ. Но въ краю дикомъ, обитаемомъ одними татарами, въ горахъ непроходимыхъ, для ожиданія успѣха въ какомъ-либо предпріятіи, необходимо было прежде всего устроить удобное сообщеніе, и тамъ, гдѣ еще въ 1825 г. съ величайшимъ трудомъ и съ лишеніемъ всѣхъ жизненныхъ потребностей и удобствъ едва можно было пробраться верхомъ, вскорѣ, какъ-бы силою волшебнаго жезла, по мраморнымъ скаламъ повилась змѣйкою превосходная шоссейная дорога, которая постепенно стала окаймляться живописными дачами, роскошными домами, садами и питомниками, въ коихъ лавры, кипарисы, виноградныя, оливковыя и плодовыя деревья, въ дружномъ сообществѣ съ магноліями и розами, представляютъ восторженному путнику самое отрадное зрѣлище. Большія трудности предстояло преодолѣть въ краю новомъ, лишенномъ главныхъ движущихъ силъ; но, слѣдуя твердою ногою по избранной имъ стезѣ, стремясь съ постоянствомъ къ достиженію цѣли, первоначальныя неудачи въ какомъ-либо предпріятіи не могли поколебать терпѣнія и рѣшимости графа Воронцова. Подобно винодѣлію, другая богатѣйшая отрасль промышленности обязана ему своимъ оживленіемъ и той степенью преуспѣянія, которой она постепенно достигла въ Новороссіи и Бессарабіи: это—развитіе тонкошерстыхъ овецъ. Выписаны изъ Испаніи и Саксоніи лучшихъ сортовъ бараны и овцы, для улучшенія разводимыхъ породъ, приглашаемы были сортировщики шерсти; степи херсонскія, таврическія, екатеринославскія и бессарабскія покрылись стадами мериносовъ; учредились шерстяныя мойки, и земли новороссійскія, которыя дотолѣ пріобрѣтались по 30 коп. за десятину, возвысились въ цѣнности и нынѣ пріобрѣли стоимость смотря по мѣстности и обилію воды.

Сознавая, что произведенія земли суть главнѣйшіе источники богатства юной Россіи, графъ Воронцовъ не переставалъ, всѣми зависящими отъ него мѣрами, поощрять разведеніе и умноженіе разныхъ видовъ хлѣбныхъ, масляныхъ и торговыхъ растеній, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ и о лѣсоразведеніи, какъ одномъ изъ главныхъ условій успѣха сельско-хозяйственной производительности въ краю безводномъ и знойномъ. Для размѣна мыслей, для распространенія общеполезныхъ свѣдѣній, на практикѣ основанныхъ, учреждено въ Одессѣ общество сельскаго хозяйства, въ трудахъ коего графъ Воронцовъ постоянно принималъ самое дѣятельное, живое участіе. Учреждены ботаническій садъ и опытная ферма, выставки скота и произведеній сельскихъ ремеслъ, состязанія плуговъ, установлены мѣры поощренія шелкопроизводства; развелись обильные питомники тутовыхъ, виноградныхъ и всякаго рода лѣсныхъ

деревьевъ и — пустынныя степи новороссійскія постепенно стали оживляться возникающими рощами, подъ тѣнью коихъ утомленный земледѣлецъ сталъ находить убѣжище отъ палящихъ лучей солнца.

Обладая умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, любя науки и сознавая, что распространеніе просвѣщенія, на нравственныхъ началахъ основаннаго, по всѣмъ слоямъ общества и разнороднымъ его племенамъ, есть одинъ изъ главныхъ двигателей благосостоянія, графъ Воронцовъ всячески содѣйствовалъ расширенію круга учебной дѣятельности, центромъ которой былъ учрежденный въ 1817 г. въ Одессѣ Ришельевскій лицей. Такъ учреждены: училища, музеи для храненія древностей въ Одессѣ и Керчи; публичная библіотека въ Одессѣ; институты благородныхъ дѣвицъ; основано въ Одессѣ Общество исторіи и древностей; заведеніе въ Одессѣ же для воспитанія глухо-нѣмыхъ и пр. Какъ ни много было сдѣлано графомъ для Новороссійскаго края, все-же еще оставалось немало дѣла: предположенія о новыхъ къ тому усиліяхъ въ немъ мужали и развивались, когда долетѣлъ до него неожиданный призывъ государя на другое, болѣе многотрудное, поприще (декабря 1844 г.).

Признавая однимъ изъ успѣшнѣйшихъ средствъ къ водворенію благоустройства на Кавказѣ и противодѣйствію Шамилю соединеніе въ однѣ руки разрозненныхъ дотолѣ военной и гражданской власти, покойный государь Николай I-й избралъ графа Воронцова для новаго, согласно этому, управленія Кавказомъ. Возлагая на него высокое званіе своего намѣстника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, онъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявлялъ свои надежды на испытанное его усердіе и знаніе и, сохраняя ему званіе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, даровалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволеніе ежегодно посѣщать свою семью въ Одессѣ или въ Крыму, ограничивъ порученія, на него возлагаемыя, трехгодичнымъ срокомъ.

«Зная ваше всегдашнее пламенное усердіе къ пользамъ государства,—писалъ, между прочимъ, государь императоръ Воронцову,—выборъ мой палъ на васъ, въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ съ неограниченнымъ полномочіемъ, проникнутые важностью порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить мое ожиданіе».

«Я старъ и становлюсь дряхлъ,--сказалъ Воронцовъ, прочитавъ драгоцѣнныя строки, начертанныя самимъ государемъ:--немного жизни во мнѣ осталось; боюсь, что не въ силахъ буду оправдать ожиданія царя; но русскій царь велитъ идти, и я, какъ русскій, осѣнивъ себя знаменіемъ креста Спасителя, повинуюсь и пойду».

Исторія не представляетъ примѣра, чтобы государи другихъ странъ, въ особенности же русскій императоръ, предоставляли частному лицу такую обширную власть, какую получилъ графъ Михаилъ Семеновичъ. Территорія, ввѣренная вѣдѣнію графа, на западѣ граничила съ Австріей Буковиною, на востокѣ чрезъ цѣлое море и Кавказскій перешеекъ до слѣдующаго Каспійска-

го, отъ 44 до 68° (24 градуса долготы одно намѣстничество!), а въ ширину отъ степей, 49 град. до 38° сѣверной широты.

Посмотримъ же теперь, какъ оправдаетъ Михаилъ Семеновичъ такое высокое довѣріе къ нему государя.

Прежде чѣмъ отправиться Воронцову на Кавказъ, онъ отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ государемъ по ввѣряемымъ ему дѣламъ, и для сообщенія всѣхъ нужныхъ ему свѣдѣній. Вездѣ на пути отъ Одессы до С.-Петербурга графа Воронцова привѣтствуютъ съ живою радостью, что царскій выборъ палъ на него, увѣрены въ его успѣхахъ на Кавказѣ. Тѣ же чувства его встрѣтили и въ столицѣ.

Но чѣмъ блистательнѣе были надежды, на него возлагаемыя царемъ и соотечественниками своими, тѣмъ болѣе возрастала въ Воронцовѣ недовѣрчивость къ самому себѣ.

«Какъ бы я желалъ, -- говорилъ онъ, -- чтобы это назначеніе, эта власть, мнѣ предоставленная, все это было бы одинъ сонъ. Страшусь, чтобъ не посильны мнѣ были новые труды, страшусь общаго разочарованія на мой счетъ».

Съ восторгомъ былъ встрѣченъ Михаилъ Семеновичъ на Кавказѣ. Съ открытіемъ весны, онъ спѣшилъ изъ Тифлиса на кавказскую линію, для принятія личнаго начальства надъ войсками, готовившимися къ походу. До прибытія Воронцова на Кавказъ военныя дѣла были крайне незавидны. Мюридизмъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливался. Противодѣйствовать распространенію его было очень затруднительно, такъ какъ наши силы на Кавказѣ были развлечены и неудобно было соединить ихъ скоро въ одномъ мѣстѣ, по крайней трудности сообщеній. Постоянныя неудачи предшествовавшихъ походовъ приписывали тогда не ложной системѣ, но неискусному командованію лицъ, которымъ было ввѣрено начальство. Полагаясь на громкую извѣстность Воронцова, ждали самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ съ перваго шага его на Кавказѣ. Первоначальное военное предпріятіе графа Воронцова, даргинскій походъ, было рѣшено подъ вліяніемъ этихъ ожиданій и исполнено по образцу прежнихъ экспедицій, только въ большихъ размѣрахъ; но оно же было и послѣднимъ предпріятіемъ въ этомъ родѣ. Урокъ былъ достаточный.

Несмотря на многочисленное и превосходное войско, снабженное всевозможными средствами, одушевленное личнымъ предводительствомъ знаменитаго и уполномоченнаго генерала, даргинскій походъ кончился потерею пяти тысячъ человѣкъ и трехъ орудій безъ малѣйшаго результата. Съ этихъ поръ обстоятельства заставляютъ измѣнить образъ веденія кавказской войны.

Во время начальствованія Воронцова наступленіе происходило систематически только въ одномъ углу военнаго театра на чеченской плоскости. Тамъ въ первый разъ при мюридизмѣ добились положительнаго результата; хорошо соображенною и неуклонно исполняемою вырубкою просѣкъ чрезъ лѣса враждебное населеніе было выбито изъ Малой Чечни и начата разработка Большой. Въ Дагестанѣ же, владикавказскомъ округѣ и на лезгинской линіи экспедиціи все-еще происходили ощупью, безъ твердо опредѣленной цѣли. Не-

возможно сказать при самомъ большомъ желаніи, чтобы осады Гергебиля, Салтовъ и Чоха, походы въ Джурмутъ или Капучу имѣли какую-нибудь общую систему, приводили насъ къ чему-нибудь положительному. Завсѣмъ тѣмъ, образъ дѣйствій Воронцова былъ проникнутъ одною общею идеею и дѣйствительно произвелъ благодѣтельный переломъ въ кавказской войнѣ. Главный характеръ этого образа дѣйствій состоялъ въ томъ, что мы навремя вовсе отказались отъ покоренія горъ, котораго прежде такъ настойчиво и такъ тщетно добивались, не отказываясь однакожъ дѣйствовать и пользоваться обстоятельствами, гдѣ это оказывалось возможнымъ. Экспедиціи стали вести осторожнѣе, недалеко отъ нашихъ предѣловъ, не подвергая дѣйствующія войска большимъ случайностямъ. Такимъ образомъ въ немногіе года слагается, постепенно, хотя не строгая, новая система военныхъ дѣйствій, состоящая въ томъ, чтобы держать врага въ замкнутомъ кругу, который, съуживаясь постоянно, долженъ наконецъ сомкнуться надъ головой его, и такимъ образомъ отнять у него возможность нетолько къ нападенію на насъ, но и къ самому существованію.

Упорная брань и непрерывные военные подвиги не препятствуютъ, между тѣмъ, разнообразнымъ трудамъ графа Воронцова на поприщѣ гражданскаго управленія.

За Кавказомъ города и села возникаютъ вновь или принимаютъ лучшій видъ; всѣмъ частямъ края дается новое очертаніе и разумный обликъ, расширяются и углаживаются пути для торговли и промышленности; на земледѣліе, винодѣліе, горные промыслы обращено большое вниманіе.

Кромѣ вещественнаго усовершенствованія всего края, дается благотворное движеніе уму и способностямъ: тамъ, гдѣ не знали почти другого свѣта, кромѣ солнечнаго, начинаетъ разливаться, и не изъ одного средоточія, свѣтъ наукъ, озаряя собою, какъ солнце, не одинъ какой-либо классъ жителей, а всѣ сословія; тамъ, гдѣ почти не слышно было ничего, кромѣ печальныхъ извѣстій о завалахъ Казбека и Эльборуса, о набѣгахъ лезгинъ и чеченцевъ, начинаютъ раздаваться даже на туземномъ языкѣ постоянныя вѣсти о событіяхъ домашнихъ и всемірныхъ, о всякаго рода полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Кавказская природа съ ея отличительными свойствами подвергнута во всѣхъ видахъ постоянному наблюденію; нравы и характеръ жителей, мѣста, почему-либо особенно примѣчательныя, описываются; древнія преданія и событія извлекаются изъ забвенія; туземная святыня возстановляется; родные краю языки и нарѣчія оживаютъ новою жизнью *).

---

*) Въ намѣстничество М. С. Воронцова раздѣлено Закавказье на губерніи: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую и Эриванскую; преобразованъ Тифлис. Закавказскій Приказъ Общ. Призрѣнія; учрежденъ Коммерческій Судъ. При Воронцовѣ учебная часть на Кавказѣ получила обширное развитіе. Преобразованы дирекціи училищъ: тифлисская и ставропольская; открыты кутаисская и екатеринодарская гимназія, съ пансіономъ, пятигорское уѣздное училище и приходское нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Тифлисѣ; многія училища преобразованы. Для открытія кавказскимъ уроженцамъ пути по

И въ русской литературѣ имя Михаила Семеновича не умретъ, и вотъ по какой причинѣ. Когда оказалось необходимымъ удалить А. С. Пушкина изъ Петербурга и онъ уѣхалъ на югъ Россіи, Воронцовъ принялъ въ немъ самое живое участіе. Можетъ быть, поэтъ нашъ погибъ бы безвозвратно, если бы не былъ отогрѣтъ живительнымъ снисхожденіемъ его.

Впрочемъ не одному Пушкину оказалъ онъ пользу своимъ вниманіемъ. Какъ человѣкъ истинно-просвѣщенный Михаилъ, Семеновичъ принималъ всякаго просителя нетолько учтиво, но и ласково; выслушивалъ просьбы съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, и всегда удовлетворялъ имъ, если желанія просителей не выходили изъ предѣловъ возможнаго. Съ подчиненными былъ такъ добръ, что они и теперь не могутъ вспомнить о немъ безъ слезъ. Особенно любили его солдаты, видѣвшіе въ немъ истиннаго отца - командира. Бѣднымъ онъ жертвовалъ много *), но не распространялъ славы о своихъ благодѣяніяхъ. Величайшіе подвиги совершалъ онъ, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, безъ шума, скромно, не заботясь и не требуя ни чьей благодарности; награду за труды свои находилъ въ отрадномъ чувствѣ, что исполняетъ долгъ свой, какъ подобаетъ честному человѣку и вѣрному сыну отечества. Зато на прекрасномъ лицѣ его всегда виднѣлось невозмутимое спокойствіе, placiditas древнихъ героевъ, что такъ рѣдко встрѣчается въ современныхъ европейскихъ государственныхъ людяхъ.

За заслуги, оказанныя Михаиломъ Семеновичемъ какъ на военномъ поприщѣ, такъ и на гражданскомъ, онъ почтенъ, кромѣ всѣхъ отличій, высшими наградами: произведенъ въ князя, свѣтлѣйшаго и наконецъ фельдмаршала.

всѣмъ отраслямъ народнаго просвѣщенія исходатайствовано утвержденіе положенія о воспитаніи ихъ въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ; учреждены училища Аліева и Омарова сектъ; при полкахъ и батальонахъ учреждены школы для приготовленія юношества къ военной службѣ; открыты училища для полудикихъ племенъ: тушинъ, пшавовъ, хевсуровъ и осетинъ; преобразованъ закавказскій дѣвичій институтъ; для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ основаны благотворительнымъ обществомъ, по желанію супруги князя Воронцова и подъ дѣятельнымъ ея предсѣдательствомъ, учебныя заведенія въ главныхъ городахъ Кавказа и Закавказья; учреждены цензурный комитетъ, публичная библіотека; составлены Общество сельскаго хозяйства и Кавказскій отдѣлъ Географическаго Общества, устроена типографія для печатанія періодическихъ изданій; основано изданіе газеты «Кавказъ» и «Кавказскаго Календаря»; оказаны всевозможныя поощренія къ развитію грузинской литературы и напечатанію многихъ весьма цѣнныхъ, но остававшихся доселѣ въ неизвѣстности, туземныхъ рукописей; двукратно совершены восхожденія на Араратъ, произведены вмѣстѣ съ тѣмъ любопытныя метерологическія наблюденія, произведена треангуляція Закавказскаго края и исчислена разность уровней Каспійскаго и Чернаго морей; приступлено къ межеванію закавказскихъ земель, составлены топографическія карты и превосходная рельефная карта Кавказа, обнимающая главный Кавказскій хребетъ и горы Эриванской и Кутаисской губерній; улучшеніе путей сообщенія; устройство мостовъ, тифлисскаго театра и пр.

*) Извѣстно, что ежегодно по принятіи св. Таинъ въ страстную субботу онъ, втайнѣ сопровождаемый лишь чиновникомъ, на котораго возлагалось открытіе бѣдныхъ семействъ, приносилъ имъ помощь и утѣшеніе, облегчалъ скорбь вдовъ и сиротъ.

Но не долго знаменитый старецъ носилъ званіе фельдмаршала. Пріѣхавъ, по полученіи его, въ любимую свою Одессу, онъ скончался 6 ноября 1856 года. Благодарные жители Новороссійскаго и Кавказскаго края соорудили два памятника князю Воронцову и поставили въ гг. Одессѣ и Тифлисѣ.

Дорога память честнаго, умнаго и полезнаго человѣка, человѣка, который носилъ на гербѣ своемъ надпись: «semper immota Fides—всегда непоколебимая вѣрность!»

Вѣрность кому?

Долгу, чести и славѣ.

(Источники: «Біографія М. С. Воронцова» Щербинина. Die gegenvardt 1848 г. «Шестьдес. лѣтъ кавк. войны» Р. Ѳадеева. Живописн. Обоз. за 1857 г. Слово при погребеніи М. С. Воронцова—преосв. Иннокентія.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ БОРЬБЫ РУССКИХЪ СЪ ГОРЦАМИ НА ЗАПАДНОМЪ КАВКАЗѢ. *)

Оригинальная сторона наступательной и собственно боевой жизни кавказскаго солдата высказывалась въ двухъ отношеніяхъ: въ упорной борьбѣ его съ природой и въ разнообразіи занятій.

Битвы съ горцами не были мудренымъ дѣломъ для войска; горцы не представляли собой организованнаго и дисциплинированнаго непріятеля; поэтому и успѣхъ былъ всегда на сторонѣ русскихъ. «Усилія горцевъ — говоритъ г. Введенскій—были всегда велики, но превосходство нашего оружія дѣлало ихъ усилія ничтожными. Это же превосходство оружія и организація нашихъ войскъ были причиною, что въ кавказской войнѣ самыя перестрѣлки перешли на второй планъ, а главное мѣсто въ завоеваніи Кавказа заняли настойчивость, съ которою выполнялись всѣ наступательныя движенія, и неутомимые труды войскъ, дававшіе возможность приводить настойчивые планы въ исполненіе» **).

Горцы не имѣли у себя другихъ ружей кромѣ кремневыхъ, которыя, какъ извѣстно, въ сырую погоду не дѣйствуютъ, а артиллерія ихъ находилась въ младенческомъ состояніи. Оружіе и военные снаряды горцы или дѣлали сами, или же получали изъ Турціи и отъ другихъ племенъ. Лучшіе клинки турецкіе, или чеченскіе, или дагестанскіе. По разсказамъ плѣнныхъ горцы сами дѣлали порохъ. «Составныя части этого пороха очень оригинальны, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ трава звѣробой, и затѣмъ селитра и уголь. Свинецъ, по разсказамъ плѣнныхъ, горцы получали изъ Турціи; а также отыскивали послѣ перестрѣлки русскія пули и переливали ихъ по своему

*) Кавк. 1867 г.

**) Воен. Сб. 1866 г. №7, стр. 4.

калибру. Про добываніе желѣза плѣнные разсказывали, что горцы выжигали его изъ какого-то синяго камня, который они отыскивали около снѣговыхъ горъ. Операція эта производилась въ глиняныхъ котлахъ, наверху которыхъ въ горизонтальномъ направленіи прикрѣплялись деревянные ковши съ очень маленькими отверстіями въ нижнихъ ихъ частяхъ *).

Не менѣе важное значеніе чѣмъ артиллерія въ рѣшеніи битвъ имѣла русская кавалерія. Горцы рѣдко дѣйствовали пѣшіе и плотными массами. Большею частью они нападали вразсыпную и конные.

При-этомъ, кавалерія, которая могла нагонять и обгонять конныхъ горцевъ, стѣснить ихъ на извѣстной мѣстности, оказывала незамѣнимыя услуги.

Особенно важныя услуги въ кавказской войнѣ оказывали казаки; лишь только на линіи дѣйствія раздавался выстрѣлъ, возвѣщавшій тревогу, какъ казаки уже неслись со всѣхъ сторонъ.

Не говоря уже о превосходствѣ нашего оружія, горцы уступали русскимъ и въ тактикѣ. горцы почти никогда не рѣшались вступать въ бой на открытой мѣстности. Лѣсъ, горы, кустарники и балки—вотъ ихъ обыкновенные союзники. Но какъ бы ни была выгодна мѣстность, горцы не могли долго удерживать ее за собой. Русскій штыкъ вынуждалъ ихъ поспѣшно оставлять и лѣса, и балки, и засѣки. Особенно же отличались горцы неумѣньемъ брать и отстаивать укрѣпленныя мѣста. Часто они сооружали гигантскія работы и при первомъ нетолько натискѣ, но даже появленіи русскихъ бросали ихъ.

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость горцамъ: несмотря на несовершенство оружія, недостатокъ организаціи и тактики, ихъ нападенія были весьма ожесточенны и они часто весьма стойко выдерживали самый усиленный огонь русскихъ ружей и орудій. Иногда собирались партіи горцевъ болѣе 1000 и, дѣйствуя весьма дружно, ставили русскихъ въ большія затрудненія, окружали отступавшій отрядъ, пересѣкали путь къ отступленію завалами, пользуясь лѣсомъ, оврагами и кустарникомъ. «Самое отчаянное гиканье,--говоритъ г. Гейнсъ объ одномъ дѣлѣ,--которымъ горцы ободряли другъ друга, не умолкало во все время (отступленія отряда) и пальба участилась дотого, что походила на барабанную дробь. Отступать быстро было невозможно. Поминутное подниманіе раненыхъ и густой кустарникъ замедляли наше движеніе, а горцы насѣдали все сильнѣе» **). Поэтому и потери русскихъ бывали часто весьма чувствительны. Онѣ иногда простирались за 100 человѣкъ убитыми и ранеными въ одномъ дѣлѣ. Впрочемъ потери горцевъ всегда превышали потери русскихъ.

Вообще же, судя относительно, самое дѣйствительное средство вредить русскимъ войскамъ горцы всегда находили не въ отчаянной своей храбрости, не въ гиканьи, съ которымъ бросались на русскихъ, не въ дружномъ напорѣ, а въ самой кавказской природѣ, въ сильно пересѣченной мѣстности.

---

*) В. С. №3, стр. 11.

**) В. С. №1, стр. 40. Тамъ же №7, стр. 14, 15, 19.

Описаніе мѣстности Западнаго Кавказа и затрудненій отъ нея.

Мѣстность, на которой дѣйствовалъ пшехскій отрядъ, ограничена съ востока рѣкою Пшекупсомъ, а съ запада рѣкою Бѣлою. Разстояніе между этими рѣками, по прямому направленію, не болѣе 80 верстъ. Несмотря однакожъ на такое незначительное разстояніе, мѣстность весьма разнообразна между двумя означенными рѣками. Между ними протекаютъ еще три довольно значительныя рѣки: Курджипсъ, Пшеха и Птишъ; изъ нихъ первыя двѣ впадаютъ въ рѣку Бѣлую. Всѣ же пять поименованныхъ рѣкъ берутъ свое начало въ сѣверныхъ скатахъ главнаго хребта, всѣ онѣ текутъ между значительными горными возвышенностями, образующими водораздѣлы. Ущелье рѣки Пшекупса богато обширными черноземными равнинами, очищенными отъ кустарниковъ и лѣсовъ; оно служило какъ-бы житницею для этой мѣстности вообще.

Ущелье Пшиша имѣетъ видъ гораздо болѣе дикій и суровый. Ущелье Пшехъ также дико и сурово и также богато растительностью. Мѣста между этими рѣками были довольно разработаны въ земледѣльческомъ отношеніи; они питали нетолько туземное населеніе абадзеховъ, но даже давали свои излишки и жителямъ южнаго склона главнаго хребта. Особенно интересно, по разнообразію видовъ, ущелье Бѣлой. «Отъ Майкопа оно, какъ устья всѣхъ ущелій, имѣетъ видъ широкой долины, окаймленной незначительными высотами, по преимуществу съ отлогими скатами, но отъ каменнаго моста долина эта вдругъ обращается въ узкое ущелье, которое тянется до самой хамышейской долины и далѣе. На пути отъ Абадзехской станицы, вверхъ по Бѣлой, еще издали слышится сильный шумъ рѣки. Направляясь на него, любопытный прохожій непремѣнно подойдетъ къ тому мѣсту, гдѣ Бѣлая дѣлаетъ крутой поворотъ и перегораживаетъ долину въ перпендикулярномъ направленіи. Въ этомъ мѣстѣ берега рѣки, не возвышаясь надъ плоскостью долины, издали совершенно незамѣтны; но, подойдя къ нимъ, невольное удивленіе вырывается наружу, при видѣ неожиданной картины: въ этомъ мѣстѣ рѣка представляется въ видѣ глубокой извилистой промоины, бока которой состоятъ изъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, опущенныхъ въ глубину и мѣстами подходящихъ другъ къ другу сажени на полторы; внизу же, въ полумракѣ, на десятисаженной глубинѣ, вмѣсто воды виднѣется съ страшнымъ шумомъ клокочущая пѣна, а надъ нею стоитъ вѣчный туманъ изъ брызговъ. Здѣсь то мѣсто, гдѣ легкій деревянный мостъ соединяетъ близко подходящіе другъ къ другу каменистые края противоположныхъ береговъ, извѣстно подъ именемъ каменнаго моста. Въ прежнія времена, на краю каменнаго навѣса лѣваго берега стояло народное судилище — мегкеме, выстроенное Магометъ-Аминемъ *); оттуда приговоренныхъ къ смертной казни кидали въ ревущую

---

*) Изъ послѣднихъ дѣятелей падшаго уже на Кавказѣ мюридизма особенное вниманіе заслуживаетъ и по справедливости долженъ занимать первое послѣ Шамиля мѣсто Магометъ. Посланный Шамилемъ съ званіемъ наиба его въ западную часть Кавказа для распространенія мюридизма между племенами враждебными и покорными намъ и

пропасть, гдѣ силою воды несчастные расшибались объ острые уступы извилистыхъ береговъ. Съ этого мѣста дорога круто поворачиваетъ въ горное ущелье и идетъ подъ нависшей скалой праваго берега. Тамъ шумъ рѣки, которая протекаетъ въ такой же трещинѣ, какъ и у каменнаго моста, отражаясь отъ скалистой полуарки надъ дорогой и отъ высокой стѣны лѣваго берега, отвѣсно спускающейся до дна рѣки, еще оглушительнѣе, еще грознѣе.

Версты четыре далѣе, горы понемногу раздвигаются и вдали на высотѣ виднѣется Даховская станица. Прекрасна дорога и отъ Даховской до Хамышейскаго укрѣпленьица. Вторая половина ея особенно привлекательна; высоты праваго берега, по которымъ проложена дорога, имѣютъ характеръ поднятыхъ каменныхъ слоевъ; края ихъ, составляя вершины горъ, какъ искусственно сложенныя стѣны, тянутся по высотамъ, выглядывая изъ-подъ осунувшейся земли, покрытой зеленью. Этотъ земляной откосъ, поросшій великолѣпными рощами изъ чинара, дуба, ясени, мѣстами и березы, вмѣстѣ съ линіей деревьевъ, оставленныхъ въ сторонѣ обрыва, образовалъ густую аллею. Незамѣтно проходишь по этой дорогѣ, не чувствуя даже усталости, чему способствуетъ, кромѣ дикихъ ландшафтовъ, какъ полъ гладкая дорога. Такая отличная отдѣлка ея тянется до моста съ блокгаузами, который переводитъ дорогу съ праваго берега на лѣвый. Шесть верстъ далѣе, на хамышейской долинѣ, стоитъ маленькое укрѣпленьице, которымъ замыкается удобный путь. Далѣе поднимаются ужъ дикія, не заселенныя горы, съ узкими, глубокими трещинами, между которыми выглядываетъ высокая скала, съ вѣчноснѣжной шапкой, извѣстная подъ именемъ Оштенъ и около которой берутъ свои начала Курджипсъ и Бѣлая съ одной стороны, нѣсколько правыхъ притоковъ Шахе съ другой. Дикость этихъ мѣстъ достаточно опредѣляется тѣмъ, что тамъ не жили даже горцы» *).

Пространство между Бѣлой и Пшекупсомъ замыкается съ юга главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, который чѣмъ далѣе идетъ къ западу, тѣмъ становится ниже. Неодинаковое возвышеніе хребта въ этихъ мѣстахъ не остается безъ вліянія на климатъ, растительность и видъ природы. Русскія войска не

для возбужденія ихъ къ священной противъ насъ войнѣ, онъ потомъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, признавая надъ собою власть прежняго своего повелителя только по имени; имѣлъ прямыя сношенія съ Турціею; неоднократно самъ ѣздилъ въ Константинополь и во время послѣдней, такъ называемой «восточной» войны сдѣлался извѣстенъ въ Европѣ. При этомъ независимомъ положеніи, ставившемъ его въ уровень съ самимъ имамомъ, онъ не можетъ быть поставленъ наряду съ другими его наибами, а на него должно смотрѣть какъ на особаго политическаго дѣятеля. Хотя онъ и не пользуется такою громкою извѣстностью, какую пріобрѣлъ Шамиль упорною двадцатипятилѣтнею войною противъ Россіи, и хотя уступаетъ ему въ способностяхъ, особенно военныхъ, но 10-ти лѣтнее политическое поприще Магометъ-Амина замѣчательно по уму, искусству и настойчивости, съ которыми онъ боролся противъ важныхъ препятствій, поставленныхъ на его пути. (Зам. изъ статьи «Магометъ-Аминъ» Н. Карлгофа.)

*) В. С. № 5, стр. 4—6.

одинъ разъ переходили главный хребетъ въ разныхъ мѣстахъ, и вотъ разница: когда войска поднимались, въ началѣ марта, черезъ главный хребетъ, съ верховьевъ Пшекупса къ верховьямъ Туапсе, то нашли горный хребетъ совершенно свободнымъ отъ снѣга и даже сухимъ; когда же войскамъ пришлось перебираться черезъ этотъ же хребетъ спустя полтора мѣсяца, съ верховьевъ Пшехи на Шахе и съ Шахе къ верховьямъ Бѣлой, то хребетъ былъ покрытъ слоемъ снѣга въ три сажени. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда въ Майкопской станицѣ стояли сильнѣйшіе жары и опасались даже засухи, войска, стоявшія у Оштена, переносили самую суровую осень. Проливные дожди и сильныя бури, холодные густые туманы, закрывавшіе окрестность на шесть или на семь дней, ночь, наступавшую съ шести часовъ по полудни,— вотъ что выносили войска у Оштена въ маѣ мѣсяцѣ!

«Смотря на окрестность Оштена съ значительной высоты, на первый разъ непривычному глазу представляется только какой-то хаосъ изъ нагроможденныхъ безлюдныхъ скалъ, неправильно изрѣзанныхъ балками и глубокими оврагами. Вершины этихъ горъ освобождаются отъ снѣга только мѣсяца на полтора въ годъ и въ лѣтнее время едва проходимы. По мѣрѣ того, какъ сходитъ снѣгъ, постепенно начинаютъ выказываться изъ-подъ него то безобразныя груды каменьевъ, то цѣлые завалы поваленныхъ деревьевъ, то глубокіе провалы, то земляныя осыпи и т. п. Впрочемъ, въ іюлѣ и въ августѣ опасно проходить и въ тѣ мѣста, гдѣ оставался еще снѣгъ: слышно, какъ журчитъ подъ нимъ вода; проваливаясь поминутно по колѣни, невольно помышляешь о возможности провалиться сквозь разрыхлѣвшій снѣгъ и быть увлеченнымъ подснѣжнымъ потокомъ богъ-знаетъ куда. Какъ всхолмлены эти мѣста, можно судить уже по тому, что, при разбивкѣ лагеря, не находили ровной площадки для помѣщенія даже пяти палатокъ.

Флора здѣшнихъ мѣстъ могла напомнить солдатамъ изъ Архангельской и Вологодской губерній ихъ родину: начиная отъ хамышейской поляны, безпрерывно тянутся по Бѣлой еловые лѣса, состоящіе изъ деревьевъ громадныхъ размѣровъ, между которыми, въ видѣ исключенія, попадается только мелкій березнякъ. Въ этихъ мѣстахъ въ изобиліи растутъ кусты лѣсной малины, барбариса и лѣсной смородины; но на южномъ скатѣ главнаго хребта опять появляются невысокіе лиственные лѣса и сплошные кустарники, а ель и сосна уже исчезаютъ.

Необитаемость этихъ мѣстъ была поразительна; глухари, которые такъ пугливы въ Россіи, встрѣчались здѣсь во множествѣ, удивляя насъ своею смѣлостью: несмотря ни на пѣсни солдатъ, ни на барабанный бой, они толпами бѣгали по снѣгу около самыхъ легерей; въ первое время они не отлетали даже отъ выстрѣловъ, если давали по нимъ промахъ; по-временамъ и медвѣди подходили на лагерный шумъ.

Тамъ, какъ видно, некому было пугать звѣрей; тамъ природа не пріютила человѣка. Бури и зимнія мятели были страшны даже для проходящихъ; иначе, при разработкѣ дорогъ не было бы найдено такъ много труповъ, занесен-

ныхъ снѣгомъ. Среди этой дичи, выше линіи лѣсовъ, на голыхъ или покрытыхъ снѣгомъ горахъ былъ расположенъ хамышейскій отрядъ.»

Такъ суровы были климатическія условія горной природы; зато виды, представляемые этой мѣстностью, были весьма привлекательны: «тѣ, которымъ приходилось проводить долгое время почти на снѣжныхъ высотахъ, помнятъ, вѣроятно,—говоритъ г. Гейнсъ,—какъ бывала привлекательна, хороша горная природа при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, когда безчисленное число вершинъ различныхъ видовъ и формъ, столпившихся кругомъ, то освѣщенныхъ, то спрятавшихся въ тѣни, будто отдѣльные острова, выглядывали изъ неподвижныхъ волнъ розовыхъ и бѣлыхъ облаковъ, отрѣзавшихъ ихъ отъ нижнихъ частей горъ.

Какъ былъ интересенъ видъ, когда поднявшееся выше солнце, требуя болѣе паровъ для насыщенія воздуха, заставляетъ густыя облака подниматься изъ ущелій въ видѣ паровыхъ столбовъ и исчезать безслѣдно, когда закурившіяся вершины горъ отъ полуденной жары, образовывая одно облачко за другимъ, отпускали эти прозрачныя массы погулять по вѣтру, и когда, съ охлажденіемъ воздуха, дѣлались онѣ меньше, плотнѣе, потомъ спускались все ниже, ниже, и снова, въ глубинѣ ущелій подъ ногами зрителя, смыкались въ длинныя полосы, представляя изъ себя морскіе протоки, залившіе всѣ ущелья и застывшіе навѣки.

Въ ясный день самая дикость этихъ мѣстъ получаетъ какое-то разнообразіе и загадочность: многія изъ узкихъ, темныхъ ущелій, открываясь противоположными концами въ яркоосвѣщенныя мѣста и показывая словно въ гигантской панорамѣ то посеребреные снѣжные, то позолоченые зеленые скаты горъ, невольно подстрекаютъ сходить туда, въ ожиданіи встрѣтить живописныя долины и столь же привѣтливую природу, какъ въ заселенныхъ мѣстахъ Швейцаріи; но подойдешь къ тѣмъ мѣстамъ и встрѣтишь тѣ же глубокія щели, тотъ же мрачный лѣсъ. Однако однообразіе въ общемъ и суровый видъ кавказскихъ горъ неутомительны: различные переливы цвѣтовъ, безчисленныя формы ущелій отъ страшныхъ трещинъ до широкихъ полянъ и другіе оттѣнки придаютъ этимъ мѣстамъ много интереснаго *).

Еще интереснѣе были виды горной природы, когда русскія войска поднимались на главный хребетъ и переваливали черезъ него.

Общій видъ мѣстности на южной сторонѣ Кавказскаго хребта тотъ же, въ существенныхъ чертахъ, какъ и на сѣверной, только мѣстность южная представляется еще болѣе пересѣченною. Климатическія условія этой мѣстности самыя разнообразныя.

Не будемъ говорить о подробностяхъ мѣстности на Западномъ Кавказѣ. Мѣстность эта, говоря вообще, столь привлекательная и разнообразная для наблюдателя спокойнаго и для туриста, была исхожена вдоль и поперегъ русскими войсками вовсе не для удовольствія. Не даромъ же слова: «горе, горе,

---

*) В. С. 1864 г. № 11, стр. 156, и В. С. 1866 г. № 5, стр. 27.

гдѣ ты живешь? на Кавказѣ» сдѣлались любимой фразой русскаго солдата. Туристъ, сидя спокойно въ колясқѣ или на хорошемъ конѣ, сытый, обутый, одѣтый и съ сигарою во рту, будетъ только любоваться и наслаждаться кавказскою мѣстностью. Но вотъ, случилось, идетъ голодная, прозябшая и утомленная колонна; не занимаютъ ее виды, она ихъ и не замѣчаетъ; ей хотѣлось бы скорѣй къ мѣсту, да хотя бы кусокъ черстваго хлѣба; но и этого нѣтъ, — она идетъ, идетъ и идетъ, она сыта, одѣта, обута и спокойна лишь словами командира: «спасибо братцы, молодцами идете!»

Или вотъ не хотите ли послушать, какія размышленія и разговоры занимаютъ солдата, когда онъ увидѣлъ море — предѣлъ его давнихъ стремленій и трудовъ. Иной, при видѣ моря въ первый разъ, пришелъ бы въ восторгъ, а солдаты, подходя къ морю, разговаривали: «вотъ хорошо будетъ идти-то дальше, все по ровному да по ровному говорилъ одинъ.

— Да какъ же ты пойдешь по водѣ-то! --спрашиваетъ наивно товарищъ.-- По ней и черти не пройдутъ.

— Эхъ, братъ: служишь, служишь, а не знаешь того, куда гоняютъ нашего брата. Ну, анадысь, лѣзли на гору; вѣдь ты жъ говорилъ, что сюда и черти никогда не ходили; а мы взошли. Вотъ и здѣсь говоришь, что никакой чортъ не пойдетъ по водѣ; а какъ велятъ, братъ, пойдешь, безпремѣнно пойдешь.»

Понятно, что дорога съ препятствіями на мѣстности была жизненнымъ вопросомъ для кавказской арміи. Горы и рѣки — вотъ главные враги войскъ. Вотъ, напр., взбираются войска на высоту Оштена. Гора такъ крута, что приходится ползти на четверенькахъ. Единственная тропинка вьется по скалѣ, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ. Справа глубокая пропасть; стоитъ только неосторожно ступить, поскользнуться, — и несчастный простись съ жизнью. И вотъ дѣйствительно обрывается одинъ, другой, третій... Съ ужасомъ и замираніемъ сердца слѣдятъ товарищи за несчастными. Но снѣгъ болѣе чѣмъ трехсаженной толщины является спасителемъ. Оборвавшійся упирается и врывается въ него ногами, задерживается быстрота движенія, хватается за сучья, и жизнь его спасена. Онъ является среди своихъ товарищей. «При появленіи спасшагося, радостное чувство изглаживало первоначальное впечатлѣніе, оставляя въ памяти зрителей только комическое содержаніе ея.

Вотъ почему и взрывы хохота провожали несчастнаго, который, повязанный платкомъ, шелъ въ колоннѣ, ведя злосчастную лошадь безъ вьюка. Притомъ бывшіе зрители вспоминали, какъ, послѣ всякой попытки остановиться, лошадь переворачивалась черезъ голову, причемъ брызгами разлетались вещицы съ ея вьюка; какъ съ такой же быстротой несся за ней ея вожатый, выдѣлывая разныя штуки, силясь схватиться за что-нибудь; какъ котелокъ, позвякивая рядомъ съ папахою, догонялъ своего владѣтеля; какъ мѣшочекъ, вѣчный спутникъ солдата, развязавшись, въ видѣ рога изобилія, покрывалъ по покатости прыгающіе сухарики и вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелочами замы-

калъ это не совсѣмъ пріятное катанье съ горы. Но вскорѣ новое несчастіе заставляло забывать прежнее» *).

Горныя рѣки нетолько своими нежданными разливами, но и извилистымъ теченіемъ не мало затрудняли войска. Есть, напр., горная рѣчка Хатыпсъ; она такъ извилиста, что, на протяженіи 12 верстъ, войска проходили ее въ бродъ счетомъ 38 разъ!

Климатъ въ горахъ и положеніе войскъ во всѣ времена года.—Осень, зима, весна и лѣто.

Отъ разнообразія мѣстности происходитъ и разнообразіе въ климатѣ; климатъ же, въ свою очередь, былъ несравненно болѣе злымъ и упорнымъ врагомъ русскихъ войскъ на Кавказѣ, чѣмъ мѣстность. Мѣстность, какъ бы она ни была трудна, всегда можно такъ или иначе приспособить къ удобствамъ жизни, но климатъ — дѣло иное, отъ него остается только страдать. Чтобы познакомиться съ кавказскимъ климатомъ и видѣть его вліяніе на дѣйствующія войска, мы прослѣдимъ, въ общихъ чертахъ, климатическія измѣненія на Западномъ Кавказѣ по временамъ года.

Съ сентября мѣсяца въ горахъ начинались сырыя и холодныя ночи; а днемъ почти безпрерывные туманы и проливные дожди дѣлали затруднительными нетолько передвиженія войскъ изъ одной мѣстности въ другую; но иногда даже прекращали всякія сношенія между частными отрядами, осуждая тотъ или другой изъ нихъ на страшную смертность или муки голода, потому что невозможно было подвезти провіанта. Такова была, напр., осень 1864 года для хакучинскаго гарнизона. «Проливные дожди, шедшіе очень долго, дотого наполнили всѣ балки и углубленія, что едва замѣтные прежде ручьи обратились въ непроходимые потоки, а нижнія теченія большихъ рѣкъ произвели страшное опустошеніе, какого не помнили старики: жилища, не стоявшія на значительной высотѣ, были уничтожены, и мѣста эти покрылись водою. Цѣпныя мельницы, прикрѣпленныя цѣпями и расположенныя въ боковыхъ протокахъ, были разбиты въ щепы; почти всѣ мосты по Лабѣ, Бѣлой, Кубани и другимъ рѣкамъ либо совершенно снесены, либо дотого испорчены, что были негодны для проѣздовъ. А бѣдному Хакучинскому редуту выпала еще худшая доля; разливомъ онъ былъ отрѣзанъ совершенно отъ Лазаревскаго укрѣпленія, и если могъ еще сообщаться съ пшехскимъ отрядомъ, то по самымъ труднѣйшимъ и опаснѣйшимъ дорогамъ. Въ это время и пшехскій отрятъ не могъ нетолько помочь товарищамъ, но и самъ находился наканунѣ голода; въ провіантскомъ складѣ оставалось только 16 четвертей, а обозъ, подвезшій провіантъ, стоялъ гдѣ-то далеко за Пшехой, не будучи въ силахъ переѣхать рѣку». **)

Отъ сырыхъ тумановъ, дождей и разлива рѣкъ число больныхъ по вой-

*) В. С. 1866 г. № 4, стр. 262—263.
**) В. С. № 5, стр. 35, 36.

скамъ значительно увеличилось противъ лѣтняго положенія. Лихорадка, злѣйшій врагъ русскихъ войскъ, валила людей сотнями. Въ томъ же Хакучинскомъ укрѣпленіи кладбище постоянно увеличивалось въ своихъ размѣрахъ. Оно занимало уже вдвое болѣе мѣста, чѣмъ самое укрѣпленіе; нѣсколько новыхъ могилъ прибывало каждый день; оставшіеся люди бродили какъ тѣни, ожидая своей участи. «Не болѣе 20-ти человѣкъ въ ротѣ могли дѣйствовать оружіемъ; гарнизоны же двухъ ближайшихъ къ редуту постовъ имѣли: одинъ пять, а другой семь человѣкъ, способныхъ стоять подъ ружьемъ; некому даже было конвоировать колонну за провіантомъ, потому что необходимое прикрытіе потребовало бы всѣхъ способныхъ еще дѣйствовать, оставивъ посты на попеченіе больныхъ, да некому было и распоряжаться: воинскій начальникъ и почти всѣ офицеры въ Хакучинскомъ редутѣ лежали больными» *).

Кромѣ лихорадки, вообще простудныя болѣзни и тифозная горячка свирѣпствовали въ рабочихъ войскахъ; но обстоятельства были таковы, что, несмотря на страшную смертность и убыль въ войскахъ, въ послѣдніе годы кавказской войны, работы не прекращались ни на одинъ день. Солдатамъ приходилось цѣлые дни, стоя въ грязи по-колѣно, долбить каменные утесы.

Хорошо еще, если на мѣстѣ расположенія отряда можно было устроить землянки и бараки, а то бывали и такіе случаи, что войскамъ приходилось въ глубокую осень бродить по грязи, дождю и туману, совсѣмъ не имѣя палатокъ, или же жить въ чемъ-то только похожемъ на палатки. «Въ кавказской войнѣ случалось часто, -- говоритъ г. Введенскій, -- что войска по цѣлому году, а иногда и по два года не видали хатъ и проводили всѣ времена года въ палаткахъ, которыя бывали иногда дотого оборваны, что уподоблялись цыганскимъ шатрамъ. Поэтому -- продолжаетъ онъ -- совершенно несправедливъ упрекъ кавказскимъ войскамъ въ неряшествѣ. Можно ли требовать отъ солдата опрятности, когда онъ съ двумя рубашками въ ранцѣ путешествовалъ цѣлый годъ и часто по два мѣсяца не имѣлъ времени вымыть бѣлье и починить сапоги! Можно ли упрекнуть офицера за сюртукъ грубаго сукна и за лезгинскіе шаравары, когда всякую вещь, взятую въ походъ, можно смѣло считать исключенною изъ своего имущества, потому что все трется, рвется, гніетъ и гораздо раньше срока приходитъ въ негодность?» **).

Иногда бывали и такіе случаи, что войску приходилось ночевать въ ноябрѣ мѣсяцѣ при пронзительномъ холодѣ, на голой землѣ, безъ палатокъ и на утро проснуться заваленными снѣгомъ. «Но все это ни почемъ кавказскому солдату: рюмка водки на утро, и о ночлегѣ ни помину».

Больнымъ и раненымъ приходилось также иногда помѣщаться до послѣднихъ чиселъ ноября не въ баракахъ и землянкахъ, а въ палаткахъ. Зима въ горахъ была дальнѣйшимъ продолженіемъ осени, только въ болѣе суровомъ видѣ. Она не представляла собою ничего постояннаго. Или глубокій

---

*) Тамъ же, стр. 34.
**) В. С. № 8, стр. 176.

снѣгъ и морозы до 25°, или холодный, пронзительный и дотого сильный вѣтеръ, что противъ него не могли устоять нетолько люди и лошади, но и палатки, или страшный ливень, оканчивающійся неудержимымъ разливомъ рѣкъ,—вотъ характеристика горной зимы.

Интересное явленіе, и по впечатлѣнію и по печальнымъ результатамъ для войскъ, представляютъ собою разливы горныхъ рѣкъ и рѣчекъ въ зимнее время. Чтобы познакомиться съ этимъ явленіемъ, представимъ описаніе разлива Бѣлой. «20-го февраля 1862 года началась сильная оттепель: глубокій снѣгъ быстро исчезалъ подъ нами, такъ что, ложась вечеромъ на походную постель, т. е. на мелкій хворостъ, покрытый войлокомъ или буркой, утромъ просыпались футомъ ниже, въ грязной водѣ. 23-го февраля оттепель усилилась и грязные ручьи полились съ горъ въ котловину: тихій и почти безводный ручей Фенс вышелъ изъ береговъ и разлился такъ, что части колонны въ самое короткое время были разобщены. Лагерь мгновенно оживился: всѣ засуетились и начали таскать свой походный скарбъ, помѣщая его на разныхъ возвышенностяхъ и на пняхъ срубленныхъ деревьевъ, въ надеждѣ спасти ихъ отъ похищенія быстрыми потоками. Нѣкоторые солдаты, не успѣвшіе принять подобной предосторожности, подшучивая сами и осыпаемые остротами своихъ товарищей, бродя по-колѣно въ водѣ, ловили и конскую амуницію, и сѣдла, и свои котомки съ подмоченными сухарями, приговаривая: «благо, не долго придется теперь ихъ размачивать.» Но всѣ эти маленькія непріятности были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Шумъ льда по Бѣлой заставилъ невольно всѣхъ посмотрѣть на мостъ: со страхомъ ожидали мы, что съ нимъ будетъ *). Вода въ рѣкѣ быстро прибывала и чрезъ нѣсколько минутъ совершенно покрыла ледорѣзы; еще усиленный напоръ льда,—и крайніе два пролета, изломанные въ щепы, снесены въ рѣку, а вмѣстѣ съ ними сорвано нѣсколько несчастныхъ, не успѣвшихъ заблаговременно оставить мостъ **).

Когда мостъ былъ разрушенъ, войска очутились въ самомъ критическомъ положеніи: о продолженіи похода нечего было и думать. Войска осуждены были рѣшительно на голодъ. Весь провіантъ, при выступленіи взятый только на три дня, въ самый день разрушенія моста израсходованъ. Запасы находились на противоположномъ берегу, на который невозможно было перебраться. Приступили къ постройкѣ моста на козлахъ, но и здѣсь новое затрудненіе: на лѣвомъ берегу, гдѣ находится отрядъ, не было лошадей. «Бревна пришлось таскать людьми, волокомъ, на разстояніи около двухъ верстъ.» «Пять дней продолжалась постройка моста. Солдаты работали неутомимо; имъ не нужны были понужденія или напоминанія; они сами понимали всю

*) Надобно замѣтить, что 21-го февраля по этому мосту только-что переправился отрядъ для дѣйствія на лѣвомъ берегу Бѣлой, а на правомъ оставались всѣ запасы, какъ военные, такъ и провіантскіе.

**) В. С. № 7, стр. 10.

важность скорѣйшаго окончанія работы: лишенія, ими испытываемыя, были лучшимъ ободряющимъ средствомъ. Зато какъ они и работали! Часто случалось, что, стоя по грудь въ холодной водѣ, они устанавливали козлы самымъ тщательнымъ образомъ, скрѣпляя ихъ внизу, и ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго ропота не вырывалось у полуокоченѣлыхъ рабочихъ; напротивъ, веселыя шуточки, остроты и рабочія пѣсенки, «а ну, съ богомъ, разъ!..» слышались кругомъ.»

Прошли сутки послѣ снесенія моста; войска работали новый въ февральской водѣ и грязи, но провіанта не было. Наконецъ, возстановили сообщеніе съ правымъ берегомъ посредствомъ каюка и плота. Но много ли можно было переправить подобнымъ путемъ? Кромѣ того, новое затрудненіе: чтобы не оставить войска безъ пищи, приказано на каюкъ и плотъ ничего не принимать, кромѣ сухарей, а для офицеровъ маленькіе узелки съ чаемъ, сахаромъ и табакомъ; слѣдовательно, о походныхъ палаткахъ и кроватяхъ нечего было и думать; сѣно для лошадей не принимали. Къ этому-же, горцы, зная положеніе русскихъ войскъ, дѣлали неоднократныя попытки окружить и поразить ихъ. «Нужно было видѣть толпу, постоянно тѣснившуюся на берегу Бѣлой. Съ причаломъ къ берегу лодки, всѣ бросались къ ней, и только ярлыкъ, привязанный къ кулю, возвѣщавшій, что сухари принадлежатъ такой-то ротѣ, такого-то батальона, спасалъ ихъ отъ растерзанія. Военная полиція, учрежденная на берегахъ, мало приносила пользы: члены полиціи сами были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, а потому, какъ и всегда, гдѣ рѣчь коснется интереса, злоупотребляли властью. Съ приведеніемъ моста въ такой видъ, что пѣшій кое-какъ могъ пробраться чрезъ него, толкотня на берегу прекратилась, но зато повторилась на мосту, гдѣ, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, надлежало употреблять самыя строгія мѣры за нарушеніе порядка» *).

Вотъ къ какимъ трагико-комическимъ результатамъ въ военномъ дѣлѣ приводитъ иногда случайность! Быть отдѣленнымъ какими-нибудь 50-ю или даже меньше саженями отъ хлѣба, испытать всѣ страданія голода втеченіе пяти дней, стоять цѣлые дни по грудь въ февральской водѣ для устройства моста, таскать за двѣ версты лѣсъ по грязи и сырости, не имѣть ни палатокъ, ни кроватей,—вотъ одна сторона дѣла; ссоры, толкотня и драки на берегу изъ-за привезеннаго сухаря, отчаянныя попытки перебраться по едва державшемуся мосту и усилія каждаго перебить у другого доступъ къ этой жалкой переправѣ, несмотря на самыя строгія полицейскія мѣры, — другая сторона!

Мы описали разливъ Бѣлой; но разливы рѣкъ въ кавказской мѣстности дѣло весьма обыкновенное, ничѣмъ не предотвратимое и часто совершенно неожиданное! Описанный нами случай даетъ только возможность познакомиться съ этимъ явленіемъ.

Да, тяжела въ такой мѣстности зимняя экспедиція. «Кто не былъ

---

*) Тамъ же.

на Кавказѣ, -- говоритъ г. Гейнсъ, -- тотъ едвали себѣ можетъ представить положеніе войскъ зимою. Кавказскій солдатъ мокнетъ и дрогнетъ бывало всю зиму и обсушивался только тогда, когда позволяла сама природа. Перенести же такую зиму, какъ 1863—1864 годовъ, могло только войско, вполнѣ закаленное въ непогодахъ, и люди, такъ плотно сплоченные, какъ русскіе. Безжалостный дождь съ 13-го октября по 11-е декабря шелъ постоянно, съ перерывами самое большое на два дня, и во все это время солдатъ щеголялъ въ мокрой рубашкѣ, проходилъ безпрерывно броды по-колѣно и по-поясъ въ водѣ и останавливался для ночлега въ грязи, смѣшанной со снѣгомъ, прикрываясь только палаткой, а по-временамъ обходясь и безъ нея.

Цѣлыхъ два мѣсяца, почти подъ безпрерывнымъ дождемъ и стоя въ глубокой холодной грязи, солдатъ проводилъ время въ долбленіи и другихъ работахъ по прокладкѣ дорогъ. Все это, взятое вмѣстѣ съ дополненіями, составило такъ-называемую зимнюю экспедицію.

Съ мая и до сентября погода въ разныхъ мѣстностяхъ горъ представляла также рѣзкія и странныя противоположности. Мы уже имѣли случай выше указывать на различіе весенней погоды на Оштенѣ и въ Майконѣ. Общій характеръ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ горахъ — сильные жары, доходившіе иногда до 30°. Лихорадка и лѣтомъ преслѣдовала войска; иногда доходило дотого, что лазареты въ буквальномъ смыслѣ были завалены больными, не доставало хины для поданія первоначальной помощи.

Таково было положеніе дѣйствующихъ войскъ въ послѣдніе годы кавказской войны. Климатъ и мѣстность — вотъ страшные враги, оказавшіеся, однако, безсильными предъ стойкостью русскаго солдата. Поэтому г. Гейнсъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что убыль въ кавказскихъ войскахъ, въ послѣдніе годы войны, собственно отъ военныхъ дѣйствій была ничтожна,— круглымъ числомъ около 22 человѣкъ на батальонъ въ годъ. «Но если кто— прибавляетъ онъ—захочетъ узнать настоящую причину убыли войскъ на Кавказѣ, пусть обратится къ медикамъ, которые сообщатъ, сколько тысячъ больныхъ успѣвало перебывать въ госпиталяхъ втеченіе года. Въ послѣдніе годы не кровью покорялся Кавказъ, а тратою здоровья и силъ солдата. Приходилось въ зимніе морозы и сильнѣйшіе лѣтніе жары быть въ полѣ, въ дѣлахъ на работахъ; каждую весну и осень спать въ глубокой грязи, подъ проливнымъ дождемъ, отъ котораго могли спасти только хорошіе дома, а не полотняныя палатки; круглый годъ долбить скалы и прорубать лѣса, дѣлать страшные переходы, то карабкаясь по кручамъ, то перебираясь черезъ броды во всѣ времена года. Вотъ славныя дѣла и подвиги кавказскихъ воиновъ,—подвиги, стоившіе большихъ жертвъ. Не было роты, въ которой среди лѣта, когда начинаются лихорадки, состояло бы менѣе ста больныхъ. При трудныхъ работахъ или переходахъ количество больныхъ увеличивалось на гораздо большую цифру, и только въ хорошую зиму цифра больныхъ упадала значительно» *).

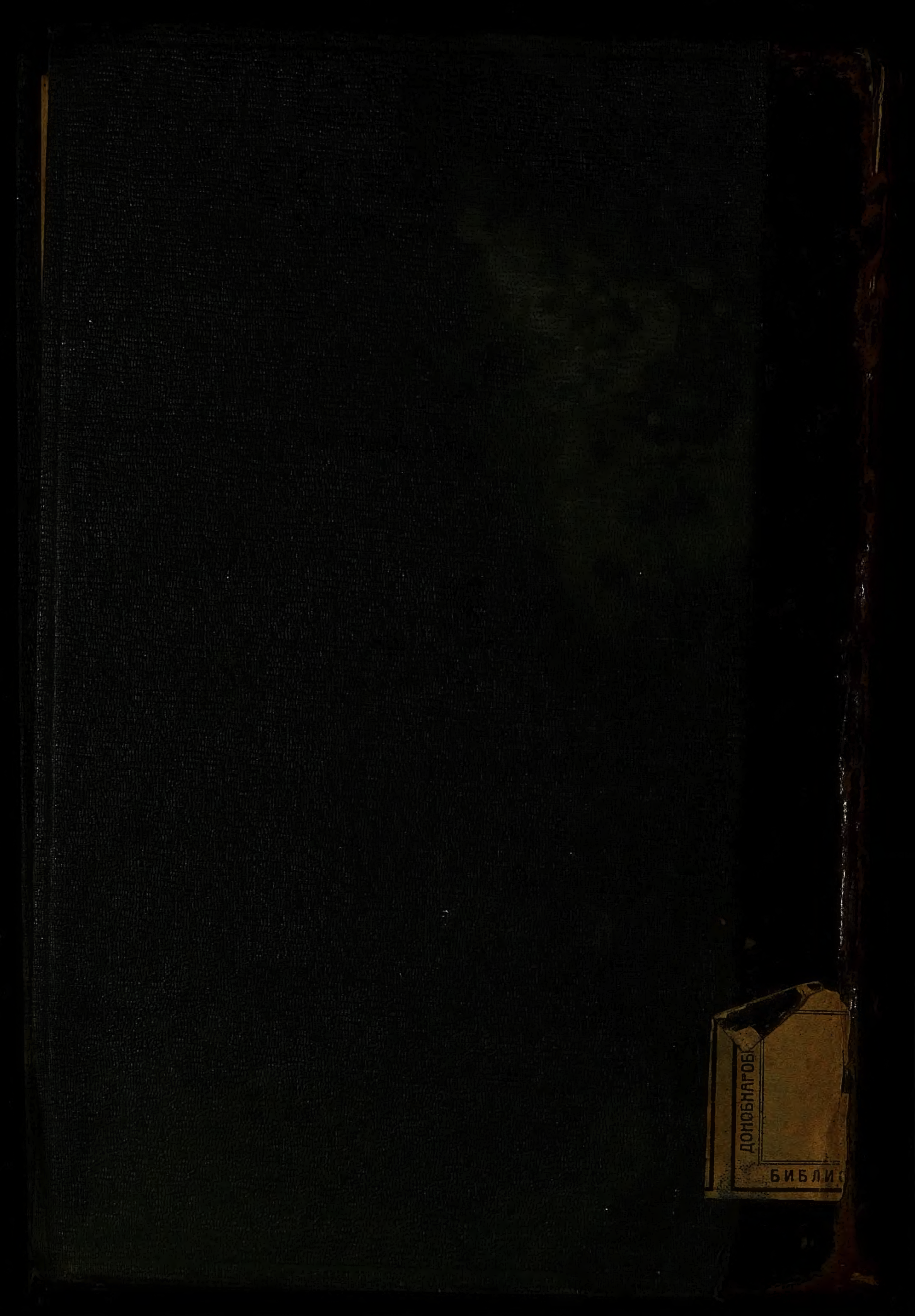
*) В. Сб., № 3, стр. 27.

Принимая во вниманіе вообще характеръ кавказской войны, легко придти къ мысли, что, несмотря на всѣ трудности этой войны, на всѣ жертвы, которыхъ она требовала, она имѣла огромное нравственное вліяніе на армію. Не говоря уже о томъ, что необыковенная стойкость и безпримѣрная выносливость русскаго солдата были закалены въ этой войнѣ и получили значеніе неопровержимаго факта, самое положеніе кавказскаго солдата, на каждомъ шагу окруженнаго разнообразными опасностями, испытаніями, и постоянная смѣна занятій дѣйствовали на него развивающимъ образомъ. То онъ идетъ занимать неизвѣстную мѣстность, гдѣ на каждомъ шагу изъ-за куста, изъ-за камня, или изъ балки грозитъ ему неожиданная смерть; то цѣлый день работаетъ онъ топоромъ и киркой (какая бы ни была погода, прорубая лѣса, прокладывая дороги), устраивая станицы; то на посту или въ станицѣ ждетъ день и ночь нападенія непріятеля; то назначаютъ его въ колонну за провіантомъ, и какихъ-нибудь 20 верстъ онъ идетъ съ разными приключеніями три-четыре дня,—то на фуражировку; то сопровождаетъ по линіи начальника, то конвоируетъ плѣнныхъ, больныхъ и раненыхъ; то охотится за бродящими жителями горъ; то мирно занимается хозяйствомъ въ станицѣ и лагерѣ. Цѣлое утро или цѣлый день провелъ онъ въ трудѣ, радъ-радешенекъ, когда наступитъ время пообѣдать или поужинать сухаремъ; онъ уже расположился отдыхать, вдругъ — выстрѣлы, барабанный бой, крики: «татаре!» Прощай сонъ, спокойствіе: полуодѣтый, или вовсе не одѣтый онъ бросится въ битву. Цѣлый день, при сильной жарѣ, трудится онъ,—накосилъ сѣна для заморенныхъ лошадей: но густой дымъ поднимается надъ покосомъ и всѣ труды его исчезли въ нѣсколько минутъ. Накоситъ онъ опять на слѣдующій день сѣна, и останется при этомъ же сѣнѣ подъ ружьемъ на караулѣ!

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
16	11 сн.	постоящее	пастоящее
17	8 св.	дьяка	дьячка
20	5 св.	окотниковъ	охотниковъ
20	22 св.	останется	останутся
40	2 св.	чихарю	чихирю
51	10 сн.	отъ земла	отъ земли
52	12 сн.	по-татарски	по-татарски
61	1 св.	ва̀лы	валы
66	10 сн.	запатія	занятія
90	6 св.	Магометъ	Магомета
91	1 сн.	Каригофъ	Карлгофъ
98	5 св.	шнивокъ	шнавокъ
98	23 св.	Бекрадзе	Бакрадзе
99	3 сн.	радственными	родственными
105	2 св.	счичается	считается
136	19 св.	пищи	пищи
139	8 св.	шамхапа	шамхала
141	21 св.	муталина	муталима
147	13 св.	Широкая	широкая
164		Отъ Коби до Тифлиса	Отъ Коби до Тифлиса. Тифлисъ
185	1 сн.	аткарство	амкарство
191	15 св.	къ	въ
191	9 сн.	присавленія	исправленія
196	19 св.	хевсуръ	хевсуровъ
196	13 сн.	хевсуровъ	хевсуръ
196	13 сн.	они м..ло думаютъ	онъ мало думаетъ
200	21 св.	хевсуръ	хевсуровъ
206	2 сн.	Вурдзіа	Вардзіа
209	20 сн.	мѣстныхъ	лѣсистыхъ
214	16 сн.	тащутъ	тащатъ
231	5 сн.	tudus	turdus
248	2 сн.	памятники	памятникъ
252	7 сн.	Шахъ-Аббаза	Шахъ-Аббаса
255	18 св.	къ	въ
256	3 св.	либеринтъ	лаберинтъ
256	4 сн.	Шахъ-Аббазъ	Шахъ-Аббасъ
261	11 сн.	попробою	попробую
262	10 сн.	къ	въ
273	5 св.	1822 г.	1722 г.
275	20 сн.	крайнпяя	крайняя
277	21 сн.	Аббазомъ	Аббасомъ

Стран.	Строка.	Напечатано:	Читай:
280	18 сн.	Алешга	Атешга
286	16 св.	Апатѣ	Апапѣ
292	3 св.	тамáдами	тамадàми
292	17 св.	сѣзжаться	съѣзжаться
293	17 св.	приготовленую	приготовленную
298	3 сн.	Края	края
304	12 св.	промыслъ	промысель
306	4 сн.	другъ къ ругу	другъ къ другу
307	1 сн.	всверхъ	сверхъ
317	7 сн.	былъ	было
355	23 сн.	пробужденіемъ	побужденіемъ
358	3 сн.	хлюбъ	хлѣбъ
361	22 сн.	Безобдалвскія	Безобдалскія
362	4 сн.	турманчайскій	туркманчайскій
375	1 сн.	Аминъ-сардарь	Амиръ-сардарь
392	16	неутолимая	неутомимая
395	15 сн.	Меотійскаго озера	Меотійскаго моря
396	12	главнѣйшіе	главнѣйшіе

ДОНОБНАРОБ
БИБЛИ